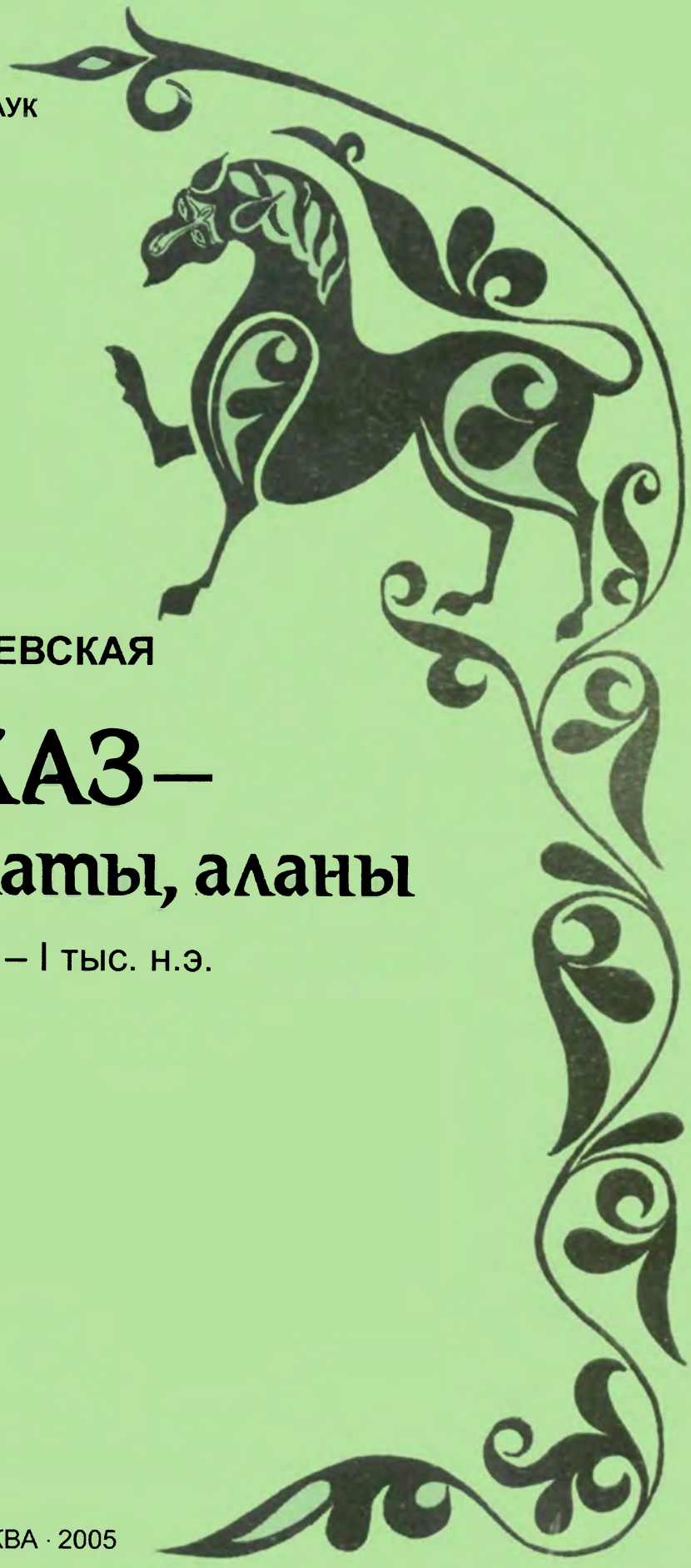
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ



В.Б. КОВАЛЕВСКАЯ

КАВКАЗ – скифы, сарматы, аланы

I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

МОСКВА · 2005

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В.Б. КОВАЛЕВСКАЯ

КАВКАЗ – скифы, сарматы, аланы

I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

МОСКВА · 2005

Р И Издание осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 04-06-87014

УДК 930.26(3).93

Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. 398 с.

В монографии рассматривается процесс формирования современных народов Северного Кавказа – сложный этнокультурный симбиоз многочисленных волн ираноязычных и тюркоязычных кочевников, вторгавшихся в Предкавказье на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., с аборигенным горским населением, обладавшим особым антропологическим типом, ориентированным на устойчивые свойства среды и обладавшим своеобразием и преемственностью культур, стабильностью культурных традиций, прослеживавшихся в различных сферах духовной и материальной жизни древнего населения.

Монография – важный вклад в воссоздание этнокультурной истории Центрального Предкавказья на протяжении двух тысячелетий, работа новаторская по методике и фундаментальная по полученным результатам, опирается на анализ и компьютерное картографирование массового археологического материала.

Воссоздание процесса взаимоотношений и взаимовлияний кавказского, ираноязычного и тюркоязычного населения в разные периоды и в разных обстоятельствах, уяснение механизмов этого взаимовлияния важно не только для истории изучаемого автором региона, но и для реконструкции сходных процессов на других территориях и в другие времена.

ISBN 5-201-14532-9

© Ковалевская В.Б., 2005

ВВЕДЕНИЕ

Формирование современного народа Северного Кавказа представляет сложный этнокультурный симбиоз многочисленных волн ираноязычных и тюркоязычных кочевников, вторгавшихся в Предкавказье на протяжении последних 3-х тысячелетий, с аборигенным населением – кавказским субстратом. В качестве кавказского субстрата мы рассматриваем местное кавказское горское население, отличающееся особым антропологическим типом, ориентированное на устойчивые свойства среды, обладавшее своеобразием и преемственностью культуры, а также стабильностью культурных традиций, прослеживавшихся в различных сферах духовной и материальной жизни древнего населения.

В кавказоведческой литературе в специальных исследованиях не рассматривалось соотношение между кавказским субстратом и различными суперстратами на Северном Кавказе в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. В некоторой степени эта тема, особенно актуальная в условиях разноэтничного населения Кавказа, затрагивалась в ряде обобщающих работ по Северному Кавказу, посвященных историко-культурной и археологической тематике отдельных регионов или более узких хронологических промежутков времени [Крупнов, 1960; Алексеева, 1971, 1992; Кузнецов, 1962, 1986, 1993; Виноградов, 1972; Гадло, 1984, 1994; Иерусалимская, 1992; Абрамова, 1993, 2000; Ковалевская, 1984, 1998а, 2000а, 2001в, 2003; Мошкова, Малашев, 1999; Афанасьев, Рунич, 2001; Малашев В.Ю., 2001, Коробов, 2003; Марковин, Мунчаев, 2003].

Настоящая работа в значительной степени основана на новых, еще не введенных в научный оборот материалах, полученных автором в результате многолетних полевых исследований памятников Северного Кавказа и обработки музейных еще не опубликованных коллекций и архивных документов. Материалы сведены в единую систему, классифицированы, картографированы, компактно представлены в графиках, текстовых, статистических и иллюстративных таблицах. В своей содержательной части работа опирается на критическое обобщение обширной кавказоведческой литературы.

На основании систематизации, анализа и обобщения большого разнохарактерного материала впервые предпринята попытка реконструкции культурно-исторического и социально-экономического развития Центрального Предкавказья на протяжении древности и средневековья – с момента освоения железа вплоть до времени разложения первобытно-общинного строя и сложения раннефеодальных государств. Исследование массового археологического материала основано на привлечении формализованных методов – теории вероятностей, статистики, теории информации, моделирования, теории графов и специализированного отечественного пакета географических программ (GGMag, Datstat, Mapstat). Полученные в результате исследования опорных памятников периодизационные схемы могут быть использованы при работах с хронологическими шкалами большинства раннесредневековых археологических древностей степной и лесостепной зон не только Восточной Европы, но и Крыма, Сибири, Урала, Средней Азии и Западной Европы [Ковалевская, 1979а, б; 1998а, б; 2001б; 2002а].

Современный Кавказ населен людьми разного антропологического типа, относящимися к многим языковым и этническим группам, с присущими каждому из этносов этнографическими особенностями. Кавказские народы прошли разный исторический путь, но при этом их объединяет не только соседство, связь глубже, она внутренняя – корни ее уходят в археологическую древность. Это общее исследователи вычленяют у современных народов в их облике, материальной и духовной культуре, языке и нартском эпосе, в особенностях домостроительства или зооморфной пластики, в кавкасионском антропологическом типе и характере погребальных сооружений, орнаментации керамики и в древних культах. Именно в этом коренится родство

между ираноязычным осетином и ингушом, язык которого относится к восточно-кавказской языковой группе, представителем кавказской семьи языков – сваном и тюркоязычным балкарцем или карачаевцем.

Начнем с антропологических данных. Конечно, история человечества – это не просто цепочка биологических предков, идущая от древности до наших дней, хотя документировать все ее звенья на разных этапах для нас очень важно. Рассмотрим этот вопрос ретроспективно. Современные балкарцы, карачаевцы и осетины относятся к кавкасионскому антропологическому типу, комплекс присущих которому морфологических особенностей существует в горах Центрального Кавказа по меньшей мере уже 3000 лет [Алексеев, 1974, с. 138], однако подчеркнем, что эти вопросы были и остаются дискуссионными [Герасимова, 2003, с. 58].

Очевидно, в горах Кавказа работал еще дополнительно и фактор «психологического стереотипа», когда при заключении браков отдавалось предпочтение людям именно того внешнего облика, который был глубоко традиционен для этих мест.

Кавказский субстрат прослеживается и в языковом материале, входя в осетинский язык «как органический структурный компонент» [Абаев, 1967, с. 19]. Он выявляется в лексике [Абаев, 1959, с. 89], фонетике [Гагкаев, 1967, с. 204), синтаксисе [Абаев, 1967, с. 20], ономастике, топонимике [Цагаева, 1971, с. 209–214], вигезимальном (по двадцаткам) счете и т.д. Правда, исследователи склоняются к тому, что «язык субстрата представляет для нас самую темную страницу истории» [Гагкаев, 1967, с. 203] и на эту тему существуют настолько альтернативные взгляды, что о единодушии, или даже большей доказательности той или иной концепции говорить не приходится. В.И.Абаев предполагает, что «местная, кавказская субстратная среда была... раздробленной и пестрой в языковом отношении» [Абаев, 1967, с. 21]. Причем претендентами на роль субстрата для осетинского языка являются двалы (туалы), восточно- или западнокавказские языки [Абаев, 1959, с. 89], для балкарско-карачаевского очень интересны лексические схождения с иберийско-кавказскими языками и аланский субстрат [Абаев, 1960, с. 127–134].

Положение Ю.В.Бромлея о том, что «традиционная культура любого народа таит в себе следы его долгой истории, его родственных и культурных связей с другими народами» [Бромлей, 1981, с. 129] – залог успешности применения ретроспективного метода.

Проблеме преемственности разновременных культур Кавказа на конкретном археологическом материале посвящены специальные работы [Миллер, 1881; Батчаев, 1973], ей уделялось большое внимание и в обобщающих монографиях [Алексеева, 1963; Крупнов, 1960; Ковалевская, 1984]. Исследователи сумели проследить длительное сохранение ряда элементов культуры от кобанской эпохи I тыс. до н.э. через средневековую аланскую вплоть до недавнего прошлого – стиль зооморфных изображений на подвесках, амулетах, булавках [Крупнов, 1969, с. 33; Техов, 2002, с. 259, 263], орнамент, использование для захоронений каменных ящиков и грунтовых могил, обложенных и перекрытых камнем, отдельные виды керамики, техника ее изготовления и способы орнаментации, культ бога охоты Афсати [Крупнов, 1967, с. 35; Техов, 2002, с. 262].

Результат исследования «кобанского наследия» в средневековой культуре горцев Кавказа справедливо позволил А.А.Миллеру еще в двадцатые годы прошлого века сделать вывод о глубокой древности кобанского субстрата, когда в ряде форм традиционной культуры недавнего прошлого мы можем прослеживать целые комплексы древних форм. Анализ конкретного проявления кавказского субстрата в культуре горцев Центрального Предкавказья (балкарцев, карачаевцев и осетин) привел автора фундированной специальной монографии, посвященной этой же теме, В.М.Батчаева, к необходимости выявления целесообразности «наметившейся в последние годы тенденции более критического подхода к проблеме этнокультурного субстрата, тенденции интерпретировать само понятие субстрата в более широком хронологическом и этнокультурном диапазоне» [Батчаев, 1986, с. 40].

При решении этих вопросов, кроме знания конкретного материала, необходимо применять наряду с сравнительно-типологическим методом также метод ретроспекции, этноархеологии и этнической географии, опираясь на соответствующие разработки, о которых мы скажем ниже.

Для того, чтобы решать проблемы, связанные с Кавказом I тыс. н.э., необходимо под определенным углом зрения углубиться в эпоху I тыс. до н.э., поскольку ряд культурно-исторических явлений уходит корнями именно в это время. Только накладывая на геоморфологическую карту Кавказа ареалы различных погребальных сооружений (каменные ящики и каменные гробницы, грунтовые захоронения и каменные склепы, грунтовые и подкурганные катакомбы) в синхронии и диахронии, мы получаем возможность рассматривать интересующие нас явления в динамике, а не ограничиваться исследованием лишь одного отрезка из длительного хронологического континуума, что получается, когда мы замыкаемся в событиях I тыс. н.э. На протяжении рассматриваемых на страницах данной работы неполных двух тысячелетий (I тыс. до н.э. – I

тыс. н.э.) в Центральном Предкавказье складывались древние общества, культура которых обладала рядом специфических черт, объединяющих племена Центрального Кавказа в единую культурно-историческую общность и отделявших их от обитателей северокавказских и причерноморских степей, Северо-Западного Кавказа (Прикубанье и Черноморское побережье Кавказа), Дагестана и Закавказья. К материалам из этих областей мы будем обращаться только тогда, когда без этого будет непонятен смысл событий, разворачивающихся на изучаемой территории. Эпоха раннего средневековья на Северном Кавказе – это время кипучей военно-политической жизни, перемещения больших масс ирано- и тюркоязычных племен из причерноморских степей, Средней и Центральной Азии, в результате чего сложились те народы Северного Кавказа, которые мы знаем сегодня. Не имея в интересующую нас эпоху своей письменности, эти народы не могли создать собственной письменной исторической традиции, в которой нашли бы отражение события внутренней и международной жизни, сведения о происхождении и о деяниях их правителей. Данные об этом мы можем почерпнуть лишь из скупых строк иноязычных авторов (греческих, латинских, грузинских, арабских и т.д.). Однако следует помнить, что эти сведения отрывочны, а порой и противоречивы, поскольку северокавказские племена упоминаются здесь всего лишь в связи с событиями, которые разворачивались достаточно далеко от интересующих нас мест.

Поэтому основным источником, документирующим жизнь народов Северного Кавказа в этот период, как и в более ранние эпохи, остается археологический материал: следы поселений и древние клады, погребения вождей и массовые могильники рядового населения, орудия труда и предметы вооружения, уникальные произведения прикладного искусства и сотни тысяч фрагментов глиняной посуды, остатки монументальных крепостных сооружений и яркое многоцветье бус... Правда, этот обширный и разнообразный археологический материал до сих пор не сведен полностью в стройную систему, должным образом не классифицирован и не датирован. К тому же специфику подхода к изучению материальной культуры Северного Кавказа (как эпохи переселения народов, так и более раннего времени) составляет то, что часть категорий вещей (предметы вооружения, поясные наборы и т.д.) следует рассматривать на широком фоне материалов Евразии – от Забайкалья до Дуная и от Прикамья до Передней Азии и Балкан [Ковалевская, 1979а; 1998а; 2000а; 2001а; 2002а].

Цель данной работы – не только показать историю культуры и политические отношения местного горского населения и пришлых скифов и сармато-алан на Кавказе с момента появления последних на мировой исторической арене, но и обратить специальное внимание на решение современной наукой методических вопросов, с помощью которых на должном уровне может быть проанализирован основной источник наших построений – археологические данные. На материалах Кавказа документируется очень сложная тема взаимоотношений степных кочевников и местного горского населения.

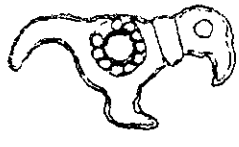
Причем эта тема имеет безусловный географический аспект. На протяжении тысячелетий евразийские степи были зоной кочевий, когда «южные границы кочевнической экспансии и установления тесных контактов между населением степей и горными областями» [Гадло, 1994, с. 34] многократно меняли свое положение. Именно этот процесс в его конкретных проявлениях будет нами рассмотрен на протяжении предлагаемого исследования. Эта тема стала звучать особенно сильно в научной литературе и на кавказоведческих конференциях с середины 80-х годов XX века, когда были пересмотрены старые точки зрения, недостаточно сильно акцентировавшие роль «плоскостной и степной зон в этнокультурной истории Центральной части Северного Кавказа» [Виноградов, 1986, с. 3–11]. Монографические исследования, посвященные этой теме [Гадло, 1979; Ковалевская, 1981, 1984], как отмечал В.Б.Виноградов, следует считать определенным рубежом в решении этой проблемы. Он подчеркивал, что единство вновь предлагаемых взглядов заключалось в оценке межэтнического синтеза (и, добавим, культурных сближений) как движущей силы этногенетических и историко-культурных тенденций, и это «открывает широкие перспективы для понимания вопросов местной археологии I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. ...» [Виноградов, Березин, 1985]. Здесь следует подчеркнуть, что решение данной проблемы своими корнями уходит в материалы исследований эпохи бронзы, но это оказывается вне принятых нами хронологических рамок (а именно I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) и поэтому не рассматривается нами. Ко второй половине I тыс. до н.э. следует относить проникновение сармат в степное Предкавказье и вступление их в тесный контакт с местными племенами Северного Кавказа. Последние века до н.э. ознаменованы здесь активными военными действиями между двумя крупными сарматскими племенными объединениями – сираками и аорсами. Именно из аорсской конфедерации племен, как полагают ряд авторов, выделились аланы, с именем которых историческая традиция связывает все важнейшие события, разворачивающиеся в центральной части Север-

ного Кавказа на протяжении последующих полутора тысяч лет [Скрипкин, 2001, с. 15–41]. Позднее, в эпоху «великого переселения народов», современник событий Евсевий Иероним (IV в. н.э.) писал: «От крайних пределов Меотиды... вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполнили резней и ужасом» [Письмо 77; Буданова, 2000, с. 476]. Для жителя Европы таким крайним пределом казались Меотида (Приазовье) и далекие скалы Кавказа. А между тем до своего появления на берегах Азовского моря гунны прошли тысячеверстный путь из китайского пограничья. Они нарушили неустойчивое, но все же сложившееся равновесие между миром оседлых земледельцев и степных кочевников, сдвинули алан и другие сарматские племена, перекроив таким образом этническую карту Европы. В ходе этих крупнейших передвижений народов степные кочевники достигли берегов Атлантики. Вслед за гуннами мы видим в степях Предкавказья болгар, затем авар, тюркютов, печенегов, мадьяр, половцев... Для Северного Кавказа, вслед за нашествием гуннов, наступила пора владычества тюркского каганата, степь выдвинула болгарскую орду, возник Хазарский каганат, центр которого вначале находился на Кавказе. Перипетии ирано-византийских и арабо-хазарских войн еще активнее вовлекали народы Северного Кавказа в бурный круговорот политической жизни середины и второй половины I тыс. н.э.

Тема происхождения северокавказских народов остается сложнейшей в исследовательском и прежде всего методическом плане. Как оценить удельный вес местного кавказского населения в этногенезе, с какими археологическими культурами древности можно его связывать на разных этапах и вообще позволяет ли археологический материал решать эти вопросы однозначно? Как оценить вклад пришлых ирано- и тюркоязычных племен? В чем и как проявляется (и осуществляется) непрерывная культурная традиция и каков механизм внедрения в нее новых элементов? Как отражаются в материалах археологии передвижение племен, включение (инкорпорация) пришельцев в местную среду, изменение физического типа населения или же победа того или иного языка? Анализ всех этих вопросов и заставляет нас углубиться в I тысячелетие до н.э., время существования кобанской культуры в горах и предгорьях Кавказа.

С другой стороны, необходимо привлечь к решению этих вопросов данные палеоантропологии, генетики и палеогенетики, поскольку тема, связанная с переселением народов, их взаимоотношения с теми народами, которые обитали на этой земле, куда они пришли, – комплексная. При миграциях как сам факт передвижения, так и удельный вес пришельцев могут быть определены только из анализа антропологических или палеогенетических данных. Теоретические разработки последних лет в области археологии, этнографии и культурологии, так же как и опыт применения математических методов для анализа генетического, антропологического и археологического материала, позволяют провести эту работу на современном научном уровне, выявляя закономерности процесса интеграции культуры в ходе взаимодействия присущих ей культурных традиций с различными по происхождению инновациями [Ковалевская, 1995а; 2000а; 2001б, 2002б].

На уровне интерпретации широко использовались данные смежных наук: этнографии, генетики, антропологии, лингвистики, географии. Комплексность подхода и соотнесение и проверка археологических материалов данными письменных источников, а последних – между собой, углубляют информационные возможности археологического материала, делая выводы более обоснованными, однозначными и проверяемыми.



Глава I

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Разработка вопросов изучения археологической культуры, культурных традиций и инноваций

В археологических исследованиях мы оперируем понятиями «археологические источники», показывая, какие из них и в какой мере важны для определения датировки и историко-культурной принадлежности, как они отражают передвижения народов и их социальную структуру, идеологические представления и производственные отношения.

В процессе исследования мы изучаем распределение артефактов во времени и пространстве, правила их упорядочения, что им предшествует, с чем они связаны генетически. Углубление наших представлений о прошлом характеризуется применением все более точных и эффективных методов познания – будь то новые методы датирования, экспериментальные работы, методы математической статистики, помогающие извлечь максимум информации из имеющегося в нашем распоряжении материала. Но, предваряя применение формализованных методов, необходимо создать археологическую классификацию типов на основании устойчивого сочетания признаков, сгруппировать археологические памятники, вещи и явления культуры в соответствующие объединения или системы, имеющие пространственно-временные характеристики, которые принято называть археологическими культурами (далее АК).

Не рассматривая подробно принципов археологической классификации [Ковалевская, 1984, с. 114–121, 1995; Федоров-Давыдов, 1987, с. 148–208; Щапова, 2000][1], остановлюсь только на тех классификациях и их особенностях, которые мы используем в работе при анализе культурной традиции, поскольку классифицирование является специальной процедурой в процессе познания, описания и анализа материала, где однозначно определены единицы анализа, ограничено поле наблюдений, установлены критерии и правила упорядочения материала и правила переходов от одного уровня исследования к другому, т.е. классификация является совокупностью интуитивных и логических действий, которые позволяют археологу относить все изучаемое им разнообразие вещей к определенным классам по ряду четко сгруппированных показателей.

Под интуитивной классификацией понимается такая группировка материала, широко применявшаяся в традиционной археологии, когда исследователь определяет соответствие каждого рассматриваемого предмета «типовому экземпляру», причем степень соответствия не учитывается и принципы выделения «типового экземпляра» не приводятся.

Искусственная классификация (или же аналитическая группировка) ставит своей задачей приведение в систему и описание в компактной форме имеющегося в наличии археологическо-

---

[1] Рассматриваемые ниже вопросы подробно изложены в монографии «Археологическая культура – практика, теория, компьютер» (1995), и все же мы считаем правильным оставить и в данном контексте эти разделы, невзирая на их близость, текстуальную и содержательную, с положениями, подробно там разбираемыми. Литература по этой теме подробно рассмотрена в указанной монографии и в данном тексте приводится очень кратко.

го материала для того, чтобы к нему легко было обращаться исследователям при дальнейшем сопоставлении и анализе. Наиболее ярким примером классификации подобного типа является систематизация массового материала с обширной территории (больше одной или нескольких археологических культур) и широкого временного диапазона. Результатами такой классификации являются «условные типы», иногда мы их называем «минимальными единицами рассмотрения», МЕР, искусственные ячейки служебного назначения.

Естественная классификация является упорядочением рассматриваемого материала во времени и пространстве с поиском естественных в нем разграничений и установлением «культурного типа», приближающегося к «мысленному шаблону» или же «эталону» древнего мастера. В этом случае «тип» не отличается жесткостью, предполагается наличие устойчивого ядра (сочетания ряда определенных признаков) и окрестностей (когда признаки более второстепенные встречаются в различных наборах), т.е. то, что отличает «размытые множества».

Исследования последнего времени убедительно свидетельствуют в пользу того, что отличия между типами классификаций относительны.

При археологическом исследовании наша задача состоит в том, чтобы наиболее точно определить место изучаемого памятника в ряду других (во времени и пространстве), что и означает отнесение данного памятника к определенному локальному варианту и этапу той или иной археологической культуры. В явной или неявной форме, но понятие археологической культуры (АК) присутствует почти в каждом археологическом исследовании. Несмотря на это, настоящее время продолжает характеризоваться отсутствием единства во взглядах по основным вопросам, связанным с интерпретацией археологических материалов в этом ключе. Ставя своей целью дать определение понятия АК, одного из фундаментальных понятий археологии, подчеркнем в нем две стороны: на источниковедческом уровне – объединение в одну систему всех археологических памятников на определенной территории по сходству составляющих их артефактов, а на интерпретационном уровне – решение вопросов изменения во времени и пространстве, генезиса, распространения, соотношения с этносом, языком, антропологическим типом, хозяйственно-культурным типом и т.д. Полное однозначное определение АК должно опираться на уже определенные понятия типа, признаков, археологического источника, «комплекта памятников», «компаунда типов», «сходства», «отличия», входящих в это определение, так же, как на качественные характеристики первых (артефакты) и количественные – вторых (меры сходства, графы сильных связей, расстояния), что должно быть произведено специально. До сих пор исследователи не пришли к определенному решению относительно того, для каких этапов истории можно говорить о наличии археологических культур, каково время существования той или иной АК, то есть, где следует видеть смену археологических культур, а где – этапы одной культуры. Сходный вопрос возникает при определении пространственных границ культуры и соотношения данной АК с ее локальными вариантами. Ведь нельзя же согласиться с таким явлением, когда одним исследователем несколько памятников с очень узкой датой (а бывает и всего один) интерпретируется как особая культура, тогда как другим – эта же группа рассматривается как представляющая определенный этап одного из локальных вариантов культуры (много подобных примеров мы видим, обращаясь к археологии Приуралья; для археологии Кавказа, пожалуй, скорее присуща противоположная тенденция).

В настоящее время количественно непрерывно растет число теоретических работ, специально рассматривающих проблемы археологической культуры. В разных по форме определениях речь идет об одном – об археологических памятниках, сумма, а вернее, сложная динамическая система которых и составляет археологическую культуру.

Критерием выбора признаков, характеризующих АК, является их специфичность для данной АК, конкретность, необходимость полноты списка, возможность использования для них количественных характеристик, узость ареала каждого из них. Выбор производится из всей суммы археологических источников. Сюда входят орудия труда, предметы быта, оружие, керамика и ее орнамент, украшения (особенно женские), характер жилища и его конструктивные детали, очаги, типы могильных сооружений, детали погребального обряда и т.д. Поскольку именно своеобразие ряда конкретных черт позволяет из обширной массы памятников выделить близкие (сходство внутри группы подчеркивается отличием от других групп), АК существуют реально, а не только играют служебную роль для наших построений.

Особую важность представляет вопрос о характере границ между археологическими культурами: они могут быть достаточно четкими, если идут по естественно-географическим рубежам. Например, северная граница кобанской культуры, идущая по пограничью степей и предгорий, прослеживается гораздо лучше, чем западная и восточная, где рубежами являются междуречья, и это нами подробно будет рассмотрено далее. Среди исследователей не утихают споры о том,

являются ли те или иные памятники этого пограничья смешанными (зона контакта двух культур) или же их следует относить к одной из двух граничащих между собой археологических культур [Крупнов, 1960; Виноградов, 1972; Козенкова, 1981, 1989, 1995, 1998, 2002; Марковин, 1984; Марковин, Мунчаев, 2003]. В некоторых случаях между археологическими культурами выявляются «нейтральные зоны», тогда размытые границы приобретают желаемую четкость. Проблема границ между археологическими культурами и членения последних на локальные варианты, так же как и проблема времени существования АК и деления ее на этапы (периоды, стадии), прежде всего упирается в вопрос о мерах сходства и отличия между группами памятников. Коль скоро не введены количественные оценки степени сходства, не определен набор необходимых и достаточных признаков – выделение археологических культур остается операцией произвольной и субъективной. Стоит обратиться к археологической карте Приуралья, пестрящей только для одного раннего средневековья таким обилием «культур», имеющих весьма узкую территорию и время существования, как становится ясным, что сопоставлять эти «культуры» с АК смежных территорий или других периодов просто невозможно в силу их таксономической неравноценности. Собственно, как правильно указал И.С.Каменецкий в полемике с В.Ф.Генингом, хронологические этапы и локальные варианты трактуются в данном случае как отдельные АК [Каменецкий, 1970, с. 24], а этим мы лишаем АК присущего ей развития во времени и изменения в пространстве, рассматривая в статике живую и динамическую систему. Если горизонтальной структурой АК является ее вхождение в ряд: локальный вариант–АК–КИО, то относительно вертикальной ее структуры я не могу согласиться с исследователями, видящими ее как ряд: признак–тип–АК (последнее следует считать внутренней структурой АК). Вертикальной же структурой АК следует считать ее членение на этапы – развитие во времени.

Неразработанность критериев сходства и различия – самое слабое место наших теоретических построений. «Измерение» как основной путь исследования включалось в определение АК еще В.А.Городцовым [Городцов, 1925]. В 1929 г. В.С.Жуков говорил о необходимости «количественного и качественного учета и выделения тех характерных признаков, которые определяют группы» [Жуков, 1929].

В настоящее время в советской и зарубежной археологии существуют многочисленные разработки математико-статистических методов оценки сходства (например, поселений или культурных напластований) по процентному соотношению массового материала [Ковалевская, 1993, 2002б]. Важнейшим орудием исследования в настоящее время является метод картографирования: определение ареалов отдельных признаков, типов вещей и их сочетаний, в результате чего выделяются «культурные провинции», «культурные группы», «культурные круги», на чем мы подробнее остановимся далее при анализе методов компьютерного картографирования. Собственно, в ряде случаев мы видим изолированное рассмотрение двух сторон археологической культуры – развитие ее во времени, периодизация, и изучение ее ареала и локальных вариантов; эти два направления закономерно должны слиться.

Длительную историю имеет вопрос о соотношении археологической культуры и этноса – вопрос весьма важный и сложный. В явной и неявной форме многие определения АК, как это подметил еще М.И.Артамонов, содержали допущение, что рассматриваемая культура являлась культурой определенного народа. В настоящее время этот вопрос стал предметом рассмотрения в этнографической и археологической литературе. Внесена ясность в то, какими важнейшими понятиями современной этнографической науки мы можем оперировать при его решении и с чем, соответственно, можем сопоставлять АК, чтобы сохранить и учесть принятую в этнографии «систему взаимно координированных типологических понятий различного таксономического уровня» [Мелконян, 1976, с. 52]. Прежде всего это понятия «хозяйственно-культурный тип» (ХКТ) и «историко-этнографическая область» (ИЭО).

ХКТ отражает выработанные в процессе исторического развития на основе общности естественно-географических условий «комплексы особенностей хозяйства и культуры». ИЭО выявляет локальную специфику этих систем, когда в силу общности социально-экономического развития, взаимосвязей и взаимовлияний складываются «сходные культурно-бытовые особенности» [Бромлей, 1981, с. 130]. Соотношение археологической культуры с этими этнографическими понятиями весьма различно: АК может соответствовать одному ХКТ или его локальному варианту, иногда же варианты АК соответствуют разным ХКТ. Характерные черты АК могут помочь картографировать ИЭО в древности [Арутюнов, Хазанов, 1976, с. 49–50]. Если же говорить об этнической интерпретации АК, то следует согласиться с тем, что ни в коей мере нельзя выделять «этнос на основе отдельно взятых элементов культуры, будь то погребальный обряд, форма каменных орудий или тип керамики и ее орнаментации» [Арутюнов, Хазанов, там же]. Я уже

неоднократно писала о том, что определение этнической принадлежности носителей отдельных археологических культур древности требует сопоставления археологических материалов с данными лингвистики, письменных источников, антропологии, фольклористики, топонимики, следует использовать ретроспективный и типологический методы, статистические подсчеты, картографию и, главное, рассматривать данную археологическую культуру в динамике и т.д. Но даже в этом случае мы не сможем выйти за рамки гипотетических построений. Мы попытаемся далее конкретно осветить некоторые из тех этногенетических вопросов, которые позволяет ставить археологический материал в сопоставлении с данными письменных источников, палеоантропологии и других наук, чтобы воссоздать отдельные страницы истории племен, населявших Кавказ в древности и раннем средневековье.

В связи с необходимостью решения вопросов происхождения археологической культуры как единой системы и изучения ее дальнейшего развития следует определить генезис основных типов вещей, построить их эволюционные ряды, обозначить характер связи исследуемой культуры с другими одновременными ей и более ранними, оценить ее вклад в сложение последующих культур. Если в археологической науке еще нет «жестко определенной сети предписаний» [Кун, 1975, с. 68] определения понятия и эксплицитно сформулированной общепринятой системы для решения этих вопросов, то существует уже достаточно много эмпирических наблюдений, из анализа и сопоставления которых можно вывести ту бытующую в археологии систему предписаний (концептуальных и методологических, связанных с критикой источников), являющуюся базой для согласования предлагаемых научных объяснений, на чем мы и остановимся ниже.

Вопросы оценки преемственности культуры в последнее время приобрели особо важное значение. В плане интересных для нашего подхода разработок важно уметь отличать источник рассматриваемого сходства как результат различных возможных причин.

1. Как итог действия идентичных условий при типологической общности сравниваемых культур. (Так, например, можно объяснить тот факт, что близкие между собой типологически каменные ящики и гробницы X–VII вв. до н.э. бытовали на обширной территории от Италии на западе до Луристана на востоке).

2. Сходство может быть результатом общего происхождения.

3. Сходство может являться результатом диффузии рассматриваемого культурного явления с другой территории.

В настоящее время в научной литературе существует более 200 определений понятия «культура», которые рассматривают явления либо в рамках культурно-исторической типологии, либо акцентируют в культуре ее функции регулирования (структурно-функциональный анализ).

Культура является целостной, развивающейся и открытой системой, причем развитие это происходит путем сохранения традиций, делающих культуру устойчивой, и внесения в нее инноваций, делающих культуру гибкой; последние на протяжении некоего промежутка времени (одного-двух поколений) превращаются в традицию. Культурную традицию этнографы рассматривают как стереотипизацию социально организованного группового опыта людей, включающую в себя обычаи, ритуалы, технические навыки, регламентированные установления в производстве и искусстве. Важно оценить объективные условия существования традиции в культуре (ведь именно по ним мы выделяем АК), в частности степень длительности ее существования (например, Е.И.Крупнов отмечал длительность использования традиции погребения в каменных гробницах в горах Кавказа со II тыс. до н.э. до XV–XVII вв. н.э.) и степень жесткости стереотипизации опыта. Безусловно, что обновление специальных научно-технических знаний (пример – переход к железному оружию и орудиям труда в памятниках кобанской культуры) происходит значительно быстрее, чем изменения традиционных форм быта, что объясняется ориентированностью культурных традиций на устойчивые стабильные свойства среды, в частности на тип избранной носителем культуры экологической ниши и социального окружения (что далее мы будем проверять наложением ареалов разновременных памятников при использовании компьютерного картографирования). Традиции могут быть универсальными (например, сам факт погребения умершего) или локальными (способы погребения, тип погребального сооружения, или украшения и т.д.).

По своему происхождению культура может быть гомогенной (единой по происхождению) или гетерогенной (смешанной). По соотношению культурной традиции и инновации культура может иметь все градации от «абсолютно консервативной» до «абсолютно новаторской», правда, к сожалению, в настоящее время не предложено каких-либо мер для оценки этого явления,

кроме качественных характеристик актуализации культурного наследия. Культуры или хронологические их этапы можно было бы сравнивать, выделив устойчивое ядро значимых различительных признаков, подсчитывая их в каждом конкретном случае и ранжируя сходство. Другой характеристикой культуры может быть степень ее разнообразия, т.е. количество включенных в нее типов вещей. В том случае, если наблюдается большое число признаков (можно их называть принятым в культурологии термином «культурема») с малой вероятностью каждого из них (что может объясняться поиском форм или большим количеством инноваций, при недостаточно стереотипизированном опыте, выражающемся в достаточно жестких установлениях культурной традиции), мы называем такую культуру «обширной» [Моль, 1973, с.18; Ковалевская, 1984, с. 9–16]. На необходимость максимально дифференцировать те параметры, по которым происходит сравнение, справедливо указывал еще Клод Леви-Стросс, говоря, что необходимо «расчленить культуры на искусственно выделяемые элементы и установить не между самими культурами, а между элементами одного типа внутри различных культур ... взаимоотношения родства и прогрессивной дифференциации» [Леви-Стросс, 1983, с. 10].

При ареальных исследованиях, когда мы наносим несколько признаков на карту (например, различные типы погребальных сооружений) (см. карты 24, 29, 38), сохраняя единство времени, получаем возможность сопоставить эти признаки между собой, акцентируя общее и особенное для каждого из них и характер распределения памятников в зависимости от вертикальной зональности, гидрографической сети и расположения в пространстве. При нанесении однотипных, но разновременных признаков получаем возможность рассматривать явление в развитии, что позволяет ставить вопрос о пути проникновения того или иного явления культуры на данную территорию, направлении и характере движения, в конечном счете, даже имея лишь финальные этапы какого-либо процесса, по характеру изменений во времени можно судить и о начальном моменте и о направлении первоначального импульса (см. карту 39).

Наложение ареалов при диахронии позволяет выделить первичные и вторичные традиции. Продуктивно также наложение ареалов разного типа явлений на одной карте, что подробно будет рассмотрено далее при сравнении ареалов однотипных погребальных сооружений трех крупных хронологических периодов VII–V вв. до н.э., III в. до н.э. – III в. н.э., IV–IX вв.

§ 2. Проблемы датирования

Как и любое историческое исследование, изучение древних и раннесредневековых материалов Кавказа указывает на первостепенную важность вопросов датировок памятников. Совершенно справедливо говорил об этом еще в 1956 г. на научной конференции по археологии Кавказа в Ереване А.А.Иессен: «Нужна дальнейшая работа по систематизации всего материала по хронологическим этапам и локальным культурным группам, без чего невозможен переход к конкретной истории древнего населения Северного Кавказа. Как хронологические, так и территориальные подразделения должны быть детализированы и уточнены» [Иессен, 1956, с. 17].

В этих словах заложена программа дальнейшей деятельности кавказских археологов; действительно, прежде чем пытаться представить себе конкретную историю, мы должны правильно отнести исходные археологические материалы к тому или иному времени и культуре. Последнее возможно, если собран и сведен в систему весь имеющийся в нашем распоряжении материал и однозначно решен вопрос его хронологической и культурной принадлежности.

При решении вопроса датировки различных памятников и культур юго-восточной Европы (салтово-маяцкой, Поволжья, Башкирии и т.д.) аланская хронология представляла «исходные данные для многих хронологических определений» [Артамонов, 1962, с. 361]. Поэтому первоочередной задачей является построение такой периодизации древностей Северного Кавказа, которая опиралась бы на саму себя. Базой подобной периодизации может быть только вся сум-

ма имеющихся в настоящее время памятников и вся масса вещей, причем последние должны быть подвергнуты детальнейшей классификации.

Обращаясь к исследованию хронологии древностей Предкавказья, постараемся остановиться на том новом, что можно внести в эти вопросы как в области методики, так и в области практики датирования. Залогом успеха периодизации является классификация ряда категорий вещей, в которой соблюдается правило максимальной полноты в сборе материала и наиболее детального анализа самих предметов (их качественных и количественных признаков). Классификация, имея своей целью привести в систему многочисленный и очень разнообразный материал, членит его на служебные ячейки, отделы, типы и варианты, имеющие определенную пространственно-временную принадлежность. Артефакты имеют свою линию развития, проходя этапы создания, расцвета и замены их другими, поэтому при использовании их в качестве датирующих признаков важен не просто факт их присутствия, но и количественные характеристики (в этом заключается причина необходимости применения статистических подсчетов, что указывает на степень надежности полученных нами данных). Не только вещи (устойчивое сочетание признаков), но и сами признаки, взятые отдельно (например, типы орнамента, типы отдельных деталей рассматриваемых вещей, конструктивные детали и т.д.), являются определенным хронологическим признаком, часто более чутко реагирующим на какие-то изменения в моде и производстве, и поэтому они служат более тонким инструментом датирования. Но все же типы и признаки вещей могут существовать десятилетия и даже века, а наша задача заключается в том, чтобы прийти к максимально узким датам.

Среди тех археологических явлений, которые находятся в нашем распоряжении, максимально узкой датой (но, как правило, неизвестной нам) является время зарытия клада или совершения погребения в том случае, если оно было одиночным. Такое погребение (закрытый комплекс) характеризуется сочетанием целого ряда категорий вещей и явлений, куда включается погребальный обряд, могильное сооружение, сам костяк и его особенности (например, искусственная деформация черепа), сопутствующий материал наряду с рядом стратиграфических данных, когда исследуемое погребение рассматривается как часть системы, а именно могильника. Факты стратиграфии (а чаще планиграфии могильника) служат существенным основанием для принятия (или подкрепления) определенного мнения о дате комплекса. Базой для построения хронологической шкалы в пределах определенного могильника является вся сумма погребений, упорядоченных на основании взаимного сочетания в них всех категорий вещей. В результате применения тех или иных приемов: от ручного упорядочения комплексов до алгоритмов для ЭВМ, мы упорядочиваем все погребения рассматриваемого нами каждого могильника на одной, в данном случае хронологической, оси. Правда, само упорядочение, подразумевающее обязательную хронологическую последовательность, несет в себе ошибку, поскольку, с одной стороны, те или иные комплексы могут быть одновременны, а с другой, промежутки, разделяющие между собой ту или иную пару расположенных последовательно комплексов, могут быть различны. То есть указанная схема должна была бы быть построена не в двумерном, а в трехмерном пространстве, тогда она была бы наиболее близкой к истине моделью использования могильника (Подробнее см. [Ковалевская, 1984, с. 42–46]).

Гарантией правильности предложенного нами упорядочения должно быть выполнение ряда предварительно поставленных условий:

1. Типы или МЕРы должны сменять друг друга.

2. Должна наблюдаться эволюция вещей (то, что было выдвинуто еще 100 лет назад как правило сопоставления нескольких эволюционных рядов).

3. Должен изменяться процент тех или иных массовых находок (например, соотношение каменных и стеклянных бус, разных типов амулетов и серег и т.д.).

Выполнение этих условий – доказательство того, что предложенная нами типология и упорядочение комплексов правильны. Следующим шагом является попытка внести какие-то опорные даты в конструкцию относительной хронологии для того, чтобы получить даты всех ее звеньев. Если для предшествующего времени опора на монетные находки, ходячую разменную монету, которую клали в погребение (например, для платы Харону за перевоз в царство теней), была обоснованной и правомерность таких дат была доказана массовым материалом, то для исследуемого нами периода на Кавказе положение меняется, поскольку монеты здесь появляются в погребениях, как правило, в качестве украшения, о чем свидетельствуют пробитые отверстия для подвешивания или нашивания на головной убор или одежду. Если обратиться к таблице упорядоченных комплексов могильника Чми (рис.34), где, как мы видим, выдерживаются все три условия (прослежены эволюционные ряды, изменение процента и смена типов),

то в находках монет наблюдаем естественную закономерность: в более ранних комплексах найдены более ранние монеты, в более поздних – более поздние; но этого явно недостаточно для определения абсолютных дат. Наличие монеты лишь гарантирует от неоправданного удревнения памятника – отнесения ко времени ранее момента ее чеканки. Но предложить, к примеру, дату «не ранее VI в.» – еще не значит точно датировать комплекс, так как нам для этого необходимо знать, какой допуск [Афанасьев, 1976, с. 13–14; Афанасьев, Сунич, 2001, с. 36–38] нужно иметь в виду в каждом конкретном случае (а он может колебаться от 50 до 75–150 лет). Поэтому в современной литературе проводится большая исследовательская работа по анализу соотношения данных письменных источников с археологическими данными, чтобы косвенным путем получить даты захвата тех или иных крепостей, переселения больших масс населения и т.д. В книге «Кавказ и аланы» [Ковалевская, 1984] приводится подобный опыт по сопоставлению письменных данных об аланском вожде западных алан Сарозии (Саросиа), деятельность которого приходилась на третью четверть VI в., с появлением в это время цепи крепостей по Кубани и Подкумку и многочисленных катакомбных могильников в окрестностях Кисловодска, верховьях Кубани и западной части Кабардино-Балкарии.

Очень интересны материалы исследований Ю.Н.Воронова крепости Цибилиума на территории Абхазии близ Цебельды и К.Н.Пицхелаури в Череми (Кахети) дворца Вахтанга Горгасала, когда в распоряжении исследователей оказываются строительные горизонты, датированные с точностью до 20 лет, при очень недолгом времени существования древнего памятника середины I тыс. н.э. Поэтому импортные аланские вещи, например, сероглиняные кувшинчики из Цибилиума, служат уточнению даты северокавказских комплексов [Воронов, 2003; там же рис. 43, 186, 211, 321].

Рассмотрим, как происходит обычно хронологическое определение какого-либо вновь изученного памятника. Автор, проводя типологию всего инвентаря, последовательно подбирает к нему аналогии в том материале с сопредельных территорий, который ему известен. В большинстве случаев автор никогда не претендует (и не может претендовать) на то, что предложенные им аналогии являются исчерпывающими, поэтому они играют не самостоятельную роль источника наших знаний, но служат всего лишь косвенным подтверждением тех или иных выводов автора. Выбор этих аналогий обычно случаен, произволен и субъективен, поскольку границы той области, из которой они взяты, очень расплывчаты и определяются знанием (бо́льшим или меньшим) исследователем специальной литературы по данной теме, знакомством с материалом в музеях, степенью опубликованности сравнительного материала. Ученый в своих построениях не обладает количественными критериями как для доказательства своих положений, так и для полемики.

Надежность метода аналогий повышается в том случае, если при датировках исследователь может опираться на весь массив аналогий. Последнее возможно в том случае, если рассматриваемые для датировок категории вещей подверглись подробному (в географическом и хронологическом отношении) исследованию – например, фибулы в работах А.К.Амброза; бусы в работах Е.М.Алексеевой, В.Б.Ковалевской, З.А.Львовой, Ю.Л.Щаповой; оружие в работах А.Ф.Медведева, А.Н.Кирпичникова, В.Н.Каминского; поясные наборы, амулеты в работах В.Б.Ковалевской.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что долгое время основным методом хронологии было сравнение вещей из исследуемого памятника с накопленным к тому времени материалом. Этот сравнительный метод был субъективным, опирался на интуицию исследователя. Метод аналогии может развиваться по ряду направлений. Если автор смог собрать весь массив аналогий для определенной категории вещей определенного региона, то статистическая обработка этого массива может привести к обоснованным датам исследуемого комплекса. Основным условием должна быть полнота аналогий, объективность в их выборе и массовость. Причем аналогии следует приводить не только для отдельных типов и вариантов, но и для признаков вещей. Последнее значительно увеличивает объем и направление поиска, поскольку в археологической литературе очень ограниченно представлены работы, в которых источниковедческий анализ проводился бы не только по детализированной системе, но и с необходимыми количественными данными по списку предложенных признаков для интересующего нас времени. При оценке аналогий особое внимание следует обратить не только на сам факт наличия той или иной аналогии с вещью из надежно датированного комплекса, но и на количество случаев, близких к изучаемым, хотя нет сомнения в том, что аналогии с несколькими комплексами узкой даты всегда кажутся более убедительными, чем с единичными. Правда, в этой связи хочется остановиться на одном вопросе. Обычно мы обращаемся к массовым материалам – бусам, керамике, импортным вещам, монетам и т.д., надеясь найти в них панацею от всех бед, и

кажется, что только недостаток какого-то тонкого инструмента анализа не позволяет нам выявить всю имеющуюся в них информацию. А между тем нас должно было бы насторожить, что интуитивно археолог в своих попытках дробных датировок приходит всегда к поискам редко встречающихся типов и на основании их наличия или сочетания подходит к более узким датам. Казалось бы, это происходит потому, что исследователю легче обозреть этот немногочисленный материал, а причину того, что редкий материал оказывается более говорящим, следует искать только в возможностях исследователя. Но между тем это не так. Анализ редко встречающихся типов (или признаков) среди различных категорий погребального инвентаря и их сочетаний дает больше данных для датировок, это более тонкий и эффективный инструмент, чем массовый археологический материал. Правда, следует отметить, что, во-первых, мы говорим о «редко встречающихся», а не единичных вещах, а, во-вторых, «редко встречающиеся» типы и признаки попадают в поле нашего зрения только в том случае, если мы исследуем большой массив материалов; и, в-третьих, важен не факт их наличия, а те или иные их количественные характеристики. Это касается тех случаев, когда мы рассматриваем средние результаты, полученные из усредненных данных. А в математической статистике давно уже доказано, что даже если сами наблюдения не распределяются нормально, то средние, полученные на их основании, всегда подчиняются нормальному (гауссовому) распределению.

В последнее время и в нашей, и в зарубежной литературе получил распространение количественный метод установления археологической хронологии по сравнению процентного соотношения (а не просто наличия) тех или иных типов вещей (метод сериации или стратификации). Рядом исследователей предложена серия статистических приемов для решения этих вопросов (кумулятивные графики, доверительные интервалы, метод Брейнерда-Робинсона, коэффициент соответствия, трехпольный граф и т.д.) [Деопик-Ковалевская, 1961; Ковалевская, 1965, 1995; Федоров-Давыдов, 1981].

Более дробные временные характеристики, чем даты по аналогиям, можно получить на основании детального анализа взаимосочетания вещей в пределах одного могильника или четко локализованной группы могильников. В результате применения таблиц взаимосочетания вещей и коэффициентов сопряженности в ряде случаев можно перейти от полутора-двухвековых дат времени существования того или иного памятника к периодизации материала по вековым или полувековым этапам. Следует здесь отметить, что анализ редко встречающихся типов (или признаков) и их сочетания является наиболее чувствительным и эффективным инструментом для вопроса датировок. Этим же целям более дробной датировки служит наблюдение над параллельными эволюционными рядами, изученными для различных категорий вещей. Иногда эта эволюция вещей может быть наблюдаема визуально, иногда же она может быть оценена количественно методами теории информации (например, схематизация прорезной орнаментации кавказских и европейских поясных наборов от изображения человеческого лица к геометрической орнаментации оценивается через минимализацию избыточности) [Kovalevskaja, 1970; Ковалевская, 1970, 1995, 2000а].

Хронологическая последовательность погребений могильников и упорядочение их в хронологические группы при достаточно большом числе как погребений, так и происходящих из них вещей может быть получена при использовании компьютеров на основании эвристического алгоритма Ю.Е.Храмова. В тексте работы наши хронологические построения опираются на результаты анализа матриц квазитреугольного вида для эталонных памятников Центрального Предкавказья (Мокрая Балка, Чми, Гоуст, Архон и др.), методов кластерного, факторного анализа и сериации.

Глава II

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КАВКАЗЕ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ И КОМПЬЮТЕРНОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ

Кавказ в с ринима ся ревним ав рами режде всего как «огромная гора» и это отражало специфику его ландшафта), а также как «край мира», что характеризовало его местоположение для авторов, которые видели его с юга (из Передней Азии и Закавказья) или с юго-запада – с берегов Черного моря, от легендарной Колхиды. В античной историко-географической литературе сведения о нем, расширяясь и углубляясь по мере роста географических знаний авторов древности, претерпевают определенные изменения, хотя традиционность представлений прослеживается довольно наглядно на протяжении тысячелетия - с середины I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. Как справедливо писал Прокопий, в связи с определением границы между Европой и Азией, «по большей части все люди, проникшись каким-либо учением, восходящим к древним временам, упорно придерживаются его, не желая уже работать над дальнейшим исследованием истины и переучиваться в этом вопросе и принимать во внимание новые точки зрения: для них всегда все более древнее кажется правильным и заслуживающим уважения, а то, что является в их время, они считают достойным презрения и смехотворным» [Proc., De bello Got., VIII, с. 9–10].

Для Геродота Кавказ – «самая обширная и высокая из всех горных цепей» [Herod., I, 203]. При этом большинству античных авторов последний представлялся частью единой системы, протянувшейся от Индии на востоке до Балкан на западе [Mela Chorg., I, 81; Oros, 1, 2, 36–47; Иордан, 1960, с. 75, 205], причем Феофилакт Симокатта так и пишет: «восточные горы, иначе называемые Кавказом» [Theop. Simoc., 2, 1, 3]. Огромное влияние на раннесредневековых авторов оказали сведения о Кавказе, собранные и обобщенные Страбоном, который, глядя на Кавказ из Малой Азии и мысленно пересекая главный водораздельный хребет, рисует смену ландшафтных зон почти в тех же выражениях, что и современные географы: «Эта гора возвышается над обоими морями – Понтийским и Каспийским, перегораживая как бы стеной разделяющий их перешеек. Гора отделяет с юга Албанию и Иберию, а с севера – сарматские равнины. Она покрыта лесами из всевозможных пород и в особенности корабельным лесом» [Strab., XI, II, 15]. Затем, конкретизируя картину, он описывает «вершины недоступных гор, покрытые и летом снегом и льдом, с которых, спускаясь к предгорьям, попадаем в область, расположенную севернее, но с более мягким климатом... Эта область прилегает к равнинам сираков... Далее следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем ...» [Strab., XI, V, 7–8].

Для эпохи раннего средневековья развитие географических представлений о Кавказе мы можем проследить по данным Иордана и Прокопия (последний находился в Лазике во время ирано-византийских войн). Они добавили к сведениям, почерпнутым из древней и современной для них литературы, личные впечатления: «Эти Кавказские горы вздымаются так высоко, что их вершин не касаются ни дожди, ни снегопады; они выше всяких туч. Начиная от середины и до самой вершины они сплошь покрыты снегом, предгорья же их и у подошвы очень высоки, их пики ничуть не ниже, чем у других гор» [Proc., De bello Got., IV, 3, 1–4].

Прокопию вторит Иордан: «Где он (Кавказский хребет, Mons Caucasi – *В.К.*) обращен на юг, он пламенеет исходя парами на Солнце; там же, где он открыт к северу, он покорствует студеным

ветрам и обледенению» [Иордан, 1960, с. 153]. Или же: «Кавказский хребет, огромный и обширный, едва ли не величайший из всех, вознося высокие свои вершины, представляет народам неодолимые укрепления, воздвигнутые природой» [Иордан, 1960, с. 76]. Феофилакт Симокатта подчеркивает, что «в местностях Скифии, прилегающей к Кавказу, каждый год по прошествии определенного времени бывает сильный снегопад, и снег идет непрерывно в течение многих дней» [Theop. Simoc., 7, XVII, 41]. В арабской географической литературе сведения о Кавказе, почерпнутые из литературных источников, дополняются свидетельствами путешественников. К середине IX в. через Кавказ в Хазарию совершил путешествие Саллам ат Тарджуман, владевший 30 языками, описавший свое путешествие халифу ал-Васиху в специальном донесении, ставшем известным Ибн-Хордадбеху [Заходер, 1962, 38] и Муслим ибн Абу Муслим ал Джарми, чьи сведения сохранились у Масуди. Так же, как и античные авторы, арабы считали Кавказ частью единой цепи от Пиренеев до Индии. Как писал около 903 г. Ибн-аль-Факих, «Длина гор Кабк – 500 фарсахов, простираются они по землям Рума до пределов хазар и Ал-Лан и тянутся в землю славян». У Масуди (род. в 915 г.) в его знаменитой книге «Луга золота и рудники драгоценных камней» 7-я глава носит название «Описание горы Кабк и сообщения о народах Ал-Лан и хазар и разного рода тюрок (алтурк) и болгар (известие о Баб-ал-Абвабе и кто вокруг из их царей и народов»[1]. Начинается она с описания горы Кабк: «Гора великая и цепь ее – хребет достойный; объединяет множество из государств и народов. В этих горах считают 72 народа, у каждого из которых свой царь и язык, разнящийся от других. В этих горах есть ущелья и долины». У ряда авторов гора Кабк (например, у аль-Баладури) описывается как гора ворот (крепостей – *В.К.*) хазарских и аланских. В Худуд-ал-Алам, персидском анониме X в., обращено внимание на направление гор между Каспийским и Черным морями, и на роль их как водораздела: «И вот она (горная цепь) поворачивает к западу и идет между серирами и хазарами до начала пределов аланов, затем идет прямо к северу до конца (пределов) хазар, затем она пересекает область хазарских печенегов и отделяет внутренних булгар от русов...» [Заходер, 1962, с. 98]. Конкретные географические описания, в которых чувствуются итинерарии, находим мы у Гардизи: «Если выйти из страны серира, то надо идти три дня по горам и лугам до страны алан... От границы его (Алан – *В.К.*) владений надо идти 10 дней мимо деревьев, через реки и цветущие места до крепости, которую называют Аланскими воротами» (перевод В.В.Бартольда). Очень интересно упоминание у Гардизи «большой горы» во владениях в.н.н.д.р. [Заходер, 1962, с. 99].

Обобщая эти представления древних историков и географов, мы видим, что они знали направление Кавказских гор (от Черного моря к Каспийскому), их высоту и неприступность, наличие проходов через них (об этом смотри далее) и ряда параллельных хребтов; им было известно, что на севере горы постепенно переходят в предгорья, сменяющиеся равнинами. В пределах Кавказа древние историки выделяли следующие крупные области: Закавказье (достаточно хорошо известное древним и средневековым авторам, поскольку именно оно было плацдармом военных действий); горы Большого Кавказа, предгорья и равнины Северного Кавказа, переходящие в побережье указанных морей; знали древние авторы (но уже менее детально) и о крупнейших реках Кавказа – Кубани (лучше) и Тереке (значительно хуже).

Сопоставим эти данные с представлениями современной географии о членении Северного Кавказа. В начале XX в. В.Семенов-Тян-Шанский, подчеркивая важность изучения «поверхностных образований в связи с рельефом, климатом и растительностью» [Семенов-Тян-Шанский, 1915, с. 2], для Северного Кавказа выделял область Предкавказья, а также Западную и Восточную части Главного Кавказского хребта.

Такой системный подход продуктивен не только для географии, но и для археологии. Для нашей работы особое значение имеет геоморфологическое районирование Большого Кавказа, предложенное геологом И.Щукиным в 1926 г. (карта 23)[2]. Мы остановимся только на той территории, которая является предметом нашего рассмотрения. На западе границы ее – междуречье Лабы и Урупа, на севере – пограничье со степью, на востоке – границы с Дагестаном, на юге – водораздельный Кавказский хребет. По районированию И.Щукина в этих пределах выделяются следующие геоморфологические районы (с юга на север): Большой Кавказ, который членится на кристаллическую западную высокогорную область от верховьев Псекупса на западе до

---

[1] Поскольку большинство работ арабских географов относительно истории нашей страны еще ждет квалифицированного перевода и издания, я пользуюсь дословными переводами, сделанными мною при научной консультации В.М.Белкина и сопоставленными с имеющимися переводами на различные европейские языки.

[2] В нашем исследовании особое место занимает использование картографического метода и пространственный анализ. Для карт, как значковых, так ареальных и компьютерных, мы предлагаем отдельную от рисунков нумерацию: карты 1, 2 и т.д., с выделением а, б, в, г.

Дарьяльского ущелья на востоке, включающую в себя междуторье между Скалистым и Главным Кавказским хребтом, и восточную часть – высокогорную сланцево-песчаниковую область Среднего Кавказа.

Центральный гранитно-гнейсовый массив с типичными для него острыми вершинами и зубчатыми гребнями является водоразделом в западной части этой территории, а в восточной (Северная Осетия) прорезан поперечными ущельями, и в этой части водоразделом служит более южный хребет. Многие долины рек (Кубани, Марухи, Аксаута и их притоков), как поперечные, так и боковые, имеют характер трогов и долин с широким корытообразным дном, постепенно переходящим в крутые склоны, за которыми следуют перелом (край трога более четко выражен в гранитах и известняках, чем в сланцах) и пологая террасовидная площадка; иногда в дно трога врезана узкая речная долина. Эти особенности ландшафта определяют тип археологических памятников и их расположение. В целом высокогорная зона слабо насыщена археологическими памятниками и слабо исследована, что позволяет надеяться на расширение наших знаний при увеличении фронта работ.

К северу от Скалистого хребта простирается куэстовая область северного склона Большого Кавказа. В геологическом прошлом – это равнина, сложенная осадочными породами, пологого наклонения с юго-запада на северо-восток. Стекающие с Большого Кавказа реки прорезали ее глубокими долинами, расширяясь в местах залегания мягких пород и образуя теснины с отвесными стенами в твердых породах. Поверхности куэсты представляют собой плато, покрытые степной растительностью и создающие полную иллюзию бесконечных степных просторов. Однако географы справедливо подчеркивают, что на всю область куэст нельзя распространять понятие «предгорья», поскольку на севере они незаметно сливаются с равнинами Предкавказья, а их южные гребни поднимаются выше уровня снегов и представляют собой высокогорья.

Куэсты – прекрасные пастбища для скота – представляют хорошие условия для террасного земледелия. Именно здесь сконцентрирована основная масса раннесредневековых археологических памятников, что мы рассмотрим позднее. Северная часть уступов отличается мягкими очертаниями – холмистый рельеф с лесистыми балками (это «реки и цветущие места» – у Гардизи), зона Черных гор. К югу обращены скалистые стены с отвесными обрывами. Их специфику составляет наличие в известняках и песчаниках меловой эпохи западной зоны куэст многочисленных ниш, выдувов и пещер, как правило, расположенных в склонах, обращенных на юг и часто использовавшихся для скальных захоронений в эпоху раннего средневековья и для жизни – в более позднее и раннее время.

Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби, описывая ущелья в верховьях Подкумка, сообщает: «В этих ущельях (протекают) реки с живой водой и (имеются) обширные луга с (богатой) растительностью... по обе стороны от ущелий возвышаются до небес отвесные красноватые скалы, страшные скалы с гнездами орлов, коршунов и соколов, и в этих скалах есть несколько тысяч пещер [Эвлия Челеби, 1979, с. 90]. От уже названной области достаточно резко отличается сланцево-песчаниковая область Среднего и Восточного Кавказа, сменяющая к востоку от Терека зону куэст и иначе называемая переходной куэстово-складчатой областью. Северная предгорная зона – это холмы мягких очертаний (глины, мергели, песчаники), покрытые лесом и повышающиеся к югу; южная (с меловыми и верхнеюрскими отложениями) – хребты с острыми зубчатыми гребнями, прорезанными бурными горными реками, долины которых, как и на западе, представляют чередование узких теснин (где тропинки вьются вдоль карнизов почти отвесных скал и реку можно переходить только по висячим мостикам) с расширенными котловинами (например, Ассинская). Там прослеживается ряд террас, верхние из которых расположены на высотах трехсот-четырехсот метров над современным уровнем реки.

Особо выделяется географами вулканическая область Пятигорья, ограниченная на юге хребтами Джинала и Боргустана, а на севере – Ставропольской возвышенностью. Она как бы оказывается северным форпостом зоны куэст, выдвинутым в Предкавказье, в область степей и равнин, место географически обусловленного усиленного контакта степных кочевников с горцами.

Некоторые географы [Виленкин, 1955] при районировании Центрального Кавказа акцентируют внимание на меридиональных границах, проходящих по водоразделам – Терско-Кубанскому и Терско-Сунженскому, выделяя таким образом Западный, Центральный и Восточный Кавказ (карта 23) [Ковалевская, 1995, рис. 23,24]. При этом широтные ландшафтные границы фактически игнорируются, а горные области и предгорья рассматриваются как нечто цельное. Такое членение, принятое в географической литературе середины XX в., не могло не повлиять (и добавим – отрицательно) на обобщающие работы по археологии Северного Кавказа.

Если различия между равнинными и горно-предгорными областями очевидны географически и столь же наглядно прослеживаются в археологическом материале [Крупнов, 1960, с. 5;

Марковин, 1960, с. 118; Марковин, Мунчаев, 2003, с. 12–14], то значительно менее четко (особенно в связи с неравномерной изученностью горных территорий) сказывался ландшафтный подход при изучении археологии предгорных и горных районов Кавказа. Это существенно повлияло на содержание дискуссий 70–80 гг. прошлого века по поводу выделения локальных вариантов кобанской и аланской культур [Чеченов, 1969, с. 107–111; Виноградов , 1972, с. 184–264; Кузнецов, 1962, с. 120–122; Козенкова, 1981; 1995; Ковалевская, 1981, с. 84; 1984, с. 57; Абрамова, 1993; Марковин, Мунчаев, 2003, с. 159]. Как мы видели, пересеченные долинами предгорья с вытянутыми в широтном направлении хребтами членятся самими природными условиями на ряд поясов, представляющих различные экологические ниши, по-разному использовавшиеся древними людьми в разные исторические периоды. Например, сплошное обследование правых притоков Подкумка в районе Малого Карачая и Кисловодска показало, что памятники кобанской культуры чаще располагались в долинах, на конусах выноса малых притоков, тогда как цепь раннесредневековых крепостей занимает мысы высокого берега тех же глубоких долин, причем разница в высотных отметках между этими памятниками может составлять от десятков метров в нижнем течении реки до сотни метров в ее верховьях. Вызвано это тем, что долины удобны для земледелия, тогда как остепненные луга на водораздельных плато – превосходные пастбища и сенокосы. Склоны, как показывают последние полевые исследования И.А.Аржанцевой [Аржанцева и др., 1998, с. 12–13; 2004, с. 8] в окрестностях Кисловодска, были искусственно террасированы, а оценка биопродуктивности землепользования и анализ космических карт, произведенный Г.Е.Афанасьевым, показывают, что земли использовались для земледелия [Афанасьев, 2004, с. 13, 14].

Рассмотрение этнической истории и археологии Кавказа в ключе принятых на данный момент географических представлений традиционно для отечественного кавказоведения [Амирханов, 2003, с. 4–5]. Мы же столь подробно анализировали принципы подхода к географическому районированию Кавказа с целью выяснения того, какую географическую сетку целесообразнее накладывать на исследуемый нами археологический материал, чтобы она помогла его анализу и исторической интерпретации, когда любая совокупность памятников может найти в ней соответствующую ячейку, обусловленную географически и исторически.

В этой связи следует остановиться на членениях, принятых для Кавказа в географии. В частности, необходимо рассмотреть, как решается вопрос о выделении в пределах Северного Кавказа (или Предкавказья) северо-западного, центрального и северо-восточного регионов и что следует включать в понятие «Центральное Предкавказье».

В недавнее время этот вопрос был специально рассмотрен В.А.Поповым в статье «Об археологическом и географическом понятии «Центральное Предкавказье» [Попов, 2002, с. 104–107], где автор показывает, в каких границах разными исследователями (как географами, так и археологами) рассматривается этот регион. Сопоставляя позиции разных исследователей, пользовавшихся этим термином [Крупнов, 1960; Гадло, 1979; Ковалевская, 1981; Абрамова, 1993; Савенко, 1994], В.А.Попов приводит нас к тому, что в данное географическое понятие разными авторами вкладывается разное содержание. Поскольку археологи в своих построениях зависят от представлений географов и опираются на их выводы, а в среде последних не наблюдается единой точки зрения, приходится с сожалением отметить, что мы лишены необходимой опоры. Поэтому в целях единообразия следует в каждом случае, определяя то пространство, которое является предметом исследования, четко очерчивать принятые границы, отмечать ландшафтные зоны и оперировать наиболее общей географической характеристикой, в данном случае термином Северный Кавказ. Тогда центральная часть Северного Кавказа, в которую могут быть включены равнины, предгорья и горы, будет приближенно соответствовать Центральному Предкавказью при его расширительном толковании.

Но есть еще одна сторона наших реконструкций исторического процесса на Северном Кавказе на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., в которой нам следует использовать опыт наук о Земле. Она касается исследования палеоклимата Земли, в частности климата голоцена, где, благодаря применению современной компьютерной техники, в последнее время удалось существенно углубить и статистически обосновать те научные идеи, которые позволяют строить модели для определенных территорий и определенного времени [Кислов, 2001, с. 3–4, 110 и др.]. Эпоху голоцена, протяженность которого составляет 10–12 тысяч лет, характеризует теплый климат с несколькими глобальными потеплениями. Для нас важно, что интересующий нас отрезок времени (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) представляет собой последовательность эпохи так называемого «похолодания железного века» (со второй трети I тыс. до н.э. до первых веков I тыс. н.э.);

переходной эпохи улучшения климата III/IV – VII/VIII вв., средневековой теплой эпохи (VIII–XII вв.), сменяющейся переходной эпохой ухудшения климата XIII–XIV вв. и «малой ледниковой эпохой» XV–XIX вв. В пределах этого направленного процесса изменения климата выделяются кратковременные (от 40 до сотни лет) моменты изменчивости климата (нерегулярные флуктуации) в ту или иную сторону [Кислов, 2001, с. 185], которые очень важно выделить и сопоставить с течением этнокультурной жизни на изучаемом пространстве. Необходимость в этом неоднократно была отмечена исследователями, но только в настоящее время можно провести подобные сопоставления на должном научном уровне.

Исследователями разных стран созданы многочисленные климатические модели, опирающиеся на планетарные распределения различных климатических параметров, таких как приток солнечной энергии, газовый состав атмосферы, направление циклонов, состояние ледниковых щитов, океана и т.д. Все эти параметры могут быть приведены в форму, удобную для прямого сравнения [Кислов, 2001, с. 203–204]. Для анализа меняющихся во времени показателей климата Каспийско-Черноморского междуморья наглядным индикатором гидрологических процессов является уровень Каспийского моря [Кислов, 2001, с. 241]. Специальное внимание к этому вопросу, начиная с середины XX в., находим мы в трудах Л.С.Берга (1949), А.В.Шнитникова (1954), Л.Н.Гумилева (1963–1993) и других исследователей, что отражено в специальных сборниках «Колебания уровня Каспийского моря» (1956) и «Колебания увлажненности арало-каспийского региона в голоцене» (1980), определивших дальнейшее развитие науки в этом направлении.

Исследования этой темы опираются на выводы палеоботаники и палинологии [Колебания увлажненности. Абрамова, 1980, с. 71; там же, Вронский, с. 74–75], на исследование направления движения циклонов [там же, Гумилев, рис. 1], изучение степени активности солнечной радиации и т.д. Как результат мы получаем данные, позволяющие выделять некие поворотные моменты в более широких фазах. Так, например, в SA1 почти тысячелетней протяженности фазе («похолодание железного века») выделяется первая половина, характеризовавшаяся более сухим климатом, более низким уровнем Каспийского моря [там же, с. 34]. С рубежа нашей эры, и это находит параллели в археологических материалах, климат становится более влажным, а уровень Каспийского моря поднимается на три метра. Интересно, что это же чередование субфазы A_1 и A_2 В.П.Гричук отмечает для Малого Кавказа [там же, Гричук, с. 65], подчеркивая, что при экстремальной фазе во II в. н.э. на обоих склонах Малого Кавказа температура самого холодного и теплого месяцев была на 4–5° выше современных показателей, а годовая сумма осадков в полтора раза превышала их современное количество (там же, с. 70).

То, о чем мы сказали, это достаточно грубые ориентиры, но важно, что уже сегодня можно строить климатические модели, четко привязанные к достаточно узкой территории и определенному промежутку времени в прошлом на основании всей суммы климатических параметров, помня о том, что «повсеместно в горных районах модельные климатические показатели сильнее отличаются от реальных, чем на равнинах» [Кислов, 2001, с. 157]. Надежность и обоснованность климатических моделей позволяет не только климатологам пользоваться археологическими материалами и наоборот, но является залогом успешных комплексных исследований для реконструкции хозяйственной деятельности населения в разные моменты истории при наличии информации о климатических изменениях в ту или иную сторону.

Анализируя и интерпретируя любой факт и явление археологической действительности, мы видим его некоторой точкой в пространстве и времени. Зная его многоаспектность, мы направляем свои усилия на извлечение максимума информации, применяя весь доступный нам набор традиционных, естественно-научных и математических приемов и методов. Специальная литература на эту тему обширна, поскольку ряд подходов конституировался в отдельные направления как в отечественной, так и в зарубежной науке, что было мною подробно рассмотрено относительно недавно [Ковалевская, 1995].

В данном разделе монографии я остановлюсь только на опыте компьютерного анализа распространения в пространстве массового археологического материала на примере исследования северокавказских и восточноевропейских материалов I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., обработанных в ходе многолетних исследований в контакте со специалистами разного профиля (археологи, математики, генетики, программисты, антропологи) при поддержке Международного научного фонда, РГНФ и РФФИ. Результаты этих исследований опубликованы на протяжении последних десяти лет в двух монографиях, десятках статей и ряде докладов. В них на конкретном материале рассмотрены основные принципы построения, чтения и сравнения компьютерных

карт, оценены разрешающие возможности в их интерпретации, показано их качественное отличие от традиционных значковых и ареальных карт. Это и облегчает и усложняет мое положение сегодня. Характеристика использованных географических программ уже была дана, но конкретные разработки, построенные на разновременном и разноприродном материале, имели разного читателя и были изданы в различных научных центрах[3]. В данном случае мне предстоит в большой степени повторить основные методические положения, рассмотренные ранее, в чем я приношу свои извинения читателям, и подвести некоторые итоги работ автора и ряда исследователей в указанном направлении.

Прежде всего остановлюсь на обстоятельстве и этапах использования в археологических исследованиях геногеографического компьютерного картографирования, разрабатываемого в лаборатории генетики человека ИОГен РАН проф. Ю.Г.Рычковым и его коллегами с середины 1980-х годов [Рычков, 1984, с. 11–16; Рычков, Балановская, 1992, с. 52–75].

Первым опытом обращения к проблеме использования карт в качестве самостоятельного источника новой информации была совместная работа автора с Ю.Г.Рычковым, посвященная этнокультурной ситуации на Кавказе, исследованной на основании сопоставления геногеографических и археологических карт, когда работа по сопоставлению на большом материале привела к выводу, что: «Главное в этих сопоставлениях состоит в том, что географии практически каждого крупного культурного явления в древней истории Кавказа можно найти соответствие в географическом распределении той или иной группы генов в генофонде современного населения. Тем самым географическое распределение такой группы генов является современным следом древних передвижений носителей этих генов и соответствующих культурных традиций» [Ковалевская, Рычков, 1996, с. 153].

С 1995 г. начата работа по специальной адаптации пакета географических программ GGMAG, Datstat и Mapstat, разрабатывающихся в лаборатории генетики человека ИОГен РАН применительно к анализу археологических данных [Грехова, Балановская, Рычков, 1996, с. 286–304]. Возможность такой адаптации основывалась на явном соответствии руководящих признаков в археологическом исследовании гену в геногеографическом исследовании. Общим являлась массовость и разнообразие признаков и возможность выразить их через частоту, выявить характер пространственного распределения признаков с их локальными максимумами и минимумами в зависимости от изменения концентрации признака. Отличие заключается в том, что анализ распространения гена в генофонде подчиняется статистическим закономерностям и мерилам, используемым в естественных науках (нормальное распределение), тогда как случаи применимости этих же мерил к археологическим данным, как я уже неоднократно отмечала, должны оговариваться особо [Ковалевская, 2002б, с. 485–490].

Мы имеем возможность, используя разработанные на основании анализа генетических материалов компьютерные программы, строить карты распространения археологических данных, объединяя их в атласы по содержательному, географическому и хронологическому признаку, и наряду с этим мы можем сравнивать между собой геногеографические и археологические карты. В 2000 г. под общей редакцией проф. Ю.Г.Рычкова в многосерийном издании «Генофонд и геногеография народонаселения» вышел первый том «Генофонд населения России и сопредельных стран», а в 2003 г. – второй том, где, наряду с имеющим для нас особый интерес разделом «Предмет проблемы и методы геногеографии», представлен атлас карт в масштабе Евразии (в цветном и черно-белом исполнении), с которым, благодаря любезности авторского коллектива и, прежде всего О.В.Жуковой, я смогла ознакомиться до выхода этого тома в свет в процессе подготовки данной монографии. В указанных исследованиях дается история создания и приводятся определения термина «генофонд» [Генофонд населения России. 2000, с. 13–41] как совокупности генов особей популяции определенной территории. Именно последнее, географический ареал, является существенным и неотъемлемым свойством генофонда как историко-биологической совокупности всех генов, и именно он является базой возможного сопоставления генетических и археологических данных. В этой связи нам важно остановиться на двух вопросах: во-первых, в какой форме и с помощью каких методов мы можем полноценно использовать для историко-археологических и этнокультурных построений информацию, заложенную в гене-

---

[3] Если монографии были изданы в Москве, а статьи – в С.-Петербурге, Самаре, Новосибирске, Харькове, Мадриде, Лондоне, то ареал сделанных докладов и опубликованных тезисов значительно шире, и поэтому основные выводы менее доступны широкому кругу читателей (Новочеркасск, 1996; С.-Петербург, 1996, 1998; Саратов, 1997; Равенна, 1997; Железноводск, 1998; Харьков, 1998; Будапешт, 1998; Иерусалим, 1998; Амстердам, 2002; Бордо, 2003; Сарагоса, 2004; Москва, 2004).

тическом исследовании и, в частности, в геногеографических картах. И, во-вторых, в какую форму мы должны облечь археологическую информацию в целях наиболее корректного и эффективного сравнения. Генофонд – всего лишь совокупность генов, но совокупность системно организованная, и системообразующим фактором для генофонда, как показывают исследования проф. Ю.Г.Рычкова, является История [Рычков и др., 1999, с. 118]. Отдельные ее события в разное время захватывают разные гены и разные географические части ареала генофонда. Но если в истории присутствовали моменты не локального, а регионального и глобального значения, например, продвижения ранних скифов в VII в. до н.э., сармат в IV–III вв. до н.э. или ранних алан в I в. н.э., то они затрагивали весь генофонд или крупные его подразделения. Как показали исследования Ю.Г.Рычкова, география генофонда – это более высокая ступень геногеографического исследования. Она требует определенных преобразований и обобщений многочисленных карт генов, а именно использования синтетических карт генофонда. Метод главных компонент позволяет выделить и картировать факторы, управлявшие развитием всего генофонда и географическим распределением всех, а не отдельных генов.

Как пишет Ю.Г.Рычков: «...В прошлом времени для геногеографии открывается не вообще все, что в нем существовало, а лишь то, что генетически «проросло» в современность, то есть те группы древнего населения, которым исторические обстоятельства благоприятствовали в передаче их генов в генофонд современных поколений» [Рычков и др., 1999, с. 109]. Задача заключается в расшифровке пространственно-временной характеристики генов и генофонда, так же как и определения пути передвижения через различные генетические барьеры, которые природа и социум ставили перед ними.

В исследованиях генетиков мы видим карты разных иерархических уровней, которые объединяют в зависимости от принятого масштаба разное количество популяций, и, соответственно, в этих случаях действуют разные факторы, управляющие развитием генофонда. Так, рассматривая историческую геногеографию Восточной Европы, Ю.Г.Рычков и другие видят в качестве основного фактора, упорядочившего структуру восточноевропейского генофонда, воздействие с запада на восток (первая главная компонента [Рычков и др., 1999, с. 118–123, 129, рис. VI, 2]). Лишь на карте второй компоненты отражено давление степных кочевников на население Восточной Европы и Предкавказья [там же, с. 123–125, рис. VI, 4] из Закаспия. Направлено оно с северо-востока на юго-запад, захватывает в своем движении Предкавказье, в котором тремя расходящимися потоками проникает вплоть до Главного Кавказского хребта.

Далее (карта 2, 4) на картах более крупного масштаба, где центром и объектом нашего рассмотрения является Кавказ, мы можем оценить действие степного импульса на генофонд кавказского населения. Как мы писали об этом – «общее представление о Кавказе как стыке историко-культурных миров Ближнего Востока и евразийских степей, Европы и Азии получает в картах главных компонент кавказского генофонда математически точное отображение» [Ковалевская, Рычков, 1996, с. 153]. А на картах восточноевропейского генофонда, а именно на карте третьей главной компоненты, Кавказ выделяется как «один из полюсов развития восточноевропейского генофонда» [Рычков и др., 1999, с. 127]. В лаборатории генетики человека картировано около сотни независимых генов для Кавказа, построенных по данным о генах нынешних поколений населения, являющегося коренным на картируемой территории. Предвидя вполне правомочный вопрос в археологической аудитории, на каком основании, располагая данными о генах современного населения, мы пытаемся судить о событиях далекого прошлого, – позволю себе простую аналогию. Как многослойный хорошо стратифицированный памятник является свидетелем многовековой истории, так и гены ныне живущего человека и популяции в целом, что показали специальные исследования генетиков, имеют различную хронологическую глубину. Именно на языке генов в природе передается информация из прошлого в будущее, и от точности этой передачи зависит воспроизведение всех форм жизни, в том числе и этнической формы. Как писали на эту тему Ю.Г.Рычков и др.: «За прошедшее время от населения, некогда создавшего материальную культуру, может не остаться никакой иной памяти, кроме генов, перешедших по цепи поколений из древнего генофонда в современный и сменивших на этом пути многих носителей с их этнонимами и культурной спецификой» [Рычков и др., 1999, с. 134].

Главный элемент археологической картины Кавказа на протяжении многих тысячелетий – взаимодействие Кавказа со степью – присутствует в подавляющем большинстве геногеографических карт отдельных генов, виден на обобщающих синтетических картах кавказского генофонда, плотности древних памятников и на картах главных компонент распространения массового материала, такого как бусы и поясные наборы V–IX вв. Мы это рассмотрим на примере нескольких карт, происходящих из Атласа геногеографических карт Кавказа, и нескольких ар-

хеолого-географических атласов Кавказа. Но прежде следует еще раз подчеркнуть, сколь гетерогенна материальная культура населения Кавказа в разные моменты его истории, разнообразны антропологические типы [Герасимова, 2003, с. 60–61; 2004] при сложнейших переплетениях «автохтонных генетических элементов с влияниями, распространившимися сюда как из европейской и среднеазиатской частей Северной Евразии, так и из стран Восточного и Западного Средиземноморья» [Рычков и др., 2000, с. 31].

На карте 2 представлена первая компонента изменчивости генофонда народов Кавказа, составленная на основании 88 карт независимых генов. В ней отражено действие наиболее генетически весомого фактора в истории кавказского генофонда. Этот вес можно представить как произведение числа людей – носителей генов – на время, в течение которого люди и гены перемещались в показываемом картой направлении, создавая поток во времени, видимый на карте как движение в пространстве. По математическому условию главная компонента, рассчитанная по всей сумме анализируемых генов, отражает основное направление хода истории на пространстве от Ближнего Востока до Волго-Донского междуречья. Таким образом, мы получаем обобщенную характеристику, подчеркивающую то главное, что было во все времена, и что было аккумулированно в карте. Мы можем оценить вклады различных исторических эпох в эту обобщенную характеристику, помня о том, что сопоставимыми между собой по результату могут оказаться длительные и медленные передвижения малочисленных групп с кратковременными переселениями больших масс людей, типа «великого переселения народов».

Синтетические карты изображают главные компоненты накопленного за всю историю геногеографического разнообразия и указывают на наиболее существенные географические черты исторического процесса. Синтетические карты создают еще одно удобство: их можно выбирать последовательно, поскольку каждая имеет свой ранг значимости (1-й – высший). В определении этого ранга, как показывают работы Ю.Г.Рычкова, нет произвола, он обусловлен тем, сколь большое число независимых генов оказалось активно вовлечено в исторический процесс при том его географическом направлении, которое изображено на синтетической карте. Следовательно, от карты отдельного гена мы переходим к карте генофонда.

Прежде всего на карте 2 выделяются два полюса (в данном случае северный, степной, и южный – ближневосточный), которые и рассматриваются географически как основные центры, откуда происходит давление на генофонд Кавказа. В этом и заключается доминирующая геногеографическая закономерность Кавказского генофонда, в которой легко просматриваются основные для самых разных эпох географические направления исторического процесса, прослеживающиеся и в картах археологических явлений.

Характер, время и интенсивность историко-культурных связей Кавказа с югом, а именно с Ближним Востоком, являются темой многих историко-археологических исследований, касающихся прежде всего эпохи бронзы, поэтому мы ее рассматривать не будем. Важно лишь отметить, что Большой Кавказ оставался определенной преградой, о которую разбивались культурные импульсы и популяционные волны и с Юга, и с Севера, для данной карты его направление соответствует той экваториальной линии, которая делит все рассматриваемое пространство на две половины. Мы проанализируем только северную часть. Следует обратить внимание, что направление изолиний и их дугообразная изогнутость указывают на давление от центра к периметру, а именно с севера на юг, причем правильнее, с северо-востока на юго-запад, юг и юго-восток. Эта картина находит определенные содержательные картографические параллели с археологическими данными, начиная с эпохи энеолита, находя подтверждение в ряде археологических карт, вплоть до позднего средневековья.

Важно отметить, что изменения постепенны, площади одинаковой плотности однородны и их контуры параллельны, хотя, чем дальше к югу, тем больше появляется выступов, указывающих на клинообразное проникновение по нескольким направлениям (последнее, как мы отмечали ранее, характеризовало карту второй главной компоненты генофонда восточноевропейского населения). В предгорно-горной зоне Прикубанья, Кумско-Терском междуречье и на Прикаспийской низменности расположены основные пути проникновения на юг через Большой Кавказ степных элементов – Дариал и Каспийский путь, хорошо известные нам по древним источникам о переднеазиатских походах ранних скифов и более поздних передвижениях. Правда, в целом, что касается времени действия картированного фактора, то, скорее всего, на карте отражены самые разные времена, в которые географическое направление исторического процесса было таким, как оно видно на карте. Древнейший период отражен в общей конструкции карты и южном направлении импульса. Кавказ с Предкавказьем выглядят как выдающаяся на

север часть Ближнего Востока, как полуостров, ограниченный не только двумя морями, но и какой-то преградой с севера. В географии этой преграды (на карте это интервал между изолиниями значений 0.83 и 1.37) видно соответствие Хазарской трансгрессии Каспийского моря, когда оно соединялось Кума-Манычским проливом с Черным, так что совпадение хода изолинии 0.83 с излучиной р. Кумы едва ли случайно. За проливом начинался иной Евразийский географический и исторический мир, еще не взаимодействовавший с Кавказом, который, таким образом, в определенные моменты истории был открыт только южным влияниям.

Предложенный пример чтения карты первой главной компоненты кавказского генофонда показывает, как один из самых насыщенных историческими свидетельствами о прошлой жизни источник – генетическое разнообразие современного населения, генофонд народов Кавказа – помогает историческим реконструкциям. Поэтому мы остановимся на тех возможностях, которые дает сопоставление геногеографических карт Кавказа с археологическими.

Для сопоставления будет использовано обобщение карт распространения разных типов погребальных сооружений скифского, сарматского и аланского времени (VII в. до н.э. – IX в. н.э.) и типов средневековых поселений II–X вв., включающих в себя информацию о более чем тысячи памятников, рассмотренных по 50 признакам (карты 3 и 5). Визуальное сопоставление геногеографических и археологических карт показывает, что совпадает общая конструкция карт, направление изолиний и, следовательно, импульса, направленного из степных пространств в сторону предгорий и гор, характер и направление клинообразных выступов. Но эти карты построены на основах разного иерархического уровня, поэтому не могут быть сопоставлены между собой математическими методами. Последнее возможно, когда карту кавказского генофонда мы строим на той основе, на которой построены сотни карт археологических материалов, в частности средневековых, включающей Предкавказье и Крым. На карте 4 мы приводим карту кавказского генофонда (вторая главная компонента), а на карте 5 – археологическую электронную карту, где совмещены данные по плотности средневековых так называемых «земляных городищ», расцвет которых приходится на III–IV вв., и «каменных крепостей», возникших в середине VI в. То, что для северокавказского генофонда на первом месте (как, кстати, и для российского генофонда) стоят связи запад-восток, которым подчиняются распределения ряда генов и которые обобщены в карте первой главной компоненты, мы не рассматриваем, т.к. они касаются уходящих в древность членений ареалов культур, с выделением западных, центральных и восточных регионов в пределах Предкавказья. Мы остановимся на карте второй главной компоненты кавказского, а точнее, предкавказского генофонда, отражающей роль степного импульса (см. карту 4). Сопоставление направления расположения изолиний указывает на центр сложения картируемых признаков, обобщенных в карте второй главной компоненты, на характер их изменений перпендикулярно направлению Главного Кавказского хребта и на глубину проникновения. В целом они находят очень близкую аналогию в картах 3 и 5, и тем интереснее сопоставить эту геногеографическую карту (см. карту 4) с картой двух основных типов укрепленных аланских поселений II–X вв., построенной в том же «окне» Крыма – Северного Кавказа (см. карту 5). Мы не приводим ряд других имеющихся в нашем распоряжении археологических компьютерных карт различных артефактов скифо-сармато-аланского времени, например, ареала подкурганных катакомб или же диахронные карты грунтовых катакомбных или скальных захоронений, плотность распределения скифских курганов и т.д., ограничившись одним примером (см. карты 25–27, 32, 41–42). Пример показателен в том смысле, что объединяет в одну карту данные о многих сотнях поселений населения, которое, на основании письменных данных, мы сопоставляем с историческими ираноязычными аланами, относительно восточного происхождения которых ни в источниках, ни у современных исследователей нет расхождений. Интересно, сравнивая эти две карты (4 и 5), видеть насколько близко направление степного импульса, как соответствуют конфигурации изолиний расположения «земляных городищ» направлению степного импульса в генофонде, который и останавливается там, где мы видим южную границу «земляных городищ», в чем читатель может убедиться внимательно, интервал за интервалом, сопоставляя представленные данные. Приведенными примерами (см. карты. 2–5) мы ответили на вопрос, поставленный в начале данного раздела, об использовании археологом тех возможностей, которые предоставляет сравнение геногеографических и археологических карт. Следующий вопрос касается путей и методов использования археологических данных для построения электронных карт и извлечения максимальной информации из их анализа, с учетом традиционного подхода, проверенного временем, и возможностей компьютерной обработки, пример чему мы уже привели. В археологических исследованиях сложилась практика изучения

различных форм распространения вещей (и стоящих за этими явлениями переселений, культурно-исторических и торговых связей) с помощью ареальных и значковых карт, построенных в синхронии и диахронии, их наложения друг на друга или на ландшафтную карту рассматриваемого региона. В этом случае центр распространения определяется на основании повышенной концентрации находок на некоторой замкнутой площади при постепенном уменьшении концентрации от центра к периферии по тем или иным, определяемым географически, путям. Изменения в пространстве отражают изменения во времени, поскольку сначала должно сложиться производство данного типа вещей в некоторой области, и лишь затем они могут распространиться на более широкую территорию, причем разные этапы производства находят отражение в изменении ареала вещей.

Наиболее наглядным примером карт, отражающих это явление, является анализ распространения раннесредневековых монет в Восточной Европе, имеющих длительную историю исследования у нас и за рубежом, начиная с середины XIX в. вплоть до наших дней. Монеты привлекли внимание исследователей благодаря их относительной массовости, датированности и четкой приуроченности к местам чеканки, что позволяло определить источник поступления и, соответственно, пройденный путь из центра к той точке пространства на территории Кавказа или Восточной Европы, где они были найдены.

Разработка отдельных категорий вещей и сегодня может приближенно соответствовать изученности монет (бусы, поясные наборы, фибулы и т.д.). Поэтому методы компьютерного картографирования мы применяем к массовому археологическому материалу I тыс. до н.э. и I тыс. н.э., который может использоваться в качестве хронологических или этнокультурных маркеров. Мы разбиваем его для картирования на многие сотни минимальных единиц рассмотрения (МЕР) с построением карт для каждой из них, то есть мы оперируем для каждой категории артефактов атласами компьютерных карт, представленными многими сотнями, имеем возможность математически сопоставлять их между собой, строить на их основе комплексные (сложение карт) и синтетические карты (карты главных компонент). Чтение карты главных компонент определяется набором правил, которые были рассмотрены как в общем виде, так и конкретно при анализе карт распространения бус и поясных наборов [Ковалевская, 1998а, с. 12–13].

Археологической базой подобных исследований являются выбранные из имеющихся массовых материалов достаточно представительные серии данных (погребальный обряд, типы поселений, поясные наборы, амулеты, зеркала, бусы, оружие и т.д.), изменяющиеся в пространстве и во времени.

Залогом успешной компьютерной обработки материала является создание типологии, единой для всей территории (от Кавказа до Центральной Европы и Азии), непротиворечивой и по своей дробности значительно превышающей классификации, принятые ранее[4].

Более подробно остановимся на принципах и практике построения карт и, соответственно, чтения их. Все имеющиеся в нашем распоряжении реляционные базы данных, включающие в себя артефакты, подлежащие картированию, были переведены в археолого-географические БД с вычислением координат для каждого памятника. Сведения об артефактах выражены либо в абсолютных цифрах, либо в процентах по отношению ко всем артефактам, происходящим из рассматриваемого памятника (см. [Ковалевская, 1998, с. 10–12, 70–73; 2000, с. 206–215, 355-360). Памятникам приданы номер и (или) двух-трехбуквенное сокращенное название.

Картирование опорных точек, будь это памятники, содержащие разновременные артефакты: вещи, погребальные сооружения, типы поселений и т.д., показывает, что они всегда очень

---

[4] Силами ведущих специалистов в рамках ряда проектов РГНФ и РФФИ эта работа проведена для скифского оружия (А.И.Мелюкова, В.Г.Петренко, М.Н.Погребова, М.А.Очир-Горяева), погребальных сооружений Северного Кавказа I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (В.Б.Ковалевская), поясных наборов и ряда категорий украшений (В.Б.Ковалевская), типологии бус (В.Б.Ковалевская, З.А.Львова, А.А.Тодорова), технологии изготовления бус (З.А.Львова, О.Ю.Жиронкина), типологии зеркал (З.Х.-М.Царикаева, М.С.Кулланда, В.Б.Ковалевская), их химико-технологического анализа (Н.В.Ениосова, Р.А.Митоян).

Работа опирается на ряд археолого-географических БД: памятники VII в. до н.э. – IX в. н.э. Северного Кавказа (1214 памятников – три хронологических периода – 42 признака); поясные наборы V–IX вв. Евразии (сотни памятников – сотня типов – 6000 экз.); геральдические пояса Европы VI–VII вв. (97 памятников – 128 типов - 1500 экз.); бусы Восточной Европы (62 памятника – 311 типов – 3 хронологических среза – 40761 экз. бус) и т.д.

Компьютерные карты были построены Ю.Г.Рычковым, О.В.Жуковой, А.Н.Евсюковым, С.А.Перимовым, О.Ю.Жиронкиной, Д.С.Коробовым и З.Х-М.Царикаевой, за что им и всем коллегам, участвовавшим в типологических разработках, приношу глубочайшую благодарность.

неравномерно покрывают основу карты, что отражает отрывочность и неполноту наших знаний (см. карты 6б, 7б и 8б). Между тем мы хотим на основании имеющихся данных получить достаточно полное и надежное представление о распределении интересующих нас материалов в исследуемом пространстве. При построении традиционных карт, коль скоро мы придавали условным значкам некие количественные характеристики, мы могли получить представление о плотности и концентрации находок, путях и характере их распространения, интенсивности использования тех или иных путей и т.д. Но эти возможности были ограничены. Если картировано было несколько сотен памятников и процент интересующих нас категорий находок достаточно случайно менялся от памятника к памятнику, то определить визуально нельзя даже центр и периферию, не говоря о закономерностях распространения.

Рассмотрим конкретный пример, чтобы увидеть, какую информацию мы сможем извлечь из надежно географически атрибутированного материала традиционными методами картирования и в чем можно усилить наши возможности при применении компьютерных географических программ. В качестве объекта исследования нами выбраны скифские акинаки и длинные мечи VII–V вв. до н.э. на обширной территории от Кавказа и Малой Азии на юге и востоке до Румынии, Словакии и Венгрии на западе, включая степное и лесостепное Северное Причерноморье, Подонье и Поволжье. Тема эта интересна с методической и содержательной точки зрения, поскольку она связана с центральной проблемой нашего исследования о форме, характере и интенсивности взаимоотношений местного, в частности, кавказского населения со степным ираноязычным миром, в данном случае – скифским. Литература по этой проблеме столь необозрима, что одно лишь перечисление работ (тематических сборников, статей и монографий), носящих название «Скифы и Кавказ», заняло бы несколько страниц. Важные в контексте данного исследования положения ведущих кавказоведов и скифологов относительно взаимовлияния этих народов на протяжении VII-V вв. до н.э., «диалога культур», характера и направления передвижений и т.д. будут рассмотрены далее как в данной, так и в следующей главе.

Пытаясь на вещественном материале оценить эти связи, обращаясь к одной категории древностей, прежде всего мы должны решить «проблему надежной синхронизации памятников разных частей Евразии ... на базе использования единой методики» [Алексеев, 2003, с. 31]. Единство методики было нами осуществлено на всех этапах исследования, от первичного изучения артефактов, дробной их классификации по единой системе, точного определения географических координат памятников, уточненной датировки комплексов по всему сопутствующему материалу и специальной литературе до последовательного применения всех возможных на сегодня традиционных и математических методов его научной обработки. Объем материала вызвал необходимость в создании коллектива профессиональных исследователей для решения этих вопросов, что и было произведено в рамках инициативных проектов, поддержанных научными фондами, под руководством проф. Ю.Г.Рычкова и В.Б.Ковалевской.

Предлагаемый далее раздел базируется на научных отчетах по грантам, двух базах данных и на Атласе электронных карт распространения длинных мечей и акинаков VII–V вв. до н.э. в Евразии. Выделение особого круга древностей VII–V вв. до н.э. традиционно и современно [Яценко, 1959; Ильинская, Тереножкин, 1983; Мелюкова, 1979, 1999; Алексеев, 2003, с. 24]. Обобщая обширную скифологическую литературу, А.Ю.Алексеев показал, что наиболее согласно в качестве рубежной даты принимается середина VII в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 22] и рубеж V–IV вв. до н.э. (он принят А.А.Спицыным еще в 1918 г. как рубеж между средним скифским периодом и младшим Журовским, П.Д.Либеровым в 1954 г. – как грань между вторым и третьим этапом так же, как и подавляющим большинством скифологов, вплоть до наших дней, о чем свидетельствует табл. 1 на с. 23 из указанной монографии А.Ю.Алексеева 2003 г.). Объективность и обоснованность выделенного нами двух с половиной векового промежутка времени, на протяжении которого мы ставим своей целью оценить динамику взаимоотношений иранского и автохтонного миров по выделенным нами последовательным трем хронологическим этапам находит подтверждение в принятых разными исследователями периодизациях древностей Кавказа и Восточной Европы [Алексеев, 2003, табл. 2, с. 29]. Выделенные нами этапы опираются на даты комплексов, из которых происходят длинные и короткие скифские мечи, входящие в Базу Данных «Акинак» (557 экз.).

В первый хронологический этап (карта 6б) выделено около 60 находок, датированных второй половиной VII – рубежом VII–VI вв. до н.э. 1-й этап соответствует выделенному А.И.Мелюковой раннескифскому периоду, 2-му этапу по В.Ю.Мурзину (1984), 3-му этапу по А.Ю.Алексееву, в котором последний видел «финал киммерийской и скифской истории в Передней Азии; время

«гегемонии» второго поколения скифов (эпоха царя Мадия...). Начало масштабного освоения скифами предгорий Северного Кавказа и Днепровской лесостепи» [Алексеев, 2003, с. 27].

Во второй хронологический этап (карта 7б) входит около 40 находок, датированных исследователями VI в. до н.э., куда внесены, что, конечно, уязвимо, несколько экземпляров, датированных расширенным временем VII–V вв. до н.э. Другим слабым местом является то, что этот период перекрывает как первый, за счет даты его конца рубежом VII–VI вв., так и третий, начинающийся с рубежа VI–V вв. до н.э. Поэтому начинать второй период условно следует со второй трети VI в. до н.э., памятуя, что исследователи свидетельствуют о некоторой лакуне внутри первой половины VI в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 154], что, возможно, и является объективной причиной такого членения. Второй этап нашей хронологической группировки памятников соответствует третьему этапу по В.Ю.Мурзину (1984) и четвертому этапу скифской культуры по А.Ю.Алексееву:

«4. *Начало VI в. – третья четверть VI в. до н.э.* (около 60–70 лет, два-три поколения): во многом «темный» период истории Архаической Скифии, завершившийся явной дестабилизацией обстановки в Причерноморье; засвидетельствованы нападения на греческие и лесостепные города, прекращение жизнедеятельности некоторых из них, передвижения племен (например, история невров); возможно, этот период следует продлить до 515/512 гг. до н.э. – время отражения похода Дария, направленного в западные и (или) северные области Причерноморья» [Алексеев, 2003, с. 27].

Далее мы покажем, в какой мере распределение археологических материалов, в частности акинаков, рассмотренных по дробной типологии, раскрывает те исторические события, а именно передвижения, о которых идет речь в исторической характеристике VI в. до н.э.

Третий этап нашего хронологического членения (карта 8б) датируется рубежом VI–V и V вв. до н.э. и соответствует среднескифскому этапу А.И.Мелюковой, четвертому этапу В.Ю.Мурзина и 5–6-му этапам А.Ю.Алексеева. Начало этого этапа выявляется в качестве рубежа, видимого одними исследователями в конце VI–V вв. до н.э. [Погребова, Раевский, 1992, с. 223], другими – в середине или последней трети VI в. [Алексеев, 2003, с. 22, 156, 182]. А.Ю.Алексеев более дробно рассматривает наш третий этап, поскольку ему соответствуют 5-, 6-й и начало 7-го этапов по его периодизации:

«5. *Последние десятилетия VI – начало V вв. до н.э.* (около 30–40 лет, одно-два поколения): рубеж, разделяющий две скифские культуры – Древнюю и Классическую (или Геродотову) Скифии; распространение на Кавказе и в Причерноморье нового вещевого комплекса и, возможно, новой группы номадов с востока (предположительно, скифов, вытесненных массагетами, по Геродоту); история Пала и Напа версии Диодора (?); возникновение локальных очагов скифоидных культур в Поволжье, Подонье и в других регионах.

6. *Конец первой четверти – 30-е гг. V в. до н.э.* (около 50 лет, два поколения): период становления нового скифского общества, сопровождавшийся военным и политическим давлением на греческие полисы» [Алексеев, 2003, с. 27].

Третий этап объединяет подавляющее большинство скифских акинаков (около 80%), поэтому компьютерные карты всего массива акинаков, в основном, отражают те тенденции, которые характеризуют именно этот промежуток времени. Правда, при диахронном рассмотрении материала на картах опорных точек мы сможем оценить те отличия, которые существуют в характере освоения пространства и конфигурации коммуникационной сети, связывающей между собой все выделенные в это время «локальные очаги» лесостепных культур, степную Скифию, регионы Кавказа и греческие колонии.

В данном разделе в некоторой степени мы «телегу поставили впереди коня», поскольку хронологическое членение предпослали морфологическому делению наших материалов, что обычно выносится на первое место. Правомерность такой последовательности нашего рассмотрения определяется тем, что в нашем распоряжении три субъекта рассмотрения – артефакт[5], время и

---

[5] В скифологии до настоящего времени для типологии длинных мечей и акинаков принята система А.И.Мелюковой (1964), в которой выделялось около десятка таксонов, что для наших целей было недостаточно дробно. В античной литературе этот вид скифского и персидского наступательного вооружения упоминается под термином «акинак». Однако, если персидское оружие этой категории – это всегда кинжал или короткий меч, длиной не более 40 см, который носили на поясе привязанным к ноге, то термином «скифский акинак» называют не только короткие, но и длинные, иногда больше метра, мечи. Те и другие объединяют одинаковые формы рукоятей, состоящие из навершия, ручки и перекрестья. Клинки длинных и коротких акинаков отличаются только длиной, у тех и других они двулезвийные, могут быть с параллельными лезвиями, сужающимися

пространство, и, несмотря на то, что это явления разного порядка при дальнейшем изложении мы будем их рассматривать только в таком тройственном сочетании, то есть считать эти признаки равноправными в наших построениях.

Выбор предмета картирования, а именно акинаков, определяется методическими причинами. Скифские акинаки, будучи оружием ближнего боя, никогда не играли первостепенной роли в вооружении скифских воинов, прежде всего конных стрелков из лука. В арсенале скифского наступательного вооружения мечи и кинжалы занимают третье место, после лука со стрелами и копий. Обязательными они были у военной аристократии и дружинников, тогда как рядовые воины далеко не всегда имели этот вид оружия. Поэтому, а не только из-за ограблений курганов, мечи и кинжалы относительно редко встречаются в скифских могильниках, следовательно, прежде чем попасть в наши руки, должно было произойти несколько этапов случайной выборки: из всей суммы погребений должны были быть выделены погребения воинов, из последних – погребения, содержащие акинаки. Далее из всего зафиксированного разнообразия данных мы выбираем тот или иной таксон (или их группу), который представлен максимально близкими между собой образцами. Это морфологическое сходство, особенно если его дополняет принадлежность к достаточно узкому промежутку времени, позволяет нам считать, что за теми пространственными связями, которые читаются на картах географического распространения каждого из таксонов, стоят пути передвижений древнего населения, направления которых, так же как и интенсивность, могут быть выявлены из сопоставления между собой разного типа карт. Картирование акинаков, редких событий в скифологии, как мы уже показали, несет в себе информацию о событиях культурной истории, тем бульшую, чем больше процедур последовательного выбора мы совершили. В этом преимущества редких событий над массовыми, о чем мы говорили ранее.

В такой же мере дробность типологии вызывается методическими причинами. Основные признаки, выбранные в качестве типообразующих, были выделены А.И.Мелюковой еще в 1964 г. [Мелюкова, 1964], и до сих пор предложенные ею сочетания признаков, характеризующие типы, используются скифологами и специалистами по эпохе раннего железа с некоторыми модификациями и дополнениями. Для определения особенностей распространения акинаков во времени и пространстве классификация была значительно детализирована А.И.Мелюковой, что было принято В.Г.Петренко, М.А.Очир-Горяевой и М.Н.Погребовой для внесения по этой системе материалов в Базу Данных[6].

Для удобства статистической обработки Базы Данных всем выделенным таксонам приданы порядковые номера. Строго говоря, это не «типы», а «минимальные единицы рассмотрения» (МЕР).

к острию с последней трети длины, или в виде вытянутого к острию треугольника. Независимо от длины и формы клинка и оформления ручки мечи и кинжалы могут иметь разные виды наверший и перекрестий, изменяющиеся с течением времени. Так, для VII–V вв. до н.э. преобладают разные варианты брусковидных, валютообразных или антенных наверший, некоторые из которых оформлены в скифском зверином стиле. Среди перекрестий преобладают разные варианты так называемых почковидных (овальные с треугольным вырезом со стороны клинка) и особенно многочисленные варианты бабочковидных. Менее распространенными были сердцевидные, еще реже встречались сегментовидные, лучковидные, близкие к прямоугольнику и некоторые другие редкие формы.

[6] Сопоставлен этот материал с «Этюдом об акинаках» А.Ю.Алексеева (1991) для того, чтобы охарактеризовать дробность членения, пути анализа и достигнутые результаты. В исследовании А.Ю.Алексеева «было учтено 256 акинаков..., обладающих максимальным набором признаков» [Алексеев, 1991, с. 272], в нашем случае – 557 экз. (правда, если убрать неясные формы и обломки, то 486 экз.). Приводя номера типов по выделенным идентичным типообразующим признакам, мы будем литерой А и М отмечать номера типологии А.И.Мелюковой и А.Ю.Алексеева. На основании брусковидных наверший выделены 49 М, они же 7, 8 А простые антенновидные (50 М, 10 А), сложные антенновидные (51 М, 11 А), отсутствие наверший (52 М), орнаментированные (А 12–18), т.е. в классификации А.И.Мелюковой для оценки связи с перекрестиями выделено 4 признака (у А.Ю.Алексеева для построения связного графа использовано 12 (1991, рис. 38)). Выделение признаков рукояти равновелико, у А.И.Мелюковой – 11, у А.Ю.Алексеева – 12, но в использованной в БД классификации эти признаки рассматриваются факультативно. Значительно большая дробность наблюдается в характеристике перекрестий, которые в принятой нами группировке материалов рассматриваются как основные типообразующие признаки. А.И.Мелюковой выделено 35 форм, из которых 11 также выделены в список черт А.Ю.Алексеевым (почковидные гр. I, т. 1 2 М – 31, 32, 33 А, сердцевидные – гр. II, т. 3 М – 38 А; бабочковидные – гр. III, т. 4–7 М – 35–37 А; полупочковидные – гр. IV, т. 8 М – 34 А; сегментовидные – гр. VII, т. 11 М – 41 А; брусковидные – гр. VIII, т. 12 М – 40 А; ложнотреугольные – т. 57 М – 39 А; «сломанные под углом» – т. 60 М – 42 А).

Они выделены как жесткие сочетания определенной формы перекрестия и навершия (51 случай), сочетания определенной формы перекрестия с разными навершиями (24 случая), или акинаки с одним из четырех видов наверший при отсутствии перекрестий (4 случая)[7]. Эти таксоны записываются арабскими цифрами; вместе с тем они могут быть обобщены в группы по форме наверший, в этом случае эти группы обозначены римскими цифрами. Соответственно в таблицах и на картах арабская цифра обозначает таксон такой-то, а гр. и римская цифра - группа такая-то. Таксоны и группы отличаются между собой по массовости[8] (за каждым из этих типологических разрядов стоит от 80 до 150 экз.), так же как и по распространению во времени и пространстве, что и является предметом дальнейшего исследования.

Те таксоны, массовые или же редкие, которые широко распространены в Европе и на Кавказе, позволяют с помощью традиционных и компьютерных карт оценить направление и интенсивность историко-культурных связей VII–V вв. до н.э. Те же таксоны, которые имеют ограниченные определенными регионами ареалы[9] (34 таксона – 50 акинаков), выделяют области с усиленным формообразованием. Статистические подсчеты и построение схем эволюции форм показывают на конкретном материале характер взаимоотношения местного населения Кавказа и Подунавья со скифами. Мы проанализируем те возможности, которые нам дает традиционное картирование при учете того, что географические координаты вычислены нами для памятников, включенных в БД, с точностью до второго знака после запятой (карты 6а, 7а, 8а).

Рассмотрим это на примере наиболее архаичных типов скифских акинаков с почковидными (гр. I) и сердцевидными (гр. II) перекрестиями. Обратим внимание на то, помогает ли нам расчленение этих таксонов при картировании ответить на вопрос, является ли сердцевидная форма модификацией почковидной [Виноградов, 1972, с. 102; Алексеев, 2003, с. 52] или же наоборот [Алексеев, 1991, с. 276].

Сопоставление между собой акинаков с брусковидным навершием и почковидным перекрестием (т. 1) и с навершиями разных типов при серцевидном перекрестии (гр. II, включающая т. 3, 15, 27 и 39) удовлетворяет условию равновеликости сравниваемых выборок (в первом случае картировано 46 экз., а во втором – 37 экз.), и, кроме того, показывает, что большую часть акинаков II гр. составляет т. 3 (25 экз.), имеющий, как и т. 1, брусковидное навершие.

Представляет интерес хронологическое членение[10] рассматриваемых данных:

Гр.	I								Всего		II					Всего	
т. / эт.	1	2	13	14	25	26	37	38	кол-во	%	3	%	15	27	39	кол-во	%
1	11	1	2		1		1	1	17	16	7	28	2		1	10	26
2	11	1	3						15	14	3	12	2		1	6	18
3	22	11	15	5	6	2	7	1	71	70	15	60	4	1	1	21	56

Если мы останемся на уровне сравнения т. 1 со II гр., то процент акинаков первого периода будет примерно равен, тогда как у т. 3 даже несколько выше. Процент акинаков VI в. до н.э. значимо выше у т. 1, чем в среднем во II гр. и, тем более, чем у т. 3. Если же мы с хронологической точки зрения рассмотрим все таксоны, сгруппированные в I и II гр., то в целом должны отметить, что более поздние акинаки преобладают в группе с почковидными перекрестиями (70%) и их значительно меньше в группе с сердцевидными (56%).

---

[7] Выделение 79 таксонов в нашем случае объясняется необходимостью дробного членения всего материала в пространственно-временном аспекте, тогда как А.Ю.Алексеев ставил своей целью выделение культурных типов [Алексеев, 1991, с. 276] на основании построенного графа признаков (там же, рис. 39). Первый культурный тип, по А.Ю.Алексееву включает в себя часть I гр. (т. 1, 2, 13 и 14) и часть VII гр. (т. 8, 20); второй тип соответствует т. 4, 5 III гр., а III по графу, он же 4 по тексту [Алексеев, 1991, с. 276] соответствует т. 18 II гр., а 3 (по тексту) – таксону 57.

[8] Сюда выделены акинаки с почковидным перекрестием (т. 1, 2, 13), сердцевидным (т. 3, 4, 15), бабочковидным (т. 5, 7, 16) – т.е. самые ранние и распространенные формы, как показано в десятках специальных работ, и без перекрестия (т. 49), которые представлены 255 экз.

[9] Уникальные таксоны, специфичные для Предкавказья, представлены 22 формами, для Закавказья – двумя, для Румынии и Венгрии – 8, а из других регионов только две формы специфичны для лесостепных районов Днепровского Левобережья.

[10] Для удобства будем дату VII – рубежа VII–VI вв. до н.э. обозначать первым этапом, VI в. до н.э. – вторым, а VI–V вв. до н.э. – третьим.

Следовательно, если акинаки с указанными двумя формами перекрестий представлены высоким процентом в первые два периода (50 и 44%), то процент акинаков с сердцевидным перекрестием более заметно уменьшается к VI–V вв. до н.э., чем процент акинаков с почковидным перекрестием.

На карте 6а для т. 1 мы видим географические пункты в центральной (Уллу-Баганалы, 2 экз. VII в. до н.э.) и западной (Келермес, VII в. до н.э., рис. 1) части Предкавказья, в Тейшебаини (VII в.), на Дону (Богучары), в лесостепном Приднепровье (Рыжановка, Куриловка, Мена) и в Румынии (Айюд, Кристешты, Фирминис) – т.е. 13 акинаков из 11 памятников. Наиболее интересно распространение акинаков с территории Кавказа (карта 6б) на средний Дон (возможно, из Прикубанья через Нижний Дон, возможно, из Центрального Предкавказья путем «отложившихся скифов» междуречьем Дона и Волги, далее широтным путем в лесостепное Приднепровье, а затем в Трансильванию. Линия, соединяющая между собой ближайшие территориально памятники, очень четко рисует путь, который, начиная с VII в. до н.э., соединял Кавказ через степное пространство с Доном, лесостепью с Днепром и бассейном Дуная. Если на карту (6а, б) мы нанесем все памятники с акинаками I гр. I-го этапа, то увидим, что некоторые из них располагаются непосредственно на выявленных нами ранее путях (на Северском Донце, между Доном и Днепром, на Буге между Днепром и Трансильванией и, главное, концентрируются по перевальным путям переднеазиатских походов (и возвращений) на Кавказ. В пределах Восточной Европы они концентрируются в лесостепных районах Днепровского Лево- и Правобережья, несколько спустившись по Днепру по сравнению с ареалом акинаков т. 1. Но в целом направление путей осталось тем же, каким оно выявилось по картографированию т.1, что подкрепляет наш постулат о том, что выделенный в результате ряда последовательных усреднений таксон даже (а может быть, именно поэтому) немногочисленный, очень четко выделяет господствующую тенденцию.

Вернемся к карте 6а 1-го этапа и посмотрим, какую информацию мы можем извлечь из результатов картирования гр. II акинаков с сердцевидным перекрестием (на картах 6а, 7а, 8а гр. II включена в условный знак звездочки). Начнем с того, что она удачно совмещается с данными по т. 1, когда северокавказские находки концентрируются в том же микрорегионе (Лермонтовская скала, т. 3; Каррас Чеснок гора 2, т. 3), но появляются пункты на Черноморском побережье (Гуадиху, т. 15; Колхида, т. 39) и в районе Куры (Двани, т. 3) в Закавказье. Концентрируются памятники с акинаками II гр. в Приднепровье поблизости от памятников с акинаками 1 т. (Половка, к. 3, т. 15; Васильков, ур. Дарьевка, т. 3; Хмелевка, т. 3; Мгарь, т. 3) и, наконец, на линии, соединяющей Днепровские памятники с Трансильванскими, куда акинаки II гр. не доходят (Ленковцы, т. 3). Коммуникационная сеть осталась той же, правда, между предкавказскими и левобережными днепровскими памятниками нет находок, поэтому можно предполагать: или использовались пути через Средний Дон (как было для т. 1), или же пути через Нижний Дон, что найдет подтверждение на картах 2-го этапа. На карте 7а для т. 1 выявляется тот же, что и ранее, микрорегион в Центральном Предкавказье (Уллу-Баганалы), несколько сдвинутый к востоку (Северная Осетия, сл. нах. и Сержень-Юрт 2); к этому, или более раннему времени, относится акинак из Имерлера в Малой Азии. Из Центрального Предкавказья один путь идет меридионально к северу (Ср. Липовка) в междуречье Волги и Дона, а другой – к низовьям Дона (Хопры, Новоазовск), о чем мы уже говорили для VII–VI вв. до н.э. Отсюда путь раздваивается к лево- и правобережью (Райгород, Кириковка, к. 13, 8, Староселье) Днепра (что подтверждается картированием других таксонов I гр., группирующихся в этих микрорегионах вокруг единичных находок т. 1, и несколько южнее). Между Днепром и Трансильванией (Гадалин, VII–V вв. до н.э.) сохраняется то же направление путей, что и ранее. Акинаки гр. I в Трансильвании концентрируются поблизости от Гадалина и несколько к югу. В Предкавказье зона концентрации располагается в пределах верхнего течения правых притоков Кумы и Терека и один памятник находится в верховьях Кубани. Появляются единично акинаки I гр. в Южном Крыму и на Нижней Волге. Интересно, что акинаки II гр. в VI в. до н.э. не найдены южнее 47°, что как бы продолжает движение на север междуречьем Волги и Дона тем путем, который был намечен т. 1. Это находка акинака т. 39 из Саратовского музея и из Комсомольского (т. 15). В Приазовье акинаки т. 3 (Марьинский район) маркируют степной путь, хорошо известный по данным IV в. до н.э. (см. далее) от побережья в лесостепь Левобережного Днепра (Плавинцы, т. 3; Скоробор, т. 15, 2 экз.; Балыко-Щучинка, т. 3). Интересно, что так же, как и на 1-м этапе, акинаки II гр. далее на запад от Днепра не продвигаются.

Памятники с акинаками VI–V вв. до н.э. и количественно, и по ареалу освоенной территории резко отличаются от предшествующего времени. На карте 8а выделен ареал и пространственные связи т. 1 и гр. II, а на карте 8б – весь массив акинаков с почковидным перекрестием, почти

равномерно покрывающих территорию Геродотовой Скифии, фракийский мир, Предкавказье и савроматскую территорию.

Акинаки т. 1 представлены во всех основных микрорегионах Предкавказья и связаны равнинными путями Азово-Каспийского междуморья, шедшими параллельно направлению Главного Кавказского хребта. Очень четко выделяется меридиональный путь Волго-Донского междуречья, который уходит гораздо дальше на север, чем в VII–VI вв. до н.э., и широтными путями от Доно-Донецкого междуречья продолжается в Днепровскую левобережную и правобережную лесостепь, чтобы, пересекая Ю. Буг и Днестр, достичь Трансильвании теми же путями, которые зафиксированы на картах первых двух этапов. На третьем этапе впервые выявилась система степных коммуникаций, связывающая греческие колонии через степь с лесостепью, что в более раннее время только еще намечено, а наглядно видно на карте 9 распространения скифских изваяний VII–V вв. [Ольховский, Евдокимов, 1994, табл. 2, 3] и на реконструируемых скифских путях IV в. до н.э. [Болтрик, 1990, рис. 3, 4]. Пунктиром наметился путь от Северского Донца к северу и от побережья Азовского моря к левому берегу Днепра у его излучины, а далее – в лесостепное Левобережье. Очень четко видно функционирование пути из степного Крыма через Керченский полуостров на Нижнюю Кубань. Комплексы с акинаками II гр. в Предкавказье расположены несколько западнее т. 1 (бассейн Кубани и Кумы). Они указывают преимущественно на северные связи как меридиональным путем по Волго-Донскому междуречью вплоть до средней Волги, среднего и верхнего Дона, так и степным путем из Прикубанья к нижнему Дону. Далее на запад в лесостепь, степь и Крым акинаки с сердцевидным перекрестием не доходят, хотя на территории Приднестровья и Румынии они расположены двумя компактными цепочками, смыкающимися с находками акинаков с почковидными перекрестиями. Попали сюда они, скорее всего, южным причерноморским путем с низовьев Дона, что подкрепляется находками акинаков I гр. (см. карту 8б), располагавшимися цепочкой вдоль побережья. В такой же мере они могли проникнуть в причерноморскую Скифию из Прикубанья через Пантикапей путем степных перекочевок по «рыбному пути» [Алексеев, 2003, с. 161], что отражено на картах 8а, б; а далее – уже в Подунавье.

Охарактеризовав карты трех хронологических этапов, мы возвращаемся к тому методическому вопросу, который поставили в начале нашего экскурса – об информативности материалов, когда из нерасчлененной массы данных (в морфологическом или хронологическом плане), путем последовательного и обусловленного правилами деления, получаем более узкие выборки. Выделенные таким образом таксоны разного иерархического уровня, рассмотренные по узким хронологическим группам и картированные, заставили эти источники «заговорить». Имея в нашем распоряжении атласы карт, можно не согласиться с пессимистическим высказыванием такого прекрасного знатока скифской археологии, как А.Ю.Алексеев, об отсутствии «каких-либо соответствий между формой меча... и территориальным распространением мечей и кинжалов» [Алексеев, 1991, с. 275].

К сожалению, для сопоставления с картами акинаков можно использовать из групп массовых материалов только результаты изучения скифских изваяний VII–V вв. до н.э. [Петренко, 1986; 1989]. На основании обобщающих карт В.С.Ольховского и Г.Л.Евдокимова (1994, табл. 2, 3) при дополнительных данных В.С.Ольховского удалось построить карты в диахронии – одну для первого и второго этапов (карта 9), вторую – для третьего, которую мы не приводим. Как пишет В.С.Ольховский: «Отмеченное территориально-хронологическое распределение памятников, очевидно, отразило этапность освоения скифами пространств юга Восточной Европы, продвижение носителей традиции создания монументальных каменных скульптур с Северного Кавказа через низовья Дона в Северное Приазовье и Причерноморье» [Ольховский, 1999, с. 248].

Сходство между картами акинаков и изваяний VII–VI вв. до н.э. ограничивается тем, что обе группы артефактов имеют наибольшую концентрацию в Предкавказье. Пути освоения пространств – разные. Акинаки, как мы уже неоднократно отмечали, «уходили» на запад, сначала поднимаясь междуречьем Волги и Дона до лесостепи, а потом – лесостепными дорогами доходили до Трансильвании. Путь через Нижний Дон был освоен в VI в. до н.э., но он уводил на левобережье Днепра в лесостепь, а азовско-черноморский правобережный путь был освоен только в VI–V вв. до н.э. Исследователи скифских антропоморфных изваяний справедливо видели в них некий «дорожный знак», что и подтверждается картами. Но соответствуют карты изваяний VII-VI вв. в большей мере картам акинаков третьего хронологического этапа. Несоответствие выявляется и картированием изваяний VI–V вв. до н.э. Они почти исчезают в Предкавказье , достаточно плотно заполняют степную Скифию и проникают именно в это время в лесостепь, на те лесостепные пути из Приднепровья в верховья Днестра, которые неизменно существовали на картах акинаков трех периодов.

При анализе карт акинаков видно, что степные пути «пробивались» из лесостепи через степи к морю, с северо-запада на юго-восток, тогда как карты распространения изваяний, безусловно, говорят об обратном направлении. Широтный путь от Нижнего Дона к низовьям Дуная в VII–VI вв. до н.э., тогда уже получивший ряд ответвлений, параллельных течению Днепра, насыщается памятниками и продлевается вдоль моря на запад и по направлению к лесостепи. Для более глубокого изучения пространственных связей для разных регионов обширной территории, насыщенной памятниками со скифскими акинаками, нами построены многие десятки компьютерных карт отдельных таксонов и групп, к рассмотрению которых мы перейдем после раскрытия основных особенностей компьютерного картографирования.

При том развитии географического подхода, который наблюдается в настоящее время в зарубежной и отечественной науке, дело было за выбором тех географических программ, которые бы оптимальным образом подходили к поставленным нами задачам. Нами, как мы уже говорили, был выбран пакет географических программ GGMag, Datstat, Mapstat, разрабатываемый с 1985 г. Ю.Г.Рычковым в лаборатории генетики человека и в настоящее время представляющий собой оригинальную отечественную программу Map Developer Studio для построения интерполяционных карт, их последующего статистического анализа, сравнения и высококачественной печати. Для работы с электронными картографическими основами и оцифровки печатных карт при помощи дигитайзера использован отечественный пакет Geo Draw / Geo Graph.

Для работы с картируемым материалом на рассматриваемое нами окно географической карты для построения цифровой модели изучаемого признака накладывается регулярная сетка заданного размера (для Крыма – Кавказа, например, она содержит от 4000 до 7000 узлов пересечения). В каждом из узлов сетки рассматриваемого пространства для построения цифровой модели вычисляется количественная характеристика исследуемого признака, зависящая от всех точек (с учетом их частот и расстояний до них). Программа, учитывая изменения признаков в нерегулярных точках и узлах регулярной сетки, переводит их из дискретной формы в непрерывное распределение с заданными интервалами, окрашивая их на карте в цвета разной плотности (когда изображение черно-белое) или разного цвета. Мы получаем подобие геоморфологической карты распространения признака, с вершинами, соответствующими зонам максимальной концентрации, равнинами, приближенными к средней плотности распределения, и морями с водными впадинами (последние характеризуются разным уровнем отсутствия признака). В цветном варианте шкалу мы старались приблизить к привычному нам виду географической карты (конечно, полиграфия всегда вносит свои коррективы, сравни: [Ковалевская, 1998а, рис. 2–112, 324–330; 1998б, рис. 2а, б; 4–7; 2000, с. 95–100]).

При построении карты отдельных признаков могут быть использованы процедуры аналитической сплайн- или средневзвешенной интерполяции, перспективной проекции поверхности, выделения фоновых и остаточных поверхностей распределения признаков. Применение на одном и разных материалах различных процедур, сравнение полученных карт между собой и с результатами их содержательного анализа позволяет нам оценить разрешающие возможности различных процедур анализа. В частности, средневзвешенная аналитическая интерполяция оказывается более информативной, когда анализируемый признак имеет несколько локальных максимумов (зон концентрации) на рассматриваемой территории. Аналитическая сплайн-интерполяция более наглядна, когда мы изучаем явление в динамике, а пространственно-ориентированная информация моделирует распределение как распространение. В этом случае изменение признака передается на карте изолиниями, направление которых отражает распространение явления от локального максимума к локальному минимуму.

На картах мы обнаруживаем кольцевые или полукольцевые структуры, максимум или минимум в центре которых указывают на распространение признака от центра к периферии. Когда мы наблюдаем систематические и направленные изменения в частоте, имеющие фронтальное расположение, то получаем не только характеристику первоначального импульса в поступлении данных артефактов, но и тот путь, которым они распространялись. Последний может иметь как клинообразную, так и веерообразную структуру, что требует истолкования с привлечением свидетельств письменных источников. Мы можем изучать степные и лесостепные сухопутные широтные и меридиональные европейские пути скифского времени, выделять интенсивность использования горных перевалов, поскольку в них проявляется эффект «бутылочного горлышка», втягивающего в себя поток находящихся в обращении товаров; определять направление морских путей по Черному морю, опираясь на множество компьютерных карт; датировать время использования северокавказского отрезка «Великого Шелкового пути» по комплексным картам, отделяющим импорты из Византии от восточных и т.д. Останавливаться на этом подробно невозможно, т.к. на эти темы написана серия статей и этому будет уделено специальное внима-

ние далее в процессе изложения. Каждая из 100 электронных карт по скифским длинным мечам и акинакам VII–V вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе и на Кавказе, 350 электронных карт по бусам V–X вв. н.э., 150 по поясным наборам Евразии VI–IX вв., 50 по зеркалам, 60 амулетам, 112 по разным типам погребальных сооружений и поселений на Кавказе I тыс. до н.э. I тыс. н.э. своеобразна, информативна и при своем прочтении помогает разрешить ряд историко-культурных или хронологических проблем, как частного, так и общего порядка.

Эффективным и наглядным методом, как мы уже говорили относительно геногеографических карт, является построение карт главных компонент, когда можно оценить совместное варьирование всех анализируемых нами признаков и стоящие за этим факторы, получить географическую динамику всего комплекса картированных признаков. Причем мы можем получить разные иерархические уровни обобщения. Например, на основании карт всех сердоликовых (янтарных, хрустальных, коралловых и т.д.) бус были получены карты генеральных компонент для каждой из рассматриваемых категорий [Ковалевская, 1998, рис. 110–112]. Далее, мы можем построить карты генеральных компонент для всех каменных бус, для всех групп стеклянных бус и, наконец, для всех 50 тысяч картированных нами каменных и стеклянных бус Восточной Европы (там же, рис. 327, 330). Эти карты объединяют не только согласованное перемещение (совместное размещение) разных типов артефактов в одном промежутке исторического времени, но и то, что они синтезируют разные времена, когда имело место одно и то же направление торговых путей или передвижения народов, тем более что многие торговые артерии древности и средневековья в изучаемое время оставались неизменными, несмотря на бурные военные события. При построении карт генеральных компонент для каждого набора типов артефактов получаем в количественном выражении оценку удельного веса всех МЕР, участвовавших в его построении. Видно, как признаки оказались объединенными в карте той или иной компоненты, что является дополнительной и очень важной информацией, как последняя связывает между собой разные районы внутри рассматриваемой территории (например, степной путь от среднего течения Кубани к низовьям Терека и Сулака, или путь на Донец и предысторию Волжского пути), в какой мере зоны концентрации открыты внешним влияниям, т.е. мы видим и сочетания признаков, и микро- и макрорайонирование изучаемой территории. Специфика синтетических карт в том, что они выделяют на одной карте полярные явления, объединяя в две группы по распространению в пространстве картируемый материал, как правило, резко различающийся между собой как по ареалу, так и по происхождению. Причем порядковый номер карт главных компонент, как мы уже отметили, указывает на их относительную важность (карта 16б, 17а, б). Но при анализе археологических фактов, в отличие от геногеографических, информативными оказываются не только карты первой-третьей компоненты, но и последующие.

В данном контексте приводимые нами компьютерные карты распространения акинаков по таксонам и группам (карты 11–16) позволяют остановиться на характере, направлении и интенсивности использования тех путей и связей, которые объединяют между собой разные регионы Евразии в VII–V вв. до н.э. Причем динамику этих изменений мы наметили при сопоставлении карт 6–9, и читатель имеет возможность сопоставить карты 6б, 7б и 8б с компьютерными картами 11а и 12а, поскольку в них картирована гр. I и т. 1 так же, как карты 6а, 7а и 8а с компьютерной картой 11б (картирована гр. II).

На карте 10 мы объединили всю ту диахронную информацию, которую получили ранее (см. карты 6–8), внеся дополнительно с карты 9а данные по распространению скифских изваяний VII–VI вв. до н.э. и получив каркас коммуникационной сети, заполняющий лесостепную и степную часть Восточной и Центральной Европы и Кавказ. Направление и интенсивность использования дорог в предгорных и горных районах Кавказа, включая и перевальные пути, мы рассмотрели на примере суммирования данных по массовому раннесредневековому материалу. В данном случае Северный Кавказ при максимальной насыщенности находками акинаков, в особенности наиболее древними, большом их разнообразии и наибольшем, по сравнению с другими регионами, проценте местных уникальных форм мы рассматриваем в его историко-географическом единстве как источник и импульс распространения акинаков по всем рассмотренным направлениям.

Поскольку нас интересует система путей на очень обширной территории, мы только для отдельных участков имеем специальные исследования с картированием курганов, поселений, гаваней, культовых комплексов на крупномасштабных картах [Болтрик, 1990, с. 30–44], когда древние пути обоснованно и конкретно фиксируются на местности, определяется их связь с водоразделами и «эстафетная видимость» курганов, степень удаленности путей от моря, намечаются

узлы пересечений и тяготение к определенным переправам. В той мере, в какой выделенные нами пути совпадают с вышерассмотренными, мы учитываем эти данные.

Но основной источник наших знаний заключается в картировании идентичных артефактов (карты отдельных таксонов, объединенные достаточно узким временным пределом) и оперировании атласом диахронных традиционных и компьютерных карт, которые в пространственной форме фиксируют информацию о распространении возможно большего количества морфологических выделенных единиц рассмотрения.

Этот метод широко распространен в науке, в частности в скифологии, в данном случае важно лишь то, что он применялся не эпизодически, а последовательно и возможно более полно, хотя первоначальные представления получены не по всей совокупности данных, а по выборке. Так, карты 6–8 опираются на результаты картирования 153 акинаков (на компьютерных картах), и несколько меньшего их числа – на диахронных традиционных картах. Соответственно представление о дорожной сети VII–V вв. до н.э. составлено на основании менее чем четверти доступных нам наблюдений, правда, мы учли дополнительно те пути, которые рисует распространение скифских изваяний VII–V вв. до н.э. [Ольховский, Евдокимов, 1994; Ольховский, 1999] и исследование путей по скифским памятникам IV в. до н.э., а также направление сухопутных дорог недавнего прошлого [Болтрик, 1990, с. 30–44].

Для удобства статистического использования данных таблицы (табл. 1), отражающей функционирование различных сухопутных дорог Западной Евразии в VII–V вв. до н.э., мы разными условными знаками обозначаем (карта 10) дороги VII–VI вв. до н.э. и VI–V вв. до н.э. и даем условную нумерацию их участкам: цифровую – для меридиональных путей и буквенную – для широтных. В таблицу введены данные по 30 компьютерным картам из имеющегося в нашем распоряжении атласа в 50 карт (приводятся аналитические карты, построенные по картированным памятникам, и синтетические карты – по 27 микрорегионам). В качестве иллюстраций приведены 12 наиболее выразительных карт (карты 11–16).

На основании представленных карт и данных табл. 1 можно получить информацию о том, в какой момент времени мы фиксируем то или иное направление, степень его интенсивности и длительности во времени, дальность пути, появление новых путей и замену ими старых.

Начиная с самого раннего времени, используется меридиональный путь из Центрального Предкавказья на север междуречьем Дона и Волги (путь 1). Он присутствует более чем на 40% карт, используется во всех выделенных нами хронологических периодах, имеет протяженность около 600 км, отклоняясь еще примерно на 300 км как на восток (1б, на четверти карт) к Волге (используется на протяжении всего времени), так и на запад, к верхнему Дону 1а (только в VI–V вв. до н.э.). В раннем периоде фиксируется другой более короткий меридиональный путь: от Средней Кубани к верхнему Дону (достаточно протяженный – более 400 км, и представленный только на двух картах (путь 5)). Если учесть, что примерно по тому же 44-му меридиану основной меридиональный путь уходит на юг в Закавказье еще примерно на 300 км (1в, встречен более чем на 40% карт и характерен только для VII–VI вв. до н.э.), то это наиболее протяженный путь, составляющий в целом более 1 тыс. км (карты 11а, б, 12б, 13а, 15а, 16б). Как мы покажем далее, этот путь широко использовался раннесредневековыми кочевниками VI–VII вв. н.э. Вторым по интенсивности использования был наиболее северный широтный путь, шедший параллельно границе степи и лесостепи, от Волги через верховья Дона, к Днепру, Днестру вплоть до Подунавья. Этот путь, протяженностью примерно в 1700 км, разделен нами на 4 участка, выделенных пересечением с меридиональными путями (a_1–a_4). Он характерен для всего изучаемого периода, кроме участка между верхним Доном и верховьями левых притоков Днепра (a_2), который в раннее время был заменен западным участком широтного пути б (в целом менее использованного, поскольку он зафиксирован примерно на 20% карт). Широтный лесостепной путь, постепенно спускающийся от 51° (53°) с.ш. на востоке до 46,5° с.ш. на западе, зафиксирован на трети компьютерных карт (карты 11а, б, 12а, 13а, 14б, 16а).

С раннего периода (карты 6а, б, 7а, б) использовался левобережный Днепровский путь (М), соответствующий средневековому Муравскому шляху. Особенно насыщено это направление пути памятниками в VI–V вв. до н.э. (карта 8б). Очевидно, следует согласиться с Ю.В.Болтриком (1990, с. 35), что этим путем «после изгнания из торговых поселений» [Herod., IV, 108] эллины ушли в землю будинов, что Т.В.Блаватская предположительно относит к концу VI в. до н.э. Этот путь фиксируется более чем на четверти компьютерных карт (карты 11б, 12а, 13а, 14б). В раннее время существовал еще один широтный путь (по 47° с.ш.) от Нижней Волги до Нижнего Дона, зафиксированный на двух картах и не отмеченный в более позднее время.

Таблица 1

Основные магистральные пути VII–V вв. до н.э. на компьютерных картах Кавказа и Европы

Путь / т., гр.	1	1а	1б	1в	2	3	4	5	М	6	7	8	9	10	a_1	a_2	a_3	a_4	б	в	г	д
гр. 1	+	+	+			+	+							+	+			+			+	
т. 1	+			+	+	+	+								+	+	+					
т. 2	+	+																+			+	
т. 13						+	+		+												+	
т. 37						+				+												
гр. 2	+			+	+			+							+	+			+	+	+	
т. 3	+	+		+											+	+	+					
гр. 3	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+							+
т. 4	+	+	+						+		+	+	+								+	
т. 5				+	+		+		+													+
т. 7											+	+					+			+		
т. 16									+	+						+	+					+
т. 28									+	+												
т. 29				+										+		+						
т. 41													+						+			
гр. 4				+							+	+	+									
т. 8				+							+	+										
гр. 5													+				+	+	+			
гр. 6							+								+	+	+					
гр. 7															+	+						
гр. 8			+							+							+					
т. 12										+							+					
гр. 9	+			+	+							+				+						
гр. 11	+				+								+									
гр. 12												+	+					+				
1 гк М	+		+	+			+				+	+	+									
3 гк М	+	+		+		+	+	+	+			+	+		+	+	+		+		+	+
3 гк Д	+		+	+		+							+	+							+	+
4 гк Д	+		+	+	+				+	+									+			
4 гк М					+							+	+			+	+					+
Σ (сумма)	13	6	7	13	8	7	7	2	8	7	6	10	11	4	8	10	10	4	5	2	7	6
Ранн.	+		+	+				+	+						+		+	+	+	+		
Позд.	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+

Как мы показали при сопоставлении диахронных карт, в конце VI в. до н.э. начинает использоваться целый ряд степных дорог, связывавших лесостепь через причерноморские степные пространства с побережьем Азовского и Черного морей. Сюда входит путь северным берегом Азовского моря из Нижнего Дона (г), представленный более чем на четверти компьютерных карт (карты 11а, 13а, 16б), и его продолжение вдоль Черного моря вплоть до Дуная, примерно на четверти компьютерных карт (д); редко представлен путь 10, соединяющий Крым с Прикуба-

ньем, который, даже в двух вариантах, станет одной из основных магистралей Скифии более позднего времени, выходя к Днепру в районе Каменского городища и проходя через «курганные аллеи» Огуза, Козла, Рогачика и Солохи, совпадая с древнерусским соляным путем [Болтрик, 1990, рис. 3, 4, с. 39]. Продолжением этого крымско-прикубанского пути по степному Правобережью Днепра является путь 6 (карты 8а, б, 9а, б), проявляющийся более чем на 20% компьютерных карт (11а, 12а, 13а, 16а, б), начиная с VI–V вв. до н.э., связанный с хорошо документированной Днепровской переправой (между Каменским городищем и Чертомлыком [Болтрик, 1990, рис. 4]) и остающийся магистральным степным путем в поздней Скифии.

В VI–V вв. до н.э. фиксируется и лесостепной путь a_2, соединяющий верховья Дона через Кальмиусскую сакму и Муравский шлях с Правобережьем Днепра (карты 7а, 8а). Представленный на трети компьютерных карт (карты 11а, б, 13а, 14б, 15а, 16а) этот отрезок лесостепного пути объединяет весь тысячеверстный путь от Волги до Дуная, наиболее интенсивно используемый скифами на протяжении всего рассматриваемого нами времени.

В VI–V вв. возникла и система путей, связывавших побережье Черного моря по Днестру (7) и южнее (8, 9) с Румынией и Венгрией. Они представлены на 20–35% компьютерных карт (карты 11а, 12а, б, 13б, 14а, 15б, 16б). Изучение направления и протяженности рассмотренной системы сухопутных дорог возвращает нас к вопросу, который не может обойти своим вниманием ни один исследователь истории Скифии VII–V вв. до н.э.: распространялись ли этими путями культурные достижения в области военного дела или мы таким способом фиксируем пути передвижения скифов? Анализ путей в их системе подтверждает вторую точку зрения. Это быстрые, можно сказать стремительные передвижения, однократные или многократные [Махортых, 1984, с. 76, 77; Виноградов, Марченко, 1991, с. 145–147; Погребова, Раевский, 1992, с. 223]; вызывающие «скифизацию лесостепи» [Алексеев, 2003, с. 117], поскольку основные пути обходили малолюдную степную зону [Галанина, 1997, с. 196; Алексеев, 2003, с. 156]. Передвижения осуществлялись мобильными воинскими отрядами [Погребова, 1999, с. 122]. Скифы инкорпорировались в местную среду, становясь ее элитой [Виноградов, Марченко, 1991, с. 148], организуя новые передвижения и увеличивая освоенную территорию.

Следовательно, карты распространения акинаков, одно из ярких и специфических элементов сформировавшейся и продолжающей формироваться ранней скифской культуры, отражают их распространение на обширных пространствах от Кавказа до Дуная. На серии карт запечатлен и путь – Волго-Донским междуречьем и лесостепными дорогами. Эти выводы хорошо подтверждаются последними исследованиями С.И.Круц в области скифской антропологии (экология и демография человека. М., 2004, с. 94–98). Скифский антропологический материал резко увеличен в объеме и рассмотрен на микропопуляционном уровне с выделением 20 серий и 17 таксономических признаков. На основании использования метода обобщенных расстояний, применения кластерного и факторного анализа «все лесостепные, а также некоторые степные серии Украины... заняли место среди так называемых (западных) европеоидов-саков Памира, кавказскими сериями Севана и Мингечаура, саками из Присаракамышья» (там же, с. 97).

В этой связи для нас представляют особый интерес связи лесостепных территорий с Закавказьем по антропологическим данным. Важен также и эффект членения на группы, что подтверждает необходимость единого подхода к районированию в зависимости как от географического положения, так и от историко-культурных связей. В практике археологического исследования сложилось то районирование рассматриваемой территории, которое мы приняли как основу для компьютерного картографирования (см. Приложение 3). Однако нам следует отметить те ограничения, которые накладываются использованной нами географической программой, а именно то, что границы выделенных регионов обязательно должны проходить по широтам и меридианам. Эти центры принятых нами регионов[11], которые мы соотносим с традиционно выделяемыми «географическими очагами» [Алексеев, 2003, с. 168].

По расчлененным на микрорегионы пространствам Европы проходили или заканчивались на их территории все рассмотренные нами сухопутные магистрали, оставляя те артефакты,

---

[11] Мы выделяем Предкавказье (12, 13, 15, 16, 17 и 20), Закавказье (14, 18, 19), Малую Азию (22), Венгрию (25), Румынию и Молдавию (1, 3, 4, 24а, б), Западно-Подольскую лесостепную группу (2), Правобережную Днепровскую лесостепную группу (7), Левобережную лесостепную группу (5, 6), степную Причерноморскую Скифию (10), Нижне-Донскую группу (21), Средне-Донецкую и Донскую группы (9, 21), Крым (11), Поволжскую группу (23а, б). Эти регионы используются в Базе Данных 2, где приводится информация по группам акинаков, соотнесенным с ними, что позволяет видеть те пространственные связи, которые находят свое выражение в картах.

которые мы изучали. Но нам необходимо оценить то таксономическое разнообразие, которо характеризовало каждый из регионов. Эту информацию мы свели в Приложении, рис. 2[12].

Рассмотрим приведенные материалы рис. 2 на примере структуры выборки акинаков дл территории Предкавказья(рис. 2а), наполнив их конкретным содержанием. Мы уже отмечали что количественно эта выборка является наиболее представительной (189 экз. из 557) так же как и качественно – из 85 таксонов в ней представлено 50 (из них уникальные составляют 2 таксона). Мы не затрагиваем вопрос о происхождении акинаков, соглашаясь с А.Ю.Алексеевым что «единственным исконно скифским типом меча является тот, основу которого составляли почковидные и сердцевидные перекрестья» [Алексеев, 1991, с. 279]. Именно эти акинаки (I, II IV гр.), подробно рассмотренные нами ранее, в целом представлены 180 экз., из которых трет (60 экз.) происходит с территории Предкавказья. Особый интерес представляют единичны находки акинаков, обладающих указанными признаками и датированные наиболее ранним вре менем[13].

На территории Предкавказья процесс формообразования в области создания новых такс нов акинаков продолжался на протяжении всего рассматриваемого нами времени[14]. Так, С.В.Ма хортых, издавая новые материалы из раскопок В.Б.Виноградова в Ичкерии, подчеркивал, чт акинак из Пседаха (№ 2362, т. 5 по нашей классификации) является местной модификацией тогда как более поздний образец из могильника Ялхой-Мохк с зооморфным навершие

---

[12] На рис. 2 мы фиксируем количественные характеристики таксонов (вертикальная ось) и число экземпл ров акинаков, которыми они представлены (горизонтальная ось).

Мы оставляем линейные координаты, не приводя их к логарифмическим координатам, поскольку на интересует не аппроксимация кривых ципфовым распределением, а сопоставление между собой эмпирическ ких данных (номинальных частот) в выборках, выделенных по географическому признаку.

Тот факт, что распределения имеют вполне определенную и достаточно устойчивую форму, воспроизводящ ся от выборки к выборке, подтверждает, что эти распределения относятся к устойчивым негауссовым (подроб нее [Ковалевская, 1995, с. 141–143; Ковалевская, 2002б, с. 488–490]), в которых основной чертой является то, что количественном отношении небольшое число массовых таксонов составляет высокий процент находок всем массива наблюдений.

Нам же следует обратить внимание на редкие события, поскольку условием негауссового распределени является неравночисленность классов объектов (единичные – «ноевы касты», многочисленные - «саранче вые»). Если у нас в одном и том же могильнике выделяется несколько таксонов, например акинаков, представ ленных единицами образцов при наличии ряда массовых таксонов, это не значит, что нами создана «плоха классификация» или же всего на всего «совместимая с очевидностью» и мы должны объединить эти единиц искусственно в один сводный таксон. Единицы имеют такое же право на существование, как и массовые.

«Несмотря на такое разнообразие единиц и различие их активности, рассматриваемое распределение тем не менее не является смесью двух и более распределений и может в аналитическом виде быть выражено одной формулой», - остерегают нас профессионалы [Чебанов, 2002, с. 459]. В случае археологии массовые типы составляющие «тело» системы, отнюдь не являются определяющими, как средняя литература не является такой по сравнению с гениальной, значит опять-таки вывод заключается в повышенном внимании к редким типам. Практический вывод из этих положений заключается в том, что нужно рассматривать не средние, а весь вариационный ряд, выделяя кластеры, и искать в нем структурно-значимые фрагменты, исходя из своих соб ственно археологических представлений. На основании анализа эмпирических материалов из разных облас тей знания мы видим, что наличие негауссового распределения свидетельствует о целостности системы.

[13] По мнению А.И.Мелюковой, твердо датировать концом VIII – началом VII вв. до н.э. можно лишь меч из Лермонтовского разъезда с почковидным перекрестием, обломок рукояти меча с брусковидным навершием из клада Бештау и меч из разрушенного погребения из Кисловодска (на Станичной улице) с брусковидным навершием и лучковидным перекрестьем. С.В.Махортых относит к раннему времени кроме того два железных меча из Пятигорска [Виноградов, 1972, с. 73], меч из 4-го погребения Клин-Яра II, считая древнейшим, восходящим к киммерийской традиции, биметаллический кинжал первой половины или середины VII в. из Степной Ичкерии. Во второй половине – конце VII в. появляются акинаки с бабочковидным перекрестьем, к этому времени относится меч из Карраса (погр. 8). VII в. датируются фрагменты мечей из Красного Знамени (типы 49 и 70), концом VII в. можно датировать меч 13-го типа с антенным навершием и почковидным перекрестьем из Сержень-Юрта.

А.И.Мелюкова опровергает мнение С.В.Махортыха о типологическом разнообразии перекрестий в ранне время и отсутствии наверший на ранних образцах, поскольку убедительно датированные VIII – нач. VII вв образцы (например, из клада Бештау) имеют брусковидное навершие.

[14] Рис. 2а отражает как единичность акинаков, уникальных для Кавказа (левая часть кривой), так и случаи когда массовые таксоны представлены 8–12 экз. (т. 1, 2, 3, 4, 5, 13, 49) – правая часть кривой.

Близкую картину мы наблюдаем для районов Подунавья (рис. 2в) и Закавказья (рис. 2г), где выделяются местные формы и единичные акинаки, имеющие источник вне этой территории.

Выделяется серия графов, наиболее хорошо аппроксимируемых распределением Ципфа (рис. 2 д, е, з, и, к), связанных с транзитными территориями, с проходящими по ним магистральными путями, по которым поступали уже сложившиеся на других территориях формы акинаков.

(№ 2379) вслед за Е.И.Крупновым он связывает с местным производством [Махортых, 1987, с. 57, 58]. Построенные нами компьютерные карты в рамках Северного Кавказа и приведенные единично, выделяют целый ряд таксонов, обладающих географической локальностью, и рисуют направление и интенсивность местных сухопутных степных, предгорных и горных дорог.

При работе с компьютерными картами отдельных таксонов (аналитические карты), несущих культурно-различительную или датирующую функцию, мы можем объединять несколько признаков в одной карте, строя таким образом комплексные карты (карты групп акинаков, разных типов бус или поселений и т.д.), наряду с синтетическими. Нами показано, как можно продлить эту работу, суммируя ряд компьютерных карт с построением ориентированных графов, наложенных на географическую карту, т.е. создать карту сети путей.

Для выяснения интенсивности использования в V–IX вв. (карта 52) трансконтинентальных и местных путей в Крыму и на Кавказе, связывавших этот регион с Византией, Закавказьем, Ираном, Арабским Халифатом вплоть до Индии, были рассмотрены 53 аналитические, комплексные и синтетические карты сердоликовых бус V–IX вв., построенные с помощью различных процедур (аналитическая сплайн и средневзвешенная интерполяция).

Большой Кавказский хребет можно пересечь не на всем его протяжении, а лишь по перевальным путям, как правило, используемым только в летнее время (как, между прочим, и черноморские пути, по которым судоходство могло осуществляться несколько дольше, но также ограниченный срок, с апреля по ноябрь, и лишь спорадически в другое время). Поэтому на карте визуально выделяются потоки передвигающихся вещей. Мы можем подсчитать, как показала практика, использовавшиеся пути, выделив их визуально для каждой из карт (как правило, на одной карте мы можем отметить от одного до трех путей поступления сердоликовых бус на территорию Крыма и Северного Кавказа и в среднем один путь их дальнейшего продвижения в Предкавказье). На первом месте были морские пути, представленные на трети карт, недаром любовь к восточным камням была так сильна в Византии, господствовавшей как на Черном, так и на Средиземном морях. Использовались западно-понтийский путь из Константинополя в Херсон (9 карт) и восточный, через Трапезунд, успешно применяя направление прибрежных течений (22 случая). Этот каботажный путь шел вдоль побережья, находившегося в руках Византии, вплоть до Колхиды, и далее до северо-западного (как прибрежного, так и Кубанского) Кавказа и Восточного Крыма. Несколько меньше для импорта сердоликовых бус использовался черноморский путь, выводящий к побережью современной Абхазии и переходящий в Северный отрезок Великого Шелкового пути (освоенный во второй половине VI в.) и продолжающийся по верхней Кубани (11 случаев) или выходящий через Донгуз-Орун к левым притокам Терека в Приэльбрусье (4 случая). Археологически это разветвление, известное нам по письменным источникам, ранее не документировалось. Это же относится и к выделению пути по Рионской долине. Безусловно, что этот путь выводил к верховьям левых притоков Терека, восточнее пути, упоминавшегося ранее. Этот путь нашел выражение в 20 случаях и оказался использованным в такой же мере, как Дар-и-аланский путь, который привычно считался исследователями самым использованным из Кавказских перевальных путей. В распространении сердоликовых бус большую роль играли высокогорные пути, пересекавшие Большой Кавказ из Картли и Кахети в Ингушетию и Ичкерию (7 случаев), а также Дагестан (25 случаев). И, опять-таки, Железные Врата, Баб-ал-Абваб, который издревле был одним из основных путей, связывавших Северный Кавказ с Закавказьем, представлен в 25 случаях, т.е. в таком же количестве, как горно-дагестанский, что комментировалось восточными авторами, говорившими о большей безопасности последнего.

На этом одном примере я хотела показать, что дальнейший анализ всего массива компьютерных карт, построенный в данном случае на столь массовом материале, как бусы из сердолика (10355 экз.), заставляет конкретизировать наши общие представления и приводит к очень интересным и подчас неожиданным выводам, требующим подкрепления в исторических свидетельствах и проверки на других археологических материалах. При таком комплексном исследовании наши выводы оказываются значительно более эффективными.

Еще в большей мере это касается местных путей на Северном Кавказе. Из транскавказских дорог фактически мы охватили только самые основные, так, например, Марухский, Санчарский, Софийское Седло, Наурский перевалы остались не документированными источниками. Все эти пути меридионально, а правильнее, перпендикулярно к направлению Большого Кавказского хребта, уходили на север, выходя в степи и включаясь в сложившуюся на протяжении веков систему основных путей, связующих юг с севером и запад с востоком. Именно ими особенно активно пользовались в VII–IX вв. в пору византийско-хазарско-арабского противостояния. Вместе с тем параллельно Большому Кавказу с древности до самого недавнего времени суще-

ствовали десятки (Е.Г. Пчелина по этнографическим данным насчитала 13 для горно-предгор но-равнинных районов Предкавказья) параллельных путей, пересекавших долины, выходи ших на куэсты, пользовавшихся перевалами, существовавшими в цепях хребтов, перпендику лярных Большому Кавказу. Они неоднократно пересекали дальние транскавказские трассы, по ним расходился попадавший в Предкавказье импорт, правда, в большей мере по ним продвига лись предметы местного производства, имеющие небольшой радиус распространения. Эти ме стные пути мы обобщаем в четыре группы, согласно ландшафтному делению Предкавказья понимая, что конкретные разработки могут заметно увеличить их количество. Наиболее част представлены (более чем на трети карт) степные, азовско-каспийские пути. Равнинные, Терско Кумско-Кубанские выявлены на 18% карт, предгорные – на 20%, тогда как высокогорные дости гали 26%. Основная коммуникационная сеть находилась здесь, соединяя между собой горно население от Дагестана до Карачая на северных склонах Кавказских гор.

Анализ компьютерных карт распространения сердоликовых бус показал, что Кавказ являет ся не только территорией, снабжавшей Европу (до Скандинавии включительно) продукцие восточных камнерезных мастерских, но и центром производства ряда местных форм, которы распространялись внутри Кавказа и выходили за его пределы. Именно изделия местного про изводства, сердоликовые или стеклянные бусы, зеркала и амулеты, являются источником на ших знаний о местных передвижениях, историко-культурных и торговых связях, об их характе ре, направлении и интенсивности.

Рассмотрим это на примере стеклянных бус северокавказского производства. Основное раз личие электронных карт бус местного производства от карт импортных бус, как на географи ческой основе Крыма и Кавказа, так и Восточной Европы, заключается в том, что их характери зуют замкнутые ареалы на территории Центрального Предкавказья, где находится зона их мак симальной концентрации. Причем для ряда типов бус или их сочетаний удается несколько зау зить этот ареал, оценив его изменения на протяжении VII–X вв. Бусы из «посудного стекла» происходящие из комплексов VII в., рисуют ареал в виде цепочки ядер от Верхней Кубани чере Кавказские Минеральные Воды до верховьев Терека (карта 18а). Для глазчатых бус этот ареа несколько сдвигается на восток, охватывая территорию от верховьев Подкумка до верховье Терека.

Для VIII–IX вв. сохраняется эта же картина – когда ареал вытянут с северо-запада на юго восток (это основное направление дорог в Предгорной зоне) от верховьев Кубани до верховье Терека, тогда как несколько карт акцентируют два основных центра на западе и востоке цент рально-кавказского ареала, причем надо отметить, что это за счет более ранних типов бус. В конце IX в. местное производство бус из «посудного стекла» характеризуется появлением ряда новых типов бус, имеющих узкий ареал в пределах горной части Осетии-Алании. Интересно что конфигурация основной зоны концентрации бус из «посудного стекла» соответствует гор но-предгорным участкам северокавказского отрезка Великого Шелкового пути (Дарьинский путь) и его пересечению рядом местных дорог, вплоть до транскавказского Дар-и-аланского пути Следовательно, бусы местного производства, так же как и привозное сырье, из которого они изготовлены, использовали трансконтинентальные пути, по которым циркулировала импорт ная продукция.

Анализ пространственного распределения многосвинцовых бус, возникших на базе исполь зования свинца из свинцово-серебряных месторождений Садона, для VII в. указывает на их кон центрацию в горно-предгорных районах Северной Осетии по левым притокам Терека. В VIII-IX вв. этот ареал остается для отдельных типов бус, хотя выделяются небольшие ядра в районах Кавминвод и Верхней Кубани (карта 18б). На карте Восточной Европы очень четко выделяется ядро в Центральном Предкавказье с хорошо выраженными степными путями на Среднюю Ку бань, Дон, Донец и Волго-Камье. Следовательно, многосвинцовые бусы, не обладая большой мас совостью, проникали в Восточную Европу вместе с потоком восточных бус трансконтинентальными путями через Кавказ [Ковалевская, 2000, рис. 125, с. 96]. На карте 18в показано распрост ранение бус местного производства из «оранжевого» свинцового стекла, центр производства (и разнообразия) которых приходился на территорию Хазарского Дагестана.

Все три группы бус местного производства объединяют особенности пространственного раз мещения – близкие между собой и частично пересекающиеся ареалы максимальной концент рации в горно-предгорных районах Центрального и Восточного Предкавказья, взаимовстреча емость в закрытых комплексах северокавказских могильников и использование одних и тех же основных форм, восходящих к каменным. Они производились в основном для местного рынка и распространялись одними и теми же путями. Это очень наглядно видно на картах главны

компонент, построенных по всем картам бус местного производства, показывающих, какие факторы стояли за распределением рассмотренных материалов. Еще интереснее выделенное объединение бус местного производства из всей суммы одноцветных бус Кавказа и Крыма V–IX вв. (6028 экз.) по их поведению в пространстве, что подробно нами рассмотрено ранее [Ковалевская, 2000а, с. 30–34]. Важно, что эти бусы объективно группируются географической программой, поскольку распространение бус, имеющее ее центр внутри или вовне рассматриваемой территории, различно, тем более что для импортных бус определяется и направление их поступления на изучаемую территорию. Примером различия в пространственном размещении местных и импортных бус является анализ карты второй главной компоненты всех одноцветных бус, найденных в Крыму и Предкавказье [Ковалевская, 2000а, рис. 167]. Карта выделяет два расположенных полярно очага повышенной концентрации бус: один в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа, другой в Осетии, Ичкерии и Дагестане. Промежуточная область обширна и занимает все Терско-Кубанское междуречье. Западный ареал определяют специфические византийские бусы из полупрозрачного голубого стекла нескольких типов, источником поступления которых является черноморская торговля. Восточный ареал определяют бусы местного производства – в большей мере из оранжевого непрозрачного стекла, в меньшей мере – из свинцового полупрозрачного. Я говорила уже о том, что в картах главных компонент для нас представляет особую важность то, что, пользуясь матрицами коэффициентов корреляции каждой из синтетических карт со всеми артефактами, которые через свои аналитические карты ее построили, мы можем судить о том, какие именно типы бус характерны для выделенных ареалов. Отмечала я и то, что информативными в археологии являются и синтетические карты не самого высокого порядка. Так восьмая главная компонента одноцветных бус, построенная на основании пространственного размещения 5421 экз. бус, объединяет продукцию местных стеклоделательных мастерских. Бусы, как многосвинцовые, так и из «посудного» стекла определяют основную центральную зону концентрации в горах Осетии и предгорьях Кабардино-Балкарии, вплоть до Кавказских Минеральных Вод. Вторая изолированная зона повышенной концентрации располагается в предгорном Дагестане и определяется связью этой области карты с бусами из оранжевого стекла дагестанского происхождения.

В связи с вышерассмотренными картами Кавказа нам следует остановиться на важном, с точки зрения построения карт, вопросе об уровнях организации картируемого пространства, т.е. об «окне», в котором мы изучаем пространственное распределение изучаемых объектов.

На карте 2 данные по кавказскому генофонду рассматриваются в наименьшем, по сравнению с другими (карты 3– 5), масштабе. Это значит, что нас интересует генофонд собственно-кавказского местного населения в его генетических и культурно-исторических связях с населением сопредельных территорий, как северных, так и южных. И в этом контексте именно степной импульс (для Предкавказья и части Закавказья) и ближневосточный (для Закавказья) оказываются важнейшими и выражены в первой компоненте. Кавказский генофонд, рассмотренный в окне большего масштаба (карта 4), смещает акценты. На карте первой компоненты, которую мы сейчас не рассматриваем, основное направление изолиний меридионально, что отражает то членение Предкавказья границами ряда археологических культур древности, которое сохранилось и в современном географическом членении Предкавказья на Северо-Западный, Центральный и Восточный Кавказ и в административно-политическом его разделении, о чем мы говорили в начале этой главы. На приведенной нами карте второй главной компоненты в окне Крыма-Кавказа (карта 4) отражен степной импульс, который в целом, соответствуя карте 2, имеет несколько иное направление, а именно – с северо-востока на юго-запад, перпендикулярно направлению Главного Кавказского хребта, и оно, как мы уже показали, хорошо корреспондирует с пространственным размещением раннесредневековых археологических памятников или путей скифского времени. Перестройка материалов кавказского генофонда в «окно» именно этого масштаба объясняется тем, что последнее было выбрано в качестве оптимального для картирования массового археологического материала [Ковалевская, 1998а, 1998б, 2000а, б] – бус, поясных наборов, типов погребальных сооружений и поселений, зеркал и амулетов, а для компьютерного сравнения археологических данных между собой и с геногеографическими необходимым условием является единая основа для картирования.

В некоторых случаях для анализа культурно-исторических и торговых связей в пределах аланской археологической культуры мы еще на один порядок ограничиваем «окно» карты, а именно – Центральным Предкавказьем, опираясь на свидетельства письменных источников о границах исторической Алании. Такое увеличение масштаба (см. карты 40–48) нужно нам для

решения ряда частных вопросов, и в данном случае мы на этом не останавливаемся, так же как и на адаптации геногеографических компьютерных программ С.Ю.Рычкова к анализу отдельного могильника, что успешно было использовано при анализе раннесредневекового могильника Дюрсо [Дмитриев и др., 1998, с. 67] и Верхне-Кобанского могильника развитого средневековья по итогам наших раскопок 1985–1991 гг.

Широко используется для археологических исследований карта Восточной Европы как наиболее мелкомасштабная карта в наших построениях (см. карты распространения акинаков VII-V вв. до н.э.). Все имеющиеся в нашем распоряжении материалы в предлагаемой вниманию читателя монографии картируются, как правило, в четырех «окнах», причем собственно северокавказские материалы на картах Восточной Европы часто оказываются более выразительными и обобщенными. И, главное, именно на этих картах Предкавказья – Крыма и Восточной Европы, основываясь на археологические данные, можно определить характер, направление и интенсивность историко-культурных и торговых связей.

В результате построения сотен компьютерных карт плотности распределения массовых археологических материалов вся Восточная Европа оказывается пересеченной бесчисленными траекториями, соединяющими географические точки могильников (как мы показали при картировании акинаков) через присутствие в них определенных разновидностей артефактов с теми производственными центрами, или ареалами максимальной концентрации, существование и местоположение которых, как правило, нам неизвестно и определяется по построенным картам. Траектории объединяются в направленные торговые потоки или пути переселения народов. На каждую из траекторий распространяется правило пропорциональности по отношению к расстоянию до предполагаемого центра производства: чем расстояние до центра производства больше, тем меньше вероятность нахождения связанного с этим центром артефакта в данном удаленном пункте, и наоборот.

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов для средневековья только поясные наборы позволяют определять пути VI–VII вв., пересекающие Восточную Европу, и эти данные находят подтверждение в недавних материалах проводимых В.Ю.Морозовым исследований путей проникновения сасанидских монет и восточных сосудов на Волгу [Морозов, 1996, с. 148–164]. Стилистические изменения орнаментики деталей поясных наборов «геральдического типа» позволяют нам рассматривать в хронологической последовательности изменения направления путей из северокавказских районов, тесно связанных с Византией, на север. Для второй половины VI в. преобладающим направлением является меридиональное (70% карт) повторение пути «отложившихся скифов» (направления 1, 1а, 1б на карте 10), когда на всем протяжении пути в Волго-Донском междуречье не было необходимости преодолевать водные преграды. Если учесть, что речь идет о конных воинах раннего средневековья (связи по поясным наборам – в большей мере историко-культурные, чем торговые), которые могли участвовать в ирано-византийских войнах в VI – начале VII вв. на Кавказе, то жалованные пояса оказываются свидетельствами именно этих союзнических отношений «северных варваров» с Византийской империей. Не противоречит тому факту, что мы имеем дело не с собственно волжским, а с меридиональным путем по междуречью Волги-Дона, нахождение ранних деталей поясов в памятниках Средней Волги на ее правобережье.

Позднее, на рубеже VI и VII вв., наряду с сухопутными маршрутами электронные карты выделяют речной волжский путь, который становится доминирующим во второй половине VII в. и позже. Подробно это рассмотрено в статье о Волжском пути [Ковалевская, 2001а, с. 186–213], я же повторю здесь суммированную карту-схему, построенную на основании компьютерного анализа 1349 деталей геральдических поясов по нескольким десяткам типов второй половины VI - первой половины VIII вв. (карта 21а). Хронологическим продолжением анализа направления путей в Восточной Европе являются карты распространения каменных и стеклянных бус VIII-IX вв. (карта 21б), детально описанные и частично опубликованные в монографиях автора 1998 и 2000 гг. Для того, чтобы проиллюстрировать то явление, что отдельные артефакты проникают разными путями на Волгу, Дон и Северский Донец, мы приводим на картах 19 и 20 не публиковавшиеся ранее материалы распространения некоторых типов зеркал и амулетов, подготовленные для картирования автором данной монографии, а также М.С. Кулландой и З.Х-М.Царикаевой (карты построены и подготовлены к печати А.Н. Евсюковым). Следует только отметить, что если бусы служили предметом торговли и в своей подавляющей части имели восточно-средиземноморское, византийское или азиатское происхождение, проникая в Восточную Европу через Кавказ и Крым, то металлические амулеты и зеркала являются этнодифференцирующими признаками, специфичными для сармато-аланского мира. Характеризуют они не столько пере-

движения вещей, сколько передвижения людей, на чем подробно я уже останавливалась, выделяя первых аланских переселенцев второй половины VIII в. на Кубани и Северском Донце [Ковалевская, 2002а, с. 62–67] и уточняя на основании компьютерных карт, с какими районами Предкавказья наблюдается повышенная связь. Поясню это на примере карто-схем, которые обобщают десятки компьютерных карт и позволяют определять интенсивность использования тех или иных сухопутных и речных путей, районируя как исходную территорию (Предкавказье), так и конечный пункт поступления картированных материалов (выделяя в пределах салтово-маяцкой культуры донецкие и донские памятники).

Подобную работу мы проводили ранее, сопоставляя между собой характер, направление и интенсивность связей между памятниками СМК и Самарской Луки с тремя регионами Предкавказья и Крымом [Ковалевская, 2001а, с. 191–195, рис. 7]. В памятниках Самарской Луки (карта 21в) повышенная связь наблюдалась с хазарским Дагестаном (36,5% карт), затем с северо-западным Кавказом (23,5%), в меньшей мере – с Центральным Предкавказьем (16%), и совсем в малой степени – с Крымом (6%). Для памятников СМК – равная связь (по 28%) с восточным и западным Предкавказьем, тогда как с Крымом менее высокая связь (19%) и ниже (14%) с Центральным Предкавказьем. В этом случае в хронологическом плане следует только отметить, что памятники Самарской Луки имеют более узкий хронологический диапазон и относятся к несколько более раннему времени, чем рассмотренные памятники СМК. Для того чтобы разделить их во времени, мы разделили их пространственно, исходя из того, что использованные для картирования донские материалы датируются несколько более поздним временем. И если будет наблюдаться различие в интенсивности и направлении путей, то его можно будет объяснить временной динамикой. Картосхемы при дробном районировании Предкавказья (7 районов) были построены для разных групп бус и для всех 26541 экз. бус на основании 49 компьютерных карт. Донецкие памятники, отразившие в составе бусинных наборов процесс передвижения аланского населения с Северного Кавказа, обнаружили наиболее тесные связи с территорией Дагестана и Центрального Предкавказья, тогда как верхнедонские памятники оказались в наиболее тесной связи со средним Прикубаньем и Крымом, что лишний раз указывает на усиление связей с Крымом на протяжении существования памятников СМК. Прогностический характер изолинейных карт выражается в том, что ареалы максимальной концентрации выходят за рамки карты, если центр производства картируемых артефактов находится вне картируемого пространства и мы видим тот путь, с помощью которого они продвинулись в картируемое пространство.

Таким же образом карты указывают на те пути, которыми изучаемые материалы могут (или должны) уйти далее на сопредельные территории. Нами это указано на карте 21в, а в монографии [Ковалевская, 2000а] приведеы все сведения о каждой из МЕР бус, пути распространения которых не ограничиваются бассейном Волги и Дона и отдельные экземпляры которых встречены на северо-западе – на Днепре, в Старой Ладоге и Скандинавии. К сожалению, бусы с территории северо-западной России IX–XI вв. не подвергались специальному исследованию, за исключением нескольких пунктов, в частности Старой Ладоги и Гнездова, поэтому особое значение для продолжения наших исследований в западном направлении представляла монография Й.Кальмера и позднее его статья [Callmer, 1992] об импорте восточных по своему происхождению каменных и стеклянных бус через Восточную и Центральную Европу в Скандинавию. На карте им было выделено 27 областей от Дании и Скандинавии – на северо-западе, до западносибирских памятников – на северо-востоке и Албании, Болгарии, Восточного Средиземноморья и Ирана – на юге. Для каждой из выделенных географических областей было отмечено присутствие-отсутствие девяти типов восточных бус.

Конечно, 9 типов – это малая часть того многообразия бус, которые в это время поступали на изучаемую территорию, тем более, что среди них были бусы как византийского, так и восточно-средиземноморского (вплоть до индийского) происхождения. Кроме того, сам факт присутствия недостаточен, чтобы строить на этом основании выводы о направлении путей и интенсивности их использования. Но остается возможность совмещения этих двух подходов: на компьютерную карту Европы можно нанести значковую карту Й.Кальмера, что сделано нами на нескольких картах совместно с Т.А.Пушкиной и А.А.Тодоровой в докладе, прочитанном на конференции, посвященной изучению скандинавских бус в Копенгагене в 2002 г. [Kovalevskaya, Puikina, Todorova, in press], и представлено на карте 22. На карте 22а показано распространение в Европе византийских по своему происхождению стеклянных бус, которые в Восточной Европе занимают южные крымско-северокавказские территории, лишь в единичных случаях достигая Волго-Камья, но при этом степным Причерноморьем уходя к Дунаю. По данным Й.Кальмера (на карте 22а указанные им пункты обозначены кружками), рисуется продолжение этого пути по Дунаю,

а далее – к Балтийскому побережью вплоть до Дании, а оттуда – в Ладогу. Этот путь распространения византийских и восточно-средиземноморских бус из Скандинавии на территорию Ладоги и Гнездова принят исследователями [Львова, 1977, с. 107–108; Лихтер, Щапова, 1991, с. 257] и может быть проиллюстрирован картой 22а. Но большая часть карт, построенных таким же образом по материалам Й.Кальмера, соответствует карте 22б, когда мы видим, что в Скандинавию мозаичные бусы из многоцветного стержня, покрытого зелено-желтыми полосками стекла (МЕР № 231–234), поступают северными путями через Дон и Волгу вплоть до бассейна Днепра (Гнездово). В настоящее время число транзитных пунктов в этом пространстве увеличилось, и положения о том, что в Гнездово, на Рюриково Городище и в Старую Ладогу восточные по своему происхождению бусы попадали через Волгу, Дон, Донец и Кавказ, имеют статистическое и картографическое обоснование, хотя разработка и доказательство этого остается делом будущего.

Археолого-картографическое исследование, проведенное в широком объеме, является новым источником информации, касающимся историко-культурных связей древнего населения, реконструированным на основании анализа массового археологического материала, а отнюдь не только иллюстрацией. Мы получаем для исследованных территорий коммуникационную сетку с учетом интенсивности и направления торговых связей и их изменений на протяжении времени.

Для изучения этнокультурной ситуации мы имеем возможность сопоставлять археологические карты, полученные для этнодифференцирующих признаков с геногеографическими картами. Карты и рассмотренные выше математические методы в применении к археологии являются существенным обогащением наших традиционных исследований, углубляющим анализ, делающим наши выводы объективными и доказательными. На генерированных компьютером картах перед археологом предстает рельеф, созданный событиями изучаемой им исторической эпохи.

Результаты новы тем, что доказывают возможность средствами компьютерного интерполяционного картирования археологической информации исследовать географический ход исторического процесса на широких и узких территориях, так же как в протяженных и коротких интервалах времени, насыщенного бурными историческими событиями, связанными с историей конкретных этнических общностей в их передвижениях и историко-культурных связях.

Глава III

КАВКАЗ В I ТЫС. ДО Н. Э. И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА

§ 1. Локальные варианты и традиции домостроительства

На протяжении I тыс. до н.э. в Центральном Предкавказье складывались древние общества, культура которых обладала рядом специфических черт, объединявших племена Центрального Кавказа в единую культурно-историческую общность и отделявших их от обитателей северокавказских и причерноморских степей, Северо-Западного Кавказа (Прикубанье и Черноморское побережье Кавказа), Дагестана и Закавказья.

Тема происхождения северокавказских народов остается сложнейшей в исследовательском и прежде всего методическом плане. Она включает в себя задачи оценки удельного веса местного кавказского населения в этногенезе, определения тех археологических культур древности, с которыми его можно связывать на разных этапах. Мы должны выяснить, позволяет ли археологический материал решать эти вопросы однозначно, в частности, надежно оценить вклад пришлых ирано- и тюркоязычных племен, охарактеризовать проявление (и овеществление) непрерывной культурной традиции и механизм внедрения в нее новых элементов. Нас интересуют закономерности отражения в материалах археологии передвижений племен, включения (инкорпорации) пришельцев в местную среду, изменения физического типа населения или же победы того или иного языка.

В связи с необходимостью решения вопросов происхождения археологической культуры как единой системы и изучения ее дальнейшего развития следует определить генезис основных типов явлений (поселения, типы погребальных сооружений, вещи), построить их эволюционные ряды, картографировать их, обозначить характер связи исследуемой культуры (или ее элементов) с другими одновременными ей и более ранними, оценить ее вклад в сложение последующих культур – именно в этом заключается принцип историзма.

Членение кобанской культуры на локальные варианты отражает в такой же мере состояние изученности конкретных археологических памятников, как и уровень развития теоретической мысли по этой проблеме и применяемый исследователями географический подход. Поэтому продуктивнее всего рассмотреть эту проблему в историческом плане, акцентируя эти аспекты. Кобанская культура вошла в науку более столетия назад материалами Кобанского могильника и еще в середине 20-х годов XX в. область ее распространения ограничивалась окрестностями этого могильника в горных районах Осетии. После исследования могильников и фиксации бытовых памятников кобанской культуры в Кабардино-Балкарии, в районе Кавказских Минеральных Вод и на Тереке, появились основания говорить о распространении кобанской культуры с гор в предгорья и на равнины [Иессен, 1941, с. 19–20] и выделить ее отличительные признаки. Первым этапом было определение Е.И.Крупновым границ кобанской культуры в Центральном Предкавказье в самом общем виде: когда на западе верхнее течение Кубани отделяло ее от Прикубанской, на севере граница проходила широтно южнее Ставрополья, по Сунже шла граница с каякентско-хорочоевской культурой, по Кавказскому хребту – с родственной ей колхидской (карта 23).

Чтобы оценить исследования Е.И.Крупнова, необходимо сказать о тех целях, которые им были поставлены, тех путях, которыми он шел, и тех методических приемах, которые он использовал. Его конкретные исследования относились ко времени господства теории стадиальности в археологии (довоенные и первые послевоенные годы, когда основное внимание обращалось на периодизацию культуры) и развенчания этой теории, когда на первое место были выдвинуты этногенетические вопросы. Теоретическая разработка вопросов анализа археологической культуры в нашей литературе отсутствовала, и, как правило, исследователи ограничивались следованием за работами О.Монтелиуса и Г.Коссины, по которым понятие археологической культуры было тесно скоррелировано с этносом. Во всех исследованиях Е.И.Крупнова кобанская археологическая культура отождествляется с единым этносом, относящимся к иберо-кавказской группе языков без приведения системы доказательств, а локальный вариант – с культурой отдельной племенной группы [Крупнов, 1960, с. 170]. В.И.Козенкова, разбирая те признаки кобанской культуры, которые выбраны в качестве определяющих, отмечала, что «особо не подчеркивались локальные черты, обусловленные ландшафтным расположением памятников. Ареал кобанской культуры был очерчен в трудах Е.И.Крупнова вполне определенно, но аргументация условных линий на картах (особенно локальных вариантов) была расшифрована в тексте недостаточно обстоятельно» [Козенкова, 1996, с. 63]. Поставленная задача требует применения пространственно-хронологической схемы рассмотрения материалов, все множество памятников разбивается на группы по этапам и ареалам. Правда, поскольку цель заключалась в исторической интерпретации, а не типологической характеристике памятников кобанской культуры, источниковедческая сторона работы не являлась первостепенной для автора. Как показывает В.Б.Виноградов, в исследованиях Е.И.Крупнова рассматриваются не все памятники, а эталонные, «типовые» [Виноградов, 1972, с. 186], не все вещи, а выявленные в материале «этнические признаки» (собственно, если мы рассмотрим характеристики культуроразличительных признаков, то увидим не расчлененные на типы категории вещей), что соответствовало уровню развития археологии середины XX столетия. За предложенными ареалами не стояла археологическая карта памятников, поэтому мы не можем судить ни о плотности их распределения, ни об обоснованности предложенных границ. Поскольку не существует карт ареалов (изопрагмы) тех признаков, которые рассматриваются как дифференцирующие (погребальный обряд, типы погребальных сооружений, керамика), мы не можем судить о том, совпадают ли они между собой и с выделенными локальными вариантами, какова степень их взаимоналожения, каковы их количественные характеристики (в частотах или абсолютных цифрах).

На обобщающие работы по археологии Северного Кавказа не могло не повлиять акцентирование внимания при районировании Центрального Предкавказья рядом географов 50-60-х годов прошлого века, как мы уже указывали выше, на его меридиональных границах, проходящих по основным водоразделам. При таком делении на Западный, Центральный и Восточный Кавказ ландшафтные границы фактически игнорировались и горные области и предгорья рассматривались как нечто цельное (в ряде случаев археологи суммировали материалы, изученные в той или иной республике Кавказа). Последнее подверглось критике со стороны В.Б.Виноградова [Виноградов, 1972, с. 298]. И.М.Чеченов отметил в своих работах, что Е.И.Крупновым разные локальные варианты выделяются по памятникам, происходящим из различных ландшафтных зон: западный – по предгорным, центральный – по горным, восточный – по равнинным и предгорным [Чеченов, 1974, с. 18]. Не выдержан строго и хронологический признак: несмотря на то что были предложены локальные варианты кобанской культуры скифского периода, в их построении участвовали материалы широкого хронологического диапазона (там же, с. 17–18). Нужно отметить также, что локальные варианты постулировались, а не выводились из детального анализа памятников: этот факт характеризует прежде всего состояние материала в момент исследования, являясь определенным этапом его интерпретации.

За истекшее время членение кобанской культуры на локальные варианты, так же как и определение ее ареала, в связи с увеличением материала и углублением его анализа, существенно изменилось: прежде всего за это время изданы археологические карты для ряда республик и областей Северного Кавказа, что позволяет поднять исследование на более высокий источниковедческий уровень. В.И.Козенковой издан ряд выпусков САИ и монографий (1982, 1995, 1996, 1998, 2002 гг.). Продвинулись типологические работы в этом плане и значительно увеличился общий фонд источников. И, главное, на новом этапе находится и состояние теоретической мысли об археологической культуре. Это нашло свое выражение в указанных работах В.Б.Виноградова, И.М.Чеченова и ряда других исследователей, которыми, в частности, были подвергнуты ревизии чисто гидрографические принципы выделения локальных вариантов. Правда, в методическом плане положения ряда авторов (как негативные, так и позитивные) уязвимы для критики, но безуслов-

ной заслугой является коренной пересмотр географического подхода к материалу, поддержанный в последующие десятилетия рядом кавказоведов [Ковалевская, 1984, с. 57; Абрамова, 1984, с. 58]. Как пишет относительно работ автора на эту тему В.И.Козенкова: «Попытка системного подхода к археологическим памятникам как группам этнокультуры, имеющим свою определенную экологическую нишу, весьма перспективна» [Козенкова, 1989, с. 65].

Действительно, не вызывает сомнения справедливость выбора в качестве основы геоморфологической карты Северного Кавказа, где равнины отделены от предгорий, а последние от гор. Правда, применяя картографический метод, следовало бы локальные варианты очерчивать на той же карте, где помещены сами памятники и зафиксированы ареалы тех признаков, которые рассматриваются как культуроразличительные. Этого, к сожалению, нет, поэтому для проверки правильности выделения локальных вариантов различными исследователями мы можем оперировать предложенными ими границами на карте кобанских памятников.

Но прежде чем конкретно сопоставлять между собой эти ареалы, проверим на материале уловленные этими исследователями тенденции в распространении тех признаков, которые большинством исследователей принимались за основные культуроразличительные. Коль скоро принятые ими границы меридиональны, а ряд археологов обращает особое внимание еще и на ландшафтные зоны, мы должны проверить правоту обеих групп исследователей, оценив наличие и характер изменений, происходящих в тех или иных параметрах культуры как с запада на восток, так и с севера на юг. Погребальные сооружения и погребальный обряд единодушно воспринимались как культуроразличительные признаки [Крупнов, 1960, с. 177; Алексеева, 1976, с. 50–63; Чеченов, 1974, с. 22; Козенкова, 1989, с. 65; Козенкова, 2002, с. 50; Марковин, Мунчаев, 2003, с. 159].

Правда, необходимо отметить, что в рассматриваемое время аналогичные кобанским каменные ящики, гробницы и грунтовые ямы (без камня или с каменным оформлением или заполнением) были распространены на всех смежных территориях от Закавказья вплоть до Италии на западе, Ирана, Малой и Передней Азии – на юге. A priori можно сказать, что, картографируя такие грубые градации погребальных сооружений, как курганы, грунтовые могилы и каменные ящики, мы существенно сокращаем необходимую нам информацию. И все же, у нас появляется возможность подсчитать процентное соотношение погребальных сооружений разного типа по ландшафтным зонам, равнинам, предгорьям и горам, чтобы оценить, существует ли направленное изменение в этих данных. Сразу же отметим, что все наши подсчеты отражают как имеющиеся объективные закономерности в распределении памятников, так и неполноту наших знаний (данные по равнинным, предгорным и горным районам оказываются несопоставимы между собой, поскольку для равнин мы имеем 23 наблюдения, для предгорий – 134, а для гор – всего 9). Из этого мы можем сделать следующие выводы: ценность процентных соотношений различна при столь разном статистическом основании для различных ландшафтных зон. Данные по горным районам очень неполноценны. Имеющиеся в литературе характеристики локальных вариантов (в том случае, когда не учитывается зональность) фактически базируются на данных по предгорьям (они составляют более 75% наблюдений) и не могут, соответственно, характеризовать локальный вариант в его полноте. В некоторых случаях анализ таких культурно-различительных черт, как женские украшения, в конкретных памятниках приводит исследователей, не склонных к выделению крупных локальных подразделений по ландшафтному признаку, к необходимости, делать исключения, предлагая в этом случае выделять горные, например, верхнекобанскую для западного локального варианта, или горную северную и южную группы для центрального локального варианта кобанской культуры [Козенкова, 1989, с. 65].

Сопоставляя между собой распределение по трем основным типам погребальных сооружений (карта 24), мы можем отметить следующее: резкое отличие между равнинами, с одной стороны, где преобладают (составляя около 60%) курганы, затем идут грунтовые погребения (30%) и единичные каменные гробницы и каменные ящики (10%) и предгорьями, с другой стороны, где абсолютно преобладают каменные ящики и гробницы (около 65%), на втором месте находятся грунтовые погребения (около 22%), а курганы составляют всего около 13%. Горные районы дают те же процентные соотношения, что и предгорья. Если мы обратимся к этим процентным соотношениям в плане их возможного изменения с запада на восток[1], то не увидим никакой за-

[1] Для того, чтобы сопоставить между собой примерно равные территории и избегнуть подсчетов, исходящих из современного административного районирования, мы ввели деление по меридиональной сетке, когда вся рассматриваемая территория членится нами искусственно на шесть равновеликих участков (от «а» до «е»), по которым происходит рассмотрение количественных характеристик памятников древности и раннего средневековья (см. ниже).

кономерности за исключением того, что в восточной части (очевидно, в связи с абсолютным преобладанием комплексов VI–IV вв. до н.э.) резко увеличивается процент грунтовых захоронений. Компьютерные карты 25–27 показывают, что разные типы погребальных сооружений для кобанской культуры скифского времени указывают на тяготение курганов к степным и равнинным областям, тогда как каменные ящики и грунтовые погребения занимают предгорно-горные районы Центрального Предкавказья.

Следовательно, информативность погребальных сооружений относится прежде всего к ландшафтным изменениям, тогда как в эпоху раннего средневековья (как мы рассмотрим ниже) она позволяет оценить и меридиональные отличия. Правда, надо сделать еще одну оговорку относительно использования данных погребальных сооружений. Определенная смазанность картины заключается в том, что мы рассматриваем локальные отличия без учета хронологических, не всегда нам известных достаточно определенно, поскольку, только беря всю сумму памятников, мы получаем достаточно представительную выборку. А локальные варианты кобанской культуры, как справедливо подчеркивала М.П.Абрамова, должны строиться на материалах более раннего времени, которые существуют далеко не для всех регионов. Картографирование и подсчеты кобанских памятников Кавказских Минеральных Вод наглядно показали, как меняются во времени типы погребальных сооружений: процент каменных ящиков из четырех плит, составляющих в предскифских памятниках 60, в скифский период спускается до 5, тогда как процент каменных гробниц поднимается от 30 до 63; грунтовые погребения в кобанской культуре появляются в основном только в скифский период[2].

Подобного типа ареалы приводятся В.Б.Виноградовым [Виноградов, 1972, рис. 68, 69]. Но то, что они не совмещены с археологической картой и не подкреплены количественными подсчетами, лишает их необходимой доказательности. Очень интересны карты, предложенные В.И.Козенковой, картографировавшей данные по орнаментации керамики [Козенкова, 1981, рис. 3][3] и распространению кобанских бронз [Козенкова, 1982, рис. 1], для двух различных выделенных ею локальных вариантов, но, собственно, из этих карт в представленной форме сейчас мы ничего не можем извлечь для подтверждения правильности выделения вариантов, поскольку факт наличия тех или иных вещей в данном локальном варианте может быть информативен только в том случае, если: а) будут картографированы эти же факты во всем ареале кобанской культуры и на смежных территориях; б) обнаружатся взаимоналожения ареалов вещей (пересечение изопрагм); в) можно будет оценить их сопряженность между собой; г) накладывающиеся друг на друга ареалы различных археологических вещей и явлений объективно очертят географические варианты в пределах кобанской культуры.

В.И.Козенкова предлагает видеть западный локальный вариант в размерах значительно больших, чем считали ранее А.А.Иессен, Е.И.Крупнов, В.Б.Виноградов и И.М.Чеченов, с чем, очевидно, можно согласиться. Но если мы рассмотрим эти материалы с учетом ландшафтных зон, то должны отметить, что материалы в горных районах составляют всего 5% от общего числа, тогда как в предгорных – 85%. Следовательно представленные данные характеризуют прежде всего именно предгорную часть. Малое число памятников в горных районах (4 пункта) позволяет пока лишь поставить вопрос о том, случайно ли отсутствие трех из восьми видов орнаментации в горных районах, либо оно отражает специфику балкарской (И.М.Чеченов) или дигорско-балкарской (В.Б.Виноградов) группы горного локального варианта. Поэтому при выделении локальных вариантов следует обращать особое внимание на факт «отсутствия» того или иного признака, что можно выявить лишь при наличии карт ареалов вещей: на изменение частоты встречаемости (даже такие достаточно общие характеристики, как «чаще» и «реже», «больше» или «меньше» уже являются шагом вперед по сравнению с их полным отсутствием); на увеличение объема сравни-

---

[2] Интересно, что статистические подсчеты конкретно могут быть проиллюстрированы на могильнике конца VII – начала VI вв. до н.э., раскопанном нами на Эшкаконе в Приэльбрусье, где самые ранние погребения совершены в каменных ящиках (рис. 3) (переходным можно считать детское погребение, где каменный ящик опущен в каменную гробницу), а позднее сооружались каменные гробницы и грунтовые погребения, причем последние с большим или меньшим участием камня в их оформлении (рис. 4).

[3] Читатель лишен возможности в должной мере использовать предложенный материал в карте по западному локальному варианту, так как на карте не отмечены номерами археологические памятники, и, поскольку неизвестен набор разных видов орнаментации керамики на одном памятнике, а условные знаки на некоторых участках карты расположены сплошной площадью, то, даже зная географическое распределение памятников, их невозможно совместить с приведенными условными знаками. И, кроме того, трудно сказать, имеем ли мы основания говорить о локальном варианте или об АК.

ваемых признаков, на их ковариацию и оценку различными критериями силы сходства; на углубление типологического анализа вещей, в частности украшений и керамики с выделением существенных типов, позволяющих выявить «специфическую окраску варианта» [Козенкова, 1982, с. 85]; на связь с кавказским субстратом в его специфической для выделенного района форме [Крупнов, 1960, с. 211, 241]; на «степень подверженности влиянию или воздействию культуры ираноязычных кочевников» [Виноградов, 1972, с. 189]; на изменение границ локальных вариантов, так же как и на динамику изменения культурных признаков, характеризующих их, во времени; на геоморфологическую ландшафтную карту рассматриваемого региона; на своеобразное, неповторимое сочетание культурных черт в количественном выражении как в кобанской культуре в целом, так и в ее локальных вариантах.

Как мы уже говорили выше, очень продуктивно рассмотрение тех элементов культуры, которые несут в себе традицию, диахронно: путем наложения на карту ареалов памятников разных эпох. Для погребальных сооружений Центрального Предкавказья – это каменные гробницы и грунтовые погребения (иногда с некоторым использованием камня). Они несут в себе местную, добавим, не прерывающуюся традицию с середины I тыс. до н.э. до эпохи раннего средневековья. На примерах изменений ареалов разного типа погребальных сооружений может быть рассмотрен ритм обновления традиции: степень длительности их существования в культуре, время появления (первичные и вторичные), характер инноваций (экзогенный или эндогенный). Информация о том, с какого времени бытует на Северном Кавказе рассматриваемый тип погребального сооружения, представляет безусловный интерес, поскольку мы можем оценить, с импульсом какой из культур (скифской, сармато-аланской, смешанной скифско-кобанской или местной кобанской) следует связывать данное явление, т.е. определить относительную глубину традиций.

Наблюдая преемственность в традиционной культуре Центральной части Северного Кавказа I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., мы получаем подтверждение точки зрения, что рассматриваемую часть Кавказа следует выделять в особую историко-культурную область. Причем сам факт определенной стабильности границ этой территории (достаточно сравнить карту археологических памятников кобанской культуры, взятой в самом общем виде, а скорее КИО с археологической картой памятников V–IX вв., которые мы связываем с аланами) позволяет поставить вопрос о существовании определенного этносоциального организма, который традиционно способствовал поддержанию этой стабильности. С другой стороны, анализ постоянных и тесных контактов местного кавказского населения с обновляющимся миром степняков-кочевников, начиная с киммерийско-скифского до болгаро-хазарского времени, свидетельствует в пользу как внедрения многочисленных культурных импульсов, внешних по происхождению по сравнению с традиционной местной культурой, так и смешения населения, что приводило к этническим изменениям.

Поскольку время существования кобанской КИО охватывает очень длительный промежуток времени, вполне закономерной является постановка вопроса о том, одинаково ли гомогенна культура во всех периодах и следует ли видеть качественное отличие между древней и позднекобанской культурой, в какой мере актуализируется в ней культурное наследство, насколько и в чем сильны культурные традиции и как в них проявляются локальные отличия.

В плане анализа древних традиций особое место занимает изучение домостроительства. Ввиду того, что в ряде работ я специально останавливалась на этих вопросах [Ковалевская, 1984а, с. 57–69; 1984б, с. 88–98], постараюсь особое внимание обратить на связь традиций домостроительства с географической зональностью и, в частности, на специфику кобанских жилищ и поселений горно-предгорных районов. Именно горные районы Большого Кавказа сохраняли в материальной культуре древние традиции в принципах домостроительства, выборе места для поселения, типе жилища, в зооморфной пластике, декоре керамики, связывая этнографические памятники XVII–XVIII вв. с древностями аланской и кобанской культур. Изменения традиционных форм домостроительства происходят медленно в связи с ориентированностью последнего на устойчивые и стабильные свойства среды, в частности, на тип избранной носителем культуры определенной экологической ниши (долины, предгорья, куэсты, плоскогорья, степи или высокогорья) и на характер социального окружения. Поэтому именно в традиционном домостроительстве (рис. 5–6) видны следы длительной истории носителей рассматриваемой культуры, их происхождение, культурные связи, особенности геоморфологии избранной ими экологической ниши, специфика хозяйства и общественного устройства.

К сожалению, в настоящее время археологический материал, находящийся в нашем распоряжении, фрагментарен и очень малочислен. Если на археологической карте эпохи кобанской куль-

туры VIII–IV вв. до н.э. для Центрального Предкавказья можно насчитать около сотни поселени а для эпохи раннего средневековья – более 300, то конкретные данные о разных признаках, ха рактеризующих домостроительство рассматриваемого периода, не позволяют рассматривать эт вопросы с необходимой полнотой. Именно это состояние изученности археологического мате риала заставляет историков, изучающих поселения и жилища, относиться скептически к возмож ности переноса результатов типологии народных традиционных и современных жилищ и посе лений ретроспективно на археологию. Безусловно, из тех многочисленных признаков, которы рассматривают этнографы (более 200 для жилища), не более 20% могут быть отражены в архео логическом материале, благодаря его специфике, но, если учесть количество признаков в пря мой или опосредованной форме дошедших до нас при хорошей сохранности материала, поло жение начинает казаться не столь уж печальным. Для раннего периода мы рассматриваем мате риалы кобанских поселений на Эшкаконе (IX) VIII–VI вв. до н.э. (рис. 7–9) и одновременные и материалы с территории Восточной Грузии: Мцхета-Самтавро, Трелис-Горесби. Материалы поселениях восточного локального варианта кобанской культуры в недавнее время изданы монографии В.И.Козенковой [Козенкова, 2001] и данные по ним обобщены [Марковин, Мунчае 2003, с. 160–161]. При составлении предложенного списка признаков планировочных, объемно пространственных и конструктивных решений древнего домостроительства учтен весь иссле дованный нами археологический северокавказский материал (табл. 1, столбцы 1–3), сопоста ленный с обобщенным этнографическим (столбец 6), при обращении особого внимания на ме тодические разработки в области типологии традиционного жилища. Последовательность при знаков не содержит информации об их типологической важности, поскольку в различных клас сификационных работах на первое место могут быть вынесены использованные строительны материалы, этажность, форма крыши, форма террасы-айвана, планировка и т.д. Мы сможем оце нить по распределению этих признаков степень близости между собой рассматриваемых памят ников, выяснить как хронологическую и географическую приуроченность признаков, так и и информативность о различных аспектах жизни древнего населения. Так, экология прежде всеп сказывалась на строительной технике. Дома должны были быть надежным убежищем в доста точно суровых горных долинах Кавказа, создавая благоприятные условия в зимнюю стужу и лет ний зной. Этому отвечают «признаки условия». Их нормативность наглядно видна в табл. 1 (при знаки 1, 2, 6, 11, 12, 13–15, 17, 10, 43), поскольку они очень мало варьируют по памятникам. Дей ствительно, выбор освещенного солнцем склона, углубленность жилища, тяжелые конструкци стен без оконных проемов с высоким порогом, мощные земляные крыши, устройство кладовой под общей крышей, вход в жилое помещение через крытый двор, служащий термическим регу лятором, устройство в проходе дополнительного очага, ориентировка летних помещений на се вер, а зимних на юг – способствуют «термической инерции» жилища. И интересно, что именно этими признаками отмечены жилища более северных (Эшкакон) районов, по сравнению с За кавказьем (столбцы 4, 5). Именно эти черты, характеризующие хороший баланс со средой, ста новятся нормирующими, придавая культуре устойчивость, поскольку это те традиции, ритм об новления которых очень медленен при условии относительной стабильности природной среды.

Ландшафтная приуроченность определяется теми условиями, которые она представляет для развития производящей экономики: замкнутое ущелье с обилием родников, хорошими почвами в долине для занятий земледелием и прекрасными альпийскими пастбищами на плоскогорье по водоразделам, прогреваемый солнцем мыс при слиянии Эшкакона и Уллубаганалы, загороженный от ветров, – были теми агроклиматическими ресурсами, которые успешно использовались для жизни небольшим коллективом древних кобанцев (IX) VIII–VI вв. до н.э. Способ организа ции внутреннего пространства (проксемика), однозональность, выделение отдельных отсеков для малых семей, большие размеры помещения, наличие общей кладовой и совмещение жилого и хозяйственного помещения – характеризуют хозяйственно-бытовую жизнь коллектива, поэто му наряду с общими признаками мы наблюдаем локальные отличия при сравнении жилых по мещений северных и южных склонов Большого Кавказа.

Некоторые отличия несут на себе определенную этническую (или этнографическую) марки рованность: наличие кладовых на Эшкаконе, культовых жертвенников и угловых печей для вы печки хлеба в Закавказье. Особенно наглядны отличия при сравнении способа сочленения меж ду собой помещений с одинаковыми и разными функциями в диахронии и синхронии. Для Се верного Кавказа это один большой однокамерный дом первого строительного горизонта IX–VII вв. до н.э. (табл. 2, 1), четырехчленная усадьба, состоящая из двух однокамерных домов, в сочета нии с крытым двором и открытым загоном второго строительного горизонта VIII–VII вв. до н.э (см. табл. 2, 2) и уже относительно большая площадь поселения VII–VI вв. до н.э. с однокамерными

Таблица 1

№ п/п	Признаки планировочно-конструктивного решения		Памятники*					
			1	2	3	4	5	6
1	Выбор места	долина: а) берег реки	+	+	+	+	+	+
		б) склон	+	+	+	+	+	+
2	Характер организации	однозальность			+	+	+	+
	пространства	зал с выделенным помещением	+	+				
3	Отсутствие фундамента		+	+	+	+	+	+
4	Использование камня	для стен	+	+	+	+	+	+
5	Форма	прямолинейная	+		+	+	+	+
6		криволинейная		+				+
7	Размеры	до 50 м²		+	+	+	+	+
8		свыше 50 м²	+			+	+	+
9	Углубленность	срезанный склон	+	+		+	+	+
10		постепенный подъем вверх	+	+				+
11	Конструкция стен	толщиной до 50 см	+	+	+	+	+	+
12		толщиной более 50 см	+	+				+
13		панцирные	+	+	+			
14		построенные насухо	+	+	+	+	+	+
15		снизу более крупные камни	+	+	+	+	+	+
16		глухие	+	+	+	+	+	+
17		не несущие	+	+	+	+	+	
18	Дверной проем	высокий порог		+				+
19	Обшивка стен	вертикальными столбами	+	+		+	+	+
		сплошными столбами		+			+	
20	Обшивка стен	опорными под балки	+	+		+	+	+
21	Пол	земляной	+	+	+	+	+	+
22		щебенка	+	+				
23		каменные плиты	+	+	+	+	+	+
24	Каменные «нары»	из горизонтальных плит	+	+		+	+	+
25	Стоки из помещений	выходящие наружу		+			+	
26	Крепление крыши	центральный столб		+		+	+	
27		вертикальные ряды в центре	+	+		+	+	+
28		расстояние между (2–2,5 м)	+	+		+	+	
29	Опора на	плоский камень в яме	+	+				
		каменную базу				+	+	+
30		чашечный камень		+				
31	Плоская земляная крыша	с камнями	+	+				+
32	Совмещение жилой	кладовая под крышей	+	+				+
33	части с хозяйственной	хозяйственные ямы			+			
34	Очаг (местоположение)	в центре	+	+		+	+	
35		смещен		+	+	+	+	
36	Конструкция	глинобитная площадка	+		+	+	+	
37		из камней			+			+
38	Назначение	бытовой	+	+	+	+	+	+
39		печь для хлеба				+	+	
40		ритуальный очаг				+	+	
41	Вхождение в структуру	с одинаковыми помещениями				+	+	+
42		с разными помещениями		+				+
43		через смежную стену				+	+	+
44		через теневой навес		+				+

Таблица 2

Памятники	6*	5	4	3	2
1. Уллубаганалы IX–VIII вв. до н.э. 1 горизонт (дом № 2)	0,56	0,51	0,55	0,4	0,76
2. Уллубаганалы VIII–VII вв. до н.э. 2 горизонт (дом № 5)	0,39	0,51	0,50	0,3	
3. Уллубаганалы VII–VI вв. до н.э.	0,45	0,45	0,45		
4. Самтавро VIII–VII вв. до н.э.	0,54	0,97			
5. Трелис–Горееби VIII–VII вв. до н.э.	0,53				

* Обобщенный материал по этнографии традиционных жилищ балкарцев, карачаевцев и осетин.

изолированными углубленными в землю и наземными жилыми сооружениями нерегулярной планировки (см. табл. 2, 3).

В Закавказье VIII–VII вв. до н.э. очень близкие к северокавказским по планировочному решению и всему набору признаков дома дают монолитную структуру при ярусном размещении вдоль склона примыкающих друг к другу жилых помещений с общей плоской кровлей со светодымовыми отверстиями и вынесенными выше по склону рядами хозяйственных (хлева) помещений.

Сравнивая по повторяемости признаков жилые помещения разновременные и территориально удаленные друг от друга (см. табл. 2), мы можем, введя меру связи, получить ориентированный граф, показывающий тесноту связи. Наиболее близки между собой жилые помещения Закавказья. Правда, мы смогли там сравнить только обобщенные материалы по каждому из памятников, где объединены десятки жилых помещений. Дальнейшая полная публикация материалов Самтавро, Трелис-Гореби, Нареквави и др. позволит сопоставить между собой уже отдельные помещения и строительные горизонты, что, возможно, позволит увидеть динамику развития различных приемов домостроительства. Коэффициент связи (близкий к единице) характеризует степень устойчивости традиций домостроительства.

Сравнивая специфические признаки домостроительства двух строительных горизонтов раннего кобанского поселения на Эшкаконе IX–VIII–VII вв. до н.э. (см. табл. 2, *1* и *2*): мы можем оценить проявившуюся в них актуализацию культурного наследства в характере организации пространства, в ориентировке жилища, размерах, степени углубления в землю, конструкции, выделении кладового помещения, особенностях сооружения стен, пола, расположения опорных столбов, типов очага и т.д. При коэффициенте связи в 0,76 репродуцирующее начало настолько сильно, т.е. дома настолько повторяются в своих деталях, что можно было бы охарактеризовать традицию домостроительства как абсолютно консервативную. Иное дело, если мы сравним дома IX–VIII–VII вв. до н.э. с домами второй половины VII–VI вв. до н.э. Коэффициент связи здесь значительно ниже (0,4–0,3). В жилищах конца VII–VI вв. до н.э. наглядно видны и инновации: появление наземных жилищ, каменных очагов, углубленных в землю хозяйственных ям, исчезновение внутренних кладовых, уменьшение общих размеров жилищ при увеличении их количества на поселении, отсутствие крытых дворов, изменение проксемики и т.д. Указанная смена культурных традиций сначала на рубеже VII–VI вв. до н.э., потом на протяжении раннего средневековья при сохранении древних традиций с I тыс. до н.э. до недавнего времени, требует ответа на вопрос о том, где эти традиции могли сохраниться на протяжении столь длительного промежутка времени. Ответ может быть один – в горах Большого Кавказа. Очевидно, только очень плохой археологической изученностью горных районов можно объяснить отсутствие в нашем распоряжении тех материалов, которые способствовали возрождению или сохранению древних традиций домостроительства с начала II тыс. до н.э. вплоть до XVII–XIX вв.

§ 2. Исторические свидетельства о событиях на Кавказе в I тыс. до н.э.

Какое же отражение в письменных источниках нашла история насельников Северного Кавказа в I тыс. до н.э. К сожалению, письменная историческая традиция у северокавказских народов отсутствует, но привлечение для решения исторических вопросов свидетельств античных и закавказских древних историков и древневосточных документов продуктивно и традиционно. Такие грандиозные по тем временам события, как переднеазиатские походы скифов, не могли не привлечь к себе внимания древних авторов[1].

[1] Поскольку подробно эти события мною рассмотрены в статье [Ковалевская, 1975, с. 102–126], я опущу в дальнейшем изложении ту специальную литературу, которая была использована.

Наиболее подробно их описал греческий историк V в. до н.э. Геродот. Но, рассказав о взаимоотношениях скифов с могущественной Ассирией и только набиравшей в те годы силу Мидией, Геродот ни словом не обмолвился о взаимоотношениях скифов с обитателями кавказских гор. Он лишь упомянул, что маршрут скифского войска проходил через Кавказ. Между тем археологические материалы свидетельствуют, что скифы не просто прошли через Закавказье, часть из них осела здесь, их культура оказала значительное влияние на культуру местного населения [Погребова, 1984]. Для исторического осмысления этих археологических данных было бы весьма заманчиво сопоставить их с письменными данными. Причем особую важность приобретают сведения, сохранившиеся в историческом сочинении, открывающем грузинский летописный свод «Картлис цховреба» удивительно интересного и самостоятельного грузинского историка XI в. Леонти Мровели, лишь недавно занявшего заслуженное место источника по истории населения Северного Кавказа [Виноградов, 1963, с. 134–137; Тогошвили, 1967, с. 243–246; Ковалевская, 1975, с. 62–73; Гадло, 1979, с. 21–28]. Какую же информацию о происхождении и расселении кавказских племен и взаимоотношениях кавказцев и скифов мы можем почерпнуть из этого сочинения, где рассматривается история Грузии от библейских времен до средневековья? Еще в XIX в. известным востоковедом И.Клапротом было выдвинуто предположение, что раздел, носящий название «Нашествие хазар», описывает фактически события значительно более ранние, а именно скифские походы, при том, что в других отрывках скифы скрывались под именем бун-турков, хонов, кивчаков. Это предположение опиралось на широко известный факт, что для средневековых хронистов разных стран степные народы различных эпох сливались в некий единый обобщенный образ варвара-кочевника. Независимо от того, о каком периоде истории шла речь, их могли назвать то гуннами, то хазарами, то турками, то скифами. Вспомним, что и современник Мровели, автор «Повести временных лет» писал: «от скуфъ рекше от козаръ» [ПВЛ, т. II, 1950, с. 223].

Вывод о том, что в разделе «Нашествие хазар» Мровели в действительности повествуется о скифах, не вызывает у исследователей сомнений с начала XIX в. [Меликишвили, 1959, с. 35]. Что же касается источников, которыми пользовался Мровели, то следует отметить, что только часть из них, иногда в измененном виде, нам известна, например, Мокцеваэ Картлисай, «История» Мовсеса Хоренаци (вернее, те источники, которыми он пользовался), «Спарста Цховреба», Хватай-Намак, Шах-Намэ, «Александрия» Псевдокаллисфена. Наряду с этим, безусловно, как считают исследователи, в руках у Мровели были не дошедшие до нас древнейшие грузинские исторические источники и древние народные предания, позволившие ему создать целостную картину [Андроникашвили, 1966, с. 543]. Последнее для нас особенно важно, поскольку может быть отброшен упрек Мровели в легендарности его сведений относительно древней истории Картли, и мы должны отнестись к нему со всем заслуженным им доверием и вниманием.

С самого начала изучения разделов труда Мровели «о нашествии хазар» наблюдались две точки зрения: признание достоверности большинства содержащихся в нем сведений или же гиперкритическая их оценка, когда созданная автором концепция ранней истории Картли воспринималась как субъективное и произвольное построение, где едва ли можно встретить хоть один факт, имеющий действительно историческое значение [Патканов, 1883, с. 214–215]. Литература о жизни и творчестве Мровели очень велика [Тогошвили, 1967, с. 243; Алемань, 2003, с. 404–407]. На протяжении нескольких последних десятилетий новые эпиграфические и археологические материалы подтвердили точность ряда сообщаемых им сведений [Меликишвили, 1959, с. 225; Андроникашвили, 1966, с. 47, 543].

Анализируя сведения Мровели о скифских походах, можно на двух страницах древнего текста увидеть сжатое изложение всех тех исторических событий, которые по крупицам можно воссоздать, суммируя все другие доступные источники. События удивительно четко ложатся в определенной последовательности: те, что ранее воспринимались как легендарные, обретают материальность, а имена, казалось бы, мифических персонажей могут быть достаточно убедительно отождествлены с именами реальных, известных нам по другим источникам, мидийских правителей.

В качестве основной посылки при анализе сведений Мровели было принято доверие к источнику: сведения, которыми он располагал о событиях VII–V вв. до н.э., позволили нарисовать целостную и непротиворечивую картину взаимоотношений кавказских племен со скифами, савроматами, северокавказскими горцами, Мидией и Ахеменидским Ираном. Рассмотрение указанного отрывка во всей его полноте и последовательности на фоне всех событий, известных в настоящее время по ассиро-вавилонским, библейским и античным свидетельствам, позволяют внести необходимые хронологические вехи в повествование Мровели.

Самые общие хронологические рамки отрывка определяются автором: начало его – это скифские походы 70-х годов VII в. через Кавказ в Переднюю Азию, конец – нашествие Александра Македонского (которое, правда, не затронуло Закавказья). Фрагменты этого текста в связи с освещением истории скифских походов впервые были привлечены В.Б.Виноградовым для подтверждения предположения Е.И.Крупнова об использовании скифами, наряду с Дербентом, Дарьяльского пути. Но если, доверяя источнику, рассмотреть эти сведения подробнее, то получим значительно больше информации. Подтверждением этой гипотезы являются не отдельные отождествления имен или поиски «созвучий», а системность данных, показывающая, что сохраненная Мровели последовательность событий и отсутствие хронологических неувязок являются доказательством правильности предложенных отождествлений.

В плане нашей темы важно остановиться на вопросе об единстве всех кавказских племен, в отношении к которым скифы, по данным Мровели, сначала выступили как враги. Незаурядность талантливого историка заключалась в том, что он первым, по словам Г.А.Ломтатидзе, предложил концепцию «единого происхождения, ближайшего родства народов Кавказа» [Ломтатидзе, 1961, с. 24].

Так, Мровели начинает раздел о нашествии скифов («хазар») с описания усиления их владычества и борьбы с племенами леков и кавкасиан, что перекликается с сообщением Диодора Сицилийского о приобретении скифами накануне походов в Переднюю Азию страны «в горах до Кавказа», а в низменностях до Меотиды и Танаиса (Дона). Но горцы, по Мровели, не подчинились скифскому завоеванию, попросили помощи у закавказских племен, те перешли Кавказские горы, нарушили скифские границы, возвели на Северном Кавказе город (не о Дербенте ли идет речь, ранние слои которого относятся к этому времени?) и, после поражения скифов, вернулись в Закавказье. Так что первый этап экспансии скифов в горы как будто бы кончился для них неудачей.

Логично предположить, что передвижения скифов или киммерийцев кавказскими проходами (будь то Дербент, Дариал или Колхидский путь, подтвержденные анализом карт распространения акинаков VII–V вв. до н.э. приобретает конкретные формы) не могли не поставить их в определенные (враждебные, но, возможно, и дружественные) отношения с местными племенами, тем более, что дальнейшее их пребывание в Передней Азии, как правильно отмечал Г.А.Меликишвили [Меликишвили, 1959, с. 225], было возможно только в том случае, если бы был защищен тыл.

Особое внимание следует обратить на тот факт, что Мровели рассказ о нашествии скифов начинает с факта избрания царя: «И подчинились все хазары царю, выбранному ими и двинулись с ним и прошли морскими воротами, которые сейчас называют Дарубандом» – то есть Каспийским проходом [Мровели, 1979, с. 11]. Сопоставим это с данными других источников, повествующих об этих событиях. Ассирийская надпись 673 г. до н.э. говорит о «царе страны Ишкуза (скифов, – *В.К.*) Партатуа», который сватался к дочери Асархаддона. Следовательно, в это время царский титул применялся по отношению к скифским вождям в Передней Азии: в греческой традиции Геродот и Страбон называют царем Мадия, сына Прототия (того же Партатуа). У Геродота мы видим и описание пути скифов берегом Каспийского моря, который упомянут Мровели. Греческий историк в двух местах [Herod., I, 104; IV, 12] подчеркивает, что скифы «пошли верхним путем... оставляя при этом Кавказские горы справа..., и держались слева, от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян».

Мровели рисует картину опустошений, произведенных «неисчислимым множеством» скифов как на Кавказе, так и в Передней Азии: «разрушили города Арарата и Масиса» (как известно, в библии Араратом называлось государство Урарту) – что очень точно корреспондирует с описанием Геродота: «Скифы же распространили свое владычество по всей Азии... и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь помимо того, что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось» [Herod., I, 104, 106], и что иллюстрирует карта распространения акинаков (карта 6а, б). После описания разрушений, Мровели говорит о знакомстве скифов с «Арагвскими воротами, которые называются Дариалом». Эти сведения для нас очень важны: Е.И.Крупнов в своей работе, посвященной путям переднеазиатских походов скифов, не имея еще в своем распоряжении этих материалов, поставил вопрос о знакомстве скифов с Дарьяльским проходом. Указанными сведениями Мровели подкрепил это предположение В.Б.Виноградова [Виноградов, 1972, с. 12]. Можно только прибавить, что Мровели имел в виду неоднократное и привычное использование скифами этих проходов, что объясняется необходимостью обеспечить свой тыл. Вслед за этим Мровели дает картину этногеографии Кавказа, отмечая расселение скифских, савромато-сарматских

(овсы), вейнахских (дурдзуки) и дагестанских (леки) племен и подчеркивает длительность владычества скифов. Здесь нам следует подчеркнуть, что Мровели четко этногенетически отделяет местные кавказские племена, находящиеся в ближайшем родстве между собой (все они сыновья Таргамоса – Гаос, Картлос, Бардос, Мовакан, Лек, Эрос, Кавкас, Эгрос), от скифов (хазары) и сармат (Уобос, овсы), считая последних в ближайшем родстве со скифами. Говоря о времени, предшествующем переднеазиатским походам скифов, Мровели пишет: «(Земли же) к северу от Кавказа не только не были уделом Таргамоса, но не было и жителей к северу от Кавказа. (Таргамос) дал Лекану (земли) от моря Дарубандского (Каспийское – *В.К.*) до реки Ломека (Терека), к северу – до Великой реки Хазарети (Волга). Кавказу от реки Ломека до рубежей Кавказа на запад» [Мровели, 1979, с. 22]. Хронологическим ориентиром для интерпретации этих событий (расселение кавказских племен на всем протяжении от западных отрогов Кавказских гор до Каспийского моря) можно считать выводы К.Н.Пицхелаури о совпадении границ Кахети, Кухети и Эрети по Мровели с границами локальных вариантов археологической культуры Восточной Грузии рубежа II и I тыс. до н.э. Если мы для этого же времени попытаемся соотнести данные Мровели с археологическими материалами, то пределы леков достаточно точно могут быть отождествлены с границами каякентско-хорочоевской культуры, а пределы Кавказа (кавкасиан) – с кобанской культурой, причем археологам даже удается конкретно проследить передвижения из горных районов Центрального Кавказа к северу, востоку и западу. Если согласиться с позднейшими схолиями, уточняющими тот факт, что под Кавказскими горами подразумевается центральная часть Большого Кавказа («Кавказ – это Иалбуз» [Цулая, 1989, с. 44]), то западная граница пределов Кавказа совпадет с западной границей кобанской культуры в Приэльбрусье. Территорию леков, обозначенную Мровели, можно сопоставить с более поздними свидетельствами Страбона, который знает «в горах над Албанией... скифские племена гелов и легов...» [Strab., XI, V, I], а их определение Страбоном в качестве «скифских племен» находит объяснение у Мровели, когда во время переднеазиатских походов скифский «царь» дал своему двоюродному брату удел Лекана, переселив туда пленников из Албании, что вызвало уход в «горную теснину» (имеется в виду территория современного Хунзаха) Хозониха, «что был самым знаменитым в роду Лекана» [Мровели, 1979, с. 25].

В это же время («в первый ... свой поход» [Мровели, 1979, с.25]) «царь» скифов дает своему сыну Уобосу[2] пленников Сомхити (Армении – *В.К.*) и Картли. Дал ему часть страны Кавказа, к западу от реки Ломека до западных пределов гор... Потомками его являются овсы... Это и есть Овсети, что была частью (удела) Кавказа. Дурдзук же, что был самым знаменитым среди сынов Кавказа, ушел и расположился в горной теснине... и стал данником хазарского (скифского – *В.К.*) «царя» [Мровели, 1979, с. 25].

Позднее говорится о том, что дурдзуки (в древнеармянской версии «Картлис Цховреба» – Дуцук, в армянской географии VII в. – Дурцк) расселились к югу от главного Кавказского хребта. Трудно переоценить значение последнего отрывка, где мы имели сведения о возвращении скифов из переднеазиатских походов с пленниками из Армении и Картли (ниже мы выдвинем предположения, основанные на анализе археологических материалов, подкрепляющих этот тезис Мровели). За этим следует получение ими части страны Кавказа (как мы полагаем, населенной носителями кобанской культуры) от Терека до Приэльбрусья и уходе части местных жителей в горы. Некоторый ответ на вполне закономерный вопрос о том, как была использована полученная земля (для поселения, в качестве пастбища или для взимания дани?) дает древнеармянская версия указанного отрывка «и з а с т р о и л Уобос со своим родом землю, которая называется Овсэти» [Цулая, 1979, с. 51], хотя, возможно, это позднее осмысление древних событий. Для нас представляет важность подчеркнутый Мровели факт наличия кавказского субстрата в осах [Тогошвили, 1967, с. 246]. Не останавливаясь подробно на времени пребывания скифов в Передней Азии, в частности на их 28-летнем владычестве, которое было, безусловно, более длительным и представляло собой многочисленные «челночные» набеги и возвращения, посмотрим, какие сведения можно почерпнуть у Мровели относительно конца этого периода.

---

[2] Последнее прекрасно корреспондирует с приведенной Геродотом [Herod., IV, 110–117] легендой о происхождении савромат от скифских юношей и амазонок, переселении их в предкавказские степи и с современными представлениями о том, что «образование савроматского союза было тесно связано с ранней историей скифов, со времени их походов и возвращения из Передней Азии» [Смирнов, 1984, с. 12]. Причем и в рассмотренном отрывке Мровели не обязательно видеть в буквальном смысле «сына» скифского царя в эпониме савромат – овсов Уобосе, так как в этногенетических преданиях термины родства наряду с прямым имеют производное значение «младший» (по возрасту или рангу).

До сих пор можно было лишь предполагать, что после разгрома скифов Мидией, часть из них вернулась на Северный Кавказ и в причерноморские степи, а часть в первое время продолжала находиться в Передней Азии (например, в виде наемных войск, недаром скифские стрелы были широко распространены в VI в. до н.э. на многих памятниках) [Медведская, 1980, с. 23–27; Погребова, 1984, с. 66], часть осела в Закавказье, чему много подтверждений дает археология. Мровели рассказывает об этом конкретно. Скифы, обращенные в бегство царем Кейхосро, прошли Каспийским морем, поднялись по Куре и «28 домов» их подошли к Мцхета. У мцхетского Мамасахлиси скифы просят место для поселения на условиях несения воинской службы, получают его у скал за Мцхета, поселяются там, называя его Саркине («место железа»). «С целью взаимной помощи объединились они (картлийцы – *В.К.*) с пришельцами-турками (скифами – *В.К.*) и ввели их во все города... Обстроили его (Саркине – *В.К.*), обвели мощной оградой...» [Мровели, 1979, с. 27]. Укрепляя города и крепости, они ждут прихода врагов. «И кто бы ни пришел в это время из Греции, Ассирии (вспомним 616 г. – захват Ниппура, 612 г. – осаду Ниневии) или Хазарии (здесь может идти речь уже об окончательном разгроме скифов в 585 г. после перемирия, заключенного между Мидией и Лидией – *В.К.*) – все были встречены как друзья в ожидании персов». Непосредственно вслед за этим Мровели упоминает о взятии Навуходоносором Иерусалима (586 г. до н.э.) и бегстве евреев в Картли (кстати, это единственная дата всего этого отрывка, которая никак не связана с нашими отождествлениями, и важно, что она подчеркивает правильность наших предыдущих построений). Интересно, что именно здесь (опять-таки, вспомним о жестоком разгроме Урарту в эти годы Мидией и скифами) говорит Мровели о замене армянского языка грузинским.

О правильности хронологического определения сведений Мровели «о переселении 28 домов» в окрестности Мцхета концом VII в. до н.э. свидетельствует и тот факт, что все последующие, очень кратко описанные события, относятся к VI–V вв. до н.э. и именно в этом районе отмечена М.Н.Погребовой концентрация скифского материала («сочетание скифского инвентаря с конскими погребениями, ранее в этих местах неизвестными, сложение на данной территории некоторых форм типично скифского инвентаря – все это позволяет предполагать, что здесь присутствовали и сами скифы») [Погребова, 1984, с. 41].

Свидетельством длительности пребывания скифов на левом берегу Куры являются приведенные Мровели дальше факты о бун-турках, сидящих на берегу Куры при нашествии Александра Македонского. Следует также вспомнить сведения Страбона[3] о земледельческом местном населении на Иберийской равнине, «горные районы (которой – *В.К.*), напротив, занимают многочисленные и воинственные племена, живущие по обычаям скифов и сарматов, по отношению к которым они были соседними и родственными» [Strab., XI, 3, 3]. Их обязанность заключается в том, чтобы выставлять войско для защиты страны[4].

Подтверждением давних связей грузинских племен со скифо-сарматскими племенами М.К.Андроникашвили считает наличие собственных иранских имен в грузинских царских списках (Саурмаг, Азо, Аспагур и т.д.) и в Армазской Билингве (Ксефарнуг, Зевах и т.д.) [Андроникашвили, 1966, с. 47]. Существование в современном армянском языке слова «ска» (восходящего к древнему «сака», названию скифских племен, встреченному уже в вавилонском тексте VI в. до н.э., а в грузинском – гмири – «киммерийцы», в значении «герой») отражает, видимо, тот факт, что праноязычные степняки, пришедшие сюда как завоеватели, стали со временем для народов Закавказья союзниками. В этой связи представляет интерес точка зрения И.М.Дьяконова, что *gamira, gmira* – это не имя киммерийцев, а обозначение «подвижного отряда» праноязычных кочевников, возможно, скифов, тем более что киммерийцы и скифы далеко не во всех древневосточных источниках четко различались.

---

[3] Я считаю своим приятным долгом, хотя, к сожалению, запоздавшим, выразить благодарность А.И.Болтуновой за научные консультации при использовании текстов Геродота и Страбона.

[4] Очевидно, эти взаимоотношения между равнинным земледельческим местным кавказским населением и скифским (либо тюркским) кочевым населением были настолько традиционны, что менее века спустя после написания Леонти Мровели своего сочинения Давид Строитель переселяет около 225000 воинственных кивчаков (половцы) с Северного Кавказа в Картли на тех же условиях (5-тысячную отборную гвардию и 40-тысячное войско, очевидно, в основной своей массе конницу), выделяя им место для зимних поселений на равнине в Картли (вспомним Саркине) и в горах – летние пастбища (Сазанхуло).

§3. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен

Рассматривая вопросы, связанные с анализом пространственного распространения скифских материалов VII–V вв. до н.э. на Кавказе и в Восточной Европе, мы многие историко-культурные вопросы как бы вынесли за скобки, акцентируя внимание на методических положениях. Между тем в контексте нашего исследования особое внимание следует обратить на проблему «Скифия и Кавказ», выделив два аспекта. С одной стороны, это изучение культуры собственно скифов-кочевников, памятники которых изучены для (VIII)–VII–VI вв. до н.э. в северокавказских степях, на Кубани, на Ставропольской возвышенности, с другой стороны, это исследование характера и интенсивности связей между скифами и северокавказскими горцами.

Но чтобы оценить сегодняшнее состояние науки, занимающейся данной проблемой, следует проследить, как изменялась позиция ученых за последнее столетие, что поможет выявить те поворотные моменты, которые способствовали все более глубокому проникновению в истину.

В начале XX в., когда впервые, благодаря полевым работам горного техника Д.Г.Шульца и раскопкам профессора Н.И.Веселовского, в Петербург попала коллекция Келермесских древностей, которая до сих пор остается наиболее впечатляющей частью коллекции «Золота Скифов» в Особой кладовой Государственного Эрмитажа, эта проблема оказалась поднята. Основные темы, которые стали предметом рассмотрения, касались временно́й приуроченности этих древностей, их историко-культурной и этнической принадлежности, места в истории, поскольку они связывали воедино судьбы местных оседло-земледельческих племен и степных кочевников – насельников Предкавказья и могущественные ближневосточные государства: Ассирию, Мидию и Урарту. Ответы на поставленные вопросы требовали комплексного подхода, поскольку, наряду с искусствоведческим анализом шедевров декоративного искусства Греции, Малой и Передней Азии, был необходим самый скрупулезный сопоставительный анализ письменных источников самых разных исторических традиций. Принимали ли исследователи точку зрения о принадлежности кубанских курганов скифам [Ростовцев, 1925, с. 21; Пиотровский, 1944, с. 312; Смирнов, 1952, с. 7; Крупнов, 1960, с. 303; Черников, 1965, с. 94; Ильинская, 1968, с. 65; Виноградов, 1972, с. 42; Хазанов, 1975, с. 227–228] (с 80-х годов эта точка зрения представлена в подавляющем большинстве работ, связанных с этой проблематикой), или же относили их к меотам [Граков, 1971, с. 117], киммерийцам [Артамонов, 1971, с. 61–62] или смешанному со скифами синдо-меотскому населению [Граков, Мелюкова, 1954, с. 91–92], во всех случаях эти памятники оказывались связанными с переднеазиатскими походами скифов и раскрывали одну из страниц их истории. В нашем экскурсе о распространении акинаков и в связи с этим о направлении и характере передвижений скифов на протяжении VII–V вв. до н.э. первостепенную важность имели даты, принятые для всех рассмотренных памятников А.И.Мелюковой, В.Г.Петренко, М.Н.Погребовой и М.А.Очир-Горяевой, которые обосновать в нашем тексте не представлялось возможным. Поскольку знаменитый Келермесский акинак (рис. 1), исследованию которого археологи уделили много внимания, играл для наших построений особо важную роль, мы покажем, сколь длительный и сложный путь прошло исследование периодизации келермесских памятников, начиная с введения их в научный оборот в самом начале XX в. вплоть до завершающего этапа – монографического исследования в 1997 г. Л.К.Галаниной, когда эти выдающиеся материалы оказались первоклассно исследованы и представлены читателю исчерпывающе, полно и на широком фоне древностей раннескифской эпохи.

Казалось бы, имеющийся диапазон колебаний между серединой и третьей четвертью VII в. до н.э. и первыми десятилетиями VI в. до н.э. – временем начала использования этой курганной группы, принятым двумя группами археологов, не столь велик, чтобы нам в исследовании, не связанном специально с этим памятником, выделять его в качестве отдельной темы. Но памятник этот, как и Краснознаменская и Новозаведенная группа раннескифских курганов, исследованная В.Г.Петренко, является в такой мере эталонным для решения хронологических и историко-культурных вопросов, связанных с проблемой скифов на Кавказе, что история изменения отношения к его дате определяет многие повороты в изучении этой проблемы.

Л.К.Галаниной в указанной монографии подробно поэтапно рассмотрено[1], как накопление новых материалов, углубление знаний о них, будь то в области изучения предметов древней то-

[1] Поскольку к решению вопроса датировки Келермесских курганов, которые до 80-х годов XX в. считались единовременными, обращались многие десятки крупнейших исследователей и это подробно рассмотрено Л.К.Гала-

ревтики, или в источниковедческом анализе древневосточных и античных письменных данных создают «необходимость постоянного пересмотра устоявшихся постулатов скифологии и одновременно выявляют все новые ее ракурсы» [Раевский, 2003, с. 64].

Для археологических памятников скифского периода нам следует рассмотреть по отдельным элементам культуры: 1) сохранение древнекобанской традиции, 2) воздействие (его степень, набор признаков, специфику [Скорый, 2003, с. 47–50]) скифской культуры на местную кавказскую среду и 3) воздействие кобанской культуры на культуру скифов-кочевников, а вслед за этим оценить силу, глубину и направление этих взаимовлияний и характер взаимоотношений между скифами и кавказцами (во всех случаях нами принят экологический подход – мы акцентируем специфику рассматриваемого явления для различных географических зон Кавказа: гор, предгорий, равнин и степей).

Нам важно только отметить, что большинство исследователей для рассмотренного нами выше времени скифских переднеазиатских походов видят северокавказские степи не только плацдармом, но и «домом», местообитанием собственно «скифов в начальный период их истории» [Петренко, 1983, с. 43], где «находились их кочевья и могилы», (причем) «количество архаических скифских памятников не уступает известным в Причерноморской степи, а по степени концентрации, а часто и по богатству, даже превосходит их» [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 67, 71].

Для нашей темы представляет интерес, что Северный Кавказ – это не периферия скифского кочевого мира и связи скифов на северокавказской почве не далекие и спорадические, а отношения ближайших соседей: кочевники владеют степными пространствами, оседлые земледельцы и скотоводы занимают горы, осваивая постепенно предгорья.

В этой связи мне кажется важным вновь вернуться к вопросу о естественных границах, существовавших между этими двумя мирами – степными европейскими и азиатскими кочевниками, с одной стороны, и местным северокавказским населением, которое традиционно называется

ниной (1997, с. 172–193), я позволю себе для краткости приводить фамилии ученых без инициалов, а год выхода исследования без указания страниц. Мне хотелось показать, какие основания приводились для подкрепления дат, с одной стороны, более ранней – в виде середины или конца VII в. до н.э. и более поздней – VI в. до н.э. Для краткости буду называть первую дату – «ранней», вторую – «поздней».

Уже при первом введении в научный оборот памятника с перечислением особо важных находок были предложены обе даты (1904–1906 гг.). Исследование ассирийских мотивов на акинаках привело Придика в 1911 г. к поздней дате, а Миннза в 1913 г. – к ранней. Ростовцев на основании изучения оружия и торевтики остался приверженцем поздней даты (1918, 1922, 1925), а Эберт по керамике сначала принял позднюю, а потом раннюю дату (1926, 1929). Изучив на широком фоне бронзовые наконечники стрел, Рау (1929) пришел к выводу, что Келермесские стрелы не выходят из поздней даты; последнее повлияло на многие работы археологов в довоенное время. Рабинович по шлемам (неправильная атрибуция находок) и по звериному стилю (1936, 1941) Шефольд (1958), Иессен и Пиотровский (1940) по керамике согласно относили Келермес к позднему времени. Раскопки урартской крепости Тейшебаини, так же как и изучение коллекций кобанских древностей скифского времени в провинциальных северокавказских музеях, наряду с сопоставлениями с новыми находками в Передней Азии (Зивийе), привели Б.Б.Пиотровского к точке зрения, что Келермес, что его «следует датировать не позже начала VI в., а возможно, и концом VII в.» [Пиотровский, 1944, с. 314]. Эта точка зрения Пиотровского, так же как и результаты последующих работ в Кармир-Блуре (1950, 1954, 1959), стимулировала в послевоенные годы серию работ: Манцевич (1958, 1962), Крупнова (1960, правда, дату Келермеса на основании дат Рау для архаических стрел Крупнов оставил поздней, но ввел в научный оборот большой материал из центральной и восточной части Северного Кавказа, датированный VII–VI вв. до н.э.). В 1962, 1967 и 1969 гг. М.Н.Погребовой начата работа по исследованию происхождения ряда категорий скифского оружия в Закавказье, что привело ее к обоснованным ранним датам. Как писала Л.К.Галанина, «наметившееся среди археологов-кавказоведов стремление к удревнению Келермесских курганов в конце концов нашло отклик и у ведущих скифологов». Первой из них была В.А.Ильинская [Галанина, 1997, с. 176]. М.И.Артамонов (1962, 1966, 1968), как писал Д.А.Мачинский, «был первым, кто усомнился в слишком поздней дате изготовления зеркала (580–570 гг. до н.э.), предложенной в классической работе М.И.Максимовой» [Мачинский, 1998, с. 116]. В более поздних работах скифологов и кавказоведов дата Келермесских курганов во всех случаях уже принималась в ее раннем варианте: Граков (1971), Виноградов (1972), Треножкин (1975), Мурзин (1978), Черненко (1980), Анфимов (1982). В этот период важнейшими новыми материалами, оказавшими воздействие на уточнение и расчленение дат скифской архаики в пределах VII–VI вв. до н.э., оказались материалы из царских курганов в Центральном Предкавказье. Показателем сложности вопроса датирования является то, что, предложив дату Большого Кургана, раскопанного в 1973 г., как VII в. до н.э. [Петренко и др., 1974, с. 123–124], позднее автор раскопок ограничила ее началом VI в. до н.э. [Петренко, 1975, с. 125; Петренко и др., 1976, с. 143–144], чтобы вернуться при увеличении количества датирующих материалов к обоснованной дате Краснознаменских курганов третьей четвертью VII в. до н.э. [Петренко и др., 1979, с. 141; 1980а, с. 123–124; 1980б, в].

В это же время на протяжении 1977–1980 гг. В.Б.Ковалевской проводились раскопки Кобанского поселения поздней бронзы и раннего железа и могильника скифо-кобанской культуры [Ковалевская, 1978, с. 122–123; Кова-

горским. Я никак не могу согласиться с точкой зрения М.Х.Багаева об очевидности того факта, что «ни горы, ни равнины, ни степи аборигены Кавказа, т.е. предки современных, исконно кавказских, народов никогда не покидали» [Багаев, 2004, с. 29]. Степи в древности и средневековье не были местообитанием местного кавказского населения. Что же касается связей скифов с кобанцами, наблюдаемых по археологическим материалам [Погребова, 1984, с. 4] они, возможно, отражали и союзные отношения – участие кавказцев в скифских военных походах. Следовательно, ведущая воинская роль скифов в этих взаимоотношениях безусловна.

В материальной культуре кобанских племен скифского периода прослеживается устойчивое ядро традиционных черт, характерных для древнекобанской культуры и свидетельствующих о культурной преемственности. Оно включает в себя такие существенные признаки, как некоторые традиции домостроительства, некоторые типы погребальных сооружений, детали погребального обряда, использование того же могильника и жизнь на том же поселении. Дальнейшее развитие традиционных форм оружия (копья, некоторые типы стрел, кинжалы местных типов), украшений (бронзовые ожерелья, булавки весловидные и с зооморфными навершиями, подвески в виде головок козлов и баранов).

Рассмотрим эти черты более конкретно, повторив то, о чем была речь ранее. Жилые постройки второй половины VII–VI вв. до н.э. объединяет с постройками IX–VIII вв. до н.э. следующее: выбор места, неукрепленность, использование камня, и конструктивные приемы, характер полов (земляные и вымощенные плитами), небольшой размер живущего в нем коллектива (18–25 человек). Погребальный обряд унифицируется: преобладают традиционные индивидуальные, скорченные захоронения, при неустойчивой ориентировке. Интересно, что в некоторых случаях традиционный погребальный обряд используется по отношению к детским, женским (носители традиции) или наиболее ранним в пределах данного могильника захоронениям. Так, например, в Уллубаганалы все мальчики были положены на правый бок (что было специфичным

левская, Козенкова, 1979а, с. 128–129; Ковалевская, 1980а, с. 111–112; 1981, с. 104–105]. В докладах эти материалы были доложены в 1979 г. [Ковалевская, Козенкова, 1979б, с. 25–27; Ковалевская, 1980б, с. 37–38]. Однако если в первый год раскопок на Эшкаконе для могильника Уллубаганалы была предложена более осторожная дата начала VI в. до н.э. [Ковалевская, 1978, с. 123], то на следующий сезон находки комплекса специфических для скифской архаики вещей и ритуалов (акинаки, застежки для колчанов, скифский звериный стиль, стрелы, обряд обезглавливания, втыкание ножей и копья в дно могилы, погребение коня в одной могиле с всадником, топоры-секиры и т.д.) позволили отнести время использования этого небольшого полностью раскопанного могильника к последней четверти VII в. – первой четверти VI в. до н.э.

Говоря о постепенных изменениях во взглядах научного сообщества скифологов и кавказоведов на проблему этнической принадлежности населения, оставившего Келермесские курганы, датировку, связанную с проблемой скифских переднеазиатских походов, и место Кавказа в этих событиях, мы, как правило, опирались на изданные работы, видя в них хронологический каркас поступательного движения мысли. Между тем развитие науки по этим дискуссионным вопросам опиралось на постоянные связи, проявлявшиеся и в пленумах по полевым работам, регулярных научных заседаниях в разных учреждениях, переписке, участии в полевых работах своих коллег и т.д.

Особую роль сыграл симпозиум по вопросам происхождения и хронологии скифской культуры, посвященный памяти Михаила Илларионовича Артамонова, проходивший в Государственном Эрмитаже 19–22 февраля 1979 г. Спецификой этого представительного (присутствовало более сотни археологов) форума было то, что «организаторами симпозиума географическая зона рассматриваемых памятников была ограничена Северным Причерноморьем и Кавказом» [Смирнова, 1983, с. 5]. Четверть всех прочитанных докладов (6 из 25) была связана со скифско-кавказской тематикой (доклады В.Г.Петренко, В.Б.Виноградова и С.А.Дударева, Н.В.Анфимова, М.Н.Погребовой, В.Б.Ковалевской и В.И.Козенковой), а в обсуждениях участвовали скифологи, вплотную занимающиеся лесостепными и степными памятниками от Дуная до Кавказа. Именно этот симпозиум подготовил тот перелом, который А.С.Скорый относит к началу 80-х годов [Скорый, 2003, с. 33–34].

Сюда прежде всего относятся исследования Л.К.Галаниной (1983, 1985а, 1985б), а также следующие опубликованные доклады: Ильинская В.А. (1983); Петренко В.Г. (1983); Виноградов В.Б., Дударев С.А. (1983); Погребова М.Н. (1984); Ковалевская В.Б. (1983, 1984). Если добавить к этому монографии В.А.Ильинской и А.И.Тереножкина (1983), В.Ю.Мурзина (1984), издание материалов В.М.Батчаева о могильнике Нартан (1985). Становится понятным, что именно эти исследования с новым объемом информации и новым научным уровнем анализа массового археологического материала стали краеугольным камнем хронологических разработок для скифской архаики. Как указывает А.Ю.Алексеев: «За прошедшее (с 1925 г. – *В.К.*) время в скифологии произошло одно серьезное изменение – хронология скифских древностей в целом была подвергнута серьезной коррекции и, несмотря на существующие до сих пор разногласия по этому вопросу, удревнена приблизительно на 50–100 лет. Полученные результаты позволили подтвердить, уточнить или выделить отдельные этапы и даже микроэтапы в истории Скифии» [Алексеев, 1998, с. 118]. Именно эти разработки были использованы нами при картировании скифских длинных и коротких мечей VII–V вв. до н.э.

для древнекобанского периода), и только у них прослеживалась архаическая черта – ножные бронзовые браслеты. Анализируя с этой же точки зрения все взрослые погребения, мы можем констатировать, что в более раннее время (в конце VII в. до н.э.) на 9 погребений, положенных скорченно, на правом боку, приходится только одно погребение на левом боку, тогда как в группе погребений начала VI в. до н.э. на 5 погребений, положенных на левый бок, приходится два на правом боку, причем одно из них является наиболее ранним [Ковалевская, 1984, с. 46]. Процент каменных ящиков из 4-х плит, преобладавших в древнекобанской культуре, уменьшается, тогда как каменные гробницы используются чаще (интересно, что в могильнике VII-VI вв. до н.э. Уллубаганалы каменные ящики использовались только для детских захоронений и самого раннего женского, причем наиболее раннее детское погребение (рис. 3) представляло собой сочетание этих двух типов: небольшой каменный ящик, перекрытый плитой, впущенный в грунтовую яму, выложенную булыжными камнями поверху по периметру [Ковалевская, 1984, с. 36–38]. Расположение там же двух семейных групп погребений вокруг чашечных камней, которые ранее оформляли вход в крытый двор помещения древнекобанского дома (поселка VIII–VII вв. до н.э.), так же как и отсутствие погребений, нарушивших жилую его часть (стена дома используется в качестве ограды могильника), подчеркивают преемственность в заселении устья речки Уллубаганалы и небольшой хронологический разрыв между временем разрушения дома-усадьбы и началом использования могильника. Женские украшения: бронзовые литые ожерелья, закреплявшиеся на груди бронзовыми ажурными пуговицами (рис. 12), золотые или серебряные височные кольца в полтора оборота, бронзовые зооморфные амулеты, булавки, цепочки, использование раковин каури, – продолжают древнекобанскую традицию, так же, как и отсутствие оружия в женских погребениях. В мужских погребениях найдены единичные находки местных кобанских форм оружия – копья (рис. 11, *4, 5*), кинжалы[2] (рис. 11, *7–9, 15*),точильные бруски (рис. 11, *10*). Не все из рассмотренных нами черт, документирующих развитие местной традиции, одинаково безоговорочно могут быть нами приняты. Так, например, замена каменных ящиков каменными гробницами(к сожалению, в научной литературе при публикации не всегда эти типы сооружений четко отделены друг от друга) обычно в исследованиях по Кавказу воспринимается как чисто местная эволюция погребальных сооружений, когда каменный квадратный ящик из четырех плит сменяет ящик из 6 плит или гробница, где наряду с вертикально стоящими плитами использовалась кладка из горизонтально лежащих плит. Но следует иметь в виду, что в Передней Азии, например в Тепе Гуране, уже в конце железного века III появляются каменные гробницы (причем тоже на поселении, примерно тех же размеров) с кладкой из горизонтально положенных камней по периметру и продолжают бытовать до VII в. до н.э. Поэтому появление подобных гробниц в памятниках скифского периода можно рассматривать скорее как переднеазиатское влияние, явившееся следствием скифских походов, чем эволюционный переход каменного ящика в гробницу. Более однозначно решается вопрос о целом ряде инноваций этого периода, которые исследователи непосредственно связывают со скифским или савроматским импульсом. Это относится прежде всего к появлению западной ориентировки и вытянутого положения погребений, составляющих, по подсчетам В.Б.Виноградова [Виноградов, 1972, с. 53], около 10%, увеличению процента курганов и грунтовых захоронений. Трудно согласиться с тем, что появление грунтовых погребений – «чисто хронологическое следствие эволюции местного обряда» [Виноградов и др., 1976, с. 53], так как нет никаких внутренних оснований к этому. С другой стороны, в этот же период времени грунтовые захоронения были широко распространены в Закавказье и Передней Азии, так же как и в собственно Скифии [Мурзин, 1984, с. 49; Марковин, Мунчаев, 2003, с. 188–189], поэтому этот переход отражает те закономерности, которые появились в это и предшествующее время на широкой территории. Гораздо более обоснованным кажется представление о появлении грунтовых погребений, обложенных камнем поверху или на уровне погребения заполненных землей, камнями или несколькими рядами камней в качестве скифского импульса. Рассмотрение ареалов грунтовых захоронений также свидетельствует о связях со степным миром. Для раннего времени (до IV в. до н.э.) они занимают Терско-Сунженскую равнину и предгорья (резко увеличиваясь в количестве по направлению к востоку и ограничиваясь на западе верховьями Баксана и средним течением его левых притоков). Далее к западу грунтовые погребения встречены эпизодически на Куме (в районе Минеральных Вод), Подкумке (район Кисловод-

[2] На основании лабораторных анализов Н.Н.Тереховой можно судить о высоком качестве исполнения кинжала местной формы из погр. № 3 Уллубаганалы, изготовленного из тщательно прокованной стальной заготовки, закаленной в мягкой среде, и обладающего таким образом твердым лезвием при вязкой сердцевине (рис. 11, *15*).

ска), Эшкаконе и Кубани. В горные районы они заходят только по Чегему и Дарьяльскому ущелью. Сопоставление этих ареалов для VI–IV вв. до н.э. с сарматским и раннесредневековым периодами показывает, что с течением времени этот тип погребальных сооружений превратился в традиционный и продвинулся в горы по нескольким речным путям – по Кубани вплоть до самых ее верховьев и Теберды; вверх по Чегему и Череку, Уруху и Тереку, при этом грунтовые захоронения количественно уменьшаются в равнинной части Центрального Кавказа.

Еще в сороковые годы XX в. Б.А.Куфтин датировал полное вытеснение бронзового оружия железным в Передней Азии и на Кавказе VII в. до н.э. Позднее Е.И.Крупнов, развивая положения Б.Б.Пиотровского, справедливо подчеркнул, что «наиболее массовому внедрению железа на Северном Кавказе ... мы ... обязаны скифам» [Крупнов, 1965, с. 336], что недавно рассмотрено вновь [Марковин, Мунчаев, 2003, с. 173]. Очень выразителен пример с поселениями на Эшкаконе, где в культурном слое древнекобанского поселения IX–VIII вв. до н.э. Уллубаганалы (рис. 13) мы не находим ни одного фрагмента железных орудий труда, оружия или каких бы то ни было изделий, тогда как в могильнике конца VII–VI вв. до н.э. найдены уже все типы оружия из высококачественной стали. Здесь мы видим пример того, как в переломный исторический момент, при подвижности и участии больших групп населения в совместных военных действиях особое значение приобретают изменения в потестарно-политической культуре, что прежде всего выразилось в инновациях: появлении более эффективных железных (точнее высококачественных стальных) орудий труда и всех основных видов оружия (кроме стрел) и конского снаряжения. Анализ технологии изготовления стальных изделий Северного Кавказа VII–VI вв. привел Н.Н.Терехову [Терехова, 1983, с. 110–128], анализировавшую этот материал, к выводу о том, что примененные продуманные методы обработки металла (цементация, пакетование, закалка, горячая ковка, вваривание стальной полосы, сварка из 2–3 полос и т.д.) и высокий процент стальных железных орудий и оружия, свидетельствуют о глубоком и давнем знании мастерами всех этих очень сложных для эпохи раннего железа приемов: последнее должно было иметь длительную традицию, что для Северного Кавказа не документируется археологически. Это не влияние чужой культуры, не перенос каких-то навыков и достижений в обработке железа (что сохранялось в качестве профессиональной тайны), а, скорее всего, переселение на Северный Кавказ мастеров, причем не в момент возвращения скифов из Передней Азии, как показывает хронология могильника, а несколько раньше, во время неоднократных возвращений из переднеазиатских походов.

По уровню профессионализма кузнечные изделия из позднекобанских памятников VII–V вв. до н.э. по своим качествам выше, чем одновременные им изделия из Тли и из собственно скифских памятников Северного Причерноморья и близки к закавказским. «По-видимому, – пишет Н.Н.Терехова, – многие традиции северо-кавказских мастеров, и в первую очередь широкое использование приемов термообработки, восходят к технике высокоразвитых железообрабатывающих центров Закавказья» [там же, с. 127]. Работы грузинских исследователей позволяют представить предысторию этого развития на фоне существования мощных очагов (до 200 пунктов в Грузии) железообработки (доклад Д.А.Хахутайшвили от 12 июля 1984 г. на Международном конгрессе по ассириологии в Санкт-Петербурге). С чем можно было бы сопоставить эти интереснейшие технологические наблюдения? На наш взгляд, они могут подтверждать и конкретизировать выводы Г.П.Романовой, изучавшей палеоантропологический материал и пришедшей к выводу о включении мигрантов в среду жителей, оставивших могильник Уллубаганалы, сведения Мровели о переселении на Северный Кавказ после первого скифского переднеазиатского похода в VII в. до н.э. «жителей Картли и Армении», лингвистические наблюдения В.И.Абаева о том, что слово «сталь» пришло в восточно-кавказские языки из иранского, от скифов. Таким образом, мы можем сопоставить три группы источников (антропологические, исторические и лингвистические) с собственно археологическими, а толчком и движущей силой этих процессов является участие местного кобанского населения в скифских походах и взаимоотношения их со скифами (подробнее см. [Ковалевская, 1985, с. 45–59; Погребова, Раевский, 1994]).

В тех случаях, когда мы имеем наиболее представительную количественно серию анализов Н.Н.Тереховой (15 ножей из Уллубаганалы, разбитых на две группы по сложности технологических приемов), можем сопоставить эти наблюдения с датой погребения или антропологической принадлежностью погребенных. Связи удается установить не с хронологией: цельностальные ножи оказываются не в более ранних, а в более поздних погребениях, а более сложные сварные – в более ранних. Симптоматична связь более сложных по технологии ножей с погребениями с долихокранными черепами кавказских горцев, а более простых – с брахикранными (степняками). Следовательно, если не с производством, то во всяком случае с преимущественным использованием более высококачественных железных изделий оказываются связаны кобанцы.

Из вышеизложенного вытекает, что на рубеже VII–VI вв. до н.э. на Эшкаконе впервые появились и оказались, очевидно, инкорпорированы в местную среду, переселившиеся из Закавказья ремесленники – сталелитейщики, и, как показывает распределение разного типа железных орудий и оружия в погребениях, они связаны с погребениями с долихокранными черепами. Вместе с тем резонно предположить, что погребения этих мастеров должны были бы отличаться какими-нибудь особенностями. Такие особенности у них есть: не отличаясь по форме погребальных сооружений и деталям погребального обряда, по наличию заупокойной пищи или ассортименту керамики, они выделяются отсутствием оружия (погребения № 7, 12, 13, 16). В этой группе погребений мужчин разного возраста без вооружения, но с достаточно богатым (а иногда и отличающимся своеобразием) инвентарем мы не можем видеть неполноправных (а потому и невооруженных) членов рассматриваемого нами коллектива, так как они погребены с бронзовыми чашами (ритуальными или пиршественными), такой же керамикой (по набору, размерам и качеству) (см. рис. 14), в хорошо оформленных камнем могилах. Значит, принцип их объединения (и отличия) – это иная социальная роль. Коль скоро это не воины, то можно предполагать, что они занимались либо хозяйством (вспомним катиаров и траспиев, земледельцев и коневодов в скифском обществе), либо ремеслом. То, что в трех случаях из четырех они оказываются представителями кавкасионского типа, а все воинские погребения – степного, лишний раз заставляет вспомнить два факта из истории скифов: отношение их к ремесленной деятельности, как деятельности низшего рода [Грантовский, 1980, с. 153], и использование представителей завоеванных племен (собственно, даже в том случае, если они являются скифскими) в качестве непосредственных производителей [Раевский, 1977, с. 154–155]. При таком разделении функций в пределах этого небольшого коллектива на воинов-степняков и основных производителей-кобанцев можно было бы поставить вопрос о приглашении первых на основании несения функций защиты, если бы наиболее «богатыми» не были именно погребения степняков. Близость антропологического типа местного населения Северного Кавказа и Закавказья такова, что мы можем предполагать наличие последних среди погребенных; с другой стороны, знакомство кобанских мастеров с высокой технологией изготовления стальных орудий и оружия может объясняться их пребыванием в составе скифских отрядов в Передней Азии и Закавказье, когда они имели возможность приобрести эти навыки у местных ремесленников.

Как все-таки следует воспринимать скифское оружие? Как моду, как импульс для местного производства по импортным образцам, как признак присутствия самих скифов среди кобанцев, как элемент престижности? На что в связи с такой постановкой вопроса следует обратить внимание, имея в своем распоряжении материалы по распространению 557 экз. акинаков на Кавказе и в Восточной Европе? Прежде всего этот вопрос следует рассмотреть структурно – исследовать не только распределение каждого из типов вооружения поодиночке, т.е. знать частоту позднекобанских погребений с той или иной категорией оружия, но и учесть все виды сочетания их между собой, поскольку последнее и может дать необходимую информацию как о социальном статусе, так и об этнической принадлежности погребенного. Геродот, перечисляя разные виды оружия у кавказских и переднеазиатских народов, подчеркивал сходство и отличия. «Саки же (скифское племя) ... носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сигарисы – боевые секиры» [Herod., VII, 64]. Очень интересно описание скифской клятвы, давая которую, в глиняную чашу погружали меч, стрелы, секиру и копье [Herod., IV, 70], что представляет для нас особую ценность, т.к. указывает на традиционный скифский набор оружия, причем, как показал анализ археологического материала, мечи и кинжалы социально более значимы, чем луки и копья [Мелюкова, 1964, с. 46]. Кроме того, чем полнее по своему составу представлен набор оружия, тем выше, видимо, ранг воина.

Оценить относительную значимость разных видов оружия в плане социальной ранжированности (стратификации) воинов можно, лишь располагая убедительным материалом для столь ранних периодов. Трудно сказать, в одну ли группу входили, предположим, воины, вооруженные только луком со стрелами, или только акинаком; письменные источники не помогают нам в решении этих вопросов. Способом проверки наших выводов по оценке полноты набора вооружения является суммирование данных всех иных находок в том или ином погребении, оценка труда, потраченного на сооружение погребения, наличие золотых или ценных импортных вещей и т.д. К интересным наблюдениям указанный подход привел в свое время К.Рандсборга, рассмотревшего 944 погребения с 10000 вещей эпохи ранней бронзы из Дании [Randsborg, 1972, с. 565–570], распределенных по пяти локальным вариантам и трем хронологическим периодам. Весь материал из погребений, разделенных дополнительно на мужские и женские, характеризовался весом бронзовых вещей в каждом погребении (в нашем случае мы предпочитаем брать количество вещей) и фактом наличия золота. Анализ этого цифрового материала (с привлечением ме-

тодов математической статистики) показал, что могут быть выделены определенные группы погребений (четыре – для мужских, три – для женских), причем социальный статус мужчин относительно выше, чем у женщин (это же наблюдается на Кавказе). Погребения, содержащие золото, богаче и по содержанию бронзовых вещей, следовательно, вес (а также и количество) находок может служить основанием для подобного рода расчетов (см. табл. 3).

Уязвимость наших выводов заключается в небольшом объеме привлекаемых для подсчетов данных, но достоинство полученного материала состоит в его целостности – могильник, пусть он и невелик, но раскопан полностью и является срезом сложной динамической системы. Нами выделены группы, ранжированные на основании полноты набора вооружения у воинов (наличие коня или уздечки, лука со стрелами, иногда копья, топора-секиры, акинака или кинжала местного типа, боевого ножа) или по количеству вещей в мужских погребениях без оружия и в женских погребениях. Они проверены сопоставлением с материалами из кавказских могильников примерно того же времени: Тли в Южной Осетии (15 комплексов скифского времени), Лугового (60 комплексов), Исти-Су (5 комплексов), Комаровского (5 комплексов), Моздокского (2 кургана) и комплексов VII–VI вв. до н.э., происходящих из района Кавказских Минеральных Вод – 42 комплекса, частично опубликованных и изученных в фондах музеев Северного Кавказа (см. табл. 4).

Эти материалы из 129 воинских комплексов, проанализированных теми же методами, показали, что для VII–VI вв. до н.э. в среде воинов, принадлежащих к носителям кобанской культуры,

Таблица 3

Распределение погребений могильника Уллубаганалы по рангам

Ранги / Группы погребений	I	II	III	IV	По набору оружия, по числу находок
Мужские с оружием	№ 4 10 %	№ 3, 17 30%	№ 2, 10 30%	№ 5, 15 30%	7
Мужские без оружия		№ 7, 13	№ 12	№ 16	4
Женские	№ 11, 14, 22, 23	№ 1, 6	№ 9		7
Кавминводы (в среднем)	5%	22,5%	22,5%	50%	42
из них:					
Мебельная фабрика	13%	37%	32%	28%	8
Султан-Гора	7,5%	7,5%	60%	25%	9
Луговой	6%	37%	22%	35%	60
Тли	13%	27%	47%	13%	15
Скифы IV–III*	4,55%	20,2%	60,5%	6,4%	534

* Для сравнения взяты данные по скифским могильникам степного Приднепровья IV–III вв. до н.э., обработанные Е.П.Бунятян [Бунятян, 1982].

Таблица 4

Распределение находок воинского снаряжения и коня в могильниках скифо-кобанской и скифской культуры

Могильник / Наличие оружия, узды и коня	Уллубаганалы	Кавказские Минеральные Воды	Тли	Скифы IV–III вв.
Погребение коня	8	2,5	13	
Уздечка		8,5		
Стрелы, колчан	2,5	18	6	97,4
Копье	8 (16) ?	14	40	61,8
Акинак	25	14	100	43,5
Кинжал местного типа		8	3,4	
Топор-секира	33	6,0	53 (+26 бронз.)	
Нож	90	50	25	
Оселок	8	4	20	

Примечание: количество выражено в %.

наблюдалось уже достаточно четкое вертикальное членение на ряд групп-рангов. Надо полагать, что здесь стимулирующим для процесса стратификации фактором явилось участие в переднеазиатских походах и освоение железа. В дальнейшем само это членение общества стимулировало быстрое распространение инноваций, в данном случае – широкое вхождение в традиционную культуру (а набор оружия обычно весьма традиционен) железных, правильнее сказать стальных, орудий труда и оружия, более эффективных и престижных.

Важно оценить, как сопряжены между собой и с конскими погребениями (процент которых колеблется от 2,5 до 13) различные категории местных и скифских форм оружия. Всадники на Северном Кавказе в позднекобанское время могли быть как лучниками (несколько чаще), так и копейщиками, причем первые чаще были вооружены акинаками и (или) секирами. Намечается повышенная сопряженность в погребениях копий с оселками и серповидными ножами (при пониженной – с секирами и акинаками), следовательно, выделяются две группы: в одной преобладает скифское оружие, в другой – оружие местных форм, то же, что мы наблюдаем в Закавказье. Поэтому определенную информацию можно извлечь из данных по частоте погребений, содержащих ту или иную категорию оружия. В Луговом могильнике копейщики составляют 32%, а в Исти-Су – 48%, тогда как погребения, содержащие копья, составляют всего 8% на Эшкаконе и 14% в районе Кавказских Минеральных Вод.

Сведения Мровели о военной помощи скифов жителям Мцхеты, так же как и поселение их в Саркине («место железа»), находят свое подтверждение в воинском характере погребений с брахикранными черепами и богатым набором скифского оружия на Северном Кавказе [Ковалевская, 1975, с. 69]. Причем по своему социальному рангу в этом смешанном по антропологическому составу обществе, которое в VII–VI вв. до н.э. оставило могильник Уллубаганалы, скифы являются воинами, а местное кобанское население занимается производственной деятельностью, в частности ремеслом. Эти же отношения, по-видимому, характеризовали экономические, политические и культурные взаимоотношения скифов и кобанцев в пору переднеазиатских походов. Резонно предположить, что именно из состава местных кобанцев с их высоким уровнем ремесла (гончарного и бронзолитейного) рекрутировались те ремесленники, которые, находясь в составе скифского войска, снабжали воинов высококачественным оружием, особенно если учесть «непрестижность» ремесла у скифов-кочевников. Они отливали тысячи бронзовых стрел, прототипы которых мы находим на Северном Кавказе, ставшие в это время, по образному выражению Б.Н.Гракова, «национальным символом скифа» [Граков, 1968, с. 112] и, как правило, свидетельствующие о присутствии собственно скифов. Погребения с находками стрел и колчанов составляют – 18–25% для памятников VII–VI вв. до н.э. Северного Кавказа, колеблясь от 11% (для горно-предгорных) до 61% (равнинные районы Центрального Предкавказья) по подсчетам В.Б.Виноградова [Виноградов, 1972, с. 94–95]. Контактируя с закавказскими сталелитейщиками (получив от них секреты и надежно сохранив их тайну), кобанские кузнецы участвовали в создании новых типов скифского стального оружия. Акинаки «келермесского типа» – стальные, с цементацией готового изделия, закаленные в мягкой среде – по последним исследованиям генетически могут быть возведены к биметаллическим кинжалам предшествующего периода Северного Кавказа. Боевые железные топоры-секиры возникли в VIII–VII вв. до н.э. в Закавказье на базе бронзовых топоров колхидо-кобанского типа [Погребова, 1969] и в VII–VI вв. до н.э. в сложившемся виде бытуют как в памятниках Закавказья, так и Северного Кавказа, составляя до 33%. Технологически они очень сложны: использовалась железная заготовка с поверхностной цементацией, которую сгибали и сваривали, а затем проковывали. Подтверждением гипотезы о кобанских ремесленниках в составе скифского войска в эпоху переднеазиатских походов может служить картографирование кобанских находок в Закавказье, проделанное М.Н.Погребовой и показавшее, что они тесно скоррелированы с находками скифских вещей [Погребова, 1984, с. 34–37]. Находки скифских котлов не только в степных, но и в предгорных районах Северного Кавказа, свидетельствуют о связях с миром степняков [Виноградов, 1972, с. 138] и сохраняются в быту кавказских горцев до наших дней, так же как находки круглых подносов на трех ножках [Батчаев, Вайнштейн, 1987, с. 153–160], скифских зеркал [Виноградов, 1972, с. 42, 135] и некоторых типов серег (в частности, составляющие более 60% для Чечено-Ингушетии серьги V–VII типов по классификации В.И.Козенковой [Козенкова, 1982, с. 34–35].

В скифском зверином стиле исследователи выделяют «элементы искусства колхидо-кобанской культуры», а чисто скифские предметы звериного стиля на Северном Кавказе, по подсчетам В.Б.Виноградова, составляют 8–10%, но преобладают «скифоидные», в которых наблюдается переоформление скифских импульсов с учетом кобанской традиции [Виноградов, 1972, с. 179].

Число скифских импульсов в позднекобанской культуре можно увеличить за счет ряда деталей погребального обряда. Так, нами подробно был описан обряд посмертного «умерщвления» погребенного на примере северокавказских могильников [Ковалевская, 1984, с. 35–38]. Бытование этого обряда не ранее VII–VI вв. до н.э. и только в тех пунктах, где наблюдается концентрация скифских находок (Уллубаганалы, Султан-Гора III, Куланурхва, Северное кладбище Кобани, ряд комплексов в районе Кавказских Минеральных Вод), или в собственно скифских степных памятниках, так же как параллели в данных Геродота [Herod., IV, 71] и в осетинских народных сказках [Осетинские сказки, 1973, с. 516], позволяет видеть причину этой детали погребального обряда в скифских ритуалах. Это же относится к факту захоронения отрубленной головы с направленным острием к основанию черепа акинаком с большим подкинжальным ножом (тот же мотив вторичного убийства), корчагой (без сосуда для питья, неотъемлемой детали погребального инвентаря всех других взрослых погребений) в аккуратной неглубокой каменной гробнице, на границе между поселением и могильником VII–VI вв. до н.э. на Эшкаконе. Анализируя этот факт, мы должны отметить наблюдавшуюся оппозицию: отрубленная голова – кинжал (или меч) – заупокойное питье (жертва). Сопоставляя их со сведениями Геродота о военных обычаях скифов (о голове врага в качестве трофея, чашах из их черепов, скальпах на уздечках коней [Herod., IV, 24, 64–65, 104–115], нартскими сказаниями о шубах из скальпов, изображениями на торевтике [Ильинская, 1978, с. 90–100], сведениями о «божьих судах» по этнографии осетин [Грантовский, 1980, с. 128–155; 1981, с. 59–79]), мы приходим к выводу, что структурно эти сравниваемые между собой факты (в частности погр. № 15 и изображения змееногой богини с отрубленной головой и мечом в руке из Куль-Обы, а также изображение скифа на золотой пластинке IV в. до н.э. с отрубленной головой, насаженной на меч) изоморфны, поскольку состоят из одних элементов, что и является залогом правомерности их сопоставления.

Следовательно, и этот факт может быть рассмотрен как проявление скифских военных обычаев. В этом же контексте следует рассматривать наличие бронзовых чаш в мужских погребениях Уллубаганалы и, главное, их преимущественное положение у подбородка, у кистей согнутых рук. Здесь напрашивается аналогия как с чашами нартского эпоса «уацамонга», «нартамонга», «чаша, указующая героя», волшебная чаша, которая сама поднимается к губам [Дюмезиль, 1976, с. 144–145], так и с золотой чашей (кубком, пиалой) для возлияния богам [Раевский, 1977, с. 130], столь типичной находкой в собственно скифских погребениях [Мелюкова, 1979, с. 183]. Подчеркивая роль скифского представления о значении чаш-кубков для характеристики воинского достоинства, мы ни в коей мере не отрицаем их местного кавказского производства (и в Тли, и в Уллубаганалы, например, часть погребений содержит чаши).

Изучая по материалам могильника Уллубаганалы формы взаимоотношений местного кавказского населения с пришлыми скифами и моделируя их на основании особенностей материальной и духовной культуры, мы не можем оставлять в стороне ту информацию, которую можем извлечь из антропологических данных.

Палеоантропологический материал могильника Уллубаганалы в полевых условиях был обработан Г.П.Романовой (определение пола и возраста, консервация и фиксация материала, общая антропологическая характеристика). Несколько позднее Т.М.Резниковой были изучены дискретно-варьирующие признаки и по этим данным были сопоставлены между собой все погребенные из рассмотренной серии в 15 погребений. Результат оказался очень интересным: 9 черепов (60%) из 6, 8, 9, 11, 12, 14, 16, 22 и 23 погребений (5 из них, женских [Ковалевская, 1984, с. 38–56], оказались попарно связанными между собой на основании специфических антропологических признаков, характеризующих родственные связи). Поскольку эти погребения были упорядочены на хронологической оси выявлены гипотетические брачные и гендерные связи, опираясь на данные об особенностях погребального обряда, инвентаря, планиграфии и стратиграфии могильника, и мы смогли сопоставить между собой корректирующие и подтверждающие друг друга археологические и антропологические данные (рис. 15) со специальным вниманием к намечающимся связям между горским кавказским населением и степняками-скифами.

По результатам первичных антропологических исследований была констатирована бульшая однородность женской серии с типично кавказскими чертами, тогда как в мужских черепах преобладали признаки степного населения [Ковалевская, 1984, с. 39]. Подробное краниологическое и остеологическое исследование серии антропологического материала из Уллубаганалы, переданной автором в кабинет-музей антропологии им. академика В.П.Алексеева отдела антропологии ИЭА РАН, было проведено аспирантом института А.Г.Тихоновым. Научное издание этого материала существенно пополнило наши представления об антропологии раннего железного века

Кавказа [Тихонов, 1996, с. 74–97], позволив активно включить эти данные в последующие специальные исследования [Восточные славяне, 1999, с. 185–204, 279–306; Герасимова, 2004, с. 76–86]. В специальной литературе давно был поставлен вопрос о том, как формировались этнокультурные и антропологические общности Северного Кавказа с учетом как степных, так и закавказско-переднеазиатских связей, что очень важно для данного исследования.

Ответ на этот вопрос в каждый момент исследования зависел от того объема материала, которым располагал круг исследователей – новые материалы неоднократно приводили к новым постановкам вопросов и к новым выводам. Относительно антропологической характеристики населения, оставившего кобанскую культуру эпохи поздней бронзы и раннего железа, долгое время мы располагали небольшой суммарной серией материала из Кобана и В.Рутхи [Дебец, 1948; Бунак, 1953; Алексеев, 1974; Алексеев, Гохман, 1984], скорее всего относящейся к древнекобанской эпохе и, по мнению М.М.Герасимовой, сформировавшей «наше представление о внешнем облике носителей кобанской культуры: выраженная долихокрания, крайне узкий лицевой скелет, высокий и узкий сильно выступающий нос» [Герасимова, 2004, с. 79]. На протяжении последнего десятилетия прошлого века и в начале нынешнего число серий, изученных по полной краниологической программе силами прежде всего М.М.Герасимовой, число пунктов, откуда происходят антропологические материалы раннежелезного века, существенно увеличилось, так же как и их ареал – от Кубани на западе до Дагестана на востоке и закавказских отрогов Большого Кавказа на юге. Макропопуляционный подход внес географический аспект в наши построения, позволив оценить, в каких широтах Центрального Предкавказья и в каких его регионах скифские влияния обладают большим весом. Особенно это интересно сделать на материалах Эшкакона-Уллубаганалы, поскольку с археологической точки зрения мы его рассматривали неоднократно [Ковалевская, 1975, с. 62–73; 1983, с. 18–34; 1984, с. 38; 1985, с. 45–59]. Именно такое же сопоставление было проведено А.Г.Тихоновым для антропологической серии того же могильника. Исследователь обнаружил «высокое сходство нашей серии со скифскими группами Приднепровья и Причерноморья, причем сходство, превосходящее сходство с северокавказскими группами...» [Тихонов, 1996, с. 81]. А.Г.Тихонов видит возможное объяснение этому «либо в антропологическом взаимодействии между скифскими и кобанскими племенами (которое) было до такой степени тесным, что первоначальный антропологический облик населения кобанской культуры просто растворился в массе скифских племен, либо существовал единый антропологический пласт, присущий как кочевому населению степи, так и оседлому населению Северного Кавказа» [Тихонов, 1996, с. 81].

А.Г.Тихонов апеллирует к мнению Е.М.Крупнова (1960 г.) о «спорадической активности» скифов на Кавказе и принимает второе объяснение обнаруженного сходства. Рассмотренные же нами ранее многочисленные факты влияния скифов на местное население в долине р. Эшкакон заставляют уверенно выбрать первое объяснение в качестве причины отмеченного сходства антропологической серии Уллубаганалы с скифскими причерноморскими сериями. Брачные связи, пусть гипотетические, но опирающиеся на систему археологических доказательств, позволяют говорить об активном обмене генами, что мы отмечали ранее на с. 21–23 при анализе геногеографических карт (см. карты 2, 4) кавказского генофонда. Анализ и сопоставление между собой различных антропологических признаков в различных кобанских сериях привел М.М.Герасимову к выводу о том, что в данном случае обнаруживается сетевидное сходство – когда по одному набору признаков антропологические серии связаны с одними из соседних, а по другому набору признаков – с другими. Этот факт говорит «о сложности формирования антропологического состава» [Герасимова, 2004, с. 80] носителей кобанской культуры.

Подытоживая изложенное, мы должны отметить, что исторические свидетельства, палеоантропология, данные лингвистики и археологический материал свидетельствуют о смешанном составе кобанского населения в VII–VI вв. до н.э. Степень же смешения позволяет видеть качественное отличие памятников этого периода от предшествующего («классическая Кобань») и необходимость выделения в кобанской культурно-исторической общности трех последовательно бытовавших культур, из которых только первая отличалась некоторой гомогенностью, тогда как во второй гетерогенной (которая условно может быть названа «скифо-кобанской») мы видим сочетание древнекобанских традиций с скифскими инновациями, причем соотношение между ними различно для разных географических зон Северного Кавказа (о третьем этапе мы скажем ниже).

В настоящее время у нас нет еще исследовательского аппарата, который бы позволил оценить в каких-то единых мерах и сопоставить между собой два явления – влияние скифов на кобанцев,

и, наоборот, влияние кобанцев на скифов. В самом общем виде о последнем писал М.И.Ростовцев, говоря о необходимости вычленения в скифской культуре кавказских элементов [Ростовцев, 1925, с. 303], Н.Я.Марр отмечал для скифов «реальные, духовные и вещественные связи с Кавказом» (цитируется по [Крупнов, 1948, с. 104]). В последнее время в связи с блестящими открытиями В.Г.Петренко курганного могильника у хутора Красное Знамя, скифская принадлежность которого не вызывает сомнений и принята в настоящее время всеми ведущими скифологами В.И.Козенковой выделены предположения о чертах «местной позднекобанской культуры» [Козенкова, 1981, с. 32], которые подтверждают «... и техника каменной кладки, культ огня, формы и орнаментация посуды, металлическая посуда, двукольчатые удила, состав металла всех бронзовых изделий, ожерелья из раковин каури и гагата» (там же). Выделенные В.И.Козенковой черты представляют собой отдельные элементы, характеризующие могильник и материальную культуру оставившего его населения, не несущие, на наш взгляд, информации о возможной кобанской принадлежности, даже если игнорировать всю сумму безусловно скифских черт, опущенных в данном перечислении (подробнее смотри [Петренко, 1983, с. 43–48]). Начать с того, что материалы курганного могильника не могут свидетельствовать «о постоянно долговременном характере о б и т а н и я (разрядка моя – *В.К.*) на данной территории» [Козенкова, 1981, с. 92], поскольку никаких оснований отрицать кочевой характер жизни оставившего их населения у нас нет, и В.И.Козенкова подчеркивает, что культура интерпретируется как кочевническая. Культ огня, представленный храмом огня в Большом кургане, не сопоставим с холодным углем, в очень небольшом количестве находимом в кобанских погребениях, как несопоставимы монументальные каменные склепы с деревянным перекрытием и дромосом с небольшими каменными ящиками из четырех плит. Вместе с тем нельзя не согласиться с В.И.Козенковой в констатации близости по культуре Краснознаменской группы с Моздокскими, Комаровскими и Каменномостскими погребениями раннескифского времени, что, очевидно, должно привести к пересмотру вопроса об удельном весе скифских культурных влияний в позднекобанской культуре в пользу включения собственно скифов в состав тех групп населения, которые были носителями смешанной кобано-скифской культуры в равнинном Предкавказье.

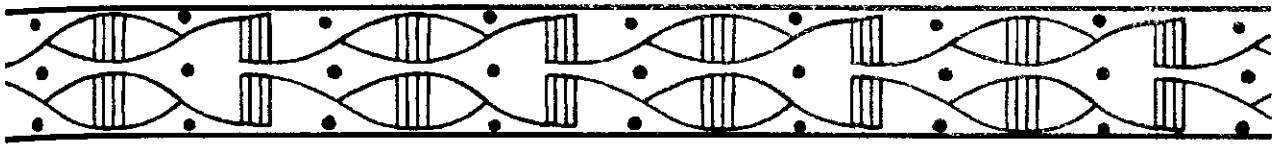
Не должен смущать нас местный состав металла бронзовых изделий из курганов у хутора Красное Знамя, так же как форма и орнаментация лощеной керамики. Оба эти факта подтверждают возможность и привычность использования скифами труда местных ремесленников. В этой связи особый интерес в плане анализа конкретных взаимоотношений степняков-скифов и кавказских горцев представляют материалы кобанского времени, происходящие из окрестностей Ставрополя: ряд поселений VII–IV вв. до н.э. и могильник Пелагиада [Петренко, 1984, с. 155–164]. Рассмотренные памятники находятся в значительном удалении к северу от основного массива памятников кобанской культуры. По материалу (прежде всего скифским стрелам) памятник надежно датируется В.Г.Петренко VI в. до н.э.: скорченное положение погребенных, погребальные сооружения (каменные ящики и грунтовые захоронения), наличие чашечных камней, отмосток, перекрытий могил булыжной засыпкой, тризны, так же как и набор керамики (корчаги, кружки, кувшинчики), убеждают в его принадлежности к кобанской культуре.

Чем объясняется столь далекое передвижение кобанцев в степи, причем в степи, где владычествуют скифы? По сведениям находчиков, в разрушенном каменном ящике было погребение со скифской стрелой, воткнутой в правую височную кость черепа, и четырех отдельных черепов. В.Г.Петренко исследовала яму овальной формы (230 x 215 см²), в которую были брошены и забиты камнями 10 человек: в нижнем слое три младенца, три подростка и трое мужчин, засыпанные остатками тризны и ритуального костра, поверх которых под булыжной вымосткой была захоронена женщина (так же, как и убитые ранее, без сопровождающего материала). Следует согласиться с автором раскопок, что находка, возможно, говорит о каких-то трагических событиях, происходивших в VI в. до н.э. [Петренко, 1984, с. 164] между скифами и носителями кобанской культуры. На поставленный ею вопрос об основе и характере взаимоотношений между ними можно было бы ответить предположением, что кобанцы были переселены в эти места скифами и находились в зависимости от них (пастухи скифских стад, ремесленники?), чем и может объясняться характер такой карательной акции по отношению к мужскому населению.

Тесные и длительные контакты скифов и кобанцев нашли отражение в лингвистическом материале – в лексических схождениях осетинского и восточно-кавказских языков [Абаев, 1959, с. 89], в выделении языковой иранской волны скифского времени под именем дигорской в отличие от сармато-аланской иранской [Абаев, 1967, с. 21], что в последнее время рассмотрено С.В.Кулландой.

И остается последний вопрос, вытекающий из рассмотренного выше: как нам оценивать это явление смешения скифского населения с местным кавказским? Ю.В.Бромлей подчеркивал, что в подобном случае при появлении общих характерных черт в культуре происходит формирование новой этнической общности «синтез этнического субстрата и суперстрата, в ходе которого и возникает новый этнос» [Бромлей, 1983, с. 28].

Нам кажется, что методически этот вопрос следует рассмотреть по аналогии с вопросом деления савромато-сарматской культуры. В конце 40-х годов «Б.Н.Граков впервые дал четкую хронологическую схему всего сарматского материала» [Мошкова, 1974, с. 5], объединив все памятники в четыре хронологические группы, названные им культурами. М.Г.Мошкова, справедливо отметив методическое неудобство включения «культуры» в «культуру», предлагает для понятия более высокого ранга применять термин «сарматская этническая общность» (или этноисторическая, что правильнее), а термин культуры оставить для четырех ее хронологических подразделений. Объединяет сарматскую этноисторическую общность территория, экология, хозяйственно-культурный тип, этнос, различает – характер материальной культуры и погребального обряда, вызванные как хронологическими изменениями, так и импульсами из других культур и территорий, сопровождаемые переселениями [Мошкова, 1983, с. 18–19] (подробнее см. далее). «Кобанскую культуру» в целом для всего принятого времени ее бытования – XI в. до н.э. – III–IV вв. н.э., правильнее называть кобанской культурно-исторической общностью, выделяя в ней традиционно 3 основных хронологических периода (я не останавливаюсь на проблемах ее происхождения - это специальная тема с богатой литературой), называемых древнекобанской, скифско-кобанской и сарматско-кобанской культурами.



Глава IV

ПОЯВЛЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ САРМАТО-АЛАН НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

§ 1. Сарматы и местные племена во второй половине I тыс. до н.э.

Начиная с III в. до н.э., в пределах той же кобанской культуры для горных и предгорных районов Кавказа можно говорить о сарматской эпохе – во имени того народа, который в то время начинает играть доминирующую роль в степях Предкавказья и на протяжении последующих столетий все сильнее взаимодействует с кавказскими горцами.

Усилия многих исследователей, рассматривающих эти проблемы под разными углами зрения, еще далеки от завершения, и сегодня мы можем лишь констатировать, что решение этих вопросов оказалось гораздо более сложным, чем казалось исследователям XIX века, в том числе и таким крупным, как В.Ф.Миллер и Ю.А.Кулаковский. Увеличение объема материалов, расширение того исторического фона, на котором рассматривается сарматская проблема: от Средней Азии до Испании и Африки – не разрешили недоуменных вопросов, основная трудность которых заключается в необходимости выработки процедуры объяснения фактов, удовлетворяющей самым строгим требованиям научного анализа и синтеза.

Сарматской эпохе на Северном Кавказе повезло больше, чем другим: к ее изучению обращалось большое число исследователей, придерживавшихся зачастую различных точек зрения и опирающихся на материалы разных районов Северного Кавказа (от Кубани до Дагестана). Столкновение же взглядов (устное – на регулярных кавказских симпозиумах, или письменное – на страницах журналов) всегда продуктивно, даже в том случае, если оппоненты резко расходятся в толковании проблемы [Марковин, Мунчаев, 2003, с. 189-190].

На исторической арене Северного Кавказа сарматы, подобно скифам, появились как опасные и неукротимые враги, недаром в быту адыгских племен сохранилась поговорка «ты не черт и не шармат, откуда же ты взялся?» [Ногмов, 1947, с. 24]; показательно и слово цармарти в грузинском языке, что значит «язычник» [Гаглойти, 1966, с. 70], а в восточно-кавказских языках словом цармат называют уродливого и страшного, чужого человека [Виноградов, 1963, с. 151]. Картину взаимоотношений сармат с местными племенами мы можем дополнить, привлекая сведения Мровели, повествующего о браке между сестрой царя Фарнаваза, объединившего Грузию в III в. до н.э. и «овским царем» (овсы грузинских источников в разные исторические периоды соответствуют последовательно сарматам, аланам и осетинам). Сам Фарнаваз был женат на «деве из рода Кавказа (племени) дурдзуков» [Мровели, 1979, с. 30], которых исследователи локализуют на северных склонах Кавказского хребта, на территории нынешней Чечни и Ингушетии. На протяжении царствования Фарнаваза овсы, леки и дурдзуки оставались его надежными союзниками. Этот союз сохранялся и при сыне его Саурмаге и лишь при внуке Мирване I был временно нарушен восстанием дурдзуков. «Тогда царь Мирван созвал всех эриставов картлийских, собрал многочисленное войско – конных и пеших... и подступил к вратам (неприятеля), жестокий, как джик, бесстрашный, словно тигр, и с львиным рыком на устах. Разразилась меж ними жестокая битва и, словно скалу, не рассекал Мирвана меч дурдзуков: был он тверд и незыблем, как столп. Битва дли-

лась меж ними долго, и с обеих сторон пало множество (людей). Однако дурдзуки были осилены и обращены в бегство» [Мровели, 1979, с. 31].

Сопоставляя данные греческих, римских и древнегрузинских авторов, мы получаем представление об этнической карте Северного Кавказа последних веков I тыс. до н.э.

Страбон в XI книге своей «Географии» подробно повествует нам о Кавказе после рассказа о самых высоких частях Кавказа, о горцах, которые живут на вершинах гор и в лесных долинах, он переходит к описанию северных предгорий – области, прилегающей к «равнине сираков» [Strab., XI, V, 7]. «Здесь (имеются в виду предгорья – *В.К.*) живут также некие троглодиты, из-за холодов обитающие в пещерах, но даже у них много ячменного хлеба. За троглодитами следуют хамекиты и так называемые полифаги и селения исадиков, которые еще в состоянии заниматься земледелием... Далее следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы и панксаны, а также племена сираков и аорсов. Эти аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше, а аорсы обитают севернее сираков» [Strab., XI, V, 7, 8].

На протяжении многих десятилетий не прекращаются ожесточенные споры о том, как локализовать сарматские племена аорсов и сираков, как датировать время их появления на Северном Кавказе, как определить характер их взаимоотношений с соседями, какие признаки выделять в качестве этнокультурных показателей [Смирнов, 1954, 1984, с. 16; Виноградов, 1963; Абрамова, 1968, с.129, 1989; Шилов, 1974, с. 34–48; Марченко, 1996, с. 11–13]. Для нас существенно, что и древние авторы, и современные археологи единодушны в признании наличия в степях большого монолита сарматских племен. Для того, чтобы конкретнее представить себе характер новой волны переселений ираноязычных степняков в предкавказские степи, необходимо изучить формы взаимоотношений пришельцев с местным населением, которые очень сильно отличались между собой для различных регионов Евразии [Мошкова, 1989, с. 163]. Мы уже говорили, что в скифский период взаимоотношения скифов и савроматов были мирными, залогом чего служило генетическое и языковое их родство, близость в образе жизни и материальной культуре. Как и скифы, они были заинтересованы в мирных отношениях с оседлым северокавказским населением [Смирнов, 1984, с. 115–117], причем савроматские кочевья доходят до Ачикулака и Бажигана – Предкавказье, а в Северном Причерноморье в Присивашье среди антропологических серий С.И.Круц выделила антропологический тип, близкий савроматским и раннесарматским и отличающийся от степных и лесостепных скифских «ярко выраженной брахикранией, низким сводом, очень широким, с ослабленной профилировкой лицом» [Экология и демография, 2004, с. 96].

Хронологическим нижним рубежом сарматского этапа на Северном Кавказе являются сарматские миграции конца IV в. до н.э., которые начали волну переселений из Азии. Однако даже при том, что вслед за М.Г.Мошковой [Мошкова, 1974, с. 9, 1989, с. 169] и К.Ф.Смирновым [Смирнов, 1984, с. 118], мы не считаем, что это была экспансия Хорезма или данный Хорезмом импульс, роль районов Приаралья и южного Приуралья в «первотолчке» безусловна, что определяется тесной связью сарматских племен с племенами дахо-массагетского круга. Отношения со скифами были враждебными, усиление сармат совпадает с политическим ослаблением последних. На I этапе (IV–III вв. до н.э.) сарматы проникли в Прикубанье, на втором этапе (III–I вв. до н.э.), связанном с языгами, роксаланами и аорсами, начинается процесс сарматизации Северного Причерноморья и Северного Кавказа, причем нам важно для понимания этногенетических процессов в Предкавказье то, что на основании археологических материалов мы можем предполагать инкорпорацию оседлых скифов [Абрамова, 1989, с. 276) при сохранении местной традиции в керамике. По представлениям К.Ф.Смирнова, сираки – это продвинувшиеся на Северный Кавказ из Волго-Донского междуречья савроматы [Смирнов, 1984, с. 117; Абрамова, 1988, с. 8]. В результате исследований М.Г.Мошковой и К.Ф.Смирнова, обобщивших большой новый полевой материал, выясняется иное происхождение аорсов: в их основе лежат материалы самаро-уральской группы, сложившейся при участии кочевников Приаралья и Центрального Казахстана и активных связях со Средней Азией, Передним Востоком и Ахеменидским Ираном [Мошкова, 1974, с. 46, 51; Мошкова, 1997, с. 7; Смирнов, 1984, с. 16–17, 115–117). Это направление связей и политическая ориентация сохраняются и в последующее время, что представляет для нашей темы особый интерес. Заслуживают внимания и сведения Плиния Старшего о том, что в тылу города Питиунта «в Кавказских горах живет сарматский народ епагерриты, а за ними савроматы» [Плиний, Естественная история, VI, 15]; по мнению Ю.С.Гаглойти, И.С.Каменецкого и Е.П.Алексеевой, локализовать их следует в верхнем течении реки Кубани [Алексеева, 1971, с. 70].

Особенно важны данные по локализации тех племен, которые заселяли северные предгорья и горы Кавказа. Речь идет, во-первых, о троглодитах, то есть жителях пещер (не имеются ли здесь в виду дома, частично углубленные в землю? Вспомним углубленные жилища в предгорьях При-

эльбрусья на Эшкаконе, рассмотренные выше. Или здесь использовались скальные навесы, о чем писал Эвлия Челеби для Карачая?), которые, по мнению некоторых исследователей, локализуются в Чечне и Ингушетии, рядом с хамекитами [Виноградов, 1963] и исадиками («содиями» Плиния [Естественная история, VI, 29]; «исондами» Птолемея, V, 8, 17 (см. [Виноградов, 1963, с. 157]).

Далее на восток, уже на территории современного Дагестана, находились леки древнегрузинских источников. Если согласиться с предложенной локализацией хамекитов и исадиков, то троглодиты, очевидно, в действительности находились западнее (и, видимо, значительно), тогда можно ожидать, что их ареал включал горные районы от Осетии до Верхней Кубани [Волкова, 1973, с. 124]. Никаких других племенных названий, которые можно было бы связывать с этой территорией, в нашем распоряжении нет, а между тем, коль скоро Страбон начинал свое описание с района современного Сухуми, то названные им племена и должны были находиться в верховьях Кубани и далее на восток (интересны в этой связи приведенные В.Б.Виноградовым данные по топонимике «Хамкетей» в Прикубанье.

Для последних веков до н.э. на Северном Кавказе исследователи выделяют как комплексы собственно сарматские, так и смешанные и местные [Марченко, 1997, с. 113–139]. Памятники III–I вв. до н.э. в горах немногочисленны и, как правило, представлены погребениями, большая часть которых вскрыта еще в прошлом веке и лишена должной документации; многие детали, ускользнувшие от внимания непосредственных производителей работ, восстановить невозможно. А при небольшом числе погребальных комплексов, архаичности инвентаря, плохо поддающегося датированию, разнообразию погребального обряда, в частности для погребальных сооружений, – черпать в этом материале основания для уточнения этнической или хронологической интерпретации можно только при введении дробного кода описания этих погребений, что, безусловно, оправдало себя по полученным результатам в цитированной выше монографии И.И.Марченко.

Остановимся лишь на том, как проявляется в памятниках II–I вв. до н.э. преемственность от кобанских памятников VIII–IV вв. до н.э., не предлагая, однако, на этой базе этногенетических построений. Так, продолжает бытовать традиция погребений в каменных ящиках или в грунтовых могилах, иногда с частичным использованием камня. Ареал грунтовых захоронений сарматского времени по сравнению с предыдущим периодом несколько сдвигается к северу и западу (карта 31), оставляя незатронутой восточную часть Центрального Предкавказья. Преобладают одиночные захоронения, правда, появляются и коллективные. Продолжают встречаться скорченные погребения, как в предыдущую эпоху, но все больший удельный вес приобретают вытянутые (82% в Кабардино-Балкарии, по данным Б.М.Керефова). Ориентировка неустойчивая, с преобладанием широтной.

В ряде пунктов (например, северное кладбище Верхнего Кобана) наблюдается длительное использование могильного поля. Вещевой материал демонстрирует в ряде категорий прямую преемственность от более ранних форм кобанской культуры. Этот факт прослеживается не только в погребениях предгорных и горных районов Предкавказья последней трети I тыс. до н.э., но и в одновременных им памятниках пограничья равнинной и предгорной зон Ставропольской возвышенности [Абрамова, Петренко, 1995, с. 35–55]. Причем важное для нас выявление сильного влияния на сармат Центрального Предкавказья местного северокавказского автохтонного населения, носителей позднекобанской культуры, дополняется выводом исследователей о возможности «включения в состав населения, оставившего эти памятники, и потомков скифских племен, проживавших здесь в предшествующее время... и также, несомненно, оказавших влияние на формирование этой культуры» [Абрамова, Петренко, 1995, с. 42]. С позднекобанской культурой связаны бронзовые дуговидные фибулы, гривны, спиральные кольца в 3–9 оборотов, бронзовые литые браслеты с концами в виде змеиных головок [Абрамова, 1974, с. 5; Абрамова, 1989, с. 270–272], умбоновидные бляшки-пуговицы и многие другие украшения. Оружие и конское снаряжение гораздо тоньше реагирует на все то новое, что появилось в военном деле сарматской поры и отражает процесс «сарматизации, или сарматской аккультурации (новое вооружение, костюм и его украшения, некоторые черты обряда и пр.), во всем Причерноморье, включая Северный Кавказ» [Смирнов, 1984, с. 123], что корреспондирует с подобной же картиной в скифскую эпоху.

Вооружение сармат и их воинственность красочно описаны древними авторами. Овидий говорит, что «между ними нет ни одного, кто не носил бы налучья, лука и синеватых от змеиного яда стрел» [Овидий, V, 7, 12–20]. О «мечущем огромное копье сармате» пишет Валерий Флакк [Флакк, Аргонавтика, VI, 162], об их воинственности – Сидоний: «кочевое скопище – суровое, хищное, бурное»; «народ кровожаднейший и посвященный Арею, считающий спокойствие за несчастие», – вторит ему Либаний. «Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства, они вечно живут лагерем, перевозя свое имущество и богатства туда, куда привлека-

ют их лучшие пастбища или принуждают отступающие или преследующие враги: племя воинственное, свободное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвуют в войнах наравне с мужчинами», заявляет Помпоний Мела [Помпоний Мела, кн. 3, 33].

Чем глубже мы пытаемся «заглянуть» в горы, тем меньше в местной культуре находим сарматских черт; это лишь отдельные предметы вооружения и детали костюма и украшения, бронзовые зеркальца-подвески, что является в данном случае хорошим хронологическим, но не этническим показателем. Проблема соотношения ираноязычных кочевников с местным населением тесно связана с вопросом о типах погребальных сооружений, которые используются местным населением западной и восточной части Центрального Предкавказья в последние века I тыс. до н.э. Если в восточной части преобладает использование грунтовых погребений, что продолжает местную традицию скифского времени [Абрамова, 1989, с. 276], то в западной части на территории предгорий исследованы могильники, состоящие из катакомб, вырытых в грунте, и не имеющие традиции в погребальных сооружениях предшествующего периода на этой территории. Этот факт привел исследователей к поиску связи между появлением катакомб и продвижением сармат в Предкавказье, объясняя это степным влиянием. В подробном исследовании катакомбных погребений, носящих в работах антиковедов термин «земляные склепы», юга Восточной Европы, М.П.Абрамова приходит к выводу, что для Северного Кавказа «нет никаких оснований полагать, что именно эти осевшие сарматские племена (оседание которых не опровергается. – *В.К.*) принесли с собой катакомбный обряд погребения на Северный Кавказ» [Абрамова, 1982, с. 17].

В связи с этим нам следует вновь обратиться к вопросу, насколько сам катакомбный обряд погребения является здесь информативным признаком для исторических выводов. В северокавказских степях катакомбные сооружения – явление не новое, в настоящее время они исчисляются уже сотнями подкурганных катакомб, датирующихся эпохой бронзы. Но к нашей теме последние отношения не имеют, поскольку их отделяет от интересующих нас памятников достаточно длительный промежуток времени. Немаловажно в этой связи только то, что идея создания в земле погребальной камеры, образующей замкнутое пространство и имеющей форму жилища, в чем воплощается древнее представление о могиле как о «доме мертвых» кочевника (возможно, кибитки или шатра), где находит свое воплощение восприятие могилы в качестве отправного пункта в загробный мир, оказывается присущей степным кочевникам на разных этапах.

В вопросе интерпретации катакомбных захоронений первых веков нашей эры нужно выделить несколько аспектов, важных для решения поставленных задач. Нас интересует, какие типы могильных сооружений предшествующего времени можно поставить в связь с катакомбами (дромосные могилы – [Смирнов, 1978, с. 63]; «земляные склепы» – [Абрамова, 1982, с. 17]; какой классификации из нескольких предложенных [Граков, 1971; Смирнов, 1972; Абрамова, 1982; Габуев, 1988; Мошкова, 1988] придерживаться; где видеть центр их происхождения для эпохи раннего железа и район, откуда они проникли в Центральное Предкавказье; чем вызвано это явление и какой можно придать ему исторический смысл. Ясно одно, что рассматривать эту тему следует на широком историко-географическом фоне, от Средиземноморья до Средней Азии [Абрамова, 1972, с. 39; Мошкова, 1974, с. 43; Мошкова, Малашев, 1999, с. 189] и от Приуралья [Смирнов, 1978, с. 63] до Дайламана [Заднепровский, 1994]. В связи с анализом погребальных сооружений Северного Кавказа эпохи раннего средневековья [Ковалевская, 1981, с. 88–89] мне уже приходилось говорить о правомерности для исследователя выбора разных систем рассмотрения погребальных сооружений, причем опосредовано они характеризуют разные способы погребения (сверху – в грунтовые ямы, каменные ящики и гробницы, сбоку – в камерные погребальные сооружения – склепы, подбойные, скальные и катакомбные могилы) и различные религиозные представления, то есть те явления культуры и человеческого поведения, которые мы можем реконструировать по дошедшим до нас следам, но которые остаются во всей своей полноте нам недоступны.

Однако вернемся к двум первым вопросам: из каких форм погребальных сооружений раннего железного века возникли катакомбные и подбойные погребения сарматской эпохи и с какой территории они попали в Центральное Предкавказье. К.Ф.Смирнов, обращаясь к их происхождению и связывая их с дромосными могилами [Смирнов, 1978, с. 55–64], пришел к выводу, что в эпоху раннего железа наиболее ранние собственно катакомбные погребения VI–V вв. до н.э. документированы в Приуралье, когда подобных погребальных сооружений на другой территории не было [Смирнов, 1978, с. 63]. Правда, количественно их находки незначительны. В таблице, приведенной М.Г.Мошковой [Мошкова, 1983, с. 24], мы видим, что они составляют от 0,7% от всего количества погребений в V в. до н.э. до 2% в IV–II вв. до н.э. Этот малый процент подкрепляет предположение К.Ф.Смирнова о том, что катакомбы являются не этническим признаком, хотя и распространены в сарматской среде, а свидетельством «определенной социальной стратифика-

ции у древнего населения обширного региона» [Смирнов, 1984, с. 42]. Но нам важно отметить, что появляются они именно в сарматской среде и одновременно с этим у скифов (также единичные) [Абрамова, 1982, с. 9], несколько позже (IV в. до н.э.) в Крыму, в дельте Дона [Максименко, 1983, с. 64], в левобережном Хорезме, на Боспоре и у меотов.

Безусловно, права М.П.Абрамова, что следует очень четко отделить друг от друга разные типы катакомбных погребений (в частности, подбои и катакомбы, так же как и разные типы катакомб). Как подчеркивают М.Г.Мошкова и В.Ю.Малашев в специальном фундаментальном исследовании, посвященном периодизации и типологии катакомбных погребений Южной Европы и Кавказа, «погребальные сооружения в виде катакомб занимают в этом ряду особое место в силу своей специфичности, разнообразия вариантов и, наконец, потому, что со времени раннего Средневековья они становятся господствующим типом могил для аланских племен, известным по сведениям письменных источников на территории Центрального Предкавказья» [Мошкова, Малашев, 1999, с. 172]. Безусловно, картировать погребальные сооружения следует по дробным типам, хотя мне кажется, что видеть больше отличий, чем сходства между подбоями и катакомбами, как это делает Л.Н.Нечаева [Нечаева, 1961, с. 154], нет оснований ни с точки зрения анализа их конструкции, ни в связи с их генезисом. Предположение М.П.Абрамовой о возникновении подбоев на территории северозападного Причерноморья и о длительной традиции катакомб в Прикубанье еще требует разработки и привлечения новых данных и их статистической обработки. Так же, как для первых веков н.э., нельзя считать аланскими только подбойные погребения в степном Предкавказье [Абрамова, 1988, с. 14].

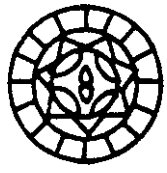
Представляет интерес исследование тех деталей погребального обряда, которые можно связывать с сарматами. На основании немногочисленного археологического материала сложился определенный взгляд на то, какие признаки можно связывать с сарматами; к ним относили наличие меловой подсыпки, перекрещенные голени, положение кисти руки на таз [Мошкова, 1989, с. 192, 193]. С увеличением общего количества материала самые простые подсчеты показали, что рассматривать эти признаки в качестве этнических нельзя: например, на Маныче, в зоне обитания сираков, меловая подсыпка отмечена менее чем в 2% погребений, а в позднесарматских памятниках, согласно сведениям М.Г.Мошковой, – в 19,7%.

Еще в 1963 г. И.С.Каменецкий пришел к выводу, что в погребениях меотов – коренных обитателей средней и нижней Кубани – такая деталь погребального обряда, как перекрещенные ноги, встречается чаще, чем в собственно сарматских памятниках. Подсчеты по позднесарматским комплексам, произведенные М.Г.Мошковой, показали, что в целом этот признак составляет лишь 3,5%, увеличиваясь по направлению к юго-западу, и во II–III вв. н.э. насчитывает до 7–8% (очевидно, как она полагает, под влиянием меотов) [Мошкова, 1983, с. 31]. Это же касается положения кисти руки на тазовых костях – в позднесарматских памятниках этот признак составляет около 20%, поэтому нельзя, рассматривая северокавказские памятники, перечисленные детали обряда считать признаком сарматского влияния.

Вообще, наблюдения, построенные по данным погребального обряда, могут лишь в том случае служить нам основанием для каких бы то ни было этноисторических построений, когда подсчитаны по дробной программе не только все материалы с изучаемой, но и со всех сопредельных территорий, как это сделано и делается в последнее время в серии выпусков материалов по статистической обработке погребальных памятников сармат под редакцией М.Г.Мошковой. Коль скоро это не осуществлено, наши выводы остаются предельно гипотетическими.

Итак, наши представления о жизни населения Северного Кавказа в последние века I тыс. до н.э. крайне ограничивает немногочисленность археологического материала, плохая научная документация и отсутствие статистических подсчетов. Мы можем предполагать, что в горах продолжало жить местное население, сохранившее устойчивые культурные традиции, сложившиеся в кобанской культуре – и очень медленно эволюционировавшие [Абрамова, 1989, с. 270, 271]. Степи были заняты кочевыми сарматскими племенами, вступавшими во все более тесный контакт с населением гор и предгорий. Важно подчеркнуть, что как для Северного Кавказа, так и для северных пограничных районов расселения сармат смешанный характер культуры «затрудняет ... разделение сарматского и несарматского населения ... (поскольку) смешанность, слитность культуры бывает иногда поразительна» [Мошкова, 1983, с. 31]. Последний обзор антропологического материала Предкавказья рассматриваемого периода, к сожалению, очень немногочисленного, показал высокий уровень его неоднородности и «сложности этнической истории каждой из популяций, оставивших эти могильники» [Герасимова, 2004, в печати]. Кроме того, обработка антропологических серий, происходящих из могильников эпохи бронзы в степных районах Северного Кавказа, указывает на то, «что круглоголовость... не обязательно должна быть свя-

зана с притоком сарматского населения» [Герасимова, 2004, там же]. Следовательно, при интерпретации археологических и антропологических фактов мы видим, что увеличение объема материалов показывает, что ряд излишне прямолинейных утверждений может не выдержать испытания временем и потребовать корректировки. Но, главное, если количество материалов в северных степных районах увеличивается, то, к сожалению, археологических и антропологических данных по горному населению Предкавказья остается слишком мало для того, чтобы представить конкретно все формы взаимоотношений местного и пришлого населения.



§ 2. Выход алан на историческую арену

К рубежу нашей эры в этнополитической жизни Северного Кавказа появляется новое имя - аланы. Количество источников и, главное, полнота сведений об истории ранних алан значительно превышает все то, что мы знаем о предшествующих, а порой и последующих периодах истории сармато-аланских племен. Очень важно, что эти сведения древних источников мы можем подвергнуть перекрестной проверке, особенно сейчас, когда в руках исследователей находится максимально полный свод источников об аланах с I до XV вв. н.э., объединенный в одном томе [Алемань, 2003].

Впервые в произведениях античных авторов «пылкие аланы» упоминаются в I в. н.э. и на долгие века занимают видное место в качестве опасных противников или желательных союзников для Рима и Византии. Волна сармато-аланских нашествий прокатилась по Европе и Азии. Правда, имя это не имело печальной и страшной славы гуннов, но тем не менее воинственных алан древние авторы знают в Предкавказье, Закавказье, Передней Азии, Причерноморье и Подунавье, во Франции и Северной Африке. Как и скифы в эпоху переднеазиатских походов, зачастую теми же маршрутами, такими же воинственными конными дружинами аланы проникали на территорию крупнейших государств древности. Не случайно среди сарматских погребений этой поры около половины составляют погребения воинов.

Сарматы славились своей легкой конницей, а их «звонконогие» (Сидоний) кони, «пригодные для любой длины переездов» (Овидий), – быстротой и неприхотливостью. Как писал Марк Валерий Марциал, «алан на своем сарматском коне не минует тебя» [Алемань, 2003, с. 45]. Интересно что наряду с породистыми быстроаллюрными скакунами, типа ахалтекинцев, тонконогими, подтянутыми, с горделиво поднятой головой, которых мы знаем по росписям Боспорских склепов и другим произведениям искусства (изображение катафрактария на серебряном сосуде из богатого уникального погребения, отрытого в 1984 г. В.М.Дворниченко и Г.А.Федоровым-Давыдовым [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989]), у основной массы дружинников под седлом были кони попроще, степных улучшенных пород. На этих конях в походы они отправлялись «о-двуконь», приводя в страх противника как быстротой передвижений, так и численностью своего конного войска. Поскольку аланы, как и все сарматы, прежде всего предстают перед Римом, а позднее Византией, как конники, до нас дошли наиболее яркие характеристики их именно в этом качестве: «сарматы, не используя луков, которыми владеют слабее парфян, устремляются на них с длинными копьями и мечами, и враги то сшибаются и откатываются назад, то, как в рукопашной схватке, теснят друг друга напором тел и оружия» [Тацит, Анналы, VI, 35]. Любопытно, что именно Тацит первым отметил ту черту северокавказских алан, с которой нам не раз еще придется столкнуться, рассматривая их внешнюю политику на протяжении последующих веков. Описывая иберо-парфянский конфликт, он замечает, что сарматские вожди, «приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той и к другой» (стороне – *В.К.*) [Тацит, VI, 33].

Данные о военном деле сармат очень хорошо подкрепляются археологическими материалами. Уже у сираков и аорсов в ходу были длинные мечи с кольцевым навершием, продолжающие

бытовать и в I–II вв. н.э. Из описаний в закавказских источниках мы узнаем, что сарматские мечи и кинжалы имели красные деревянные ножны, красную рукоять; любовь к красным камням, к инкрустации рукоятей сохранится у алан и позже, достаточно вспомнить вставки из сердолика и граната-альмандина. Мечи на портупейном ремне крепились к правому бедру, так же носили и кинжал. Длинными мечами рубили одной, реже двумя руками; пикой, которая у катафрактариев достигала 3 м и более, разили с коня. Особое место, как мы знаем по древнеармянским источникам, в их вооружении занимал аркан – типичное оружие степняка. Умение ездить верхом, а также использование аркана входит в круг тех обязательных для скотовода навыков, которые служат ему и в мирной, и в военной жизни. Доспехи всадников были чешуйчатыми, а затем стали сменяться кольчужными. С рубежа н.э. появился тяжелый лук.

Древние авторы рисуют несколько утрированный внешний облик сармато-алан, когда даже тонкая талия и длинные ноги описываются как уродство. Тут и «грубый голос, свирепое лицо, волосы и борода не подстрижены» (Овидий), причем «рассыпанные по плечам» длинные волосы (Сенека) отмечаются неоднократно. Они всегда на конях, с ножом на бедре, с «хвастливым и роскошным» вооружением (Астерий).

Сведения о военных действиях, кочевом быте алан, «которые хуже всякой другой беды» (Аврелий Виктор), «племени воинственного, свободного, непокорного и до того жестокого и свирепого» (Помпоний Мела), можно было бы умножить, но в том контексте, в котором мы обратились к ним, нам важно было бы узнать другое. Когда аланы пришли на Кавказ, откуда? Из кого состояла аланская конфедерация племен? Где она сложилась? Каковы отношения алан с местными кавказскими племенами? Какие археологические признаки мы можем считать определяющими для памятников алан? Именно эти вопросы на протяжении последней сотни лет являются предметом ожесточенных дискуссий и рассматриваются в сотнях статей и десятках монографий, число которых растет по экспоненте.

В нашем распоряжении существует две системы данных, которые нужно привести во взаимно-однозначное соответствие. Одна – это сумма интерпретированных письменных свидетельств об аланах, из которых мы получаем ответ на то, где на протяжении исследуемого времени документировано их пребывание. Для освещения вопроса происхождения и расселения алан по этим источникам все содержащиеся в них сведения нужно упорядочить в пространственно-временном континууме. Второй системой является совокупность археологических памятников первых веков первого тысячелетия н.э. – все поселения, могильники, случайные находки должны быть изучены в их динамике и локальных различиях, причем только успешное и максимально дробное членение этих материалов на хронологические этапы на основании типологии вещей с последующим переходом от относительной датировки к абсолютной позволит определить нужные вехи.

Начнем с анализа письменных источников и истории вопроса. Обширная специальная литература посвящена вопросам появления этнонима алан в Северном Причерноморье вообще и на Северном Кавказе, в частности. Эти данные можно свести к тому, что аланы являются одним из сарматских племен, в сложении которых играли немаловажную роль массагеты, недаром это отмечал и Дион Кассий [Римская история, XIX, 15, 1] и Аммиан Марцеллин, называвший их «прежними массагетами» [Amm. Marc, XXXIII] [Смирнов, 1954, с. 204; Мошкова, 1983, с. 31; Смирнов, 1984, с. 17, 121]. Следует согласиться с К.Ф.Смирновым, что нет оснований отделять их (как это делает Д.А.Мачинский) от поздних сармат, связывая с роксоланами [Смирнов, 1984, с. 121; Скрипкин, 2001, с. 17]. Что касается этнонима алан, то наиболее убедительной следует считать этимологию В.И.Абаева, видящего в нем «безупречное с фонетической стороны осетинское оформление древнеиранского Aryana «арийский»... (которое) предполагает с необходимостью более старую форму allan» [Абаев, 1958, с. 47]. Существует прочная историческая традиция, что этноним алан, приуроченный не только к Северному Причерноморью, Дунаю и Приаралью, но и к Северному Кавказу, появляется у римских, китайских и закавказских древних авторов, так же, как в эпиграфических памятниках, начиная с I в. н.э. [Миллер, 1887, с. 50; Виноградов, 1963, с. 161; Граков, 1964, с. 337 и т.д.]. Споры заключались в том, к какой части I в. н.э. следует относить это событие. Согласно другой точке зрения, по письменным источникам нельзя говорить об аланах на Северном Кавказе ранее II в. н.э. [Гамрекели, 1961] или даже гуннского времени [Абрамова, 1979].

Негативные утверждения В.Н.Гамрекели не убедительны, голословны и часто противоречивы; в специальной литературе они уже подробно, с сопоставлением источников, разобраны [Кузнецов, 1984, с.15; Скрипкин, 2001, с. 15, 16]. Точка зрения М.П.Абрамовой, которая опиралась в своих построениях на аргументацию В.Н.Гамрекели, но шла дальше в своих выводах, при отсутствии анализа восточных источников очень уязвима. «Признавание» или «непризнавание» дос-

товерности высказываний древних авторов, исходя лишь из общих концепций исследователя, без должного их анализа, не конструктивно, и не может нас убедить, так же как ранее не убедил В.А.Кузнецова [Кузнецов, 1984, с. 15].

Возьмем данные тех античных авторов, которые в разных контекстах и на разных территориях упоминают этноним аланы для догуннского времени: Сенека, Валерий Флакк, Марциал, Плиний, Иосиф Флавий, Анней Лукан, Светоний, Флавий Арриан, Птолемей, Лукиан Самосатский, Антоний Благочестивый, Дион Кассий. Картографируем эти сведения. Из 12 авторов лишь трое говорят об аланах только в связи с событиями на Истре, трое связывают их с Северным Причерноморьем (одновременно зная их на Кавказе) и девять или локализуют их на Кавказе, или же рассказывают об их походах через горные проходы в Закавказье. В наиболее ранних упоминаниях об аланах авторов середины I в. н.э., как мы уже говорили, подчеркнут «дикий и воинственный» характер этих «суровых и вечно воинственных алан» [Лукан, Алемань, 2003, с. 4], новых («народ свирепый и долго не известный нашим» – Гегесип... – [Алемань, 2003, с. 42] врагов Рима (Сенека и поэт Анней Лукан). Поэт Валерий Флакк локализует их на Кавказе рядом с гениохами (и нет оснований видеть в этом лишь поэтическую вольность, как это делает В.Н.Гамрекели), упоминая в этом же контексте аланского вождя Анавсия, имя которого этимологизируется из осетинского языка как «ненасытный» [Гаглойти, 1966, с. 80].

Рассмотрим в качестве хронологических вех военные события, подробно в последнее время рассмотренные целым рядом историков и археологов, которые происходили на Кавказе в догуннское время и участниками которых были аланы. Направление движений, расстановка сил, союзники и противники, пути передвижений – все это достаточно убедительно дает нам возможность понять, выступают ли аланы в Закавказье как племена, пришедшие издалека, от Дона и Меотиды, или из ближайших предкавказских степей и, возможно, предгорий Кавказа. Начнем с хорошо документированных событий 72 г., известных нам по Иосифу Флавию[1], Светонию, епископу Амвросию, Мовсесу Хоренаци и летописи «Картлис Цховреба». Опустошительный набег на Армению соединенных сил алан и «горцев» (Мовсес Хоренаци) «вместе с прочими дикими и неукротимыми племенами» (Амвросий) был произведен по наущению Иверии. Сведения об этническом составе нападающих детализируются данными Леонти Мровели: «Тогда цари Картли - Азарк и Армазел – призвали овсов и леков, привели царей овских – братьев-голиафов по имени Базук и Анбазук (имена иранские – *В.К.*) – с войском овским. И привели они с собой пачаников и джиков. Пришел к ним также царь леков и привел дурдзуков и дидоев...» [Мровели, 1979, с. 33].

Итак, в этом объединенном нашествии на стороне алано-овсов были все северокавказские горские племена от джиков (зихов) на западе до леков (Дагестан) на востоке. Прошли они Дарьяльским ущельем, «Каспийскими вратами» (Иосиф Флавий) – «путем щитоносцев», так этимологизируется это имя в ингушском языке. Правда, среди исследователей существуют разночтения: в противовес представлению о Дарьяльском пути, Тойблер полагает, что аланы пришли из Средней Азии горным Гирканским проходом; Й.Маркварт – Дербентским, академик Я.А.Манандян - меото-колхидским путем (см. подробнее [Алемань, 2003, с. 139]), причем ни один из этих путей не может объяснить, как тогда произошло объединение алан со всеми северокавказскими горцами. Иосиф Флавий и Леонти Мровели подчеркивают неожиданность нападения на Армению: «Стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну ... и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи» [Иосиф Флавий. О войне иудейской, VII, 7, 4].

У Л.Мровели, который в этой части своего сочинения следовал каким-то неизвестным нам армянским источникам, описаны действия армянского военачальника Сумбата Бивритиана (арм. Сумбат Бюрат), отправившего гонцов с предложением оставить победителям добычу («скот, золото, серебро и ткани») и вернуть пленных. После отказа алан Сумбат перешел Куру, а Базук вызвал его на поединок, который (с этим обычаем мы неоднократно встретимся и в более позднее время), как правило, либо предопределял, либо решал исход битвы. «Сумбат облачился в доспехи, воссел на коня своего и прошелся перед готовыми (к бою) рядами. Навстречу выступил Базук, и с громкими криками столкнулись. (Сумбат) поразил копьем по чреслам, пронзил его насквозь, сорвал с седла и грянул оземь» [Мровели, 1979, с. 34].

За гибелью Базука следует смерть Анбазука, пронзенного копьем от руки Сумбата, а затем битва между армянами и соединенным войском, полная победа армян, истребление «многих овсов и

---

[1] «Аланы, которые суть скифский народ, населяющие берега Танаиса и Меотидского озера... обрушились огромной массой на ничего не подозревавших мидян и опустошили их страну... Аланы ... подвергли страну разорению и захватив с собой множество людей и прочей добычи из обоих царств (Мидии и Армении – *В.К.*) возвратились в свою страну» [Иосиф Флавий. Алемань, 2003, с. 139, 140].

леков» и разорение Картли. С этого момента начинается полоса враждебных отношений между аланами и Арменией и дружественных – между аланами и иверами. По сведениям Светония, где-то при Веспасиане (69–79 гг.), но, очевидно, после рассмотренного нашествия 72 г. «Валарш, царь парфян, настоятельно просил против алан военной помощи» [Светоний, Домициан, гл.2; см. Алемань, 2003, с. 55].

В следующих военных действиях между армянами и объединенными силами Картли и алан, когда картлийские цари начали военные действия, «укрепили города и крепости и заполнили их войсками, призванными из Овсети» [Мровели, с. 34], армяне осадили Мцхету. Картли и аланы после пятимесячной осады запросили мира, «изъявили покорность» и обещали повиноваться армянам, правда, ненадолго: при усилении военных действий армян с Римом и Ираном, когда все основные силы Армении были заняты, аланы и картлийцы «беспрерывно стали нападать на армян», победили направленное против них армянское войско, взяли в плен армянского царевича Зарена и заточили его в крепость Дариалан. Только через три года, после появления в Картли армянского войска, был заключен мир и возвращен царевич, «отныне стали друзьями армяне, картлийцы и овсы. Заодно сражались против общего врага» [Мровели, с. 35]. К этому времени, возможно, относятся пересказанные Мовсесом Хоренаци эпические сказания о Сатиник, аланской царевне, которую давно и оправданно сопоставляют с мудрой Сатаней нартского эпоса (подробнее см. [Кузнецов, 1992, с. 47, 48]). Для нас важна географическая приуроченность военных действий армян на Северном Кавказе (поход Сумбата на помощь брату Сатиник), приведших пленных алан из земли Артаз, которую, еще начиная с В.Ф.Миллера, отождествляли с областью «Ардоз Кавказских гор» [Миллер, 1887, с. 107] – равнинной Осетией, а может, если согласиться с А.В.Гадло [Гадло, 1979, с. 165], всем степным Предкавказьем [Кузнецов, 1992, с. 48]. Следовательно, на протяжении I в. аланы находятся непрерывно в центре всех событий в Закавказье, активно участвуя в них на стороне Картли. В это же время, как мы узнаем из Лукиана, боспорский царь Левканор, выдавший свою дочь Мазею за правителя меотов-махлиев Адирмака, был женат на аланке Мастире, братья которой жили в Алании (относительно этимологии имени см. [Алемань, 2003, с. 166].

Следующий грандиозный набег алан на Албанию и Мидию был вызван, как мы знаем по Диону Кассию, в 135–136 гг. Фарсманом II («война... начатая по Фарасманову подстрекательству аланами...» [Алемань, 2003, с. 131]). Он был приостановлен «благодаря дарам, которыми Валарш (имеется в виду либо парфянский, либо армянский царь) воздействовал на алан» [Тревер, 1959, с. 130]. Ю.Кулаковский приводит надпись «переводчика сарматов» Аспурга, посла из Фанагории в Риме.

В начале III в. аланы продолжали играть заметную роль в политической жизни Боспора [Яценко, 1994, с. 26; 2001, с. 53–59]: наместниками Европейского и Азиатского Боспора были аланы, сыновья Маста – Ульпий Парфенокл и Ульпий Антимах; в 208 г. на Боспоре «главным аланским переводчиком» был некто Ирак (Герак). В 213 г., судя по Мовсесу Хоренаци, аланы и горские племена напали на Армению. В середине III в. на Картли «пришли Двалетским путем многочисленные войска овсов... с целью сокрушения города Мцхеты» [Мровели, с. 35]. Интересно, что первый раз за два с половиной века, придя в Картли в качестве врагов, аланы воспользовались не Дариалом, через который обычно их пропускали цари Картли, а Двалетским перевалом. Если согласиться с В.Н.Гамрекели, то в двалах грузинских и армянских источников надо видеть талов Птолемея или валлов-уаллов Плиния и локализовать их в ближайшем соседстве с аланами в горных районах Центрального Предкавказья и Закавказья [Гамрекели, 1961, с. 63]. Картлийский правитель Амазасп собрал большое войско, выступив сам в поединке с аланскими богатырями, пользуясь луком, копьем и мечом. Войско Картли нанесло сокрушительный урон аланам, убит был царь и множество воинов, и в следующем году армяне и Картли выступили в Аланию, «и никто не мог противостоять, полонили всю Овсети и с победой вернулись восвояси...» [Мровели, с. 36].

Эти достаточно подробные сведения о закавказских событиях, связанных с аланами, показывают, что предположение о непосредственной территориальной близости алан с Картли и Арменией подкрепляется целым рядом источников. Интересно, что в вышедших одновременно монографиях В.А.Кузнецова и автора в разделе, посвященном ранним аланам в плане дискуссии с М.П.Абрамовой на тему пребывания алан на Северном Кавказе, выводы и система доказательств почти тождественны [Кузнецов, 1984, с. 9–28; Ковалевская, 1984, с. 80–93].

Вышеприведенные сведения Мовсеса Хоренаци об аланах области Артаз-Ардоз подкрепляются картой Птолемея (II в. н.э.), где река Терек имеет имя Алонта, расположением алан к северу от Абазгии по Равеннскому анониму IV в. и вблизи лазов – на Певтингеровых таблицах (365 г., см. карту [Кузнецов, 1984, с. 4; 1992, с. 48]. Можно согласиться с точкой зрения исследователей, что обозначенные реки – это текущая с Кавказских гор на запад через землю псессов и аспургиан – Кубань, а начинающаяся на южных склонах Большого Кавказа – Терек, тогда аланы Кастория занимают междуречье этих двух основных кавказских рек.

В начале IV в. вновь мы видим совместные действия алан с леками на стороне Картли и армян против Ирана, причем, когда иранское войско вступает на территорию Закавказья, картлийские цари уходят «в Овсети, дабы привести войско из Овсети и укрепить города-крепости» [Мровели, с. 37].

Подытоживая разбор событий в Закавказье, где активными участниками на протяжении первых четырех веков н.э. были аланы, использовавшие в военных действиях в Закавказье союзных им горцев, мы воочию убедились в том, что аланы античных авторов, они же овсы грузинских летописей, находились в непосредственной близости к Закавказью – только в этом случае был резон идти в горы за аланской помощью в тот момент, когда враг уже вступил на территорию Картли: если бы аланы населяли берега Меотиды или даже северокавказские степи, это было бы бесполезно. Рассмотрим, как можно сопоставить данные письменных источников с археологическими материалами, что представляет собой один из фундаментальнейших вопросов в археологии, процедура которого еще требует выработки однозначного и непротиворечивого перевода с языка одной системы на язык другой. Поэтому «различные исследователи, сталкиваясь с одними и теми же категориями явлений, далеко не всегда одни и те же специфические явления описывают и интерпретируют одинаково» [Кун Т., 1977, с. 37], примером служит рассмотрение вопроса о локализации алан на Кавказе.

Первым этапом сопоставления является определение по данным письменных источников ареала того народа, исследованием которого мы занимаемся, – в данном случае определить (пусть в самом общем виде) территорию, связываемую с аланами первых веков н.э. на Северном Кавказе. В частности, здесь не может не встать вопрос о том, ограничимся ли мы областью равнинного Предкавказья, либо, памятуя о союзных действиях алан с кавказскими горцами в это время и сарматизации культуры местных племен в предшествующий период, расширим рассматриваемую территорию за счет предгорий. Второй этап – создание полной археологической карты этого времени для всего Предкавказья. Только при этом условии сопоставления могут быть продуктивны, и мы сможем отождествить с аланами соответствующий археологический материал, надежно датированный и систематизированный.

Более ста лет тому назад, когда исследователи впервые обратились к этому вопросу, было высказано мнение как об отождествлении алан по античным источникам и овсов древних грузинских авторов – с ираноязычными осетинами, так и о принадлежности северокавказских катакомбных могильников первых веков н.э. аланам. Именно с XIX в., а не «начиная с работ В.А.Кузнецова и Л.Г.Нечаевой, широкое распространение получила гипотеза о связи катакомбного обряда погребения с аланским этносом» [Скрипкин, 2001, с. 18]. Этой точки зрения придерживались Ю.В.Готье (1930), Б.Е.Деген-Ковалевский (1934), К.Ф.Смирнов (1952) и автор данной монографии в разделе о северокавказских аланах, написанном с использованием материалов Е.П.Алексеевой и Б.Е.Деген-Ковалевского в «Очерках по истории СССР III–IX вв.» 1958 г. Следует сказать, что это, казалось бы слишком прямолинейное и однозначное, сопоставление продолжает, пожалуй, в самом общем виде оставаться правомерным, несмотря на раздающиеся возражения, и требует подробного рассмотрения и детализации [Мошкова, Малашев, 1999, с. 172–212]. Единодушие исследователей объясняется не привычностью этой точки зрения, имеющей почти двухвековую историю, а тем, что она продолжает получать подтверждения на массовом материале. При решении названной проблемы мы сталкиваемся со следующим кругом вопросов: как выделять из обширной массы памятников различных ландшафтных зон Северного Кавказа древности I–III вв.; какие элементы в них способствуют определению даты, этнической принадлежности или генетической преемственности – погребальный обряд, типы погребальных сооружений, инвентарь, типы поселений и жилища; как локализуются эти памятники и различаются ли между собой они в степях, предгорьях и горах; каковы были отношения горцев со степняками, короче, как попытаться проникнуть глубже лежащих на поверхности фактов, как выявить особенности рассматриваемого периода в единой линии развития культуры Северного Кавказа? Как отобрать и оценить факты с точки зрения их информативности в плане поставленных вопросов, чтобы наши выводы были наиболее точны и надежны? На помощь нам приходит опыт конкретных исследований последних лет в рассматриваемой области, который мы очень коротко и подытожим.

Положительной стороной является расчленение материалов во времени и пространстве, обращение к «закрытым» комплексам, корреляция отдельных деталей погребального обряда и черт материальной культуры. После выполнения этих исследований требуется еще более глубокий, детализированный анализ – когда по единой и максимально дробной программе рассматривается и сопоставляется весь материал изучаемого времени (по погребальному и вещевому мате-

риалу). Иными словами, только при рассмотрении каждого погребения по всей сумме признаков мы сможем говорить о его принадлежности к кругу выделенных нами историко-культурных древностей. Обращаясь к археологии позднесарматской поры на Кавказе, исследователи прежде всего ставят своей задачей выделить все комплексы и случайные находки этого времени в рассматриваемом районе, опираясь на датирующие вещи – фибулы европейских форм, монеты, детали поясных наборов, бусы, зеркала, оружие и т.д. [Алексеева, 1949, 1976; Виноградов, 1963; Абрамова, 1974, 1979, 1993, 1997; Керефов, 1975, 1985, 1988; Петренко, 1980; Виноградов, Березин, 1985; Яценко, 1993, 1999, 2001; Габуев, 1985; Яценко, Малашев, 2000]. Некоторые из авторов придерживаются для разных частей региона различных периодизаций, так же как вызывает дискуссии время перехода от средне- к позднесарматской культуре. Так, В.Б.Виноградов и Б.М.Керефов определяют как раннеаланский период I–III вв. н.э., М.П.Абрамова, не принимая этого названия, членит этот период на два этапа (конец I в. до н.э. – I в. н.э. и II–III вв. н.э.), а В.А.Петренко определяет его общие пределы как II–IV вв. Суммарное число привлекаемых комплексов приближается уже к двумстам, в частности, Б.М.Керефовым учтено 85 комплексов рубежа I в. н.э. и 28 комплексов I–III вв. в Кабардино-Балкарии. В.А.Петренко в Ичкерии и Ингушетии для I–IV вв. учтено 9 катакомб в степях и 36 комплексов в предгорных районах. Меньше всего (а те, что имеются, в основном открыты в ходе дореволюционных работ и потому имеют неполную документацию) комплексов первых веков выделено на территории Осетии [Алексеева, 1949; Абрамова, 1974, 1993] – 20 комплексов в горах.

Характеризуя погребальные сооружения первых веков н.э., следует отметить, что среди местных кавказских племен в горах и предгорьях и у степных сармато-алан (как на Кавказе, так и в междуречье Волги и Дона и далее к западу) существует многообразие форм погребальных сооружений: катакомбы, подбойные могилы, грунтовые погребения, могилы «колодцем», каменные ящики, каменные гробницы, грунтовые могилы с частичным использованием камня и т.д. Все эти типы погребальных сооружений имеют на Кавказе разную хронологическую глубину: одни уходят в эпоху кобанской культуры, как в предскифский, так и в скифский период (каменные гробницы, могилы с частичным использованием камня, грунтовые погребения), другие – в сарматский период (грунтовые катакомбы). Только один вид погребальных сооружений, а именно подкурганные катакомбы, появляется именно в тот период, когда на страницах письменных источников возникает имя алан. Эти могильники, представленные тысячами курганных насыпей, стали известны с конца XIX в. и с самого начала XX в. по раскопкам на Кубани «Золотого кладбища» (проф. Н.И.Веселовский) и на Сунже (А.А.Бобринский) в Алхан-Кале, Алды и Алхан-Юрте. Несмотря на то, что курганы были ограблены в древности, найденные в них находки свидетельствовали об их сооружении в первые века нашей эры, а дальнейшая научная обработка материалов рядом исследователей с учетом постепенно увеличивающегося фонда источников по этой теме привела в настоящее время к их обоснованной уточненной дате. Особой проблемой остается тема их генезиса, этнокультурной принадлежности и степени сходства различных локальных групп подкурганных катакомб на Северном Кавказе. «Золотое кладбище», курганы которого располагались «более чем на 70-верстном пространстве правого берега Кубани», датируется I–II вв. н.э. [Смирнов, 1952, с. 15] или же последней четвертью I в. – нач. III в. [Ждановский, Марченко, 1988, с. 54, 55]. И.И.Гущина и И.П.Засецкая на основании корреляции 17 хроноиндикаторов выделили три хронологических группы погребений внутри могильника, определив общую дату могильника как1 – нач. III в. [Гущина, Засецкая, 1994, с. 36, 37]. Детали конструкции катакомб «Золотого кладбища» рассмотрены А.М.Ждановским и И.И.Марченко по сочетанию 13 признаков на широком фоне одновременных погребальных сооружений Подонья, Поволжья, Приуралья и Кавказа, обработаны математически и позволили исследователям заключить, что «объективные данные свидетельствуют о генетической связи захоронений «Золотого кладбища» с предшествующими катакомбами степного Прикубанья, а через них – с сарматами Поволжья-Приуралья» [Ждановский, Марченко, 1988, с. 52]. Относительно этнокультурной принадлежности населения, оставившего указанный могильник, преобладает аланская версия [Смирнов, 1952, с. 13; Деопик-Ковалевская, 1958, с. 617; Нечаева, 1961, с. 151], хотя наряду с этим существует и выдвинутая Н.В.Анфимовым меотская [Абрамова, 1982, с. 15]. Авторы монографии о «Золотом кладбище» на основании преобладания погребений богато вооруженных мужчин видят в оставившем его населении наемное войско из местных варваров, находившееся на службе у Рима [Гущина, Засецкая, 1994, с. 39]. Для нас материалы «Золотого кладбища» представляют интерес в качестве сопоставительных данных для исследования нескольких групп курганных могильных полей с катакомбными погребениями, известных сегодня в Центральном и Восточном Предкавка-

зье на той территории, где на протяжении тысячелетия происходили все бурные военно-политические и культурные события истории северокавказских алан.

Материалы из подкурганных катакомб были введены в науку в конце XIX в. после исследований на Тереке [Долбежев, 1886], Сунже – Алды, Алхан-Кала, Возвиженская [Бобринский, 1888] и в Дагестане – Джемикент, Дагогнинский, Мамай-Кутан [Руссов, 1882]. Далее накопление материала происходило очень медленно, поскольку научная техника археологического исследования совершенствовалась, и раскопки курганов на необходимом научном уровне оказывались слишком дорогостоящими, поэтому из довоенных работ следует отметить только раскопки А.П.Круглова в Джемикенте.

Первым научным обобщением исследований Алхан-Калы была кандидатская диссертация Л.Г.Нечаевой [Нечаева, 1956]. Выводы этого исследования нашли отражение в «Очерках по истории СССР», причем в самом общем виде их справедливость сохраняется и на сегодня [Деопик-Ковалевская, 1958, с. 616, 617], хотя, как мы покажем далее, математическая обработка данных при расширении объема сравниваемых материалов приводит к другому уровню наших представлений. Аланская принадлежность этой группы памятников считалась безусловной, дата была принята как II–VI вв. н.э., с опорой на фибулы II в. н.э., свидетельствующие о времени начала использования могильника (см. [Мошкова, Малашев, 1999, с. 190]). Моя работа в середине 50-х годов в фондах Грозненского краеведческого музея над керамическими коллекциями Алхан-Калинского городища позволила выделить ранний пласт II–III вв. [Деопик-Ковалевская, 1958, с. 617], что свидетельствовало об оседании алан на землю уже в это время, хотя характер городской жизни стал ясен лишь после раскопок широкими площадями на одновременном Алхан-Кале Зилгинском городище в Осетии. В 50–60-е годы все подкурганные катакомбные могильники Предкавказья первых веков н.э. рассматривались как единый массив памятников, поскольку сходство было более наглядным, чем локальные отличия. Кроме того, для достаточно обширной территории Волго-Донского междуречья, Приуралья и Предкавказья они рассматривались как закономерное аланское продолжение скифо-сарматской истории населения юга России, поскольку наблюдавшаяся историко-культурная преемственность в ряде археологических материалов, казалось бы, надежно свидетельствовала об этнической преемственности. Проблема восточных корней и связей алан, столь животрепещущая сегодня, в те годы поднималась как в связи со сведениями античных источников о массагетском происхождении алан, так и с анализом катакомбных и подбойных погребений в Средней Азии [Сорокин, 1956, с. 97–117; Нечаева, 1961], однако ответ в утвердительном смысле казался спорным [Деопик-Ковалевская, 1958, с. 617, прим. 1]. Причина была не только в том, что автохтонистская точка зрения довлела в предшествующие годы, поскольку после 1953 г. вопрос о миграциях и их роли в сложении тех или иных археологических культур уже был поставлен, но и в недостатке информации, которой располагали исследователи: легче было уловить сходство во времени и пространстве, чем оценить отличия и интерпретировать их.

Археологические исследования в 60–80-е годы ввели в научный оборот новый хорошо документированный материал (Братское – Р.М.Мунчаев в 1965 г.; Кухмазкунтский – О.М.Давудов в 1974 г.; Брут и Октябрьский – М.П.Абрамова в 1975 г.; Аллерой – В.Б.Виноградов и Х.М.Маммаев в 1979 г., позднее – широкомасштабные раскопки Ф.С.Дзуцева в Беслане и Т.А.Габуева в Бруте, продолжающиеся до настоящего времени, а в Дагестане с 1981 г. работы Л.Б.Гмыри в Паласа-Сырте и с 1986 г. работы Г.Г.Пятыха на Нижнем Сулаке). В результате по исследованию подкурганных катакомб написано несколько монографических исследований и статей [Габуев, 1988, с.146-158; 1995; Абрамова, 1995; Гмыря, 1985, 1993; Мошкова, Малашев, 1999; Коробов, 2003], которые позволяют мне рассмотреть проблему происхождения и связей населения, оставившего подкурганные катакомбы II–IV вв., а также методические вопросы, связанные с решением этой проблемы при математическом обсчете данных погребального обряда.

В первые века в Западном Предкавказье на тех могильниках, где использовался катакомбный обряд и в предшествующее время, погребения продолжали производиться в катакомбах, вырытых в грунте. Эталонными материалами для первых веков н.э. являются могильники Нижнего Джулата [Абрамова, 1972], Чегема [Керефов, Нагоев, 1975], Подкумка [Абрамова, 1973–1976, 1984, 1993], Хумары [Биджиев, 1983; Абрамова, 1990]. Часть из них издана, а все материалы обобщены в публикации М.П.Абрамовой (1993). Здесь при анализе материалов последние рассматривались с построением типологических схем, привлечением числовых и процентных показателей, что придает выводам необходимую объективность и убедительность и позволяет углубить анализ, оценив корреляцию ряда явлений между собой. Эти материалы будут нами использоваться далее для выяснения взаимодействия между ираноязычным миром и местным кавказским населени-

ем, памятуя, что М.П.Абрамова рассматривала население, оставившее грунтовые катакомбы «не как сарматское племя алан, а как смешанную группу, включившую в свой состав как автохтонные племена, так и оседавших здесь ираноязычных кочевников» [Абрамова, 1989, с. 280]. Конец использования этих могильников в западной части Предкавказья относится к середине III в. и, по представлениям М.П.Абрамовой, передвижение оставившего их населения на восток на Терек и Сунжу принесло туда катакомбный обряд. С этим нельзя согласиться исходя из даты возникновения подкурганных катакомб на Тереке и Сунже (кстати, как и на Кубани) во II в. (а, возможно, и в конце I в. н.э.).

Скорее следует считать, что это передвижение произошло ранее, где-то в I в. н.э., но в это время не зафиксировано прекращения использования грунтовых катакомбных могильников в западной части Предкавказья. Что нам дает в этом случае анализ конструктивных особенностей катакомб? Первый опыт – кандидатская диссертация Т.А.Габуева, где была создана База Данных погребального обряда, опирающаяся на код И.С.Каменецкого [Каменецкий, 1983, 1986] для катакомбных могильников Среднего Притеречья (грунтовых и подкурганных) II в. до н.э. – VII в. н.э. Конечно, ограничение территории Притеречьем делает выводы узколокальными, но рассмотрение в широком временном диапазоне и по дробной программе, так же как и использование ЭВМ, делает выводы объективными, сопоставимыми и обоснованными. Хронологическое членение позволяет охарактеризовать динамику процесса, когда 1 период оказался по максимальному разнообразию форм разновидностей периодом формообразования. Гораздо более монолитным оказываются кластеры подкурганных катакомб [Габуев, 1988, с. 158], когда стереотипизировался опыт по конструкции катакомб. Важен вывод о морфологической близости подкурганных катакомб Терека и Сунжи (материалов по Беслану и Бруту в распоряжении автора еще не было). Т.А.Габуев присоединяется к вышерассмотренной точке зрения М.П.Абрамовой «о происхождении катакомб Предкавказья непосредственно в среде сармато-кавказского населения» (там же, с. 154) и, по крайней мере, за два столетия до появления алан на Кавказе. Т.А.Габуев связывает с аланами подкурганные катакомбные погребения, с чем, безусловно, можно согласиться, правда, датирует эти события III в., хотя в археологической литературе не была опротестована предложенная еще Л.Г.Нечаевой дата Алхан-Калы II–VI вв. н.э. Раскопочные работы в Бруте сезона 2003 г. Т.А.Габуева и В.Ю.Малашева дали прекрасные неграбленные комплексы вблизи городища и самого раннего (II в.) и самого позднего времени (VI–VII вв.), что, наконец, позволяет нам видеть единовременные погребения алан в горах и в предгорьях, при использовании курганов на плоскости и бескурганных катакомбных погребений в горах. Собственно, эта преемственность между III–IV и V–VIII вв. и была выявлена Т.А.Габуевым на основании статистического анализа данных погребального обряда (там же, с. 155). А с чем я, так же как М.Г.Мошкова и В.Ю.Малашев [Мошкова, Малашев, 1999, с. 190] не могу согласиться с Т.А.Габуевым, это с точкой зрения об отсутствии генетической связи между подкурганными и более ранними северокавказскими грунтовыми катакомбами [Габуев, 1997, с. 77]. Также не могу согласиться с тем, что весь погребальный комплекс in corpora был перенесен из Средней Азии, хотя бы потому, что на сегодняшний день нет оснований считать, что на Северном Кавказе подкурганные катакомбы появились позже, чем в Средней Азии [Мошкова, Малашев, 1999, с. 189].

М.Г.Мошкова и В.Ю.Малашев рассмотрели географически сгруппированные данные по подкурганным катакомбам Предкавказья на основании данных погребального обряда, опираясь на возможно более дробные хронологические привязки комплексов [Малашев, 2000]. Анализируя в целом материалы могильников Терека и Сунжи, авторы, подробно суммируя все признаки, показывают, что по сочетаниям этих признаков они отличаются от «Золотого кладбища», тогда как при наличии некоторого локального своеобразия могильники Приморского Дагестана по своему происхождению связаны с центральнокавказской традицией, хотя и являются более гетерогенными.

Эти сравнительные данные по погребальному обряду подкурганных и грунтовых катакомб Северного Кавказа (по 120 признакам погребального обряда) рассмотрены в тексте и приложениях монографии Д.С.Коробова 2003 г. Мы имеем возможность проверить степень близости и связи ряда групп, по которым объединены подкурганные и грунтовые катакомбы, а каждый из выделенных признаков рассмотреть в его распространении во времени и в пространстве, проверяя с цифрами в руках любые постулируемые гипотезы, коль скоро они опираются на данные погребального обряда.

Выводы, к которым пришли М.Г.Мошкова и В.Ю.Малашев при рассмотрении особенностей катакомб на обширной территории, построены на строгом анализе источников и убедительно показывают, что «формирование данного населения уходит корнями в период конца I – начала

II вв., когда начинает складываться новая культурная (и, видимо, этническая) общность на основе двух компонентов: местного, носителя традиций погребений в Т-образных катакомбах, и степного, связанного, видимо, с населением среднесарматского времени, носителя таких черт погребального обряда, как подкурганность» [Мошкова, Малашев, 1999, с. 200].

Среди подкурганных катакомб второй половины III – IV вв. на Нижнем Дону и Волго-Донском междуречье, так же как и на территории Калмыкии и Ставропольского края, М.Г.Мошкова и В.Ю.Малашев выделяют достаточно большое количество курганов, которые можно связывать с продвинувшимся на север в это время центральнокавказским населением, именно в это время достигшим наибольшей силы. В культурном слое Танаиса III–IV вв. выявлена специфическая керамика, характеризующая Зилгинское поселение и свидетельствующая о присутствии алан из Центрального Предкавказья на Нижнем Дону.

В связи с подкурганными катакомбами в относительно недавнее время встал еще один вопрос, а именно о подкурганных ровиках. Как мы уже говорили, этот тип погребального сооружения выявлен более столетия назад, когда курганы раскапывались не на снос и не изучалось пространство между погребениями, поэтому ровики не были обнаружены. Это же касалось и работ 60–70 годов для Северного Кавказа и Нижнего Дона. Исследователи ищут то, что они ожидают найти. Достаточно сказать, что в самом начале 80-х годов Н.И.Гиджрати обратил внимание автора и В.А.Кузнецова в заброшенном карьере Бесланского кирпичного завода на останцы с разрезами котлованов, заполненных серым гумусированным стерильным слоем. Карьер по периметру был обрамлен выступающими под разными углами вытянутыми останцами шириной 1,5–2,0 м, высотой 2–2,5 м. Котлованы для выемки глины с вертикальными стенками глубиной 1,60–1,70 м, протяженностью 15–20 м имели ширину больше оставленных останцов, выступая на равную длину с каждой стороны и не указывая на то, что мы имеем дело со срезом круглого в плане сооружения. На 6–8 останцах, расположенных полукругом вокруг карьера, видные в профилях котлованы не составляли каких-либо осмысленных конфигураций, хотя все нижние (как, кстати, и верхние) поверхности были на одном уровне.

Чтение профилей для археологов является профессиональной задачей, осуществляемой в поле при раскопках всех видов памятников – поселений, курганов, тепе и пещер. Однако в данном случае даже то, что уже по находкам материалов III–V вв. известно было о существовании могильника в выходах глины в Беслане, осмотренные разрезы не позволили предположить, что это рвы, хотя они были выявлены уже на Дону в начале и в Средней Азии в конце 70-х годов. Должно было пройти еще пять лет, чтобы раскопки широкой площадью, проводимые Ф.С.Дзуцевым, на другом участке того же Бесланского могильника открыли тот факт, что все подкурганные катакомбы были расположены в центре окружности (или квадрата) вынутой земли, то есть в центре площади, ограниченной рвом, диаметр которого колеблется от 8–10 до 40 м.

Раскапываемый Ф.С.Дзуцевым в последние годы участок могильника датируется III–IV вв., рвы как правило, не перерезают друг друга, но в некоторых случаях ровик может упираться в более ранний и иметь в этом случае форму усеченного круга, следовательно, можно говорить о последовательности сооружения курганов. Квадратные ровики встречаются реже[2]. В расположенном около Брутского городища могильнике из подкурганных катакомб М.П.Абрамовой в 1969 г. [Абрамова, 1969, с. 121–122] и Т.А.Габуевым через 20 лет исследованы катакомбы (возможно, не только подкурганные, но и грунтовые), ограбленные в древности [Абрамова, 1969, с. 122] или с богатыми тайниками [Габуев, 1985], но, поскольку никто тогда не ожидал наличия рва вокруг катакомб, они и не были обнаружены. В сезон 2003 г. (раскопки Т.А.Габуева и В.Ю.Малашева) на наиболее близком к городищу участке, где исследователи ожидали найти наиболее ранние могильные сооружения, были открыты при раскопках сплошной площадью разновременные подкурганные катакомбы с ровиками с прекрасной планиграфией поскольку более поздние курганы перекрыли ранние (II–III вв. н.э.), оградив их тем самым от ограбления. В октябре 2003 г. во время наших экспедиционных работ в Осетии, благодаря любезности авторов раскопок, удалось не только посмотреть весь полученный в этом полевом сезоне материал, но, главное, и убедиться воочию, какую большую информацию об относительной датировке катакомб дает взаимное перекрывание ровиков.

В связи с исследованием ровиков вернемся к вопросу о происхождении подкурганных катакомб с ровиками на Северном Кавказе. Название «курганы с ровиками» закрепилось с начала 70-х годов [Клейн и др., 1972, с. 133–134] за раннесредневековыми курганами Волго-Донского

---

[2] Благодарю Ф.С.Дзуцева за ознакомление меня с материалами из многолетних раскопок и за консультации, проводимые в лаборатории Северо-Осетинского университета и в полевых условиях в последние годы.

междуречья и степного Предкавказья, соотносимыми исследователями с хазарами [Семенов, 1978, с. 180; Плетнева, 1981, с. 71; Круглов, 1992, с. 176; Власкин, Ильюков, 1999, с. 15; Иванов, 1999, с. 213]. Ровики преобладали квадратные, а погребальные сооружения были разнообразны – подбойные погребения, грунтовые ямы, ямы с заплечиками, катакомбы. В данном случае мы привели эти сведения только потому, что прототипы для «курганов с ровиками» исследователи видят в Центральной Азии в тюркских поминальных оградках [Семенов, 1988, с. 101–102], тогда как найденные на той же территории Южной России подкурганные катакомбы алан с ровиками округлой и квадратной формы в этой связи не привлекаются.

Какие же прототипы следует принять во внимание для подкурганных катакомб с ровиками? Если говорить о восточных территориях, имея в виду одновременные и более ранние памятники, это прежде всего материалы из Восточного Приаралья – многочисленные курганы с ровиками и с центральными погребениями в виде кирпичных гробниц-склепов, грунтовых захоронений (простые или с боковыми нишами), подбойных могил [Елкина, Левина, 1995, с. 32] и катакомб с камерой по длинной оси дромоса, расположенной под углом и Т-образной формы[3]. Ровики иногда имеют неправильно округлую, приближающуюся к подквадратной форму [Левина, 1994, рис. 47, с. 165].

Исследователи подкурганных катакомб рассматривают их группы в нескольких районах Центрального и Восточного Предкавказья [Мошкова, Малашев, 1999, с. 194–201] и, с опорой на выделенные признаки, указывают на связи между этими географическими группами (в частности, памятников Прикаспийского Дагестана, с центральнокавказской группой (там же, с. 195)) и на идентичность подкурганных катакомб Нижнего Дона с памятниками Притеречья [Малашев, 2002, с. 211]. Последнее, по словам М.Г.Мошковой и В.Ю.Малашева, говорит «о существовании тесных контактов с территорией «метрополии» – Центральным Кавказом, о чем свидетельствует поток керамического импорта в степь» (там, же, с. 200). Данные о сходстве и отличии разных регионов концентрации подкурганных катакомб на Кавказе можно извлечь из монографии Д.С.Коробова, где выводы, полученные с помощью методов математической статистики, опираются на анализ по 120 признакам погребального обряда [Коробов, 2003, с. 63–81, 349–358, 364–369].

Нам же сейчас важно отметить, что наличие подкурганных ровиков в выделенной группе подкурганных катакомб Предкавказья можно рассматривать в качестве одного из многочисленных фактов восточных влияний в аланской культуре. Мы можем к этому добавить, что тот же круг аналогий наблюдается в элементах строительной техники цитадели Зилгинского городища (подробнее см. далее), к которому относится обширный Бесланский могильник из подкурганных катакомб [Аржанцева, Деопик, 1989, с. 93], и в двух группах керамики – красноглиняных кувшинах с лощением по красному ангобу и глиняных плоских крышках для сосудов, совершенно не характерных для керамической традиции Северного Кавказа (там же, с. 91). Говоря о восточных импульсах в средне- и позднесарматской культуре, как в волго-донских степях, так и на Кавказе, особенно наглядно видных в богатых погребениях, я остановлюсь только на тех, которые представлены массовым материалом. Прежде всего здесь речь идет о тамгах, известных нам на отдельных предметах, в частности, зеркалах, монетах, и представленных в так называемых «энциклопедиях». Как писала М.Г.Мошкова, «какая-то часть восточнотуркестанских и среднеазиатских кочевников влилась в сарматские орды и передала им традиции изображения некоторых знаков. Сарматы же донесли эти тамги-знаки до Северного Причерноморья, среди населения которого они получили широкое признание» [Мошкова, 1989, с. 214]. Подробно эта обширная и ждущая своей математической обработки с пространственно-временной точки зрения тема рассмотрена в монографии С.А.Яценко «Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья» (2001), к которой я отсылаю читателя. Столь же массовый материал как костюм, говорящий о разнонаправленных контактах сармато-алан в первые века н.э., тщательно разработан С.А.Яценко в его докторской диссертации на широком историко-географическом фоне и готовится к печати. В методическом плане для нас важен вывод автора о том, что костюм как целое очень динамичен и является надежным хронологическим признаком [Яценко, 2002, с. 28, 39, 44]. В археологической литературе это давно замечено относительно аксессуаров костюма, фибул, поясных наборов, ожерелий, на чем, как правило, и строится периодизация археологических культур древности и раннего средневековья. На фоне изменения сарматского костюма с рубежа

---

[3] Я глубоко благодарна Л.М.Левиной за консультацию по вопросу о погребальном обряде в древностях Джеты-Асарской культуры и предоставленные данные о том, что по особенностям инвентаря, происходящего из Т-образных катакомб в Джеты-Асарской культуре, можно предположить, что последние, возможно, связаны с Ташкентским оазисом, где их появление датируется не ранее рубежа н.э. (в Каунча I они существовали со II в. до н.э.)

IV–III вв. до н.э. вплоть до конца IV в. н.э., переломного момента, связанного с нашествием гуннов, резко выделяется период начала I – сер. II вв. н.э. Еще с рубежа II–I вв. до н.э. «вполне явственен пласт аналогий с пришедшими из Западного Китая в Бактрию кочевыми юэчжами, а во II–III вв. ...обнаруживаются главным образом аналогии, связанные с Кушанской империей» (там же, 39).

Не боясь перегрузить текст ссылками (настолько емкое и опирающееся на огромную источниковедческую базу описание приведено в диссертации), привожу эти данные. В I–II вв. костюм мужчин и женщин «характеризуется ношением... роскошно оформленных халатов, туфель с округлым носком, мужской простеганной плечевой одежды, пары мужских поясов («парадного» и портупейного) и поясов с разнотипными накладками, включающими украшенные эмалью наконечники ремней; женские диадемы с однорядным размещением основных украшений (часть из них украшена золотом и содержит изобразительный мотив Древа жизни с предстоящими животными); женские платья с горизонтальной линией декора на груди, украшенные золотыми бляшками с цветной эмалью. Периоды «позднесарматской культуры»... (сер. II – кон. IV вв. н.э.) объединяют бытование женского платья на бретельках, скрепляемых на плечах парой фибул, высокие сапоги и остроносые туфли, декорирование разрезов платья рядом бус или бляшек, дисковидные украшения застежки плаща на плече. В целом своеобразие сармато-аланского костюмного комплекса определилось как несколькими волнами миграции номадов с востока, так и многовековыми контактами с греко-римскими соседями и государствами Кавказа, активной вовлеченностью кочевников Сарматии в мировую политику и торговлю» [Яценко, 2002, с. 28–29].

Именно торговыми путями попадали драгоценные камни и предметы роскоши, представленные шедеврами ювелирного искусства. Наряду с эстетической ценностью они являются надежными хронологическими реперами в построении периодизации древностей I–IV вв. Для I–II вв. н.э. это изделия «бирюзово-золотого звериного стиля», известные в Бактрии и изученные по находкам в сармато-аланских курганах Хохлач, Пороги, Дачи, в Новочеркасском кладе [Засецкая, 1989; Яценко, 1994, с. 66].

Если мы рассмотрим с хронологической точки зрения смену различных полихромных стилей в сармато-аланском, а точнее в аланском декоративном искусстве, то можем выявить следующую последовательность. С середины I до первой половины II в. н.э. это, по определению М.П.Засецкой, «сарматский полихромно-бирюзовый звериный стиль», выделенный еще М.И.Ростовцевым [Засецкая, 1989, с. 46]. В древностях II–III вв. выделяется полихромный стиль с использованием золота, орнаментированного зернью с плетенкой из филиграни и с инкрустацией кабошонами граната-альмандина скорее всего индийского происхождения. Изучен он, как справедливо отмечают исследователи, недостаточно [Яценко, Малашев, 2000, с. 226], в частности, с точки зрения сходства и отличий от «золото-гранатового» стиля эпохи Великого Переселения народов. Следующим во времени является «сердоликовый стиль» второй половины III–IV вв., ставший предметом изучения С.А.Яценко и В.Ю.Малашева в очень тщательном исследовании, где все находки были сведены в каталог и рассмотрены как сочетание выделенных и описанных признаков. Сетуя на малочисленность находок, авторы, безусловно, правы в оценке особой информативности уникальных изделий, когда между их производством и моментом попадания в поле зрения исследователей проходит целый ряд случайных и направленных событий, препятствующих тому, чтобы эти изделия были представлены сериями (аналогично тому, что было мной отмечено для скифских акинаков). В методическом плане единственным эффективным выходом из этого положения является «максимальный учет всех мельчайших показателей сходства и различия изучаемых единичных вещей и сопоставление с предметами более ранних и поздних стилей» [Яценко, Малашев, 2000, с. 246]. Благодаря последовательному и тщательному анализу, авторы выделили изделия двух крымских центров – Херсонеса и Боспора – и рассмотрели изученный круг памятников как ответ античных городских мастерских на запросы варварской знати, прежде всего сармато-аланской, а проникновение предметов сердоликового полихромного стиля в среду последних авторы объяснили характером связи города с его кочевой округой (дипломатические дары). Особый интерес представляет анализ сердолика и халцедона, использованного в этих изделиях: высокого качества, очевидно, восточного происхождения, прекрасной обработки, тщательной и высококачественной огранки, который можно сопоставить с импортными каменными бусами и геммами.

Со второй четверти IV в. «сердоликовый стиль» сменился золото-гранатовым, специфическим для гуннских древностей, на чем мы остановимся в процессе дальнейшего изложения, но здесь нам важно отметить, что использованные в это время драгоценные камни являются также восточным импортом для ремесленных центров Северного Причерноземья (рис. 16).

Возвращаясь к погребальному обряду алан, подчеркнем, что анализ картографии катакомбных погребений (подкурганных и грунтовых) (карты № 29, 32) показывает, что их южная граница совпадает с южной границей предгорий, следовательно, проявляется их степное происхождение для Северного Кавказа. В предгорья они заходят несколькими языками – вверх по течению Подкумка (от Пятигорска до Терезе, не уходя вглубь по его правым притокам), в район Нальчика и по правобережью Терека до Ассы (Алхаста). Традиционность каменных гробниц и каменных ящиков (карта 30) подчеркивает факт, выявленный М.П.Абрамовой при раскопках Хумаринского сарматского подбойно-катакомбного могильника I–II вв. н.э., когда каменный ящик с детским погребением был впущен в катакомбу [Абрамова, 1985, с. 104].

Иногда тезис о местном генезисе катакомб первых веков н.э. на Кавказе исследователи подкрепляют ссылкой на наличие в них коллективных захоронений с многоярусным расположением костяков, видя в этом проявление местных традиций. Однако катакомба – как форма погребального сооружения, коллективность – как черта погребального обряда и многоярусность – как способ захоронения и проявление характера использования погребального сооружения несравнимы между собой, поскольку характеризуют разные стороны такого сложного явления культуры древнего общества, как погребальные обычаи. К тому же, как местная кобанская культура предшествующего времени, так и одновременные катакомбам первых веков н.э. грунтовые погребения, которые обычно исследователи связывают с местной традицией (причем, уточним, возникшей под скифским влиянием), дают абсолютное преобладание индивидуальных захоронений.

По сравнению с предшествующим временем картография грунтовых захоронений сарматской эпохи показывает наложение ареалов с некоторым смещением на запад и распространением в высокогорья по течению Кубани (от Карачаевска до Теберды), Дигорскому ущелью и левым притокам Терека, тогда как каменные ящики, как и ранее, продолжают тяготеть к горам. Интересно, что в пределах отдельных могильников грунтовые погребения более характерны для ранних этапов использования могильника [Абрамова, 1972, с. 14]. Если мы попытаемся оценить взаимовстречаемость грунтовых и катакомбных погребений с различными деталями погребального обряда, то сможем отметить повышенную связь первых со скорченностью погребенных (24,9% для грунтовых, при 8,5–9% для катакомб), тогда как многие другие признаки, в которых не так явно проявляется традиционность, распределены одинаково (например, 37 и 38% катакомб и грунтовых погребений содержат холодный уголь). Заметно отличие в среднем числе сосудов на одно погребение: в грунтовых погребениях Нижнего Джулата они составляют 1,8 сосуда (в кобанских памятниках более 2), тогда как в катакомбах I в. до н.э. – I в. н.э. – 1,3, а II–III вв. н.э. – 1,5 сосуда. В качестве сарматской черты М.П.Абрамова рассматривает использование передней ноги барана с лопаткой в качестве жертвенной пищи [Абрамова, 1972, с. 12], но последние наши находки в Улдубаганалы VII–VI вв. до н.э. ставят это под сомнение. Кроме того, меото-сарматскими чертами можно считать перекрещенные ноги [Абрамова, 1972, с. 12], сосуды в миске и баранью кость в сосуде [Десятчиков, 1973, с. 73], миски с ножом [Петренко, 1980].

В целом же следует сказать, что среди местных кавказских племен в горах и предгорьях и у степных сармато-алан (как на Кавказе, так и в междуречье Волги и Дона и далее к западу) существует многообразие форм погребальных сооружений: катакомбы, подбойные могилы, грунтовые погребения, могилы «колодцем», каменные ящики, каменные гробницы, грунтовые могилы с частичным использованием камня и т.д. В это же время наблюдалась неоднородность антропологических типов. Если с савромато-сарматским передвижением «распространился новый для этой территории мезо-брахикранный, относительно широколицый, с высоким переносьем и сильно выступающим носом европеоидный комплекс с некоторым ослаблением горизонтальной профилировки лица» [Восточные славяне, 1999, с. 299], то в I–II вв. н.э. по исследованиям М.А.Балабановой появляются «длинноголовые европеоиды с резко профилированным лицевым скелетом... в популяции, практикующей диагональный обряд положения умершего в могилу, как обряд совершенно новый на исследуемой территории» [Экология и демография..., 2004, с. 201]. Тут необходимо подчеркнуть, что если появление нового антропологического типа, характерного для северокавказских алан последующего времени, безусловный и очень важный в плане поставленных нами вопросов факт, то относительно диагональных погребений нельзя согласиться с тем, что этот обряд нов. М.Г.Мошковой на основании углубленного анализа всех случаев использования этого обряда в Приуралье с VI–V вв. до н.э. вплоть до II в. н.э. убедительно показано, что «не аланы, если считать их выходцами из Средней Азии, принесли его в Азиатскую Сарматию» [Мошкова, 2004, с. 160]. Только после того, как все виды погребальных сооружений, а не только катакомбы для I–IV вв. на Северном Кавказе будут описаны по детализированному коду (наземное и подземное сооружение, число составляющих гробницу элементов, форма их и размеры, конструкция, характер заполнения и многое другое, как это сделано Д.С.Коробовым для бо-

лее позднего времени (2003)), можно будет сравнивать между собой все эти комплексы в их пространственно-временном разнообразии и аргументированно ответить на вопрос об этнической принадлежности северокавказского населения первых веков н.э. на основании анализа конструкции погребальных сооружений. В такой же мере это касается других деталей погребального обряда: позы костяка, положения рук, ориентации, расположения и ассортимента погребального инвентаря – все эти детали начинают служить для определения хронологических или территориальных различий только тогда, когда они подсчитаны и сравнены между собой, что сделано еще в весьма небольшой степени и больше для территории Поволжья и Подонья, чем для Северного Кавказа. Во всяком случае, никакой унификации погребальных памятников на рассматриваемой территории для этого периода в отличие от последующего не наблюдается, и можно согласиться с тем, что многообразие форм погребальных сооружений и вариации других признаков погребального обряда свидетельствуют в пользу усложнения этнического состава населения Предкавказья [Виноградов, 1963, с. 94]. Для этого периода актуальным остается поиск и исследование могильников, их полные раскопки и публикация, так же как сопоставление между собой и с данными письменных источников, что является залогом возможности получения обобщенной картины для раннеаланской эпохи на Кавказе. Но и по изданным на сегодняшний день материалам мы можем по погребальному инвентарю дифференцированно рассмотреть местные культурные традиции и степные инновации в рассматриваемый период, чтобы оценить раннеаланский вклад в культуру горцев Центрального Кавказа.

Собственно кобанскими чертами в погребениях сарматской эпохи можно считать прежде всего украшения: спиральные привески, булавки, кобанские фибулы [Абрамова, 1972, с. 26–28], малое количество стрел в погребениях и низкий процент погребений, содержащих колчаны или (и) стрелы, колчан носится у правого бока, иначе, чем у сармат. Местными, но уже скифскими по происхождению являются расположение ножа рядом с кинжалом и использование гривны.

Возможно, к этому следует прибавить типы копий [Абрамова, 1972, с. 21], но, скорее, их следует относить к сарматским импульсам [Петренко, 1980, с. 10]. Наибольшее число черт связывается с сарматско-аланскими инновациями. Прежде всего это касается оружия. Мечи с серповидным навершием в погребениях рубежа н.э., для которых правильно отмечено их типологическое сходство с прохоровскими IV–II вв. до н.э., возводятся «к бронзовым мечам с серповидными навершиями ранней кобанской культуры» [Абрамова, 1972, с. 21], с чем никак нельзя согласиться: и по типу, и по способу ношения (вдоль правого бока), как и кинжалы и пращевые камни, они являются типичным сарматским оружием.

Стрелы, представленные в половине катакомб (и только в 14,3% грунтовых погребений) найдены в колчанах, которые носили у левого бока. Сарматскими следует считать и металлические зеркала с боковой ручкой или центральной петелькой, что не снимает вопроса об их местном производстве [Керефов, 1975, с. 20; Петренко, 1980, с. 11]. Орнаментация керамики зооморфными ручками, сохранявшаяся до недавнего прошлого в балкарской этнографии [Батчаев, Вайнштейн, 1984, с. 154], находки двуручных сосудов с очажной цепью или галькой внутри [Керефов, 1984, с. 150–151], как справедливо считают исследователи, характеризуют синтез «древнекавказских и степных языческих верований» (там же, с. 152) или же «являются, вероятно, особенностью сарматской культуры Северного Кавказа» [Виноградов, Петренко, 1983, с. 103]. Фибулы европейских типов, пряжки, поясные накладки, щипчики, копоушки, стеклянные и каменные бусы являются надежным основанием для датировки и относятся к кругу древностей, имеющих очень широкий ареал [Абрамова, 1999]. В этот период в погребениях представлены черепа с искусственной деформацией, которые известны в сарматских памятниках с рубежа н.э. [Мошкова, 1989, с. 192]. Наглядным показателем походов в Закавказье и Переднюю Азию являются импортные закавказские украшения (например, браслеты с завязанными концами, гешировые бусы) и находки вавилонской печати VI в. до н.э. в погребении II в. н.э. «Золотого кладбища», близкой по времени к подобной же находке, сделанной в 1984 г. В.М.Дворниченко и Г.А.Федоровым-Давыдовым в уникальном богатом позднесарматском погребении в степях Нижней Волги.

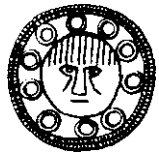
Одним из результатов связей северокавказских алан-овсов с Закавказьем было появление в памятниках первых веков н.э. сосудов с трубчатой ручкой, широко известных с предшествующего времени в Грузии, которые через Северный Кавказ попадают в сарматские памятники междуречья Волги и Дона [Мошкова, 1980, с. 49], а белоглиняные кувшинчики, массово представленные в раскопках Жинвальской экспедиции в Закавказье и единично – в слоях Зилгинского городища, достигают даже Испании вместе с аланами в V в. (экспозиция музея в Мадриде).

Длительные и налаженные связи существовали в I–III вв. н.э., особенно в конце этого периода, между позднесарматскими племенами, кочевавшими в Калмыкии и астраханских степях, и населением Центрального Предкавказья, оставившим такие могильники, как Нижний Джулат и Под-

кумок. Именно жители Центрального Предкавказья снабжали кочевых сармат рядом типов серолощеной гончарной керамики – кувшинами, сосудами с зооморфными ручками, мисками с прогибами в нижней части [Мошкова, 1980, с. 50–51]. Сирийский стеклянный сосуд из Алхан-Калы подтверждает переднеазиатские связи [Мамаев, Петренко, 1974, с. 258]. Особый интерес представляют первоклассного качества небольшие серебряные зеркальца-подвески из погребений II–III вв. н.э., документирующие далекие восточные связи [Ковалевская, 1977, с. 102; Биджиев, 1983, рис. 22, 23].

Дифференцированный подход к погребальному обряду и материальной культуре памятников раннеаланской эпохи Центрального Предкавказья позволяет в некоторой мере оценить удельный вес местного и пришлого компонентов в среде населения Кавказа этой поры, охарактеризовать исторические и археологические свидетельства процесса ассимиляции, четче выявить местную культурную традицию. Примером такого подхода является статья В.Б.Виноградова и В.А.-Петренко [Виноградов, Петренко, 1983, с. 102–104], подробно и по-новому освещающая эти вопросы и в основных своих выводах совпадающая с нашими построениями.

К сожалению, все количественные выкладки на эту тему до сих пор более чем примерны. Нет нужного доброкачественного цифрового материала и общепринятой методики подсчетов; поэтому многие выводы, к которым приходят исследователи, спорны и неоднозначны, но в целом все исследователи сходятся в том, что наблюдается заметный степной импульс, настолько сильно окрасивший культуру, что правильнее было бы выделить последнюю для гор Центрального Кавказа в качестве сарматско-позднекобанской.



§3. Гунны и аланы в степях и на Кавказе в IV–V вв. н.э.

Раннее средневековье для алан, как и для многих европейских народов, определяется началом «Великого Переселения народов», а именно гуннским вторжением в предкавказские и северочерноморские степи в последней четверти IV в. До этого, как мы показали, европейские степи от Волги до среднего Подунавья были местообитанием ираноязычных племен сармато-аланского круга, которые попеременно вступали то во враждебные, то в мирные отношения с оседлым населением лесостепной Европы и предгорно-горного Кавказа, включаясь в сложные взаимоотношения таких крупнейших держав поздней античности и раннего средневековья, как Рим и Иран. Вместе с тем, наряду с организацией кратковременных и более длительных «походов-балцев», из которых аланы возвращались с богатой добычей, они шли на службу к Риму и Ирану в качестве воинов-наемников.

Процесс адаптации к окружающему миру, биологическому и социальному, вызвал к жизни мобильность, активную форму взаимоотношений с населением городов и земледельческих областей, развитие торговли и стремление господствовать над основными трансконтинентальными сухопутными путями. Культ доблести, стремление к славе и походам, добыча – как символ доблести – отразились в нартском эпосе и проявлялись в богатых погребениях аланских вождей.

Как и ранее, любое движение огромной массы воинственных кочевников на обширных пространствах Евразии несло разрушения городам, опустошение посевов и житниц, а в целом перетасовывало народы, создавая новую этнокультурную ситуацию. Гуннское нашествие качественно отличалось от скифских и сармато-аланских походов предшествовавшего времени как по форме, так и по масштабу и последствиям. Начать с того, что на европейской исторической арене впервые появляются далекие восточные номады из китайского пограничья, тюркоязычные, монголоидного облика.

Современник событий, продолживший в своей «Римской Истории» традиции античных авторов, «солдат и грек», как он сам себя называл, Аммиан Марцеллин пишет о внезапном появлении гуннов: «Неведомый дотоле род людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах, рушит и сокрушает все, что попадается навстречу [Марцеллин, XXXI, 3,

7]. В том, что восточная граница Римской империи всегда находилась под ударом и «варвары выбрасывали... толпы вооруженных людей, как Этна извергает свой пылающий пепел» [там же, кн. XXXI, 1, 9], ничего не было ни нового, ни неожиданного. Новым был непривычный враг. Аммиан Марцеллин не скупится на устрашающие эпитеты: «чудовищный и страшный вид», «дикое безобразие человеческого облика», «выносливые, но безобразные на вид кони»... Но, стремясь к объективности, он добавляет «они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком» [Марцеллин, кн. XXXI, 1, 5–6, 9].

В этом контексте давние «друзья-враги» Рима – аланы – нарисованы в ином колорите. «Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свирепый, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни» [Марцеллин, кн. XXXI, 2, 21]. По-иному осуществлялись их походы. Даже далекие походы алан, такие как в Иран или восточные провинции Рима, хотя и были опустошительными, но кратковременными и не ставили задач захвата далеких территорий, особенно при походах, далеко уводящих их на юг. В пределах же Северного Причерноморья можно наблюдать медленную инфильтрацию сармато-аланского населения с освоением все бо́льших территорий, особенно в нижних течениях меридионально текущих восточно-европейских рек. Иное дело гунны. Начав свое движение на запад в III в. до н.э. от границ Китая, век за веком они неотвратимо продвигаются на запад, достигнув границ Азии и Европы, где столкнулись с основными насельниками северочерноморских степей – сармато-аланами, прежде всего с аланами-танаитами.

Аммиан Марцеллин рассматривает эти события как столкновение двух кочевых воинственных орд, борющихся за господство в степи, достаточно близких между собой по социальному уровню. Между тем по ряду параметров отличия значительно выразительнее, чем сходство. Сходным является тот военно-демократический строй, который характеризовался личной свободой основного населения, властью военачальников, кочеванием в кибитках, обилием стад, отар и табунов. Правда, следует еще помнить о том стереотипе описания номадов, который характеризовал античную историческую традицию и чему отдал дань Аммиан Марцеллин в своих описаниях. Между тем в предкавказских степях гунны столкнулись в бассейне Терека и Сунжи с многочисленными протогородами алан, укрепленными мощными и неприступными сырцовыми крепостными стенами, возвышавшимися над глубокими и широкими рвами. Городища были огромными, обладали многометровым по мощности культурным слоем, находились в зрительной связи между собой и, таким образом, представляли собой серьезную преграду. Тем весомее та победа, которую смогли одержать гунны. Мы видим следы разрушения на городищах низовьев Дона, Таманского и Керченского полуостровов.

На поселениях Центрального Предкавказья, в значительно меньшей степени подвергавшихся систематическим раскопкам, жизнь или прекратилась или очень значительно сократилась. Очевидно, большая часть аланских племен междуречья Волги и Дона, низовьев Дона и Притеречья оказалась вовлечена в это грандиозное переселение на Запад. Возможно, тут сказалось отмеченное Аммианом «наслаждение в войнах и опасностях», характеризовавшее военно-политический быт алан, столь ярко проявившийся в «нартском эпосе». Немаловажна была и притягательность богатств готского царства Германариха, куда был направлен первый совместный удар гуннов и алан. Для гуннов это оказался быстрый и мощный рейд из Северного Причерноморья, по неизвестным доселе землям вплоть до Подунавья, ландшафтно продолжающего, а вернее, завершающего, обширный пояс евразийских степей. Для алан это было участие в потоке переселяющихся народов по известным землям, когда по пути следования оказывались области компактного проживания сармато-алан, проникших сюда ранее, что создавало возможность быть востребованными на пограничье Восточно-Римской империи в качестве наемных союзных войск и оказаться в родственном окружении. Следовательно, условия для гуннов и алан оказывались разными и пути их расходились между собой по мере проникновения на запад, хотя в качестве наемников они могли служить бок-о-бок, как об этом писал в конце IV в. Латиний Пакат Дрепаний: «Под вождями и знаменами римскими шел бывший некогда враг Рима; гот, гунн и алан откликался на перекличке, стоял на часах и боялся отметки об отсутствии» [Дрепаний, 32]. В такой же мере, как разноплеменны были союзные отряды армии, разной по происхождению и по составу была археологическая культура эпохи переселения народов на торной дороге этих передвижений от евразийских степей до Западной Европы – Галлии и Испании.

Дело в том, что выделение одного этноса на основании археологических материалов из многоструйного потока переселяющихся народов представляет специальный интерес и является дискуссионной проблемой, поскольку поток был всегда неоднородным, различные этнические струи в нем перемешивались, а наличие престижно-знаковых вещей в воинском снаряжении и наборе «модных» украшений, широко распространенных в Евразии, нивелировало этнические особенности. Задача оказывалась системой уравнений с рядом неизвестных (в данном случае аланы, гунны и различные германские племена), когда нужно было поставить в соответствие каждый из выделенных археологических наборов с каждым из неизвестных нам этносов. Зная ту исходную территорию, с которой эти народы начинали свое движение и тот культурный комплекс, которым они располагали, мы можем проанализировать путь их передвижения, оценивая точки на этом пути. Задача эта может быть решена, когда будут изолированно рассмотрены несколько систем разных по своей природе материалов и определена хронологическая канва событий. Причем события должны быть рассмотрены как в целом для всей территории, связанной движением переселяющихся народов, так и для отдельных историко-культурных областей, таких как северокавказские степи, предгорья и горы Кавказа, Закавказье, Крым, черноморские степи, Подунавье... Имея в своем распоряжении компиляцию А.Алеманя древних источников об аланах, можно выделить те этапы их истории, которые максимально обеспечены письменными данными. Если для I–III вв. число сведений разной степени подробности колеблется от 6 до 8 на одно столетие, то в IV в. оно возрастает до 11, чтобы достигнуть максимума (что не повторится на протяжении всего следующего тысячелетия) в 25 упоминаний на протяжении V столетия, снизившись до 15 в VI в. Следовательно, конец IV–V вв. можно выделить как период максимальной концентрации датированных сведений об участии сармато-алан во всех важнейших перипетиях международной жизни Галлии, Италии и Испании. Но этого мало. О роли сармато-алан свидетельствуют археологические, фольклорные и антропологические данные. Но самыми массовыми являются данные топонимики, и прежде всего этнотопонимы, содержащие в своем составе имя сармат и алан (числом более трех сотен) в Западной Европе [Kovalevskaia, 1989, p. 359–372; Ковалевская, 1992, с. 34–85]. Около 50 известных топонимов «Сермэз», «Сармате», «Сарматикум» связаны с сарматскими передвижениями IV в., когда после заключения мира с готами император Константин в 322 г. переселил 300000 сарматских воинов на территорию Римской империи на условиях несения сторожевой службы [Harmatta, 1970, p. 50] по основным римским стратегическим дорогам Галлии и Северной Италии.

Этнотопоним Sarmat сопоставлялся с сармато-аланами еще в X в. (Павел Диакон), так же как и в наши дни. Жорж Дюмезиль, например, говоря о продвижениях сармато-алан в Европе, подчеркивал, что они оставили след «и как бы свою подпись» в различных «сэрмэз», «сарматикум» [Дюмезиль, 1976, с. 9]. Скорее всего эти же сармато-аланские племена, которые в 70-х годах IV в. продвигались на запад в составе гуннской орды, по пути следования, возможно, объединялись с теми сарматскими дружинами Нижнего Поднепровья, Буджакской степи и Паннонии, где исследователи знают сарматские могильники предшествующей эпохи, а античные авторы используют по отношению к этому ираноязычному кочевому населению этноним «савроматы», «скифы» и «сарматы», специфичный для более древних периодов.

В первые годы аланы действуют совместно с гуннами, начиная же с конца IV в. проявляют различную политическую ориентацию. В 80-х годах IV в., когда основная опасность на Западно-Римскую империю надвигалась с севера, аланы входили в качестве федератов в римскую армию, расквартированную в долине р. По. Очевидно, как и другие федераты, они получали пахотные и пастбищные земли, колонов для обработки земли, причем ряд исследователей во Франции показал, что сармато-алан удовлетворяли скудные земли, пригодные для скотоводства. Нам важно отметить, что сармато-аланы включались в экономическую жизнь Западно-Римской империи, считая свою военную деятельность первостепенной.

При императоре Грациане был создан и приближен к особе императора гвардейский кавалерийский отряд, причем еще несколько десятилетий упоминается Comites Alani – постоянный военный отряд при начальнике конницы, следовательно, в традициях западноримской армии сохранялось привлечение алан на службу. В 401–402 гг. аланы активно участвовали на стороне римского военачальника Стилихона под управлением Савла как основная ударная сила в военных операциях против готов.

Интересным подтверждением заселения северной Италии сармато-аланами являются слова Клавдиана о том, что аланы приняли обычаи Лациума, что, кроме того, раскрывает позицию алан, которые последовательно и сознательно придерживались политики ассимиляции в окружающую среду при стремлении к занятию в ней командных высот.

С самых первых моментов своего внезапного появления в Галлии в канун 407 г. аланы разделились на две части-орды Респендиала и Гоара, которых авторы называли «Rex alanorum». Далее эти две группы алан проявили разную политическую ориентацию: и по отношению к Риму, и по отношению к союзникам. Респендиал помог вандалам в их борьбе с франками, а затем, не вступая на службу к Риму, участвовал в нападениях на протяжении 407 г. (а, возможно, и в 408–409 гг.) на десятки городов Галлии, как правило, вместе с вандалами, чтобы потом через Пиренеи уйти в Испанию, создав там царство готов и алан. Аланы Гоара в качестве союзников Рима были поселены на условиях несения военной службы «у стен городов» с передачей им земли. Более чем на протяжении полувека (до 70–80 гг. V в.) сохранялась эта форма отношений, наряду с существованием постоянных воинских подразделений в составе римской армии, действовавших от Испании на западе до Ирана на востоке и от Британии на севере до Африки на юге. Аланы стояли во главе кавалерийских отрядов (Савл), полков (Аспар), армии (Ардабурис), были землевладельцами и консулами (Ард), патрициями и претендентами на императорское звание [Алемань, 2003, с. 164–167].

В V в. в Западно-Римской империи была мода на все аланское (воинское и конское снаряжение, оружие), особенно ценились аланские кони и аланские собаки. Аланы, как все кочевники и более раннего, и более позднего времени, пользовались ремесленной продукцией и достижениями той цивилизации, с которой они оказывались тесно связанными военно-политическими узами. Поэтому археологический материал с той территории Европы, где мы знаем алан по письменным источникам и данным топонимики, в очень малой степени сохранил свидетельства их пребывания (выделяются украшения восточноевропейского происхождения, фибулы, металлические зеркала-подвески и т.д.). Антропологические свидетельства – находки черепов с искусственной деформацией в ряде районов Галлии – говорят о пребывании алан, поскольку этот обычай исключительно связан с сармато-аланскими племенами Евразии, начиная с первых веков н.э.

Исследуя насыщенные разными видами источников свидетельства о пребывании алан в Европе, нам важно определить, как меняется внутренний мир, духовная и материальная культура пришлого иноязычного и инокультурного населения при его вхождении (единичном и массовом) в новую среду и длительном пребывании в ней. Мы видим, что культ доблести и смелость в сражениях, рассмотрение военной деятельности в качестве производственной, существование не в виде рассеянных по всей стране немногочисленных групп, но в виде крупных группировок, сохраняющих свой язык, имена, культ меча и, очевидно, сознающих общность своего исторического происхождения и кланового единства – отличают сармато-аланское поведение в сложившихся обстоятельствах. Ассимиляционные тенденции выражались в том, что аланы включались в местную элиту, принимали христианство, вступали в смешанные браки, осваивали латинский язык и, главное, занимались престижной, а именно военной, деятельностью, составляя в армии наиболее аристократическую часть – кавалерию. Культуры пришлые смешивались с местными: в Арморике до VI в. сохранялся аланский язык, население продолжало использовать аланские имена (епископ Аланус в начале VI в., Святой Гоар, уроженец Аквитании, в Трире, богатой землевладелец в Мансе, Аланус в VII в., Аспидиус, Герасп и т.д.). Единственное, что нам до сегодняшнего дня неясно, какова была и была ли связь между аланами, ушедшими на запад, и теми, которые остались в Предкавказье, но вместе с тем для нас неоценимы те сведения и бытовые подробности, которые мы получаем из рассказов современников о перипетиях военных действий на Западе [Алемань, 2003, с. 64–123].

Из обширного круга проблем, касающихся гуннского периода истории Восточной Европы, в том числе и Северного Кавказа, мы выберем лишь две: появление тюркского этноса на Северном Кавказе, взаимоотношения гуннов и алан. Существует точка зрения, что именно гуннов под именем «унны» знает автор второй половины I в. до н.э. Дионисий Периэгет, локализующий их «возле Каспийского моря» между скифами и каспийцами [Гумилев, 1960, с. 124; 1962, с. 28]. Клавдий Птолемей в следующем веке знает их между бастарнами и роксоланами [Maenchen Helfen, 1973, p. 442–449]. Наиболее же полные и, безусловно, достоверные сведения мы получаем у Аммиана Марцеллина, одного из самых ярких и интересных авторов IV в.: «Племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, живет за Меотийскими болотами... и превосходит всякую меру дикости...» [Amm. Marc., XXXI, 2, 1; 2, 2]. Аммиан Марцеллин говорит об их кочевом образе жизни, воинственности, об отсутствии наследственной царской власти: они «довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадается на пути» [Amm. Marc., XXXI, 2, 7]. Источники описывают гуннов как всадников, словно приросших к своим коням, «выносливым, но безобразным на вид» [Amm. Marc., XXXI, 2, 6]. Они то скачут врассыпную, «без всякого

порядка», с «нежданными обратными набегами» (Клавдий Клавдиан), то вступают «в битвы клинообразным строем с свирепыми криками... издали они сражаются метательными копьями (в переводе Ю.А.Кулаковского – стрелами – *В.К.*), врукопашную рубятся, очертя голову, мечами, и сами, уклоняясь от ударов кинжалов, набрасывают на врагов крепко свитые арканы...» [Amm. Marc., XXXI, 2, 8, 9]; «у них страшные и верные руки, наносящие меткими копьями неизбежную смерть, и ярость, умеющая грешить непогрешимыми ударами», – вторит Марцеллину Солий Аполлинарий Сидоний (V, с. 235–298).

Всех древних авторов, так же, как и нас, прежде всего интересует вопрос: кто они, эти «яростные воители» (Аммиан Марцеллин), «бродячие полчища хуннов» (Авзоний), «свирепые хуны», «свирепейшее племя», откуда и когда они появились.

В письменной традиции сохранилась мифологизированная версия происхождения гуннов. Иордан со слов Оросия сообщает, что они рождены изгнанными в пустыню готскими колдуньями от злых духов [Getica, 122]. В то же время представляют интерес древние отождествления их с киммерийцами и скифами [Maenchen-Helfen, 1973, p. 17–18], вызванные обитанием их в степях и кочевым образом жизни. В действительности же исторически оправданным является отождествление европейских гуннов с обитавшими в Центральной Азии сюнну китайских источников [Засецкая, 1996, с. 28], причем первое столкновение гуннов (сюнну) с аланами, по Менчен-Хелфену, произошло еще в Средней Азии, – в стране Янь-Цай. Позднее, в 375 г. «гунны прошли через земли аланов, убили и ограбили многих, а с остальными заключили союз и при их содействии с большой уверенностью вторглись в просторные и плодородные владения Германариха» [Amm. Marc., XXXI, 3, 1].

Продвижение гуннов сдвинуло с места разноэтничное население евразийских степей и смежных с ними областей, о чем мы уже упоминали. Павел Оросий описывает, как изгнанные гуннами готы, перейдя Дунай, «взялись за оружие, победили войско Валента и рассеялись во Фракии, все наполняя убийствами, пожарами и грабежами» [Павел Оросий, кн. 7, гл. 33, 10]. Все авторы подчеркивают неожиданность натиска этой варварской массы, «внезапной силой сорванной со своих мест» [Amm. Marc., XXXI, 4, 2]. Втянутыми в это движение оказались и аланы. «Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них общей человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилив частыми стычками... Они обращали их (алан) в бегство...» [Jord, Getica, 126, 127].

Упоминание гуннов вместе с аланами и готами мы встречаем в описаниях всех важнейших событий, происходивших во Фракии, на Дунае, у стен Константинополя и далее на западе вплоть до Испании и Африки, но эту яркую тему мы оставляем в стороне, поскольку для нас сейчас представляют интерес события, связанные с Кавказом. Постараемся свести воедино те сведения, которыми мы располагаем для предшествующего гуннскому нашествию времени. Ф.Альтхейм выделил в письменных источниках сведения об отдельных «кавказских гуннах», которые служили в персидской армии в 60-х годах III в.; для 90-х годов того же столетия армянские историки говорят о гуннских и аланских солдатах [Altheim, 1962, с. 296–272]. Из сасанидской надписи 293 г. из Пайкули мы узнаем о тюркском хакане на Кавказе. В 363 г., по свидетельству Иовиана, требовалась защита кавказских проходов «от варваров, которые были неизвестны римлянам и персам» (по Е.А.Томпсону [Thompson, 1948, p. 21] – это либо гунны, либо кидариты), а в составе армии Аршака II (345–368 гг.) в борьбе с персами участвовали аланы и гунны. Следовательно, еще до эпохи, предшествовавшей появлению гуннов в Европе, они в качестве наемных солдат или враждебных отрядов проникали с Кавказа в Закавказье и Иран и, значит, были в каком-то количестве на Кавказе[5].

Наиболее полные сведения о гуннах на Северном Кавказе содержатся в описаниях событий конца IV в. К 395 г. относится разделение Рима после смерти Феодосия Великого на Западную и Восточную Римскую империю под властью его сыновей – молодых императоров Гонория (на Западе) и Аркадия (на Востоке, в Константинополе). Еще при Феодосии было положено начало массовому привлечению на военную службу варваров, которых он считал «лучшими стражами ромейских земель». О том, как воспринимали эту новую историческую ситуацию современники,

---

[5] Правда, остается открытым вопрос о том, идет здесь речь о собственно гуннах или о так называемых «белых гуннах», этническая принадлежность которых, так же как отношение к историческим гуннам, еще совершенно неясна; у Иешу Стилита мы читаем: «хиониты – это унну», а в житии Петра Ивера – «он взял с собой белых гуннов, бывших соседями иверов» [Пигулевская, 1941, с. 35–37].

можно судить по свидетельству епископа Синезия из Египта, прожившего несколько лет в Константинополе, и в самом конце IV в. писавшего императору Аркадию: «Нельзя не питать страх при виде отрядов молодых воинов, воспитанных в чуждых нам нравах, живущих по своим обычаям и замышляющих враждебные нам планы... В каждом мало-мальски зажиточном доме найдем раба-скифа... Достойно удивления, что эти белокурые варвары, носящие... распущенные волосы, у одних... исполняют роль прислуги, а в политической (жизни – *В.К.*) занимают начальственные места. Мне кажется, что по природе всякий раб есть враг своему господину, когда у него есть надежда осилить его... На несчастие римской державы они находятся среди нас, имея во главе стратигов, занимающих важные должности в империи. Стоит им захотеть, и к ним немедленно присоединятся наши рабы, которые будут решительными и смелыми воинами и охотно потешатся над своими господами» [Успенский, 1913, с. 165–168]. Нужно ли говорить, что все дальнейшие события должны были уверить Аркадия в пророческом даре египетского епископа? К этому же 395 г. относится раздел Армении между Римом и Персией и, соответственно, усиление Кавказской Албании. После событий 395 г. римляне и персы объединились, поэтому нашествие гуннов в 397 г. в Армению было легко отбито [Maenchen-Helfen, 1973, p. 52–56]. В 398 г. заключен мир, и на ближайшие 13 лет гунны отходят на Кавказ [Thompson, 1948, p. 28].

В первые годы правления сыновей Феодосия все основные дела правления вершились в Италии временщиком Стилихоном, приглашавшим к себе на помощь готов, алан и гуннов, а в Константинополе – временщиками: сначала Руфином, позднее евнухом Евтропием. Именно Руфина современники обвиняли в призвании гуннов, причем для нас важно, что эти гунны пришли сюда не из причерноморских степей, а с Кавказа, через Дербент. В то время, как римские войска были заняты междоусобными войнами в Италии, гуннские орды тремя мощными потоками хлынули на Армению и захватили обширные пространства вплоть до Сирии. Как тысячу лет назад скифов их манили богатства переднеазиатских городов, добыча пленниками и имуществом – шелками, оружием, драгоценными сосудами, камнями, золотом [Пигулевская, 1941, с. 40–42, 51–53].

По свидетельству талантливого писателя раннего средневековья и крупного дипломата Приска Панийского, византийский посол в стане Аттилы, Ромул, вспоминал о вторжении гуннов в Персию: «Когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления... Васих и Курсих (имена эти считают иранскими или тюркскими – [Maenchen-Helfen, 1973, p. 404, 420– *В.К.*] из племени царских скифов... прошли пустынную страну, переправились через озеро... (Меотиду) и через 15 дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что унны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять» [Приск, кн. 3]. М.И.Артамонов [Артамонов, 1962, с. 50 сл.] относит эти события к 395 г., Томпсон – к 415–420 гг., [Thompson, 1948, p. 85], А.В.Гадло – к 30-м годам того же века [Гадло, 1979, с. 49], Н.В.Пигулевская – к 448 г. [Пигулевская, 1941, с. 45]. В составе императорского посольства Приск в 448 г. посетил ставку гуннского царя Аттилы, и большинством сведений об обществе гуннов, которыми располагает современная наука, мы обязаны именно ему. При этом следует помнить, что Приск побывал с политической миссией не только в ставке Аттилы, но был он в Риме и Дамаске, Египте и, очевидно, Лазике (в 456 г.), поэтому сведения о походе Васиха и Курсиха могли стать ему известными непосредственно на Кавказе. Для нас интерес представляют описание этого похода и данные о его маршруте и протяженности – 15 дней сначала по «пустынной степи», затем переправа через Меотиду, переход через горы и, наконец, вступление на территорию Ирана. 15 дней пути конных отрядов – это расстояние от Азовского моря до Дариальского перевала, центра Кавказских гор (обратный же путь их шел берегом Каспийского моря, мимо «пламени, поднимавшегося из подводной скалы»).

Данное Приском описание набега Васиха и Курсиха удивительно напоминает сообщения источников о переднеазиатских походах скифов. И это отнюдь не случайно. Для воспитанного на античной литературе византийского писателя эти походы воспринимались как своего рода «типовая модель» набега далеких северных кочевников, недаром, следуя древнему образцу, Приск именует гуннов «царскими скифами», а современный ему Иран – Мидией. И все же хронологическая приуроченность рассказа Приска в целом не вызывает сомнений.

Говоря о погребениях IV–V вв. на той территории, где гунны проходили или находились некоторое время, первым делом следует подчеркнуть их малочисленность, справедливо объясненную С.А.Плетневой как следствие присущего гуннам на этом этапе образа жизни – «таборного кочевания» [Плетнева, 1982, с. 33]. Правда, трудно согласиться с тем, что это погребения рядовых воинов, инвентарь которых свидетельствует «об общем «опрощении» быта» (там же, с. 22). На-

ходки богато украшенных диадем, кулонов и женских головных повязок заставляют вспомнить роль головных уборов как знака социального статуса погребенного у ираноязычных народов предшествующего времени. В.И.Абаев сопоставляет термин Tarabosteis, относящийся к привилегированной касте у даков и гетов, с древнеиранским tarabasta «носящий лобную повязку», проиллюстрированный им свидетельствами Флакка о повязках «киммерийских» вождей и данными Э.А.Грантовского об уборах иранских жрецов. В этом контексте гуннские диадемы находят свое место в этом ряду как продолжение иранской традиции в собственной специфически гуннской форме. Богато украшенные мечи, инкрустированные драгоценными камнями пряжки из благородных металлов, наличие в могиле коня с украшенным золотом (пусть в виде тонких пластинок) седлом – все это говорит о достаточно высоком статусе погребенных. Правда, те немногочисленные погребения, как правило ограбленные (если не полностью, то частично), которые удалось выявить археологам за полтора века с момента первых находок, совершенно несопоставимы количественно с десятками и сотнями тысяч гуннов-воинов, известных нам по письменным источникам, наводнивших Евразию и потрясавших мир на протяжении IV–V вв. И все же даже на этом количественно небольшом основании исследователи смогли построить археологическую реконструкцию гуннской культуры, правда, до сих пор содержащую еще много неясностей и подвергающуюся корректировке и пересмотру.

Представляет интерес сопоставление письменных источников с археологическими данными для решения вопросов, связанных с пребыванием алан на Северном Кавказе в эпоху наивысшего могущества гуннов в степях Северного Причерноморья (вторая половина IV–V вв.). Безусловно, по имеющимся археологическим материалам, мы не можем делать никаких демографических выводов: те немногочисленные находки, которые имеются в нашем распоряжении, как и отдельные изолированные гуннские погребения на тысячеверстном пространстве евразийских степей, не говорят ничего о численности как пришельцев – гуннов, так и аланского населения, оставшегося на Кавказе после гуннского нашествия. Прежде всего мы вынуждены обратиться к данным письменных источников: только по ним можно представить занятую аланами территорию, основные события, связанные с их историей, характер отношений алан с гуннами. Вернемся вновь к Аммиану Марцеллину, важность сведений которого трудно переоценить. Характеристики, даваемые им аланам, частично восходят к более ранним описаниям кочевого быта «скифской степи», но вместе с тем содержат ряд конкретных сведений.

Как мы уже показали, на протяжении последней четверти IV в. аланы и гунны всюду в Европе выступали вместе, и только на рубеже V в., с 398 г. мы начинаем видеть их в разных лагерях. Опорой Стилихона были только аланы, но уже с 402 г. происходят стычки между аланами и гуннами [Maenchen-Helfen, 1975, с. 72, 443], закончившиеся в 407–408 гг. расторжением алано-гуннского союза [там же; Thompson, 1948, с. 28]. В 402 г. аланская конница Савла напала на вестготов; в канун 406 г. аланы, перейдя по льду Рейн, ушли из Паннонии двумя отрядами в Галлию; в 409 г. – одна часть перевалила через Пиренеи, а в 429 г. вместе с вандалами ушла в Африку. Между тем гунны, для которых поход 378 г. был кратковременным эпизодом, после которого они вернулись в Северное Причерноморье, в 420 г. захватили Паннонию, а в 434 г. осадили Константинополь, в это же время, возможно, установив контроль над Северным Кавказом [Vernadsky, 1943, p. 141].

В конце 30-х годов аланы, союзники Рима, поселены в Галлии (подробнее см. [Ковалевская, 1992, 2000а]), гунны продолжают оставаться враждебными Риму, и эти отношения в 451 г. завершаются Каталаунской битвой. После смерти Аттилы существенно перекраивается карта Европы, в частности, аланы заселяют Нижнюю Мезию и Малую Скифию, именно из их среды вышел крупнейший историк эпохи раннего средневековья – Иордан, представитель аланской знати: дед его был секретарем аланского царя Кандака, а сам Иордан в юности служил при царском племяннике. В 40–50-х годах V в. северокавказские аланы, возможно вместе с гуннами, совершили победоносное нашествие на Картли, пользуясь молодостью правителя – царя Вахтанга, будущего знаменитого Горгасала. По сведениям историка XI в. Джуаншера, мы знаем об ударе, нанесенном аланами-овсами цветущим долинам и укрепленным крепостям Картли от Куры до Хунана, о захвате в плен множества грузин и, в частности, трехлетней принцессы Мирандухт. Лишь достигнув совершеннолетия, Вахтанг смог подготовить ответный удар. В качестве союзника Вахтанга выступал Вараз-Бакур, владетель страны Ран; силы его, судя по Джуаншеру, были неправдоподобно велики – сто тысяч всадников и шестьдесят тысяч пехоты. В результате поражения алано-осов (и союзных с ними хазар и кипчаков, под которыми, возможно, данный источник подразумевает гуннские племена) были захвачены и в дальнейшем укреплены Вахтангом кавказские перевалы: владение перевалами начинало иметь в международных отношениях Ирана, Византии и сопре-

дельных стран особое значение. Именно эти свидетельства находят подтверждение в некоторых редакциях жизнеописания просветительницы Грузии – святой Нины [Очерки истории Грузии, т. II, 1973, с. 100], где речь идет о построении Вахтангом осетинских ворот, названных Дариал в жизнеописании Нины и Дариэн у Джуаншера. Для Картли владение этими путями было жизненно необходимо в связи с попыткой Грузии и Армении выйти из-под власти Сасанидского Ирана в войнах которого с эфталитами Вахтанг вынужден был участвовать в 60-х годах. Сведения о действии антииранской коалиции в 482 г. мы можем получить из «Армянской истории» Лазаря Парпеци [Абегян, 1948, с. 263], непосредственного участника этих событий. Именно ему мы обязаны следующей характеристикой страны алан: «Это страна... полная всяческих благ, есть в ней много золота и великолепных одеяний, благородных коней и стального оружия, закаленного кровью пресмыкающихся, кольчуг и благородных камней» [там же]. По его же данным, Вахтанг Горгасал особую роль в военных действиях предоставил гуннским войскам, которые должны были выступить на стороне восставших. Небольшой отряд в 300 воинов, пришедший вместо большой гуннской армии, был отправлен в лагерь армян. Для того, чтобы поднять боевой дух армян, стоявших лагерем в горах, Вахтанг Горгасал указал на зажженные по его приказу огни в долине, говоря, что это несметные гуннские полчища, пришедшие к ним на помощь. Отсутствие гуннской помощи и предательство части армянских военачальников привели к поражению восставших; правда, воспользоваться плодами победы Ирану не удалось, т.к. иранские войска были отозваны на родину.

По сведениям Прокопия, на рубеже V–VI вв. Дарьяльским проходом владел «гунн Амбазук» (Абазук-Анбазук – иранское имя [Maenchen-Helfen, 1970, p. 275]. Следовательно, власть над Дарьяльским проходом находилась в руках жителей Северного Кавказа, которые умело «торгуют» этим с Византией и Ираном [Тогошвили, 1979, с. 12]. Как пишет Захарий Ритор, «когда Пероз, царь персидских пределов, воцарился в своей земле в тринадцатом году Анастасия, гунны вышли через «ворота», которые охранялись персами, и через тамошние горные места достигли персидских пределов... Когда он (Пероз – *В.К.*) осведомился о причине их вторжения и прихода в его страну, они сказали ему: «Нам недостаточно того, что дает нам персидское государство... Мы живем оружием, луком и мечом, и подкрепляемся всякой мясной пищей... Император ромейский... обещал нам умножить подати, если мы разорвем дружбу с вами, персами...» [Ритор, кн. 7, гл. 3]. Битва была выиграна гуннами, которые «полонили персидские области и возвратились в свою землю» (там же).

Анализ исторических свидетельств о взаимоотношениях гуннов и алан в эпоху «Великого Переселения народов» приводит нас к необходимости ввести в поле нашего рассмотрения археологические материалы из погребальных памятников IV–V вв. от Алтая до Средней Европы, отождествляемые с гуннами. Нам следует рассмотреть материалы тех степных памятников гуннского времени, которые имеются в нашем распоряжении в настоящее время на Северном Кавказе, и последовательно сравнить их как со степными собственно гуннскими памятниками с более широкой территории, так и с одновременными памятниками из предгорных и горных районов Центрального Предкавказья. При анализе материалов следует акцентировать внимание на сохранении традиций предшествующего периода, как местного кавказского субстрата, так и сармато-аланских суперстратов, наряду с включением в культурный комплекс далеких восточных инноваций. Что же касается археологических источников, то поиск специальных этнодифференцирующих признаков требует изолированного рассмотрения археологических источников в их сочетании между собой и пространственно связанных с областью существования того народа, который известен нам по письменным источникам.

То есть нам желательно прежде всего найти такие историко-культурные области, где население было или относительно единым, или его компоненты могут быть надежно выделены при относительно стабильном существовании этноса на изучаемой территории некоторый промежуток времени. Рассматривая скифо-сарматский период, мы имели дело с двумя основными компонентами: иранским миром кочевников и лесостепным восточно-европейским и горно-предгорным кавказским миром, миром местного оседлого населения. В эпоху, предшествующую гуннскому нашествию, в поле нашего зрения в Северном Причерноморье попадает дополнительно германский мир. Как мы уже сказали, этническая ситуация с конца IV в. усложняется путем появления и, добавим, активного участия во всех событиях восточных тюркских кочевников. Нас, между тем, продолжает интересовать роль ираноязычного населения в этой усложнившейся ситуации, и мы попытаемся проследить отдельные потоки или же островки концентрации, остающиеся после ухода гуннов и других племен на запад.

Для Северного Причерноморья – «Понтийской Скифии» – Плутарх говорил о вытеснении на запад «не одним непрерывным натиском», а ежегодными походами народа-войска («двигаясь все вперед и воюя»), разноплеменного («делились на много частей с разными названиями – [Plut. Mar., XI, пер. Б.Н.Гракова], но объединенного одним именем народа. Это касалось походов сармато-алан. Гунны, пройдя марш-броском по предкавказско-причерноморским степям и продвинув на запад огромные массы готов и алан в 70-е годы IV в., вскоре вернулись в Северное Причерноморье, контролируя основные широтные пути и установив свое военное господство в степях и на Боспоре. Для этого времени наиболее сложной проблемой является выделение древностей, относящихся к последней четверти IV в., поскольку точность археологического датирования по четвертьвековым периодам требует перехода от относительной периодизации к абсолютной. Того обилия нумизматического материала, который свидетельствует о разрушениях памятников, в частности римских крепостей на Дунае (в слоях их разрушения найдены многие сотни монет, дата чеканки которых не выходит за пределы 375 или 378 гг.), для памятников Причерноморья, а тем более Предкавказья, нет. Поэтому основным источником наших знаний о периодизации древностей гуннского времени являются специфические предметы полихромного стиля, их комплексный анализ, так же как и подробный тщательный типологический подход ко всем категориям инвентаря – поясным наборам, конскому снаряжению, оружию – стрелам, кинжалам и мечам, женским украшениям, стеклянной посуде и бусам.

На протяжении почти столетия различные исследователи пытаются из обширного массива раннесредневековых кочевнических древностей Евразии выделить памятники гуннского круга. Задача эта решается через хронологию, когда исследователи пытаются прийти к обоснованным узким датам для каждого из рассматриваемых комплексов на основании сочетания в них вещей, служащих хронологическими индикаторами. Еще М.И.Ростовцев справедливо отметил определенную преемственную связь между греко-сарматским полихромным стилем и таковым же в гуннскую эпоху. Развитие этой темы шло по пути постепенного накопления материала и издания работ, ставящих своей целью свести в единую систему материалы, происходящие из евразийских степей, начиная от границ Китая до Центральной и Западной Европы [Werner, 1956]. На историографии и на «уже ставшей легендарной дискуссии между А.К.Амброзом и И.П.Засецкой» [Комар, 2000, с. 19] я останавливаться не буду, поскольку подробно писала об этом в книге «Кавказ и Аланы», и к ней вернулись авторы дискуссии [Амброз, 1989, с. 63 и сл. и серия работ И.П.Засецкой]. Сейчас я хочу обратить внимание на современное состояние этой проблемы. В этом плане очень важны типологические разработки И.П.Засецкой тех категорий инвентаря, которые могут стать основанием для построения хронологической схемы древностей гуннского времени, касается ли это степей или Боспора.

Построение типологического ряда по форме и характеру орнаментации золотых обкладок кавалерийского седла позволило выделить полувековые периоды для древностей V–VI вв., что дает эталонный материал для хронологических построений. Детали конского снаряжения у воинов-всадников всегда реагировали на новые технические особенности, что проявлялось, в частности, в изменении формы и орнаментации накладных бляшек конской узды IV–V вв.

Углубленный типологический анализ таких категорий оружия, как стрелы [Засецкая, 1983, с. 70–84], и таких культурных явлений, как бронзовые котлы [Боковенко, Засецкая, 1993, с. 73–88], показал центральноазиатские корни культуры европейских гуннов, что позволило убедительно на базе массового материала раскрыть связь азиатских хунну и европейских гуннов. Карта распространения хунно-гуннских котлов убедительно рисует постепенное продвижение хунну со II в. до н.э. на запад двумя потоками – северным – на территорию угров и южным – к Приаралью, сливающимися в IV в. в единый поток гуннского продвижения конца 70-х годов IV в. в Центральную и Западную Европу, засвидетельствованного письменной традицией [Боковенко, Засецкая, 1993, рис. 3]. Построив несколько независимых систем датирования (через типологию полихромных изделий, обкладок седел, стрел, котлов, поясных наборов, фибул, стеклянной и металлической посуды), И.П.Засецкая на новом уровне надежности объединяет погребальные комплексы европейских кочевников в хронологические группы гуннского и постгуннского времени, обращая особое внимание на даты тех комплексов, которые были в свое время предметом дискуссии между нею и А.К.Амброзом. Ею в ряде работ [Засецкая, 1975; 1982; 1986; 1994; 1996] предложена типология полихромных украшений на основании выделения ряда стилистических и технологических их особенностей, позволяющая выделить пять стилистических групп (рис. 16). Картографирование этих данных подтверждает как справедливость типологических построений, так

и наглядно указывает на различные источники создания рассматриваемых стилистических групп, расположение ремесленных центров, основное направление и характер связей, уточненную датировку. Картирование данных И.П.Засецкой с помощью компьютерных программ привело к построению карт распространения полихромных изделий 1- и 3-й стилистических групп типов, выделяющих зоны концентрации каждого из них в Европе, вытянутых широтно по пути следования гуннов на запад (карты 33, 34). Карты главных компонент, построенные на основании карт распространения групп всех полихромных изделий, уточняют и обобщают информацию, подчеркивая как северный путь продвижения гуннов (карта 36), так и оба (карта 35), выделяя весь путь степным коридором от границ Азии и Европы вплоть до Центральной Европы. Важно и то, что углубленный источниковедческий подход И.П.Засецкой к изделиям полихромного стиля через детализацию орнаментальных схем позволяет связать между собой мужские и женские погребения (т.к. большинство стилистических групп объединяет женские и мужские украшения, оружие, конское снаряжение) и показать отличие полихромных изделий в пределах IV–VI вв.

Залогом успешных хронологических построений для степных древностей оказалось монографическое исследование хронологии Боспорского некрополя в Керчи [Засецкая, 1993, с. 23-103, 64 таблицы]. Количественно этот материал приближается к числу степных памятников гуннского времени (46); хронологически – выходит из рамок памятников гуннского типа, доходя до начала (а скорее до середины) VII в., типологически – представлены, хотя и в ином количественном соотношении, аналогичные категории вещей на Боспоре и в степях при ином погребальном обряде. Но в отличие от степных памятников, изданных и введенных в научный оборот во многих изданиях, разными авторами до работ И.П.Засецкой, Керченский некрополь, являющийся эталонным памятником, известным многим исследователям по работе в фондах Государственного Эрмитажа, по коллекциям Британского музея и коллекции Диргардта в Кельне – издан И.П.Засецкой был впервые. Как и другие работы автора, это издание отличает полнота, использование архивных данных и глубина источниковедческого анализа. Хронология комплексов решается через перекрестное сопоставление датировок по фибулам, поясным наборам и стеклянной посуде, что позволяет выделить три хронологических группы (с последней четверти IV до середины VII в.).

Проведенный мною в 1995 г. в хранилищах Государственного Эрмитажа анализ всех бус из комплексов Керчи [Ковалевская, 1998а, 2000а] привел к очень близкому упорядочению комплексов в группы, хотя бусы происходят только из 14 закрытых комплексов. Кластерный анализ бус позволил отнести 8-е погребение из склепа 78 к первой хронологической группе и произвести некоторые незначительные изменения в составе 2- и 3-й групп, в целом же он подтвердил предложенную И.П.Засецкой группировку материала.

Развитие археологии эпохи переселения народов опирается на типологический анализ древностей и на увеличение количества научно исследованных комплексов – в конце 60-х годов ученые оперировали 22, в середине 70-х – 34, в середине 90-х – уже 64 комплексами. Очень важна группа комплексов, выделенная Е.Л.Гороховским для юго-западных территорий Европы, датированная последней четвертью IV – первой третью V вв. и введенная А.В.Комаром в систему взаимного сопоставления материалов гуннского времени в качестве аланской группы [Комар, 2000, с. 19–20]. Остановимся кратко на предложенной системе сопоставления указанного автора, которая выражена в таблицах сопряженности вещей, названных по старой памяти «корреляционными» [Комар, 2000, с. 22–23]. В таблицы включены данные из 51 комплекса, полученные из памятников гуннского времени Европы, включая европейскую степь и лесостепь, Крым и Северный Кавказ. Количество памятников, рассмотренных через сочетание составляющих их вещей, достаточно для получения объективной их характеристики и, поскольку большая их часть происходит из дореволюционных работ, мы можем закрыть глаза на их недостаточную научную документированность. Рассмотрение таблиц показывает, что количество признаков, устойчиво сопряженных с той или иной группой, не столь уж велико.

Например, 2-я степная группа, представленная 6 комплексами [Комар, 2000, табл. 1, с. 22] выделена по сочетанию 12 признаков, но только треть из них не представлена в 3- и 4-й группах, следовательно, может характеризовать 2-ю степную группу, остальные присутствуют в комплексах 3- и 4-й групп (причем в ряде случаев количественно преобладая именно в них). Подобное соотношение сопряженности признаков с выделенными группами характеризует табл. 1 и 2. В одном комплексе присутствует от 2 до 32 признаков, причем чаще всего от 4 до 6 (26 комплексов, половина всех комплексов, задействованных в таблице). А.В.Комар ставил своей задачей исполь-

зовать максимально возможное число признаков, что, безусловно, верно с методической точки зрения. Вопрос заключается в том, насколько строго и однозначно они выделены, можно ли проверить это по представленной в статье информации. О важности и необходимости детальной классификации для хронологического упорядочения комплексов и их картографирования я уже говорила ранее, в данном случае А.В.Комар подчеркивает, «что деление на признаки не является классификацией» [Комар, 2000, с. 46]. Начнем с того, что признаки не являются таковыми в собственном смысле этого слова, т.к. это не некая характерная черта той или иной вещи, это сама вещь, по ряду черт отличающаяся от других вещей этой категории, причем отличия могут быть по форме, орнаменту отдельных частей артефакта, т.е. построены по разным основаниям. В ряде случаев, и это мне кажется наиболее правильным, в качестве «признаков» рассматриваются таксоны существующих в научной литературе классификаций: для деталей поясных и сбруйных ремней в 6 из 9 случаев приняты таксоны А.И.Айбабина; для фибул в 3 из 5 случаев – таксоны А.К.Амброза, принят один (из двух, выделенных Н.П.Сорокиной) таксон для стеклянных сосудов. В некоторых случаях в качестве отдельных признаков выделены категории находок без расчленения, такие как колты, кулоны, гривны, венки, зеркало с центральной петелькой, т.е. признак оценивается через его присутствие–отсутствие, а не по выделенному разнообразию. Но основная нагрузка, судя по тому месту, которое уделено этой категории находок в тексте и по числу признаков (22), рассмотренных в таблицах, ложится на металлические пряжки. При характеристике пряжек без специального доказательства как данность постулируется узкая датировка: IA1 – «данный тип пряжек является наиболее характерным для второй четверти V в. IA3... возникают не раньше 40-х годов V в.» [Комар, 2000, с. 47], хотя принятие столь узкой датировки может быть результатом только построения шкалы относительной хронологии с внесением хронологических реперов, что в представленной статье отсутствует. А.В.Комар для своих источниковедческих разработок использует только опубликованный материал; в своих описаниях выделенных признаков, а именно определенного типа пряжек, он учитывает форму рамки, наличие утолщения в ее передней части (что, как правило, в использованных им рисунках не обозначено). Это же касается сильно (IA1) или слабо (IA2) выступающего за рамку язычка (это требует рисунка бокового сечения пряжки, которое обычно не приводится), формы щитка и его украшения.

Благодаря тому, что рассмотренные элементы формы или орнамента, отделяющие в описаниях одни типы пряжек от других, часто нельзя определить из рисунков, отличия между выделенными «признаками» остаются недоказанными. Кроме того, некоторые экземпляры пряжек оказываются соотнесенными с двумя «признаками» – например, пряжка рис. 1, 34, происходящая из 165-го склепа Керчи, относится к признакам IB4 и IB7, так же как пряжка из Керчи (склеп 154 и 165) рис. 1, 45, 47 и Новогригорьевки, м. 9 (там же); или же признак IB5 суммирует признаки IA1 и IB1, что также мне кажется недопустимым. Правомерность объединения в один признак «не идентичных, но похожих» или «несколько отличных» экземпляров вызывает сомнения. Следовательно, те признаки, которые используются для выделения групп комплексов, достаточно нечетки, плохо проверяемы и выделяются неоднозначно. Путь, которым А.В.Комар пришел к узким датам, принятым в данном построении, не раскрыт, поэтому, как не соблазнительно нам членить гуннские древности, как предлагает автор, по этапам длительностью в 15–25 лет, в настоящее время это можно принять только в качестве авторской гипотезы.

Уязвимым местом этих построений является то, что мы хотим для каждого погребения прийти к той единственной точке на хронологической оси, которая соответствовала бы времени совершения этого погребения и, безусловно, существовала объективно. Но, к сожалению, при отсутствии письменных свидетельств о времени этого события и попытки достичь этой даты, опираясь на сочетание вещей, каждая из которых имела достаточно долгий срок своего бытования на обширных пространствах Евразии, у нас нет пока весомых оснований доказательно говорить для рассмотренных комплексов о столь узких датах. Подтверждением являются приведенные в статье три таблицы, где около трети всех признаков оказываются связаны только с одной из выделенных групп, соответственно специфичными для них и являющимися либо культурно различительными, либо хронологическими индикаторами.

Очень кратко мы показали, как различные исследователи в ряде работ (монографий и статей) привели в систему характерный материал, происходящий из погребальных памятников IV–V вв. от Алтая до Средней Европы и отождествляемый с гуннами. Нам следует рассмотреть материалы тех степных памятников гуннского времени, которые имеются в нашем распоряжении в настоящее время на Северном Кавказе и последовательно сравнить их как со степными собственно гун-

нскими памятниками с более широкой территории, так и с одновременными памятниками и предгорных и горных районов Центрального Предкавказья (рис. 17). При анализе материалов следует акцентировать сохранение традиций предшествующего периода как местного кавказского субстрата, так и сармато-аланских суперстратов, наряду с включением в культурный комплекс далеких восточных инноваций. Степные северокавказские памятники Центрального Предкавказья, которые можно связывать с гуннами (в чем согласны все исследователи этих древностей), представлены рядом находок из окрестностей Ставрополя: погребение с конем (возможно подкурганное) на р. Маныче и у с. Воздвиженского (известного в качестве Здвиженского [ОАК 1890, с. 121, 123, р. 82–87; Засецкая, 1974, с. 36–40; Засецкая, 1994, табл. 11–12], погребение с конем (?), обнаруженное Г.Н.Прозрителевым на Каряжском (правильнее Карягинском) городище на притоке Егорлыка близ Ставрополя [Минаева, 1949, с. 141–142; Засецкая, 1975, с. 52–53]. Возможно, к этому же времени относятся находки вещей полихромного стиля из Ставропольского края [Отюцкий, Охонько, 1982, с. 236; Засецкая, 1994, табл. 13]. Наибольший интерес представляют погребения с конем в пойме р. Кумы у Зеленокумска [Отюцкий, Охонько, 1982, с. 235–242], где погребенный расположен на спине, головой на восток; скелет коня располагался несколько выше следов курганной насыпи нет.

В предгорных и горных районах Предкавказья памятники, относимые к гуннскому времени, впервые исследованы и введены в научный оборот Т.М.Минаевой в ее диссертации, а позднее – в ряде опубликованных ею работ [Минаева, 1949, 1951, 1982 и сл.], где они датированы на основании прежде всего вещей с инкрустациями, которые по крымским аналогиям относили к IV–V вв. Аргументированная В.К.Пудовиным более поздняя дата крымского могильника Суук-Су и дальнейшее исследование этой проблемы А.К.Амброзом [Амброз, 1971, с. 106–107; Амброз, 1989, с. 9–11; Абрамова, 1997, с. 46–47] избавляет нас от необходимости разбирать эти положения, тем более, что в настоящее время богатый материал из сотен катакомб VI–VII вв. соседнего Пятигорья подтверждает более позднюю дату (не ранее VI–VII вв.) для большинства комплексов Байтал-Чапкана и могильников Гилячского городища.

Начнем их краткую характеристику (см. карту 1, *37*) с запада на восток. В этой связи особенно важную роль приобретают исследования Т.М.Минаевой, прекрасного полевого работника и вдумчивого исследователя могильника и городища Гиляч в верховьях Кубани (рис. 18). Материалы этих раскопок описаны и изданы [Минаева, 1951, 1982] и хранятся в Черкесском и Ставропольском музеях. В ряде статей и монографии Т.М.Минаевой уделено большое внимание исследованию всего инвентаря, погребального обряда и керамики, ею проведена классификация материала, изданы в рисунках, фотографиях и описаниях наиболее типичные формы вещей и керамики. Эти материалы особенно важны потому, что Т.М.Минаевой, Е.П.Алексеевой и Х.Х.Биджиевым на Верхней Кубани исследован ряд могильников более позднего времени (в некоторых случаях их возникновение также относится к середине или началу I тыс. н.э.), что в целом дает достаточно представительную группу, причем особенно важно, что эти раскопки производились на высоком профессиональном уровне с необходимой фиксацией планов могильников и всех погребений. Т.М.Минаева начала здесь работы еще в 1939 г. и продолжала их с перерывами до 1965 г., когда и была исследована наиболее древняя часть могильника [Минаева, 1982].

Гиляч был первым памятником, который подвергся планомерным и комплексным раскопкам. Исследованы были могильники – подземные каменные гробницы V–VII вв. (всего 36 погребений), ограбленные полуподземные склепы IX–XI вв. на трех участках могильника и культурные слои поселения раннесредневекового времени: ряд жилых и хозяйственных сооружений, христианский храм и языческое святилище X–XI вв. В общих чертах были определены история создания укрепления, рост поселения, изменение планировки и керамического комплекса, что в дальнейшем проверено при исследованиях подобных поселений в Карачаево-Черкесии и в районе Кавказских Минеральных Вод, на чем мы остановимся ниже. Особый интерес этих памятников заключается в том, что они свидетельствуют о преемственности культуры в горах Верхней Кубани с V по XI–XII вв. н.э., однако речь идет не о той конструктируемой исследователями преемственности, которая опирается на цепочку памятников разных хронологических периодов, обнаруженных в разных пунктах, что, строго говоря, указывает только на факт заселения данной территории на всем протяжении ее истории и обеспечивает хронологическую упорядоченность памятников. Здесь же перед нами история и жизнь населения одного укрепленного поселка, постепенно превращающегося в крупный населенный пункт, документированная как слоя-

ми жизни на нем, так и преемственностью в конструкции жилищ, погребальном обряде, керамической традиции.

Погребения Гиляча могут быть разделены на несколько хронологических групп по набору металлических и стеклянных украшений (рис .18), тогда как керамика обнаруживает непрерывную линию развития, сказывающуюся в общности форм и орнаментации, характере теста, причем изменение во времени может быть оценено объективно только при формализованном подходе к изучению керамики: к V в. относятся 2-, 4- и 5-е погребения, раскопанные в 1965 г. и изданные посмертно [Минаева, 1982, с. 226–234; Абрамова, 1997, рис. 40].

Все погребальные сооружения ориентированы широтно и представляют собой единообразные погребальные сооружения в виде каменных гробниц из горизонтальных рядов камней, положенных насухо, с использованием вертикально поставленных плит как в торцовых, так иногда и в длинных стенах и для перекрытия. Размеры очень стандартны и мало варьируют, составляя в среднем 2,25x1,0x0,7 м. Погребения вытянуты на спине, иногда с согнутыми ногами, череп иногда искусственно деформирован. На средней Кубани к V в. можно отнести каменную гробницу, исследованную С.Д.Мастепановым к югу от Хумары [Алексеева, 1971, табл. 21б], и несколько грунтовых погребений, исследованных Е.П.Алексеевой у аула Жако-Тамгацик [Алексеева, 1955, 1971], материал из которых приводится в таблице (наиболее ранние можно датировать IV в.). Далее мы покажем конкретно, что и в 50-е, и в 90-е годы XX в. малое количество комплексов V в., представленных на Северном Кавказе, привело к зачислению в круг этих древностей ряда могильников и случайных коллекций, основное время бытования которых относится к последующему времени. Это относится, в частности, к могильнику Байтал-Чапкан.

Могильник Байтал-Чапкан [Минаева, 1950, с. 205–240; 1956, с. 231–261] расположен на водоразделе между Кубанью и Малым Зеленчуком, в верховьях речки Байтал-Чапкан на южном склоне горы Эльбурган. Открыт в 1941 г. Для Верхней Кубани это первый аланский катакомбный могильник V–VII вв., исследованный сплошной площадью (раскопано около 900 м²). Всего изучено 34 катакомбы и 2 конских захоронения. Погребения ограблены в древности и в XIX в., вещевой инвентарь сохранился частично в 2/3 погребений. В расположении катакомб нет определенного плана. Входные ямы катакомб имеют среднюю длину 2,1 м при ширине около 0,5 м и глубине 2,0 м, ориентированы за некоторыми исключениями (погр. 10) широтно с отклонениями. В западной узкой стенке – входное отверстие округлой, аркообразной или квадратной формы (0,5x0,5 м), закрытое каменной плитой. Иногда впереди нее во входной яме находятся сосуды. Камеры расположены под углом или перпендикулярно, в среднем углублены на 0,8 м. Имеют овальную или подквадратную форму при длине 2,0 м, ширине 1,4 м и высоте 1,4 м. В 17 катакомбах в стенах устроены небольшие ниши (в 6 катакомбах по 2 ниши); у задней стенки – вырубленные в материке нары для погребенного, ориентированного обычно головой на юг. Погребения одиночные (за исключением кат. № 14), с деформированными черепами, вытянутые (женские изредка скорченные), мужчины с перекрещенными в голенях ногами. При погребениях – заупокойная пища в виде ребер барана (иногда в мисках); керамика (от 1 до 6 сосудов), предметы вооружения и конского снаряжения, личные вещи, украшения. Из 30 погребений происходит 62 сосуда: сероглиняных, лепных, лощеных. Т.М.Минаева выделяла четыре типа: крупные трехручные сосуды, чарочки с налепными сосочками, кувшинчики с зооморфными ручками и миски. Часты находки железных ножей, единичны находки оружия (меч, кинжал, наконечники стрел) и конского снаряжения (удила). Находки других предметов немногочисленны: фибулы – Т-образные, шарнирные с луковичными кнопками и местные двупластинчатые, круглые фибулы-броши, инкрустированные сердоликом в отдельных гнездах или с перегородчатой инкрустацией из стекла, в одном случае украшенные четырьмя соколиными головками; бронзовые и серебряные пряжки с рамками круглой, овальной и В-образной формы, слабо выступающим за рамку язычком, щитками круглой, прямоугольной формы, гладкими и украшенными головками шпеньков, инкрустированными стеклом, сердоликом; серьги из несомкнутого колечка с расширением в нижней части («калачиком»); зеркала с центральной петелькой и рельефным узором из ломаной линии; гривны, бронзовые дротовые браслеты с заходящими концами, перстни, стеклянные и каменные бусы. В научный оборот Байтал-Чапкан вошел как памятник V в., впоследствии передатирован в V–VII вв. Попытка А.К.Амброза отделить погребения VI в. от VII в. недостаточно аргументирована, поскольку для выделения 1-й группы использованы предметы из мужских, а для 2-й – женских погребений.

В монографии М.П.Абрамовой [Абрамова, 1997, рис. 31–35] все катакомбы рассматриваются как относящиеся к V в., между тем это справедливо только по отношению к катакомбам 24 [там же, 1997, рис. 32, с. 54], 20 [там же, рис. 34, с. 55]; возможно, V в. (но скорее, по нашему мнению, с заходом в VI в.) следует датировать катакомбу 17 (ее М.М.Казанский и А.В.Мастыкова датируют первой половиной V в. [Kazanski, Mastykova, 2003, p. 83]; это же относится к катакомбе 13, которая может относиться как к концу V в., так, скорее, к VI в. Не ранее чем VI в., а возможно, и VII в. можно датировать катакомбу 9, которую М.М.Казанский и А.В.Мастыкова также датируют второй половиной V в. [Kazanski, Mastykova, 2003, p. 145]. Это же в целом относится к могильнику Узун-Кол, который характерен для VI–VII вв.

В районе Кавказских Минеральных Вод катакомбное погребение у Лермонтовской скалы [Рунич, 1976, с. 256–266] содержит комплекс конского снаряжения, оружие, стекло и керамику, котел рассматриваемого периода в сочетании с вещами более позднего облика, что вызвало недоумение у исследователей при обращении к этому материалу с момента поступления отчета и выхода публикации (подробнее см.: [Амброз, 1989, с. 36–38]). Можно согласиться, что катакомба 11 из могильника у Лермонтовской скалы можно относить к V в.

Материалы с территории Кабардино-Балкарии малочисленны, но представительны: сюда входят грунтовые погребения (рис. 19) а, возможно, каменные гробницы у Вольного Аула, близ Нальчика, исследованные в 1923 г. М.И.Ермоленко и известные по материалам Нальчикского музея и картотеке А.П.Круглова. Поскольку этим находкам из Кабардино-Балкарии много внимания в своих работах уделили В.А.Кузнецов и А.К.Амброз [Кузнецов, 1962, с. 79; Амброз, 1989, с. 35-36], я позволю себе не останавливаться на этом материале подробно, приведя в таблице некоторые из найденных там материалов.

Особое место занимают введенные М.П.Абрамовой, а позднее и Т.А.Габуевым в научный оборот подкурганные и грунтовые катакомбы из Северной Осетии в Бруте (IV–VI вв.) и у хутора Октябрьского (IV в.) и датированные гуннским временем [Абрамова, 1975, с. 213–233], что не было принято А.К.Амброзом относительно материалов 6-го кургана Октябрьского могильника, который, по его мнению, относится скорее ко второй половине III–IV вв., т.е. ко времени использования подкурганных катакомб до гуннского завоевания. Это же касается отнесенных М.П.Абрамовой к гуннскому времени материалов 5-го кургана, которые, очевидно, не выходят из пределов IV в. [Амброз, 1989, с. 27]. Исследованные М.П.Абрамовой погребения ограблены в древности, поэтому сохранившийся немногочисленный и разрозненный материал не дает достаточных оснований для уверенных датировок. Те пряжки, которые приводятся М.П.Абрамовой как основание для дат [Абрамова, 1975, с. 231], оказываются или догуннскими, или имеют более широкий диапазон существования и таким образом не противоречат более поздней дате.

Ряд находок указывает на более позднюю, чем V век, дату: в Бруте это серьги с 14-гранником из катакомбы № 2, круглые поясные накладки и наконечник из катакомбы № 4, квадратные пряжки, сосудик типа кубышки, выделяющийся как болгарский, типичный для Пашковского и Чир-Юртского могильников [Ковалевская, 1981, с. 49–50] и происходящих из подкурганной катакомбы № 1, круглая накладная бляшка из подкурганной катакомбы № 4. А.К.Амброз относит к гуннскому времени подкурганную катакомбу, раскопанную С.С.Куссаевой [Амброз, 1989, с. 40]. Следовательно, претендующими на то, чтобы характеризовать гуннский период в равнинах Северной Осетии после отчленения более поздних комплексов, остаются в Бруте грунтовые катакомбы № 6, где об указанной дате могут свидетельствовать находки полулунной накладки и трех круглых (одна сегментированная) пряжек с далеко выступающим язычком; возможно, об этом говорят накладки в виде сдвоенной восьмерки [Абрамова, 1975, с. 1, 4] в катакомбе из кургана № 1 у хут. Октябрьского. Катакомбы из курганов № 3 и 5 у хут. Октябрьского не могут быть датированы точно, а грунтовые катакомбы № 2 и 3 Брута (в чем я согласна с А.К.Амброзом) могут быть датированы V в.

Но то, что безусловно относится к гуннскому и «постгуннскому» времени и является одним из наиболее важных достижений отечественной археологии последнего времени, – это работы Государственного музея Востока (Москва) конца 80-х годов XX в., проведенные Т.А.Габуевым на курганном могильнике в Бруте, о чем мы уже говорили ранее. Исключительная важность этих работ заключается в том, что именно материалы могильника Брут не только дают подкурганные катакомбы, начиная со II в. н.э. вплоть до рубежа VI–VII или VII вв. н.э. но и то, что в богатых, и как всегда, ограбленных катакомбах обнаружено несколько тайников, благодаря которым мы получили представления о тех категориях вещей, которые ранее нам оставались неизвестными. Любопытно, что по находкам в грабительской яме кургана № 5 фрагментов красноглиняной кера-

мики золотоордынского времени можно судить о времени ограбления этих огромных курганных могильников. Среди 8 раскопанных за два полевых сезона курганов в двух были найдены в тайниках богатейшие коллекции уникальных находок. В кургане № 2 тайник был обнаружен на уровне древнего горизонта рядом с входной ямой. Он включал в себя длинный меч с золотыми обкладками ножен и рукояти, инкустированными вставками граната округлой, прямоугольной и ромбической формы, наряду с перегородчатой инкрустацией из стекла и граната. Меч прикреплялся к портупейному ремню с помощью пряжечки и, по мнению Т.А.Габуева, был использован вертикальный способ его крепления, что свидетельствовало о его использовании не пехотинцем, а всадником. Кстати, в заполнении входной ямы этого кургана обнаружен костяк коня, а в тайнике – богатое конское снаряжение и серебряная рукоять нагайки. Очень интересна находка богато украшенного кинжала с подкинжальным ножичком, что имеет, с одной стороны, многовековую традицию, начиная со скифо-кобанского времени (находки автора в могильнике рубежа VII–VI вв. до н.э. из Уллубаганалы [Ковалевская, 1984, с. 136–137]) и сохраняясь в традиционной культуре осетин (судя по фольклору).

Аналогии этим материалам уводят в мир степных гуннских древностей от Алтая до Северного Причерноморья. В кургане № 7 тайник найден во входной яме рядом со ступенями в нише и состав его близок выше рассмотренному тайнику – конское богато украшенное снаряжение, инкрустированное драгоценными камнями, мужской пояс, нагайка... Датирующими материалами, безусловно, являются пряжки с хоботкообразным язычком, с щитком, украшенным вставками стекла и драгоценных камней, и наконечники ремней, составляющие с пряжкой единый гарнитур. Для орнаментации использовался орнамент из треугольничков и ромбиков из зерни с филигранью. В случае с Брутским курганным могильником у нас нет сомнений, что в катакомбах были погребены аланы. Данные погребального обряда свидетельствуют о том, что это население генетически связано с жителями больших укрепленных городищ (Зилги и Брут), которые мы знаем с конца I – начала II вв. н.э.

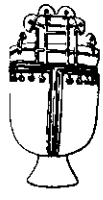
Поскольку эти материалы датируются V в., следовательно, это то население, которое не было увлечено на запад и не ушло в горы, а продолжало жить на том же месте и хоронить умерших на том же кладбище. Раскопки 2003 г. показали, что жизнь продолжалась по крайней мере еще полтора века, и наша задача – сопоставить материалы населения предгорий и гор Центрального Предкавказья. Важно, что на сегодня исчезла та хронологическая лакуна, которая отделяла подкурганные катакомбы от грунтовых катакомб в горах, которых для рубежа VI–VII вв. и позже у нас уже много. Но объединяющих черт обнаружено еще мало, т.к. весь набор инвентаря, о чем пойдет речь далее, существенно меняется. Наиболее доступен анализу и статистическим подсчетам погребальный обряд, что очень убедительно проведено Д.С.Коробовым в его монографии [Коробов, 2003]. Керамика, которая также является одним из основных источников наших представлений о развитии местных традиционных ремесел, в последнее время была исследована В.Ю.Малашевым в ряде монографий, на чем мы также остановимся далее.

Пока вернемся к одному из вопросов поставленных в начале этой главы: о вкладе сармато-алан в гуннскую культуру, который мы рассмотрим на некоторых примерах. В предметах сарматского времени, найденных в курганах Предкавказья и Северного Причерноморья неоднократно, в разных исполнениях и на разных украшениях (диадемы, зеркала) исследователи находили изображения мирового дерева и культовых животных (олени, козлы, птицы). Тем интереснее оказалось рассмотрение И.П.Засецкой изображения, выполненного на обратной стороне типично гуннского женского украшения на колтах из Верхне-Яблочного. Это говорит о том, что либо заказчик этих украшений, либо мастер, их изготовивший, был этническим аланом (аланкой?). И.П.Засецкая убедительно показала, что по своей специфической форме и декору эти украшения известны нам по находкам в степном Причерноморье, включая степное Предкавказье, где ранее обитали сармато-аланские племена. Но по своему происхождению они, безусловно, связаны с восточными территориями – Казахстаном, Средней Азией и Алтаем, не имея корней в позднесарматской культуре южной Европы. Производили их в гуннское время в ювелирных мастерских Боспора, что хорошо подтверждается картографированием всех находок гуннского полихромного стиля, куда входят и колты.

Исследователи древностей гуннского круга на обширных пространствах Евразии давно уже подняли вопрос о том, существуют ли культуроразличительные признаки, которые могут свидетельствовать об этнической принадлежности, и ответ был негативным.

Погребальный инвентарь – нарядное снаряжение верхового коня, пряжки мужского пояса, женские пластинчатые фибулы, бусы, стеклянная и металлическая посуда, колты – обнаружива-

ет более заметные хронологические, нежели локальные и этнокультурные особенности, объединяющие памятники из разных областей Северного Кавказа с обширным миром гуннских древностей Евразии, причем гуннская эпоха является своего рода мостиком между предшествующим сарматским и последующим раннесредневековым хронологическими периодами. Лучшим подтверждением этого единства, прослеживающегося от позднесарматского времени к VI–VIII вв. являются, с одной стороны, непрекращающиеся споры по поводу датировки отдельных комплексов или целых могильников, относимых то к IV–V, то к III–IV или к VI–VII вв., и с другой - преемственность керамической традиции от кобанского к сарматскому, а затем и к аланскому времени, особенно явно заметная на материалах тех могильников, которые отражают непрерывную жизнь населения в каком-либо пункте с V по VII–VIII вв., а часто и далее. Эти случаи достаточно немногочисленны. Просматриваются местные кавказские традиции в погребальных сооружениях гор и предгорий: каменные гробницы (со скифского периода), грунтовые погребения (с того же времени), подкурганные и грунтовые катакомбы (с сарматского периода). Сармато-аланские традиции в некоторых случаях прослеживаются в украшениях полихромного стиля, пряжках, мечах и кинжалах, в снаряжении тяжело вооруженного всадника, зеркалах, измененных формах диадем. Центральноазиатскими инновациями являются тяжелые луки и ряд новых типов стрел; новым явлением следует считать колты и кулоны в женском головном уборе.



Глава V

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.

§ 1. Письменные источники о событиях VI–IX вв.

У истоков аланистики, как она сформировалась на сегодня, стоят три основных, хотя и разных по своему объему, но преемственно связанных между собой труда. Это прежде всего доклад академика Генриха-Юлиуса Клапрота (1822 г.) об «идентичности осетин, народности Кавказа, и средневековых алан», переизданный недавно [Клапрот, 1992, с. 233–238], но с момента своего появления в Париже в 1822 г. ставший краеугольным камнем всех научных построений на тему осетиноведения и древней и средневековой истории алан.

Следующим этапом являлась трехтомная монография Всеволода Миллера «Осетинские этюды» (1881–1887), переизданная ротапринтно стараниями С.П.Таболова в 1992 г. И, наконец, серия классических работ по аланистике и сарматоведению Ю.А.Кулаковского, написанных в канун XX века (1898, 1899) и переизданных в 2000 г. [Кулаковский, 2000]. Если добавить к этому массированному удару всю сумму разноязычных, но прежде всего классических источников, знаменитые «Scythica et Caucasica» В.В.Латышева 1893–1906 гг., переизданные также в 1992 г., то следует сказать, что к первому десятилетию XX в. научная общественность обладала огромным количеством информации для воссоздания истории населения юга России и Кавказа, которая к началу 90-х годов прошлого века вновь была представлена читателю.

Указанный компендиум разновременных и разноязычных источников написан хронистами, географами, историками и путешественниками, далеко не всегда современниками интересующих нас событий. Как правило, это отрывки, реже – связное описание событий или ситуаций: в каждом конкретном случае при использовании этих сведений требуется историко-филологический критический анализ источника: следует оценить глубину и точность знаний автора об интересующих нас событиях и том географическом пространстве, о котором идет речь. Всегда важна и точка отсчета, угол зрения. Одно хотели знать о циркумпонтийской зоне византийские авторы, привыкшие считать Понт – Румское море – своей внутренней акваторией, воды которой свободно бороздит византийский военный и торговый флот, берега охраняются укрепленными портовыми городами, а местное прибрежное население подчиняется Империи. Другое направление интересов характеризовало восточных авторов – сирийских и армянских, грузинских и арабских. Их интересовала расстановка сил основных враждующих держав – Сасанидского Ирана и Византии – на плацдарме военных действий в Закавказье и на Ближнем Востоке и то место, которое занимают в них приглашенные с севера кочевники и северокавказские горцы, жители равнин и предгорий, а также, в чьих руках находились горные проходы, наколько объединены «северные варвары», как сменяют друг друга периоды мира и войны. Этнокультурная ситуация в Предкавказье всегда представляла непреходящий интерес, поскольку эти народы не только были преградой (и одновременно соединительным звеном) с обширным миром евразийских кочевников, но и самостоятельной силой, которую можно было успешно использовать во всех пери-

петиях вооруженной борьбы за Кавказ и Ближний Восток между Византией, Сасанидским Ираном, Арабским халифатом и Хазарским каганатом.

Обращаясь к историческим фактам, мы оставляем в стороне вопрос о том, как последние оценивались в традиционной дореволюционной историографии (в частности, В.Ф.Миллером или Ю.А.Кулаковским) или же в марксистской советской и современной европейской науке, что рассмотрел во вступительной статье к изданию работ Ю.А.Кулаковского С.М.Перевалов [Перевалов, 2000, с. 36–38].

Из анализа письменных источников, сделанных указанными нами выше высокопрофессиональными исследователями, мы извлекаем «событийную канву», хронологическую ось – т.е. последовательность важнейших историко-политических событий в изучаемом регионе в их местной кавказской специфике и международных связях. Эти данные являются предметом исследования историков последних полутора столетий, специальная литература необозрима; почти каждая из принятых нами в дальнейшем изложении дат тех или иных событий может быть оспорена, поскольку может входить в разные системы координат и рассматривается в историко-археологических исследованиях различного масштаба, посвященных конкретным и общим проблемам, связанным с этой темой. Создав хронологическую систему на основании исторических свидетельств, получив, как писал Ю.А.Кулаковский, «живое и развивающееся знание памятников прошлого», мы можем сопоставлять с этой системой те группировки археологических материалов, которым мы придаем хронологический смысл.

Поскольку для нас представляет первостепенное значение оценка связи ираноязычного населения Кавказа с миром степняков и горцев, мы можем на основании свидетельств письменных источников реконструировать ход исторического процесса не только во времени, но и в пространстве. Спецификой этого пространства, определявшего особенности историко-культурного процесса, являлось физико-географическое членение Предкавказья на степные, предгорные и высокогорные районы, представлявшие собой различные экологические ниши.

Степные пространства Предкавказья, о чем мы писали ранее, занятые ираноязычными кочевниками – скифами, савроматами, сарматами, сираками, аорсами и аланами, в интересующие нас столетия, начиная с нашествия гуннов, заполнились разноплеменными тюркоязычными кочевниками – акацирами, савирами, болгарами, тюрками, хазарами и т.д., которые объединялись в недолговременные (кроме хазар) конфедерации при непрерывной борьбе отдельных племен за главенство. Для нас эта ситуация представляет интерес в связи с использованием старых и созданием новых степных путей, степенью их безопасности, отношением к их охране различных конфедераций племен в разные моменты времени, интенсивностью их функционирования и т.д.

Проблемы воссоздания этнополитической ситуации степного Предкавказья – один из самых сложных и запутанных моментов истории кочевых обществ во второй половине I тыс. н.э. По данной теме имеется обширная библиотека, обобщенная в 60-е годы М.И.Артамоновым [Артамонов, 1962], а в последние годы А.В.Гадло, монографические разработки которого нам представляются наиболее фундаментальными, комплексными и убедительными [Гадло, 1979, 1994, 1998].

Значительно более разработана история этнополитических образований в равнинном, предгорном и горном Предкавказье от Приазовья на западе до Прикаспия на востоке. В самом общем виде это рассмотрено в ряде монографий, статей и обобщающих работ, в частности, и в работах автора [Деопик-Ковалевская, 1958; Ковалевская, 1981, 1984а, 1995б, 2000а], поэтому здесь важно подчеркнуть, что мы имели возможность сопоставить историко-культурные построения, характеризующие границы этнополитичческих образований адыгов, алан и различных дагестанских племен по историческим свидетельствам в различные периоды с археологическими данными - ареалами различных признаков погребального обряда, типов поселений, артефактов, упорядоченных хронологически, причем те историко-археологические факты, которыми мы оперировали, менялись на протяжении времени.

Шестое столетие является временем расцвета или, собственно, демографического взрыва для той части населения Северного Кавказа, которое принято отождествлять с аланами. Если для V в. все пункты, откуда происходят интересующие нас древности, немногочисленны, а количество погребений очень незначительно превышает число могильников, то для VI–IX вв. археологическая карта (см. карту 1) уже насыщена памятниками – сотни поселений и могильников, сотни погребений в могильниках, памятники характеризуются разнообразием вещей, для которых определены четкие даты и ареалы при ощутимой локальной специфике. Исследование этого яркого периода существования на Северном Кавказе аланской культуры поднимает большое количество интересных и дискуссионных проблем, часть которых мы постараемся осветить.

И, почти как парадокс, в нашем распоряжении имеются очень сдержанные данные письменных источников – история населения VI–IX вв. может быть воссоздана нами в основном на археологическом материале.

О всех событиях, происходивших за Кавказским хребтом (если смотреть глазами византийцев и иранцев), мы узнаем только в связи с событиями международной жизни VI–VII вв., когда интересы крупнейших держав мира того времени – Византии и Сасанидского Ирана – столкнулись на Кавказе. Историки раннего Средневековья знали гораздо больше об интересующих нас народах, чем мы можем предположить, но, к нашему величайшему сожалению, далеко не все сведения, которыми они располагали, нашли отражение в источниках, посвященных в основном политической ситуации на Черноморском побережье Кавказа. Древние авторы прекрасно осведомлены о расстановке сил и общем положении описываемых народов, но из этих текстов удается извлечь лишь крупицы информации, представляющей для нас интерес в контексте данной работы. Для VI в. сведения мы черпаем из сочинений Прокопия, Менандра, Агафия, Феофилакта Симокатты, Феофана и Захария Ритора.

Территорию, занятую аланами, Прокопий определяет от пределов Кавказа до Каспийских ворот (я солидарна с точкой зрения Ю.А.Кулаковского, М.И.Артамонова, Г.В.Вернадского, Ю.С.Гаглойти в том, что речь здесь идет о Дариальском проходе, а не о Дербенте, как полагали В.Ф.Миллер, В.А.Кузнецов и Я.А.Федоров). Вторит Прокопию и Захарий Ритор: «За воротами (каспийскими – *В.К.*) бургары со (своим) языком, народ языческий и варварский, у них есть города; и аланы – у них пять городов... Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, эфталит – эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» [Пигулевская, 1941, с. 165]. Граничат аланы в горах Кавказа со сванами и врухами, а на севере – с гуннами и савирами.

Как мы уже говорили в предшествующей главе, силу тому или иному народу в эпоху раннего средневековья давало владение кавказскими проходами, а их было много и помимо Дариальского и Дербентского. Менандр, говоря о Сванети, которая являлась «искрой бедствия – яблоком раздора» для Ирана и Византии в VI в., подчеркивал, что там «проходят скифы». Прокопий подчеркивал, что через Дариал с севера воины «отправляются на своих конях, не делая никаких объездов. Но когда они обращаются к другим проходам, то должны преодолевать большие трудности и уже не могут употреблять тех же лошадей [Прокопий, 1876, кн. I, гл. X, с. 111].

По письменным источникам V – начала VI вв. мы видим алан союзниками Ирана; Прокопий Кесарийский писал о них: «Это – племя независимое, по большей части оно было союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов» [Прокопий, De bell. Got., VIII (IV), 3, 4]. Очевидно, вещественными свидетельствами этих связей с Ираном можно считать богато инкрустированные камнями шарнирные бляхи из погребения V в. в Гиляче, раскопанного Т.М.Минаевой в 1965 г. (рис. 33), из богатого погребения около Кисловодска и в гробнице Кишпека более раннего времени, а также ранние сасанидские геммы из Осетии.

Более 45 лет тому назад мне приходилось писать о том, что кажущиеся противоречия в показаниях письменных источников о союзных и враждебных отношениях алан с Византией объясняются тем, что на Северном Кавказе были две группировки аланских племен, западная и восточная, отличающиеся по своим политическим симпатиям и ориентации [Деопик (Ковалевская), 1958, с. 612–620]. При этом, если восточные аланы были неустойчивы политически и выступали на той стороне, где им в данный момент было выгоднее, то западные проводили гораздо более четкую политическую линию, придерживаясь традиционно дружественных отношений с Византией.

Каспийский прибрежный путь на протяжении более тысячи лет оставался наиболее уязвимым для Закавказья путем северных варваров. Поэтому Хосроем «были построены города, укрепления, валы и многие другие сооружения в области Сул из скал...» [Tabari, I, 895, пер. А.Шихсаидова][1]. Несмотря на эти каменные преграды, в первой половине VI в. савиры проникают в Закавказье, достигая Каппадокии и Понта (508, 513 гг.), Армении, Малой Азии (515 г.), и проводят вооруженные рейды в Иране и Закавказье (540 г.), правда, потерпев к 562 г. поражения от персов.

---

[1] Я приношу извинения моим уважаемым читателям в том, что частично повторяю в данном издании содержание 5-й главы монографии 2000 г. Это вызвано тем, что данная и прудыдущая монографии обращены к разному кругу читателей, поэтому я не могу исходить a priori из знакомства с моими сугубо археологическими вещеведческими штудиями читаталей данной монографии. Между тем хронологическая канва исторических событий I тыс. н.э. в ее возможной полноте необходима для понимания тех археологических материалов, которые будут рассмотрены далее. Литература приведена в монографии 2000 г.

На рубеже V–VI в. по сведениям Прокопия, Дариальским укреплением владеет «гунн Амбазук Иранская этимология имени, совместное участие алан и гуннов в закавказских событиях, вхож дение этой территории в земли алан (сирийские и византийские авторы здесь проводят восточ ную границу алан) позволяют считать для этого времени Дариал, скорее всего, крепостью алан

В начале VI в. гунны с переменным успехом ведут борьбу с Византией за владение Боспором т.е. за выход в Черное море. Если в 520 г. посольство патрикия Проба отправляется к приазовским гуннам через принадлежащий Византии Боспор, то в 533 г. гунны сумели (правда, ненадолго) его захватить. Эти события способствуют усилению связей между Византией, Крымом и северо-западным Кавказом, что отражает процесс континуитета между позднеантичной и ранневизантийской культурой в Северном Причерноморье, в частности на Боспоре, прослеживаемый на материалах нумизматики, эпиграфики и по сохранению традиции в ряде производств. Ю.Н.Воронов предлагая периодизацию византийской политики в Западном Кавказе, выделяет период 527–541 гг. как время строительства ряда линий укрепленных крепостей (абазгские, апсилийские, мисимианские и лазские клисуры), ограждающих причерноморские византийские владения от набегов с севера (через горы) и с востока (от персов)[2]. В 40-х годах VI в. конфликт между Византией и Ираном достиг территории Западного Кавказа. Интересно, что этот конфликт оказался следствием чисто экономических событий. Именно в это время византийская торговая корпорация в Константинополе получила на откуп право монопольной торговли с Колхидой, причем купцы так сильно занизили цены на покупаемое сырье и рабов и так подняли цены на предметы своего экспорта, что население призвало в 542 г. персов, использовав в помощь последним союзных алан и савиров, чтобы избавить страну от владычества Византии. Правда, мы знаем, что уже в 549 г., опять-таки с помощью призванных на помощь (в данном случае скорее западных) северокавказских алан, за солидное вознаграждение персы были изгнаны из Лазики. Именно в это время на исторической арене с востока появляется новая могущественная сила – тюрки. К 545 г. относится укрепление их отношений (в частности, торговых) с Китаем, послужившее началом их консолидации и движения на Запад. С начала 50-х годов, осуществляя свои контакты с Китаем и пользуясь для этого посредничеством согдийцев – основных торговцев восточного отрезка Великого Шелкового пути, заинтересованных в охране этого пути, тюркский каганат начал военные действия за контроль над ним. Вехами этих целенаправленных событий следует считать захват Средней Азии (554 г.), Арала (555 г.), выход на Волгу (558 г.). Во время продвижения на запад отправлены посольства в Византию (558, 562 и 563 гг.) с предложением военно-политических контактов и заключен союз с Ираном (560 и 562 гг.). К 562 г. относится разгром савир и хазар, что непосредственно вывело тюрков в зону и сферу интересов Византии. Залогом этого было владение тюрками широтным трансконтинентальным сухопутным путем в Китай и Индию, который в предшествующее время из Средней Азии проходил по южному побережью Каспийского моря, находившегося в руках Сасанидского Ирана, что делало последнего монополистом в торговле шелком. Согдийские купцы, имевшие сеть торговых колоний на всем протяжении ВШП, пытались получить право на торговлю шелком в Иране. Но оба их посольства к персам (первое состояло из согдийцев, второе – из тюрков) закончились плачевно, что и предопределило на время характер взаимоотношений тюрков и византийцев.

На протяжении 60-х годов тюрки свое основное внимание обращают на закрепление побед в Средней Азии. Опираясь на династический брак с Хосроем и союз с сасанидами, в 567 г. тюрки потребовали от Ирана ту дань, которую ранее получали эфталиты, что, конечно, сразу же привело к напряженности в отношениях недавних союзников. Южный отрезок ВШП оказался закрыт для тюрков, поэтому использованный ими ранее выход на Волгу был закономерным.

Для нас представляет интерес определить фазы борьбы тюрков за господство в Предкавказье и те направления ударов, которые зафиксированы письменными свидетельствами. Придя с востока северным отрезком Великого Шелкового пути, сохранив восточные связи и оценив выгоды владения торговыми путями на всем протяжении и уже господствуя над волжско-кумским выходом в степное Предкавказье, тюрки направляют в 60–80-е годы основной удар на низовья Кубани, с одной стороны, и Терека и Самура – с другой, т.е. пытаются овладеть терско-кубанским равнинным путем.

---

[2] Исследованиями Черноморской экспедиции 2001 г., ставящей своей целью палеогеографическую и историческую реконструкцию Кавказского побережья от Таманского полуострова и далее на юго-восток, в прибрежной части Диоскурии-Себастополиса исследована базилика, строительство которой относится ко времени Юстиниана I [Безрученко, Бжания, Горлов, Поротов, 2002, с. 255–256].

С 567 г. военные действия перенесены непосредственно на запад Предкавказья: покорены хазары (очевидно, расположенные западнее покоренных в 562 г.) и утигуры. Следовательно, основной целью является контроль над приазовским путем, которым пользовались византийские посольства из Крыма через Керчь, через земли дружественных утигур, минуя Кавказские горы. Закономерен был союз тюрков и Византии 568 г., результат которого – военные действия тюрков против Дербента (правда, закончившиеся миром с Ираном в 571 г.).

На событиях 568 г. нам стоит остановиться подробнее, поскольку сведения источников позволяют получить представления об историко-культурной обстановке на Кавказе и в евразийских степях, оценить отношения, связывавшие разные народы и государства, уточнить время возникновения северокавказского отрезка Великого Шелкового пути. Опираясь на анализ импортных шелковых тканей и ряд других находок, найденных в северокавказских раннесредневековых могильниках, А.А.Иерусалимская более тридцати пяти лет назад впервые обоснованно реконструировала постоянно действующий обходный рукав Великого Шелкового пути, назвав его «Северокавказским» [Иерусалимская, 1967, с. 55–78]. Она пишет об этом: «Он был проложен в VI в. – а возможно, и раньше – в обход ближневосточных кордонов, препятствовавших прямым контактам Византии и Средиземноморья со Средней Азией и Дальним Востоком, поставщиками шелка и метаксы – и, одновременно, рынком сбыта «западных» товаров» [Иерусалимская, 1996, с. 227].

Временем установления постоянного функционирования северного трансконтинентального пути мне кажется конец 60-х годов VI в. Почему не раньше? Прежде всего потому, что в предшествующие десятилетия территория Западного Кавказа была плацдармом военных действий между Византией и Сасанидским Ираном и Византии пришлось самой разрушать стены вокруг издавна принадлежавших ей крепостей. Иран, держа под своим контролем все перевалы от выхода гор к Каспийскому морю, вплоть до Приэльбрусья, стремился продвинуться еще западнее, чтобы лишить Византийскую империю возможности непосредственно установить прямые контакты с северокавказскими горцами и равнинными жителями. Именно за то, что Иран не пропускал кочевников в Византию, они ежегодно получали огромные суммы – сотни тысяч номисм. С другой стороны, Византия ежегодно платила непосредственно северокавказским племенам, скорее всего аланам, вдесятеро меньшую сумму, чтобы оградить западнокавказские проходы от степняков, которые могли бы выйти к северо-восточному побережью Черного моря. Поскольку эта оплата подразумевала возможность безопасно пользоваться западнокавказскими перевалами, чтобы «не огибать предгорья Кавказских гор», миссию военачальника Сотериха 555 г. можно считать одним из начальных этапов попыток освоения транскавказского пути привычным для юстиниановской политики способом: передав охрану укреплений местным дружественным племенам (в данном случае более надежным аланам).

Византия для своих сношений с Северным Кавказом преимущественно пользовалась равнинным путем из Боспора – Керчи через пролив в Боспор Азиатский и далее на Кубань. Вместе с тем к середине VI в. налажены были непосредственные контакты с аланами. Следовательно, на Северный Кавказ стало возможным проходить перевалами по земле апсилов (по Кодору), мисимиан и сванов (по Ингуру). Эти племена придерживались провизантийской ориентации, но в 40–50-е годы их земли оказались ареной военных действий Ирана, поэтому в это время Византия в своих сношениях с Северным Кавказом пользовалась обходным путем или пыталась передать горные участки транскавказских путей дружественным ей северокавказским аланам. В результате военных действий мисимиане перебили посольство, захватили имперскую казну и обратились к Ирану с просьбой о помощи. В обращении к персам мисимиане предложили свою военную помощь: «Будем сражаться весьма храбро, и у вас будет местность, расположенная внутри самой территории колхов, – безопасный стратегический пункт, весьма удобный для совершения набегов и являющийся как бы бастионом против врагов» [Агафий, 1953, 115].

Описание борьбы Византии с мисимианами нам интересно в связи с описанием использованных противниками горных дорог, шедших параллельно Кавказскому хребту. Византийцы летом 556 г. пошли от Севастополиса, чтобы проникнуть на территорию мисимиан со стороны апсилов, но встретили на границе объединенные силы персов, мисимиан и савиров. (Интересно отметить, что отряд савиров был приглашен сначала византийцами, участвовал в сражениях с персами, но, оставшись после 555 г. невостребованным, сразу же перешел на службу к персам). После удара Византии в тыл персов и захвата Родополя с наступлением зимы персы вернулись на восток, в Иберию. Византия возобновила военные действия уже на собственной территории мисимиан. Последние потерпели жесточайшее поражение и запросили мира у Византии. Таким образом, с момента заключения шестилетнего перемирия с Ираном в 556 г., вслед за которым был установлен 50-летний мир между воюющими державами, начинается период укрепления

под эгидой Византии торговых транскавказских западных путей. Правда, несмотря на то, что са саниды потерпели поражение в своих устремлениях к Черному морю, у них оставалась с 552 г. Сванети. Византия неоднократно возвращалась к этому вопросу в дипломатических перегово рах (561, 565 гг.), решившись даже купить право на владение этой территорией, но не преуспел в этом. Соответственно Византии для усилившейся к этому времени необходимости в торговы и дипломатических сношениях с Китаем и Индией через кавказские перевалы пришлось огра ничиться западными, не далее Донгуз-Оруна (во всяком случае, до 575 г., пока Сванети не верну лась под власть Византии). Северокавказский Шелковый путь пробивался с двух сторон: с запад и востока, так как и Византия, основной потребитель шелка, и согдийцы, и производители его, и главное, торговцы (естественно, не считая Китая) были одинаково заинтересованы в том, чтобы сломить монополию Сасанидского Ирана. Сделать это оказалось возможным с помощью тюр ков. Мы уже говорили о первых неудачных попытках согдийцев получить от Ирана разрешение на торговлю шелком. В 568 г. в Византию направилось тюркское посольство во главе с согдийцем Маниахом с дарами из шелков «немалой ценности» и с предложением об установлении дружественных отношений. Прошли они независимым от персов северным рукавом Великого Шелкового пути, низовьями Волги, «пересекли Кавказ», но где – неизвестно. Правда, в это время международную обстановку определили византийско-иранский (561 г.) и тюркско-иранский (562 г.) мир что способствовало успешному передвижению караванов по Кавказу и Евразии.

Значительно подробнее и информативнее описано ответное византийское посольство киликийца Земарха (Зимарха), стратига восточных городов Византии. Здесь мы остановимся на ряде моментов, которые оказались освещены при описании этого долгого и насыщенного событиями дипломатического путешествия. Прежде всего – маршрут и сроки. Выезд посольства состоялся в августе 568 г., очевидно, на кораблях и, скорее всего, от Синопы до восточного Крыма; далее через Керченский пролив и Азовское море на Нижнюю Кубань и в землю утигур. Почему же они не воспользовались путем через Кавказ? Мне кажется, что, поскольку караван сформировался на Боспоре и ему предстоял долгий путь, необходимо было на все время сохранить коней и мулов у постоянных участников посольства, а этим коням были непосильны горные кручи перевалов, о чем сообщал, как я писала ранее, еще Прокопий Кесарийский. От Кубани на Нижнюю Волгу «после длившегося много дней путешествия» (около трех месяцев) прибыли в страну согдийцев. Здесь у Менандра интересный штрих, показывавший, в какой мере любой караван, пусть миссия которого ограничивалась дипломатическими переговорами, воспринимался как торговый. В Согде, «сойдя с коней, они увидели присланных туда тюрок, которые предлагали купить у них железо». Конечной целью маршрута была ставка тюркского кагана на Алтае. Земарх со спутниками после получения ответных даров и переговоров отправился в обратный путь совместно с тюркским посольством, возглавляемым Тагмой и хорезмийскими послами, хотя правители многих племен просили у кагана разрешения участвовать в посольстве «для обозрения Ромейского государства». Очевидно, объединенное византийско-тюркско-хорезмийское посольство надежно охранялось, поэтому путешествие в его составе было значительно более безопасным, чем в составе любого торгового каравана. Во всяком случае на долгом степном пути от Алтая до Кубани никаких эксцессов не было. В предкавказских степях от подвластных тюркам угуров стало известно, что на Кубани посольство ожидает четырехтысячный отряд персов. Где на Кубани? Мы не получаем ответа. Персы никогда в Предкавказье не проходили дальше горных перевалов через Кавказ, они отступили уже к 569 г. и из Апсилии и из Мисимии, оставшись только в Свании. Но дальнейшая ситуация дала нам очень важную информацию об этнокультурной обстановке на Кавказе, отношениях алан с Византией и тюрками и, что особенно интересно, впервые в источниках указывались Даринский и Мисимианский транскавказские пути, что явилось основанием для незаконченной и на сегодня дискуссии об их отождествлении с современными западнокавказскими путями через перевалы.

Вернемся к маршруту Земарха в предкавказских степях. После низовьев Итиля и встречи с угурами посольство продвигалось тем степным и безводным путем, которым оно следовало ранее на восток. Дойдя до «озера, где теряется Кубань», т.е. до плавней, и не обнаружив персидской засады, посольство, вместо того, чтобы свободно пройти во владения Византии, направилось к аланам. Почему-то этот необъяснимый и нелогичный факт не привлек к себе внимания исследователей, но нам важно не только понять, чем он объясняется, но и представить себе этот отрезок пути посольства. Еще будучи на берегах Арала, Земарх ускоренным маршем и кратчайшим путем отправил гонца к византийскому императору. Можно предположить, что Земарх ожидал дополнительных дипломатических поручений на Кавказе. Если мы сопоставим сроки передвижения

гонца, отправившегося курьерской скоростью к Каспию, затем через море, очевидно, закавказскими и малоазиатскими сухопутными путями в Византию, с медленным продвижением большого каравана в обход Каспия, то поймем, что запас времени у курьера должен был быть немалым. Земарх мог получить от императора на границах византийских владений ответ. Очевидно, он заключался в желании дипломатической встречи Земарха с аланским владетелем Саросием, который за 10 лет до этого организовал переговоры аваров с Византией, и в необходимости проверки надежности использования транскавказского пути. Попытка Сотериха в 555 г. пройти с юга Мисимианским путем, как мы говорили, кончилась гибелью посольства и временным отложением мисимиан (в связи с проблемой Бухлоона); теперь запланирована была вторая попытка - проверка действием, причем с севера на юг. Как отмечено в источниках, Саросий дружественно принял посольство Земарха, но посоветовал воспользоваться при возвращении более западным Даринским путем, а не Мисимианским, поскольку персидский отряд ожидал посольство с целью нападения в Суании – Сванети. Надо полагать, что с этого момента охрана каравана из рук тюрков перешла в руки алан. Достаточно лаконичные сведения о взаимном расположении этих двух транскавказских путей, которые, как явствует из источника, расходятся между собой (после места встречи Земарха с Саросием) и уходят либо в Апсилию (первый), либо в страну мисимиан, о чем, собственно, говорит название пути (второй), на долгое время остались базой дискуссионной проблемы в кавказоведческой литературе. Не уходя в глубь споров и отождествлений (подробнее см. [Кузнецов, 1993, с. 77–79], хочу повторить свою версию, опирающуюся на сопоставление письменных свидетельств с данными археологии (карты средневековых памятников, карты распространения бус и поясных наборов, военно-топографические карты, результаты сплошного обследования некоторых районов Карачаево-Черкесии и Ставропольского края и т.д.). Мы должны нанести на географическую карту маршрут, каким Земарх пришел в страну алан (x_1), попытаться определить расположение ставки Саросия, где происходила встреча (x_2), соотнести Даринский (x_3) и Мисимианский (x_4) пути с соответствующими речными долинами и перевалами и определить место их расхождения (x_5). Как известно, одно уравнение с пятью неизвестными не может быть решено без дополнительных данных, их мы и попытаемся извлечь из той информации историко-географического характера, которой располагаем для VI в. (подчеркиваю, что я попытаюсь отделить сведения, говорящие о третьей четверти VI в., от более поздних).

Попытаемся использовать путь последовательной подстановки неизвестных, и если полученный результат окажется в согласии со всей системой фактов, то гипотезу можно будет принять. Нам не так важно, каким путем достиг Земарх земли алан, куда он направил лазутчиков в поисках встречи Саросия, но важно, где кончился этот путь (x_1). Шел он либо вверх по течению Кубани (менее вероятно), либо (более вероятно) широтным равнинно-предгорным путем, пересекая в среднем течении левые притоки Кубани – последовательно Лабу, Уруп, Зеленчук, Маруху, вплоть до верхней Кубани. Именно там, как полагают исследователи, и состоялась встреча, очень дружественная по отношению к византийским посланцам и настороженная по отношению к тюркским (последние были допущены до властителя алан после того, как оставили оружие [Артамонов, 1962, с. 136; Кузнецов, 1984, с. 159]).

Отталкиваясь от сведений источника, можно предполагать, что место встречи отстояло от места расхождения Мисимианского и Даринского путей примерно на 15–25 км. Это вытекает из предпринятого Земархом ложного маневра с отправкой 10 носильщиков с шелком по мисимианской дороге за сутки до начала марша Земарха по Даринскому пути, который оставлял слева Мисимианский. Следовательно, за сутки носильщики должны были уйти с места встречи и выйти на мисимианскую дорогу, чтобы посольство, двигавшееся, надо полагать, быстрее, не нагнало бы их. Мы предполагаем, что Мисимианский путь (x_4) шел верхней Кубанью, выходя на перевал Гондарай или Чипер и спускаясь по р. Сакен, Гвандра или Ненскра, т.е. перевалы разной трудности могут вывести с верховьев Кубани к истокам Ингура и Кодора в страну мисимиан.

Даринский путь (x_3) мы связываем с самым легко проходимым перевалом Западного Кавказа – Клухорским, а дорогу – с Военно-Сухумской. Эта точка зрения восходит еще к Ф.Дюбуа де Монперэ, принята она многими современными исследователями [Кузнецов, 1971; Воронов, 1977, 1985, 1992, 1998а, б; Афанасьев, 1979; Ковалевская, 1984].

Приняв предложенное нами отождествление путей и соответственно установив место их соединения на территории современного г. Карачаевска (x_5), возвратимся к определению места встречи Земарха и Саросия (x_2). Как мы уже сказали, оно должно было находиться в 15–25 км от места схождения указанных двух путей и соответственно слияния двух рек, образующих полноводную Кубань, – Теберды и Кубани. Несколько севернее предгорно-равнинный путь пересекал

Кубань и по Маре уходил перевалом Кумбаши к верховьям Подкумка, спускаясь к району Кавказских Минеральных Вод (это продолжение Даринско-Мисимианского пути). Если мы очертим из места соединения путей круг, диаметром в 15–25 км, то в него войдет целый ряд памятников VI-VII вв. (в виде единичных находок, погребений и поселений). Место было очень выигрышно расположено – долинные пути пересекались многочисленными водораздельными скотопрогонными тропами, ведущими на альпийские пастбища. Скорее всего, место встречи было на высоком правом берегу Кубани, возможно, там, где через два века забелели монументальные стены крепости Хумара.

Перейду к разбору иных точек зрения на расположение Даринского и Мисимианского пути, исходя из мудрого высказывания Бируни: «Знание ошибки ошибающегося помогает постижению правоты правого» [Бируни, с. 249]. Разведка путей по Б.Лабе привела В.Н. и И.В.Каминских к мысли, что это Даринский путь, с чем согласился В.А.Кузнецов [Каминская, 1988, с. 222]. Из Апсилии Санчарским перевалом этот путь идет к истокам Б.Лабы, далее по Урупу вплоть до Кубани, затем Кубанско-Егорлыкским междуречьем, Грачевкой, Калаусом и объединяется с Мисимианским путем (который, по последним взглядам В.А.Кузнецова, соответствует Даринскому пути в нашем понимании).

Следовательно, эта точка зрения В.А.Кузнецова противоречит его же представлению о том, что место встречи Саросия и Земарха находилось на Верхней Кубани. Имеются и другие факторы, говорящие против такого западного отнесения Даринского пути. Все археологические памятники, известные нам в Лабинско-Урупском междуречье, датируются не ранее VIII в., а в подавляющем большинстве – более поздним временем, IX–XI вв. Кроме того, коль скоро Даринский путь прокладывался во второй половине VI в. как обходный северный рукав Великого Шелкового пути, он должен был более оптимально соединить византийские порты восточного побережья Черного моря (Фазис, Себастополис) через перевалы Западного Кавказа, земли дружественных алан и степное Предкавказье с низовьями Волги. Следовательно, он должен был быть максимально приближен к направлению с юго-запада на северо-восток, чему не соответствовал путь Санчарско-Лабинско-Урупский, слишком сильно уходящий меридионально на север, и, безусловно, соответствовал путь с Клухорского перевала на Теберду, Мару, Подкумок, Куму и низовья Волги.

Определенную информацию можно извлечь из изучения этимологии названия пути – Даринский. Оно содержит в себе иранский корень «darana», означающий в авестийском «местопребывание», «держание». Глагол «daryn», по мнению В.И.Абаева [Абаев, 1958, с. 343–347], входит в ряд выражений «содержать», «присматривать», «наблюдать», что характеризует Даринский путь как находящийся под охраной и присмотром, а поскольку он, безусловно, находится на территории алан, то под охраной последних. Сплошными разведками автора в Карачае и окрестностях Кисловодска была открыта система регулярно расположенных (в 2–3 км друг от друга) небольших каменных крепостей по всем скотопрогонным и караванным путям – долинным и водораздельным, от выходов в степь (район Кавказских Минеральных Вод) до верховьев Кубани. Однотипность этих крепостей и равновеликость относящихся к ним сельскохозяйственных территорий говорит о единовременности их возникновения и некой политической силе, которая стояла за этим крепостным строительством. Мы связывали это явление со строительной деятельностью «владетеля» «царя» алан Саросия, известного нам по византийским источникам между 558 и 572 гг. (что, конечно, не ограничивало время деятельности Саросия), следовательно, возникновение крепостей по тому пути, который мы отождествляем с Даринским, следует относить к третьей четверти VI в. (что подтверждается датами катакомб, расположенных рядом с крепостями). Еще важно отметить, что конструктивные особенности этих крепостей [Ковалевская, 1984; с. 143–150], в частности, сплошная линия крепостной стены цитадели с напольной стороны с внутренними башнями и без входных ворот в ней, имеют аналогию со строительными особенностями крепости Вахтанга Горгасала конца V в. в Череми (Кахети), раскопанной Н.Ф.Мамаиашвили [Мамаиашвили, 1988, с. 14; Mamaiashvili, 1991]. Если учесть активное участие алан в закавказской антииранской коалиции и в их объединенных действиях с Вахтангом Горгасалом, о чем мы уже писали, и то, что ареал «каменных крепостей» уходит в горную Северную Осетию, становится ясным, что эти строительные приемы в Закавказье V в. могли оказать влияние на особенности строительного дела алан VI в.

Возвращаясь к этимологии названия Даринский, кажется не случайной связь северного обходного Шелкового пути со словом «dari», обозначающим шелковую ткань [Абаев, 1958, с. 345], сохранившимся в дигорских сказаниях и современных осетинском, кабардинском и вейнахском языках и восходящим к персидскому «darai» – шелковая ткань. Обе этимологии указывают на

важность для Северного Кавказа Даринского пути, ведшего от западнокавказского перевала до Итиля, тогда как Мисимианский путь в своем названии сохраняет локальный характер (при этом отражает его закавказский отрезок). Если мы вернемся к существующим в кавказоведческой литературе отождествлениям указанных путей, то нельзя не рассмотреть точку зрения Ю.Н.Воронова, прекрасного знатока горного Кавказа, прошедшего пешком бо́льшую часть западнокавказских перевалов разной степени сложности. Относительно Даринского пути у нас нет разногласий, а Мисимианский путь Ю.Н.Воронов уводит слишком далеко на восток, ведя его восточными склонами Эльбруса по Баксану, вплоть до соединения его с Даринским в степях Прикумья [Воронов, 1998б, рис. 12], что, на наш взгляд, не соответствует нашему основному источнику. Правда, этот баксанский путь, многократно выделенный в компьютерных картах распространения бус, в частности VII в., скорее всего характерен не для VI в., а для VII в. и более позднего времени. Нельзя согласиться и с А.В.Гадло, считающим Даринский путь Дариальским (вслед за Рейнеггсом и Клапротом), хотя бы потому, что он выходит не в Апсилию, а в Картли и во второй половине VI в. находился под контролем Сасанидского Ирана.

Конец 60-х и начало 70-х годов VI в. характеризуются стремлением тюрков подчинить себе Каспийский проход, они подступают к Дербенту и заключают мир с Сасанидским Ираном. В это время, по свидетельству источников, тюркам оказываются подвластны аланы (по причине кратковременности, мы не находим следов этих событий в археологических памятниках). Наместником приазовских земель и правобережья Кубани становится Турксанф, которому подчинились утигуры [Гадло, 1979, с. 96]. Именно в его ставку в 576 г. прибывает византийское посольство через Крым и Приазовье, в чем А.В.Гадло справедливо видит алано-тюркский антагонизм [Гадло, 1979, с. 99]. Уже в 579 г. тюрки захватывают Боспор, в 580 г. громят Колхиду, стремятся захватить Херсон. Но с 80-х годов начинается полоса поражений тюрков на востоке – восстал Хотан, Иран и эфталиты, усилился Китай, в 581–583 гг. был сильный джут. В это время, воспользовавшись неурядицами тюрков, Византия восстанавливает свою власть на Боспоре. К самому концу VI в. тюрки сходят с исторической сцены как главенствующая сила, перестав существовать в виде тюркского каганата к 602 г., но продолжают участвовать в кавказских событиях вместе с хазарами.

Говоря о событиях на Северном Кавказе в третьей четверти VI в., византийские авторы упоминают «вождя», «владетеля» или «царя» западных алан Саросия (Сарозий, Сародий или Сарой). На всем протяжении своего правления (а упоминается он в 558 и 572 гг.) он проводит определенную и последовательную политику союза с Византией, тогда как восточные аланы в 550–551 гг. в составе персидских войск вторгаются в Колхиду, а в 562 г., во время правления Саросия, даже совершают поход на Восточную Грузию, заставив ее подчиниться Ирану.

Опираясь на источники, мы можем представить себе территорию подданных или, вернее, единоплеменников Саросия – это верхняя Кубань, Пятигорье и современная Балкария: только здесь оставались в это время неподвластные Ирану перевальные пути, а в них и была в первую очередь заинтересована Византия. Ведь в пору самых напряженных схваток с Ираном, как мы уже говорили, ей нужно было не порывать связей со степью, чтобы искать себе новых союзников в этой борьбе. Во владении и защите этих проходов аланами был залог их союза с Византией. Действительно, именно к Саросию в 558 г. обратились авары с просьбой помочь им завязать дружеские отношения с Византией, и Саросий сразу же сообщил об этом начальнику византийских войск в Лазике Юстину, который и передал просьбу императору Юстиниану. О силе и влиянии Саросия свидетельствует желание византийского посла к тюркам Земарха на обратном пути представиться владетелю Алании, причем сопровождавших его тюркских посланников Саросий допустил до себя лишь после того, как они сложили оружие.

Проводить такую определенную и твердую внешнюю политику можно было, только опираясь на прочные тылы, что, на наш взгляд, связано с существованием в конце VI в. или в начале VII в. серии поселений с системой «строго продуманной организации обороны» [Иессен, 1941, с. 24–25] как раз по всем горным долинам, уходящим к перевальным путям. Появление значительных масс населения (не из степи ли?) в предгорных и горных районах, поражавшее нас до последнего времени своей неожиданностью и массовостью, получает объяснение. Находит свое объяснение и общность материальной культуры верхнекубанских, пятигорских и малкинско-баксанских памятников, причем единообразие западных памятников значительно заметнее, чем восточных, византийские влияния (прослеживаемые особенно по бусам и монетам) в них заметно сильнее. Очевидно, для Византии Саросий был ценен не только как военный союзник, поставщик военных дружин, сколько как «владетель» и устроитель своей земли, надежная защита посольств, и торговых караванов, использующих северокавказские пути.

Седьмое столетие, выделенное нами в качестве второго хронологического периода, является прямым продолжением предыдущего, если не считать того, что тюрки сошли со сцены и их роль перешла к хазарам, а население в Византийской империи к этому времени после эпидемии и войн сократилось на 40%. Византийская империя оставалась в своих прежних пределах: Крым и восточное побережье находились в тесной связи и зависимости от нее. Правда, силы ее были направлены в Центральную Европу: если к 601 г. относится победа над аварами, то уже в 626 г. авары осаждают Константинополь. Союзные Византии «народы севера» тюрки и (или) хазары в этот же год нападают на Закавказье, осаждают Тифлис, т.е. опять стремятся взять в свои руки восточно-кавказские пути. Эти события, связанные с целым комплексом важных для нашего рассмотрения проблем, обеспечены рядом разноязычных источников, восходящих к разным историческим традициям, и заслуживают специального рассмотрения. Начать с того, что именно в связи с византийско-иранскими взаимоотношениями 625–628 гг. можно ставить вопрос о роли, этнической принадлежности и составе армии «народов севера» и, в частности, о проблеме смены в предкавказских степях и Прикаспии тюрок хазарами и времени этого столь важного для нашей темы явления в историко-политической жизни.

Для истории VII в. особое значение имеет труд «История страны алуанк», сложный свод источников, объединивший разнородные сочинения VII–X вв., одновременные описываемым в них событиям или отстоящие от них на одно-три столетия. Авторство в XII–XIII вв. было приписано Мовсесу Каланкатуаци (Киракосом Гандзакеци) или Мовсесу Драскуранци (Мхитар Гошем), что отразилось в русскоязычной и западноевропейской историографии. Начиная с хранящейся в Матенадаране рукописи 1761 г., через полный русский перевод К.Патканова 1861 г. и Ш.В.Смбатяна 1984 г. автор этого интереснейшего источника вошел под именем Мовсес-Кал(г)анкату(в)аци, что мы сохраняем в нашем дальнейшем изложении. Между тем в западноевропейской науке, где в отрывках это сочинение было известно в переводе с 1846 г. после полного перевода К.Д.Доусетта в 1961 г. принято в качестве имени автора Дасхуранци [Цукерман, 2001, с. 315]. Исследования этого источника за последние полтора столетия привели к тому, что на основании перепроверки сведений византийских и армянских авторов удалось по годам и месяцам определить перипетии сражений, походов и переговоров, опираясь на обоснованные выделения разных сочинений в «Истории страны алуанк» и уточненную дату их написания.

В связи с экскурсом о «народах севера» особую важность представляют источниковедческие штудии К.Цукермана, опиравшиеся не только на переводы, но и на источник в подлиннике и посвященные расчленению второй главы, откуда исследователи и черпали основные данные по интересующим нас событиям (глава IX–XVI, Каланкатуаци, 1984, с. 74–83]. К.Цукерман в этом «ярком и подробном повествовании», включившись в разные группировки и перестановки глав и абзацев К.Д.Ф.Доусетта, Д.Ховард-Джонсона и А.Акопяна, предлагает свое членение второй книги: главы 9–11 относятся к источнику А, главы 12–16 – к источнику В. Более ранним, современным событиям, является источник В, который К.Цукерман датирует сороковыми годами VII в, тогда как источник А «отражает восприятие события многие годы спустя» [Цукерман, 2001, с. 317] Правда, наиболее интересные, возможно, относящиеся к народной традиции сведения, содержатся именно в гл. XI, когда описывается вторжение хазар «бесчисленной толпой».

«Но когда владетель их князь увидел ту огромную добычу, золотые изделия и сосуды, пышные одеяния и множество угнанных (в плен) людей и скота, захваченных во время набегов, про себя решил (на следующий год) самому перейти на эту сторону. И вот он распорядился, чтобы все, кто находился под его властью, все племена и роды, проживающие в горах или долинах, на суше или на островах, оседлые или кочующие, бреющие головы или носящие косы, чтобы все они были готовы (явиться) по первому же зову его» [Каланкатуаци, 1984, с. 78].

В следующих строках идет речь о том, что это был Джебу Хакан с сыном, разрушивший укрепленный мощными стенами город, и как страшны были эти «волны моря взбушевавшегося... страшное множество людей безобразных и широкоскулых, без ресниц, которые с длинными распущенными, как у женщин, волосами, мчались верхом на конях, страх великий объял их, тем более когда увидели они, какие те искусные стрелки, как из тугих луков они обрушивали на их головы настоящий град стрел, как, подобно кровожадным волкам, свирепо набрасывались на них, безжалостно истребляя всех на улицах и в переулках города» [Каланкатуаци, там же].

Исследователями, как правило, эти главы, несмотря на ряд фактических несоответствий известным нам историческим событиям (Хосров I перепутан с Хосровом II в связи с основанием города «больше, чем Антиохия», а Ираклий с Константом II), воспринимались как целое. К.Цукерман акцентировал наше внимание на том, что когда о нашествии «народов Севера» говорит со-

временник, то из этнонимов, связанных с этими событиями, упоминаются гунны и тюрки (последнее, правда, связано с гипотетическим, хотя и очень соблазнительным, прочтением К.Цукерманом слова «туркан», со ссылкой на К.Менгеса, как «тюрок», тогда как Ш.В.Смбатян переводит его со ссылкой на Р.Очаряна как «гонец» [Каланкатуаци, 1984, с. 201], а К.Д.Ф.Даусетт – как «посланник»). Хазары же упоминаются в источнике А, что подкрепляет точку зрения К.Цукермана в пользу тюркской, а не хазарской принадлежности «народов Севера», участвовавших в событиях 627–628 гг., правда, рассматривать эту гипотезу как доказанный факт еще рано. С какого момента можно принять формулировку Феофана «тюрки – называемые хазарами» и как ее понимать – как смену одного главенствующего кочевого племени другим или только как смену имен, покажет время. А вот то, что действующие в Закавказье «северные армии» могут включать в себя как кочевые, так и оседлые племена, как степные, так и предгорные, позволяет нам предполагать, что в указанных событиях в Закавказье могли участвовать и аланы, тем более, что использовались как каспийский путь через Дербент, так и центральнокавказский через Дариал. На восточное Предкавказье, скорее всего в Прикаспийский Дагестан в царство гуннов, Ираклий отправил своего посланца Андрея, «обещая (в дар) великие и несметные сокровища», чтобы «насытить алчность златолюбивого, звериных нравов народа косоносцев», – читаем мы в сочинении, написанном не позднее 640 г. [Каланкатуаци, 1984, с. 81]. Интересно, что вернулся Андрей с тысячным отрядом «отборных воинов–всадников, искусных лучников» Джебу–Кагана; молниеносным кавалерийским рейдом через Дербент и сухопутным путем вдоль Куры они прошли до Черного моря, проплыли до двора императора Ираклия, вновь подтвердили клятву и вернулись восвояси, чтобы отправить обещанное войско. 629 г. ознаменован концом ирано-византийских войн. В это время болгары Кубрата создают Великую Болгарию (632 г.) и под их контролем оказываются степные пути в междуречье Кубани и Дона. Тогда же на международной арене появляются арабы – они захватывают в 634 г. Сирию и Месопотамию, в 635 г. – Дамаск, в 640 г. – Египет, в 643 г. – Двин (основной меридиональный путь Закавказья), в 651 – «абхаз, алан, хазар», в 653–654 гг. – Тифлис. С середины VII в., или с 60-х годов с образования Хазарского каганата и разгрома тюрков, начинается самостоятельная политика хазар в Закавказье – разгром арабов в 653 г., борьба за Дербент в 662 г. Так же, как и тюрки, хазары стремятся захватить владенья в Крыму (655 г.) и Приазовье (в результате в 660 г. Аспарух уходит на Дунай)[3]. Правда, попытки хазар продвинуться в Закавказье через каспийский проход терпят крах (660 г. – победа Джеваншира). Пользуясь этим, Византия усиливает свои позиции на западе, опираясь на алан (в 660 г. аланы захватывают крепость Букулон – Бухлоон на Мисимианском пути в горах, которую до этого Сотерих пытался им передать), Только с помощью западных алан Византия может обезопасить свои передвижения по ВШП – по Даринскому и Мисимианскому путям, что нашло отражение в ряде компьютерных карт распространения бус и монет на Кавказе.

После того, как Закавказье к середине VII в. признало власть арабов, а восточно-византийские провинции оказались потеряны Византией, все основные сухопутные и морские трансконтинентальные пути на Ближнем Востоке оказались под контролем арабов. Новая сила на Кавказе – хазары – со второй половины VII в. включается как равноправный партнер в раздел сфер влияния. Хазары укрепляют свой тыл на просторах юго-восточной Европы от низовьев Волги до Дона. Положение «третьей силы» заставило их в период арабо-хазарских войн то искать дружбы и союза с Византией, то простирать свою власть на подвластные Византии территории. Но в отличие от Византии, Ирана и сменившего последнего Арабского халифата хазары непосредственно и постоянно действуют на просторах Предкавказья и прежде всего они начинают борьбу за господствующее положение среди кочевников азово-каспийского междуморья. Как мы читаем в еврейско-хазарской переписке, «они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их... Они прогнали их и заняли их страну» [Коковцов, 1939, с. 92]. Далее они, как мы уже отмечали, пользуясь наступлением Византии против персов (622 г.), укрепляют свои позиции в равнинном и предгорном Дагестане. Объединившись с тюрками и пользуясь союзом с Византией, хазары все свои силы устремляют на Дербент (620 г.), пытаясь взять под контроль как сухопутную и морскую транскаспийскую торговлю, так и узел пересечения долготных и широтных дорог на Куре (осада и взятие Тифлиса в 627–628 гг.).

---

[3] Подробно это рассмотрено в исследовании К.Цукермана о первых контактах хазар и Византии [Цукерман, 2001, с. 312–333].

И только во второй половине VII в. они направляют свои силы на захват западного узла транзитных путей: в 655 г. – Крым, в 670 г. – разгром болгар, завершившийся уходом последних на Дунай и Среднюю Волгу. В момент обострения арабо-византийских войн в Средиземноморье хазары вновь закрепляют за собой Дербент, проникая в Закавказье (684, 689 гг.), чтобы вновь отступить от Дербента в 693 г. Следовательно, на протяжении VII в. мы видим продолжение тех же событий, что и ранее. Не прекращается борьба за владение приморскими путями между хазарами и Византией (на западе) и арабами (на востоке). Занятые борьбой в Закавказье, крупные державы – Византия и арабы, пока еще не делают усилий по проникновению к северу от Кавказского хребта. Усиливаются аланы, держатели западнокавказских перевалов, крепости которых оказываются и на южных склонах Большого Кавказа, хотя, очевидно, в самом высокогорье. Нам известно, что византийские посланцы пользуются и приазовскими равнинными и транскавказскими путями, а оживленные торговые и культурные связи не прекращаются, несмотря на военные действия в Закавказье, которые в свою очередь увеличивают потребность в наемниках с Северного Кавказа. Как мы показали, возникновение Хазарского каганата и политическая его активность на полтора века почти полностью вытеснили имя алан со страниц письменных источников. После событий, связанных с посольством Земарха, долгие годы византийские авторы молчали о Северном Кавказе, но одно из событий конца VII в. должно привлечь наше внимание в связи с историей северокавказских алан.

К 695 г. относится свержение императора Юстиниана и отправление его в ссылку в Херсонес, где он женится на дочери (или сестре) хазарского кагана Феодоре, который к этому времени захватил почти весь Крым, и переезжает в крепость Дорос в горном Крыму, а затем на Таманский полуостров, в Фанагорию. У армянского писателя VIII в. Вардапета Гевонда мы читаем: «Юстиниан, ушедши в землю хазаров, женился на дочери царя хазарского Хакана и просил у него помощи. Тесть Юстиниана отправил сильное войско, а с войском некоего Трвега, мужа могущественного. Достигши Константинополя, Юстиниан победил в битве соперников и снова утвердился в царстве. Трвег между тем был убит в сражении, а войско хазарское отослано обратно с превосходными подарками и с большим приобретением» [Гевонд, 1862, с. 11, 136]. Несколько иначе описывает эти события Феофан. Поскольку Юстиниан II не скрывал своих планов на реставрацию императорской власти, то правивший в Византии в это время Тиверий III потребовал у кагана выдать его живым или мертвым, но Юстиниан II, предупрежденный женой Феодорой, бежал в Дунайскую Болгарию, а скорее в Таматарху, провел там зиму с 704 на 705 г. и во главе «булгар и славинов» осадил Константинополь, который и захватил, восстановив себя в императорском достоинстве [Успенский, т. I, с.727]. В этих событиях ему помог военачальник (спафарий) Лев – будущий император, родоначальник Исаврийской династии, пребыванию которого на Кавказе мы обязаны нашими сведениями о северокавказских аланах начала VIII в. На спафария Льва император Юстиниан возложил сложную миссию – укрепить связи империи с аланами и за солидную сумму денег организовать их походы на территорию абасгов, которые вместе с лазами еще в 697 г. восстали против Византии, призвав себе на помощь арабов [Кулаковский, 1912, с. 56; Успенский, т. II, с. 5; Воронов, 1975, с. 152].

На протяжении 5–6 лет спафарий Лев является участником полных драматизма и неожиданностей событий, разворачивавшихся в земле алан, абасгов и апсилов. К нашему величайшему сожалению, император Лев Исавр не оставил записок, и всю информацию о происходивших событиях мы можем почерпнуть только у историка Феофана, не бывшего ни современником, ни тем более их участником.

При Льве в руках Византии оставался лишь Фазис (соврем. Поти), с востока надвигались арабы, гарнизоны которых уже заняли ряд лазских, апсилийских и абасгских крепостей, а с севера росла мощь хазарской державы, причем не только, как мы уже отмечали, в Крыму, но и на Итиле, в Дагестане, степях и в горах Кавказа. Лев Исавр попал в Закавказье, в Фазис, морским путем через Трапезунт. Ту солидную сумму денег, которою снабдил его для передачи аланам Юстиниан II, он временно оставил в Фазисе, сам же в сопровождении нескольких местных жителей, верных Византии, направился через Апсилию к аланам, чтобы организовать нападение последних на земли абасгов и санигов. Лев Исавр с группой спутников, проводников и переводчиков выбрал Апсилийский путь, давно известный и широко использовавшийся в древности кавказский участок Великого Шелкового пути [Иерусалимская, 1967, 1972; Бгажба, Воронов, 1980, с. 42].

Льва Исавра на Северном Кавказе встретил с почетом владетель алан Итаксис. Миссия увенчалась успехом: даже не из-за денег (они ведь были оставлены в Фазисе), а из «любви к императору» – аланы вторглись в Абасгию через горные проходы, опустошили ее и вернулись с добычей.

Абасги, узнав о роли Льва в этих событиях, сообщили аланам, что обещанные им за эту карательную экспедицию денежные суммы возвращены Юстинианом II в Константинополь, они же со своей стороны предлагают 3000 золотых монет за выдачу им Льва. Аланы проявили здесь те свои особенности, которые мы отмечали и для более раннего времени – устойчивость своего дружественного к Византии отношения, ответив отказом. Второе предложение – уже 6000 золотых монет – аланы решили использовать для рекогносцировки проходов через Кавказский хребет из своей страны в Абасгию, что им должно было бы понадобиться в дальнейших военных действиях. «Мы отпустим вместе с абасгами наших людей, изучим их ущелья, разграбим и опустошим их земли...» [Феофан, см. Чичуров, 1980, с. 66]. Дав притворное согласие на выдачу спафария, аланы получили богатые дары от абасгов, передали Льва связанным, но сами, во главе с Итаксисом, направились следом, чтобы уже за перевалом отбить его, перебив всех сопровождающих абасгов, и затем вновь опустошить страну.

Все эти действия, собственно, и были задуманы Византией как наказание неверным абасгам. Поэтому византийский император обратился к абасгам с письмом, обещая им прощение, если они дадут беспрепятственно вернуться спафарию Льву в Византию. Абасгов эта перспектива устроила, они даже предлагали отправить аланам заложников в обмен на Льва, которого они намеревались вернуть в Византию, но, не веря их слову, Лев стал ждать другой возможности вернуться на родину. Возможность эта скоро представилась. Пользуясь тем, что силы арабов были надежно заняты на восточной оконечности Кавказа (к 711–712 гг. относится поход Джерраха на хазар), византийский отряд двинулся из Фазиса на крепость Археополис – Цихе-Годжи, первый и самый значительный город у лазов, по словам Прокопия Кесарийского, закрывавший путь с Черноморского побережья в Восточную Грузию. Сейчас, после многих сезонов полевых работ грузинских археологов, это пожалуй, один из наиболее впечатляющих раннесредневековых городов-крепостей Грузии. Стоя перед мощными двойными стенами из аккуратно пригнанных камней или перед монументальными воротами, столь высокими, что в них можно проехать на крытой экспедиционной машине, глядя на базилику, стоящую и сейчас среди зелени, на неприступный господствующий над крепостью холм цитадели, покрытый лесом, понимаешь, как силен был этот город. Осада Археополиса отрядом византийцев и армян была спешно снята из-за получения ими сведений (как выяснилось потом, ложных) о движении арабских войск на помощь осажденным. Отряд вернулся в Фазис, но от него отделилось около двухсот человек, которые с грабежами поднялись к областям Апсилии и Кавказских гор [см. Чичуров, 1980, с. 66]. На свой риск и страх они решили пробиться к аланам, которые, узнав о том, что они «остались в Кавказских горах и предавались грабежам» [Чичуров, там же], сообщили об этом Льву. Последний, взяв с собой отряд в 50 человек, в мае, не дожидаясь таяния снегов, пошел с севера на соединение с ними. Отряд Льва спускался на специальных «снегоступах»–«круглых лыжах» – скорее всего это широкие лыжи, возможно, покрытые шкурами, описанные еще Страбоном: «Зимой вершины гор недоступны, а летом люди поднимаются на них, подвязывая к ногам из-за снега и льда утыканные шипами куски сыромятной бычьей кожи по форме литавров» [Strab, XI, V, 6].

Воссоединившись с небольшим византийским отрядом, Лев решил пробиваться к морю и подошел к крепости Сидерон, которую одни исследователи отождествляют с Тцахаром на левом берегу Кодора, другие – со знаменитым апсилийским Цибилиумом-Цебельдой [Воронов, 1975, с. 153]. Лев обратился к Фарасману, владетелю Сидерона, подчинявшемуся арабам, хотя и дружественному Армении, с предложением вновь подчиниться Византии и помочь ему и его расширившемуся византийско-аланско-армянскому отряду выйти к морю.

Получив отказ, Лев Исавр устроил засаду на подступах к крепости, пленил многих ее защитников и начал осаду. «Крепость, однако, была мощной, и ромеи не могли ее захватить. Марин, первый из апсилийцев, узнав об осаде крепости, был охвачен страхом, думая, что со спафарием большое войско» [см. Чичуров, 1980, с. 67]. Опираясь на помощь подошедшего к нему с 300 воинами апсилийского правителя Марина (или Маринэ), обманным путем Лев Исавр захватил крепость, которую за три дня разрушил и разграбил. После этого отряд Льва Исавра с торжественным эскортом в лице «первого из апсилов» Маринэ, был отправлен с большими почестями из Апсилии в Трапезунт и вернулся к императорскому двору, снабдив нас ценными сведениями относительно алан, абасгов и апсилов накануне кровавого похода арабов. Мы позволили столь подробный, опирающийся на имеющиеся источники рассказ, чтобы после сухого перечисления сражений иметь возможность оживить наши представления о реалиях происходивших на северозападном Кавказе событий, хоть в некоторой мере почувствовав себя очевидцами.

События последнего из рассматриваемых в работе хронологических периодов VIII–IX вв. на столько разнообразны и насыщены, что разбирать их подробно, членя на этапы, не представляется возможным. Мы постараемся на фоне событийной канвы рассмотреть эту проблему более в географическом, чем хронологическом плане. В начале VIII в. назревает конфликт Хазарии и Византии из-за Херсона (710 г.) – важнейшего центра ремесла и торговли в Северном Причерноморье. Последующие десятилетия (не менее, чем до конца VIII в.) характеризуются устойчивыми дружественными отношениями Византии и Хазарии в связи с их борьбой против арабов. Походы арабов на алан, хазар и царство Серир повторяются неоднократно, и, хотя взаимоотношения алан и хазар усложнились (721/722 гг.), совместные действия против арабов объединяют их. Впервые за долгое время плацдармом военных действий становится Предкавказье. Арабы в своих военных походах пользуются целым рядом восточнокавказских перевалов, проходя как через Большой Кавказ, так и через меридиональные хребты, отделяющие Дагестан от Чечни (Керавнские горы). За тридцатилетие арабо-хазарских войн (708–737 гг.) мы знаем восемь арабских кампаний и пять хазарских, которые завершились не только победой арабов, но даже временным принятием хазарами мусульманства. Эти противоборства переходят и во вторую половину VIII в. Усиливается давление хазар на дагестанские и аланские племена (769 г.), продолжаются вторжения в Закавказье (764, 799 гг.), особенно после объединения хазар и алан в 773 г. Эти события привлекли внимание А.В.Гадло, в серии работ которого мы находим очень интересную интерпретацию сведений Дербент-Намэ относительно восточного Предкавказья с его административно-территориальной единицей Ихран в пределах Хазарского каганата, управлявшейся представителями хазарской аристократии. Связь этнотопонима Ихран с корнем «Ир», «Иристон» безусловна географически – это территория прежде всего восточных алан, но также, возможно, и местных горцев центрального и восточного Предкавказья. На рубеже VIII–IX вв. Ихран входит в более протяженную, занимавшую степные пространства и равнины от левобережья Сулака до правобережья Терека (включая и верховья левых его притоков) область Гелбах-Кюльбаг. Эта область, по мнению А.В.Гадло, была наиболее значительной в Хазарии, во главе ее стоял наместник Хаким, существовало постоянное войско во главе с братом (или сыном) хазарского кагана. С конца VII в. использовались рудники серебра и меди, доходы с которых, так же как харадж с местной иудейской общины, шли в казну, что мы рассмотрели особо [Ковалевская, 2004, с. 94–95, Kovalevskaia, 2004, p. 147]. В плане алано-хазарских взаимоотношений можно рассматривать возникновение стеклоделательного производства в Центральном Предкавказье [Ковалевская, 2000а, с. 216–218, 2002а, с. 53–56; 2002б, с. 52–68], основанного как на использовании стеклянного боя, так и с использованием «легкоплавкого» многосвинцового стекла. Тот довольно удивительный факт, что на относительно ограниченной территории (в данном случае в Кюльбаге) почти одновременно создается несколько стеклоделательных мастерских, изготавливающих бусы, разных и по характеру сырья, и по ассортименту продукции, и по принятым разнообразным приемам изготовления бус, свидетельствует об организации ремесла центральной властью. Интересно, что просуществовали они не намного дольше, чем Хазарский каганат, т.е. в основном до X в., лишь в Дагестане, возможно, несколько дольше. Восточно-предкавказская географическая общность, где наблюдается максимальная концентрация местных типов бус, связанная равнинными, предгорными и высокогорными дорогами и перевалами, объединила в рамках Хазарского каганата ираноязычных алан, горцев Ингушетии и Чечни и разноплеменных жителей Дагестана в пределах Ихрана. Как отметил А.В.Гадло, в это время многие восточнокавказские этнонимы стали известны хазарам в «аланской огласовке». Поэтому те арабские походы, перечень которых мы привели, объединяют в качестве противников хазар и алан, поскольку арабы пользуются Дар-и-аланским проходом, уходя далее в Хазарию и достигая даже низовьев Волги, или же одновременно двумя армиями вступают в Хазарию через Дариал и Дербент.

После похода 731(2) г. хазар (очевидно, с аланами) на Ардебиль арабы в 737 г. захватывают у алан три крепости. Эти крепости гипотетически идентифицируются: одна – с так называемым «Замком Тамары» в Дариальском ущелье, давно известным исследователям, но не подвергавшимся раскопкам, другая, открытая нами при раскопках могильника VI–IX вв. Чми-Суаргом, представляет собой укрепленную крепость на скальном мысовом отроге при слиянии Терека с его левым притоком Суаргомом, которая закрывает выход в ущелье, уходящее широтно в высокогорную Северную Осетию. Третья должна находиться на противоположном берегу Терека, закрывая Джераховское ущелье, широтный путь на территории современной Ингушетии, уводящий через высокогорные перевалы в Ассинскую котловину и на территорию Горной Ичкерии (наличие могильников указанного времени в этих местах подтверждает эту мысль). Эти горные узлы

пересечения меридиональных и широтных путей около тридцати лет оставались под прямым контролем арабов, ограждая захваченное арабами Закавказье от северных завоевательных или грабительских походов (до 763, 767 гг.). Арабы в 20-е годы VIII в. начинают продвигаться далеко на запад, Джеррах пытается проникнуть в Хазарию через Абхазию. В 30-е годы, когда многие из богатых жителей Картли пытаются скрыться в западных кавказских пределах, арабы начинают свое движение на Византию через ее восточные провинции. Они захватывают и удерживают Лазику, Апсилию, Абасгию вплоть до Анокопии (Н.Афон), разоряя все города на морском побережье. Правда, в отличие от восточных областей, в западных арабы не уходят далеко в горы, и проблема владения горными проходами продолжает решаться в рамках византийской политики. Сопоставление сведений о Сотерихе, Земархе и Льве показало, что начало VIII в. при продолжающейся местной торговле через перевалы характеризуется усилением интереса Византии и алан к более западным перевалам. На протяжении VIII в. Хазария начала выходить на Даринский путь, стремясь овладеть всем Кубанским меридиональным путем. На Кубани создается монументальная и мощная Хумаринская крепость, ниже по течению в районе Старокорсунской создается в это же время из переселенных из восточного Предкавказья алан и болгар пограничный населенный пункт.

Равнинные кубанско-терские пути, последовательные этапы освоения которых в политике тюрок и хазар рассмотрены нами ранее, к середине VIII в. (особенно в связи с устойчиво дружественными отношениями Хазарского каганата и Византийской империи) оказались целиком подвластны хазарам. Особенностью путей времени Хазарского каганата является то, что они представляют собой сеть далеко идущих меридиональных путей, у которых всегда есть точка пересечения с Кавказским хребтом (на юге), и выход в степные пространства (на севере). Вместе с тем широтные пути, идущие в степях, равнинах и предгорьях параллельно направлению Большого Кавказа, многократно пересекают меридиональные. Цель их – соединить Каспийское море с Азовским и низовья Дона с низовьями Волги. Это пути переселения северокавказских алан и болгар на Дон и Северский Донец (с одной стороны) и на Волгу (с другой), что отражает политические и торговые устремления хазар. В результате на всех узловых пунктах хазары создают таможенные заставы. Они владеют проливом из Черного (Румского) в Азовское (Хазарское) море, обладая Смкрц-Таматархой на азиатском берегу, и Крц-Керчью на европейском, когда из византийского владения последняя перешла, как справедливо считает С.Б.Сорочан, в состояние византийско-хазарской кондаминатной территории. Волжский путь, пересекающийся в низовьях широтными сухопутными путями, закрывается на ключ Итилем, куда переносится столица хазар и где встречаются как «северное золото» – пушнина, так и восточные драгоценности, пришедшие сюда Ургенчским путем, т.е. все то, что циркулирует по Великому Шелковому Пути из Византии, Китая и Индии.

После освоения Хазарским каганатом земель по Дону и Северскому Донцу на пересечении сухопутных и водных путей на левобережье Дона в 834 г. с помощью Византии создается Саркел – укрепленная крепость, караван-сарай и таможня. Из всех восточноевропейских трансконтинентальных и местных путей в изучаемое время вне прямых посягательств Хазарии оставался только Днепровский путь, хотя и он косвенно был использован путем наложения таможенных пошлин в Азовском море.

А Кавказ во все рассматриваемое время остается тем мостом, который традиционно связывает Византию, Ближний Восток и более далекие восточные страны с Европой. При этом Северный Кавказ остается тем географическим пространством, где протекала жизнь местного кавказского населения, включавшего в себя разноэтничных и разноязычных пришельцев, создавших собственный неповторимый мир.

§ 2. Основные бытовые памятники и история их изучения

Археологические памятники VI–IX вв. Центрального Предкавказья изучены крайне неравномерно и неполно. Дело заключается в том, что могильники подчас представлены несколькими разрозненными погребениями, которые не всегда можно точно датировать, а поселения, как правило, нам известны по разведочным работам и поэтому их можно датировать только в самых широких пределах. Процесс накопления археологических источников по раннему средневековью Северного Кавказа на протяжении последних полутора столетий представляет специальный интерес, но мы можем дать ему лишь самую краткую характеристику. Рассматривать все эти вопросы в исторической последовательности мы не имеем возможности, тем более, что в тех многочисленных исследованиях, которые рассматривают раннесредневековую археологию Северного Кавказа по различным регионам и в целом, историографическим вопросам уделено специальное внимание [Ковалевская, 1981, с. 83; Савенко, 2000, с. 123–130; Чеченов, 2004, с. 208–210]. Достаточно сказать, что каждый из нанесенных нами на карту (карта 1) памятников неоднократно был обследован, описан, издан с той или иной полнотой, использован в различных работах публикационного и обобщающего характера. Исторически древности Северного Кавказа вошли в научный оборот прежде всего в качестве материалов из могильников, что позволило создать хронологическую шкалу и приступить к воссозданию историко-культурной последовательности аланских древностей. Аланские поселения не только очень мало подвергались раскопкам, но еще в меньшей мере их материалы были опубликованы, поэтому данная часть нашего исследования больше опирается на материалы полевых отчетов археологов Москвы, Санкт-Петербурга и Северного Кавказа, хранящихся в архивах, чем на соответствующие издания. Положение осложняется тем, что из всего обширного региона Центрального Предкавказья только для Кабардино-Балкарии, Чечни и Ингушетии изданы археологические карты [Чеченов, 1969; Виноградов, Марковин, 1966], требующие, правда, в настоящее время существенных дополнений, тогда как для других районов работу пришлось проделать автору (см. приложение № 1).

Работы советского времени в плане изучения раннесредневековых поселений следует начинать с деятельности комплексной Северокавказской экспедиции А.А.Миллера в 1923 г., когда археологические исследования стали производиться по плану и впервые была поставлена задача изучения поселений. Силами А.А.Иессена (1941), Б.Е.Деген-Ковалевского (1936, 1939), А.П.Круглова (1938), М.И.Артамонова и Г.Б.Подгаецкого в довоенное время были обследованы раннесредневековые поселения в равнинных районах долины Терека и Сунжи, давшие представление о хозяйстве, уровне ремесленного производства, системе фортификации и принципах домостроительства жителей степей и равнин Центрального Предкавказья.

Довоенный этап накопления археологических материалов был завершен работой Б.Е.Деген-Ковалевского, помещенной в макете «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» [Деген-Ковалевский, 1939, с. 176–186] и работой А.А.Иессена [Иессен, 1941, с. 23–27]. Вместе с тем уже в довоенное время Е.И.Крупнов и Т.М.Минаева начали полевые работы на Северном Кавказе. Последняя приступила к планомерным и комплексным исследованиям труднодоступных районов горного Кавказа в верховьях Кубани (Гиляч, Узун-Кол, позднее Адиюх), которые она проводила ежегодно до конца 60-х годов [Минаева, 1949, 1950, 1955].

Обобщение новых материалов на уровне конца 50-х годов было произведено нами в разделе «Северокавказские аланы» «Очерков истории СССР» [Деопик (Ковалевская), 1958, с. 622–623], когда к городищам равнин Терека и Сунжи, известным в основном по довоенным работам, были добавлены материалы раскопок Т.М.Минаевой на Адиюхе.

Определенную интегрированную оценку характера работ центральных учреждений, местных краеведческих музеев и научных институтов в том или ином регионе Кавказа на следующем этапе мы можем получить, проанализировав краткие сообщения в сборниках «Археологические открытия» с момента их выхода [АО 1965, М., 1966] до последнего времени[4]. В среднем, отчеты, относящиеся к полевым работам на территории Северного Кавказа (от Кубани до Дагестана, не включая Таманский полуостров и Подонье), составляют 20 статей ежегодно, колеблясь в отдель-

---

[4] В издании «Археологических открытий» существует досадный перерыв между 1988 и 1993 г., поэтому процентные подсчеты сделаны для первых 22 лет, а последнее десятилетие рассмотрено отдельно в сопоставлении с первым условно двадцатилетним периодом.

ные годы от 1–5 до 28–29. Отчеты, содержащие сведения о раннесредневековых поселениях, в среднем составляют около их пятой части (колеблясь, в свою очередь, от 12–15 до 36%). Правда, сюда включаются как отчеты, посвященные раскопкам отдельных поселений (такие отчеты единичны), так и отчеты, содержащие данные по осмотру, топографической съемке и шурфовке поселений (материалы к археологической карте). В целом можно отметить некоторую тенденцию к общему росту числа отчетов на протяжении первого двадцатилетия, что характеризует общий процесс расширения раскопочных и разведочных археологических работ у нас в стране, тогда как заметного увеличения интереса к анализу поселений не наблюдается. В этом плане выгодно отличаются работы Дагестанского филиала Академии наук, где велись и ведутся многолетние планомерные работы на целом ряде раннесредневековых поселений (Урцеки, Чир-Юрт, Бавтугай, Андрей-Аул, Дербент, Агач-Кала и т.д.) с изданием полевых отчетов и обобщающих исследований. Что же касается рассматриваемой нами территории Центрального Предкавказья, то отчеты, содержащие сведения о поселениях, географически распределяются очень неравномерно – 45% приходится на Карачаево-Черкесию и Ставропольский край, 15% на небольшой по площади район Кавказских Минеральных Вод, всего по 5% и 7% на Кабардино-Балкарию и Северную Осетию и 28% на Чечню и Ингушетию. Причем, если недостаток объема полевых работ в последнее двадцатилетие на поселениях Кабардино-Балкарии в определенной мере устраняется изданными материалами к археологической карте И.М.Чеченова, то неизученность раннесредневековых поселений Северной Осетии остается досадным пробелом в наших знаниях о истории алан I тыс. н.э., поэтому изучение поселений представляется задачей первостепенной важности.

В пределах Центрального Предкавказья выделяется ряд локальных вариантов культуры – степные районы к северу от Кавказских Минеральных Вод, долина Терека и Сунжи, Верхнее Прикубанье с районом Кавказских Минеральных Вод и Кабардино-Балкарией, предгорные и горные районы Северной Осетии, Чечни и Ингушетии. В целом аланская культура Центрального Предкавказья делится на западный и восточный локальные варианты, а они, в свою очередь, по ряду признаков (в частности, по керамике и отдельным видам украшений) могут быть разделены на подварианты. Причем эти отличия в большой мере определяются ландшафтной приуроченностью древних бытовых памятников, поскольку различные геоморфологические зоны создавали разные условия для развития производящей экономики (при разном соотношении земледелия и скотоводства) и давали человеку разный материал для изготовления жилых и оборонительных сооружений. Среди аланских укрепленных поселений могут быть выделены две группы: в предгорьях и горных районах Карачаево-Черкесии, горах Кабардино-Балкарии и Осетии – поселения с оборонительными сооружениями из камня (так называемые «каменные крепости») и в равнинных областях, прежде всего Терека и Сунжи – с оборонительными сооружениями из рвов и валов, в конструкции которых использовался глинобит или сырцовые кирпичи и блоки (так называемые «земляные городища») (рис. 20, 21). Концентрация первых в верховьях Кубани вызвала появление гипотезы В.А.Кузнецова [Кузнецов, 1973, с. 70] о специфичности их для западного локального варианта аланской культуры, в противовес «земляным», характерным для восточного. Накопление материала показало, что городища первой группы выходят из пределов западного варианта (как он понимался ранее), занимая не только горные районы Балкарии, но и Северной Осетии, тогда как городища второй группы на равнинах доходят до Кубани (Дружбинское городище).

Если проследить, в какой мере постепенно увеличивался материал, то следует сказать, что в конце 50-х годов известны единичные поселения [Деопик (Ковалевская), 1958, с. 623], 134 поселения были нанесены на карту В.А.Кузнецовым в 1973 г. [Кузнецов, 1973, карта № 1], сведения о 70 поселениях с каменными стенами были известны в 1981 г. [Ковалевская, 1981, с. 84] и, наконец, предложенная в данной работе карта с нанесенными на нее 120 поселениями существенно углубляет и расширяет наши представления.

Рассмотрим связь между накоплением материалов по интересующему нас вопросу на примере исследования одного из наиболее перспективных для археологического изучения районов – Кавказских Минеральных Вод. В специально посвященном этой теме докладе С.Н.Савенко показал, что интерес к местным древностям насчитывает уже столетие. Десятки выдающихся кавказоведов из различных научных центров приняли участие в полевых и исследовательских работах, включив полученные материалы более чем в 500 публикаций [Савенко, 2000, с. 124]. Начиная с 1969 г., вплоть до 1982 г., мне посчастливилось проводить раскопки и разведки на Кавказских Минеральных Водах и в Карачаево-Черкесии силами Средневековой археологической экспедиции Института археологии РАН (см. АО 1969, 1971, 1973, 1975–1982].

В 1996–2000 гг. проводилось сплошное обследование археологических памятников Кисловодской котловины кисловодским отрядом Института археологии РАН под руководством Д.С.Коробова в рамках проекта по созданию географо-информационной системы (ГИС) «Археологические памятники Кисловодской котловины», возглавляемого докт. ист. наук Г.Е.Афанасьевым [Афанасьев, 2002, с. 7–10]. В 2001–2004 гг. разведки Д.С.Коробова были продолжены за счет грантов РФФИ (руководитель В.Б.Ковалевская). Исследованные разновременные археологические объекты были привязаны к системе географических координат при помощи приборов спутниковой навигации Trimble Navigation и Garmine III+Global Positional System (GPS), получили первичное описание и фотофиксацию их современного состояния. Затем полученные во время полевых работ основные данные (долгота, широта, название памятника, его тип и культурная атрибуция) заносились в ГИС, а полная информация – в базу данных (БД) «Археологические памятники Кисловодской котловины» [Коробов, 2002а, с. 70–72]. В настоящее время монография Г.Е.Афанасьева, С.Н.Савенко и Д.С.Коробова «Древности Кисловодской котловины» находится в печати, причем заранее следует отметить, что уровень профессиональных знаний авторов, так же как новизна примененных естественнонаучных методов и объем представленных в монографии материалов, являются залогом качественных изменений в наших представлениях о динамике культурно-исторических процессов древнего и средневекового Кавказа.

Укрепленные каменными стенами и башнями аланские поселения предгорий и гор Центрального Предкавказья отличает систематичность (при наличии групп) в расположении, зрительная связь между ними, небольшие размеры, использование естественно укрепленных мысов и останцов (в небольшой степени обжитых уже в позднесарматское время), употребление камня для сооружения крепостных стен и изредка – рвов, вырубленных в скале (см. карты 1, 5, 38, 40, 41. Приложение 1). Приведем некоторые цифровые характеристики, раскрывающие указанные положения. Прежде всего ареал. Сплошной площадью они занимают пространство от Урупа на западе (№ 2, 4) до линии Пятигорск (№ 292, 293), Гунделен (№ 650), Каменномостское (№ 313), Герменчик (№ 340), верховья Чегема (№ 366, 369), причем, если западная граница берется нами исходя из принятых по данным письменных источников рубежей аланской культуры в междуречье Лабы и Урупа, то восточная повторяет очень четко границу зоны предгорий и равнин, идя параллельно ей и отступая в сторону предгорий на 20–40 км, примерно так же, как это мы наблюдаем для северных границ на всем протяжении. Южная граница идет по высокогорью, хотя и не по самым верховьям рек (за исключением Узун-Кола № 76 на Кубани), а по линии, идущей параллельно водораздельному хребту, но севернее (см. карту 38). Зависимость концентрации крепостей (далее для удобства поселения с каменными стенами мы будем называть крепостями) от геоморфологических зон западной части Центрального Предкавказья безусловна и подтверждается следующими соотношениями: занимая примерно равную площадь в предгорных и горных районах, они в предгорных районах представлены 97 памятниками, а в горных – только 15 (тогда как на равнинах их известно всего 3). Причем объяснять эти цифры неравномерностью исследования нельзя, поскольку открытые поселения дают обратную картину – на равнинах они представлены 9, в предгорьях – 28, а в горах – 29 памятниками. Если выразить информацию в процентах, то в предгорьях крепости составляют 78%, тогда как в высокогорье только 35%. Концентрация их увеличивается с запада на восток. В среднем течении Кубани, на Теберде, Зеленчуках и Урухе их процент колеблется от 55% в предгорьях до 27% в горах, тогда как в верховьях Кубани, на Индыше, в верховьях Мары, Кумы, по Подкумку и его левым притокам они концентрируются в предгорьях (причем на относительно небольшой площади их зафиксировано сейчас около 70, что составляет более половины всех поселений с каменными стенами Центрального Предкавказья).

Сплошное обследование правых притоков Подкумка позволило определить, что поселения, расположенные часто группами по 2–4, находились на удобных скотопрогонных путях на летние пастбища, у источников, на мысах куэсты. Подсчеты по точным картам показали, что среднее расстояние между наиболее близко расположенными крепостями составляет всего 1,9 км, колеблясь от 1 км (как правило, между крепостями, расположенными на противоположных склонах глубоких долин) до 4 км. Интересно, что эти подсчеты, опирающиеся на собранный нами в 1969–1982 гг. материал, дают очень точные соответствия в материалах Г.Е.Афанасьева и Д.С.Коробова. Так, для памятников Подкумка и отрогов Джинальского хребта «расстояния между городищами, вытянутыми в одну линию (составляют) 1,8 км» [Афанасьев, 2002, с. 8], в долине Аликоновки – 0,9 км. Для памятников среднего течения Кубани (между Карачаевском и Джегутой) это расстояние в среднем равно 3 км, по нашим подсчетам, что близко расстояниям между городищами Бургустанского хребта, оцененным Г.Е.Афанасьевым в 2,9 км. Правилом оказывается то,

что в зрительной связи оказываются не только крепости одной долины, но благодаря крепостям, расположенным на водоразделах, они связаны с поселениями соседних долин (например, Эшкакона и Аликоновки, Аликоновки и Березовой и т.д.).

Особую тему, освещение которой возможно лишь при сплошном обследовании определенной территории, когда можно быть уверенным, что отсутствие памятников на археологической карте является не следствием неполноты наших знаний, а отражает действительное положение вещей, составляет определение потенциальных экономических зон – сельскохозяйственной территории, тяготеющей к каждому населенному пункту. Ряд европейских работ на тему «поселенческой археологии» позволил выработать эффективный и простой метод моделирования этого явления путем построения окружностей или многоугольников с центром на каждом поселении (метод Кристаллера), заполняющих все исследуемое пространство; мы успешно использовали его при исследовании аланской этнотопонимии в Западной Европе для IV–V вв. [Ковалевская, 1989, с. 20–21; 1992, с. 34–85]. Он оказывается особенно эффективным для памятников, расположенных в широкой долине Кубани. В случае с расположением крепостей на правых притоках Подкумка сама расчлененность куэсты долинами небольших притоков, берущих начало из родников, по которым проходят дороги с зимних пастбищ на летние, очерчивает естественные границы сельскохозяйственной территории, относящейся к каждой крепости. Анализ карты археологических памятников в районе Кисловодска на площади примерно в 150 км² дал нам: 38 крепостей, 12 открытых селищ (итого 50 поселений) и 25 катакомбных могильников, 9 могильников из скальных захоронений, 2 полуподземных склеповых, 1 из каменных гробниц и 1 из грунтовых могил (итого 38 могильников, число которых следует несколько сократить за счет тех случаев, когда в одном могильнике использовались погребальные сооружения разных типов, например, у Березовского пчелосовхоза (№ 125), в районе Лермонтовской скалы и т.д.

Интересно, что мы имеем возможность и эти цифры сопоставить с тем массивом информации, которым исследователи располагают сегодня. Д.С.Коробов на 2000 г. [Коробов, 2000а, с. 64–65] приводит статистические данные по разным видам средневековых памятников, которые приходятся на 345 км² (примерно вдвое большая площадь) – при примерно вдвое большем числе укрепленных поселений (38–91). Разница очень велика при подсчете неукрепленных поселений, которые ранее не подвергались специальному исследованию (12 – 169). Интересно на конкретном материале определить среднюю территорию, приходящуюся на одно укрепленное поселение. Членение всей рассматриваемой нами территории между имеющимися памятниками так, чтобы участок очерчивался по естественным границам (водоразделы, ручьи, края долины) и на каждом участке располагалась одна крепость и желательно один могильник, показало, что эти площади примерно равновелики и колеблются от 1 км² (очень редко) до 5 км² (тоже редко). Средняя площадь составляла 3,3 км². Правда, в этих долинах поселения не поднимались выше определенных абсолютных высотных отметок, соответствующих расположению в настоящее время зимних кошар или конюшен Малокарачаевского конного завода; там же, где и сейчас альпийские пастбища используются только летом под выпасы и под сенокосы (Бермамыт, Бийчесын)[5], мы не находим и средневековых поселений или же находим открытые поселения и каменные загоны для скота типа абхазских «ацангуара».

В районе среднего течения Кубани укрепленные крепости имели бóльшую площадь сельскохозяйственной округи, равную 6,8 км² для крепостей (№ 123, 124, 128 и 135) и даже 10,3 км² для крепостей № 144–148, что может объясняться как плохой сохранностью памятников на этой давно активно используемой территории, когда не все имевшиеся памятники нам известны, так и тем, что исследователи не ставили перед собой задачи сплошного обследования. Следовательно, анализ сельскохозяйственной территории, относящейся к каждой крепости, по материалам окрестностей Кисловодска говорит о том, что мы имеем равные по социальному смыслу и хозяйственному укладу поселения, а их расположение группами, однотипность, структурная близость, зрительная связь, даты относящихся к ним могильников свидетельствуют об их одновременности и взаимосвязанности. Сводя имеющиеся материалы в таблицу «Характеристика раннесредневековых каменных крепостей» , мы получаем возможность сравнивать их между собой по одним и тем же параметрам.

---

[5] Исследования Г.Е.Афанасьева совместно с географами МГУ палеоклиматических условий эпохи раннего средневековья привели их к выводам, что последние «значительно отличались от современных в сторону более теплого и сухого климата» [Афанасьев, 2002, с. 254], что позволяет считать, что современные пастбища использовались в эпоху раннего средневековья как сельскохозяйственные угодья.

Характеристика раннесредневековых каменных крепостей

№ п/п	Название	Река	Расположение (мыс, холм, плато, останец)	Длина, м	Ширина, м	Площадь	Число частей	Кол-во рядов стен	Наличие башен	Наличие рвов	Исследованность. I – разведки, II – пл., III – шурф, VI – раскопки	Мощность культурного слоя	Находки жилищ	Наличие их	Дата, век	Могильники
8	Лохматый бугор	Б.Зеленчук		36	24	400 м²	1	1	–		+	–	–			
23	Клевцовское	Б.Зеленчук, прав. берег	плато	80	60–280	19–14 га	5	5	Б	+	II					
25	Курлукское	–«–	–«–			6 га	3	3	Б	+				+	VI–XII	
27	Балановское	Б.Зеленчук, лев. берег	холм	30	24–40	5–6 га	2	2	Б	+	II	–	+	+	X–XIII	
37	Алиох	М.Зеленчук, прав. берег.	мыс	40	40–300	6 га	3	3	Б	2	раскопки		+	1	VI–XII	каменные гробницы
41	Байтал–Чапкан	–«–	ост.	23	20–90	1 га	2	1		1	II					катакомбы
71	Амгата	Теберда	плато, холмы	60	300	16	3	2+2		ов-раг	II				VI–XI	каменные гробницы, склепы, скальные захоронения
77	Узун-Кол	Кубань	мыс	25	110	1 га	2	2	+	+			+		VI–IX	грунтовые погребения, кам. гробницы
91	Сыллар-Арт	Кубань – Ин-лыш	холм	200	180	3,6 га	1	1			II		+			скальные захоронения, склепы
87	Джаннуку	–«–	мыс	17	20	0,3 га	1	1					13			
94	Джаныгын-Кала	–«–	мыс	10	100	0,5 га		1	1		II		+			скальные захоронения, п/п и надз. склепы
99	Гиляч	Кубань	ск.мыс	25	200	5 га	2		2		раскопки	0,3–0,8			(V) – VI–XIII	
122	Инджур-Гата	–«–	ск.мыс	110	80	0,5 га	2	2	+						IX–XI	скальные захоронения, п/п, надз. склепы, каменные гробницы
135	Сары-Тюз	–«–				5 га		1				1,2 м			VI–VIII	скальные захоронения и каменные гробницы
124	Каракент	–«–	мыс	275	35	1 га	3	2	+				+			
144	Учкулька	–«–	мыс	750	100	7,5 га	2	2	+		II					
142	Тепик-Кая	–«–	мыс	180	100	1 га	1	1	+			0,2 м				скальные захоронения
151	Кызыл-Кала	–«–	мыс	860	300	12 га	3	3	+	+	II					
168	Красный Восток I	Кума	мыс	362	50–95	2,2	3			2	III	0,5–0,7	+	+	VI–IX	катакомбы и курганы
169	–«–	–«–	мыс				4	1	+						VII–X	
170	Камбыстакуар	–«–	мыс				1	1								

171	Улу-Дурбулла	Подкумок	мыс	240 (1200)	200 320	2,4 га 5 га	3	3	+	III		+	1	VIII	каменные гробницы
172	Первомайское № 1	–«–	холм ост.	195	18–50	0,7 га	3			П	2			VI–XII	
173	Первомайское № 2	–«–	холм	335	8–60	0,1 га	3		+	П	2			VI–XII	скальн. захор., катакомбы, грунт. мог., камени. гробн., скальн. захор.
190	Эпикаон № 1	Эпикаон	мыс	40	30	1200	2	2	+	П	просм				
191	Эпикаон № 2	–«–	мыс	58	40	900	3	3		П					скальн. захор.
206	Клин-Яр № 1	Подкумок	мыс	370	200	3,7 га									катакомбы и грунтовые захоронения
20	Клин-Яр № 2	–«–	ост.	350	15										

К сожалению, только очень малая часть поселений подвергалась раскопкам или шурфовке, далеко не на всех поселениях производилась топографическая съемка, делались замеры, давались характеристики необходимых показателей. А поэтому даже по достаточно схематичной программе мы располагаем для подсчетов по результатам наших работ довольно полными данными всего по 28 поселениям и неполными данными еще по 20. Пользуясь этим ограниченным материалом, мы остановимся на характеристике основных показателей. Поселения с каменными стенами располагались на труднодоступных мысах куэст (в большинстве случаев) или останцах, вершинах холмов или кряжей, имея в пределах каменных стен по длинной оси от 36 м (№ 8) до 900 м (№ 151, 186), а по короткой от 24 м (№ 8) до 300 м (№ 196). По площади они очень разнообразны – от 800 м² до 80000 м² (и те и другие крайности редки), но анализ числового ряда площадей показал, что выделяется несколько размерных групп, отличающихся между собой на порядок, т.е. сведенные вместе эти наблюдения дают нам не одновершинную кривую, с монотонным возрастанием показателей, а многовершинную, поэтому вычисление среднего размера не представляется целесообразным. Мы группируем размеры, исходя из имеющихся данных, следующим образом:

I группа – до 1500 м² (9 поселений), напр. Узун-Кол, № 77;

II группа - от 1501 до 10 000 м² (18 поселений), напр., № 87–94, 123;

III группа – от 10 001 до 50 000 м² (10 поселений), напр., № 41, 124, 142;

IV группа – от 50 001 до 100 000 м² (7 поселений), напр., № 37, 71.

V группа – свыше 100 000 м² (4 поселения).

Но дав такую сплошную шкалу размеров, хочу подчеркнуть, что в пределах каждой из выделенных групп используется небольшой их диапазон. Например, поселения на Аликоновке, где на протяжении 8 км обнаружено 13 крепостей, по основной долине (не считая двух крепостей и трех селищ на боковых притоках) распределяются следующим образом: в I группе поселения площадью в 800 и 975 м²; во II группе – 1650, 1800, 3600 и 4800 м²; в III группе – 12600 и 13500 м² и в IV группе – 80000 м². Это наводит нас на мысль, что увеличение размера поселений происходило не путем медленных приращений, а скачкообразно, и нашей задачей является попытка объяснить это явление. В этой связи коротко остановимся на предложенных в литературе классификациях поселений с каменными стенами и посмотрим, насколько они согласуются с имеющимися в настоящее время фактами.

Необходимо сопоставить предложенные версии классификаций поселений с каменными стенами между собой [Кузнецов, 1961; Алексеева, 1971; Афанасьев, 1975; Ковалевская, 1981; Биджиев, 1983][6] . Эта задача осложнена тем, что в каждом случае классификация создана для небольшой части материала (подвергается анализу несколько десятков поселений), узкой территории (памятники Карачаево-Черкесии у Т.М.Минаевой, Е.П.Алексеевой и Х.Х.Биджиева и поселения района Кавказских Минеральных Вод у Г.Е.Афанасьева). Не проис-

[6] Я рассматриваю предложенные разными археологами классификации для памятников Центрального Предкавказья, не включая сюда литературу по салтово-маяцким памятникам, представленную большим количеством статей, монографий и сборников.

ходит рассмотрения по подробному коду, не выделены более (или менее) существенные признаки, не дана их количественная характеристика, не выбрано единое основание для деления. А если к этому присовокупить, что абсолютное большинство зафиксированных в наше время поселений не подвергалось даже шурфовке, а раскопки производились лишь на считанном их числе (Адиюх, Архыз, Указатель, Гиляч, Горное Эхо и Хумара) и небольшими площадями, то нет достаточного основания для того, чтобы решить конкретные вопросы классификации поселений. Выше мы уже показали, что если принимать за основу размеры, то следует анализировать весь числовой ряд, обращая внимание на концентрацию наблюдений вокруг определенных значений, которые, очевидно, и являются выражением искомой закономерности.

Статья Г.Е.Афанасьева «Поселения IV–XI вв. района Кисловодска» [Афанасьев, 1975, с. 53–61] отличается наличием планов поселений и жилищ, характеристикой размеров поселений и описанием материала из культурного слоя. Автор принимает за основу классификации характер укреплений. Для первого типа – это стены-башни, представленные длинными прямоугольными зданиями, перегораживающими мыс. Заметим сразу, что Г.Е.Афанасьев отмечает условность выделения этого типа, поскольку в одном случае (№ 229)[7] поселение полностью сейчас разрушено карьером, в другом (№ 245) оно не раскопано. Добавим к этому, что наши раскопки на Указателе свидетельствуют скорее в пользу того (см. ниже), что это двух- или трехчастная сторожевая башня, пристроенная к основной оборонительной стене с внутренней стороны.

Второй тип выделяется по наличию в качестве укреплений только сторожевых башен (№ 214, 240). Наши обследования указанных памятников показали, что без раскопочных работ у нас нет оснований отрицать наличие крепостных стен, в таком случае пропадает основание для выделения этого типа. Тем более, что сопоставление с Узун-Колом [Афанасьев, 1975, с. 55] говорит против позиции автора, поскольку по реконструкции Т.М.Минаевой башня является частью оборонительной стены [Ковалевская, 1981, рис. 59]. Нет также оснований видеть в сторожевых башнях района Кавминвод аналогию с башней из поселения у хут. Ильич на р. Куве (приток Урупа), представляющей собой по реконструкции А.В.Гадло сооружение иного типа, имеющее аналогию в раннесредневековых сагинских крепостях р. Мзымты в районе Красной Поляны [Ковалевская, 1983, с. 119–120; 2000а, с. 220] и отражающее иную линию развития раннесредневековой фортификации.

Выделенный Г.Е.Афанасьевым третий тип объединяет подавляющее большинство раннесредневековых поселений – это «цитадели, защищенные башней с крепостной стеной» [Афанасьев, 1975, с. 55]. Приведенный им список (№ 37, 76, 238 и 258) в настоящее время можно существенно увеличить. К четвертому типу Г.Е.Афанасьев относит поселения, огражденные несколькими рядами стен без башен (№ 207, 217, 258, 648). Опять-таки, как и при характеристике второго типа, очень ненадежно брать за основу выделения типа отсутствие признака, притом что памятники не раскопаны. Не исключено, что автор прав в своих построениях, но отсутствие видимых на поверхности следов развала башен (или стен) далеко не всегда говорит о том, что последняя не существовала, так как будучи построена часто вплотную к стене (башне) она может быть погребена под ее развалом. Основным выводом, который можно сделать при анализе предложенной типологии, является то, что все построения, опирающиеся только на материалы осмотра памятников без раскопок, страдают неопределенностью и нуждаются либо в пересмотре и уточнении предложенных допущений, либо в создании более надежного аппарата для анализа, либо в констатации того факта, что при современном уровне знаний по данному вопросу в нашем распоряжении нет достаточных оснований для создания убедительной и непротиворечивой классификации. Если мы обратимся к последней из рассматриваемых по времени публикации – работе на эту тему Х.Х.Биджиева, данной им в приложении к книге «Хумаринское городище» (1983), то должны будем отметить в ней ряд недоработок в плане строгости и однозначности в подходе к классификации. Не вызывает сомнения правомерность выделения неукрепленных поселений (первая группа), но остается неясным, следует ли выделять вторую группу поселений «без сплошной линии обороны» [Биджиев, 1983, с. 146], так как неясен характер башен (жилые? боевые?), на основании наличия которых определяется группа и кажется неверным выделение в ней подгруппы «поселения раннегородского типа», таких как Рым-Гора и Архыз, поскольку здесь формально-типологические характеристики заменены социально-экономическими, что неправомерно, и,

[7] Во всех случаях мы приводим нумерацию крепостей, принятую нами в карте 1.

кроме того, упущен необходимый фактор «единства времени», поскольку сопоставляются разновременные поселения. Третья группа укрепленных поселений по Х.Х.Биджиеву, членящаяся на две группы, соответствует третьему и четвертому типам Г.Е.Афанасьева и фактически объединяет большую часть введенных в настоящее время в научный оборот археологических памятников, которые мы объединяем как поселения с каменными стенами.

Четвертая группа – феодальные замки – датирована X в., выделена по социальному признаку, причем предложенное определение не имеет ни археологического, ни исторического обоснования. Еще более чем принципы классификации, уязвимы датировки Х.Х.Биджиева. Прежде всего в предшествующих данной книге публикациях Х.Х.Биджиева и в рассматриваемой работе не приводится убедительных данных относительно датировки поселений, в частности первой группы, предлагаемой в целом как IV–VII вв. Необходимо признать, что ни для памятников Карачаево-Черкесии, ни в целом для Центрального Предкавказья не существует стратифицированной колонки керамики, сделанной по материалам (или с учетом) керамики с поселений, так же как и нет стратифицированных поселений, которые могли бы служить в качестве эталона для всего рассматриваемого периода. Правда, отдельные опорные материалы все же имеются. Для VIII–IX вв. это керамический комплекс Хумары, хотя не следует забывать об уникальности этого памятника для Центрального Предкавказья, что накладывает определенные ограничения на характеризующие его материалы. Для Карачаево-Черкесии это материалы Аднюха, Узун-Кола, Архыза, для района Кисловодска – материалы Указателя, Аланской Крепости, Горного Эха.

Другим, а часто и основным, источником для определения даты поселений служит дата могильников, расположенных в непосредственной близости от поселения. Если даты могильников определяются достаточно точно и надежно, то остается всегда два вопроса: полностью ли отражают известные нам материалы могильника весь диапазон существования поселения, и относятся ли все известные нам разновременные могильники с различными типами погребальных сооружений, окружающие данное поселение, именно к нему и на всем ли временном континууме, который они характеризуют. Прежде чем на конкретном материале, в частности, на эталонном для района Кавминвод поселении Горное Эхо, сопоставить данные, которые можно почерпнуть из микротопографии могильников, расположения поселения и его сельскохозяйственной округи, остановимся на истории изучения этого памятника (№ 245, первоначальное название в литературе «у Отстойника Кисловодского озера» впоследствии было заменено названием «Горное Эхо»).

На основании публикации В.А.Кузнецова [Кузнецов, 1961, с. 209–210] можно получить представление о культурном слое, который имел мощность до метра и состоял из золистого грунта, слабо насыщенного керамикой. Подъемный материал невелик, поскольку поверхность задернована, и представлен керамикой сероглиняной с полосатым лощением, аналогичной той, которая известна из погребений VII–IX вв. Находка В.А.Кузнецовым котлов с внутренними ушками и особенно амфор позволяет скорее всего расширить эту дату до конца I – начала II тыс. н.э.

Позднее этот памятник был исследован Г.Е.Афанасьевым [Афанасьев, 1975, с. 57], выявившим по западинам и всхолмлениям контуры отдельных помещений. Серьезные и планомерные исследования начаты в 1995 г. И.А.Аржанцевой, занимающейся «проблемой исторических и палеоландшафтных условий возникновения и эволюции аланских поселений, их структуры, типологии, хронологии. А также вопросами формирования и эволюции почв террасированных склонов и древних поселений с последующим построением региональной пространственно-временной модели развития климата, почв и древних систем земледелия и коммуникаций» [Аржанцева и др., 2004, с. 7–8]. Поставленные задачи определили комплексный подход к изучению памятника и необходимость привлечения к его исследованию почвоведов, лихенологов и геофизиков [Аржанцева, Сычев, 2003, с. 225].

Научный интерес к данному городищу заключается в большом количестве разновременных могильников, расположенных в непосредственной близости от него. К западу, у самого берега Аликоновки – катакомбный могильник VI–VIII вв. № 247, на другом берегу речки, несколько севернее – катакомбный могильник VIII–IX вв. № 248; несколько южнее городища на противоположном берегу Аликоновки, на расстоянии в 1 км, катакомбный могильник VIII-IX вв. № 241. Южнее поселения, в непосредственной близости от него – скальные захоронения VIII–IX вв. н.э. и катакомбы, вырытые как в глинистом, так и в скальном грунте VIII–IX вв. № 248 (у быв. Подсобного хозяйства им. Луначарского). К северо-востоку от поселения, между двумя раннесредневековыми катакомбными могильниками, глубокие грунтовые ямы с сарматским погребением первых веков н.э. Территория, окружающая указанные памятники, неоднократно обследовалась, по-

этому отсутствие других поселений, к которым относились бы указанные могильники, безусловно. Как же нам датировать указанное поселение «Горное Эхо» у Кисловодского озера? На основании дат расположенных рядом могильников можно было бы предположить, что жизнь на нем началась в сарматское время, что подкрепляется расположением в некоторых случаях находок и отдельных комплексов сарматского времени рядом с раннесредневековыми поселениями, занимающими такого же типа неприступные останцы, в частности около Клин-Яра. Но возможная обжитость этого останца в сарматское время, не подкрепленная находками на поселении культурных остатков II–III вв., когда вскрыто уже более 700 м² площади, так же как и отсутствие погребений IV–V веков, не позволяет говорить о непрерывности жизни на этом поселении столь длительное время, мы можем ограничить ее датой использования основных могильников, т.е. VI-IX(X) вв. Надо отметить, что нижняя дата катакомб у самого берега Аликоновки вызывает сомнение, скорее ее следует ограничить VII–VIII вв. Возможно, и скальные захоронения следует датировать несколько более поздним временем – а именно IX веком. Стратиграфические наблюдения И.А.Аржанцевой, выделившей в культурном слое два строительных горизонта, разделенных слоем разрушения мощностью в 0,5–1,0 м и отличающихся между собой как строительной техникой, так и керамическим материалом, приводят ее к дате основного периода существования памятника VII–VIII вв., а его верхнего слоя – IX–X вв. [Аржанцева, Сычев, 2003, с. 225], правда, в работе следующего года хронологические рамки существования памятника определяются VI-X вв. [Аржанцева и др., 2004, с. 8] на основании наличия керамики, которую можно относить к VI веку.

Другой памятник, который дает интересные стратиграфические материалы для датирования жизни на разных участках поселения (на цитадели и окружающем ее открытом поселении) и не менее интересные соотношения в расположении жилых слоев и могильников, это так называемая «Аланская крепость» (поселение № 214). Поселение занимает отрог Боргустанского хребта к востоку от Кольцо-Горы над шоссейной дорогой из Кисловодска в Учкекен. Цитадель занимает труднодоступную платформу останца-мыса с обрывами до 20 м с трех сторон, дополнительно укрепленную крепостными стенами; с северной стороны подходит второй мыс, возвышающийся над южным мысом на 5 м и несущий на себе следы башни из крупных песчаниковых блоков (длиной до метра, шириной и высотой 0,3 – 0,4 м) [Афанасьев и др., 1974, с. 96].

Ниже крепости, на склонах, располагаются рядами катакомбы VI–IX вв. (могильник № 215). Еще ниже, там где склон становится значительно более пологим, в шурфе нашими раскопками вскрыты остатки жилого сооружения юртообразной формы со слоем пожарища (мощностью до 0,4 м). В завале стены и на полу помещения вскрыта круглая яма для опорного столба со следами дерева диаметром в 0,22 м, глубиной 1 м от поверхности и углубленная на 0,45 м в материк, служивший полом жилища. На полу найдено большое количество керамики и открытый очаг-пятно прокаленной земли правильной овальной формы, площадью около одного квадратного метра со скоплением керамики возле него. Керамика, лежавшая кучей рядом с современным грабительским раскопом, так же как и обнаруженная нами при зачистке, дала совершенно определенный комплекс, который следует датировать XI–XII вв. при полном отсутствии керамики, типичной для второй половины I тыс. н.э. Преобладают черепки кухонной керамики, буроглиняные с органическими включениями и кварцевым песком. Поверхность груборифленая, серовато-палевая, изнутри беспорядочно рифленая или гладкая, венчики прямые, срезанные. По двум фрагментам венчиков с внутренними ушками становится очевидно, что большая их часть относится к котлам с внутренними ушками, которые происходят из ряда памятников Кисловодской котловины и введены в научный оборот В.А.Кузнецовым [Кузнецов, 1961, 1964, с. 34–39] как признак керамики болгар конца I тыс. н.э. Данные материалы с полной неопровержимостью показали, что эти лепные круглодонные котлы с диаметром по венчику в 21,5 см, прямыми стенками и округлым дном, если и восходят к гончарным котлам с внутренними ушками, украшенными линейно-волнистым орнаментом с территории Донца и Подонья IX-X вв., то являются более поздними и датируются печенежско-половецким временем [Ковалевская, 1981, с. 50]. Основанием для подобного утверждения является наличие в комплексе этого же жилища двух фрагментов белоглиняных гончарных кувшинчиков, на одном из которых видны следы коричневой росписи, аналогичные находкам XII–XIII в. из Северной Осетии, возможно, связанные по своему происхождению с Закавказьем. Фрагменты пифосов из бурой глины, тонкостенных краснолощеных сосудиков, крупных красноглиняных плоскодонных корчаг также свидетельствуют в пользу начала II тыс. н.э., так как красноглиняная керамика (не считая амфор причерноморского типа VIII–IX вв.) полностью отсутствует в материалах I тыс. н.э. Несколько маловыразительных фрагментов серолощеных кувшинов с носиком и небольших сосудов неясной формы не противоречат этой дате, по-

скольку имеют аналогии не среди кувшинов могильников VI–IX вв., а среди наиболее поздних, таких как Рым-Гора (об этом говорит характер лощения вдавленными полосами). В целом на основании материалов этого поселения находки фрагментов лепных котлов в комплексе с другими керамическими находками, позволяют по-новому поставить вопрос об их дате (расширив ее до начала второго тысячелетия) и этнической принадлежности населения, их использовавшего.

Ниже жилых слоев XI–XII вв., ближе к шоссе обнаружены грунтовые катакомбы XI–XII вв., исследованные С.Н.Савенко и введенные им в научный оборот как могильник у «Кольцо-Горы», которые могут быть связаны с рассмотренным выше открытым поселением, расположенным у подножия цитадели VI–IX вв. Необходимо только подчеркнуть следующее: как расположение катакомбных погребений на склонах ниже цитадели, так и датировка культурного слоя XI–XII вв. доказывают, что открытое поселение не единовременно цитадели.

Интересно взаимное расположение памятников на р. Кабардинке к югу от Кисловодска в окрестностях горы Кугуль. Раннесредневековое укрепленное поселение № 258 располагается на гребне горы Кугуль, оно вытянуто по верхней части гребня, возвышающегося более чем на 100 м над дорогой (150 м до уровня реки). Раннесредневековый могильник из каменных полуподземных склепов VII–VIII вв. (№ 259) расположен на гребне той же горы, к северу от стены цитадели. Раннесредневековый катакомбный могильник VIII–IX вв. расположен в нижней западной части склона горы Кугуль (№ 260, 261). Богатство инвентаря полуподземных склепов, их расположение на вершине кряжа в непосредственной близости от крепостной стены поселения говорит о социальной значимости этого типа погребальных сооружений и их единичности (что особенно наглядно в сопоставлении с массовостью грунтовых катакомб).

Примером гнезда поселений, запирающих со стороны долины пути к альпийским пастбищам, являются три крепости с каменными стенами на р. Ольховке (рис.20, *б*): раннесредневековое укрепленное поселение № 256 занимает высокий мыс правого берега р. Ольховки против «Лермонтовской скалы», оно ограждено несколькими рядами стен на верхнем уступе и стенами и сторожевыми башнями на двух нижних. Рядом с ним, за пределами крепостных стен, располагается могильник из катакомб и склепов V–VIII вв. н.э. (№ 266), разрушенный частично при прокладке и расширении дороги к отделению совхоза «Южный». У подошвы «Лермонтовской скалы» видны следы сглаженной временем крепостной стены, там же, на нижнем склоне «Лермонтовской скалы» обнаружен каменный раннесредневековый склеп № 267. Раннесредневековое укрепленное поселение № 263 занимает выступающий мыс левого берега р. Ольховки в месте ее соединения с левым притоком. Рядом с ним, несколько южнее, расположен Лермонтовский могильник № 1 (№ 262) VIII–IX вв.

Интересным является гнездо крепостей с каменными стенами, располагающееся на пересечении дорог, идущих по плато куэсты от Подкумка через Красивый курган и пути по долине Аликоновки на альпийские пастбища Бермамыта. Наибольший интерес из них представляет крепость на скале «Указатель» (№ 220, 222, 223, 224 и 225) [см. Ковалевская, 1981, рис. 58, 10]. На протяжении двух полевых сезонов [Ковалевская, 1976, 1977] нами производились раскопки на поселении «Указатель». Хорошая сохранность этого памятника позволяет понять ряд особенностей раннесредневековых поселений как Кисловодской котловины, так и Карачаево-Черкесии и, главное, увидеть, как менялась топография памятника на протяжении VI–XII вв.

В крепости «Указатель» над Медовым водопадом поселение достигало площади почти 9–10 га, при цитадели – около 1000–1100 м². Цитадель представляет собой треугольник, обращенный вершиной к юго-востоку и защищенный неприступными скальными обрывами высотой около 100 м над р. Аликоновкой (рис. 20, *10б*). Благодаря тому, что эти земли никогда не знали распашки, по выступающим из-под дерна камням можно увидеть план поселения и характер его застройки, что существенно дополняет материалы, полученные из раскопок сплошной площадью на цитадели. Крепостные стены, башни, жилые и хозяйственные здания были сложены насухо из крупных блоков серого известняка, который ломали на нижнем скальном уступе того же мыса, превращая тем самым верхний уступ в неприступную цитадель; крепостные стены шириной 4–6 м, при высоте, очевидно, 6–8 м, с фланкирующими и надвратными башнями, стояли на вертикальном двухметровом скальном монолите-постаменте. Нижний уступ (шириной всего 4–6 м) имел крутые скалистые неприступные от природы склоны. Попасть на верхний уступ, т.е. на цитадель, можно было только через нижний уступ, потому что стена цитадели с напольной стороны была сплошной и не имела въезда и ворот по фасаду. Ворота находились на нижнем уступе и за ними располагалась вырубленная в скале лестница, ведущая на цитадель, когда противник, чтобы подойти к ней, принужден был огибать крепостную стену, имея ее с левой стороны, а справа

крутые обрывы, что совпадает с рекомендацией Витрувия, чтобы дороги к воротам вели не прямо, а слева. Тогда даже небольшое число защитников могло остановить продвижение противника, как иллюстрирует подобное положение Прокопий Кесарийский: «... Один из аланов, выдающийся смелостью духа и силою тела и исключительно искусно умеющий посылать стрелы той или иной рукой, стал в самом узком месте прохода в лагерь и оказался, сверх ожидания, непреоборимой преградой для наступающих» [Procop., VIII (IV), 8, 37].

Цитадель была ограждена крепостной стеной длиной в 30 м при ширине 4,10–4,60 м, сложенной насухо из крупных скальных подтесанных блоков (до 1 м в поперечнике) в виде двух панцирей, шириной около 1–1,3 м и забутовки из мелких камней и щебенки между ними, сохранившейся на высоту в 1,5–2,0 м. Внутри забутовки, в середине стены, просматривается третий ряд камней, идущий параллельно обоим панцирям. Возможно, это деталь конструкции, не исключено, что это основание боевого парапета. В месте сооружения крепостной стены материковая скала была подправлена, т.е. была подготовлена «постель» (рис. 21, *4*; 22а). Самый край стены лежал на достаточно крутом склоне (около 30°) и камни были положены, исходя из рельефа скалы так, чтобы их верхняя поверхность была горизонтальна. Местами, для того, чтобы камень лежал плотнее, под ним делалась небольшая горизонтальная площадка. В 1,7 м от края стены скала была выровнена (с углом падения в 10° на протяжении следующих 1,8 м) и сделана ступенька высотой в 0,4 м на уровне верхнего края второго ряда камней. После ступеньки угол падения скалы стал уже около 5°, причем продолжала сохраняться кладка горизонтальными рядами, правда, состоящими из менее крупных камней. В центральной части стены крепости материковая скала была менее наклонна, здесь прямо на скалу (лишь на некоторых небольших участках на серый гумусированный слой) положены горизонтальные ряды кладки из небрежно обработанных камней вытянуто-прямоугольной и кубической формы (рис. 22б). Преобладают менее крупные, чем на западном крае, камни (0,3–0,4 х 0,2–0,25 м²), хотя и на этом участке некоторые камни доходят до 0,6–0,8 х 0,3–0,4 м². Фасад стены строго отвесный. Западный торец, находившийся в наиболее уязвимом, с точки зрения обороны крепости, месте, состоит из горизонтальных рядов известняковых блоков; по размерам камней (преобладают 0,8–1,0 х 0,35–0,4 м²), тщательной обработке их поверхности и аккуратности кладки, мощности стены (4,7 м) она является примером наиболее регулярной кладки облицовки крепостной стены цитадели (рис. 25а, 26а).

Обработка материковой скалы под кладкой заключалась в ее подтеске и создании горизонтальных участков и аккуратных ступеней. Продолжением западного торца основной стены является крепостная стена, имеющая длину около 20 м и кончающаяся надвратной башней. Состоит она из горизонтальных рядов известняковых камней от небольших (0,3 х 0,2 м²) до крупных блоков (1,2 х 0,25 м²), сохранившихся на высоту в 2–3 ряда (0,45–0,6 см). С внутренней стороны к крепостной стене, перегораживающей верхний уступ мыса, примыкает трехкамерная боевая, а возможно, и жилая, башня, имеющая по длинной оси 23 м с общей площадью в 155 м² (35, 50 и 70 м²). Такого типа башни известны как в верховьях Кубани (№ 76, 96), так и по Подкумку: двухкамерная башня поселения № 214 (площадью около 108 м²), по Аликоновке (двухкамерная башня поселения № 240 площадью в 84 м²) и Ольховке (двухкамерная башня поселения № 267 площадью около 80 м²). У самого острия мыса на «Указателе» располагалась двухкамерная сторожевая башня площадью в 30–35 м², связанная зрительной связью не менее чем с 7–8 крепостями. Самой маленькой является надвратная башня площадью примерно в 12 м², занимавшая очень выгодное положение. Ее основание лежит на естественном двухступенчатом скальном цоколе с подправленными во время сооружения башни вертикальными стенками и горизонтальной площадкой общей высотой в 4,63 м от нижней террасы цитадели (рис. 25б). Характеристика фортификационных сооружений хорошо иллюстрируется словами другого современника создания этих крепостей Феофилакта Симокатты: «Это укрепление было неприступным и непреодолимым для осады. Эта крепость была расположена на вершине горы, с обеих сторон которой были обрывистые спуски, а задняя часть горы представляла глубокую пропасть, так что оставался только один единственный ход спереди, укрепленный сложенными в груду камнями» [Theof. Simmac., с. 4]. Как мы уже сказали, в данном случае путь был еще осложнен тем, что следовало обогнуть крепостные стены, пройти крепостные ворота на нижнем уступе и выйти к лестнице, ведущей на верхний уступ цитадели с крутого поворота, подставляя левую незащищенную часть тела под удар защитников крепости. Лестница представляет собой искусственно вырубленный в скале коридор, длиной 6,0 м, шириной 1,0–1,4 м, состоящий из 8–10 ступеней, с высотой каждой из них 0,35–0,40 м. Любопытно, что при конструкции лестницы использовался принцип, появившийся во II–III вв. при сооружении дромосов катакомб (Брут, Беслан, х. Октябрьский), когда ступеньки делились

иногда по ширине пополам, и на ступеньке устраивалась дополнительная ступенька в центре или у одного из краев. Абсолютное превышение составляет на 6,0 м длины лестницы 2,70 м по высоте. По прямой линии от лестницы расположена искусственная квадратная выемка в скале нижнего уступа с подтеской снизу (рис. 23а), которая могла использоваться как подъемник и давала хороший обзор долины. Подобные лестницы обнаружены на Кубани (поселение № 95, Гиляч) и Эшкаконе (№ 177)). При раскопках на цитадели удалось выделить два строительных горизонта: первый по керамическому материалу (фрагментам лощеных сероглиняных кувшинов, кувшинчиков с выступами-сосочками и трехручных сосудов) можно датировать VI–VII вв. (возможно, до начала VIII в.), второй – (VII ?) VIII–IX вв. (рис. 27).

Первый строительный горизонт характеризуется использованием скалы в качестве дневной поверхности. Сооружения имеют подквадратную или трапециевидную в плане форму и сложены насухо или на глинистом растворе из горизонтальных рядов камня. Кладка аккуратная, камни положены «тычком и ложком», углы сооружены «в перевязку». Помещения смежные, небольшие, застройка сплошная, дверной проем обнаружен только в одной стене. Центром, безусловно, является сооружение неясного назначения – скальный монолит, размерами около 4,0 м², при высоте около 0,7 м прямоугольной формы со скругленными и подтесанными углами и стенками, плотно лежащий на материковой скале и условно названный «жертвенником». На его верхней поверхности видны два неглубоких углубления овальной формы размерами 2,0 м х 0,65 м (рис. 23б).

Следующий строительный горизонт характеризуется разрушением (с частичным использованием) сооружений первого периода, полной перепланировкой, с резким изменением техники строительства и использованием в качестве дневной поверхности не материковой скалы, а слоя каменной сплошной вымостки на разрушенных стенах, находящейся на 0,5–0,6 м выше материковой скалы. На той территории, на которой в раннее время был жертвенник и, очевидно, не менее 6–7 помещений (не считая надвратной башни), было сооружено сначала одно юртообразное помещение («юрта» № 2) неправильно округлой (или многоугольной) формы, а затем и второе («юрта» № 1), имеющее более правильную округлую форму (рис. 24). Все пространство вокруг них, не считая двух хозяйственных помещений, покрыто сплошной вымосткой, окружавшей углубленное до скальной поверхности каменное основание «юрты». Рассмотрим их подробнее.[8]

При сооружении «юрты» № 2 (неправильного по форме помещения, имеющего в поперечнике 2,2 и 2,5 м), использованы участки трех стен, образующих первое от жертвенника помещение аланского времени. В заполнении помещения найдена керамика, резко отличающаяся от керамики предшествующего слоя, для датировки служит находка железного колчанного крюка (рис. 27, 1), формы, типичной для сибирских древностей VIII в. Помещение просуществовало, очевидно, недолго, было частично засыпано, частично использовано как хозяйственное помещение, сверху замощено, а к южной его стенке была пристроена новая «юрта», более правильной формы и в меньшей степени использовавшая существовавшие руины. Позднее, по всей видимости, цитадель не перестраивалась, поэтому строительный горизонт времени существования «юрты» № 1 на цитадели является последним и планировка его восстанавливается с наибольшей определенностью. В 5 м от древней лестницы располагалась «юрта» округлой формы с несколько спрямленными северо-восточной и юго-западной стенками, площадью около 7,0 м² (в поперечнике она не достигает 3,0 м). В целом вписанная во внутреннее пространство помещения раннего времени, имевшего площадь около 8,0 м², она в меньшей степени использует более ранние стены. К северу и востоку от юрты находились два хозяйственных помещения, аналогичных пристройкам к юртам Правобережного Цимлянского городища [Нечаева, 1975, с. 26]. Помещение № 1 представляет собой углубленное кладовое помещение, перестраивавшееся неоднократно. Для его сооружения был использован участок стены аланского времени, к которому неоднократно (но уже в новой технике с помощью вертикально поставленных плит) пристраивались три боковых стенки (рис. 26б,в). Площадь этого помещения в процессе перестройки уменьшилась от

[8] Признавая справедливость возражений В.С.Флерова [Флеров, 1996, с. 30–31] относительно применения термина «юрта» к исследованным на Северном Кавказе круглоплановым жилищам, беру их в кавычки. При этом я считаю, что такое резкое изменение в домостроительной технике, не имеющее ни прототипов, ни дальнейшего развития на данном памятнике, вместе с той суммой информации о юртах на Северном Кавказе, которую приводит мой оппонент, особенно в связи с юртами Каладжинского селища на Лабе из раскопок В.Н.Каминского, также не имевших очагов, должно свидетельствовать об изменении этнокультурной ситуации в данное время и на данном памятнике.

0,88 x 1,84 м² до 0,6 x 0,70 м² (рис. 21, 5). Заполнено оно было рыхлым грунтом с большим количеством тарной керамики салтово-маяцкого типа. Помещение № 2 представляет собой узкую кладовую, где в качестве одной из стен служит стена «юрты» № 2 (до этого бывшая стеной помещения аланского времени), а другой – вертикально и горизонтально положенные плиты. Площадь ее 0,40 x 1,80 м². Заполнена она темным рыхлым грунтом, фрагментами керамики и костями. Керамический материал, найденный в круглоплановых жилых и одновременных им хозяйственных помещениях и на вымостке, резко отличается от более раннего: продолжают существовать лощеные кувшины, но преобладает ромбическое лощение; появляются фрагменты красноглиняных амфор VIII–IX вв., типичных для степных болгарских памятников; в большом количестве встречены фрагменты сероглиняных и красноглиняных пифосов с горизонтальными, треугольными в сечении валиками. Появляются отдельные фрагменты керамики, связанные, очевидно, со среднеазиатским миром и не имеющие аналогий в северокавказских древностях. Это фрагменты тонкостенной сероглиняной фляги и чарочки-кубка сплошного серого лощения, изготовленных из тонкоотмученной глины (рис. 27).

Раскопки открыли совершенно новые страницы в истории алано-болгарских или алано-хазарских отношений, поскольку появление предполагаемых юрт, керамики степного облика наряду со среднеазиатскими формами посуды и сибирскими деталями воинского снаряжения говорят о возможном захвате и заселении кочевниками (болгарами? хазарами?) аланского поселка на Аликоновке. Таким образом, мы можем прийти к следующим выводам: цитадель поселения № 224 с ее глухими высокими крепостными стенами с двух-, трехчастными жилыми и боевыми башнями, по всей видимости разной этажности, и небольшими прямоугольными помещениями гарнизонного типа была первоначальным ядром родового аланского поселка VI–VII вв. Причем большое число известных нам раннесредневековых поселений характеризуется подобной топографией, размерами, характером сооружений (№ 191, 211, 214, 217, 219–223, 225, 226, 240, 253, 254 и т.д.), в них также объединены жилые и оборонительные функции что, как справедливо отмечала М.И.Джандиери [Джандиери, 1981, с. 151–153], выявляет прежде всего социальную основу общества в пору усиления опасности со стороны внешнего врага. За второй линией обороны (а целый ряд поселений при небольших размерах содержит 2 и более ряда стен) располагались загоны для скота (прямоугольные или треугольные в поселении № 224, круглые в поселении № 76). Для этого времени вырабатывается определенный стереотип в домостроительстве, несущий в себе традиции, восходящие к кобанскому времени в предгорьях и горах: это каменные прямоугольные наземные постройки площадью 16–20 м², иногда дома состоят из двух смежных помещений. Стены мощностью 0,6–1,0 м состоят из небрежно обработанного камня, положенного насухо или на слабом глинистом растворе, иногда это панцирная кладка с забутовкой. Вдоль двух или трех стен устраиваются нары, вымощенные камнем, в центре – открытый очаг, иногда угловой («Горное Эхо»). Иногда жилое помещение выходит в вымощенный дворик. Дверной проем обычно устраивается в центре передней стены.

В ранних аланских поселениях обнаружены жертвенники, на городище Адиюх, по раскопкам Т.М.Минаевой, это захоронение головы и ног коня, высеченный в материковой скале круг с вертикально стоящим в центре камнем, скальный вышеописанный монолит на «Указателе» (рис. 23б). К сожалению, они не дают нам возможности охарактеризовать древние культы, кроме самого общего представления о существовании у алан культа коня, о чем мы знаем и по другим данным [Ковалевская, 1975], и, возможно, солярного культа (чему также есть подтверждения).

В VIII–IX вв. поселение продолжает существовать в тех же (а иногда и увеличенных) пределах, за теми же крепостными стенами. Жилые сооружения болгаро-хазарского слоя, возможно, на «Указателе» это частный случай, свидетельствуют о непосредственном проникновении сюда тюркоязычных кочевников. Они представляют собой небольшие круглоплановые жилые сооружения (диаметром в 3,0 м), углубленные на 0,40–0,50 м, от дневной поверхности того времени и имеют неправильно округлую форму, с полом в виде выровненной скалы, основанием стен из горизонтально положенных двух-трех рядов камня, перемежающихся вертикально поставленными плитами, вписанными в квадратное помещение предыдущего (аланского) строительного горизонта. В Хумаре работами А.В.Гадло и Х.Х.Биджиева (рис. 21, *6, 7*) обнаружено 6 наземных юрт, диаметром около 3 м, с кольями, вбитыми вертикально или наклонно в пол по периметру [Биджиев, 1983, с. 36–38]. Из культовых сооружений большой (рис. 21, *8*) интерес представляет исследованный Х.Х.Биджиевым и А.В.Гадло храм огня на Хумаринском городище [Биджиев, 1983, с. 45–48]. Если мы будем сравнивать строительную технику этих двух (аланского и болгаро-ха-

зарского) горизонтов, то должны отметить, что в первом случае прослеживается более умелое и, я бы сказала, экономное использование камня в строительном деле, сохранявшее в себе традиции каменного домостроительства местного населения предшествующего времени.

Следующий этап жизни поселения, хронологически не относящийся к нашей теме, датируется началом II тыс. н.э. – это время возникновения обширного поселения площадью 9–10 га, ограниченного с напольной стороны разрушенной сейчас каменной стеной. Застройка его – несистематическая, однотипные дома расположены группами, и их контуры видны на поверхности. Раскопки одного из них выявили ряд интересных конструктивных деталей: все дома ориентированы по странам света с отклонением на 20°, они однокамерные, площадью 33–35 м², со стенами из ломаного камня и скальных глыб мощностью от 0,8 до 1,7 м, с печью-камином, частично углубленном в стену, что имеет параллели в этнографии балкарцев и карачаевцев.

Судя по находкам глиняной обмазки, можно полагать, что дома были каменно-турлучными, возможно, двухэтажными, башнеобразными. Осмотр тех немногочисленных аланских поселений, которые имели большие размеры и трехчастное деление (они составляли не более 15–20% от общего числа поселений, например, на Аликоновке их 2 из 14), показал, что дома в этой части поселений имеют конструктивные особенности, свойственные для этого позднего периода и рассмотренные нами выше и датированные на основании подъемного материала или керамического материала на «Указателе» X–XII вв. Следовательно, нет оснований считать крупные городища одновременными небольшим крепостям: появление трехчастности при больших размерах знаменует следующий хронологический и социальный этап в развитии поселений Северного Кавказа. Аналогичный процесс наблюдается на поселениях Верхней Кубани, что документировано раскопками Т.М.Минаевой [Минаева, 1951, с. 273–301] и И.А.Аржанцевой в Кяфарском ущелье (архив Института археологии РАН Р-1 № 17534, 18005, 18845). Огромный по своей площади город (около 40 га) сохранил каменные постройки, зафиксированные И.А.Аржанцевой на подробном топографическом плане, что является ценнейшим источником по истории домостроительства в первые века II тыс. н.э. Город перекрывает более древние участки, в частности в Нижней части городища зафиксирован скальный останец, естественно укрепленный [Аржанцева, Албегова, 1999, с. 183], который по своему положению, плотности застройки и типологической близости к цитаделям каменных укреплений Верхней Кубани, Подкумка и его притоков следует считать первоначальным центром поселения. Подтверждается это тем, что именно здесь находятся остатки предполагаемого раннехристианского храма, являющегося скорее всего вторым строительным горизонтом древнего укрепленного поселения в верховьях Б.Зеленчука.

Подводя некоторые итоги исследованиям поселений «с каменными стенами», следует отметить, что на современном уровне наших знаний о раннесредневековых поселениях при неравноценности материала, исследованного с различной полнотой (осмотр, снятие планов, шурфовка, незначительные раскопки, либо раскопки сплошной площадью), путь исторического осмысления опирается прежде всего на данные археологической карты (правда, при решении задач сплошного обследования, возможно, полное использование опубликованных и неопубликованных полевых отчетов должно быть откорректировано собственными исследованиями на местности). Мы получаем картину (конечно, еще очень предварительную) распределения бытовых памятников, характер как самих поселений, так и относящихся к ним сельскохозяйственных территорий. Выясняются закономерности в их расположении и связи их с топографическими условиями местности. Так, все естественно укрепленные останцы (имеющие высоту от 5–6 до нескольких десятков метров от уреза воды), большая часть естественных мысов и вершин холмов использовались под поселения при дополнительном ограждении крепостными стенами и сторожевыми башнями (№ 207, 245, 263, 196); всех их отличает ряд общих конструктивных черт (характер и техника сооружения оборонительной стены цитадели с пристроенными двух- или трехкамерными башнями, отдельно стоящие сторожевые башни на цитадели), очень небольшой культурный слой, как правило, дающий мало подъемного материала. Могильники занимают склоны, находящиеся у подножия цитадели или противолежащие.

Поселения в момент своего возникновения занимали примерно одинаковую площадь и имели сельскохозяйственную округу примерно одного размера (в среднем 3,3 км²), расстояние между ними также варьировало мало, в среднем составляя около 2,5 км (что было характерно и для древних родовых поселков на Кавказе).

С течением времени число дополнительных каменных стен увеличивалось, поселки росли, правда, число поселений сокращалось, поскольку постепенно укрепленные сельские родовые поселки заменялись крупными, но более редко расположенными поселениями с многочислен-

ными жилыми, хозяйственными и, реже, культовыми сооружениями, торговыми площадями, развитым ремеслом [Кузнецов, 1971, с. 148–196].

Второй группой раннесредневековых поселений Центрального Предкавказья, характерных для равнинных и более восточных районов, являются так называемые «земляные городища». Предложенная И.М.Чеченовым еще в 1970 г. классификация «земляных городищ», разработанная по материалам Кабардино-Балкарии, вполне может быть распространена и на памятники других территорий. Малое количество раскопок широкими площадями не позволяет нам представить эти поселения в их историческом развитии, поэтому в нашу карту включены поселения с культурным слоем разной мощности (обычно культурный слой достигает мощности в 3–4 м)[9]. Еще А.А.Иессен подчеркивал, что здесь «мы получаем впечатление строго продуманной организации обороны» [Иессен, 1941, с. 24], свидетельствующей об экономическом и этническом единстве населения. На равнине перед каждой группой, состоящей из трех-четырех укрепленных городищ, располагались сторожевые форпосты, представляющие собой небольшие курганообразные возвышения с плоской вершиной, окруженные рвом и валом – насыпной земляной вал с саманной кладкой в его верхней части [Чеченов, 1967, с. 219–223]. Оборонительные сооружения в равнинных районах представлены прежде всего глубокими (до 10–15 м) и широкими (до 40 м) рвами, валы встречены значительно реже, именно эти особенности фортификации вызвали название «земляные городища» этого типа укрепленных поселений, которое закрепилось за ними в кавказоведческой научной литературе. В разделе о ранних аланах в Предкавказье я уже давала характеристику этому виду памятников, поэтому, не повторяясь, остановлюсь на нескольких вопросах, имеющих отношение к основной, поставленной в данной монографии проблеме, – взаимоотношение между степными кочевниками и местным кавказским населением, динамика этих взаимоотношений, связь между местными традициями и инновациями, судьба степного населения и особенности их культурного наследия в истории северокавказских алан.

Эти вопросы следовало проанализировать при комплексном рассмотрении поселений и могильников, как это было сделано для западных территорий Алании и что мы сделали на примере поселений и могильников Кавминвод. Между тем для восточных районов существования алан полевые исследования ограничивались разведками и составлением археологической карты «земляных городищ». В 1957 г. при работах северокавказской экспедиции Е.И.Крупнова была поставлена задача параллельно с работами на аланском катакомбном могильнике XI–XII вв. у ст. Змейской в Северной Осетии начать поиск и исследование поселений, для чего и были выбраны холмы северного склона Кабардинского хребта – огромного «земляного городища», у подножия которого производились разработки карьера по добыче глины Змейского кирпичного завода, разрушившие катакомбы. В 1957 г. раскопки поселения производились автором, в 1958 г. В.А.Кузнецовым [Деопик-Ковалевская, 1961, с. 37–50; Кузнецов, 1969, с. 84–95]. Здесь нельзя обойти вопрос о предложенных нами тогда датах (как ясно сейчас – значительно завышенных). Для нас важно рассмотреть методическую сторону этого вопроса, поскольку она касается того, как создается научное знание, когда материал, которым оперируют исследователи, нов, не имеет аналогий на близлежащих территориях и при этом, а это главное, знаком ранее в основном по могильным, а не бытовым памятникам.

Восточный изолированный холм, претендовавший на то, чтобы оказаться одновременным могильнику, с первых же штыков был определен как предшествующий последнему, по крайней мере, на две тысячи лет, поэтому были начаты раскопки сплошной площадью (раскопано 208 м²) на самом восточном из тех трех огромных холмов, отделенных глубочайшими рвами в южной части, на северных склонах которых располагается могильник. Раскоп изобиловал хозяйственными ямами (их найдено 36), глинобитными полами и не составлявшими определенных конфигураций фрагментами саманных стен. Основными находками были многочисленные фрагменты разнообразной сероглиняной или с охристой поверхностью и реже красноглиняной гончарной керамики: кувшины разного размера, кружки, миски, пифосообразные сосуды. Украшены они были сплошным или полосчатым лощением, наколами зубчатого штампа по венчику, рифлением и желобчатым орнаментом по тулову. Как типично для процентного состава керамики из

---

[9] Свидетельством обжитости этих районов в I тыс. н.э. являются разведки Б.Е.Деген-Ковалевского в Кабардино-Балкарии (Государственный Эрмитаж, колл. 1423, 1425, 1428), Е.И.Крупнова в 1947 г. – Джулат, Герменчик и 1948 г – Базар-Куаше, В.Акбаш (архив ИА РАН, д. 280, с. 25–32) и К.Э.Гриневича в Гунделене, Зольском, Баксане (материалы Нальчикского музея).

поселений, она существенно отличается (прежде всего по набору форм) от ассортимента керамики, сопровождающей погребенного в загробный мир. В Змейском поселении по результатам работ 1957 г. ее состав был следующим: кухонная сероглиняная и охристоглиняная керамика составляла 78,8%, тарная (пифосы) – 11,5%, красноглиняные кувшины – 9,5%, миски – 0,5%, сосуды с зооморфными ручками – 0,3%, лощеные сероглиняные кувшинчики – 0,6%. Наличие красноглиняной гончарной керамики при отсутствии ее в раннесредневековых могильниках Центрального Предкавказья свидетельствовало, как тогда казалось, в пользу одновременности слоев раскопанного поселения Змейскому катакомбному могильнику, другие формы, традиционные для средневековой Алании (кувшины, миски, кувшинчики), не противоречили этому. Найденный в слое кувшинчик с зооморфными ручками (рис. 28) раннего типа не изменял принятой даты [Деопик-Ковалевская, 1961, с. 42]. Правда, именно тогда был отмечен «сарматоидный характер сероглиняных мисок, (которые) не отличаются от сарматских и раннесредневековых мисок (например, алханкалинских из раскопок А.А.Бобринского и А.П.Круглова),... и небольших сероглиняных кружек с зооморфными ручками. Некоторые из них дают такое живое изображение животного, что их можно было бы, на основании только типологического анализа, отнести к раннему средневековью» [Деопик-Ковалевская, 1961, с. 46–47].

По набору форм, по технике изготовления, характеру обработки поверхности (заглаженная или лощеная поверхность) и орнаментации (зональное рифление, наколы зубчатым штампом по венчику, желобки, вертикальные налепы) керамика из Змейского поселения не выпадала из известных в это время материалов аланской культуры эпохи средневековья. Правда, почти половина столетия назад в распоряжении археологов кроме материалов из могильников (как правило, датированных широко) были только сборы из поселений, хранящиеся в фондах Государственного Эрмитажа и краеведческих музеев Нальчика, Владикавказа и Грозного, в большой степени происходящие из «земляных городищ» – не стратифицированные и атрибутированные как средневековые. Последнее корректировали широкомасштабные полевые работы Таманской экспедиции Б.А.Рыбакова середины 50-х годов, в четырех сезонах которой я участвовала, проводя параллельно в качестве отряда этой же экспедиции в 1953 и 1954 гг. разведочные работы по поселениям Кубани и Таманского полуострова.

Близость керамических материалов с тех участков Змейского поселения, которые перекрыты катакомбами (1958 г.), с теми, которые находились выше по холму метров на сто (1957 г.), по мнению В.А.Кузнецова, свидетельствовали в пользу их хронологической близости. Тогда как планиграфия и аналогия отдельным формам керамики в материалах VIII–IX вв. из памятников салтово-маяцкой культуры на Дону, в Румынии, на Таманском полуострове, так же как в Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии, привели В.А.Кузнецова к мысли, что «эти формы сарматской посуды как бы «застыли» в аланских городищах Центрального Предкавказья» [Кузнецов, 1969, с. 95].

То есть глубинные истоки средневековой аланской керамики были отмечены автором и В.А.Кузнецовым справедливо. Для нас это представляет особое значение, поскольку, рассматривая могильники с катакомбами под курганами с кольцевыми ровиками, мы уже говорили на основании раскопок могильника Брут о том, что аланское население использовало этот обряд погребения, начиная со II в. (а, возможно, со второй половины I в. н.э.) вплоть до VI–VII вв. – следовательно, именно этот временной промежуток должен характеризовать жизнь на Брутском, а по аналогии и на других «земляных городищах». Интересно, что результаты более чем полувекового срока работ на Змейском катакомбном могильнике[10] дают основание считать, что использовался он, скорее всего, со II в. н.э., причем найденные материалы середины I тыс. н.э. и второй половины I тыс. заполняют достаточно длительный промежуток времени между II в. и XI–XII вв., хотя количественно именно поздние определяют дату. По сравнению с работами на Зилгинском городище, о чем мы скажем далее, на Змейском городище, возможно, более поздние слои представлены лучше, хотя в целом это одновременные памятники. Предопределившая принятие поздней даты существования Змейского поселения – глубокая традиция в керамическом комплексе от первых веков нашей эры до средневековья – была отмечена и исследователями керамических коллекций, насчитывающих 70000 профилированных фрагментов из Зилгинского городища, подчеркнувших, что «некоторые керамические формы (горшки с насечками по венчику, пи-

[10] Приношу мою глубокую благодарность Р.Фидарову, бессменному руководителю этих работ, за ознакомление со всеми материалами и результатами высокопрофессиональных полевых исследований как в поле, так и в лаборатории.

фосы с наленными валиками, цилиндрические курильницы) широко бытуют в аланских памятниках VI–VIII вв. и даже в более позднее время» [Аржанцева, Деопик, 1989, с. 93].

Теперь следует вернуться к тому важнейшему для аланистики фактору, как широкомасштабные и проведенные на высоком профессиональном уровне раскопки Зилгинского городища [Кузнецов, 1982, с. 123; 1986, с. 72–104], приведшие к качественно другому уровню наших знаний об истории ранних алан в Центральном Предкавказье и о дальнейших судьбах этого населения. Благодаря активным действиям Н.И.Гиджрати по охране археологических памятников Северной Осетии, разрушающихся при земляных работах, в частности при добыче глины кирпичными заводами, и способствовавших финансированию охранных раскопок кирпичными заводами, в 1985 г. мне было предложено возглавить работы по раскопкам Зилгинского городища. К этой работе я привлекла И.А.Аржанцеву, имевшую большой опыт работ на среднеазиатских памятниках со столь же сложной стратиграфией и наличием саманных жилых и оборонительных сооружений [Аржанцева, 1987, с. 124–125].

Ввиду того, что основным разнообразным и массовым материалом, добытым в результате работ 1985 г., была керамика, был приглашен для ее профессиональной математической обработки Д.В.Деопик, автор ряда теоретических исследований по обработке поселенческой керамики на основании дробного анализа признаков формы сосудов и участник полевых исследований Танаиса, что сыграло решающую роль в определении хронологии керамического комплекса Зилги [Ковалевская, Аржанцева, 1988, с. 128–129; Деопик, 1988, с. 171–220; Аржанцева, Деопик, 1989, с. 75–97]. Именно на основании многоаспектного анализа керамики Зилгинского городища, которая изучалась как на протяжении трех сезонов полевых работ, так и в лабораторных условиях в течение двух последующих лет, можно решать вопрос о сложении керамического комплекса, его происхождении, развитии при сопоставлении с данными письменных источников, анализом особенностей структуры поселений, фортификации и характером погребального обряда. Последнее подробно нами было рассмотрено ранее.

Возникновение сети обширных, хорошо укрепленных городищ, находившихся на пограничье степей и предгорий Кавказа, на основании наличия датирующего керамического материала (импортные светлоглиняные амфоры, надежно датированные, начиная со второй половины I–II вв. н.э.) и металлических находок (фибулы, пряжки), можно относить к середине II в. н.э., а возможно, и к концу I века. Трудоемкость работ по созданию фортификационных сооружений этих протогородов, интенсивность жизни, о которой можно судить по мощным напластованиям в цитадели и на посадах, следы высокоорганизованных ремесел свидетельствуют о высокой социальной организации алан в это время [Arzhantseva, Deopik, Malashev, 2000, p. 217–218]. Между тем керамический комплекс Зилги отличает удивительная гомогенность и богатство форм, высокий уровень гончарного производства; исследователи не видят в нем следов влияния синхронных культур (за немногими исключениями) и не могут проследить в предыдущем периоде в готовом виде истоки тех форм и технических приемов, которые для него характерны.

Как писал Д.В.Деопик, «это не значит, что керамический комплекс Зилги не имел предшественников и ни с кем не контактировал. Его ближайший предок – неизвестный пока центр, снабжавший ставропольских сарматов II–I вв. до н.э., в керамике которых есть уже и специфические черты «несарматского» облика, связанные с местной традицией» [Деопик, 1988, с. 171]. В Зилгинской керамике мы видим тот же набор столовой, тарной и кухонной керамики, который известен из оседлых местных памятников и у кочевых сармат Предкавказья [Абрамова, 1993, с. 187] в предшествующее время, причем в большей степени на той же, чем на более западной территории[11].

Второй и более важный фактор при поиске истоков разных форм керамического комплекса из поселений первых веков н.э. заключается в том, что мы сравниваем его с набором форм, про-

---

[11] Речь идет о гипотезе М.П.Абрамовой (1993, с. 186) о передвижении носителей катакомбного обряда (грунтовые Т-образные катакомбы) с территории Кавминвод, могильники которых перестали существовать с конца II в. или с первой половины III в., как на запад в горы (Хумара), так и на восток – на Терек и Сунжу, в зону «земляных городищ». Хронологически грунтовые катакомбы Кавминвод одновременны, а не предшествуют подкурганным катакомбам Притеречья, поэтому мне кажется, что скорее следует предполагать уход населения из района Кавминвод на юго-запад в горы под натиском алан Притеречья. Если же принять точку зрения о враждебных отношениях этих двух групп населения, то можно предполагать, что оседлое население более западных районов было переселено в Притеречье в качестве рабочей силы, строителей и ремесленников. Но и в этом случае следует отметить, что в керамическом комплексе эти импульсы исследователями не отмечены, тогда как особенности восточных территорий, характеризующиеся использованием одной из излюбленных форм керамики, а именно мисок, отмечены в Зилгинском керамическом комплексе и в более поздних средневековых памятниках.

исходящих из могильников, а не поселений, и необходимо иметь в виду, что керамика последних веков до н.э. изучалась по значительно менее дробной программе, чем Зилгинская, поэтому результаты исследований очень плохо сопоставимы между собой [Деопик, 1988, с. 174].

Обращаясь к истокам, отметим тот немаловажный факт, что в подстилающем слое Зилгинского городища выделена керамика середины и второй половины I тыс. до н.э. кобанской культуры, имеющая связи с кобанской керамикой из Дигории [Arzhantseva, Deopik, Malashev, 2000, p. 243]. И хотя мы не имеем свидетельств жизни на Зилгинском памятнике между указанным временем и первыми веками н.э., отрицать роль местного скифо-кобанского населения равнин и предгорий Центрального Предкавказья в формировании раннеаланской керамики не приходится [Малашев, 1994, с. 49]. Следует обратить внимание и на сохранение сарматской традиции, что выявлено исследователями Зилгинской керамики в орнаментации сосудов двойной линией желобков и налепов [Аржанцева, Деопик, 1989, с. 84] и в других признаках [Деопик, 1988, с. 173].

Вместе с тем археологические свидетельства среднеазиатских связей и импульсов в культуре ранних алан, которые мы акцентировали в предыдущих разделах этой книги, можно усилить за счет ряда керамических форм, происхождение которых связано со Средней Азией, в частности с Приаральем. Это относится к наличию в керамическом комплексе крупных тарных двуручных сосудов, глиняных крышек «в виде плоских кругов с закраинами, на песчаной подставке, в закраинах – выемки, к которым от центра сосуда идут вдавленные полосы-лучи» [Аржанцева, Деопик, 1989, с. 91], способу крепления ручек с помощью штифта; о среднеазиатских связях свидетельствует также находка оранжевоглиняного кувшинчика, лощеного по красному ангоба [Деопик, 1988, с. 171, 173]. Импортными являются белоглиняные парадные кувшинчики, центр производства которых находился в районе Жинвали по Военно-Грузинской дороге, или позднеантичные амфоры, являющиеся превосходным датирующим признаком [Деопик, 1988, рис. 391].

Протогорода с оседлым ремесленно-земледельческим населением органично связаны со степными кочевниками, и основные авторы исследований материалов Зилгинского городища подчеркивают, что как только структура степных обществ оказалась разрушена, в данном случае гуннами, протогорода как социокультурное явление исчезли [Arzhantseva, Deopik, Malashev, 2000, p. 219]. Но укрепленные и обжитые холмы остались, жизнь продолжалась. Судить об этом можно по наличию поздних вещей V–VI вв. в культурном слое Зилгинского городища [Аржанцева, Деопик, 1989, с. 93–94]. Единственно хочу уточнить, что антропоморфный амулет, найденный в Зилги, по обширному кругу аналогий датируется не V в., а позднее – приведенная к нему аналогия из Чми-Беахникупа по материалам из того же комплекса (сасанидские геммы) датируется не ранее VI в. н.э., а сам зилгинский амулет обладает целым рядом поздних морфологических черт.

Мы начали рассмотрение проблемы преемственности между материалами ранних и средневековых алан на примере анализа керамики Змейского и Зилгинского поселений на фоне раннесредневековых древностей. Эта преемственность лишний раз показывает, что гуннское разрушение не было тотальным. Керамический комплекс сохранялся в целом гомогенным, хотя появлялись новые формы, новые типы орнамента – гребенчатый штамп, зональное рифление, более плотное тесто, обильная примесь песка, светло-серая и охристая поверхность сосудов, в некоторых случаях наблюдалось изменение формы (Ibid, p. 243) или же появлялись отдельные сосуды, типичные для западных алан и известные там не ранее VI–VII вв. (Ibid, p. 244). Некоторые формы, так называемые «двуручники», получили дальнейшее развитие (как во времени, так и в пространстве); какие-то формы, не типичные для кавказских древностей, в частности, такие как керамические крышки, вышли, очевидно, из использования.

За последние полевые сезоны значительно увеличилось количество подкурганных катакомбных погребений постгуннского времени (Брут, Змейская), и, надо надеяться, этот процесс будет продолжаться. В такой же мере следует надеяться, что более дробная формализованная классификация поселенческой керамики, примененная к другим одновременным и более поздним памятникам, приведет к тем же результатам, которые мы получили для материалов Зилгинского городища, исходя из задачи «различения реально существующих в реальном, впервые исследуемом на данном уровне детализации массиве устойчивых разновидностей формы, набор и степень взаимной близости которых в большинстве случаев неповторимы, кроме как в пределах одной археологической культуры» [Деопик, 1988, с. 175; Arzhantseva, Deopik, Malashev, 2000].

На Ставропольской возвышенности, которую древние авторы в разное время называли Гиппийскими горами [Гадло, 1979, с. 111; Найденко, 2001, с. 105], позднее Булгарскими или Хазарскими [Гадло, 1994, с. 53], отразив в последних двух случаях смену этнокультурной ситуации в преде-

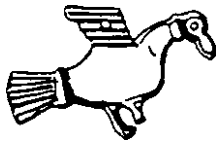
лах VII–VIII вв., силами Т.М.Минаевой, А.В.Гадло, А.В.Найденко, Н.А.Охонько и др. было выявлено и обследовано несколько десятков укрепленных и неукрепленных поселений [Минаева, 1949, с. 125–164; Гадло, Найденко, 1973, с. 117–118]. Для поселений выбирали мысы с обрывистыми берегами, огражденные глубокими оврагами, лесовые останцы в пойме, обжитые еще в скифо-сарматское время [Гадло и др., 1974, с. 103–105]. Небольшую цитадель дополнительно укрепляли рвами, а основную часть поселения площадью до 15–20 га с напольной стороны снабжали системой рвов и валов. К сожалению, раскопок на них не производилось, поэтому их хронологическая и этнокультурная принадлежность остается спорной, тем более, что наряду с раннесредневековыми здесь найдены материалы VII–V вв. до н.э., причем количественно древние материалы превалируют. Характерно групповое расположение поселений: в каждой группе выделялось одно большое, к которому тяготели остальные. Крупные городища обычно включали два-три кольца обороны, центральное из которых окружало цитадель, а остальные – кварталы городской застройки. По керамическому материалу они относились к локальному варианту салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. [Гадло, Найденко, 1974, с. 105] или, по современным данным, VII–X вв. [Найденко, 2001, с. 104]. Исследования А.В.Гадло, лучшего специалиста по этнокультурной истории степного Предкавказья, «памятники аланской культуры... заходят далеко в степь. Они обнаружены на правом берегу Кумы вплоть до ее поворота на восток в сухие Прикаспийские степи» [Гадло, 1979, с. 200]. Благодаря своему пограничному положению между кочевым и земледельческим мирами эта группа памятников «может рассматриваться как связующее звено между аланской культурой предгорий Центрального Кавказа и степными праболгарскими поселениями Нижнего Подонья и Приазовья» [Гадло, Найденко, 1973, с. 116].

После почти двадцатилетнего перерыва в работах по изучению раннесредневековых поселений ставропольские археологи приступили к планомерному исследованию одного из уникальнейших многослойных памятников – Татарского городища. Эти работы блестяще начал талантливый, энергичный и так много успевший сделать за свою короткую жизнь В.Н.Каминский, трагически погибший во время экспедиции и оставивший глубокую любовь в сердцах археологов-кавказоведов и горечь утраты.

Татарское городище, существовавшее на протяжении почти двух тысяч лет, является уникальным археологическим памятником. В ходе исследований удалось установить, что на территории Северного Кавказа и Предкавказья Татарское городище является ярчайшим и сложнейшим памятником, вернее группой разновременных поселений, могильников, с мощной системой укреплений, дозорных башен, дорог, занимающих общую площадь около 200 га. Оборонительные сооружения включают в себя: три ряда рвов и каменную стену с башнями вокруг центрального городища; естественно и искусственно (вал, ров и каменная стена) укрепленную цитадель; оборонительный форпост – укрепленное рядами рвов и валов второе городище и, наконец, окруженное каменной стеной протяженностью более 1,5 км – третье городище. Ничего подобного по структуре и масштабам северокавказская археология не знает. Раскопанные площади, насчитывающие сотни квадратных метров, не сопоставимы с общей площадью, поэтому и наши знания об этих памятниках отрывочны и только в самых общих чертах позволяют представить себе перспективы возможных работ. Культурный слой имеет разную мощность, протяженность и характер на разных участках. Кобанский, скифский, сарматский и средневековый слои разделены на изученной территории стерильными прослойками, но уже тот факт, что эта замкнутая территория была местом жизни (а на некоторых, достаточно обширных территориях, и упокоения) населения, принадлежащего к разным историко-культурным периодам на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (возможно, за исключением гуннского и постгуннского времени вплоть до хазарского периода) [Малашев, 1994, с. 117–118; Кудрявцев, Охонько, Березин, Прокопенко, 1997, с. 211–213; Кудрявцев, Гадзевич, Охонько, Савельев, 1999; Галаева, 2003, с. 237–238]. Изучение материальной культуры в результате раскопок разновременных памятников позволяет на конкретном материале рассмотреть вопрос о взаимодействии местного оседлого населения (кобанский слой) с ираноязычными пришельцами, сначала скифами, затем сармато-аланами – тема, которая является предметом нашего рассмотрения на более широком фоне.

Так же как и в зоне расселения ранних алан на Камбилеевке и Тереке [Деопик, 1988, с. 173], соседство со степью стимулировало возникновение протогородов, что определялось потребностями степного кочевого населения в сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Как писал об этих явлениях социально-экономической жизни А.А.Кудрявцев, «именно в контактных зонах проходила граница между оседло земледельческим и кочевым мирами – и именно здесь с

наибольшей полнотой происходило соприкосновение и взаимодействие этих миров. Здесь формировались новые археологические культуры и этнополитические объединения, возникали новые древние поселения и города» [Кудрявцев, 2000, с. 70].



§ 3. Могильники Центрального Предкавказья

Археологическое изучение погребального обряда Центрального Предкавказья эпохи раннего средневековья – это сложная комплексная тема, требующая анализа целого ряда моментов: сюда входят характер могильника, в том числе взаимное расположение могил (планиграфия и стратиграфия), наличие или отсутствие тризн и жертвоприношений, выделение групп семейных захоронений; конструкция погребального сооружения, его параметры, число погребенных в одном сооружении; способ захоронения умершего (поза, ориентировка, характер сопровождающего инвентаря). Все детали погребального ритуала могут быть рассмотрены во времени и в пространстве. При исследовании раннесредневековых древностей особое внимание исследователи обращали на тип погребального сооружения, видя в нем один из самых надежных показателей этнической принадлежности погребенного, хотя этот вопрос значительно более сложен и зачастую решался еще в самое недавнее время слишком однозначно и схематично.

В могильниках эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе (рис. 29) представлено большое количество типов могильных сооружений. Сюда входят грунтовые могильники с погребениями в простых ямах (подчас перекрытых плитой) и каменных ящиках; использовались каменные склепы: подземные – иногда их называют грунтовыми каменными гробницами [Минаева, 1971, с. 58–59], полуподземные и надземные; подбои, одинарные или двойные; катакомбы различных типов – грунтовые, вырытые в склонах, подкурганные и скальные (иногда их называют «наскальными»).

Этот перечень далеко еще не исчерпывает всего разнообразия погребальных сооружений, использовавшихся северокавказским населением в эпоху раннего средневековья. Каждый из указанных типов погребальных сооружений может быть подвергнут дальнейшему членению на основании анализа целого ряда частных признаков, в результате чего будут выделены варианты. Подобное сопоставление по частным признакам позволяет упорядочить во времени и пространстве ряд параллельно существовавших эволюционных рядов различных типов погребальных сооружений [Ковалевская, 1981, рис. 65]. Разнообразие погребальных сооружений на Северном Кавказе наряду с длительностью существования почти всех типов на протяжении 1–1,5 тысячи лет заставляло в свое время исследователей смотреть на этноисторическую информативность погребального обряда пессимистически. Только после появления монографии В.А.Кузнецова «Аланские племена Северного Кавказа» [Кузнецов, 1962], остающейся до сих пор лучшей сводкой всех данных по распределению различных могильных сооружений на Северном Кавказе, погребальный обряд, в частности, конструкция погребального сооружения, занял особо важное место при определении историко-культурной и этнической принадлежности погребенного.

При решении же вопросов хронологии тип погребального сооружения не «работал», он сам нуждался в дополнительных основаниях для привязки к тому или иному периоду. Для этого не только было недостаточно материала, но, главное, полевые исследования проводились без учета тех требований, которые можно предъявить к нему, то есть недостаточно полно и квалифицированно. Вслед за монографией В.А.Кузнецова появился ряд общих и частных региональных исследований, где типам погребальных сооружений, их генезису и датировке уделено специальное внимание [Алексеева, 1971; Деопик, 1958; Минаева, 1971; Чеченов, 1969; Абрамова, 1972; Крупнов, 1971; Багаев, Виноградов, 1972; Атаев, 1963; Ковалевская, 1978, 1979, 1981, 1984]. Прежде чем останавливаться на характеристике отдельных памятников, которую мы дадим на фоне истории их изучения, коротко остановимся на типах погребальных сооружений VI–IX вв.

По характеру наземного сооружения мы выделяем захоронения бескурганные (часто называющиеся грунтовыми – подавляющее большинство) и курганы. По типу погребального сооружения можно выделить две группы. К первой относятся однокомпонентные сооружения, где для погребения используется могильная яма, стенки и перекрытие которой могут быть различно оформлены, но усопший всегда вносится сверху. Сюда входят: простые грунтовые ямы без использования камня, ямы с заплечиками (перекрытие было, очевидно, деревянным), ямы с заплечиками, перекрытые камнем, ямы, частично обложенные камнем; каменные ящики (или «плиточные могилы», стены которых состоят из четырех-шести плит, поставленных вертикально); каменные гробницы, стены которых сооружены из горизонтально положенных в несколько рядов камней без скрепляющего раствора, перекрытых плитами. Следовательно, в эту группу входят грунтовые могилы, каменные ящики и каменные гробницы.

Во вторую группу входят двух- и трехкомпонентные погребальные сооружения, состоящие из погребальной камеры, входной ямы (дромоса) и соединяющего их входного отверстия (рис. 30). Усопшего вносили в камеру не сверху, а сбоку. К этой группе относятся катакомбы, подбои, скальные захоронения и каменные склепы (подземные, полуподземные и наземные). Рассмотрим их подробнее: грунтовые катакомбы имеют камеру подквадратной, подтреугольной, круглой, овальной или неправильной формы, входное отверстие, заложенное камнем(кладкой или деревом) и длинный узкий дромос (иногда со ступеньками), расположенный под некоторым углом к камере. Грунтовые подбои имеют камеру овальной или подквадратной формы, короткую и широкую входную яму, в длинной стенке которой располагается широкое входное отверстие, заложенное камнями или деревом; скальные катакомбы имеют камеру овальной, квадратной и полуовальной формы, вырубленную в скале, с небольшим входным отверстием, заложенным плитой и, изредка, с дромосом (как частный случай, бывают камеры, длинная ось которых продолжает собой ось входного отверстия). Скальные подбои имеют камеру полуовальной формы, часто при этом используются естественные углубления в скале, с широким входным отверстием, заложеным каменной кладкой на земляном растворе; скальные захоронения (или скальные склепы) с камерой прямоугольной формы, использующие естественные каменные неглубокие пещеры, где боковые и передняя стенки выложены из камня на земляном растворе, а входные отверстия заложены камнем; полуподземные склепы: подземные камеры прямоугольной формы со стенками, сложенными из горизонтальных рядов камней, перекрытых плитами, с входным отверстием в виде небольшого коридора, расположенного, как правило, выше уровня дна камеры, с такими же каменными стенками и перекрытием; наземные склепы: камеры прямоугольной формы со стенками, сложенными из горизонтальных рядов камня, с каменными перекрытиями, с входным отверстием в узкой стене. Это один из возможных путей (но не единственный) классификации погребальных сооружений, когда за основу упорядочения взято одно- или многокомпонентность сооружения, оформление погребальной камеры с учетом способа захоронения (сверху или сбоку).

Анализ погребальных сооружений, так же как и других деталей погребального обряда (коллективность погребений, положение костяка, ориентировка, сопровождающий материал, наличие и характер наземных сооружений и многое другое), позволяет уловить пространственно-временную приуроченность отдельных элементов погребального обряда. Однако характер погребального сооружения – это лишь одна из составных частей погребального обряда, большую важность представляют анализ положения погребенного, количество, характер и расположение погребального инвентаря. Особой темой является анализ структуры могильника в целом – как он растет, можно ли выделить семейно-родовые группы и т.д.

Остановимся кратко на процессе накопления материала по могильным древностям Предкавказья на протяжении последних ста лет: как эти материалы были изданы и интерпретированы, каким путем шли исследователи к получению дат и как ими были соотнесены данные письменных источников с археологическими – собственно, как на протяжении последнего века раннесредневековые могильники становились источником для изучения древней истории народов, населяющих Северный Кавказ.

Повышенный интерес к древностям Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего средневековья возник во второй половине XIX в., хотя знакомство с археологическими памятниками и медленное накопление материала следует начинать с путешествий И.А.Гюльденштедта [Кузнецов, 1962, с. 8]. Здесь прежде всего следует отметить имена А.С. и П.С.Уваровых, В.И.Долбежева, В.М.Сысоева, В.Ф.Миллера, В.Б.Антоновича, И.А.Владимирова, В.В.Саханева, А.А.Бобринского, Д.Я.Самоквасова и т.д. Третья четверть XIX в. характеризуется широкими работами на памятниках раннего средневековья Северного Кавказа, куда включаются как разведочные работы, раскопки, так и сборы

материалов у местных жителей (так создавались коллекции, до сих пор не потерявшие своего значения). Обобщен этот материал был П.С.Уваровой в монографии «Могильники Северного Кавказа» [Уварова, 1900], роль которой для дальнейшего изучения раннесредневековых древностей трудно переоценить. В прекрасно изданной монографии скрупулезно собран огромный количественно материал, приведены все доступные автору сведения из полевых отчетов, проливающие свет на место, время и характер находки, обращено особое внимание на восстановление комплексов, из которых происходили находки. До сих пор не потеряло своего значения и издание Д.Я.Самоквасовым таких эталонных комплексов, как могильники Чми и Балта [Самоквасов, 1908], И.А.Владимировым – Гижгида и Песчанки в современной Кабардино-Балкарии (ОАК за 1897 г., с. 143–144; ОАК за 1898 г., с. 124, 136, рис. 47–54), В.И.Долбежевым – Гоуста (Гоуздок) в современной Ингушетии (ОАК за 1889 г., с. 73; ОАК за 1890 г., с. 87–96), Большого Буйнакского кургана в Дагестане и т.д.

Поскольку при анализе материалов с учетом географической привязки мы рассматриваем их с запада на восток, то будем придерживаться подобной упорядоченности и в этом разделе. Наша цель – остановиться только на эталонных памятниках и узловых проблемах, но было бы ошибкой ограничиться здесь общей характеристикой памятника и перечислением точек зрения на его дату и культурную принадлежность, которые существуют. В каждом случае мы укажем дату, принятую нами в данной работе, которая явилась результатом анализа массового археологического материала, проведенного нами ранее и изложенного в монографии «Датировка раннесредневековых могильников Северного Кавказа». Монография закончена в 1974 г. и обобщена в главах «Археологии СССР» [Ковалевская, 1981] и в монографиях 1998 и 2000 гг., посвященных компьютерной обработке массового археологического материала [Ковалевская, 1998, 2000].

Эталонным сопоставительным материалом для исследования древностей Центрального Предкавказья являются могильники Черноморского побережья Кавказа – Агойский Аул, Веселое (ИАК, 33, 1907, с. 83, 90) и особенно Борисовский [ИАК, 156, 1914, с. 75–219]. Находится он в окрестностях Новороссийска Краснодарского края, состоит из обширного грунтового могильника (VI) VII–IX вв. и нескольких курганных могильников IX–XV вв. (рис. 31) [Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 78].

Грунтовый могильник без наземных следов занимает высокую береговую террасу от р. Ашамба с С-З до небольшого оврага с Ю-В и имеет площадь около 2 га. Открыт в начале XX в. случайно, в 1911–1912 гг. – раскопан В.В.Саханевым. По территориальному и хронологическому признаку разделен В.В.Саханевым на 3 группы, позднее А.П.Смирнов первые две группы объединил в одну, датирующуюся концом VI – VII вв. (65 погребений); 90% составляют трупоположения – в грунтовых ямах (6 погребений), каменных гробницах (47 погребений), грунтовых ямах, обложенных плитами по узким стенкам (1 погребение), 10% – трупосожжения в каменных гробницах (4 погребения) и грунтовых ямах (1 погребение). Все погребения индивидуальные в неглубоких (20–90 см) могилах, ориентировка неустойчивая, костяки вытянуты на спине. Около трети погребений ограблено. В мужских погребениях богато представлено оружие (железные мечи, копья, наконечники стрел, кинжалы, много ножей, предметы конского снаряжения), украшения поясов (серебряные и бронзовые пряжки и поясные наборы с подвесными ремешками с накладками, украшенными прорезной орнаментацией, золотой поясной наконечник, украшенный зернью), в женских – серьги «калачиком», фибулы, зеркала и многочисленные бусы (особенно крупные янтарные).

Вторая группа VIII–IX вв. представлена 70 погребениями, совершенными в погребальных сооружениях тех же типов, но в другом процентном соотношении: трупосожжения составляют 90% (45 в каменных гробницах, 10 в грунтовых погребениях). В 7 случаях найден инвентарь в яме. Трупоположения (10 %) представлены 7 погребениями (как правило, детскими) в каменных гробницах. Преобладает северная ориентировка. В мужских погребениях богато представлено оружие – наконечники стрел и копий, сабли, кинжалы, топоры, особенно защитное вооружение, не встречавшееся ранее (шлем, поножи, оплечья, кольчуги), конское снаряжение (удила, бляхи уздечки и детали султана, подпружные железные пряжки, стремена). Поясные наборы представлены специфичными для VIII–IX вв. пряжками – типа Бал-Гота и с пальметтами, многочисленными трапециевидными и вытянутыми прямоугольными.

Среди женских украшений – серьги с шариком-подвеской, украшенные зернью, многочисленные бронзовые браслеты и перстни, литые бубенчики, иной набор бус, в частности, многочисленные бусы из роговика. Керамика представлена единичными экземплярами красноглиняных кувшинов. Еще В.В.Саханев справедливо отнес этот памятник к древностям зихов, подчеркнув, что «третья часть», имеющая многочисленные аналогии в тюркских древностях, может отражать именно эти евразийские связи. Мы столь подробно остановились на характеристике это-

го памятника, поскольку он отражает культуру соседствующего с аланами адыгского населения и, обладая рядом специфических черт (погребальный обряд, красноглиняная керамика), характеризуется обширным материалом широкого круга древностей Евразии (поясные наборы, бусы, серьги, браслеты, оружие).

Территория Центрального Предкавказья в дореволюционное время была изучена неравномерно, в частности, с территории современной Карачаево-Черкесии было известно очень мало материала и, главное, не было таких памятников, на основании которых можно было бы создать хронологическую шкалу. На территории Кабардино-Балкарии памятниками эталонного характера следует считать катакомбный могильник Песчанка близ Нальчика (№ 402) и склепы Гижгида (№ 330, 331). В Песчанке И.А.Владимировым было исследовано 16 катакомб [ОАК, 1898, с. 124 и сл.]. Дата Песчанки, правильнее всего определенная А.А.Спицыным в 1909 г., как VIII–IX вв., в дальнейшем колебалась в пределах VI–VIII вв., чтобы опять вернуться к исходному определению. К сожалению, в таблицах взаимовстречаемости вещей мы не можем использовать весь материал, т.к. несмотря на очень подробную публикацию отчета, не все вещи, хранящиеся в Государственном Историческом музее, можно сопоставить с комплексами. Но анализ имеющегося в нашем распоряжении материала (в частности, фотографии планшетов из Песчанки с номерами находок из фотоархива ИИМК) позволяет уточнить эту дату, сузив ее до конца VII – первой половины IX вв. В пользу этого, в частности, свидетельствуют находки небольших зеркал-подвесок, амулеты в виде всадников (рис. 32, *2*), солярные с семью лучами и поздние с соколиными головками, небольшие височные подвески в виде колец с несомкнутым или слабо заходящими концами, стеклянные (привозные из Грузии) черные перстни, литые и штампованные накладки трапециевидные, подковообразные, полушаровидные (рис. 32, *3, 4, 6–12, 14–15*) и наконечники, близкие к византийским (рис. 32, *13*), прикамским и сибирским образцам. Ряд типов мозаичных бус происходит из александрийской стеклоделательной мастерской в Египте, и производство их датируется 800–830 гг. – это крупные эллипсоидные мозаичные из сине-бело-красно-желтых глазков с желто-зелеными ресничками (1 экз.), небольшие из желто-красных глазков с желто-зелеными ресничками (4 экз.), удлиненно-цилиндрические из сочетания красно-желто-зелено-желто-красных глазков с сине-белыми ресничками, с желто-красно-синими полосами. Наряду с ними найдены типичные для VIII–IX вв. «бородавчатые», глазчатые, многочастные позолоченные, посеребренные, и 1 бусина из оранжевой пасты с содержанием свинца до 20% агач-калинского типа.

В Гижгиде И.А.Владимировым [ОАК, 1897, с. 143–144; ОАК 1898, с. 136], а позднее Г.А.Вертеповым [Кузнецов, 1962, с. 78] вскрыто 4 склепа. Предложенная Е.И.Крупновым в1946 году широкая дата VI–IX вв. и В.А.Кузнецовым (1962, с. 78) – V–VI вв. требует в настоящее время уточнения. Несмотря на то, что отдельные находки, например, односоставная пряжка с квадратной рамкой и щитком геральдической формы, могли быть датированы VI–VII вв. (что не отрицает возможности ее присутствия в комплексах VII–IX вв.), весь комплекс находок говорит о том, что мы должны сузить дату до VII–IX вв.: так следует датировать пряжку (ГИМ, хр. 67/46а), солярный амулет с семью лучами и солярно-антропоморфный амулет, штампованные поясные накладки с аканфом «неволинского типа» и гладкие наконечники, зеркала, фибулы и весь набор бус – синих глазчатых и «бородавчатых», мозаичных из желтых глазков с черно-белыми ресничками, желтых пронизок из многосвинцового непрозрачного стекла, плоских мозаичных из оранжевой пасты агач-калинского типа. Подкрепляет эту дату и комплекс из Гижгида, переданный в краеведческий музей г. Нальчика С.Узденовым 9 декабря 1930 г. (литые браслеты с концами в виде звериных головок, фибула, серьга в виде несомкнутого колечка, серьга с 14-гранником и крупное зеркало-подвеска). Единственными более ранними находками следует считать прорезную серебряную накладку геральдической формы с изображением человеческого лица, 2 экз. «якорьковых» и одну круглую, которые не выходят за рамки VI–VII вв., происходящие из коллекции 1577/3 в Нальчикском краеведческом музее (с надписью «Гижгид»), но у нас нет никаких оснований считать, что они происходят из данного могильника, тем более, что они не представляют комплекса.

С территории Северной Осетии мы имеем богатые коллекции из раскопанных кладоискателями раннесредневековых могильников Комунты, Кобана, Рутхи, Кумбулты, но они не дают нам ни комплексов, ни возможности построить хронологическую шкалу, за исключением раскопок Д.Я.Самоквасова в Чми (№ 489). Благодаря изданию подробных описаний по комплексам, все материалы из катакомб Чми-Суаргома удалось включить в таблицу взаимовстречаемости вещей и разделить на несколько этапов (рис.33). В работе 1963 г. [Деопик-Ковалевская, 1963, с. 122–147, см. рис. 34 данной книги] мною была предложена первая версия относительной и абсолютной хронологии Чми. В дальнейшем [Ковалевская, 1995, рис. 10–11, 20–21] она была уточнена (в плане абсолютных дат) и в настоящее время представляет следующую картину.

Первый период: VII в. (возможно, рубеж VI–VII вв.) – катакомбы 11, 12, 23 и 17 (может быть и катакомба 16); второй период – VIII в. (катакомбы 27, 7, 1, 20, 26, 3, 25) и третий период – IX в. (в котором намечается подразделение на первую и вторую его половину) катакомбы 22, 5, 19, 18, 15 (первая половина IX в.), 6, 14, 24, 13, 10, 8, 2 (вторая половина IX в.). Это упорядочение лишь частично совпадает с кластерным анализом бус (рис.33).

Первый период характеризуется наличием наборных поясов, украшенных накладками с прорезной орнаментацией, изображающей человеческую личину и ее схематизацию. Причем почти на каждом поясе встречены были накладки ряда типов, но интересно, что эволюционные ряды орнаментации на накладках различных форм повторяют один и тот же путь постепенной схематизации или же, говоря языком математики, минимализации избыточности. Именно это сравнение эволюционных рядов убеждает нас в том, что эти комплексы относятся ко времени основного (никак не пережиточного) бытования наборных поясов в Юго-Восточной Европе и что предложенное нами упорядочение комплексов справедливо. Пряжки представлены лировидными бесщитковыми или с пластинчатым щитком. Поскольку в эту группу входят в основном одиночные захоронения мужчин-воинов, серьги, амулеты (за одним исключением), бусы отсутствуют или малочисленны. Аналогии в керамике уводят нас в VII в. В четырех случаях из пяти в катакомбах были монеты конца VI в., так что, хоть и с запозданием на полвека, но они могут датировать с известным допуском (интересно, что в катакомбе 11, которую мы склонны относить не к VII в., а к VI в., монет нет).

Второй период (третья и четвертая группы) характеризуется появлением ряда новых типов, которые характерны для VIII–IX вв.: гладкие, крупные серебряные, пластинчатые наконечники-оковки (катакомбы 1, 6); бронзовые, литые накладки полулунной формы с квадратным отверстием (катакомбы 27, 24), бронзовые пуговицы (катакомбы 7, 20, 5, 6 и 10) и бубенчики (катакомбы 17, 27, 20, 9, 16, 14 и 10) и т.д. Но наряду с типами вещей, отличающими первый период от двух последующих, выявляется ряд типов, характерных либо только для второго, либо для третьего. Причем важно отметить, что монеты середины VII в. встречены только во втором периоде, тогда как монеты конца VIII в. – в третьем.

Только для второго периода характерны золотые оковки, украшенные проволочками с насечкой (катакомбы 27 и 20), крупные литые односоставные бронзовые пряжки (катакомбы 7 и 1), золотые серьги с 14-гранником или пирамидкой, украшенные зернью (катакомбы 27 и 7), солярно-лунарные амулеты и солярные с соколиными головками, кубышки 6 видов, кувшинчики 1–3 и несколько более поздние 1–4 видов, маленькие бородавчатые и крупные цилиндрические мозаичные бусы. Преимущественно ко второму периоду относятся перстни со стеклянной вставкой (катакомбы 1, 20, 25 и 2) и браслеты со змеиными головками (катакомбы 7, 26 и 14).

Для третьего периода характерно появление салтовских накладок и пряжек (для второй его половины, катакомбы 6 и 24), салтовских серег с длинной подвеской (для второй половины), колесовидных подвесок (катакомбы 6, 14, 13), литых колокольчиков (катакомбы 5, 10, 8), браслетов с расширенными концами и расплющенными вырезанными (катакомбы 18 и 8), зеркал с шестиконечной звездой (катакомба 2), кувшинчиков 1–2 вида, бус расписных сердоликовых, крупных шаровидных с многослойными глазками, глазчатых с сильно выступающими глазками – «бородавчатых» (рис. 35, 36).

Корреляция различных типов вещей с каждым из периодов, наряду с существованием вещей, живущих по два, а иногда и три периода, убедительно свидетельствует в пользу правильного членения могильника и показывает, что дробное деление оказывается возможным в тех случаях, когда комплексы содержат достаточно большое количество разнообразного инвентаря. Раскопки более позднего времени [Абрамова, 1985, с. 151–155; Ковалевская, 1984, с. 122–123] существенно увеличили общий объем материала и, главное, дали информацию относительно конструктивных особенностей и взаимного расположения различных погребальных сооружений. Они выявили наряду с катакомбами (которые преобладают) захоронения в грунтовых ямах и, наконец, захоронение в дромосе (рис. 37). Катакомбы VI–VII вв. занимают верхнюю часть холма, они наиболее глубоки (более 3 м от уровня дневной поверхности). Камера катакомбы 6 высотой в 1,76 м, размерами 2,3 х 1,7 м имеет форму юрты-шатра (или кибитки) с прямоугольным ровным участком свода в центре, напоминающим светодымовое отверстие. Дромос узкий, длинный, со слегка наклонным дном. Катакомба ограблена в древности, но по отдельным находкам в дромосе (бронзовые прорезные накладки, фрагмент золотого поясного наконечника с зернью, оковка пояса с соколиными головками, синяя мозаичная бусина из сине-белых глазков) мы убедительно можем датировать эту катакомбу VII в. [Ковалевская, 1984, с. 122] (рис. 38). Основное число погребений

относится к VIII–IX вв., катакомбы расположены тесно, параллельными рядами, часто ярусами. Длина дромоса 0,6–2,0 м, размеры камер в среднем 1,7 х 1,3 м при высоте всего 0,7–0,8 м.

Иногда расположенная вглубь по склону катакомба идет не из дромоса, а непосредственно из камеры катакомбы, расположенной несколько ниже. Уникально сохранившееся в целости детское погребение в неглубоком дромосе разграбленной катакомбы, сопровождавшееся золотым солидом Константина II (641–647 гг.), очевидно, использовавшимся или в качестве амулета или на налобной повязке, и вещами VIII–IX вв. (амулет, серьги, браслет, кувшинчик-соска, рис. 39).

Интересный материал для построения таблиц взаимовстречаемости вещей дают материалы из Гоуста (Гоуздка), исследованного В.И.Долбежевым в 1889 и 1890 гг. [ОАК, 1889, с. 73 и сл., 1890, с. 87–96, рис. 53, 54) и хранящегося по комплексам в ГИМе. Первоначальную дату VIII–IX вв. сейчас можно уточнить и датировать могильник в основном второй половиной этого периода, т.е. IX в. по сочетанию вещей и по вещам салтовского типа: пряжкам (катакомбы 5, 12), литым поясным наборам (катакомбы 5, 10а), стеклянным перстням (импорт из Грузии), бронзовым пуговицам и бубенчикам, наиболее поздним типам колесовидных амулетов и зеркал с шести- и семиконечной звездой, амулетам-всадникам, ряду типов бус, в частности, агач-калинского типа, из свинцового стекла, мозаичным начала IX в. Ближе всего по набору вещей Гоуст находится к катакомбам Дуба-Юрта и к тем наиболее поздним катакомбам Чми, которые мы датируем второй половиной IX в. (рис. 40).

Материалы из памятников равнинного Дагестана, входившего в Хазарский каганат, могут рассматриваться в одном контексте с культурой всего раннесредневекового Северного Кавказа. Для вопроса датировки важно остановиться на нескольких памятниках, которые благодаря представительности материала с момента своего исследования привлекают внимание археологов. Однако принятые в литературе даты не соответствуют нынешнему состоянию изучения древностей Евразии и нуждаются в уточнении или замене.

Материал Дагестана раннесредневекового времени во второй половине прошлого века подвергся монографической научной обработке с разных точек зрения рядом исследователей [Атаев, 1963; Маммаев, 1970; Магомедов, 1983; Федоров, 1970–1981; Гмыря, 1985]. Если материальная культура горного Дагестана, так же как и горной Чечни и Ингушетии, несет в себе много узколокальных черт, то культура Северного равнинного и предгорного Дагестана по ряду признаков сходна с теми памятниками, которые нам известны в равнинном Предкавказье.

Памятником предгорного Дагестана, дата которого включала в себя V в., является Большой Буйнакский курган, исследованный в 1897 г. Е.И.Козубским и в 1899 г. Ф.А.Афанасьевым. Вместе с их дневниками материал был опубликован в 1930 г. А.Л.Захаровым и датирован II–VI вв., что принято рядом исследователей в более позднее время. М.П.Абрамовой сужена была дата до IV–V вв. в 1966 г., а позднее уточнена, с выделением в могильнике группы погребений III в. (II–III вв.) и IV – нач. VI вв. [Абрамова, 1980, с. 115]. С такой датировкой нельзя согласиться. Если погребения, выделяемые М.П.Абрамовой как ранние, немногочисленны и мало выразительны [Абрамова, 1980, рис.1], то относительно тех погребений, которые М.П.Абрамова относит к IV–VI вв., следует сказать, что в них нет ни одной вещи, типичной только для середины I тыс. н.э., так же как не представлено ни одного выразительного комплекса этого времени, который не имел бы аналогий в комплексах VII–VIII вв. из Дагестана. Среди погребений Большого Буйнакского кургана, имеющих достаточно разнообразный инвентарь, основная часть относится к VII в. Не ранее этого времени следует датировать погребение 1, датируемое М.П. Абрамовой [Абрамова, 1980, рис. 11] IV–VI вв. по литым серьгам с 14-гранником, крупным пряжкам сюльгамам, литому ажурному колокольчику бипирамидальной формы, миниатюрному (диаметром 1,2 см) зеркальцу-подвеске, подражанию пальчатой фибуле. Смутить исследователей могли лишь крутлые бронзовые пряжки с коротким хоботкообразным язычком, но последние исследования дают много комплексов VII в. с такими пряжками. С тем же основанием не ранее, чем к VII в., следует отнести погребения [Абрамова, там же, рис.121], где найдены бронзовые штампованные поясные накладки, подражающие прорезным серебряным VI–VII вв. Еще к более позднему времени (не ранее VIII в.) следует относить погребение XIII с крупными пряжками сюльгамами, миниатюрным и среднего размера зеркалом, орнаментированным дугами, очень крупными височными подвесками с 14-гранником, ажурными колокольчиками и бусами, которые никогда не встречались раньше VIII–IX вв. (бородавчатые, с мозаичными сильно выступающими глазками, из оранжевой пасты). Керамика представлена теми же формами, что и в склепах VIII–X вв. в Агач-Кале. Что же касается маловыразительных комплексов из 8 и 9 могилы, вопрос о ранней дате можно было бы оставить открытым, если бы не крупные сюльгамы и зооморфные амулеты (последние нам неизвестны на Северном

Кавказе в комплексах ранее VIII в.). Следовательно, по имеющимся в настоящее время материалам, Большой Буйнакский курган следует считать памятником VII–VIII вв., возможно, VI–VIII вв.

Если подытожить все вышесказанное, мы должны отметить, что уже в дореволюционное время был накоплен большой и выразительный материал по северокавказским могильникам IV–IX вв. К сожалению, недостаточное внимание уделялось фиксации погребального обряда и погребальных сооружений, еще очень расплывчаты были даты, публикации и обобщения отставали от накопления материала, и все же имеющийся материал позволял распределить его во времени. Важно, что в ряде случаев мы обладали достаточным для уверенных хронологических построений статистическим основанием (десятки погребений в одном могильнике) и долгое время исследователи принуждены были вновь и вновь обращаться к этим материалам в своих обобщающих работах.

Следующий период – это работы в советское время, начиная с 20-х годов вплоть до Великой Отечественной войны. Основное внимание комплексных экспедиций Ленинграда и Москвы в это время было обращено на исследование бытовых памятников. Раннесредневековые могильники, как правило, изучались не сплошными площадями – в них исследовались лишь 1–2 погребения, чтобы иметь о них самое общее представление. Из десятка памятников, исследованных в это время в Центральном Предкавказье (Вольный Аул, Тырны-Ауз, Кешене-Алы, Лац [Пчелина, 1929], Галиат [Крупнов, 1938], Садон, Архон [Пчелина, 1934], В.Алкун, Дуба-Юрт [Круглов, 1936], Алхан-Кала), – только в трех число могил превышало десяток, причем изданы были только материалы из Дуба-Юрта [Круглов, 1938]. Правда, эти материалы были интерпретированы в тех обобщающих работах, о которых мы говорили выше [Деген-Ковалевский, 1939; Иессен, 1941]. Другой особенностью раскопок этого периода оказалось то, что большинство памятников относится к VIII–IX вв., более ранние материалы почти не представлены; кроме того, именно с этого времени начала укореняться ошибка в датировании памятников VI–VII вв. более ранним временем (IV–V вв.), примером чему является Пашковский могильник № 1.

Пашковский могильник № 1 с грунтовыми погребениями исследован М.В.Покровским в 1927 г., Н.В.Анфимовым в 1936 г. и К.Ф.Смирновым в 1948 и 1949 гг. [Смирнов, 1951, с. 155–161]. Причем со времени первой публикации он широко стал использоваться в качестве эталона для датирования древностей эпохи переселения народов, несмотря на неполноту публикаций и разнобой в датировках (от IV–V вв. до VII в. н.э.). Для того, чтобы убедительно доказать справедливость той или иной даты, следовало бы для каждой вещи и каждого комплекса привести все аналогии из узко и убедительно датированных комплексов на смежных территориях и показать, что они нигде не выходят за принятые хронологические рамки использования могильника.

Рассмотрение вещевого материала и керамики наглядно свидетельствует в пользу узкой даты использования могильника. В начале М.В.Покровским она была предложена как V–VI вв., Н.В.Анфимов расширил ее до V–VII вв., а позднее сузил ее до V–VI вв. К.Ф.Смирнов ограничил ее IV–V вв. [Смирнов, 1954, с. 159]. Пашковский могильник был передатирован в памятник VII в. А.К.Амброзом, прежде всего на основании анализа пальчатых и двупластинчатых фибул с учетом передатировки В.К.Пудовиным могильника Суук-Су [Амброз, 1971, с. 107], тогда как наиболее правильным является датирование могильника VI в. с частичным захождением в VII в.

Количество типов вещей, свидетельствующих в пользу датирования этим временем можно увеличить за счет и других категорий вещей – в-образные пряжки, как более ранних, так и более поздних (но не ранее VI–VII вв.) типов, пряжки с квадратной рамкой и полуовальным щитком, круглые серебряные бляшки-накладки (иногда с насечками по краю), фибулы, инкрустированные стеклом и с четырьмя птичьими головками по кругу – наиболее поздняя находка; антропоморфные амулеты, серьги «калачиком». Спецификой Пашковского могильника являются гривны; близкие по типу к гривнам из погребений Чир-Юрта, к более же широкому кругу памятников относятся зеркала, орнаментированные концентрическими рельефными кругами (интересно, что все зеркала Пашковского могильника относятся к одному типу, кстати, к тому же, что и зеркала из Керчи-Госпитальной и большинство зеркал из могильников Бжида и Дюрсо [Археология, Дмитриев, 2003, табл. 80, *24*, 83, *94, 95*]). Наиболее поздними находками следует считать бронзовые колокольчики, которые в других северокавказских памятниках датируются VII–VIII вв. Подробный анализ бус Пашковского могильника показал, что весь их набор соответствует набору бус из Керчи-Госпитальной, но в целом он несколько более поздний [Ковалевская, 1998, с. 44–45]. Анализ керамики подкрепляет положение об однородности материала из разных погребений. Из 12 погребений (керамику по комплексам мы можем расчленить прежде всего по материалам

К.Ф.Смирнова)[12] происходит 28 сосудов, промеры и индексы которых сведены были нами в таблицу. По характеру глиняного теста и примесей, обжигу, обработке поверхности эта керамика указывает на генетическую связь с местной керамикой, вместе с тем основные типы керамики по форме, размерам и индексам соответствуют тому, что было характерно для Северного Кавказа в VI–VII вв. и для более восточных территорий, следовательно, керамика входит в широкий круг, неся на себе ряд локальных отличий. Особенностью Пашковского могильника, в чем мы видим вклад болгар [Ковалевская, 1981, с. 49, 51], следует считать высокий процент маленьких кубышек и горшочков, что, по аналогии с Чир-Юртским могильником, тоже подкрепляет датировку Пашковского могильника VI – началом VII вв.

Следующий (послевоенный) период изучения северокавказских могильников характеризуется усилением полевых работ, причем наряду с деятельностью центральных экспедиций, начинается планомерное исследование памятников (в частности, раннего средневековья) археологами из краеведческих музеев, научно-исследовательских институтов автономных республик и педагогических институтов (позднее университетов). Несмотря на то, что здесь нет особенно резких сдвигов, удобнее разделить этот промежуток времени на три двадцатилетних периода (третий – 1947–1964 гг., четвертый – 1965–1986 гг. и пятый – с 1987 г.), причем для последних мы можем использовать краткие отчеты в «Археологических открытиях». Третий этап характеризуется малым числом работ, причем проводились они только на территории западного локального варианта аланской культуры, прежде всего силами Т.М.Минаевой на Верхней Кубани: Гиляч (о котором мы говорили выше), Байтал-Чапкан, Узун-Кол.

Исследованиями Т.М.Минаевой выявлена вся свита наслоений аланской культуры V–IX вв. для Верхней Кубани (рис. 119 а, б). V в. представлен погребениями Гиляча, вскрытыми в 1965 г., тогда как более поздние (VII–VIII вв.) представлены раскопанными в 1939–1940 гг. [Минаева, 1951, с. 273–301] погребениями в каменных гробницах, грунтовыми могилами и каменными гробницами Узун-Кола [Минаева, 1960, с. 193 и сл.; Ковалевская, 1981, рис. 62]. Памятники конца I тыс. выявлены разведками В.А.Кузнецова [Кузнецов, 1954]. Комплексы VIII–IX вв. в верховьях Кубани случайны и маловыразительны, этот период представлен более широко случайными находками вещей (в частности, амулеты, серьги и керамика). Значительно лучше документирован материалами период рубежа тысячелетий и начала II тыс., что позволяет нам проследить эволюцию ряда категорий вещей и керамики на протяжении почти тысячелетия, т.е. рассмотреть развитие культурной традиции. Рассмотрение взаимовстречаемости вещей в могильниках Верхней Кубани позволяет упорядочить рассматриваемые комплексы по хронологической оси на основании параллельных эволюционных рядов для пряжек, фибул, зеркал, амулетов и керамики.

Подобная по полноте и насыщенности стратиграфическая колонка получена и для раннесредневековых древностей с территории Дагестана силами как московских археологов (К.Ф.Смирнов, Р.М.Мунчаев, В.И.Марковин), так и сотрудников Дагестанского филиала (В.Г.Котович, Д.М.Атаев, М.И.Пикуль, К.А.Бредэ, В.И.Канивец, И.П.Костюченко, Н.Д.Путинцева и др.). Верхне-Чирюртский могильник, которому в настоящее время посвящена огромная литература, был исследован в 1956 г. И.П.Костюченко, а в 1957 г. Н.Д.Путинцевой. К глубокому сожалению, этот важный эталонный могильник из-за конфликта между производителем работ 1956 г. И.П.Костюченко и дирекцией филиала оказался лишенным всей полевой документации. Работы 1957 г. Н.Д.Путинцевой, значительно меньшие по своему объему, в некоторой мере заполнили этот хиатус, но в целом мы лишены возможности дать полную картину могильника на основании статистической обработки погребального обряда [Коробов, 2003, с. 163–166]. У меня была возможность в 1958 г. подробно зарисовать материалы всех комплексов в хранилищах, замерить и зарисовать керамическую коллекцию, осмотреть с Д.М.Атаевым в поле весь комплекс Верхне-Чирютских памятников. В 1975 г. вместе с А.К.Амброзом мы смогли обработать то немногое, что осталось к этому времени в фондах филиала, хотя очень важно, что в середине 60-х годов большая коллекция текстильного материала была передана на реставрацию и исследование в Государственный Эрмитаж А.А.Иерусалимской и подготовлена к изданию. При поддержке международного и отечественных научных фондов таблицы материалов из Верхне-Чирюртского грунтового могиль-

---

[12] По публикации М.В.Покровского мы можем выделить для таблицы взаимовстречаемости вещей 6 комплексов, из которых часть соответствует отдельным погребениям, а часть – сборам находок из нескольких. Н.В.Анфимовым было вскрыто 20 грунтовых погребений, инвентарь из которых, к сожалению, лишь перечислен суммарно и опубликован выборочно. К.Ф.Смирновым вскрыто 14 погребений, из которых 12 включено нами в таблицу. Поскольку в ближайшее время готовится монографическое издание всех материалов Пашковского могильника, мы не приводим иллюстративные данные.

ника, состоящего из катакомб, подбоев (одинарных и двойных) и грунтовых погребений, в настоящее время подготовлены к изданию благодаря помощи участников грантов И.О.Гавритухина (перевел мои карандашные рисунки в таблицы для издания), Д.С.Коробова, который произвел статистическую обработку всего массива погребений, содержащих бусы (58 погребений по 103 МЕР бус), керамику и вещевой инвентарь (78 погребений по 63 таксонам инвентаря) и всех погребений, содержащих бусы, керамику и вещевой инвентарь (86 погребений по 166 таксонам) и А.Н.Евсюкова, который построил атлас компьютерных карт распространения бус (355 карт, из которых 103 МЕР бус встречены в Чир-Юрте), поясных наборов, зеркал и амулетов, изданных частично ранее [Ковалевская, 1998а, 2000а, и т.д.] и в небольшой степени приведенных в данной монографии. Полное издание вещевого инвентаря из Верхне-Чирюртского I могильника дано впервые (рис. 41–74), хотя выборочно он издавался, а материалы из раскопок 1957 г. Н.Д.Путинцевой были полностью изданы [Путинцева, 1961]. Благодаря тому, что основной целью данной работы является рассмотрение археологических материалов, как источника для анализа этнокультурной ситуации на Северном Кавказе, мы на протяжении текста данной книги рассматривали процедуру датирования памятников. На примере Верхне-Чирюртских могильников рассмотрим этот вопрос подробнее в исторической перспективе, разделив его на две взаимосвязанных проблемы – дата существования могильников и этнокультурная принадлежность населения, захороненного в них, обратив особое внимание на первую проблему.

Благодаря широкомасштабным новостроечным работам в Дагестане конца 50–60-х годов основная научная деятельность авторов раскопок заключалась в подготовке полевых отчетов, хранящихся в архивах Махачкалы и Москвы и в малой степени была отражена в печати. Исключением является упомянутая статья Н.Д.Путинцевой (1961) и Т.С.Кондукторовой (1967), привлекших внимание кавказоведов к этому памятнику, в частности и в связи с аланской проблематикой [Кузнецов, 1962, с. 34]. Н.Д.Путинцевой для времени существования могильника была предложена дата V–VII вв. [Путинцева, 1961, с. 264], принятая большинством дагестанских археологов, во второй половине 60-х годов вплотную обратившихся к раннесредневековой тематике (В.Г.Котович, М.Г.Магомедов, Г.С.Федоров, М.М.Маммаев), что стимулировалось как научной обработкой недавно добытых археологических материалов, так и появлением в это время ряда исследований Л.Н.Гумилева по хазарской тематике. В 1970 г. в Москве были защищены три кандидатских диссертации (М.Г.Магомедов, Г.С.Федоров и М.М.Маммаев), которые надолго определили уровень исследования археологами-кавказоведами материалов с территории Дагестана. Научная интерпретация этих данных появилась позднее в виде ряда монографий и статей указанных ученых. На защитах этих диссертаций в МГУ и Институте археологии РАН, где мне привелось быть официальным оппонентом, развернулась дискуссия относительно даты памятников. Поэтому приведу эти данные. Так, А.П.Смирнов в отзыве на диссертацию Г.С.Федорова писал: «Чир-Юртский могильник, как видно даже по работе диссертанта, должен датироваться VII веком...» [Смирнов, 1970, с. 2].

Более подробно о принятии Г.С.Федоровым (Гаджиевым) даты Верхне-Чирюртского могильника в качестве V–VII вв. писал при оппонировании автор данной монографии: «Отметим прежде всего, что если в специальной литературе существует дата – V–VII вв., предложенная Н.Д.Путинцевой, то так же давно появилась датировка В.А.Кузнецова – VII–IX вв. и датировка В.Б.Ковалевской – VI–VII вв., принятая в ряде работ... начало использования Чир-Юртского могильника следует относить не раньше, чем к середине VII в., а конец его – к началу VIII в.» [Ковалевская, 1970, с. 5]. Далее, рассматривая те категории инвентаря, которые подробно описаны Г.С.Федоровым в диссертации на основании изучения археологических материалов Верхне-Чирюртского грунтового могильника (кстати, в дальнейших опубликованных материалах эта сторона была опущена в исследованиях), я отмечала: «Разбор этих аналогий приводит к более узкой дате – VII – началу VIII вв. как по пряжкам (см. с. 86 диссертации), так и по бляшкам (с. 87, 89), фибулам (с. 90, 101), колокольчикам (с. 92), серьгам и височным кольцам (с. 96). Наиболее массовым (3019 экз.) и хорошо классифицированным материалом являются каменные и стеклянные бусы, также надежно датирующие Чир-Юртский могильник VII в.» [Ковалевская, 1970, с. 7].

Сейчас, когда количество аналогий значительно увеличилось по сравнению с 1970 г., можно предложить на основании кластерного анализа расчленение Верхне-Чирюртского грунтового могильника, используя взаимосочетание бус, на хронологические этапы (рис. 75), подкрепленное корреляцией этих этапов с определенным типом фибул, а последних на основании кластерного анализа инвентаря с разными таксонами керамики, поясных наборов и украшений. Эти выводы относительно даты VII– начало VIII вв. подкреплены на современном уровне математической обработки методами многомерной статистики, позволяющими предложить на основании разных категорий археологических артефактов разные группировки погребений (см. рис.

76–78), где далеко не во всех случаях причиной того или иного объединения в кластеры служит хронологический признак, в равной мере работают социальные факторы, историко-культурный и гендерный аспекты. Предложенная в 1970 г. А.П.Смирновым и мною дата в качестве VII – сер. VIII вв. для Верхне-Чирюртского грунтового могильника стала входить с этого времени в специальную литературу [Амброз, 1975, с. 94; Магомедов, 1983]. Далее в связи с проблемой этнической принадлежности населения, оставившего Верхне-Чирюртские могильники, я подробнее остановлюсь на специфике подкурганного Верхне-Чирюртского могильника 2 и отличиях от грунтового, очень подробно рассмотренных М.Г.Магомедовым [Магомедов, 1983, с. 63–90]. В связи с датировкой хочу сказать, что использование курганного катакомбного могильника было менее длительным: по набору вещей и появлению ряда категорий инвентаря, отсутствующих в грунтовом, я полагаю, что если могильник Верхний Чир-Юрт 1 использовался с середины VII в., то могильник Верхний Чир-Юрт 2 – или с самого конца VII или же с начала VIII века.

Говоря об истории формирования взглядов на дату Верхне-Чирюртских могильников, мы не останавливались подробно на исторической стороне вопроса, тем более, что это специальная проблема – построение периодизации могильника на основании анализа взаимовстречаемости вещей в комплексах и группировка последних на этой базе. На примере анализа этих процедур, включающих в себя как традиционные, так и математические построения, использованные в работе над материалами Верхне-Чирюртского грунтового могильника, я хочу проиллюстрировать путь решения подобной проблемы. Почему я выбрала этот материал? Он является эталонным по причине, с одной стороны, достаточно ограниченного срока использования могильника (от трех четвертей до одного столетия), с другой стороны, благодаря представительности и хорошей структурированности материала по ассортименту – возможности применить предложенные ранее дробные классификации и построить параллельные эволюционные ряды для корректировки выводов по материалам бус, поясных наборов, серег, зеркал и керамики.

И, наконец, материалы Верхне-Чирюртского 1 могильника впервые полностью публикуются (см. рис. 41–74) и вводятся в научный оборот, поэтому дополнение публикации той информацией, которая получена в результате математической обработки всех данных, нам кажется необходимой и целесообразной. Мы обращаем особое внимание на весь алгоритм исследования – последовательность научных операций по обработке материала.

Наиболее массовым материалом являются бусы (см. прил. 5). Они происходят из 58 погребений, составляют коллекцию в 2654 экз., разбитых на 103 таксона, что составляет около трети выделенных мною в последних работах [Ковалевская, 1998, 2000] минимальных единиц рассмотрения бус IV–IX вв. Крыма и Кавказа. В приложении 5 представлены все МЕР бус из В.Чир-Юрта, нумерация их соответствует принятой нами в таблицах, тексте и на компьютерных картах указанных монографий 1998 и 2000 года, поэтому читатель может легко получить информацию о каждом из интересующих его экземпляров по каталогу и по компьютерным картам.

База данных бус обработана математически (с помощью факторного и кластерного анализа) для того, чтобы весь массив погребений Чир-Юрта разделить по взаимному сочетанию бус на такие группы погребений, которые могли бы быть упорядочены на хронологической оси. Традиционным образом произвести эту группировку не удалось, поскольку в среднем на одно погребение приходилось немногим более 40 экз. бус и набор их был стандартным и достаточно однообразным. Результатом кластерного анализа оказалось выделение 9 кластеров, которые можно было объединить в четыре группы, проверив их упорядочение направленными изменениями состава бус, сменой одних МЕР другими и, главное, выделив те группы хроноиндикаторов, которые подтверждают предложенное упорядочение [Гавритухин, Ковалевская, Коробов и др., 1995, с. 224].

В I группе преобладают сердоликовые бусы, преимущественно круглые в сечении, небольшие янтарные, единичны хрустальные. Среди стеклянных, которые составляют менее половины, преобладает бисер; одноцветные бусы немногочисленны, глазчатые как продолжают традицию предшествующего времени, так и представлены формами, появившимися на Северном Кавказе в середине VII в. и, как мы полагаем, связанными с местным производством в Центральном Предкавказье на привозном сырье («посудное стекло»). Они представляют интерес и как показатель интенсивных связей между центральным и восточным Предкавказьем в хазарское время, и как основание для уточненной датировки начала использования могильника с середины (возможно, 40-х годов) VII в. Из погребений этой группы происходят ранние двупластинчатые фибулы, выделенные И.О.Гавритухиным в качестве 1 типа (рис. 45, 51, *20*, 65, *7*) (см. далее таблицу инвентаря в приложении 6), не встреченные в других группах, и появляются фибулы 2 типа (см. рис. 46, *1–2*,

21). Мозаичные бусы встречены единично, некоторые МЕР (№ 231, 244), которые появляются еще в комплексах VI в., продолжают существовать и в VII в.

Во II группе встречены те формы, которые были выделены в I группе (сердоликовые круглые в сечении, небольшие янтарные, желобчатые эллипсоидные хрустальные), но появляется ряд новых – монетообразные из сердолика и из агата, плитчатые сердоликовые. Более заметны изменения в наборе стеклянных бус: появляется ряд МЕР голубых одноцветных бус, связанных с собственно византийским производством, предметы из «египетской пасты». Наряду с крупными мозаичными бусами, не составляющими устойчивых типов, начинают появляться бусы, типичные для последующего времени (№ 222, 228, 231) и специфичные по технике изготовления и цветовой гамме (зелено-желто-красной и сине-бело-красной) – № 255, 259. Находки монет (сасанидских и подражаний византийским), так же как и поясных наборов, говорят как о византийских, так и о ближневосточных связях. Хорошим временным показателем являются фибулы 2 и 3 типа (см. рис. 47, *1, 2, 15*; рис. 49, *1, 2*), встреченные в комплексах II группы.

Последующие III и IV группы характеризуются изменившимся ассортиментом бус. Почти полностью исчезли сердоликовые бусы, которые в целом для Верхне-Чирюртского могильника составляют около 40% всех бус. Их заменили сардониксовые. Появились лазуритовые бусы ряда типов и гагатовые. В небольшой степени сохранились коралловые и янтарные. Это изменение набора каменных бус свидетельствует об изменении направления торговых связей, очевидно, связанных с арабскими завоеваниями и перипетиями арабо-хазарских войн. Стеклянные бусы немногочисленны, но следует отметить, что только в погребениях IV группы найдены многосвинцовые бусы местного производства, говорящие о возможном датировании комплексов концом VII в. или началом VIII в. Это подтверждается находками «бородавчатых» (№ 176) и мозаичных (№ 254) бус, основное время бытования которых на Кавказе и в Восточной Европе относится к VIII–IX вв. С группой III связаны фибулы 4 типа (рис. 52, *1*), а с IV – 5 типа (рис. 54, *2*).

Рассмотрение аналогий ко всем типам каменных бус, найденным в Чир-Юрте (таблица частот бус по хронологическим этапам), показывает, что они в своем подавляющем большинстве относятся к специфическим для VII в. типам, следовательно, являются надежными хроноиндикаторами. Тот же факт, что математическая обработка всего массива информации позволяет выделять по их сочетаниям хронологические группы, делает возможным принимать более узкие датировки и оценивать динамику в смене одних типов другими.

Для раскрытия этих данных мы приводим результаты кластерного анализа как 58 погребений на основании распределения бус[13] (рис. 75), так и 103 МЕР бус, происходящих из 58 погребений, что мы не приводим.

Для того, чтобы получить более надежную и объективную характеристику материалов Верхне-Чирюртского могильника, такую же процедуру анализа, как для бус, мы произвели со всеми категориями находок – керамикой, поясными наборами (пряжками, накладками и наконечниками), фибулами, браслетами и т.д. – т.е. со всеми деталями одежды, украшений и посудой, сопровождающими мужские, женские и детские погребения.

Все выделенное многообразие признаков (63) представлено в специальной таблице (приложение 6), причем две трети погребений, содержащих вещевой материал и керамику, содержали и бусинный материал. Последнее позволяет нам производить кластерный анализ как для комплексов, содержащих вещевой инвентарь, так и объединять информацию по всему инвентарю – бусам, вещам и керамике. Поскольку бусы встречаются, как правило, не единично, а наборами, мы в объединяющих все материалы кластерах учитывали не количество экземпляров (как было целесообразно делать при изучении распределения бус), а факт наличия того или иного таксона в погребении. Нами приводятся результаты кластерного анализа по 63 таксонам, сочетания которых были определены на основании 78 погребений (рис. 76). Дополнены они кластерным анализом уже по 166 таксонам (рис. 77), когда мы имеем возможность проанализировать, какие МЕР бус, металлических украшений и керамики наиболее устойчиво взаимосвязаны между собой. Надо только помнить, что выделенные сочетания характеризуют изученный нами конкретный материал Верхне-Чирюртского 1 могильника и если мы хотим сопоставлять его с другими одновременными (или отличающимися по времени) комплексами, то и сравниваемый материал следует подвергнуть подобной обработке.

---

[13] Для удобства пользования результатами кластерного анализа мы будем ссылаться на принятые методы.

Второе, что следует иметь в виду, если мы будем сравнивать между собой кластеризацию не сочетания вещей, а группировку погребений на одном и том же материале, а именно Верхне-Чирюртском могильнике, но при разном объеме (58, 78 и 86 комплексов) и разном качественном и количественном наборе материала (103, 63 и 166 таксонов – последний случай рис. 78), то результаты могут между собой отличаться, т.к. разные признаки могут объединять между собой разные наборы. Объясняется это тем, что параллельно действуют историко-культурные, хронологические, гендерные, социальные, экономические, конфессиональные и этнические связи, причем в самых разных соотношениях. Рассмотрим это на нескольких примерах.

Очень важную информацию, касающуюся как уточненной датировки, так и историко-культурных связей, можно извлечь из анализа поясных наборов – пряжек, поясных накладок и наконечников. Любопытно, что пряжки, встреченные в 24 погребениях (из 78, содержащих металлический инвентарь), лишь в 14 случаях сопровождались металлическими деталями, украшающими пояс. Соответственно, часть их использовалась, очевидно, для крепления оружия к поясу и застегивания обувных ремешков, часть же могла быть использована для матерчатых поясов, существование которых в Чир-Юрте предполагает А.А.Иерусалимская. К сожалению, пряжки встречаются недостаточно массово, чтобы использовать их для сближения между собой тех комплексов, из которых они происходят, также они редко сочетаются в одном погребальном комплексе между собой. Треугольные, так называемые «рогатые пряжки», продолжающие существовать в более позднее время в памятниках салтово-маяцкой культуры, в Верхне-Чирюртском могильнике являются предметом исключительно женского костюма (погр. 13К, 40аК, 78К, 79К). Рассмотрение всех аналогий к чирюртским пряжкам среди датированного материала Кавказа и юго-восточной Европы показывает, что от 2/3 до 3/4 датируются VI–VII вв., и только 25–30% аналогий происходит из VIII–IX вв.

Кластерный анализ всего вещевого комплекса, включая детали поясной гарнитуры, указывает на то, что гладкие неорнаментированные и стилизованные человеческие личины входят в разные кластеры, так же как штампованные экземпляры. Всю информацию, касающуюся разных типов поясных накладок и наконечников Верхне-Чирюртского могильника, читатель может почерпнуть из Свода археологических источников по ним [Ковалевская, 2000а, с. 316–353, 355–357, карта рис. 406, с. 203]. На материалах сочетания поясных наборов (накладки и наконечники) построен связный граф тех погребений Верхне-Чирюртского могильника, из которых они происходят (рис. 79). В целом, как пряжки, так и металлические детали поясной гарнитуры надежно датируются VII в. и входят в группу поясов геральдического типа, связанных с византийской армией на Северном Кавказе. Интересно, что образцы пряжек и накладок, которые можно связать с Ираном, в Верхнем Чир-Юрте отсутствуют, а пряжка, которая указывает на сибирские связи (Пенджикент, Умна 3, Капчагай, Чуйская долина), представлена всего одним экземпляром (рис. 62, *2*). Интересно, что подобных пряжек в Верхне-Чирюртском 2 курганном катакомбном могильнике значительно больше, чем в грунтовом, что, очевидно, объясняется как некоторым хронологическим отличием, так и присутствием в подкурганном Верхне-Чирюртском 2 могильнике в большем количестве тюркских черт.

Другие направления связей наблюдаются в браслетах, перстнях, стерженьках с перехватом, служащих пуговицами, бубенчиках, гривнах и серьгах. Они имеют местную традицию, восходят к формам, имеющим широкий ареал и прототипы на Северном Кавказе в памятниках постгуннского времени. Интересно, что среди серег, широко представленных на Северном Кавказе [подробнее см. Ковалевская, 1995б, с. 150–168, рис. 6–7] и имеющих аналогии в Верхне-Чирюртском 1 могильнике, выделяются серьги (рис. 52, *4*) закавказского происхождения [Рамишвили, 2003, табл. 115, *3, 14, 17, 21, 25, 32*; Воронов, 2003, табл. 133, *20*], встреченные в ряде могильников (Ахалгори, Самтавро, Эрцо, Цебельда) в разновременных погребениях V–VII вв. вплоть до VIII в. О месте Верхне-Чирюртских фибул в эволюции двухпластинчатых и роли их в качестве хроноиндикаторов мы уже говорили [Гавритухин, Ковалевская, Коробов и др., 1996, с. 225–227, рис. 5–6]. Как и в случае с предметами в полихромном стиле (рис. 83), мы имеем дело или с местными производствами (например, фибулы), или с импортом упрощенных подражаний роскошным византийским брошам из драгоценных металлов, инкрустированным драгоценными камнями, о чем мне уже приходилось писать ранее [Ковалевская, 2001, с. 67–70]. К инкрустированным разноцветным стеклом (голубым, розовым, желтоватым) брошам из Верхнего Чир-Юрта (рис. 58, *1*; 61, *1, 2*; 83, *6–8*) добавилась в 2003 г.[14] абсолютно идентичная брошь, связанная, очевидно, с украшением

[14] Я благодарю Т.А.Габуева и В.Ю.Малашева за возможность в полевых условиях во время работ Брутской экспедиции увидеть эту великолепную находку.

конской узды, происходящая из наиболее поздней подкурганной катакомбы Брута (скорее всего начала VII в.). Эти материалы документируют налаженные связи между Византией, аланами и Хазарией в VII в., о чем мы уже говорили в связи с находками византийских бус, шелков, монет, пряжек и т.д. Подтверждением этого является превосходный стилистический анализ амулета-подвески, так называемой «Чирюртской Мадонны», проведенный А.А.Иерусалимской [Иерусалимская, 2001, с. 18–21], которую можно считать на основании целого ряда сопоставлений местным подражанием изображениям из византийского Египта первой половины VII века.

В указанной статье А.А.Иерусалимская относит ко времени не позднее 641 г. или 643 г. те ткани, которые происходят из Ахмима и Антинои и имеют полные аналогии с тканями из погребения 53К, соответственно предлагая для этого комплекса датировку серединой VII в., так же как и для погребения 8К, по найденной там сасанидской печати (там же, с. 18). Нам важно еще отметить, что аналогии к «Чирюртской Мадонне» происходят из аланских памятников Кавминвод (там же, с 19), следовательно, не только такой массовый материал, как бусы, поясные наборы, ряд типов женских украшений, являются общими в VII в. для материальной культуры западных и восточных районов аланской культуры, с одной стороны, и северо-восточного Кавказа – с другой, но и редкие находки, такие как инкрустированные броши и подвески, связанные с христианством.

В еще большей мере близость между пространственно разделенными памятниками указанных районов Предкавказья подтверждается находками металлических зеркал-подвесок из Чир-Юртского 1 могильника. Зеркала-подвески – одна из наиболее показательных черт сарматских комплексов начиная с первых веков н.э., что было давно замечено исследователями [Абрамова, 1971, с. 133–138; Мошкова, 1989, с. 200] относительно памятников сармато-аланского круга от границ Европы и Азии вплоть до Центральной и Западной Европы.

Специфика аланской материальной культуры также нагляднее всего проявлялась в зеркалах и амулетах, обилие которых, разнообразие форм и орнаментации (явно ощутимые при сравнении их с материалами со смежных территорий) свидетельствуют в пользу их производства на месте и, даже больше, мы можем считать эти артефакты этнодифференцирующими признаками алан (см. карту 20а, б, в, г; Албегова, 2001, с. 83–96).

Сравнительное изучение зеркал показало, что кроме как из Джераховского ущелья (мы сейчас оставляем в стороне находки идентичных зеркал в салтово-маяцких памятниках) и еще в одном-двух случаях в Центральном Предкавказье [Албегова, 2002, с. 5–6] мы не найдем двух экземпляров, отлитых в одной форме; зеркала изготавливались в глиняной форме по восковой модели, на заказ и были, видимо, личными оберегами женщины, выполненными в традициях, типичных для аланского ремесла данного периода в целом и для данного района в частности. Тщательность исполнения становится датирующим признаком. Так, зеркала V в. изготовлены более аккуратно, чем зеркала последующих периодов. Кроме того, несмотря на находки нескольких крупных зеркал в комплексах V в., в целом наблюдается тенденция к увеличению их диаметра на протяжении V–XII вв. Наряду с ними на рубеже VII–VIII вв. появляются гладкие или орнаментированные миниатюрные зеркальца-амулеты (диаметром от 1,2 до 3,5 см), в основном характерные для западных территорий Центрального Кавказа (в Чир-Юрте, например, они отсутствуют).

Картографирование (примеры чему нами уже приведены) выделяет излюбленные орнаменты для того или иного района Центрального Предкавказья. Например, часто расположенные радиальные линии более характерны для восточных районов (Чечня и Ингушетия – 31,0%, Северная Осетия – 26,6%), чем для западных районов (Кавказские Минеральные Воды – 13,1%, Кабардино-Балкария – 7,1%). Зеркала, на внешней стороне которых изображались пятиконечная или шестиконечная звезда (таксон 10 а-в, 11а-д), типичны для восточных районов, что понятно в связи с исторической ситуацией, а с ломаной линией (или же восьмиконечной и многолучевой звездой) – для западных (в районе Кавказских Минеральных Вод (рис. 80) их около 46%). Некоторые типы зеркал имеют еще более узкий ареал. Так, зеркала с орнаментом из завитков, выполненных выпуклыми точками, типичны только для комплексов второй четверти VIII–IX вв. и IX в. из Дарьяльского ущелья, Чечни и Ингушетии. В некоторых могильниках вообще нет однотипных зеркал (например, в Мокрой Балке), в других случаях разнообразие рисунков сведено к минимуму: в Архоне больше половины зеркал украшено неряшливой пятиконечной звездой. В Верхне-Чирюртском 1 могильнике представлены три разнотипных экземпляра, отличающихся более крупными, чем средние для Северного Кавказа, размерами.

Зеркало из погр. 1 Верхне-Чирюртского 1 могильника (рис. 41, *2*) из раскопок 1956 г. состоит из шести неправильной формы (иногда со слегка выпуклыми сторонами) треугольников во внешнем кольце, шести радиальных полос, идущих от центра – небольшого выступа с круглым отверстием в центре. По принятой нами типологии (В.Б.Ковалевская, З.Х.-М.Царикаева) этот экземп-

ляр может быть отнесен к таксону 11, правда, сходство относительное. Датировка на основании северокавказских и салтово-маяцких аналогий достаточно широкая – VII–IX вв., с преобладанием среди последних более поздних экземпляров. Географически зеркала данного таксона в пределах Предкавказья концентрируются в Восточной Алании.

Из п. 79 (рис. 60, *1*) того же года раскопок происходит крупное зеркало с ломаной линией (восьмиконечная звезда) по внешнему кольцу и шестиконечной звездой во втором кольце, которое мы относим к 17в таксону (см. рис. 80, *17*). Интересно, что внутренняя часть этого зеркала с шестиконечной звездой по своим размерам и рисунку соответствует всему зеркалу из погребения 1 (рис. 41,*2*). Аналогии, как и в первом случае, уводят нас как в круг памятников аланской культуры Предкавказья (западный и восточный локальные варианты), так и салтово-маяцкой культуры, при преобладании среди датированных находок материалов VIII–IX вв.

Из п. 13а (рис. 43, *23*) происходит крупное зеркало с ломаной линией, состоящей из 14 зубцов с мягкими или острыми вершинами на внешнем кольце и шестью эсовидными завитками на втором кольце. Если зеркала с ломаной линией во внешнем круге имеют многочисленные аналогии в памятниках аланской культуры, как правило, восточного локального варианта (таксоны 14, 15; рис. 80), то орнаментация второго кольца – уникальна. В это же и в более раннее время (V–VII вв.) она известна мне на крупных пряжках и фибулах Крыма из Керчи и Суук-Су [Крым, 2003, табл. 12_{51}, 13_{24}; 17_{24}, 19_{32}].

Следовательно, в целом металлические зеркала-подвески, хотя и малочисленные в Чир-Юрте, безусловно, связаны с аланской традицией [см. Федоров, Федоров, 1978, с. 132], причем анализ сопровождающего их материала показывает, что последний не отличается по ассортименту и типам вещей от других погребений Чир-Юртского могильника. На примере этой категории инвентаря мы имеем основание говорить не только о контактах местного населения с аланами, но и о присутствии здесь последних. Еще в большей мере связь с аланской культурой документирует анализ погребального обряда катакомбных погребений Верхне-Чирюртского 1 могильника, известного исследователям по раскопкам А.Д.Путинцевой и М.Г.Магомедова [Коробов, 2003, с. 163–166].

Особое место для решения этнокультурных вопросов, связанных с Верхне-Чирюртскими могильниками, занимает исследование керамики, которая была предметом специального рассмотрения автора [Ковалевская, 1981, с. 43–52] под углом зрения выделения в ней местных, сармато-аланских и болгарских пластов. Еще ранее большое внимание этой проблеме было уделено дагестанскими исследователями [Путинцева, 1961, с. 262–263; Маммаев, 1970, с. 333; Атаев, Магомедов, 1974, с. 132–133; Федоров, Федоров, 1978, с. 128–132, 164–167]. На основании изучения керамики как из раннесредневековых могильников окрестностей Верхнего Чир-Юрта, так и из поселений с опорой на данные полевых отчетов, в частности, и по раскопкам гончарных печей VII–IX вв. К.А.Бредэ были рассмотрены те особенности техники изготовления, обжига, формы и орнамента, которые свидетельствовали в пользу генетической связи с сарматской керамикой, характеризовали близость кувшинов из Чир-Юрта к аланским из Центрального Предкавказья и акцентировали преемственную связь с салтово-маяцкой культурой. В работе автора были предложены статистические методы анализа формы сосудов по индексам и сопоставление графиков распределения количества сосудов по погребениям разной этнокультурной принадлежности [Ковалевская, 1981, табл. I, II, рис. 2], что позволило выделить как аланские, так и болгарские формы (рис. 81–82) в керамическом комплексе Чир-Юрта. В этом контексте и в связи со всем сказанным ранее следует вернуться к проблеме этнической принадлежности населения, оставившего могильники у Верхнего Чир-Юрта, справедливо связываемого подавляющим большинством исследователей с Беленджером [Магомедов, 1975, с. 63–74; Гадло, 1979, с. 119–126; Магомедов, 1983, с. 28–52; Магомедов, 1994, с. 54–68]. В 60-е годы в связи с принятой датой грунтового могильника Верхний Чир-Юрт 1 V–VII вв. его связывали с савирами [Кондукторова, 1967, с. 128], с местными племенами [Путинцева, 1961, с. 264] или с аланами [Кузнецов, 1962, с. 34].

Позднее, на основании использования населением, оставившим могильник, разных типов погребальных сооружений – грунтовых и подкурганных катакомб, подбойных погребений (иногда обычных, иногда отходящих от длинной стенки дромоса, ведущего в катакомбу), грунтовых погребений, проблема этнической принадлежности памятников В.Чир-Юрта стала рассматриваться иначе. Хазарский город Беленджер, как и любой раннесредневековый город, не может быть гомогенным ни в этническом, ни в социальном отношении. То, что нам известно сегодня, это небольшая часть обширных некрополей, оказавшихся в большой степени не раскопанными и ушедшими под воду. Отнесение грунтовых катакомб к аланам мне кажется правильным, так же,

как грунтовых погребений – к болгарам, хотя всегда следует иметь в виду, что возможны другие решения. Сам же факт присутствия алан и болгар на территории Дагестана объясняется, скорее всего, хазарской политикой переселения воинов и ремесленников на освоенные ими территории, как мы видим на Кубани (Старо-Корсунский могильник) на Дону и Донце (памятники салтово-маяцкой культуры).

Следующий хронологический этап развития материальной культуры горного Дагестана нашел свое отражение в грунтовом могильнике Бежта Цунтинского района Дагестана, расположенном в высокогорном Дидойско-Капучинском районе Главного Кавказского хребта на крутом южном склоне р. Хазан-Ор, левого притока Аварского Койсу. Открыт в 1956 г. М.И.Пикуль, исследован в 1957-1959 гг. Д.М.Атаевым [Атаев, 1963]. Раскопан сплошной площадью (172 м^2), вскрыто 98 погребальных комплексов (захоронения отдельных черепов, костяков и тризны). Погребения индивидуальные, в неглубоких (50–100 см) грунтовых ямах, иногда отмеченные камнями (до 50 см в поперечнике), вытянутые на спине, головой на юг или юго-запад. Узкие длинные прямоугольные ямы (40–60 х 200–250 см) плохо выделяются в слое сланцевой щебенки, в заполнении иногда были найдены угольки. Сохранность костей очень плохая. Погребения не ограблены, дают многочисленные и очень богатые материалы (рис. 84): более 500 вещей, 1500 бус (рис. 84, *1–34*) [Деопик-Ковалевская, 1961, с. 202–232; Ковалевская, 1973, с. 62–79; 1998а, 2000а], 137 сосудов (рис. 84, *66–71*), сотни бляшек и пронизок от головных уборов. Материал настолько однородный, что на основании взаимовстречаемости вещей не удается сгруппировать погребения в узкие хронологические группы. Наиболее массовые украшения имеют ряд форм, специфичных для данного района, часть же имеет широкий ареал – бусы, перстни, браслеты, некоторые типы зеркал, колокольчики, сюльгамы, – являясь или предметом импорта (бусы из Египта, Индии и Ирана, стеклянные перстни из Грузии) или подражанием импортным образцам («масковая» пряжка (рис. 84, *44*). Именно последние материалы позволяют ограничить дату до второй половины VIII – начала X вв. Мозаичные бусы производились в Александрии между 800–830 гг., тогда же производились «бородавчатые» бусы и агач-калинского типа мозаичные из оранжевой пасты. Наиболее поздние находки – сердоликовые шестигранные бипирамидальные бусы (рис. 84, *28,29*) представлены единичными экземплярами. Своеобразны богатые женские головные уборы. На кожаную или тканевую основу нашивались бронзовые литые или штампованные умбоновидные бляшки, шумящие треугольные и зооморфные подвески, трубочки, перстни, пряжки, бубенчики, бусы. Литые ажурные массивные подковообразные пряжки «бежтинского» типа наряду с зооморфными подвесками и булавками – пример длительного сохранения с эпохи раннежелезного века в местной металлообработке традиций зооморфной пластики и ее репертуара (изображения коня, оленя, «древа жизни», медведя, барана). Бежта дает богатый набор оружия – листовидные наконечники копий, трехгранные черешковые стрелы, двулезвийные прямые и однолезвийные мечи (иногда со слабым изгибом), цельнокованые конические шлемы и кольчуги. Из орудий труда – серп, стамеска, ножницы и зубило. Керамика красноглиняная (127 экз.), преимущественно кувшины нескольких типов, пифосы; сероглиняные кубышки указывают на связь с Северным Дагестаном. Бежта – очаг своеобразной художественной культуры, сочетающей в себе как глубоко традиционные черты, роднящие с древними и средневековыми культурами горной Чечни и Закавказья, так и древностями, характерными для Кавказа (Дагестан и Центральное Предкавказье). И несмотря на то, что Бежтинский могильник характеризует культуру местного горского населения – «царства Серир», известного нам по восточным источникам, материал его помогает уточнить хронологию раннесредневековых древностей Центрального Предкавказья.

Завершается хронологическая шкала равнинных и предгорных могильников Дагестана материалами Агач-Калинского могильника, исследованного К.Ф.Смирновым в 1948–1949 гг. [Смирнов, 1951, с. 113–119]. Предложенная К.Ф.Смирновым дата осталась почти без изменения. Он справедливо считал более ранними материалы восточного отделения склепа № 1 и датировал его VII–VIII вв., а всю остальную часть – склепы и грунтовые могилы относил к IX–X вв. Правда, в литературе за восточным отделением склепа укрепилась дата VIII–IX вв., что больше соответствует действительности, поскольку этот материал имеет прямые аналогии в СМК и, наоборот, не содержит материалов, датирующихся предшествующим периодом. Об этом свидетельствуют прежде всего литые бронзовые поясные наборы салтовского типа, серьги с 3–4 шариками зерни и с длинным стерженьком, с надетыми на него жемчужинами, зеркала со сложным рисунком, бубенчики, браслеты, сабли, стремена и т.д. Как мы показали в ходе изложения, материалы новых находок достаточно быстро вводились в научный оборот. Обобщение также следовало за накоплением и изданием материала [Крупнов, 1948; Деопик-Ковалевская, 1958; Кузнецов, 1962].

Следующий двадцатилетний период характеризуется резким возрастанием числа исследователей, экспедиций и разведанных и раскопанных памятников, увеличением объема работ (например, раскопано около 160 погребений в Мокрой Балке близ Кисловодска), расширением фронта работ. Это вызвано как продолжением деятельности ряда центральных экспедиций археологов из Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда), так и ростом числа и профессионального уровня исследователей, работающих на местах. Безусловно, консолидирующую и организующую роль играют Крупновские чтения, ежегодно (а с 1982 г. раз в два года) проводимые в одном из научных центров Северного Кавказа, сменившие нерегулярно проводившиеся Кавказские конференции, объединявшие всех ведущих археологов Северного Кавказа (а частично и Закавказья). Если мы возьмем в качестве критерия число отчетов, в которых приводятся данные о раскопках могильников (объем работ не учитывается), то наблюдающийся рост по двадцатилетиям будет нагляден: 1-й период – 9; 2-й период – 10; 3-й период – 7; 4-й период – 62. Правда, если мы эти данные нанесем на график по годам (в пределах 4 периода), то обнаружим сильные случайные колебания. Причем тенденция становится особенно наглядной, если просуммировать наблюдения по трехлетиям – в этом случае вместо двух пиков, приходящихся на 1973 г. и 1977 г., после которых начинается неуклонный спад (оговорюсь, что в эти графики включен материал только с территории Центрального Предкавказья), наблюдается плавный подъем до трехлетия 1977–1979 гг., затем следует указанный выше спад. Временное ли это явление или оно характеризует внутренние процессы – данный факт заставляет задуматься. Особенно, если рассматривать процесс не обобщенно, а по отдельным регионам. В этом случае мы должны будем отметить для рассматриваемого периода, что полученные цифры отражают исследования могильников в двух пограничных районах аланской культуры – Карачаево-Черкесии и районе Кавказских Минеральных Вод на западе, Чечне и Ингушетии на востоке.

Период 1965–1985 гг. характеризуется интенсификацией как полевых работ, так и исследований публикационного и обобщающего характера. Особенно заметно это на территории Ставропольского края, в частности, в Карачаево-Черкесии и районе Кавказских Минеральных Вод. Работы проводились как силами центральных учреждений (Москва, ИА АН СССР – В.Б.Ковалевская, В.И.Марковин, М.П.Абрамова, И.С.Каменецкий; МГУ – Я.А.Федоров; Ленинград – Эрмитаж – А.А.Иерусалимская; ЛГУ – А.В.Гадло), так и кавказскими археологами (Х.Х.Биджиев, сотрудники краеведческих музеев – Г.Х.-У.Текеев, Г.Е.Афанасьев, С.Н.Савенко и т.д.). Монографически раскапывались отдельные памятники (Мокрая Балка близ Кисловодска, могильники в окрестностях Хумары, на Теберде, Индыше и т.д.). В Кабардино-Балкарии и Северной Осетии археологические исследования средневековья производились спорадически – следует особо отметить работы М.П.Абрамовой на Н.Джулате и ряде других памятников (Чми-Суаргом, Брут, х. Октябрьский, Директорская Горка), раскопки В.Б.Ковалевской в Чми, В.Кобане, разведочные работы Л.Г.Нечаевой, изучавшей различные типы погребальных сооружений (с подробными и точными их обмерами) и работы Э.С.Кантемирова (катакомбный могильник Тарское), Н.И.Гиджрати (катакомбные могильники Камбилеевка, Хазнидон, Октябрьский-Тарское). Очень большое число новых раннесредневековых памятников выявлено и исследовано в Чечне и Ингушетии постоянно работающими экспедициями грозненских археологов – М.Х.Багаева, В.Б.Виноградова, Х.И.Мамаева (Дай, Харачой, Элистанжи, Мартан-Чу, Ахкинчу-Барзой и т.д.).

Количество исследованных раннесредневековых могильников в Центральном Предкавказье резко возросло, и, главное, в научный оборот стали вводиться профессионально раскопанные памятники, когда число погребений насчитывает несколько десятков (а в ряде случаев и более сотни), и археологи получают возможность опираться уже на достаточно массовый материал.

Правда, если мы выразим в кривой по годам данные по полевым работам, отраженные в «Археологических открытиях», то вынуждены будем отметить случайные колебания (по отдельным полевым сезонам от 1 до 6 отчетов содержат сведения о раннесредневековых могильниках Центрального Предкавказья), которые для того, чтобы проследить тенденцию, рассмотрим и в усредненном виде по трехлетиям. Обе кривые фиксируют постепенную интенсификацию работ к 1974–1977 гг. с 1965 г., после чего наблюдается спад. Объясняется этот процесс прекращением работ ряда экспедиций, занимавшихся исследованием раннесредневековых могильников Северного Кавказа. И все же, несмотря на это, если мы обратимся к спискам могильников, открытым или затронутым исследованиями в рассматриваемое двадцатилетие, то увидим, что число памятников по всем типам погребальных сооружений увеличилось во много раз по сравнению с предыдущим временем, и археологическая карта, составленная на 1986 г., значительно превышает по насыщенности все опыты предыдущих лет.

Из работ публикационного характера особо выделяется монография и ряд статей М.П.Абрамовой (1968, 1972, 1975, 1978, 1986) и статьи Г.Е.Афанасьева о могильнике Мокрая Балка (1976, 1979, 1981); из обобщающих работ исследования И.М.Чеченова (1969), Т.М.Минаевой (1971), Е.П.Алексеевой (1971), Е.И.Крупнова (1971), Г.С. и Я.А.Федоровых (1978), А.В.Гадло (1979), В.Б.Ковалевской (1978, 1981а, 1984а), В.А.Кузнецова (1980а, 1984) и др. Определенное место в этих работах занимает характеристика погребальных сооружений на Северном Кавказе, разнообразие которых, наряду с длительностью существования почти всех их типов, заставляло в свое время исследователей смотреть на данные погребального обряда пессимистически. Для решения вопросов хронологии этот источник не применялся, он сам нуждался в других материалах для привязки к тому или иному периоду. Сопоставляя списки средневековых могильников, исследованных В.А.Кузнецовым к 1962 г., с материалами приведенной нами археологической карты (а последние с более поздними Базами Данных), мы должны отметить, что они существенно возрастали в каждое двадцатилетие. Если мы возьмем выборку почти в 400 (391) памятников, то последние распределяются следующим образом: подкурганные катакомбы составляют около 4% от общего числа захоронений (при колебании от 2% – Карачаево-Черкесия до 10,6% – Чечено-Ингушетия); грунтовые катакомбы – 26,1% (при колебании от 4% в Карачаево-Черкесии до 64,7% в районе Кавказских Минеральных Вод); скальные захоронения – 18,7% (при колебании от нуля в Северной Осетии до 45,2% в Карачаево-Черкесии); грунтовые захоронения – 10,7% (при колебании от 4% в районе Кавказских Минеральных Вод до 18% в Кабардино-Балкарии); каменные гробницы – 19,5% (при колебании от 5,9% в районе Кавказских Минеральных Вод до 32,9% в Северной Осетии); полуподземные каменные склепы – 18,1% (при колебании от 5,9% в районе Кавказских Минеральных Вод до 36% в Северной Осетии). Несмотря на различное количество археологических памятников, приходящихся на каждую из выделенных географических групп (от 50 до 132), и упрощенность рассмотрения по административным границам Северного Кавказа, мы оставляем это деление для самых общих расчетов, подкрепляя его численными характеристиками распределения того или иного типа погребальных сооружений по геоморфологическим зонам Северного Кавказа и по двум основным вариантам аланской культуры – западному с «каменными крепостями» и восточному с «земляными городищами».

Катакомбные могильники

Начнем рассмотрение с катакомбных захоронений, поскольку по числу могильников они стоят на первом месте, составляя более четверти находок. Если мы проанализируем рост объема наших знаний, то ярче всего он проявляется на примере именно этой группы погребальных сооружений, достаточно сказать, что в монографии В.А.Кузнецова (1962, с. 13–32) отражены сведения о 20 памятниках V–IX вв., на территории Центрального Предкавказья, тогда как в нашем распоряжении их в пять раз больше (102 памятника). На основании анализа этого большого материала (причем в ряде случаев могильники представлены от нескольких десятков до полутора сотен погребений – в монографии Д.С.Коробова статистически изучено более тысячи) [Коробов, 2003] удается представить себе как изменения различных деталей погребальных сооружений, так и характер вещевого инвентаря, сопровождающего погребенных. Еще большее число катакомбных могильников включено Д.С.Коробовым в его БД «Alan». Катакомбные погребения, как мы уже говорили ранее, появляются в равнинных и предгорных районах Предкавказья в III–II вв. до н.э. Вопрос об их происхождении для северокавказской археологической литературы на сегодняшний день представляет наиболее яркий пример «проблемной ситуации» [Абрамова, 1978; 1982; Ковалевская, 1984а; Кузнецов, 1984; Габуев, 1986, с. 3–4; Коробов, 2003, с. 22–33]. Не останавливаясь подробно на ходе дискуссии, хочу лишь отметить одно безусловное положение – на протяжении предшествующего времени на исследуемой территории этот тип погребального сооружения отсутствовал, появляется он в III в. до н.э., сначала в степных и равнинных районах, а позднее и в предгорьях. Для раннего средневековья катакомбы членятся на две основные группы –

подкурганные и грунтовые. Подкурганные катакомбы представлены 20 пунктами на карте, причем датировать, в основном, их следует II–V вв., хотя частично они заходили и в более позднее время (VI–VII вв.), особенно на более восточных территориях в Чечне и Дагестане. Их ареал четко указывает на степное происхождение, тяготение к речным равнинам Терека, Сунжи (основная часть) и Подкумка (один памятник). Могильники очень велики (тысячи курганных насыпей), топографически они связаны с древними укрепленными городищами, хотя археологические раскопки на последних недостаточно масштабны по объему, о чем сказано ранее, но, безусловно, позволяют датировать начало жизни на них первыми веками н.э. (например, Алхан-Кала, Зилги). Нет оснований сближать подкурганные катакомбы с грунтовыми катакомбами, хотя в ряде случаев (одновременно или последовательно) они сосуществуют на одном могильнике. Можно согласиться с предложением, выдвинутым рядом исследователей, что носители катакомбного обряда, использовавшие (или нет) курганные насыпи, принадлежали к различным этническим группировкам [Гадло, 1984, с. 203]. В частности, вслед за выдвинувшим эту гипотезу еще в 1962 г. В.А.Кузнецовым, мы считаем, что в Прикаспийском Дагестане это кладбища алан-маскутов (карта 29, 39).

Грунтовые катакомбы появляются в равнинных районах Центрального Предкавказья (Подкумок, Клин-Яр, Н.Джулат и т.д.) с последних веков до н.э. Судьбы населения, оставившего подкурганные катакомбы, и в последующее время (VI–VII, даже начало VIII вв.) связаны с Восточным Предкавказьем – равнинной Северной Осетией, Чечней и приморским Дагестаном (Брут, Аллерой, Паласа-Сырт и др.). Анализ карт памятников IV–V вв. показывает, что подкурганные катакомбы концентрируются в восточной части, где складывается восточный локальный вариант аланской культуры, причем наблюдается их продвижение из среднего течения Терека ближе к верховьям (№ 511, Брут) и в долину Сунжи (№ 556, 589, 638). Можно согласиться с гипотезой Т.А.Габуева, подкрепленной рядом доказательств, что в них мы видим вещественное проявление новой волны аланских передвижений из среднеазиатской Яньцай-Аланьи [Габуев, 1986, с. 20], что подтверждается как наличием среднеазиатских аналогий, так и отсутствием преемственности по ряду признаков между грунтовыми катакомбами II в. до н.э. – II в. н.э. и подкурганными II–VII вв.

Грунтовые катакомбы распределяются в Центральном Предкавказье следующим образом (список даем с запада на восток)[15].

Карачаево-Черкесия. Исправная (26), Байтал-Чапкан (42), Кумыш-Баши (121), Каракент (125а), Хумара (131), Терезе (подкурганные № 193), Рым-Гора (197), Красный Восток (201), Клин-Яр (208), Мирный (209, 210), Кольцо-Гора (212), «Аланская крепость» (216), Нарт-Баши (221).

Ставропольский край. Мокрая Балка (233, 235), «Замковый» (237), Горное Эхо (241), Директорская Горка (243), Кисловодское озеро, отстойник (246), аварийный сброс (247), с. Луначарский (248), Березовский (251), Кисловодск-Бермамыт (257), Кугуль № 1, 2 (260, 261), Лермонтовская скала № 1, 2 (262, 266), Кисловодск ,сан. им. Кирова (270), Кисловодск-Георгиевское плато (272), Кабан-Гора – «Ясли» (274), Кисловодск-Буденновская слобода (276), Подкумок (281), Острый мыс (283), Юца (300), Пятигорск (660).

Кабардино-Балкария. Былым (334), Тызыл (342), Н.Чегем (374), Усхур-Н.Хулам (390), Зилги (395), Песчанка (402), Нальчик (405), Шалушка (406), Урвань (408), Джулат (524).

Северная Осетия-Алания. Царца (427), Галиат (432), Махческ (435), Хазнидон (438), Бад (450), Садон (451), Згид (452), Унал (455), Алагир (456), Архон (463), Лац (465), Кобан (481), Чми-Суаргом (489), Херх (501), Балта (504), Орджоникидзе (507), Зилги (509), Беслан (510), Брут (511, 512), Камбилеевка (518), Моздок (528).

Чечня и Ингушетия. Гоуст (499), Бейни (549), В.Алкун (553), Алхаста (подкурганная, 556), Али-Юрт (558), Мужичи (559), Экажево (564), Мартан-Чу (586, 587), Урус-Мартан (588, 589), Алхан-Кала (592, 593), Алды (597), Сюир-Корт (603), Чишки (609), Дуба-Юрт (610), Комсомольское (615), Герменчук (619), Ахкинчу-Барзой 2 (629), Бердуты (630), Ножай-Юрт (634), Майртуп (637), Аллерой (639, 640), Исти-Су (644), Джалка (645), без номера Шали, Центарой, Баг, Лечи-Корт, Мартанка, Сурхахи, Форганга, Шалажи.

Грунтовые катакомбы являются самым многочисленным погребальным сооружением (102 могильника) Центрального Предкавказья, достигая наивысшего процента в районе Кавказских Минеральных Вод (64,7%), Чечне и Ингушетии (38,1%) и Северной Осетии (27,6%). Самый низкий процент отмечен в Карачаево-Черкесии (4%), но следует отметить, что здесь во всех случаях – это катакомбы V–VII вв., и если в первоначальном рассмотрении мы ограничились катакомбами именно этого раннего хронологического периода, то могли увидеть, что они распределе-

[15] Предлагаемые номера соответствуют списку раннесредневековых памятников с археологической карты 1: при переводе их в археолого-географическую БД к каждому из номеров прибавлена цифра 1000 (т.е. памятник 1, становится 1001, а 600–1600).

ны относительно равномерно по всему ареалу Центрального Предкавказья и в восточной его части, где для V–X вв. в целом они очень массовы, следовательно для конца VI–VII вв. ареал их несколько у́же (катакомбы еще не так далеко заходят на восток).

Анализ карты распространения катакомб (карта 42) показывает, что в западном локальном варианте южная граница их в это время идет близко к линии начала горных районов Предкавказья – Исправная – Хабез – окрестности Карачаевска – Кисловодск – выход из гор реки Баксана – окрестности Нальчика. Только в Северной Осетии можно предполагать существование в горах катакомб VI–VII вв. (среднее течение и верховья Уруха, Ардона, Терека, Ассы), что подкрепляется в последние годы интереснейшими материалами из катакомб этого времени из полевых исследований наших осетинских коллег. В восточном локальном варианте, где подкурганные катакомбы и грунтовые катакомбы гуннского времени заходили значительно южнее, чем на западе, их южная граница поднимается за границу предгорий в горные районы. Во второй половине I тыс. они составляют около трети всех погребальных сооружений. В это время наименьший процент их наблюдается в верховьях Кубани (4%), а наибольший – в районе Кавказских Минеральных Вод (64,7%), Чечне и Ингушетии (38,1%) и Северной Осетии (27,6%), где они проникают глубоко в горы, вплоть до перевалов. Из района Кавказских Минеральных Вод происходят катакомбы, начиная с V в., и большое их количество относится к VI–VII вв.; именно этот район можно считать той территорией, где располагалось основное ядро населения – носителя катакомбного обряда погребений и откуда оно продвигалось на запад, в верховья Кубани (Байтал-Чапкан и Кумыш-Баши VI–VII вв.) и на восток (Кабардино-Балкария, Осетия, Чечня и Ингушетия), где преобладают катакомбные могильники VIII–IX вв., хотя в последнее время все больше представлены и комплексы VII в. Характеристику ряда катакомбных могильников мы дали выше, сейчас же остановимся на анализе конструктивных деталей, поскольку эти данные помогают нам в решении вопросов хронологи. Анализ конструктивных особенностей раннесредневековых катакомб должен опираться на очень скрупулезные и тщательные раскопки и столь же подробные публикации.

«Закон больших чисел» позволяет при математической обработке массовой информации, полученной по материалам полевых отчетов, даже если не во всех случаях они достаточно полны, прийти к надежным выводам [Коробов, 2003, с. 275–283]. Я же ограничусь рассмотрением этих вопросов на основании своих раскопок на могильнике Мокрая Балка (1969, 1971, 1980), с привлечением материалов из раскопок А.П.Рунича [Рунич, 1975, с. 132–149], Г.Е.Афанасьева [Афанасьев, 1976, 1981; Афанасьев, Рунич, 2001] по изданиям, полевым отчетам и музейным коллекциям. Могильник расположен в 6–7 км к юго-западу от г. Кисловодска, в долине речки Мокрой (правого притока р. Аликоновки) в 2 км от Кисловодского озера. Занимает он обширное пространство довольно крутых склонов речки. Топография самого могильника подтверждает мысль, впервые высказанную и обоснованную Т.М.Минаевой, что аланские некрополи росли сверху вниз и самым ранним было погребение, совершенное в наиболее высокой части Центрального холма, (рис. 85), раскопанное Г.Е.Афанасьевым [Афанасьев, 1979, с. 183]. Всего на могильнике Мокрая Балка за три сезона раскопками автора (рис. 85, 86а, б) было вскрыто 33 катакомбы [Ковалевская, Рунич, 1970, с. 121–122; Ковалевская, 1972, с. 158–159], а в целом могильник насчитывает 160 раскопанных погребений [подробнее см. Афанасьев, Рунич, 2001, с. 13–21].

Направление дромосов катакомб и ориентировка самих камер также зависели от топографии местности – дромосы были вырыты перпендикулярно склону, без ступенек и с небольшим наклоном (8–12°), средняя длина их для катакомб VI–VII вв. – 2,0 м (при колебании от 0,8 до 2,75 м при средней ширине 0,6 м); в VIII–IX вв. средняя длина их несколько уменьшилась, составляя 1,7 м (при колебании от 1,3 м до 2,7 м)[16]. Ширина дромосов для катакомб VIII–IX вв. сохраняется: 0,4–0,5 м в начале дромоса, 0,6–0,7 м у входного отверстия. Дромосы имели вертикальные стенки, глубина их у входного отверстия сильно варьировала, составляя в среднем около 2,0 м в VI–VII вв. и несколько меньше – в VIII–IX вв.

В имеющейся литературе по раннему средневековью Северного Кавказа (за исключением работ Г.Е.Афанасьева [Афанасьев, 1976, с. 14–16, 1993, с. 96–101], Т.А.Габуева (1986, 1988) и Д.С.Коробова (1996–2003) изменения конструктивных особенностей катакомб рассматривались только в самом общем виде и в основном для решения вопроса их генезиса, промеры же их в качестве определяющего признака для датировок не применялись. Между тем эти подсчеты приводят к

[16] Проверка значимости отличий между длиной дромосов по векам не по средним, а с учетом всех имеющихся данных, с помощью непараметрического критерия Уилкоксона показала, что отличие между длиной дромоса существенно при сопоставлении катакомб VI–VII вв. с катакомбами VIII– п.п. IX вв. и IX вв. и несущественно при сопоставлении катакомб VIII– п.п. IX вв. и IX в. [Снедекор, 1961, с. 123, т. 38].

очень интересным результатам [Ковалевская, 1979, с. 38–43], когда благодаря применению непараметрических методов удается оценить те тенденции в развитии во времени форм, размеров и глубины[17] катакомбных захоронений I тыс. н.э. на Северном Кавказе, которые другими методами не могут быть уловлены (табл. 1).

Большие семейные катакомбы I в. до н.э., содержавшие до 13 погребенных, иногда положенных в несколько ярусов (выделенные М.П.Абрамовой как катакомбы I типа [Абрамова, 1972, с. 39; Виноградов, 1963, с. 27–28] к II–III вв. сменяются менее крупными катакомбами II типа. Процесс этот продолжается до VI–VII вв. (правда, число наблюдений недостаточно), а затем начинает проявляться новая тенденция – уже не уменьшения, а увеличения катакомб, которые от преобладающих парных и одиночных опять переходят к семейным усыпальницам в XI–XII вв., что подтверждается подсчетами Г.Е.Афанасьева, использовавшего в качестве статистической оценки критерий Стьюдента [Афанасьев, 1976, с. 15]. Правда, эта динамика развития имеет локальный, а не всеобщий характер. Некоторые конструктивные элементы дают одну непрерывную линию развития от рубежа н.э. до XII в. н.э. – например, высота ступеньки, которая была равна нулю или 0,5–15 см в начале н.э., составляла 47 см для VI–VII вв., 53 см для VIII–IX вв., 85 см в IX в. и достигала почти метра на поздних этапах (табл. 2).

В настоящее время все полученные частные выводы могут быть сопоставлены с математически обработанными Д.С.Коробовым данными, обобщающими массовый материал по всем катакомбам Предкавказья [Коробов, 2003]. На примере анализа высоты ступеньки можно проследить, как вырабатывался наиболее оптимальный в плане объема земляных работ способ изготовления камер – примером такого совершенного решения поставленных вопросов и следует считать появление в IX в. (хотя отдельные примеры подобного типа были и раньше) катакомб, когда наиболее высокая точка свода располагалась над входным отверстием, что характерно для катакомб салтово-маяцкой культуры. Это время характеризовалось также стандартизированными размерами (34 х 45 см) и формой входного отверстия (подробнее см. табл. 2 Д.С.Коробова в кн. [Ковалевская, 1995, с. 159–161]. Катакомбы Мокрой Балки использовались для единовременных захоронений, а не как семейные усыпальницы с неоднократным подхоронением. Число взрослых костяков в них не превышало 2–3, а детских 1–2 (более трех погребенных в них не встречалось). Как правило, умершего клали головой влево от входа, обычно прямо на выровненную поверхность пола, иногда завернув его в саван (подробнее см. табл. 4 Д.С.Коробова [Ковалевская, 1995, с. 164–167]). В одном только случае погребенный лежал на аккуратно расположенных каменных плитах, причем плита изголовья наклонно лежала на кучке рыхлой специально подсыпанной земли. Справа от головы находилась керамика (сюда же иногда клали «жертвенный комплекс»), крупные сосуды изредка стояли в ногах[18]. Погребенный был одет и имел при себе те украшения, которые носил при жизни: браслеты на кистях рук, перстни на пальцах, пряжки и бляшки на поясе, бусы в области груди и кистей рук, амулеты и зеркала на груди или у пояса. Интересно почти полное отсутствие оружия, что следует воспринимать как специфику данного могильника, так как в одновременных ему некрополях (например, Чми в Дарьяльском ущелье) оно имелось почти в каждой катакомбе. Интересно также отсутствие меловой или угольной подсыпки в камерах и заупокойной пищи (в Мокрой Балке не найдены кости животных).

По способу захоронения можно выделить следующие типы могил:

Тип 1. Одиночные (в целом, по подсчетам Г.Е.Афанасьева составляющие 48,8%, а в наших раскопках они составляют около 22,0%) представлены только одиночными захоронениями женщин, лежащих головой влево от входа, по длинной оси камеры, на правом боку, скорченно (проценты подсчитаны по 18 катакомбам).

Тип 2. Парные (в целом составляющие около 40% по Г.Е.Афанасьеву), когда центральным погребением является мужское – вариант 1 (33,0% в раскопках 1969, 1971 гг.) или женское – вариант 2 (16,5% в раскопках 1969, 1971 гг.), сопровождаемое соответственно женским или детским.

---

[17] Глубина катакомб уменьшается от первого периода ко второму и увеличивается от второго к третьему, а высота камеры увеличивается от первого ко второму, чтобы постепенно уменьшаться к XI–XII вв. Очень интересно, что с помощью сравнения средних и критерия Уилкоксона для многих промеров мы обнаружили перегиб между VII–VIII вв., именно в этот момент как бы кончалась одна определенная тенденция, шедшая еще с первого века до н.э., и проявилась другая, которую можно проследить для VIII–XII вв., так же, как наблюдаемый перегиб между I–II вв. н.э. и последующим периодом, что подробно рассмотрено в диссертации Т.А.Габуева.

[18] В последнее время для каждого катакомбного могильника Северного Кавказа на основании БД «ALan» Д.С.Коробовым предложены очень удачные по форме выражения и информативности таблицы распределения инвентаря с учетом их расположения на костяке [Коробов, 1996, с. 57–76; Коробов, 2003].

Таблица 1

Основные размеры катакомб Мокрой Балки со средними по хронологическим группам и размахом варьирования

Период	№ катакомбы	Длина дромоса	Высота ступеньки	Длина камеры	Ширина камеры	Высота свода	Глубина дна камеры от поверхности
I	4	250	85	190	115	155	275
VI–VII вв.	9		40	180	115	155	200
	11		55	178	120	130	210
	22		35	135	90		
	23	100	25	160	120	120	215
	24	80	35	215	130	100	200
	25	275	–30	200	245	120	250
	26	275	70	160	110	130	335
	27	1,75	60	170	107	165	270
	28	250	70	165	125	135	260
	X	200	44	170	120	134	238
	X нб	275	70	215	145	165	335
	X нм	80	–30	135	90	100	170
	P	215	100	80	55	165	
		7	10	40	10	9	9
	Me	250	37,5	174	117	130	250
II	1	160	70	172	120	115	310
VIII–IX вв.	2	130	55	165	120	195	260
	3	210	65	185	120	150	230
	6		60				190
	7	35	450	145	110	155	220
	12	140	50	140	90	150	210
	13		40	160	100		145
	14	175	60	183	136	180	245
	15	180	65	180	125	190	320
	16	270	60	190	130	145	230
	X	170	53	170	120	159	215
	X нб	270	70	190	135	195	320
	X нм	130	45	140	90	145	145
	P	140	25	50	45	90	175
		7	10	9	9	8	11
	Me	177	55	172	120	150	230
III	17	170	52	225	140	150	215
IX в.	18	186	104	175	125	150	360
	19	85	100	200	135	125	270
	20	215	80	200	135	110	320
	21	65	85	120	90	150	215
	X	165	84	185	125	137	276
	X нб	215	104	225	140	150	360
	X нм	85	52	120	90	110	215
	P	130	52	105	50	40	145
		4	5	5	5	5	5
	Me	178	85	200	135	150	270
IV[1]	Xз	нет данных	нет данных	244	205	104	289
	X нб			340	280	142	360
	X нм			180	125	76	210
	P			160	156	76	150
				28	28	23	23
	Me			230	200	100	290

Тип 3. Коллективные (в целом, по подсчетам Г.Е.Афанасьева, 12%, а по результатам раскопок 1969, 1971 гг. – около 30%) представлены тремя вариантами: 1 – мужское, женское и детское захоронение (3 случая), 2 – мужское и два женских, 3 – два мужских (1 случай). Здесь также, как правило, центральным погребением является мужское; в двух случаях мы можем выделить семейную группу – так, в богатой катакомбе № 1, датируемой VIII–IX вв. (рис. 87), был похоронен

Таблица 2

Размеры ступеньки катакомб Мокрой Балки по хронологическим группам

Период \ Ступеньки, см	25	35	45	55	65	75	85	95	105	N	$\overline{X}$	Me
VI–VII вв.	1	3	3	1	1	2				11	47	37,5
VIII–IX вв.			3	3	4					10	53	55
Вторая половина IX в.				1			2		2	5	84	85

Примечание: N – общее количество; $\overline{X}$ – средняя арифметическая, Me – медиана.

мужчина с женщиной и девочкой, рядом находилось столь же богатое захоронение женщины также в сопровождении женщины и девочки (№ 2 – рис. 88). На нижнем холме Мокрой Балки были открыты две катакомбы, следующие одна за другой (по одной оси) – в одной (№ 19) погребены двое мужчин (возможно, мужчина со слугой, так как один костяк был без вещей, а другой – с золотой серьгой и кувшинчиком), в другой (№ 20) – очень богатое одиночное женское захоронение (рис. 98).

Тип 4 – кенотаф в виде неглубокого дромоса с фрагментами керамики (возможно, незаконченная катакомба).

Тип 5 – конские захоронения: в катакомбе № 10 – череп и кости конечностей, а в грунтовом захоронении № 29 – протома коня: последнее является уникальным явлением и заставляет вспомнить захоронение головы коня на Адиюхе и сохранение культа коня у осетин недавнего прошлого. Является ли погребение № 29 жертвоприношением (вспомним празднества Equs October в Риме, когда использовалась именно половина туши коня) или этот конь сопровождал в загробный мир какого-нибудь алана, погребенного рядом (возможно в катакомбе № 27, рис. 102), определенно сказать нельзя, тем более, что такое явление ни разу не встречалось в аланских древностях. В двух случаях в погребениях катакомбной культуры найдены захоронения половины туши коня в дромосе; правда, наряду с этим наблюдались погребения полной туши коня, чучела-шкуры с головой и конечностями коня с вырубленной спиной.

Ценность материалов из Мокрой Балки заключается в том, что они являются в настоящее время той хронологической осью, с которой можно соотнести находки как более западных, так и более восточных областей. Безусловно прав, Г.Е.Афанасьев, писавший о том, что «комплексы Мокрой Балки занимают особо важное место не только в деле построения абсолютной хронологии раннесредневековых северокавказских древностей. Можно без преувеличения сказать, что Мокрая Балка – это эталонный памятник для синхронизации раннесредневековой хронологии всей Юго-Восточной Европы» [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 53]. Наиболее дробное хронологическое членение комплексов данного могильника удалось произвести благодаря тому, что дополнительно для хронологии привлечены не только вещевые комплексы из погребений, когда были рассмотрены параллельно развивающиеся серии артефактов, но также данные планиграфии могильника и особенности конструкции погребальных сооружений. Благодаря тому, что материал в катакомбах очень показателен и четко отражает хронологические изменения, большую часть катакомб Мокрой Балки удалось отнести к нескольким хронологическим периодам (4 у Афанасьева, 3 с внутренними членениями у В.Ю.Малашева, 6 в данной работе), о датах которых и многолетней дискуссии по вопросам периодизации материалов Мокрой Балки речь пойдет особо. Представления о времени использования могильника Мокрая Балка менялись по мере накопления информации и в зависимости от изменений взглядов исследователей на датирующие возможности различных археологических материалов. Могильник стал известен в 1967 г. кисловодским краеведам [подробнее Афанасьев, Рунич, 2001, с. 14–18]. Полевые работы проводились в 1969 г. как под руководством А.П.Рунича, так и экспедицией Института археологии РАН[19] В.Б.Ковалевской. После сезона 1971 г. работы В.Б.Ковалевской привели к уточнению даты как VI–IX вв., тогда как продолжение работ А.П.Рунича вызвало ограничение им даты использования могильника Мокрая Балка по материалам 59 катакомб до VI–VII вв. [Рунич, 1975, с. 149].

В 1973 г. полевые работы на Мокрой Балке продолжил Г.Е.Афанасьев, тогда сотрудник Пятигорского краеведческого музея, и соискатель В.А.Кузнецова с диссертационной темой, посвящен-

[19] Редакцией археологических открытий оба кратких отчета по первому году работ были объединены при издании в единое целое, что и вызвало предложенную в тексте дату II–IX вв. [Ковалевская, Рунич, 1970, с. 121] с учетом 12-й катакомбы сарматского времени из раскопок А.П.Рунича 1967 г., которая, скорее всего, не происходила из этого могильника. Катакомбы, раскопанные автором, отнесены были в 1969 г. ко второй половине V–IX вв.

ной анализу этого интереснейшего для серокавказской археологии памятника. В первых публикациях этих материалов Г.Е.Афанасьева проявилась та неоднозначность данных, которая приводила к противоречиям в датах. В «Археологических открытиях» 1973 г. последняя определена как VI–VIII вв. [Афанасьев, 1974а, с. 94], тогда как в тезисах на Крупновских чтениях нижняя граница определена как рубеж IV–V вв. [Афанасьев, 1974б, с. 58], а уже на следующих чтениях – как вторая половина IV в. [Афанасьев, 1975б, с. 81]. Верхняя граница была оставлена как первая половина VIII в. с момента появления первых статей Г.Е.Афанасьева. Окончательной точкой зрения на время существования могильника Мокрая Балка Г.Е.Афанасьева является вторая половина V– сер. VIII вв. [Афанасьев, 1976, с. 14; Афанасьев, Рунич, 2001, с. 236–239]. Но сопоставление принятых разными исследователями дат могильника интересно только в том случае, если мы может рассмотреть методические приемы и тот логический путь, которым шел каждый из них в своем поиске. Для 70-х годов такой поворотной точкой в решении проблемы является диссертация Г.Е.Афанасьева, в защите которой я участвовала в качестве официального оппонента и это спровоцировало меня на обработку коллекции бус из могильников Кавминвод (более 4000 экз.) для проверки предложенной Г.Е.Афанасьевым периодизации памятника и определения времени его существования. Что является безусловным достоинством монографического диссертационного исследования материалов Мокрой Балки, проведенного Г.Е.Афанасьевым? Прежде всего то, что диссертантом была изучена и статистически обработана вся база археологических источников из раскопок как собственных, так и В.Б.Ковалевской и А.П.Рунича на могильнике. А это коллекция пряжек (139 экз. – 55 типов), керамика (269 сосудов – 91 тип), что составляет наиболее массовый материал среди древностей могильника. Поясные наборы (51 тип накладок и 10 типов наконечников), амулеты (16 типов), фибулы (11 типов), серьги, браслеты, перстни, зеркала, ложечки, выделенные еще в 48 таксонов. Следовательно, представлялась возможность произвести сравнение всех комплексов в 227-мерном пространстве признаков. К сожалению, техника вычислений в это время не давала возможности проводить многомерный анализ. Поэтому Г.Е.Афанасьев обратился к массовой и наиболее информативной категории находок – поясным наборам, взяв за основу выделения групп «исчисление коэффициента ассоциации между выделенными типами пряжек и их распределение по группам поясных наборов» [Афанасьев, 1976, с. 3]. В результате были определены четыре группы, причем отнесение выделенных таксонов к этим группам обосновано и может быть проверено статистически. Как писал об этой процедуре Г.Е.Афанасьев позднее, «у нас были все основания рассматривать эту группировку как результат влияния хронологического фактора и говорить о возможности выделения здесь четырех культурно-хронологических этапов» [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 23]. Имея в своем распоряжении результат этой группировки [Афанасьев, 1979, рис. 1] и возможность его сопоставления с подобной же перидиозационной схемой, построенной мною на том же материале [Ковалевская, 1995б, с. 174, рис. 19] с помощью эвристического алгоритма Ю.Е.Храмова, мы сможем оценить полноту картины, наличие эволюционных рядов вещей, моменты смены традиций в той или иной категории вещей. Далее у нас остается возможность каждую из предложенных относительно-хронологических схем сопоставить с предложенной В.Ю.Малашевым периодизационной схемой развития гончарного производства Мокрой Балки [Малашев, 1996; Гавритухин, Малашев, 1998; Малашев, 2001] и с анализом коллекции бус из нее же в сопоставлении с бусами Кавказа и юго-восточной Европы VI–IX вв. [Ковалевская, 1998а, 2000а]. Сопряженность выделенных таксонов различных категорий инвентаря с определенными группами, которые, как правило, мы считаем хронологически упорядоченными, является доказательством правильности выделения этих групп, хотя, безусловно, разные артефакты отличаются разными темпами изменения во времени.

Важно и то, предлагаем ли мы классификационную схему материала, изготовленного на месте (например, для керамики), или исследуем материал, имеющий широкий ареал в изучаемую эпоху (бусы, поясные наборы, амулеты, зеркала и т.д.). Ставя перед собой еще в 60-е годы задачу создания классификации раннесредневековых древностей, пригодной для описания материалов широкой территории, например Евразии, с последующей возможностью математической обработки, сопоставления и картирования, я смогла подготовить такие системы только для каменных и стеклянных бус, пряжек, поясных наборов, зеркал, амулетов и серег [Деопик (Ковалевская), 1959, 1961; Ковалевская, 1963, 1993, 1995а,б, 1998а, 2001]. В этом случае, когда классификация инвентаря Мокрой Балки использует построенные на большом статистическом основании данные, возможность суммировать все имеющиеся в нашем распоряжении аналогии позволяет очень точно оценить интересующее нас явление во времени и пространстве. Когда же мы вынуждены производить типологические разработки для данного конкретного материала с целью его использования в качестве хроноиндикатора или культуро-различительного признака, то должны очень точно соотнести число выделенных таксонов с количеством материала, которым мы

располагаем. Так, неудачно соотношение между 139 экз. пряжек Мокрой Балки, расчлененными на 55 таксонов, когда на каждый из них в среднем не приходится и 3 экз. Или около 40% выделенных таксонов керамики представлены единичными экземплярами, и, следовательно, они не могут быть учтены для выделения групп. Мне кажется также обедненным примененный для расчетов Г.Е.Афанасьевым набор хроноиндикаторов, служащий для выделения и характеристики групп Мокрой Балки (25 из 227). Очень интересно и важно на современном уровне наших возможностей в компьютерной обработке материалов от анализа парных связей перейти к многомерным, что сделано Г.Е.Афанасьевым для уточнения периодизации Мокрой Балки с учетом 34 типов керамики по классификации В.Ю.Малашева, дополнительно к 25 хронологическим маркерам, выделенным им ранее [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 49]. Соответственно, мы имеем дело уже с матрицей 84 х 59. Она очень мало, хотя и очень интересно (об этом я скажу далее в связи с расчленением на два кластера поздней группы) отличается от предшествующего членения на группы. Возможно, это произошло потому, что были взяты в обработку крупные таксоны керамики (34), тогда как судя по таблицам В.Ю.Малашева хроноиндикаторами служат более дробные (с учетом а, б, в, г и т.д. для ряда таксонов). Но сам факт, что культурно-хронологические этапы Мокрой Балки строятся с помощью ряда процедур статистического многомерного анализа, очень важен, особенно если учесть, что результат нас удовлетворяет методически и содержательно, поскольку опирается на изменения во времени разных элементов культуры, представленных в могильнике.

Сопоставляя между собой две системы периодизации: предложенную Г.Е.Афанасьевым в вышеуказанных работах (начиная с 1976 до 2001 г.) и нашу, нашедшую отражение в текстах и таблицах разных изданий [Ковалевская, 1995а,б, 1996], также, как и в томе «Археологии СССР», я хочу подчеркнуть, что распределение комплексов по группам у нас достаточно близко между собой, последовательность групп одинакова и, соответственно, выявление параллельных рядов изменения вещей, при этом число групп различно (что говорит лишь о различной принятой каждым из авторов дробности). Очевидно, это прежде всего объясняется тем, что за основу членения взяты те категории материальной культуры (поясные наборы, женские украшения – броши, фибулы, браслеты, пуговицы), которые в рассматриваемую эпоху чутко реагируют на изменения моды и обладают ярко выраженной способностью к количественным изменениям. Поскольку выделенные Г.Е.Афанасьевым и В.Б.Ковалевской группы характеризуются определенным набором катакомб, то сопоставить между собой эти схемы следует, оценив, в какой мере они соответствуют друг другу по этому набору. Так, 1-й этап Мокрой Балки по Г.Е.Афанасьеву соответствует 1 и 2 периоду по В.Б.Ковалевской. Объединяют их между собой катакомбы 14, 51 и 61 из раскопок А.П.Рунича. Среди катакомб, раскопанных автором, к 1-му периоду на основании керамики относится катакомба 12 (рис. 93, *3–4*), а ко 2-му по набору инвентаря катакомбы 4 (рис. 90–92), 7 (рис. 93, *1*) и 24 (102, *4–7*), наряду еще с 10 катакомбами из раскопок А.П.Рунича.

Второй период характеризуется бытованием ряда типов вещей, продолжающих линию развития вещей первого периода: обувные и поясные кругло- и овальнорамчатые бесщитковые пряжки, серьги калачиком (они появляются в этом периоде, чтоб бытовать еще в катакомбах следующего периода – серьги калачиком с подвеской в виде трех шариков снизу), фибулы-броши, инкрустированные пятью вставками цветного (чаще синего) стекла (специально рассмотрены [Прокопенко, 2000, с. 113–116]).

Выявляется серия птицевидных фибул, ложечки-цедилки и очень ограниченный набор бус – крупные янтарные, в виде ложных печаток из стекла аметистового цвета, скорее всего византийского происхождения.

Второй этап Мокрой Балки по Г.Е.Афанасьеву соответствует третьему периоду по В.Б.Ковалевской. Одинаково оба исследователя относят к этому набору катакомбы 1, 28, 29, 45, 77, 116 и 122 из раскопок А.П.Рунича. Из раскопок В.Б.Ковалевской к нему относятся катакомбы 11 (рис. 94), 14 (рис. 96, *8*) и 25 (рис. 101) с уникальной для Северного Кавказа иранской по своему происхождению пряжкой (рис. 101, *1*), аналогии которой из случайных находок экспонированы в музее Тегерана и известны по научной литературе.

Из ряда катакомб происходят наборные дружинные пояса с крупными серебряными в-образными пряжками подвижного соединения (реже односоставные), инкрустированные стеклом и с подвесными ремешками [Ковалевская, 1981, рис. 61, *5*], украшенные накладками с прорезной геометрической орнаментацией. Представлены все формы накладок, типичных для поясов византийского происхождения дружинников Евразии VI–VII вв., причем среди каждой группы находки выстраиваются в эволюционный ряд, идущий по линии постепенной схематизации рисунка от изображения личины, через геометрический орнамент вплоть до гладких форм, инкрустиро-

ванных стеклом, что является местной особенностью ювелирного производства. Особенно наглядно наблюдается дальнейшее развитие вещей, типичных для первого и второго периода в керамике и бусах. Третий этап по Г.Е.Афанасьеву соответствует четвертому периоду по В.Б.Ковалевской. Сходную позицию занимают катакомбы 17, 20, 27, 78, 87, 92, 103, 104 и 114 из раскопок А.П.Рунича. Из раскопок В.Б.Ковалевской к этому периоду относится катакомба 9 (рис. 93, *5–19*). Четвертому по Г.Е.Афанасьеву соответствуют 5 и 6-й периоды по В.Б.Ковалевской. Отличия в наборе катакомб велики, хотя бы потому, что в 5-й период входят 5 катакомб из раскопок В.Б.Ковалевской, а в 6-й период – 7 катакомб, что не учитывалось Г.Е.Афанасьевым. В 5-м периоде это 2-я катакомба (рис. 88), 3-я (рис. 89, *1–11*), 5-я (рис. 89, *12*),15-я (рис. 95, 96, *1–7*), 16-я (рис. 96, *9–11*). В 6-м периоде это 1-я катакомба (рис. 87), 13-я (рис. 93, *2*), 17-я (рис. 97, *1–15*), 18-я (рис. 97, *16–23*), 19-я (рис. 98, *1–2*), 20-я (98, *3–15*; 99, *1*), 21-я (99, *2–3*; 100). Объединяют эти группы Г.Е.Афанасьева и В.Б.Ковалевской 1-я и 5-я катакомбы из раскопок Г.Е.Афанасьева в Мокрой Балке 1 и катакомбы 18, 47 и 70 из раскопок А.П.Рунича.

Пятый период характеризуется появлением большого количества новых типов почти для всех категорий вещей и исчезновением большинства типов, характерных для более ранних периодов. Среди пряжек – это литые бронзовые односоставные (реже шарнирные) экземпляры, которые по ряду признаков (размеры, техника, характер прикрепления к ремню, прорезной орнамент – округлые вырезы на щитке, дающие крест, «якоревидные» тяжи) – несут признаки моды евразийских дружинников VIII–IX вв., хотя полных прямых аналогий им нет. А поскольку в окрестностях Кисловодска в разных могильниках имеются близкие им экземпляры, то мы можем предполагать наличие какого-то центра в этом районе, где изготавливаются пряжки по канонам VIII–IX вв. с определенными византийскими влияниями, но вместе с тем имеющие ряд местных особенностей. Поясные накладки только штампованные с геометрическим орнаментом (за одним исключением), наконечники или штампованные, или в виде перегнутой пластинки. Серьги золотые с подвеской в виде четырех небольших шариков и шарика побольше, появляются многочисленные бронзовые солярные и солярно-лунарные амулеты, бубенчики, стерженьки-перехваты и пуговицы. Если в предыдущий период в погребениях было мало бус и основные аналогии им происходили с более западных территорий, с Кубани и Черноморского побережья Кавказа, то сейчас появляются бусы, типичные для восточного локального варианта аланской культуры – желтые глазчатые с желто-зелеными или бело-синими глазками, черные с черно-белыми глазками, бирюзовые глазчатые, бородавчатые, часть которых, возможно, является продукцией местных стеклоделательных мастерских Центрального Предкавказья, возникших во вт.п. VII в. и достигших расцвета в VIII–IX вв. (рис. 108).

Шестой период удалось выделить сначала только по нашим раскопкам 1971 г. в самой нижней северной части могильника, позднее оказалось возможным выделить более поздние комплексы и среди других материалов Мокрой Балки. Катакомбы этого периода отличает существенное изменение конструкции погребальных сооружений: формы, высоты ступеньки, конфигурации и размеров входного отверстия. Изменился ассортимент керамики, ее стали класть не во все могилы и не больше одного сосуда. Появились новые формы пряжек, имеющие далекие сибирские аналогии (рис. 100, *1–2*). Начинается процесс замены металлических амулетов каменными (рис. 98, *4*). Появляется новый тип серег (возможно, мужских) в виде небольшого золотого, серебряного или бронзового колечка со слегка заходящими концами (рис. 98, *2*); из других типов серег – сложные золотые с гроздевидной подвеской, украшенной зернью (рис. 98, *3*) и литые «салтовского» типа с удлиненной подвеской (рис. 97, *6–7, 9–10*). Зеркала или маленькие неорнаментированные (рис 98, *14*), или очень крупные (рис. 99, *1*). Меняется набор бус. Специфичны гагатовые (гишер) бусы в виде полушария с 4-мя выступами, похожие на салтовские бронзовые миниатюрные котелки и пронизки в виде крестиков, в ожерельях они сочетаются с мелкими серебряными бусами из литых столбиков зерни, очень редкими в северокавказских древностях. Увеличивается процент глазчатых бус (от 1–2% в первых четырех периодах, через 17,8% в пятом до 26,8% в шестом, см. рис. 109а), появляются мозаичные. Интересно, что поясные наборы салтовского типа среди материалов последних периодов представлены единично (рис. 97, *1–3*).

Как показывает приведенный краткий обзор материалов могильника Мокрая Балка, мы можем выделить ряд типов вещей, которые образуют параллельные эволюционные ряды при упорядочении комплексов в зависимости от их относительной хронологии. Меняется набор вещей, сменяются типы, имеется возможность скоррелировать полученные группировки с находками бус (рис. 110) и перейти на основании привлечения всех внутренних и внешних аналогий, что будет рассмотрено далее, к построению периодизации в рамках абсолютной хронологии.

Мы уже показали, как у исследователей Мокрой Балки на протяжении ряда лет менялись представления о начале использования могильника, которая определялась как вт. пол. V в.

Первый этап выделялся Г.Е.Афанасьевым вначале по двум и, добавим, не слишком выразительным комплексам из его раскопок 1973 г. [Афанасьев, 1974, с. 44–47], прежде всего на основании пряжек. Хоботкообразные пряжки действительно характерны для гуннского времени, но если говорить о зооморфном язычке, аналогии которому Г.Е.Афанасьев приводит по А.К.Амброзу среди дунайских находок V в., то следует обратить внимание на то, что стилистически гораздо ближе, а географически тем более, язычки пряжек VII в. из Тызыла и Гижгида, приведенные в той же работе А.К.Амброза. Эта же аналогия у пряжки с крестом – VI в. в Абхазии. в-Образная пряжка 22 типа, по классификации Г.Е.Афанасьева, имеет пластинчатый двускатный язычок, аналогичный язычкам, датированным не ранее второй половины VI в. из Суук-Су и из комплекса VI–VII вв. в Мокрой Балке, а пряжка 25 типа имеет полнейшую аналогию в кочевнических древностях VI–VII вв. на Волге. То есть пряжки, выделенные Г.Е.Афанасьевым для I этапа, за исключением круглых с хоботкообразными язычками, имеют аналогии не только в V–VI вв., но и в VI–VII вв.

В издании материалов Мокрой Балки в 2001 г. приведены новые доводы в пользу правомерности датирования начала раннего периода Мокрой Балки серединой V в. Г.Е.Афанасьев привел сведения о катакомбах Зарагижского могильника из Кабардино-Балкарии из раскопок Б.Н.Атабиева, датированных монетами середины IV в., с материалом, близким к I этапу Мокрой Балки [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 38, 236]. В.Ю.Малашев сопоставил керамические материалы ранних погребений Мокрой Балки с рядом сосудов с территории Верхней Кубани, надежно датированных V в. [Малашев, 2001, рис. 75], и доказал связь между ними и их единовременность. Предложенная им классификация керамики Мокрой Балки опирается на измеренные, точно зарисованные и описанные сосуды, хранящиеся в музеях Москвы, Ставрополя, Пятигорска и Кисловодска. Это исследование было начато в 1994 г. в рамках ряда грантов (руководители М.Г.Мошкова, Ю.Г.Рычков, В.Б.Ковалевская), когда была поставлена задача комплексного подхода к исследованию средневековых памятников аланской культуры через подготовку к изданию ряда неопубликованных материалов (Пашковский могильник, Чир-Юрт, Мокрая Балка, Чми-Суаргом, Тарское) и анализ ряда явлений (погребальный обряд, принципы расселения) и категорий инвентаря (керамика, поясные наборы, бусы, зеркала, амулеты, серьги и т.д.). Предполагалось широкое использование компьютерной техники для получения надежной информации, работа с Базами Данных как фактографическими, так и археолого-географическими. Поэтому ход и результаты работ взаимно корректировались коллегами, участниками ряда проектов, поддержанных Международным Научным Фондом, РФФИ и РГНФ, и знакомство с результатами работ происходило не после итоговой публикации, но и во время ее подготовки. Контакты были необходимы в рабочем порядке, поскольку изучались не механизмы и не живые объекты, не техноценозы, а продукты человеческой деятельности, оценка которых зависит от массы привходящих обстоятельств, включающих личные пристрастия при свободном выборе того или иного украшения, сочетания бус, цвета стеклянных или каменных инкрустаций на серебряных изделиях, соотношения разных видов орнамента на разных зонах зеркал-подвесок, при безусловно существующих канонах, которые мы и пытаемся оценить статистически и выявить в изучаемом материале. Причем нельзя недооценивать ту информацию, которую мы получаем от изучения результатов деятельности мастеров гончаров, которых можно выделять не только на основании изучения их личных клейм, проверяя, каков разброс в ассортименте сосудов с идентичными клеймами или во времени их попадания в погребальные комплексы и какова возможная связь между последними по другим показателям и т.д. (рис. 111).

Сведя в определенную хронологическую последовательность те катакомбы, которые оказываются объединены наиболее высокой связью на основании разных групп артефактов-индикаторов, и помня, что эта связь не элементарно линейна, а многомерна, мы опять переходим к процедуре сравнения между собой соответствующих систем, в данном случае речь идет о проверке выявленных группировок на основании изучения керамического материала.

В.Ю.Малашев писал о задачах хронологической классификации керамики, когда должны быть «рассмотрены взаимосочетания типов сосудов в комплексах, прослежены развитие и смена различных керамических форм во времени, что, в конечном итоге, позволит выделить как общие этапы эволюции керамического комплекса, так и узкие хронологические периоды внутри этапов, которые могут стать основой для более дробной периодизации памятника» [Малашев, 1996, с. 149]. Предложенные схемы в некоторой степени менялись во времени [см. Ковалевская, 1995а, табл. 8; Ковалевская, 1996, рис. 5; Малашев, 1996, рис. 86–87; Малашев, 2001, рис. 59–62], корректировалось положение отдельных комплексов внутри групп (в каждом случае это касалось при-

мерно 6–8 позиций, что не выходило за 10%), производилось более дробное членение как групп, так и таксонов.

В целях проверки первого варианта упорядочения другим материалом были сведены данные по распределению признаков погребального обряда, инвентаря и бус в таблицы, где последовательность комплексов соответствовала той, что была получена на основании анализа керамики [Ковалевская 1995а, с. 158–178]. Как комментировал В.Ю.Малашев, «рассмотрение ременных гарнитур показало, что стилистически близкие наборы найдены в комплексах, компактно расположенных в таблице сериации керамики...а реконструируемая, таким образом, тенденция их развития, в целом, соответствует картине эволюции ременных гарнитур на других территориях» [Малашев, 1996, с. 154]. При рассмотрении не выборки, а всего доступного материала [Ковалевская, 1995а, с. 186–189] металлических украшений оказалось возможным прийти к выводу, что «погребальный инвентарь в каждой фазе обладает сочетанием специфических, только ему присущих черт... часть вещей объединяет между собой соседние фазы..., наблюдается некоторое запаздывание вещевого комплекса в целом по сравнению с керамикой, что возможно было бы устранить, если бы в нашем распоряжении были бы данные о возрастной принадлежности погребенных» [Ковалевская, 1996, с. 12]. Интереснее оказались те корректировки к схеме периодизации Мокрой Балки по керамике, которые вызвал анализ инвентаря.

Так, сопоставление материала из периодов I/II, IIа и IIб по В.Ю.Малашеву привело к предположению, что отличия между IIа и I/II имеют не столько хронологическое, сколько историко-культурное значение, что касается и временной характеристики IIа и Iб (последнее нашло отражение в некотором изменении состава этих периодов), так же как отнесение катакомбы 45 к периоду IIIа1 [Ковалевская, 1996, с. 11].

Большой методический интерес представляло сопоставление упорядочения бусинного[20] материала с керамическим, две массовые категории инвентаря (коллекция, бус, происходящих из 78 комплексов и разбитых на 80 МЕР, составляет 3671 экз., см. рис. 109–110). Часть бус оказалась жестко связана с тем или иным периодом, проявляя качества хроноиндикаторов, тогда как часть имеет более широкий период бытования, объединяя два или три соседних периода (в этом случае набор бус из Чир-Юрта, как я отмечала, значительно более информативен) – последнее хорошо видно на примере их сериации [Ковалевская, 1995а, с. 44–45].

Следовательно, эта проверка сопоставимости результатов объединения катакомб Мокрой Балки на разных основаниях подтверждает правомерность подобных процедур. Большой массив имеющейся информации и дробный анализ всех категорий инвентаря предопределяют возможность и необходимость объединения всех имеющихся данных в единую систему для их обработки математическими методами на современном уровне компьютерных возможностей. Этот анализ внутренней структуры при учете всех взаимосвязей элементов может привести к упорядочению их комплексов, когда мы получаем группы взаимосвязанных вещей (пример – кластеры рис. 77) или группы близких между собой погребений по взаимосвязанным вещам (пример – рис. 78 и 110). Мы получаем шкалу относительной хронологии для изучаемого материала, а задача нашего исследования, когда мы стремимся использовать археологический материал в качестве исторического источника, заключается в переходе от относительной хронологии к абсолютной.

Решение этой проблемы возвращает нас к теме поиска хроноиндикаторов и, в частности, к решению вопроса о датирующих возможностях монет. Анализ монетных находок в Центральном Предкавказье позволяет ответить на ряд вопросов о направлении и характере торговых связей и международных отношений в различные исторические периоды, возможности существования товарно-денежного обращения, специфике использования монет (украшения головного убора, деталь ожерелья). Особое внимание следует обратить на возможность использования монетных находок в качестве основания для датировки того погребального комплекса, из которого они происходят. По имеющимся изданиям и сводным работам [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975; Кропоткин, 1961, 1962, 1965, 1971, Кропоткин, Гусев, 1991; 1985; Афанасьев, Рунич, 2001; Афанасьев, 1976, 1979; Виноградов, 1981, Прокопенко, 1995а, б, 1997] для Центрального Предкавказья учтено и картографировано более сотни монет и индикаций, происходящих из более полусотни пунктов (около половины монет и подавляющая часть индикаций происходит из закрытых комплексов).

---

[20] В таблицах распределения бус Мокрой Балки по комплексам, так же как и в таблице сериации и результатов кластерного анализа, номера МЕР, изданных в 1995 г., не соответствуют окончательному их варианту, изданному в 1998 и 2000 гг.

Основную массу (более двух третей) составляют византийские монеты (включая и некоторое количество римских), тогда как сасанидские драхмы и арабские дирхемы представлены значительно меньшим числом экземпляров. При рассмотрении всех монетных находок по векам и при картографировании их по двум локальным вариантам (западному и восточному) обращает на себя внимание тот факт, что византийские монеты характерны для западного варианта, причем основная их часть относится к VII в., что хорошо подтверждается историческими источниками. В восточных районах византийские монеты при их незначительном общем количестве очень равномерно распределены во времени от II–III вв. до IX в. Факт концентрации византийских монет на западе, а восточных – на востоке давно уже был замечен [Иессен, 1941; Деопик-Ковалевская, 1958], но цифровые показатели, гистограммы и кривые распределения (рис. 112) вносят в эти наблюдения некоторые количественные характеристики. Византийские монеты в основном представлены золотыми солидами, серебряные монеты очень редки, а медные встречены вдвое реже, чем золотые (это же соотношение выдерживается и для индикаций), поскольку они используются как украшения.

Сасанидские драхмы VI–VII вв. распространены в целом более равномерно в пределах Центрального Предкавказья, составляя в процентном отношении для западного и восточного варианта примерно равное количество. В восточных районах, при общей незначительности монетных находок для VI и VII вв. сасанидские монеты преобладают над византийскими. Если мы обратимся к картам (карты 50, 51), расчленяя явления в синхронии и диахронии, то очень наглядно видно распространение византийских монет двумя путями: по кавказскому участку Великого Шелкового Пути – Даринской дороге (Зеленчук, Теберда – верхнее течение Кубани – Мара – Кума – Подкумок) и далее по предгорьям и в степи и второй – по Дариалу, т.е. по основным путям, тогда как бусы проникали многими путями (см. карту 52). Несмотря на то, что находки монет для Северного Кавказа не отличаются массовостью и использованы нами недостаточно полно (кстати, достаточно представительные раскопки на «каменных крепостях» и «земляных городищах» не дают нумизматического материала), анализ монет свидетельствует в пользу того, что нами правильно выявлены следующие тенденции: концентрация византийских монет в западном локальном варианте аланской культуры, их высокий процент в катакомбных и скальных захоронениях (карта ареалов западных и восточных монет). Увеличение количества византийских монет в памятниках на протяжении III–X вв. с пиком, приходящимся на 602–641 гг. (время правления императоров Фоки, Ираклия и Ираклия-Константина, Ираклия-Константина и Ираклиона), особенно четко определяется при анализе кривой распределения по числу комплексов с монетами и несколько менее наглядно по гистограмме количества монет по эмиссиям. Начиная с Анастасия (481–519 гг.) до Льва Исавра (717–741 гг.), мы видим в комплексах и случайных находках монеты всех византийских императоров без пропусков, что подкрепляет наши представления о постоянных дружественных и союзных культурно-исторических и военно-политических отношениях алан с Византией на протяжении рассматриваемого времени. Несколько иные тенденции обнаруживаются для восточных монет. М.Е.Массон еще в 1971 г. справедливо отметил, что на Кавказе (как и в Восточной Европе) сасанидские дирхемы появляются не ранее Кавада I, достигая максимума при Хосрове I (531–579 гг.) и Хосрове II (590–628 гг.). Очень заметна корреляция дирхемов с восточным локальным вариантом аланской культуры. Правда, малое число находок дает менее наглядную картину с двухвершинной кривой с конца V в. по конец VII в. и новую линию развития для омейядских и аббасидских дирхемов.

Если же мы, невзирая на происхождение монет, рассмотрим их находки для Центрального Предкавказья в пределах VI–IX вв., то следует отметить тяготение монет VI–VII вв. к памятникам предгорных и горных районов и к западному локальному варианту, тогда как монеты VIII–IX вв. занимают предгорные и равнинные районы (единично встречаясь в горах) восточного локального варианта, что, собственно, прежде всего отражает характер распространения разновременных памятников аланской культуры в разных ландшафтных зонах Кавказа.

Изучение монетных находок в катакомбах Мокрой Балки – это тема, которой углубленно, совершенствуя на протяжении последнего тридцатилетия методику и расширяя круг привлекаемых материалов, занимается Г.Е.Афанасьев. Приведенные им доказательства серьезны и убедительны, поправки вычисляются по разным основаниям, справедливо подчеркнуто, что «каждому этапу относительной хронологии соответствуют строго определенные монеты» [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 45]. Последнее наблюдается и в комплексах Чми-Суаргома из раскопок Д.Я.Самоквасова, что подтверждает и другую мысль Г.Е.Афанасьева о том, «что поведение монет в Мокрой

Балке полностью соответствует поведению монет в других северокавказских и северопричерноморских комплексах» (там же).

Но имея в виду общие правила, связанные с поправками на каждую из монет, остается необходимость в любом конкретном случае рассматривать все pro и contra, чтобы оценить, насколько запаздывает монета. Кроме того, существенным недостатком в использовании монет в качестве хроноиндикаторов является их редкость, достаточно сказать, что в наиболее поздней фазе существования могильника Мокрая Балка монеты отсутствуют полностью. Поэтому необходимо выявить такую массовую категорию находок, которая, с одной стороны, была бы достаточно широко представлена в изучаемом памятнике, а с другой стороны, была бы надежно датирована на тех сопредельных территориях, откуда происходят те материалы, которые мы используем в качестве аналогий. Таким материалом, как показали наши разработки, являются каменные и стеклянные бусы и подвески [Ковалевская, 1998а; 2000а; 2002а; с. 55–60].

Мы уже говорили при общем сопоставлении предложенной Г.Е.Афанасьевым, В.Б.Ковалевской и В.Ю.Малашевым периодизации Мокрой Балки о сходствах и отличиях на содержательном уровне. Теперь же более конкретно остановимся на теме выделения этими исследователями наиболее поздней фазы, а именно 5 и 6-го периода по В.Б.Ковалевской, 4-го этапа (4 и 5 группы) по Г.Е.Афанасьеву и IIIб. в. по В.Ю.Малашеву. Собственно, если суммировать все погребения, которые указанные исследователи объединили в выделенные периоды, то мы получаем выборку в полсотни катакомб[21]. Когда мы отмечали, характеризуя динамику изменения материальной культуры во времени, те находки, которые служили для нас хронологическими реперами, показывали, как менялся керамический комплекс или поясные наборы, типы фибул или амулетов, серег или зеркал, мы предлагали вниманию читателя таблицы, разным способом иллюстрирующие наши представления. В табличной или текстовой форме предлагалась и вся информация о наборе катакомб, характеризующем тот или иной период или подпериод. Методически важно сопоставить эти группы катакомб между собой и оценить степень их соответствия, что отнюдь не просто, поскольку они достаточно сильно различаются между собой (рис. 107). Выделенные тремя исследователями (о методике и содержательной стороне дела мы уже говорили) поздние катакомбы Мокрой Балки представляют собой выборку из всего массива информации (все катакомбы Мокрой Балки), являющуюся ярким примером множества. В качестве ядра следует считать те комплексы (неполные 40%), которые отнесены к поздней фазе всеми тремя экспертами (катакомба № 5 из раскопок Г.Е.Афанасьева и № 47 из раскопок А.П.Рунича) или по меньшей мере двумя (К1–3, К5, К13, К17, К19, К21; 18, 19, 45, 68, 70, 87, 93). Поскольку число катакомб в позднем периоде, выделенном каждым из археологов, различно (в частности, катакомбы из раскопок В.Б.Ковалевской рассматриваются только в построениях автора и В.Ю.Малашева), то нам хотелось оценить степень попарного и общего среднего сходства в выделении катакомб, относящихся к наиболее поздней фазе существования могильника. Важно и то, что исследователи опирались и на разный по своему характеру (качественное отличие – металлический инвентарь и керамика, количественные отличия – разное число учтенных таксонов, разная методика анализа) материал, происходящий из одних и тех же катакомб. При сопоставлении предложенных группировок мы исходим из числа комплексов, который каждый из исследователей относит к позднему периоду, отличаясь в этом от своих коллег. Именно эти цифры и учитываются для того, чтобы определить, какой процент катакомб, например, в построениях В.Ю.Малашева, соответствует группировке В.Б.Ковалевской (28%) и наоборот (48%, т.е. почти половина катакомб Мокрой Балки, отнесенных к позднему периоду В.Б.Ковалевской, таким же временем датируется В.Ю.-Малашевым).

Группировка В.Ю.Малашева опирается на керамический материал (54 таксона), а В.Б.Ковалевской – на металлический инвентарь (66 таксонов). Средняя близость этих группировок может быть высчитана как полусумма, при этом подсчете близость группировок Г.Е.Афанасьева и В.Ю.Малашева мы можем оценить как 27,5%, Г.Е.Афанасьева и В.Б.Ковалевской как 28%, В.Ю.Малашева и В.Б.Ковалевской как 38%, при средней для группировок трех исследователей – 31%. Сказать, хорошо ли согласованы результаты [сравни Афанасьев, Рунич, 2001, с. 46–48], можно, про-

---

[21] Из раскопок Г.Е.Афанасьева это 4 катакомбы: 1А, 5А, 1АА; из раскопок В.Б.Ковалевской это 11 катакомб: К1–3, К5, К13, К15, К17–21; из раскопок А.П.Рунича 35 катакомб: 6, 7, 9, 10, 15, 18, 19, 21, 27, 31, 33, 35, 38, 45, 47, 49, 50, 57, 68, 70, 76, 78, 80, 81, 87, 90, 93, 101, 103, 109, 110, 112, 113, 118 и 120.

верив распределение катакомб по другим периодам, что мы показали ранее. В данном контексте я хочу показать, каким способом, введя в исследование дополнительные данные, можно откорректировать предложенные моими коллегами и мною группировки (в частности, в множестве катакомб позднего периода перевести какие-то из наблюдений из окрестностей в ядро).

В качестве корректировки наших хронологических построений на базе катакомб Мокрой Балки можно использовать результаты кластерного анализа коллекции бус из могильника, представленной 3679 экз. бус, происходящих из 78 комплексов и разбитых на 80 таксонов [Ward's method/ Percent disagreement, рис. 110]. Рассматривая эту таблицу, мы видим, как в один кластер, составленный из входящих в «ядро» катакомб 70, 18, 1К, 47 и 3К, входят еще 35-я катакомба, которую к поздней группе относит только В.Ю.Малашев, 15К, которую относит сюда В.Б.Ковалевская, и 101-я катакомба, которую так атрибутировал Г.Е.Афанасьев. В другом кластере мы имеем входящую в ядро катакомбу 68, наряду с катакомбой 103, выделенной по керамике В.Ю.Малашевым. Взаимно корректируют друг друга входящие в один кластер катакомба 6, отнесенная В.Б.Ковалевской к позднему периоду, и катакомба 1АА, отнесенная к этому времени Г.Е.Афанасьевым. Катакомба 5А, единодушно отнесенная к позднему периоду, также подтверждает принадлежность к нему же 49-й катакомбы, выделенной Г.Е.Афанасьевым. 17К катакомба, относящаяся к ядру поздних катакомб, подкрепляет позицию 18К катакомбы, выделенной В.Б.Ковалевской благодаря вхождению в один кластер. Рассмотренные данные не позволяют нам перейти от относительной хронологии к абсолютной, для последней от кластерного анализа Мокрой Балки мы должны перейти к таблицам кластерного анализа значительно большего объема (например, проведенной нами классификации 998 погребений по 272 МЕР VI–IX вв. или же 229 погребений по 191 МЕР для 26541 экз. бус VIII–IX вв.). И в этом случае мы также рассматриваем кластеры, куда наряду с интересующими нас катакомбами Мокрой Балки входят хорошо датированные комплексы Северного Кавказа, Крыма и Восточной Европы. Приведем ряд примеров: 17К и 21К входят в один кластер с погребениями 26 из Чми, 10а из Гоуста, 3 из Тарского, 7 из Балты, 771/3 из Скалистого, т.е. с комплексами, не только датирующимися VIII–IX вв., но и в некоторых случаях только IX в. (Гоуст, Тарское).

Катакомба 5А Мокрой Балки входит в кластер с бусами из Томниковского могильника; катакомба 70 и 112 Мокрой Балки входят в один кластер с катакомбой 8 из Чми-Суаргома, 8 из Архона и 332 из Скалистого. Катакомба 18 Мокрой Балки входит в один кластер с 9-й катакомбой 1908 г. из Салтовского могильника, 3-й катакомбой Чми, катакомбой из Нижнего Садона и 5-й гробницей могильника на р. Кривой. Эти примеры можно значительно расширить за счет вхождения катакомб Мокрой Балки в кластерные группы еще с рядом катакомб Салтова, Тарского, Балты, Гоуста, Лаца, Кобана, Бежты, Агач-Калы и т.д., которые относятся, безусловно, к VIII–IX вв., а частично и к IX в.

Анализ таблицы взаимовстречаемости амулетов и серег Северного Кавказа, рассмотренных по 32 таксонам [Ковалевская, 1995б, рис. 16], также подкрепляет позднюю датировку для катакомбы 6 Мокрой Балки (Гоуст 10, Гуначкир, Песчанка п. 5) и для катакомбы 68 (2-, 4- и 5-катакомбы из Песчанки). Основанием являются поздние типы серег и амулетов солярного типа, представленные в большом числе комплексов, переход от бронзовых амулетов солярного типа к каменным шарикам в оковке (переход этот по древностям Донца относится к середине IX в.), появление нового типа серег (мужских и женских) в виде несомкнутых колечек (серебряных, золотых и бронзовых) с середины IX в., достигших расцвета в верхнем Прикубанье в IX–X вв., появление маленьких зеркал-подвесок, изменение ассортимента бус, о чем говорит кластерный анализ и появление ряда типов гагатовых (крестики-пронизки) и стеклянных бус, характерных для VIII–IX вв., в частности мозаичных бус, время производства которых ограничивается 800–830 гг., изменение конструкции катакомб, формы входного отверстия и т.д.

Остановимся подробнее на той информации, которая получена В.Ю.Малашевым на основании анализа керамического комплекса поздней стадии могильника Мокрая Балка, когда керамика редка, гетерогенна и недостаточно выразительна. При этом сам список катакомб количественно включает 35–40 комплексов, коль скоро мы при подсчетах к поздним катакомбам отнесем половину керамики из периода III в. Мне не кажется, что наблюдается «резкое уменьшение количества могил» [Малашев, 2001, с. 39], тем более что предложение добавить в эту группу катакомбу 49 из раскопок А.П.Рунича (отнесенную Г.Е.Афанасьевым к последнему периоду) и катакомбу 15 из раскопок В.Б.Ковалевской (отнесенную ею к этому периоду) увеличит список катакомб еще на два объекта [Гавритухин, Малашев, 1998, с. 62]. Характеризуя керамику позднего периода, В.Ю.Малашев отмечает появление новых таксонов среди кувшинчиков и кружек и, главное, появление ряда новых признаков, которые характерны для салтовских форм – приземистость, под-

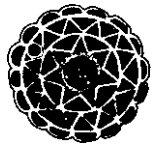
резание стенки у дна, иное расположение ручек, появление кружек типа кувшинчиков из Песчанки (см. рис. 113). Теперь вернемся к абсолютным датам. Если III в. 1 датируется концом VII–первой половиной VIII в., то III в. 2 «приходится уже на VIII век» (там же, с. 67), причем ставится вопрос о том, можно ли включать какую-то часть IX века в этот период. В последней работе период III в. датируется 700–730/760 гг., но после него выделяется еще один период – «финал III в. и позднее» [Малашев, 2001, рис. 66], к которому отнесено 7 комплексов, к чему еще следует присовокупить, судя по таблице, половину комплексов, относящихся к этому и предшествующему периоду, следовательно, еще 7, что в сумме составляет уже 14 комплексов. Если же полагать, что число комплексов со временем уменьшается, следовало бы длительность этого периода на основании сопоставления с III в. (12 катакомб) увеличить до 40–50 лет, тогда время окончания использования могильника даже по подсчетам В.Ю.Малашева и И.О.Гавритухина следует относить к 780–810 годам [Малашев, 2001, с. 48].

В своем экскурсе о керамике Г.Е.Афанасьев справедливо считает сосуды с «двойной ручкой» наиболее поздним признаком. Действительно, их следует датировать в целом VIII–IX вв., зная, что на Кавказе и на Донце они заходят во вторую половину IX и далее в X в. Наличие этих сосудов, на наш взгляд, подтверждает тезис о существовании комплексов, датируемых не ранее VIII–IX вв., и нет достаточных оснований ограничивать время их бытования только началом VIII в. Сопоставление материалов из поздней группы катакомб Мокрой Балки с материалами из катакомб IX в. из Кабардино-Балкарии, Осетии и Чечено-Ингушетии и скальными захоронениями этого же времени на Эшкаконе и Подкумке, о чем мы говорили по результатам кластерного анализа бус и что приводится Г.Е.Афанасьевым, подкрепляет наше представление об этой дате. Достаточно сравнить зооморфный амулет из 87-й катакомбы Мокрой Балки с подобными амулетами из 5- и 6-й катакомбы Чми или же комплексы с мозаичными бусами, представленные в поздних катакомбах Мокрой Балки, с погребениями 6 и 8 из Гоуста, датированными IX в.

Таблицы, суммирующие археологический материал, из катакомбных захоронений Центрального Предкавказья, показывают его единство для VI–IX вв. на широкой территории от междуречья Лабы и Урупа на западе до Чечни и Ингушетии на востоке, что не исключает наличия ряда местных отличий для могильников, находящихся иногда в непосредственной близости друг от друга. Например, катакомбные могильники № 243 у Директорской Горки и № 283 у Острого Мыса отличаются по конструкции от большей части катакомбных могильников Кавминвод (№ 257, 261, 260, 266 и т.д.), по набору амулетов отличаются между собой могильники № 246 и 273, 236 и 235 и т.д., по излюбленным типам зеркал могильники Архона и Гоуста, а катакомбы Мокрой Балки по наличию вещей салтовского и сибирского типов и т.д.

Эталонный характер материалов Мокрой Балки как для района Кавказских Минеральных Вод, так и для всего Северного Кавказа, подтверждается сравнением его материалов с суммированными данными из катакомбных могильников от Карачаево-Черкесии на западе до Дагестана на востоке. Это сопоставление позволяет оценить, в какой мере прослеживались общие тенденции в развитии, когда, на какой территории, с какого времени и в чем проявлялись различия и как мы можем оценить эти факты исторически. Начнем ли мы с комплексов (V) VI–VII вв.: на Кубани (Байтал-Чапкан), в окрестностях Кавказских Минеральных Вод (могильник у пос. Мирный, № 209, 210, у Аланской крепости № 215, у Подкумка № 281, в Кисловодске на Бермамытской улице № 257, у Кабан-Горы № 275 и у г. Кугуль, № 260, 261) или же находящихся на территории Кабардино-Балкарии (Тызыл № 342, Тырны-Ауз № 354, Н.Джулат № 524, Брут № 512), Осетии (Чми-Суаргом № 490) – везде мы видим единый набор вещей, специфический для этого времени: инкрустированные стеклом фибулы в виде одного или нескольких кружков (рис. 114, *17*) и птицеобразные (рис. 114, *31, 37*), калачикообразные серьги (рис. 114, *25, 32*) с 14-гранником (рис. 114, *19*), амулеты браслетообразные с утолщениями (рис. 114, *34, 36, 38*) и антропоморфные (рис. 114, *27*). Так же едины в это время поясные наборы «геральдического типа», среди которых, преобладают серебряные прорезные всех основных форм с схематичным изображением человеческой личины (рис. 114, *4, 5, 7, 12, 29, 61*). Изредка встречены пряжки и поясные наконечники, инкрустированные цветным стеклом (рис. 114, *14, 55*). Как и в Мокрой Балке, наряду с небольшими круглыми пряжечками (возможно, обувными, рис. 114, *30*) представлены крупные серебряные и бронзовые односоставные с в-образной или прямоугольной рамкой с щитком в виде геральдического щитка гладкого или прорезного типов (рис. 114, *1, 8, 56, 57*) . Картографирование этих материалов, как правило, не выделяет локальных вариантов, хотя и приводит к некоторым результатам [Ковалевская, 2000а]. В целом же в едином комплексе однотипных вещей хронологические особенности превалируют над локальными, именно поэтому детали поясных наборов служат надежными хроноиндикаторами.

В следующий период картина несколько меняется. Начинают прослеживаться разные направления в развитии: например, в районе Кавказских Минеральных Вод в ювелирном производстве выделяется группа местных северокавказских пряжек, продолжающих традицию предшествующего периода (рис. 115, *1, 3, 7, 35*), пряжек, восходящих к византийским образцам (рис. 115, *8, 41*) или являющихся византийским импортом (рис. 115, *2*), наряду с этим найдены пряжки салтовского типа, число которых резко возрастает по направлению с запада на восток – если в районе Кавказских Минеральных Вод и Кабардино-Балкарии их насчитывают единицы (и, как мы скажем ниже, они происходят из скальных захоронений), то далее на восток, в Осетии, Чечне, Ингушетии и Дагестане их больше. Среди поясных накладок и наконечников выделяется несколько групп, одни по своему происхождению связаны с тюркским миром Сибири – прямоугольные с прорезями (рис. 115, *23, 29*) и подковообразные (рис. 115, *18, 37*), гладкие и орнаментированные, штампованные с геометрическим орнаментом (рис. 115, *16, 21–23, 31, 33*), последние имеют ближайшие аналогии в тюркских кочевнических древностях Северного Причерноморья [Амброз, 1981, рис. 4а, 28–38], часть бронзовых литых с растительным орнаментом (рис. 115, *9, 38*) типа найденных в Песчанке, относятся к широкому кругу древностей, восходящих к византийскому металлообрабатывающему ремеслу, наряду с которыми пережиточно сохраняются накладки геометрического типа. К этому периоду относятся многочисленные амулеты (карта 49) в виде фигурок коней (рис. 115, *17*) и всадников (рис. 115, *6, 19*), солярные (рис. 115, *39, 40*), солярные с птичьими головками (рис. 115, *20*); их картографирование указывает на излюбленность той или иной формы для памятников СМК и западных, и восточных районов аланской культуры [Ковалевская, 1981, рис. 64]. Вместе с тем удается выделить различия в микротопографии амулетов в пределах одного узкого района между отдельными единовременными могильниками (в частности, в окрестностях Кисловодска).



Скальные захоронения и склепы

Введя эту категорию погребальных памятников в научный оборот, Т.М.Минаева [Минаева, 1965, с. 136–137; 1971] выдвинула положение об их аланской принадлежности, связав генетически с грунтовыми катакомбами, причем в дальнейшем это положение долго никем не оспаривалось. На самом деле скальные захоронения могут быть разбиты на ряд типов, из которых часть оказывается по конструктивным деталям близкой к земляным катакомбам (рис. 116, *1–5*), а часть – к подземным и полуподземным каменным склепам (рис. 116, *8, 9, 12–14*) или каменным гробницам [Ковалевская, 1981, с. 65]. По мере увеличения числа находок дата уточняется, но не углубляется. Бесспорно то, что функционировали они с VIII в., в частности, со второй его половины (возможно, единичные с рубежа VII–VIII вв.). В связи с тем, что скальные захоронения почти во всех случаях оказываются ограбленными, из всего количества могильников (на сегодняшний день их учтено 73, из числа которых картографировано – 65) происходит столь небольшое число находок, что все датирующие вещи могут быть сведены в одну таблицу (рис. 117). Здесь представлены все типы вещей, характеризующие период не ранее VIII в., и нет материалов, которые было бы можно датировать более ранним временем[22]. Пряжки местных кавказских (рис. 117, *56, 62*) или подражающих византийским форм (рис. 117, *61*) накладки салтовских типов (рис. 117, *36–38*), штампованные и литые наконечники поясов (рис. 117, *60, 63*), амулеты в виде всадников (рис. 117, *52*), антропоморфно-солярные (рис. 117, *40*), солярные (рис. 117, *42*) и солярно-лунарные (рис. 117, *41*), солярные с птичьими головками (рис. 117, *57*), бронзовые пуговицы (рис. 117, *19*,

[22] Таким исключением является небольшая коллекция вещей с поясными наборами с прорезной орнаментацией из Хасаута, хранящаяся в Эрмитаже, но нет уверенности, что они происходят из скальных захоронений, в окрестностях Хасаута известны более ранние грунтовые захоронения и погребения в каменных гробницах.

20, 43) и бубенчики (рис. 117, *39*). Серьги салтовского типа (рис. 117, *15, 45, 46*), гешировые бусы-пронизки в форме крестика (рис. 117, *51*), мозаичные бусы местного производства из «посудного» и многосвинцового стекла (рис. 117, *3, 4*), возникшие во второй половине VII в. и достигшие расцвета в VIII–IX вв., бусы мозаичные ближневосточного производства начала IX века (рис. 117, *7, 8, 21*), бородавчатые, крупные глазчатые, типичные для комплексов из катакомб алан и СМК (рис. 117, *23, 34*). Зеркала разных типов (с концентрическими кругами, радиальными полосами, сочетанием радиальных полос и ломаной линии и мелкие зеркальца-подвески, часть типов, характерных для второй половины VIII – IX вв. Находка сабли [Кузнецов, Рунич, 1974, рис. 1], керамика (в частности, сосуды с зооморфными ручками) позволяют считать основным временем бытования этого вида погребальных сооружений VIII–IX вв. Рассматривая скальные захоронения по геоморфологическим зонам, следует подчеркнуть, что они отсутствуют в равнинах (что и понятно, поскольку само их название подчеркивает факт их сооружения в скалах), составляют более 30% в предгорьях (уступая только катакомбам), чтобы спуститься до 10–12% в горах.

Карачаево-Черкесия: Уруп (1,2), х. Ильич (5), Кяфар (9), Н.Архыз (19), Крейда (24), Хабез (40), Гоначкир (43), Сенты (70), Джанукку (92), Сынлы-Арт (93), Сыллар-Арт (96), Джаширтым-Кала (97), М.Гиляч (102), Киир-Кол (103), Левобережные Маринские (106), Дардон (113), Шубшурук (115), Кубранская балка (118), Инджур-Гата (123), Каракент (125), Хумара (129), Инал (134), Аргон-Кол, Иссилеучу (137), Алты-Айгыр (138), Токмак-Кая (140), Тешик-Кая (143), Байтал-Чапкан (148), Гнакызы (150), Джырты-Сырт (153), Н.Джегута (154), Кая-Тешикле (156), Уллу-Кол (165), Кзыл-Кол (166), Эшкакон (178–181), Гришкина Балка (183), Водовод (186, 187), Терезе (193), Джага (194), Учкекен (195), Рым-Гора (198), Хасаут (301), Джага II (200), Красный Восток (203), Красивый курган (205), Ставропольский край, Аликоновка (231, 239), Миткин-кутан (244), х. Луначарский (248), Подкумок (284), Тихий Уголок (285).

Кабардино-Балкария: Кич-Малка (308), Хаймаши (326а), Гунделен (345), Шканты (391).

Чечня и Ингушетия: устье Джераховского ущелья (491), Мат-Лам (544), Аршти (579), Шарой (611), Харачой (622) – карты 1, 39, 43.

Очень тесно оказываются они скоррелированы с зоной каменных крепостей и, наоборот, почти не встречаются в зоне земляных городищ. Могильники, как правило, большие. Если мы будем рассматривать изменение их процента с запада на восток, то можем отметить чрезвычайную наглядность этого явления, особенно когда мы рассматриваем соотношение скальных захоронений и катакомб (грунтовых и подкурганных). В целом же ареал скальных захоронений очень близок к ареалу каменных крепостей, хотя из этого мы не можем делать однозначный вывод о связи населения, оставившего два этих вида археологических памятников, поскольку наблюдается хронологическое различие – каменные крепости возникли в предшествующий период (VI–VII вв.) и одновременны катакомбным захоронениям, а скальные захоронения соответствуют второму строительному горизонту этих крепостей, связанному с появлением тюркского элемента (правда, без дополнительных раскопок трудно интерполировать данные, полученные на одном-двух памятниках на все остальные), следовательно, скальные захоронения связаны с жизнью алан западного варианта их культуры в пору смешения его с пришельцами, скорее всего болгарами, в рамках событий хазарского времени в Центральном Предкавказье.

Не следует забывать, что те признаки, которые мы считаем культурно-различительными для алан: все типы солярных, солярно-лунарных, солярно-антропоморфных и зооморфных амулетов – присутствуют в скальных захоронениях. Это же относится и к металлическим зеркалам-подвескам, продолжающим линию развития аланских зеркал более раннего времени и в пределах Восточной Европы являющихся свидетельством не культурных связей с аланами, а показателем их непосредственного присутствия. Керамика и обжитость тех поселений, которые существовали в предшествующее время, свидетельствуют о сохранении культурных традиций в таких важных областях жизни, как гончарное производство. Типы и набор женских украшений остаются традиционными, а те отличия, которые появляются, отражают хронологические изменения в оружии (появление сабель) и поясных наборах (бляшки салтовских типов). То есть мы должны отметить большое значение аланского вклада в материальную и духовную культуру населения, оставившего скальные захоронения, и считать его алано-болгарским.

Следующий рассматриваемый нами вид погребальных сооружений – это полуподземные склепы (71 могильник, из которых картографировано 56). Приведем список по карте 1:

Карачаево-Черкесия: Кобу-Баши (6), Н.Архыз (19), Гидам (64), Теберда (75), Джалан-Кол (82), Коу-Боулар (84), Гаратуз (85), Кльян-Кала (86), Индыш-Баши (98), Дардон (112), Коста Хетагуров (114), Инал (133), Мара (162), Баба-Езен (163), Корсунка (167), Эшкакон (175), Хасаут (304).

Ставропольский край: Кисловодск-Горсвалка (218), Кугуль (259), Лермонтовская скала (267), Развалка (294).

Кабардино-Балкария: Хабаз (306), Тырны-ауз (327, 328, 329), Гижгид (330, 331), Былым (332, 335), Кара-Кол (336), Жанбаза (343), Заюково-Кишпек (375), В.Балкария (393), Вольный Аул (411).

Северная Осетия-Алания: Рутха-Кумбулта (421), Донифарс, Хор-Гон (423), Кумбулта (425), Галиат (430), Фаснал (433), Кора Усрдон (444), Гал-Фандаг (445), Садон (448), Згид (453), Хариджин (460), Лац (466), Какадур (471), Далагкау (472), Дергавс (478), Кобан (480), Саниба (485), Чми-Беахникуп (495), Херх (500).

Чечня и Ингушетия: Шуан (551), Кашиете (552), В.Алкун (554), Ведено (624).

Большая часть памятников была известна уже по дореволюционным работам (Кльян-Кала, Сента, Шоана, Былым, Гижгид, Херх), когда мы знаем набор найденных вещей и имеем неполную информацию о самом погребальном сооружении. Фактически только архитектурные обмеры Л.Г.Нечаевой (рис. 118) позволяют нам иметь достаточно точное представление о характере этого сооружения, поскольку ею производились многолетние исследования на Кавказе по этой тематике (следует только очень пожалеть, что работы ограничивались разведками и были незначительны по масштабу, а главное, результаты ждут научной публикации). Интерес к этому виду памятников был вызван обилием наземных склепов в Осетии, Чечне и Ингушетии, но на этих памятниках мы не останавливаемся, поскольку они выходят за хронологические рамки нашего исследования [Семенов, 1935, 1948; Тменов, 1979, 1985], но именно наземные склепы разбудили в свое время интерес у исследователей к подземным и полуподземным склепам.

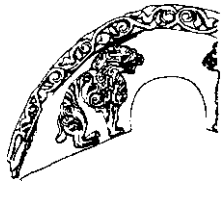
Существует четыре гипотезы происхождения склепов: первая – связывающая их с дольменами; вторая – возводящая их к каменным гробницам и каменным ящикам [Кузнецов, 1962, с.104]; третья – сопоставляющая их с катакомбами [Нечаева, 1961]; четвертая – возводящая их к склеповым сооружениям эпохи бронзы [В.И.Марковин, Е.П.Алексеева].

По аналогии с решением вопроса о происхождении катакомб, будем принимать во внимание возможность генетической связи только в том случае, когда наблюдается непосредственная линия развития, т.е. формы, которые мы принимаем за прототип, должны непосредственно предшествовать во времени или быть отделены небольшими временными лакунами. Исходя из этого подхода, должны отпасть первая и четвертая гипотезы, следовательно, нам следует решить, какая из двух оставшихся больше соответствует действительности. Остановимся на трех сторонах этого вопроса в плане доказательства генезиса: 1) принципиальное сходство, 2) близость ареалов, 3) хронологическое следование. В конструктивном плане (количество составных частей погребального сооружения) склепы сближаются с катакомбами и скальными захоронениями, поскольку трехчастны и состоят из камеры, входного отверстия (лаз, дромос) и входной ямы (коридор, дромос, шахта). Объединяет склепы с катакомбами то, что погребенного вносят «сбоку», а не «сверху» (как в каменную гробницу и грунтовое погребение) и можно многократно использовать погребальное сооружение (правда, в эпоху раннего средневековья эта возможность далеко не всегда осуществлялась, достаточно вспомнить преобладание одиночных погребений в катакомбах Байтал-Чапкана, их высокий процент в Мокрой Балке и т.д.). Склепы объединяет с катакомбами форма камеры (правда, в меньшей степени, чем с каменными гробницами), размеры, конфигурация и направление лаза (коль скоро мы сравниваем с Т-образными катакомбами), наличие ниш и лежанок. Перекрытие подземных склепов конструктивно ближе к каменным гробницам (одна или несколько плит), чем к катакомбам, имеющим купольный, конусный, усеченно-конусный и реже плоский свод. Конструкции стен аналогичны каменным гробницам, что и вызвало в ряде случаев неясность, к какому виду сооружения следует относить памятник. В плане хронологии и каменные гробницы (с I тыс. до н.э.) и катакомбы (с III–I вв. до н.э.) предшествуют полуподземным склепам эпохи раннего средневековья. Если мы рассмотрим ареал раннесредневековых полуподземных склепов (карта 1, 44), то увидим, что он идет довольно узкой полосой, заходящей в верхнюю часть предгорий и нижнюю часть высокогорья (по среднему течению Кубани и ее левых притоков), в Балкарии и Чечено-Ингушетии он занимает верхние части предгорий, тогда как в Осетии – нижнюю часть высокогорья. Сравнение между собой ареала каменных гробниц (карта 45) и склепов (карта 44) указывает на возможность их генетической связи, поскольку склепы возникают на всем протяжении области распространения каменных гробниц в ее южной части, тяготеющей к предгорьям, тогда как ареал катакомб находится к северу от ареала склепов, причем, если бы мы строили ареал по катакомбам предшествующего времени или одновременным ранним склепам, географический разрыв был бы еще заметнее.

Следовательно, имеющийся в нашем распоряжении материал говорит о двуприродности (как, собственно, было и для скальных захоронений) склепов для Центрального Предкавказья. Интерес заключается в том, что конструктивно все склепы (от самых западных до самых восточных) настолько едины, что никакого изменения в пространстве (т.е. локальных вариантов) обнаружить не удается. На всей территории распространения склепов наблюдается постепенное изменение форм, от подземных через полуподземные к наземным. Но интересно, как это подметил

еще в 20-е годы А.А.Миллер, что в западных областях они просуществовали только до VIII–IX вв. (в Балкарии) и XII–XIII вв. (в Карачае), тогда как в Осетии, Чечне и Ингушетии использовались до прошлого века. Важно отметить и то, что наиболее совершенны по форме они были в первые века своего существования – в VI–VII вв. (Кугуль, Былым, Лац), к VIII–IX вв. они делаются меньше по размерам, грубее и небрежнее по исполнению, лаз заменяется отверстием (причем часто не в короткой, а в длинной стенке [Ковалевская, 1981, рис. 65, *10, 18, 24, 30, 38, 39*]. Анализ вещевого инвентаря помогает понять тот смысл, который вкладывался древним населением в создание на рубеже VI–VII вв. погребального сооружения нового типа в Центральном Предкавказье, совмещающего в себе местные традиции использования камня для строительства погребального сооружения с традицией, лишь недавно нашедшей свое воплощение под влиянием ираноязычных степняков, «которая требовала хоронить сородичей в готовое погребальное помещение через лаз».

Возникают склепы в VI–VII вв. и сосуществуют с катакомбами, грунтовыми погребениями и каменными гробницами, правда, в нашем распоряжении нет раскопок сплошной площадью, которые позволили бы нам привлечь какие-либо стратиграфические или планиграфические данные. Одни из наиболее интересных – Кутульские склепы раскопаны А.П.Руничем, к сожалению, без должной фиксации. Находятся они на гребне горы Кугуль за стенами средневековой крепости (дата которой неясна, поскольку раскопки на поселении не производились), а катакомбы VIII–IX вв. находятся в нижней части холма. На двух участках (к северу и югу от крепостной стены) исследовано 10 частично вырубленных в скале склепов с дромосами со ступеньками и входным отверстием. Средние их размеры 3,5–4,25 х 1,30–1,45 х 1,3–1,4 м. Внутри устроены лежанки с нишами, стены в одном случае из материкового известняка (в этом случае можно считать погребение близким скальным захоронениям), в остальных случаях выложены кладкой насухо по периметру; погребения вытянутые, парные или одиночные, с деформированными черепами. Трудоемкость работ (вынуто до 9 м^3 скального грунта, могилы перекрыты многотонными каменными плитами), крупные размеры камер и богатство инвентаря говорят о высоком социальном ранге погребенных. В склепах найдены все основные группы инвентаря: серебряные в-образные и прямоугольно-рамчатые пряжки с щитком геральдической формы, прорезные серебряные накладные бляшки с геометрическими прорезями или инкрустированные стеклом и камнем, зеркала, амулеты (антропоморфные и зооморфные типа «Мартыновка»), бусы и сердоликовые геммы (возможно, сасанидские) и многочисленные стеклянные бусы. Выявлен ряд деталей, находящих аналогии в кочевнических погребениях и не типичных для аланских катакомб этого времени: наличие бронзового котла, конского снаряжения, в частности седла, украшенного позолоченными накладками с чешуйчатым орнаментом (склепы 3 и 5), находки оружия, железных мечей в большинстве склепов (в одном случае меч был согнут), железной кольчуги. В двух случаях на дне обнаружен слой древесного угля. Собственно, все эти черты перекликаются с вышерассмотренными особенностями несколько более позднего могильника из катакомб под каменными оградками на Директорской Горке и, очевидно, должны быть также связаны с тюркскими импульсами VII или VIII в. Два склепа неправильно округлой формы, возможно, их правильнее считать каменными гробницами (№ 2 и 3 раскопок Н.Н.Михайлова), по штампованным серебряным с позолотой поясным накладкам, бронзовому бубенчику, бородавчатым бусам и индикациям византийской монеты Тиверия III (698–705 гг.) датируются VIII веком.



Каменные гробницы и грунтовые погребения

Каменные гробницы[23] и грунтовые погребения (последние иногда частично использовали камень для оформления стен) являются той формой погребального сооружения, которая несет в

[23] Фактически они объединяют два разных типа погребальных сооружений: собственно каменные гробницы из горизонтально расположенной каменной кладки насухо и «плиточные могилы» из вертикально поставленных 4-х или 6 (8) плит; правда, в Центральном Предкавказье они датируются разным временем, о чем мы скажем далее, но по старым раскопкам мы не всегда имеем возможность их расчленять типологически.

себе местную, добавим, не прерывающуюся, традицию по крайней мере с середины I тыс. до н.э. до эпохи раннего средневековья.

Каменные гробницы обнаружены в 76 пунктах Центрального Предкавказья, картографировано из них 69 (см. карту 1, 45).

Карачаево-Черкесия: Кяфар (10), Н.Архыз (19), у ст. Зеленчукской (21), Тамгацик (36), Хабез (38), Ачитара (50), Куру-Кол (56), Гидам (62), Агур (66), Сенты (69), Амгата (75), Узун-Кол (78), Учкулан (80), Куутум (81), Коу-Боулар (84), Джанукку (87, 88), Гиляч (100, 101), Каменномостский (108), Усть-Тебердинский (109), Дардон (111), Н.Карачай (119), Инджур-Гата (122), Каракент (127), Хумара (130), Красногорск (141), Кызыл-Кала (152), Хасаут (304), Лахран (305).

Ставропольский край: Березовский (251).

Кабардино-Балкария: В.Чегем (367), Безенги (388, 392), Зилги (394).

Северная Осетия-Алания: Донифарс, Хор Гон (422), Кумбулта (424), Галиат (429), Задалиск (437), Кора-Усрдон (443), Гал-Фандаг (446), Нузал (449), Фиагдон (459), Хидикус (462), Архон (464), Лац (466), Гули (469), Далагкау (470), Дзивгис (473), Дзуарикау (475), Хидикус (476), Дергавс (479), Кобан (482), Тменикау (483), Кани (484), Саниба (486), Генал (487), Чми-Беахникуп (492), Херх (500).

Ичкерия и Ингушетия: Фуртоуг (503), Лежг (545), Джейрах (547), Салги (548), Шуан (550), В.Алкун (554), В.Датых (577), Харачой (621), Рагета (631), Ножай-Юрт (633).

Каменные гробницы составляют в среднем около 20% при варьировании от 6% в районе Кавказских Минеральных Вод до 33% в Северной Осетии. Очень четко прослеживается сильное снижение их процента по мере удаления от гор (около 40%), через предгорья (14%) в равнины (4%) (карта 45). Наложение ареалов каменных гробниц скифского, сарматского и раннесредневекового периодов показывает, что частично ареалы перекрывают друг друга, причем заметен постепенный сдвиг ареала в сторону гор. В основной своей массе каменные гробницы происходят из высокогорья и только по Кубани и Зеленчуку спускаются в предгорья.

Стенки каменных гробниц могут быть как из вертикально стоящих по периметру плит (в этом случае это каменные ящики или плиточные могилы), так и из горизонтальной кладки насухо; перекрыты они каменными плитами. Особенно интересные материалы происходят с Верхней Кубани (Гиляч, Узун-Кол, Боготобагде, Усть-Тебердинский – рис. 119а,б), где их можно датировать, начиная с V по XII–XIII вв. По своим деталям они, как мы уже говорили выше (лежанки, ниши, сочетание вертикально и горизонтально лежащих камней, вытянуто-прямоугольная форма камеры), настолько близки полуподземным склепам, что не всегда удается отделить один вид погребального сооружения от другого.

Грунтовые (иногда их называют ямными) погребения представлены всего 42 могильниками, что составляет 10,7% от общего числа могильников, рассмотренных нами. По различным регионам процент их слабо варьирует, поднимаясь только в Кабардино-Балкарии до 18%. Рассмотрение их в динамике при наложении ареалов показывает, что, концентрируясь в кобанское время в равнинных и предгорных областях (карта 24, 26), тяготея к востоку, они лишь отдельными островками представлены на территории западного локального варианта. В сарматское время ареал грунтовых захоронений (карта 31) сдвигается к западу и занимает предгорья, поднимаясь вверх по Кубани. В эпоху раннего средневековья ареал расширяется в западной части (карта 46) за счет высокогорья (до Узун-Кола). В центральной части памятники располагаются в Дигории и Дарьяльском ущелье. Увеличивается ареал на востоке в Чечне (рис. 120), где М.Х.Багаевым выделена Дайская культура, представленная блестящим материалом VI–VIII вв. с рядом локальных особенностей.

Анализируя материал ранних погребений, особенно следует отметить грунтовые погребения VI–VII вв. из Чми-Беахникупа (рис. 121, *1–3, 7–9, 34–35*) и VII–VIII вв. из Джамагата, где выделяется ряд местных форм, при преобладании вещей типичных для рассматриваемой эпохи. В Чми-Беахникупе, как и в Эдысе (рис. 121, *4–6, 10–11, 17–19* и т.д.), выделяются погребения с фибулами, амулетами и пряжками VI в., сасанидскими халцедоновыми печатями VI–VII вв., когда наборные пояса представлены еще только отдельными серебряными гладкими (или с нарезками по краю) круглыми накладками (рис. 121, *13–15, 19, 24–25*) и только в несколько более позднем могильнике Эдыс на южных склонах Кавказа встречены детали геральдических поясов (рис. 121, *26–29*), которые мы знаем и в закавказских памятниках VI–VII вв. (Самтавро, Квемо Алеви). Здесь интересно отметить, что в Эдысе (рис. 121, *6*) и в катакомбе 6 из Чми Суаргома (рис. 38, *1*) найдена накладка геральдической формы, специфика орнаментации которой и картографирование свидетельствуют об узкой области распространения и, очевидно, местном центрально-предкавказском происхождении этого типа накладок. Если же мы обратим внимание на типы вещевого

инвентаря, которые встречены у населения, практиковавшего некатакомбный обряд погребения (склепы, каменные гробницы, грунтовые погребения), то должны отметить, что основной ассортимент, правда, значительно менее богатый, соответствует тому, что мы находим в катакомбных погребениях. О культурно-исторических связях свидетельствуют находки поясных наборов дружинников (рис. 119а, *1–36;* 120, *1–5, 6, 8*; 121, *1–29*), подтверждающие сведения исторических источников о совместном многократном участии в военных походах алан и кавказских горцев. Вместе с тем находки женских украшений также отражают эпохальные изменения, проявляющиеся в использовании однотипных серег и височных колец (рис. 119б, *1–3*; 120, *11–12*; 121, *20–22, 32–33, 36*), инкрустированных камнем и стеклом украшений, фибул, цикад и т.д. Особенно важно отметить, что связи носили не только историко-культурный, но и этнический характер, поскольку в погребениях с местным кавказским обрядом мы находим такой этнодифференцирующий признак алан, как металлические зеркала-подвески (рис. 119б, *15–18*; 120, *24*; 121, *35*) и амулеты (рис. 119а, *51, б 4–5*; 120, *16*; 121, *23,31*). При этом в ряде случаев мы находим такие отличия в материальной культуре, которых мы не обнаруживаем в одновременных находках в катакомбных погребениях Центрального Предкавказья (например, рис. 120, *7, 9, 10, 13–15*), правда, находится в Дагестане.

На протяжении данного исследования при анализе ряда конкретных археологических памятников нашей целью была их этнокультурная и пространственно-временная атрибуция. Для этого мы пытались соотнести между собой весь ассортимент доступной нам информации и прежде всего максимально использовать все то, что дают археологические источники: их форму, тип, связи в пределах комплекса и группы комплексов, во времени и в пространстве (отсюда использование традиционных и компьютерных карт в качестве источника новых знаний о предмете). Наиболее подробная сводка материалов с рассмотренной территории, разбитая по пространственно-временному признаку, приведена нами в таблицах разделов по Северному Кавказу «Археологии СССР» [Ковалевская, 1981, рис. 57–69]. Именно она является источниковой базой данного исследования, поэтому для удобства читателей мы приводим четыре основных таблицы из указанного издания (рис. 122–125).

В самых общих чертах подытожим наши наблюдения относительно развития материальной культуры V–IX вв., при характеристике особенностей памятников и выделении хронологических этапов, акцентируя вопросы, связанные с развитием местной традиции и включением в культуру инноваций, связанных с импульсами экзогенного происхождения.

На протяжении этого времени продолжается развитие местного ремесленного производства. Довоенными работами были открыты относящиеся к эпохе средневековья разработки медной руды и остатки железоделательных производств. К VII–IX вв. следует относить разработку свинцово-серебряных руд, о чем мы можем судить на основании картографирования местных типов бус из стекла с высоким содержанием свинца в районах, примыкающих к месторождениям свинцово-серебряных руд в Северной Осетии, с постепенным уменьшением их процента к западу и востоку [Деопик-Ковалевская, 1963, с. 146; Ковалевская, 2000а; 2003].

Орудия труда в погребениях немногочисленны (тесла-мотыжки, топоры, долота) и однотипны, в поселениях это – ступки, вращающиеся жернова, пряслица. Оружие в погребениях алан по количеству тоже немногочисленно, хотя набор его вполне определен. В могилах IV–V вв. прежде всего мы находим лучников, на вооружении которых луки с крупными костяными накладками и стрелы с железными (втульчатыми и черешковыми) и костяными (черешковыми) наконечниками (рис. 122, *6–11*). По материалам VI–VII вв. мы можем представить себе алана-воина как тяжело вооруженного всадника с длинным прямым мечом, так называемого сарматского типа, кинжалом с боковыми выступами у основания рукояти (рис. 122, *62*) (в форме кинжалов проявляется преемственная связь с кобанскими кинжалами [Крупнов, 1953, с. 159], сохраняется и их местное название [Абаев, 1949, с. 53]), сложным луком с набором крупных железных наконечников стрел, копьем с ланцетовидным наконечником (рис. 122, *36–42*), булавой, арканом. Всадник и, возможно, конь защищены кольчужной броней. Несмотря на то, что боевые топоры обычно использовались в бою пехотинцами, они часто встречаются и в погребениях аланских всадников и представляют собой оружие, восходящее к позднекобанским формам, так же как и кинжалы (рис. 122, *58, 75*), поэтому мы имеем возможность сопоставить эти материалы с яркими описаниями походов северокавказских воинов на Закавказье Мовсеса Хоренаци: «Как ураган несется по лесу, срывая листья, точно с такой же быстротой (несутся – *В.К.*) юноши наши, с коней подымая своих противников на копья. Золотое и серебряное оружие. Такое же убранство было на конях. Казалось, видишь стену. Многие были в броне из ремней и кожи и представляли собой вид крепких

скал: на голове у них развевались гривы, как листья тенистых деревьев. Вьющиеся на знаменах драконы с ужасно разинутой пастью, вздуваемые дыханием ветра...» [Моисей Хоренский, 1893, с. 173].

В VIII–IX вв. появляются сабли – оружие, сформировавшееся в среде евразийских кочевников (рис. 117, *59*, 122, *162*). На поселениях найдены многочисленные каменные болы диаметром 0,10-0,15 м. Характерно использование лука в качестве основного наступательного оружия (во многих могильниках стрелы и железный нож являются единственным оружием, положенным в могилу). Особый интерес, далеко выходящий за географические рамки Кавказа, представляет уникальная находка полностью сохранившегося деревянного лука с роговыми и костяными накладками из Мощевой Балки. Этот лук, длиной в 140 см, сделан из одного куска березы разной толщины и формы сечения на разных участках, снабжен дополнительными накладками, обмотан сухожилиями и берестой. Он – весьма сложное (по технологии, трудоемкости изготовления и по конструкции) оружие, безусловно, обладающее высокой эффективностью. Есть полное основание полагать, что подобные луки были и у алан. Воины-аланы, по преимуществу, были всадниками, хотя, как мы показали выше, находки коней или конского снаряжения также сопутствовали погребениям тюрок-кочевников.

Богатое конское снаряжение использовалось, начиная с V в. (рис. 122, *1–4*). Позднее мы находим уздечки с двукольчатыми железными удилами, во внешнее кольцо которых продеваются стержнеобразные серебряные псалии с фигурными головками в виде цветочной почки или многогранника (рис. 122, *33–35, 72*). Оголовье богато украшено полулунными, крестообразными и удлиненно-прямоугольными накладками-бляшками из позолоченной фольги, украшенными чеканным орнаментом и инкрустированными стеклом. Позднее использовались двудырчатые псалии с изогнутым лопаточкообразным концом или слабо изогнутые эсовидные. Стремена, появляющиеся здесь на рубеже VII–VIII вв. или в VIII в. (рис. 122, *35, 74, 88*), округлые или восьмеркообразные с плоской подножкой без наружного ребра. Особый интерес представляет находка высококачественного уникального железного, инкрустированного серебром, мундштучного оголовья из катакомбного погребения VII в. аланского могильника Садон [Кадзаева, 2004, с. 87–88], что позволяет говорить о высоком уровне верховой езды у аланских кавалеристов.

Поскольку в погребальных комплексах мы находим оружие лишь спорадически, да и процент неограбленных погребений очень мал, то ни о какой воинской иерархии на основании оружия говорить не приходится. О месте того или иного дружинника в обществе свидетельствует количество и характер подвесных ремешков на поясе, что мы видим в погребениях VI–VII в. (рис. 124, *1–4*). В это время число свешивающихся с пояса ремешков и других поясных украшений (бляшек-накладок и небольших наконечников), так же, как и материалы, из которого они изготавливались (золото, серебро, инкрустации драгоценными камнями или стеклом), несли определенную смысловую нагрузку [Theop. Simos., 1957, с. 139; Kovalevskaja, 1970, с. 187–191; 1977a, Ковалевская, 2000]. Кроме того, многочисленность этого материала (из могильников и коллекций только с территории Центрального Предкавказья происходит более 2000 деталей поясов) делает эту категорию находок надежным хроноиндикатором) (рис. 123).

Специфическая особенность аланской культуры – это обилие и разнообразие металлических амулетов (более 300 экземпляров), они имеют лишь небольшое количество аналогий в одновременных им памятниках на территории Евразии, где их появление, как правило, мы можем рассматривать как результат связей с Кавказом. На территории Кавказа их истоки уходят в эпоху бронзы и раннего железа и можно проследить единую линию развития с этого времени до эпохи раннего средневековья, а подчас и почти до наших дней. Как правило, амулеты оказываются неотъемлемой частью инвентаря женских погребений. Амулеты – прекрасный хронологический признак. В комплексах V в. металлические амулеты не обнаружены (очевидно, для этой цели использовались только бусы, а, возможно, и зеркала). В VI–VII вв. выделяются два типа антропоморфных подвесок, подвески (или фибулы) с птичьими головками по краю и крупные кольцевидные подвески с девятью и одиннадцатью утолщениями (рис. 125, *1–29*).

К VIII–IX вв. относится расцвет металлических амулетов, встречается несколько десятков типов солярных, а также изображения коней, всадников, оленей и козлов, человеческих фигурок, вписанных в кольцо, солярно-зооморфных и т.д. (рис. 125, *46–129*). Почти нет типов, которые были бы характерны для одного из локальных вариантов аланской культуры, за исключением амулетов-всадников, представленных лишь в западном варианте (рис. 125, *113*), или колесовидных крупных амулетов с четырьмя тяжами, утолщениями и ушком, присущих памятникам восточного варианта (рис. 125, *61, 71*) (или, например, колесовидные семилучевые амулеты с ушком связаны с западным вариантом, а без ушка – с восточным) (см. карты 20 и 49, рис. 125, *108, 125*).

Вместе с тем из этого обширного репертуара типов в каждом из могильников выбирается определенный (довольно ограниченный) набор. В могильниках, расположенных в 2–4 км друг от друга, он может для одновременных комплексов не повторяться: например, в могильнике у бывшего подсобного хозяйства им. Луначарского найдены амулеты в виде изображений оседланных коней или всадников, которых нет рядом (в 3–4 км) – в могильнике Мокрая Балка; с другой стороны, солярно-лунарные амулеты, широко представленные в могильнике Мокрая Балка (2/3 всех находок) (рис. 88, *1–2*, 95, *27*, 97, *17*), полностью отсутствуют в одновременных могильниках, находящихся от него в непосредственной близости, хотя в целом это один из наиболее распространенных типов амулетов (рис. 125, *92, 104, 106*).

Возможно, амулеты как-то связаны с родовой (или фратриальной) принадлежностью (например, «род оленя» (рис. 125, *116, 121*) «род орла») или же местом в дружинной иерархии. Амулеты в виде взнузданного и оседланного коня и всадника (рис. 125, *74, 84, 102, 110*), найденные по преимуществу в женских захоронениях, возможно, свидетельствуют или о всадничестве женщин (амазонки) или о социальной иерархии той группы населения, к которой относилась данная женщина. Интересно, что к середине IX в. происходит резкое уменьшение разнообразия типов амулетов и их количества. В ряде случаев на смену металлическим амулетам приходят каменные шарики в оковке на цепочке, которые спорадически встречались и раньше, но наряду с другими типами, а в это время преобладают среди амулетов. По материалам из могильников мы можем реконструировать головной убор по золотым монетам, нашитым на головную повязку и найденным на черепе, или использовать данные по височным подвескам и серьгам, ожерельям, фибулам, браслетам, кольцам и т.д.

Совсем новую страницу в истории раннесредневекового населения Северного Кавказа открыли нам многочисленные фундаментальные исследования А.А.Иерусалимской, год за годом открывавшей перед нами многокрасочную жизнь, стертую, как правило, условиями сохранения тканей в могилах [Иерусалимская, 1976, с. 22–24; Ierusalimskaya, 1996]. Аланы восприняли восточные моды – халаты с каймой из узорчатого шелка и частично византийские формы одежды – туники, декорированные шелковыми «орбикулами», «таблионами» и «клавами». В конце I тыс. н.э. зарождались и черты современного горского костюма типа черкески. Штаны, являвшиеся типично кочевнической одеждой, заправлялись в мягкие сапоги, затянутые у щиколоток тонким ремешком с полушаровидными штампованными или с инкрустированными стеклом накладками и пряжками (рис. 124, *6–10*). Многообразными были и головные уборы – от простых повязок (иногда украшенных золотыми монетами) до островерхих шлемообразных башлыков.

Одежда алан была яркой, узорчатой и роскошной. Достаточно сказать, что полностью сохранившийся кафтан из Мощевой Балки, как показали исследования А.А.Иерусалимской, сшит из шелковой ткани, которую в Иране использовали только для одежды шаха. Поэтому материалы этого рода свидетельствуют о характере и ориентации торговли северокавказских алан. Если до самого последнего времени мы судили о ней лишь по отдельным импортным предметам – пиршественной посуде (находка которой на Кавказе очень редка, например, сасанидский кубок из Усрдона), металлической и стеклянной (кубки, рюмки, бутылки, флаконы), отдельным предметам и украшениям (византийские монеты, медальон и пряжки, сирийская туалетная коробочка слоновой кости с резьбой), то сейчас можно привлечь такой массовый материал, как бусы [Ковалевская, 1959, 1998а, 2000а], сасанидские геммы [Луконин, 1963, с. 182–188] и главное, ткани [Иерусалимская, 1967, 1972, 1992].

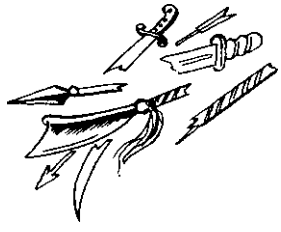
На основании данных об импорте бус и шелков как, с одной стороны, из Индии, Китая и Средней Азии, так, с другой стороны, из Византии, Сирии, четко вырисовывается кавказский отрезок Великого Шелкового Пути. По нему через Северный Кавказ, в частности, через перевалы (карта 52), ведущие к верховьям Кубани, зачастую оседая в руках владетелей перевалов в виде пошлины, даров, платы за проводников и коней, проникали византийские монеты, шелка (византийские, сирийские, египетские, согдийские и китайские), стеклянные сосуды (Египет, Финикия), мозаичные бусы (Александрия, восточно-средиземноморские центры), некоторые типы стеклянных и каменных бус (Индия), китайские картины на шелке, модные одежды (не только ткани, но и фасоны, характер узорной каймы и обшивки). Другим путем, через перевалы, находящиеся под контролем Ирана, попадали в Центральное Предкавказье сасанидские геммы (основная их часть происходит из современной Осетии), сердоликовые бусы (часть с росписью [подробнее см. Ковалевская, 1998а, 2000а], серебряная посуда и монеты, стеклянные перстни грузинского производства и посуда, отдельные глиняные сосуды из Закавказья (верховья Кубани, Теберда). Таким образом, различное направление торговых связей для западной и восточной групп алан, выяв-

ленное ранее А.А.Иессеном [Иессен, 1941, с. 27] получило в последнее время подкрепление на массовом материале.

Своеобразие ряда предметов материальной культуры также выделяет особенности западных и восточных алан в пределах Предкавказья, о чем мы говорили в связи с картографированием. Сопоставление же находок из разных типов погребальных сооружений возвращает нас к вопросу о том, какое конкретное содержание мы вносим в словосочетания «культура алан» и «аланская культура». Я не скажу ничего нового, если подчеркну, что в качестве «культуры алан» мы выделяем те черты материальной и духовной культуры, которые исследуем в катакомбах (грунтовых и подкурганных), всего первого тысячелетия на территории Центрального Предкавказья, а затем по историческим свидетельствам об аланах [Алемань, 2003]. Основное внимание в рамках нашего исследования мы обращали именно на эти памятники, пытаясь выделять и прослеживать в развитии те черты, которые своеобразны, несут некую этноразличительную нагрузку, подвергаются влияниям других культур и, в свою очередь, влияют на последних. Этот же механизм межкультурных связей, который мы рассматривали на примере картирования акинаков, обеспечивал «унификацию инвентаря на достаточно широком пространстве» [Погребова, Раевский, 2004, с. 542] как в скифское, так и в аланское время, будучи в определенной мере аналогом процесса глобализации, наблюдаемого сегодня.

К сожалению, в этой области наши построения остаются еще очень гипотетическими и субъективными, а потому и спорными, и дальнейшее поступательное развитие науки в этом направлении продолжает зависеть от недостаточного количества раскопанных памятников, особенно раскопанных полностью, когда наряду с могильниками были бы изучены относящиеся к ним поселения. Понятие «аланская культура» в кавказоведческой литературе имеет более широкое содержание, поскольку рассматривает культуру эпохи раннего средневековья Центрального Предкавказья, представленную материалом из разного типа погребальных сооружений, поселений и случайных находок, когда за определенную точку отсчета и сопоставления принимается культура, представленная в катакомбах. Во всяком случае, оба этих термина остаются условными понятиями из области культурологии и представлений отечественных исследователей об археологической культуре (подробнее, см. [Ковалевская, 1995а]. Выйти же за пределы археологических источников, расширив их познавательные возможности, можно только при их системном сопоставлении с результатами исследования таких наук, как история и этнография, генетика и антропология, лингвистика и география, что я пыталась сделать в процессе изложения. Проблема стара, как мир. Как за древними вещами увидеть историю? Как восстановить древнюю историю народа, подвергавшегося многократным волнам нашествий? Удивительнее всего было найти ответ у автора, жившего... более 350 лет назад. В монументальном двухтомном труде, неком аналоге издающихся сегодня «Сводов археологических памятников» – »Monumenta Britanica», мы читаем в переводе Дж.Фаулза высказывания Джона Обри (1626–1697): «я здесь пытаюсь (за отсутствием письменных свидетельств) разработать и восстановить, следуя методу, сходному с алгебраическим, сравнивая друг с другом те [камни], что я видел, и сводя результаты в нечто вроде уравнения, чтобы (поскольку я плохой оратор) заставить сами камни свидетельствовать о себе» [Фаулз, 2003, с. 319–320]. Почему эти слова ученого XVII в., касающиеся, как мы бы сказали сегодня, этнокультурной ситуации в Британии в I тыс. н.э., мы соотнесли с событиями этого же времени на Кавказе? Не только потому, что действующими лицами в британских историко-культурных и военно-политических взаимоотношениях были и изучаемые нами ираноязычные сармато-аланы (на стене Адриана, в событиях, отразившихся в цикле о короле Артуре и в топонимике), и не только потому, что структурно эти ситуации достаточно схожи. Интерес и удивление вызывает то, что в XVII в., надолго опережая время, Джон Обри остановился на роли источниковедческого подхода и математических обоснованиях сравнительно типологического метода, на важности использования полевых археологических наблюдений, изучении народных обычаев, устных традиций, данных топонимики и фольклора... Фактически он предложил современную программу археологического научного исследования в целях воссоздания истории края, что могло бы существенно продвинуть науку о прошлом. Между тем, зная научную литературу по этой теме, ознакомившись не только по экспозициям, но и при работе в фондах с археологическими материалами по раннесредневековой тематике из ряда британских музеев, я не могу сказать, что имевшиеся столь давно методические разборки заметно продвинули степень научной изученности материала. Издана при жизни Обри только одна работа, но другие представлялись в рукописях друзьям и коллегам, в числе которых был и основатель одного из самых притягательных в Англии археологических музеев в Оксфорде Элиас Ашмол, так же как и Ньютон, Локк и Гоббс; да и

рукописи хранились в Оксфорде и были доступны. Очевидно, дело в несвоевременности этих работ, неподготовленности научного сообщества и недостаточности (а соответственно, несистематизированности) основной источниковедческой базы. Востребованы эти идеи становятся сегодня, но представляют, к сожалению, историкографический интерес и рождают у нас восхищение перед гением этого провидца, изъездившего верхом Британию в поисках древностей, которые он всеми способами пытался зафиксировать и сохранить для потомства. Может, именно это больше всего импонирует в нем, позволяя оправдать все наши несовершенные попытки сохранять и приумножать информацию, заключенную в вещах и явлениях прошедшей жизни в научной литературе. Фаулз видел особенности творчества Джона Обри «во внимании, впервые обращенном на совершенно иные классы памятников, таких, как крепости на холмах и курганы...; в попытке воссоздать прошлое, вообразить, реконструировать его изменения и развитие культуры» [Фаулз, 2003, с. 323].



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя некоторые итоги нашему исследованию, необходимо подчеркнуть, что анализ археологических и исторических материалов Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. позволяет оценить состояние науки по рассматриваемой теме на сегодняшний день и определить, что только комплексное исследование с использованием генетических, антропологических, лингвистических и эколого-географических данных может привести к удовлетворяющим нас результатам.

Итогом исследования всего обширного и разнородного материала, использованного в работе, является обоснованный вывод о существовании безусловной преемственности традиционной культуры Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., что позволяет считать этот регион особой историко-культурной областью. Проникавшие сюда – нередко в значительном количестве – ираноязычные, а позднее и тюркоязычные народы приносили и язык, и элементы собственной культуры, но при этом традиционное центральнокавказское культурное ядро оставалось основой, и именно оно обеспечило культурную общность разноязычных народов, населяющих изучаемый регион.

В данной работе мы ставили своей задачей дать общее представление об археологических памятниках, бытовых и погребальных, останавливаясь относительно подробно лишь на тех, которые могут служить эталонами для построения периодизации древностей Центрального Предкавказья IV–IX вв. и особенно, если они или были опубликованы неполно или издаются впервые.

Работа опирается на разработки автора по типологии материальной культуры, обобщенные в монографиях [Ковалевская, 1979а], в соответствующих разделах «Археологии СССР» [Ковалевская, 1981а, с. 83–97, 173–187], в книге «Кавказ и аланы» [Ковалевская, 1984а], ряде монографий [Ковалевская 1995а, 1998а, 2000а] и докторской диссертации [Ковалевская, 1988]. Автором специально разрабатывались методы математико-статистической обработки массового археологического материала в целях извлечения максимальной информации из поведения артефактов в закрытых комплексах в пределах могильников – для выделения хронологических периодов и культурных групп.

Особое место было уделено анализу пространственного распределения фактов и явлений культуры в различные моменты истории. Проводилось это как традиционными методами (значковые и ареальные карты, выделяющие изопрагмы исследуемых типов), так и наложением последних друг на друга с поиском локальных вариантов разновременных культур и уточнения их границ. Апробирован был к археологическим задачам пакет геногеографических программ Map Developer Studio, разрабатываемый в лаборатории генетики человека (ИОГен РАН), создан ряд археолого-географических БД, которые явились основой наших научных построений. Издаваемые частично в данной монографии карты из Атласа электронных карт имеют самостоятельное значение; они продолжают более ранние публикации автора [Ковалевская, 1998а,б; 2000а] и являются особым научным направлением в отечественной археологии и картографировании. Поскольку любая археологическая культура, представленная теми сериями вещей, которые подвергаются картированию, находится как в диалоге настоящего и прошлого, так и в диалоге с далекими и близкими соседями при обмене культурными достижениями – результаты пространственного распределения отражают продвижение вещей, идей или же людей. Изучая конфигурацию расположения изолиний, мы можем определить направление путей, степень интенсивности их использования, связь их с речными долинами, степями и горными проходами. Карты строятся разного масштаба в зависимости от выбранного нами подхода: хотим ли мы

увидеть закономерности общие – евразийские, европейские или внутренние кавказские, ограниченные Азовско-Каспийским междуморьем или Центральным Предкавказьем.

Исходя из поставленных нами целей изучения кавказского автохтонного населения в его активных взаимоотношениях с миром степных кочевников, нам следует остановиться на географическом аспекте этой темы, которая в последнее время все больше становится предметом специального рассмотрения. Мы уже обращались к этому вопросу. Северокавказские степи на протяжении тысячелетий составляли органическую часть обширного степного коридора от Центральной Азии до Средней Европы. Внутри них преобладали широтные связи, которые с момента освоения верхового коня стали значительно более оживленными и мобильными. На границе степей и равнин северокавказских рек выделялись контактные зоны, которые в разные моменты истории играли большую или меньшую роль как центры культурообразования (Ставро́польская возвышенность в раннескифское время, зона протогородов, окруженных обширными курганными могильниками на Тереке и Сунже в раннеаланское время, Ставропольская возвышенность в хазарское время). Именно эти центры разнонаправленно расширялись в сторону предгорий и гор, что мы изучали в процессе изложения с опорой на компьютерное диахронное картографирование массового материала. У степного кочевого и местного горского кавказского населения существовали разные механизмы усвоения и ретрансляции чуждых им культур, что на конкретных примерах, насколько возможно дробно, и было рассмотрено нами на страницах этой монографии.

Любое этнокультурное исследование, построенное на основании анализа взаимоотношений разных по своему происхождению, развитию, биологическим показателям, культурным особенностям и языку групп населения, заставляет изолированно изучать эти стороны их жизни. Именно поэтому правильный ответ на поставленные вопросы возможен при привлечении и сопоставлении максимально широкого круга источников: исторических (письменные свидетельства), археологических, этнографических, лингвистических (этнонимика, культурная лексика, топонимика), фольклорных (генеалогические легенды, нартский эпос). На изучаемом нами пространстве Центрального Предкавказья сегодня мы знаем кабардинцев, относящихся к западнокавказским языкам, ираноязычных осетин и относящихся к восточнокавказским языкам ингушей и чеченцев. Научная литература о времени появления иранской речи на Северном Кавказе насчитывает почти два столетия, мы писали об этом в данной книге, в частности отмечая, что последние исследования, сугубо лингвистические, отмечают бо́льшую роль сармато-аланских, нежели скифских племен, в этом процессе [Вичак, 1992]. Рядом лингвистов рассматриваются кавказские субстратные черты в осетинском языке. Но, к сожалению, у нас нет никаких строгих оснований, чтобы проводить в пределах Центрального Предкавказья границу между западно- и восточнокавказскими языками для той исторической эпохи, которая предшествовала появлению на Кавказе ираноязычных кочевников. Ни для разных локальных вариантов кобанской КИО, ни для всей общности или же для выделяемой Б.В.Теховым центральнокавказской (тлийско-кобанской) этнокультурной общности нельзя говорить о языковой принадлежности их носителей, как это делает Б.В.Техов (2002, с. 455–483). Также не могу согласиться с точкой зрения М.М.Казанского и А.В.Мастыковой, что местные горские племена Западной Алании относились к адыгейским, а Восточной Алании – к вайнахским народам [Kazanski, Mastykova, 2003, p. 46, 82, 85, 119, 126].

Если говорить о других видах источников, таких как генетические и антропологические, то следует помнить, что они имеют различные разрешающие возможности для постановки и решения этнокультурных вопросов, связанных с кавказской тематикой, поскольку пользуются различными традиционными естественно-научными и математическими методами, и их определения относятся к разным сторонам биологических характеристик древних или современных популяций. Именно этим объясняется тот факт, что при характеристике различных по своей исторической глубине состояний этнокультурной ситуации на Кавказе мы используем разный набор свидетельств.

Начнем с того, что в любой промежуток времени демографическая (так же, как этнографическая и историко-культурная) ситуация (это и вызывает обращение к материалам генетики и антропологии) в том или ином географически ограниченном пространстве определяется соотношением местного населения, устойчиво связанного генетически с предшествующими поколениями, и пришлого (как правило, инокультурного, иноязычного и иного в генетическом и антропологическом плане).

Интенсивное генетическое исследование человека как источник наших представлений об этнокультурной ситуации для интересующих нас территорий имеет историю протяженностью менее чем четверть столетия. На протяжении нашего исследования мы рассмотрели, в ка-

кой мере для этногенетических построений мы можем использовать результаты исследования кавказского генофонда на примере сопоставления геногеографических и археологических компьютерных карт [Рычков и др., 1992; Ковалевская, Рычков, 1996; Ковалевская и др., 1997; Ковалевская, 1998; Генофонд и геногеография, 2000; 2003]. Но возникшая в последнее двадцатилетие возможность исследовать как современную, так и древнюю митохондриальную ДНК (мтДНК) позволяет рассматривать проблему формирования генетического разнообразия в энтогенетическом аспекте [Морозова и др., 2000, с. 62; Наумова и др., 1997, с. 1418; 2004, с. 132; Рычкова и др., 1996, с. 135–137; 1997, с. 18–23; 1999, с. 548–551; 2000, с. 325; Рычков, 2004].

В генетических исследованиях использован комплекс как рутинных, так и оригинальных молекулярно-генетических методов анализа первичной структуры митохондриальной ДНК из палеоантропологического материала и образцов крови, методы популяционно-генетического и статистического анализа генетического разнообразия и оценки степени генетической близости древних и современных популяций. Для интересующей нас темы можно использовать данные по полиморфизму мтДНК в населении эпохи бронзы северных предгорий Большого Кавказа (Экажево), в населении сарматского времени I в. до н.э. – I н.э. низовьев Дона (мог. Новый) и в населении (XII) XIII–XIV вв. (В. Кобан). Для сравнения был изучен полиморфизм митохондриальной ДНК коренного населения Северного Кавказа (осетины, чеченцы и кабардинцы). Получены оценки уровня внутри- и межпопуляционного разнообразия, рассчитаны генетические расстояния для данных северокавказских народов – представителей различных языковых групп региона. Мы говорили, что кавказский субстрат просматривается в антропологическом типе, языковом материале, материальной и духовной культуре, нартском эпосе, особенностях домостроительства, характере погребальных сооружений, орнаментации древней керамики, корни его уходят, по меньшей мере, в I тыс. до н.э. Были рассмотрены те элементы культуры, которые несут в себе традицию, диахронно, путем наложения на карту ареалов памятников разных эпох. В результате подтвердилось, что погребальные сооружения Центрального Предкавказья – каменные гробницы и грунтовые погребения – отражают местную непрерывающуюся традицию с середины I тыс. до н.э. до эпохи раннего средневековья. Наблюдая эту преемственность в традиционной культуре Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. в погребальном обряде, гончарном и металлообрабатывающем производстве, зооморфной пластике, сопоставив между собой многочисленные карты, удалось определить стабильные границы территории.

Мы показали в нашей работе, как по мере увеличения объема палеоантропологического материала и изменения статистических методов его анализа от суммарных серий [Дебец, 1948; Алексеев, 1974; Алексеев, Гохман, 1984] антропологи перешли к микропопуляционному и многомерному анализу краниологических признаков [Герасимова, 2003; 2004]. Как пишет М.М.Герасимова, вся сумма материалов кобанской культуры (В.Кобан, Рутха, Тли, Гастон-Уота, Уллубаганалы) рисует нам облик местного горского кавказского населения: «выраженная долихокрания, крайне узкий лицевой скелет, высокий и узкий сильно выступающий нос» [Герасимова, 2004, с. 76–80].

Спецификой этнических процессов в это время на Кавказе являлись длительные контакты и смешение аборигенного горского населения с ираноязычными пришельцами. Рассматривая для различных периодов истории Кавказа разные формы и типы передвижений человеческих коллективов – всех масс народа или только господствующей верхушки – мы используем археологические и антропологические факты. Возможна медленная и постепенная инфильтрация в чуждую среду, которую мы определяем по проникновению ряда культурных инноваций; военные походы, ограничивающиеся захватом добычи и полона; походы-балцы по нартскому эпосу; более длительные, устанавливающие военно-административное господство с захватом территории либо установление власти в ряде ключевых центров на стратегически важных путях, которые мы рассматриваем на примере освоения степи и лесостепи на основании карт распространения скифских акинаков. Эти формы передвижения отличаются между собой по существу и документируются различными видами источников – археологическими, антропологическими и генетическими. Академик В.П.Алексеев справедливо писал о том, что, характеризуя миграции, необходимо учитывать как продолжительность этого процесса, так и его масштаб. Археологу для решения этого вопроса приходится оперировать изменениями в материальной и духовной культуре, связывая традиционную ее часть с местным населением, а новые импульсы расчленяя на те, которые могли произойти путем плавного изменения или же в результате резкого толчка (причем и тут можно видеть причину как в появлении нового населения с чуждыми традициями, так и в возникновении новой моды в результате передвижения идей без миграции конкретных их носителей).

Специально рассматривая связи между кобанскими племенами и скифами, подробно по ряду параметров разобранные ранее, мы приходим к выводу, что контакты были очень сильны, население с единой материальной культурой, одним погребальным обрядом было представлено палеоантропологическим типом, свидетельствующим о бо́льших связях с северочерноморскими скифами, чем с местными северокавказскими популяциями [Тихонов, 1996, с. 81]. Следовательно, и на биологическом и на историко-культурном уровне можно говорить о смешении двух групп населения – местной горской и степной, явившемся следствием переднеазиатских скифских походов, пребывания скифов на Кавказе и длительного военно-политического союза между ними и местным населением и сохранявшемся на протяжении нескольких веков. Именно это смешанное кобанско-скифское население последней трети I тыс. до н.э. приняло в себя культурные импульсы степных ираноязычных сармат, а позднее алан, причем степень связи языка сармат, известных нам по данным ономастики, с осетинским очень велика.

Сарматский антропологический материал степей Северного причерноморья неоднороден, разнообразен и отражает высокую миграционную активность [Восточные славяне, 1999, с. 301]. К сожалению, для Северного Кавказа он значительно более малочислен [Герасимова, 2004] и характеризуется сочетанием брахикрании, широкого и относительно высокого лица с некоторым ослаблением профилировки скуловой области. Древнесарматская популяция I в. до н.э. – I в. н.э., с точки зрения мтДНК, характеризуется минимальным уровнем нуклеотидного разнообразия на фоне современных кавказских популяций, а по генетическим расстояниям наиболее близка к современной осетинской популяции, что указывает на высокий вклад древнего сарматского населения в формирование осетинского этноса и значительно меньший вклад в формирование кабардинцев и чеченцев. Правда, следует отметить, что 85% разнообразия мтДНК в сарматской популяции характерно для всех изученных современных популяций Северного Кавказа.

Одновременно с появлением племен алан в исторических свидетельствах в могильниках фиксируется новый антропологический тип длинноголовых европеоидов с резко профилированным лицевым скелетом [Экология и демография, 2004, с. 201]. Здесь нельзя не остановиться на том, что самый многочисленный тип погребального сооружения в эпоху раннего средневековья – катакомба (как по числу могильников, так и по числу погребений в могильнике) – четко скоррелирован с новым для данной территории долихокранным антропологическим типом [Алексеев, Гохман, 1984, с. 163], который, без всякого сомнения, связан с аланами. Наиболее яркие, выразительные и при этом типичные формы археологического инвентаря, как мы уже говорили, происходят именно из катакомб, хотя, как показано в процессе нашего исследования, никаких существенных качественных отличий в инвентаре, происходящем из других типов погребальных сооружений, нет, разве что в его бедности. Археологическая аланская культура была едина для всех памятников Центрального Предкавказья VI–IX вв., хотя не была гомогенной, неся в себе наряду с традициями много инноваций.

Безусловно, традиционная культура сохранялась прежде всего в горах [Ковалевская, 1984б] и на протяжении I тыс. н.э. постепенно все более сдвигалась в горы. Я солидарна с В.А.Кузнецовым [Кузнецов, 1985] в его несогласии с точкой зрения В.П.Алексеева, пришедшего к выводу об «относительной маломощности аланских передвижений». Археологический материал недвусмысленно указывает на значительный вклад алан в формирование одноименной археологической культуры VI–XII вв. Нет у нас также основания считать, что аланские переселения не были массовыми, хотя демографические построения, безусловно, сомнительны. Преобладание катакомб над другими типами погребальных сооружений, возникновение после гуннского нашествия обширной сети укрепленных поселений, политическая роль алан в международной жизни свидетельствуют в пользу этого положения. Конечно, предлагаемые вниманию читателя доводы не снимают высказанное В.П.Алексеевым уже в 60-е годы недоумение по поводу резких морфологических различий между антропологическим типом алан и современных осетин, относящихся к кавкасионскому типу. Промежуточное положение между местным и пришлым аланским определен для серии черепов из Змейского катакомбного могильника X–XIII вв. [Алексеев, Гохман, 1984, с. 81; Герасимова, 2003, с. 63]; местный антропологический тип происходит из каменных гробниц Херха, что понятно по условию. По определениям М.М.Герасимовой и А.Г.Тихонова к кавкасионскому типу относится основная часть населения, оставившего Верхне-Кобанский могильник XII–XIV вв., который можно считать раннеосетинским. Правда, одонтологические исследования Г.В.Рыкушиной этой же серии указывают на наибольшее сходство с аланской серией Дона и Донца и болгарской серией Поволжья, не умаляя таким образом генетические связи с аланами предшествующего времени. Анализ краниологических серий из Куртатинского уще-

лья привел М.М.Герасимову к мысли, что факты «противоречат идее преимущественной роли горских племен в формировании физических особенностей осетин и отрицании роли аланского суперстрата в этом процессе» [Герасимова, 2003, с. 61]. В определенной степени недостаточная согласованность данных археологии и антропологии относительно вклада алан в судьбы позднейшего населения объясняется количественной несопоставимостью археологических и палеоантропологических данных, изученных исследователями: на сотни могильников VI–IX вв. с тысячами погребений и десятком тысяч вещей, изученных типологически, статистически, с помощью кластерного анализа и с применением ЭВМ, приходится значительно меньший палеоантропологический материал, при этом для I тыс. н.э. преимущественно происходящий из катакомбных погребений.

Подойдя к вопросу о судьбах аланского населения в культуре народов Предкавказья, мы сталкиваемся с тем, что начало II тыс. гораздо хуже обеспечено источниками, чем I тыс. н.э. Меньше производилось археологических разведок и раскопок на эту тему. Отсюда и меньший объем источниковедческой базы, нет полной археологической карты, систематизированного материала, поэтому нет и необходимого мостика между древностями I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и нашими днями. Для указанного периода древности и раннего средневековья в предлагаемой вниманию читателя монографии мы смогли в ретроспекции рассмотреть соотношение местного кавказского этнокультурного компонента с теми сменяющими друг друга мирами степных кочевников, которые включались в процесс культурного обмена, обогащая как свою, так и местную культуру. В каждый момент истории создавались свои специфические формы отношений: союзные и враждебные, но всегда приводившие к созданию новых культурных ценностей, которые по эстафете доходили до нас уже в виде устоявшихся традиций.

Научное обобщение любого объема материала, ограниченного определенными пространственно-временными рамками, как в данном случае, всегда высвечивает те проблемы, которые требуют дополнительного приложения сил. В меру своих возможностей я старалась говорить о них, так как весь интерес научной работы заключается в том, что ты только приближаешься к истине, но никогда не можешь ее достичь. Но с другой стороны, в процессе поисков становится ясным, в чем причина. Слишком ли сложен материал для той методики, которой ты располагаешь, или дело в том, что он противоречив и неоднозначен. Достаточен ли он для решения поставленного вопроса или требует существенных дополнений. Так вот вопрос о судьбах алан и их наследия может быть решен, если мы выйдем из первого тысячелетия во второе, и в пространственном отношении – из Кавказа в степи Нижнего Днепра и Среднего Дуная, где археологические, лингвистические, исторические и антропологические данные свидетельствуют о пребывании алан–асов–ясов в XII–XIV веках.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев // Язык и мышление. Т. I. Л., 1933.

Абаев В.И. Нартовский эпос // Изв. СОНИИ. Вып. 10. 1945.

Абаев В.И. Историческое в нартовском эпосе // Нартский эпос. Дзауджикау, 1949.

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.–Л. 1949а.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Тт. I–IV. М., 1958, 1973, 1979, 1989.

Абаев В.И. Осетино-вейнахские лексические параллели // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 1. Вып. 2. Грозный. 1959.

Абаев В.И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик. 1960.

Абаев В.И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967.

Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М. 1993.

Абдушелишвили М.Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси. 1966.

Абдушелишвили М.Г. Взаимосвязь населения Грузии и Северного Кавказа по данным антропологии // Душетская научная конференция, посвященная проблемам взаимоотношений между горными и равнинными регионами: аннотации. Тбилиси, 1984.

Абегян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1948.

Абрамишвили Р.М. Этнокультурные течения в эпоху поздней бронзы – раннего железа в Центральной части Закавказья в аспекте взаимосвязей горных и равнинных регионов // Душетская научная конференция, посвященная проблемам взаимоотношений между горными и равнинными регионами: аннотации. Тбилиси, 1984.

Абрамова М.П. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // СА. 1968. № 3.

Абрамова М.П. Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время // Древности Восточной Европы. М., 1969.

Абрамова М.П. Нижнеджулатский могильник. Нальчик, 1972.

Абрамова М.П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Сб. научн. статей. М., 1974а.

Абрамова М.П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974б.

Абрамова М.П. Катакомбные погребения IV–V вв. н.э. из Северной Осетии // СА. 1975. № 1.

Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 1.

Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. 1979. № 2.

Абрамова М.П. Большой Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. МАД. Махачкала, 1980а. Т. 9.

Абрамова М.П. Раскопки могильника у с. Карца в Северной Осетии // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980б.

Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы // Тр. ГИМ. Вып. 54. М., 1982.

Абрамова М.П. Новые материалы по раннеаланской культуре Северного Кавказа // Всесоюзная археологическая конференция "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Тезисы докл. Баку, 1985.

Абрамова М.П. Раннесредневековый могильник у с. Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

Абрамова М.П. Сарматы и Северный Кавказ//Проблемы сарматской археологии и истории (Тез. докл. научн. конференции). Азов Ростовской обл. 1988.

Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Археология эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2. М., 1993.

Абрамова М.П. Погребения сарматского времени из Ставрополья // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995а.

Абрамова М.П. Катакомбные могильники III–V вв. н.э. центральных районов Северного Кавказа // Аланы. История и культура. Alanica. III. Владикавказ, 1995б.

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. М., 1997.

Абрамова М.П. Изучение северокавказских памятников сарматского времени в XX в. // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Тез. докл.) Кисловодск, 2000.

Абрамова М.П., Магомедов М.Г. О происхождении культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Абрамова М.П., Петренко В.Г. Погребения сарматского времени из Ставрополья // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1993.

Агафий. О царствовании Юстиниана. М., 1953.

Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1. Симферополь, 1990.

Айбабин А.И. Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.

Айбабина Е.А. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993.

Акопян А.А. Албания – Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.

Акритас П.Г. Вновь открытые аланские подземные склепы в Баксанском ущелье // Уч. зап. КБНИИ. Т. XI. Нальчик, 1957.

Албегова З.Х. К вопросу о религии алан (по амулетам салтово-маяцкой культуры) // Базы данных в археологии. М., 1995.

Албегова З.Х. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // Российская археология. 2001. № 2.

Албегова З.Х. Некоторые особенности типологии зеркал салтово-маяцкой культуры // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Сб. тезисов. 2002.

Алексеев А.Ю. Этюды об акинаках // Клейн Л.С. Археологическая типология. СПб., 1998.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М., 1974.

Алексеев В.П. Географические очаги формирования человеческих рас. М., 1985а.

Алексеев В.П. Человек. Эволюция и таксономия: некоторые теоретические вопросы. М., 1985б.

Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986.

Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Северной Осетии // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА. Вып. 114. М., 1963.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984.

Алексеева Е.П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Ученые записи ЛГУ. № 85. Серия исторических наук. Вып. 13. Л., 1949.

Алексеева Е.П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии // КСИИМК. 1955. Вып. 60.

Алексеева Е.П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960.

Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкары – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.

Алексеева Е.П. Средневековая история народов Северо-Западного Кавказа. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1969.

Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971.

Алексеева Е.П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976.

Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян. М., 1973.

Алемань А.А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Алиев З.М. Денежное обращение Азербайджана (VII–IX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1–30.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. I // СА. 1971. № 2.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II // СА. 1971. № 3.

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4.

Амброз А.К. О дате могильника в Верхнем Чирюрте // Тезисы докл. Пятых Крупновских чтений по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в.//Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.

Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь., 1995.

Амирханов Х.А. От редактора // Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003.

Аммиан Марцеллин. История. Вып. 1–3. Киев, 1906–1908.

Андреева М.В., Джаникян Г.Г., Сорокина И.А. ARL-TREE TUMULUS. Проект основы банка данных по материалам раскопок степных курганов // Компьютеры в археологии. М., 1996.

Андроникашвили М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. языке).- Тбилиси, 1966.

Анфимов Н.В. Река Кубань // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л., 1941.

Анфимов Н.В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.

Апхазава Н.И. Материальная культура раннесредневековой Грузии (вопросы археологической хронологии по данным украшений) (на груз. яз.). Тбилиси, 1979.

Апхазава Н.И. Могильник Квемо Алеви (на груз. яз.). Тбилиси, 1988.

Аржанцева И.А., Деопик Д.В. Зилги – городище начала I тыс. н.э. на стыке степей и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М., 1989.

Аржанцева И.А., Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А., Тменов В.Х. Итоги и перспективы археологических исследований раннесредневековых городищ Северной Осетии // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. М., 1987.

Аржанцева И.А.,Седов С.Н.,Скрипникова М.И. Аланские поселения I тыс. н. э. Кисловодской котловины: палеоландшафтные реконструкции систем жизнеобеспечения // Юбилейные Международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докл.). Железноводск, 1998.

Аржанцева М.А., Сычев А.А. Работы на аланской крепости Горное Эхо // АО. 2002. М., 2003.

Аржанцева М.А., Сычев А.А., Бронникова М.А., Турова И.В., Кац М.Я., Модин И.Н. Комплексные исследования аланской крепости «Горное Эхо» и ее окрестностей (Кисловодская котловина) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И.Крупнова (тез. докл.) М., 2004.

Арсеньева Т.М. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V вв. н.э. // КСИА. 1981. Вып. 168.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Танаис IV–V вв. н.э. (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Боспорский сборник. Вып. 6. М., 1995.

Артамонов М.И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // Докл. отд. и комис. Геогр. общества СССР. Вып. 15. 1970.

Артамонов М.И. Роль климатических изменений VIII–VII вв. до н.э. в переселениях киммерийцев и скифов в Азию и возвращение их в степи Восточной Европы в начале VI в. до н.э. // Этнография народов СССР. Л., 1971а.

Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России (сб. статей к 60-летию В.В.Мавродина). 1971б.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3.

Артамонова-Полтавцева О.А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. I. Могильник Исти-Су // СА. XIV. 1950.

Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Археологические культуры. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Историзм в археологии. М., 1976.

Археология и естественные науки. М., 1965.

Археология и краеведение Кавминвод (материалы 1-й региональной конференции). Кисловодск, 1992.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

Асанов Ю.Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев (вторая пол. XIX – 40-е годы XX вв.). Нальчик, 1976.

Атабиев Б.Х. Зарагижский и Кашхаутский катакомбные могильники. Некоторые итоги исследований // Юбилейные международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Железноводск, 1998 г. Ставрополь, 1998.

Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара. 1995.

Атавин А.Г. Информационно-поисковая система «НОМАД» (печенеги, торки, половцы в междуречье Дона и Волги) // Базы данных в археологии. М., 1995.

Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963.

Атаев Д.М., Магомедов М.Г. Андрейаульсколе городище // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

Афанасьев Г.Е. Новые результаты применения ГИС- и ДЗ-технологий в изучении археологических памятников Кисловодской котловины // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ессентуки-Кисловодск, 2002.

Афанасьев Г.Е. Разведки в Кисловодской котловине // АО. 2001. М., 2002.

Афанасьев Г.Е.,Кислов А.В.,Чернашев А.В. К оценке биопродуктивности землепользования в раннем средневековье на Северном Кавказе // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И.Крупнова (тез. докл.). М., 2004.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Могильник № 1 у Лермонтовской скалы города Кисловодска // СА. 1970. № 4.

Афанасьев Г.Е. Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа // Сообщение ГЭ. Вып. XXXVI. Л., 1973.

Афанасьев Г.Е. Поселения VI–IX вв. района Кисловодска // СА. 1975. № 3.

Афанасьев Г.Е. Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1976.

Афанасьев Г.Е. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // СА. № 3. М. 1979а.

Афанасьев Г.Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. Вып. 158. М. 1979б.

Афанасьев Г.Е. К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы (социальные структуры алано-асского населения бассейна Среднего Дона в составе Хазарского каганата). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1991.

Афанасьев Г.Е. Площадь памятника в реконструкции схемы расселения древнего населения (опыт применения в археологии методов аэрокосмического зондирования) // Социально-пространственные структуры в стадиальной характеристике культурно-исторического процесса. М., 1992а.

Афанасьев Г.Е. Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ, Цхинвал, 1992б.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы // Археология эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 1. М., 1993а.

Афанасьев Г.Е. К проблеме исторической информативности параметрических характеристик могильных сооружений // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж, 1993б.

Афанасьев Г.Е., Биджиев Х.Х., Воронов Ю.Н., Ковалевская В.Б., Ситников Л.Н., Ситникова Л.И. Работы средневекового отряда Северокавказской экспедиции // АО-1973. М., 1974.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М., 2001.

Ахмедов И.Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. 1995.

Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 1990.

Багаев М.Х., Виноградов В.Б. Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой // КСИА. Вып. 132. М. 1972.

Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник у с. Харачой // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976. Т. IV.

Багаев М.Х. Место ландшафта Кавказа в истории автохтонов и номадов // Археологические памятники раннего железного века юга России. Сб. статей. М., 2004.

Багаутдинов Р., Набоков А. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Балинт Ч. О датировке центрально- и восточноевропейских степных древностей раннего средневековья (трудности и возможности) // Interaktionen der mitteleuropdischen Slawen und anderen Ethnika im 6–10. Jahrhundert. Nitra. 1984.

Балинт Ч. Введение в археологию авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995.

Балкаров Б.Х. Адыгейские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965.

Банк А.В., Луконин В.Г. Отдел истории культуры и искусства народов советского и зарубежного Востока // Эрмитаж за 200 лет. Л.- М., 1966.

Бараниченко Н.Н., Виноградов В.Б. Роль жречества у средневековых вайнахов (к постановке проблемы) // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979.

Баранов И.А. Ранние болгары в Крыму (локальные варианты салтово-маяцкой культуры). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1977.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

Бартольд В.В. Кавказ, Туркестан, Волга//Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Т. IV. Тифлис, 1926.

Бартольд В.В. Аланы // Сочинения. Т. II. М., 1963.

Батчаев В.М. Элементы кобанской культуры в средневековой материальной культуре Северного Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том. 2. Нальчик, 1985.

Батчаев В.М. Сармато-аланские элементы в традиционной культуре балкарцев // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986.

Батчаев В.М., Вайнштейн С.И. К проблеме кочевнического комплекса в традиционной культуре горцев Кавказа (Балкария и Карачай) // Этнография и современность (Материалы Всесоюзной этнографической сессии, посвященной 60-летию образования СССР). Нальчик, 1987.

Батчаев В.М. Гуннский котел из селения Хабаз // СА. 1984. № 1.

Бахрах Б.С. Аланы на Западе. М., 1993.

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980.

Безрученко И.М., Бжания Д.С., Горлов Ю.В., Поротов А.В. Исследования Черноморской экспедиции ИА РАН // АО 2001. М., 2002.

Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3.

Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцелина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов. 1990.

Беленицкий А.Н., Бентович И.Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества // СА 1961. № 2.

Беленицкий А.Н. Археологические заметки. I. К вопросу о брактеатах Средней Азии // Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР. 1957. № 14.

Белинский А.Б., Харке Г. Новые исследования на могильнике Клин-Яр близ г. Кисловодска // Юбилейные Международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.), Железноводск, 1998.

Белинский А.Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А. Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Кисловодск, 2000.

Белинский А.Б., Ольховский В.С. Комплекс скифских изваяний со Ставрополья // Историко-археологический альманах. Вып. II. Армавир – М., 1996.

Белинский И.В., Бойко А.Л. Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника «Аэродром-1» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. X. 1991. Азов Рост. обл.

Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966.

Березин А.Б. Историография изучения сарматской эпохи Центрального Предкавказья (40-80-е гг.) // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Сб. научн. трудов. Орджоникидзе, 1986.

Березин Я.Б., Виноградов В.Б. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до н.э. (очерк этнокультурных процессов) // Проблемы сарматской археологии и истории (тез. докл.). Азов, 1988.

Березин Я.Б., Ростунов В.Л. Сарматские подкурганные могильники у сел. Заманкул (Северная Осетия) // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. (Тез. докл.). Кисловодск. 1994.

Березин Я.Б., Ростунов Е.В. Сарматские погребения Кобийского могильника // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Кисловодск, 2000.

Березин Я.Б. Новые погребения последних веков до н.э. в Среднем Притеречье // Кочевники Азово-Каспийского междуморья: Межвузовский сб. статей. Орджоникидзе, 1983.

Беренштам В.Л. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 г. // V археологический съезд в Тифлисе. Тр. предварительных комитетов. Т. 1. М., 1882.

Берже С.А. Кавказ в археологическом отношении. Тифлис, 1874.

Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник. 1993. № 7.

Берлизов Н.Е. Сарматы на Великом Шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск, 1992.

Берлизов Н.Е. Аланы – скифы // Историко-археологический альманах. № 2. Армавир – М., 1996.

Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951.

Бернштейн Э.Б. Народная архитектура балкарского жилища // Происхождение балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. 1990. №1.

Бетрозов Р.Ж. Захоронение вождя гуннского времени у селения Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Бетрозов Р.Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3. Нальчик, 1987.

Биджиев Х.Х., Тоторкулов Н.Х. Могильник Джамагат в Карачаево-Черкесии // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Кисловодск, 1994.

Биджиев Х.Х. Некоторые итоги исследования средневековых памятников Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Материальная и духовная культура. Черкесск, 1982.

Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.–Л., 1950.

Богачев А., Зубов С. Брусянский II могильник ранних болгар (раскопки 1988–1989 гг.) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992.

Богачев А.В. Хронология поясных украшений IV–VIII вв. Среднего Поволжья (к процедуре археологического датирования). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

Богачев А.В. К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1995.

Богачев А.В. К вопросу о поздней дате древностей «гуннского круга» // РА. 1996. № 3.

Богачев А.В. Украшения в системе хронологии праболгарских древностей новинковского типа // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тез. докл. III Международной археологической конференции. 14–18 марта 2000 г. Самара, 2000.

Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. № 3. СПб., 1993.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра) // СА. 1990. № 2.

Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1963.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000.

Брашинский И.Б. Основные черты греко-варварской торговли в Античном Причерноморье и ее особенности в Колхиде // Кавказ и Средиземноморье (сб. ст.). Тбилиси, 1980.

Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли на примере Северного Причерноморья. Л., 1984.

Бродель Ф. Время мира // Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. III. М., 1992.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии: очерки теории и истории. М., 1981.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Бубенок О.Б. Иранские традиции у народов Средней Волги // Вопросы этнической истории Волго-Донья (Матер. научн. конф.). Пенза. 1992.

Бубенок О.Б. К вопросу о происхождении южнорусских ясов // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. (тез. докл. научн. конф.). Липецк, 1992.

Бубенок О.Б. Ясы южнорусских степей (Палеоэтнографическое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

Буданова В.П. Готы в Северном Причерноморье и на Балканах в III–IV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1983.

Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2002.

Булкин В.А., Мачинский Д.А. Русь конца VIII – начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне. Сыктывкар 1986.

Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сборник МАЭ. Т. XIV. М.–Л., 1953.

Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965.

Бунятян Е.П. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников // Теория и методы археологических исследований. Киев, 1982.

Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII – IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М., 1978.

Вадаи А. Погребальный обряд у сарматов Карпатского бассейна // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев: Наукова думка, 1996.

Ванеев З.Н. Народное предание о происхождении осетин. Сталинир, 1957.

Ванеев З.Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.

Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань. 1993.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.

Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавинов // СА, 1972. № 4.

Виленкин В.Л. По Центральному Кавказу и Западному Закавказью. М., 1955.

Виноградов В.Б. Аланы в Европе // ВИ. 1974. № 8. М.

Виноградов В.Б. Проблемы локальных вариантов кобанской культуры на современном этапе исследования (историографический обзор) // Известия СКНЦВШ. Сер. общественных наук. № 4. Ростов-на-Дону, 1976.

Виноградов В.Б. Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Сб. научн. трудов. Орджоникидзе, 1986.

Виноградов В.Б., Дударев В.Л. К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н.э. из Предкавказья // АСГЭ. 1983.

Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Сб. научн. трудов. Орджоникидзе, 1985.

Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии // АО. 1975. М., 1976.

Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. К изучению византийско-северокавказских связей // ВВ. 1983. Т. 44.

Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР // Тр. ЧИНИИЯЛ. Вып. 10. Грозный, 1966.

Виноградов В.Б., Петренко В.А. Материалы погребальных памятников Среднего Притеречья о роли сарматов в этнокультурной истории Северного Кавказа // Кочевники Азово-Каспийского междуморья: Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе, 1983.

Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Новые материалы из катакомбных могильников IV–V вв. н.э. района г. Грозного // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.) (тез. докл. региональной научно-практической конференции). Грозный, 1991.

Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. VIII, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1966.

Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1970.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный, 1972.

Виноградов В.Б. Вайнахо-аланские отношения в этнической истории горной Ингушетии // СЭ. 1979. № 2.

Виноградов В.Б. Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии (до конца XVIII в.). Грозный, 1981.

Виноградов В.Б. Нумизматические находки 1989–1990 гг. // Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989-1990 гг. Грозный, 1991.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1.

Витчак К.Т. Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкознания. 1992. № 5.

Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1999. № 1.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992.

Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1990.

Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977–1986 гг. 2003.

Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.

Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абазгии и Санигии // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Раскопки могильника Цибилиум-1 // Археологические исследования в Цебельде. Тбилиси, 1982.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии. Сухуми, 1986.

Воронов Ю.Н., Левинтас В.Б. По древним тропам горной Абхазии (Материалы по средневековому пастушеству). Сухуми, 1982.

Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов. М., 1982.

Восточные славяне – антропология и этническая история. М., 1999.

Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н. Находки из погребения IV–V вв. в Крыму // СА. 1966. № 3.

Высотская Т.Н. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Габриелян Р.А. Армяно-аланские отношения (I–X вв.). Ереван, 1989.

Габуев Т.А. Элементы погребального обряда Центрального Предкавказья II в. до н.э. – VII в. н.э. // Древний и средневековый Восток. Ч. II. М., 1988.

Габуев Т.А. Аланские курганы у с. Брут в Северной Осетии // Тез. докл. 1-й Международной конференции «Осетиноведение: История и современность». Владикавказ, 1991.

Габуев Т.А. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // СА. 1997. № 3.

Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Погребальные памятники ранних алан в Северной Осетии // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И.Крупнова (тез. докл.). М., 2004.

Габуев Т.А. Аланские погребения IV в. н.э. в Северной Осетии // СА. 1985. № 2.

Габуев Т.А. История племен Центральных районов Северного Кавказа в I–VII вв. н.э. (по данным погребального обряда). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

Габуев Т.А. Классификация катакомб Центрального Предкавказья (II в. до н.э. – VII в. н.э.) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

Габуев Т.А. Аланские курганы у с. Брут в Северной Осетии // Первая международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ. 1991.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965.

Гавритухин И.О., Ковалевская В.Б., Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996.

Гагкаев К.Е. К проблеме субстрата // Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967.

Гаглоев Р.Х. Стырфазский могильник (I–V вв. н.э.). Цхинвали, 1984.

Гаглойти Р.Х. Античный мир и Южная Осетия (I–IV вв. н.э.) (к вопросу торгово-экономических связей). Владикавказ, 2003.

Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

Гаджиев А.Г. Древнее население Дагестана по данным краниологии. М., 1975.

Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997.

Гаджиев М.С. Древний город Дагестана. М., 2002.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.

Гадло А.В. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербенд-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X – XIII вв. СПб., 1994.

Гадло А.В., Найденко А.В. Разведка по Егорлыку // АО. 1972. М., 1973.

Гадло А.В., Найденко А.В., Гусаров В.Н., Кудло О.А. Работы в Ставропольском крае // АО 1973. М., 1974.

Галаева В.Н. Работы Ставропольского музея на втором Татарском городище // АО 2002. М., 2003.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е.Брандербурга) // САИ. 1977. Вып. ДI–33.

Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы по материалам Келермесских курганов // АСГЭ. 1983.

Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985а. № 3.

Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Л., 1985б.

Галанина Л.К. Келермесские курганы // Степные народы Евразии. Т. 1. Л., 1997.

Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961.

Гевонд Вардапет. История халифов. СПб., 1862.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.А., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука. 1964.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158.

Генинг В.Ф. Сарматская эпоха в Алфёльде (Среднее Подунавье в I–IV вв.) // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.

Генофонд и геногеография народонаселения. Том I. Генофонд населения России и сопредельных стран. Под ред. Ю.Г.Рычкова. СПб., 2000. Т. II, СПб.; 2003.

Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. III. (на груз. яз.) Тбилиси, 1936.

Герасимова М.М. Краниология могильника Мощевая Балка // Археологические открытия на новостройках: древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). М., 1986а. Вып. I.

Герасимова М.М. Этногенетические аспекты палеоантропологии Северного Кавказа эпохи средневековья//XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Орджоникидзе, 1986б.

Герасимова М.М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение. 1994, № 3.

Герасимова М.М. Краниология средневекового населения Куртатинского ущелья (Северная Осетия) по материалам из могильника у с. Дзивгис // Вестник антропологии. Альманах. Вып. 10. М., 2003.

Герасимова М.М. Население Северного Кавказа в раннем железном веке // Вестник антропологии. Альманах. Вып. 11. М., 2004.

Герасимова М.М., Пежемский Д.В., Яблонский Л.Т. Предварительные итоги и перспективы исследования палеоантропологического материала из фондов «Наследия» (Ставрополь) // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.) Кисловодск, 2000.

Герасимова М.М., Яблонский Л.Т. К вопросу о среднеазиатско-северокавказских этнических связях в сарматское время // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы докл. международной конференции. М., 1989. Ч. III.

Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь: Таврия, 1993.

Гиджрати Н.И., Наглер А.О. Сарматские погребения у сел. Комарово Моздокского района СО АССР (предварительная публикация) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе: СОГУ, 1985.

Гиджрати Н.И. Разведки и раскопки в Северной Осетии // АО, 1978. М. 1979.

Гмыря Л.Б. Паласа-сыртский могильник (по материалам раскопок 1981–1983 гг.) // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала. 1985.

Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала, 1993.

Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии позднеантичного Херсонеса // Международная конференция «Византия и Крым». Тезисы докладов. Симферополь, 1997.

Гончарова Н.Н. Применение многомерных методов к анализу антропологического материала // Компьютеры в археологии. М., 1996.

Городцов В.А. Бытовая археология. М., 1910.

Городцов В.А. Археологическая классификация. М.-Л., 1925.

Городцов В.А. Типологический метод в археологии // Общество исследователей Рязанского края. Серия методическая. Вып. 6. Рязань, 1927.

Горончаровский В.А. Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. М., 2003.

Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.

Горюнов Е.А., Казанский М.М. К изучению раннесредневековых древностей Нижнего Подунавья (VI–VII вв.) // Славяне на Днестре и на Дунае. Киев, 1983.

Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.-Л.: Наука. 1930.

Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // ВССА. 1954.

Граков Б.Н. Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.

Граков Б.Н. Погребальные сооружения и ритуал общинников степной Скифии // АСГЭ. 1964. Вып. 6.

Граков Б.Н. Скифы. М., 1979.

Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Азии. М., 1970.

Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4.

Грантовский Э.А. О некоторых материалах по общественному строю скифов // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.

Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.

Грехова Л.В., Балановская Е.В., Рычков Ю.Г. Разработка технологии создания компьютерных региональных археологических атласов: поздний палеолит Северной Европы // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Материалы всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук. М., 1994.

Гречанова Л. Раннесредневековое погребение из Танаиса // Известия РОМК. Вып. 5. Ростов-на-Дону. 1988.

Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей. I. Бронзовые кельты // Тр. ОИПК Государственного Эрмитажа. Т. I. СПб., 1941.

Гутуев В.К., Гутуев Ю.К. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984–1985 гг.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 1989.

Гутуев В.К., Трейстер М.Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3.

Гудименко И.В. Погребение эпохи раннего средневековья из дельты Дона // Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная, I–IV вв. н.э. Киев, 1984.

Гудкова А.В. Оседлое население Северо-Западного Причерноморья в первой половине I тыс. н. э. Автореф. дис. ... ... докт. ист. наук. Киев, 1987.

Гулиев Н.М. Торговые связи Кавказской Албании в раннем средневековье (по археологическим данным) // Авт. дис. ... канд. ист. наук. Баку. 1972.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.

Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. М., 1993.

Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. «Мишель и Ко». 1993.

Гуриев Т.А. Наследие скифов и алан: очерки о словах и именах. Владикавказ, 1991.

Гусев С.В. Подражания византийским монетам на Северном Кавказе // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. Доклады Всесоюзной конференции молодых ученых. 20–23 апреля 1990 г. М., 1990.

Гусев С.В. Экономические связи средневекового Дагестана (VI–XIV вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Гусев С.В. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средневековья: монеты рассказывают. М., 1995.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.

Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения Зубовско-Воздвиженского типа из раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Тр. ГИМ. Археологические исследования на юге Восточной Европы. Вып. 70. М., 1985.

Давудов О.М. Об отождествлении античных географических названий с современными гидронимами Северо-Восточного Кавказа // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992.

Дайм Ф. История и археология авар // МАИЭТ. Вып. IX. 2002.

Даркевич В.П. К истории торговых связей древней Руси (по археологическим данным) // КСИА. Торговля и обмен в древности. Вып. 138. М., 1974.

Даркевич В.П. Византия и Восток // СА. № 3. 1991.

Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // МИА. 1969. № 169.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Открытие богатого сарматского захоронения на Нижней Волге в 1984 г. // Тезисы докл. Всесоюзной археологической конференции "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Баку, 1985.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства калмыцко-астраханской и никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948.

Деген-Ковалевский Б.Е. Отчет о работах на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Археологические работы ГАИМК на новостройках в 1932–1933 гг. Т. 2 // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 110.

Деопик (Ковалевская) В.Б. Северокавказские аланы. Очерки истории СССР III–IX вв. 1958.

Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV – IX вв. // СА. 1959. № 3.

Деопик (Ковалевская) В.Б. Стеклянные, каменные и металлические украшения IV–IX вв. Северного Кавказа как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961.

Деопик В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы V–IX вв. // СА. 1961. № 3.

Деопик В.Б. Змейское средневековое селище // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.

Деопик В.Б. Хронология и классификация украшений VI–IX вв. (по материалам могильника северокавказских алан в Чми) // МИА. № 114. М., 1963.

Деопик Д.В. Керамика Центрального Предкавказья в I–IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материалы по культуре Востока. Часть 2. М., 1988.

Деопик Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение кобанской культуры // МАДИСО. I. Орджоникидзе, 1961.

Дестунис Г.С. Сказания Приска Панийского // Уч. зап. II отд. Академии наук. Кн. 7, Вып. 1. Спб., 1861.

Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4.

Джавахишвили И.А. Древнегрузинская историческая литература (на груз. яз.). Тбилиси, 1945.

Джалагания И.Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V–VIII вв. Тбилиси: Мецниереба. 1979.

Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 28. Тифлис. 1897.

Джандиери М.И. Древнее башенное общинное жилище // ВДИ. 1981. № 1.

Дзаттиаты Р.Г. Даргавская экспедиция // АО. 1993. М., 1994.

Дзаттиаты Р.Х. Раскопки у с. Едыс // АО. 1982. М., 1984.

Дзаттиаты Р. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ, 2002.

Дзаттиаты Р.Г., Тменов В.Х., Цуциева А.А., Черджиев Э.Л. Раскопки Даргавских катакомб // АО. 1994. М., 1995.

Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ, 1992.

Дидебулидзе З.Ш. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья. Тбилиси, 1983.

Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1908.

Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА, № 158, 1979.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4.

Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // Древности эпохи переселения народов V–VIII вв. М., 1982.

Дмитриев А.В., Ковалевская В.Б., Наумова О.Ю., Рычков С.Ю. Компьютерное картографирование массовых материалов могильника Дюрсо // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 6-го археологического семинара (2 часть). Краснодар, 1998.

Древние цивилизации Евразии. История культуры. Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, доктора исторических наук, профессора Б.А.Литвинского (Москва, 14–16 октября 1998 г.). М., 2001.

Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.

Дударев С.Л., Фоменко В.А. Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа. Армавир, 1996.

Дундуа Г.Ф. Нумизматика античной Грузии. Тбилиси, 1987.

Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории ("киммерийцы") // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.

Дьяконов И.М. Сравнительное языкознание, история и другие смежные науки // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и докл. конференции. 1984. Ч. 2.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествия вокруг Кавказа. Т. I. Сухуми, 1937.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.

Елкина А.К., Левина Л.М. Одежда, ткани и кожа из джетыасарских могильников // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. V. М., 1995.

Еремян С.Т. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов по Tabula Peutingeriana // ВДИ. 1939. № 1.

Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989.

Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. I. Л., 1926.

Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // МАИЭТ, Вып. IV. Симферополь, 1995.

Ждановский А.М. Появление алан в Прикубанье // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.

Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.

Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы и Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории (тез. докл.). Азов Ростовской обл., 1988.

Жуков В.С. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп // Культура и быт населения Центрально-промышленой области. М., 1929.

Заднепровский Ю.А. К проблеме этнической принадлежности катакомбных памятников Средней Азии // ПАВ. Вып. 8. СПб., 1994.

Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.

Засецкая И.П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. 1968. № 2.

Засецкая И.П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. 1968. Вып. 10.

Засецкая И.П. Гунны в южнорусских степях к IV – перв. пол. V в. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук, 1971.

Засецкая И.П. Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья // АСГЭ. Вып. 13. 1971.

Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.

Засецкая И.П. О роли гуннов в формировании культуры южно-русских степей конца IV–V вв. нашей эры // АСГЭ. Вып. 18. Л., 1977.

Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. 1978. № 1.

Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.

Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. н.э.) // История и культура сарматов. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1983.

Засецкая И.П. О дате мелитопольского комплекса в свете проблемы хронологии памятников гуннской эпохи // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Засецкая И П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // Археологический сборник. № 27. Л. 1986.

Засецкая И.П. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV – начало VII вв.) // Археологический сборник ГЭ. № 30. Л., 1990.

Засецкая И.П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ, III, 1993.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (IV–V вв.). СПб., 1994.

Захаров Н.И. Вопрос о монетах «неизвестного народа» // ВДИ. 1937. № 1.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962.

Зограф А.Н. Античные золотые монеты Кавказа // Археологические работы академии ГАИМК на новостройках в 1932–33 гг. М.-Л., 1935.

Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. № 16. М.-Л., 1951.

Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс II–IV вв. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев, 1986.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. (Перевод, комментарии, исследование... Н.Велихановой). Баку. 1986.

Иванов А.А. Подкурганные конструкции в погребальном обряде кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.

Иванов А.А., Копылов В.П. Бронзовые зеркала из раннесредневековых подкурганных погребений Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Донская археология. 2001. № 3–4. Ростов-на-Дону.

Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М., 1984.

Иванов А.А., Луконин В.Г. Памятники искусства Ирана в собраниях СССР. Л., 1987.

Иванов А.А. О стилистических и хронологических особенностях поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Международной археологической конференции (14–18 марта 2000). Самара, 2000.

Иванов А.Г. Круг проблем, связанных с изучением поясов неволинского типа // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тез. докл. III Международной археологической конференции (14–18 марта 2000 г.) Самара, 2000.

Иванов В.А. Убранство костюма средневековых кочевников Евразии // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тез. докл. III Международной археологической конференции (14–18 марта 2000 г.) Самара, 2000.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Степные народы Евразии. II. М., 2001.

Иерусалимская А.А. К вопросу о торговых связях Северного Кавказа в раннем средневековье // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 24. Л., 1963.

Иерусалимская А.А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА. 1967. № 2.

Иерусалимская А.А. «Великий Шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972.

Иерусалимская А.А. Одежда раннесредневекового населения предгорий Северного Кавказа (по материалам могильника VIII–IX вв. Мощевая Балка // Тезисы VI Крупновских чтений в Краснодаре). М., 1976.

Иерусалимская А.А. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (на материалах могильника Мощевая Балка) // СЭ. 1983. № 1.

Иерусалимская А.А. Древняя латунь на торговых путях Кавказа (по материалам мог. Мощевой Балки) // СА. 1986. № 4.

Иерусалимская А.А. Кавказ на шелковом пути. Каталог выставки. СПб., 1992.

Иерусалимская А.А. Адыго-аланский костюм VIII–XI вв. на фоне общих проблем изучения средневекового костюма Запада и Востока // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Международной археологической конференции (14–18 марта 2000 г.) Самара, 2000.

Иерусалимская А.А. Бронзовая подвеска «с Богоматерью» из Верхне-Чирюртовского могильника (Дагестан) в свете контактов Хазарии с Византийским миром // Культура и искусство христиан-негреков. Научная конференция памяти А.В.Банк. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2001.

Иессен А.А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. М., 1954.

Иессен А.А., Пиотровский Б.Б. Моздокский могильник // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 1. Л., 1940.

Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. М.-Л., 1941.

Иессен А.А. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом // КСИИМК. Вып. XLVI. М., 1952.

Иессен А.А. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа // Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в окт. 1956. М., 1956.

Из истории народов Северного Кавказа. Сборник научных статей. Юбилейный выпуск 5, посвященный пятилетию кафедры археологии и региональной истории. Ставрополь, 2002.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (Курганы Посулья). Киев, 1968.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев, 1975.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–VI вв. до н.э. Киев, 1983.

Ильинская Р.А. Керамика скифских погребений Посулья // ВССА. М., 1954.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992.

Илюшин А.М. Поселения на горе Бештау // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Кисловодск, 2000.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. М., 1967.
История Северо-Осетинской АССР. Т. I. М., 1959.
История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987.
Иченская О.В. Орнаментация зеркал Салтовского могильника // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982.
Кавказский этнографический сборник. Вопросы исторической этнографии Кавказа. IX. М., 1989.
Кадузаева З.П. Раннесредневековый катакомбный могильник близ села Верхний Садон (РСО-А) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И.Крупнова (тез. докл.). М., 2004.
Казаков Е.П. Новые материалы по датировке древностей VI–VIII вв. н.э. Закамья // Культуры степей Евразии второй половины – I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) (тез. докл.). Самара, 1997.
Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ, Вып. IV. Симферополь, 1995.
Калинина Т.М. Торговые пути Восточной Европы IX века (по данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха) // История СССР. 1986. № 4.
Калитинский А.П. К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России // Seminarium Kondakovianum. III. 1928.
Калоев Б.А. Садонские рудники до начала XX века (историко-этнографический очерк) // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XXI. Вып. 1. Цитируется по: Осетинские историко-этнографические этюды. М. 1999.
Калоев Б.А. Конь в быту и духовной культуре народов Северного Кавказа // Первая международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 1991.
Каменецкий И.С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА 1970. № 2.
Каменецкий И.С., Кропоткин В.В. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962, № 3.
Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.
Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда. Ч. I // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М., 1983.
Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда. Ч. II // Археологические открытия на новостройках. Вып. I. М., 1986.
Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. Сарматское погребение у ст. Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4.
Каминская И.В. Тюркские элементы в скальных могильниках Урупа // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды» (тез. докл.). Волгоград. 1992.
Каминский В.Н. Раннесредневековые аланские катакомбы на Средней Кубани // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
Каминский В.Н. Из военной истории алан // Первая международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 1991.
Каминский В.Н. Из военного дела алан // Вторая Кубанская археологическая конференция (тез. докл.). Краснодар, 1993.
Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Катакомбы сарматского времени из Восточного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993.
Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко-археологический альманах. 3. Армавир-Москва, 1997.
Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.э. // Аланы. История и культура. Alanica. III. Орджоникидзе. 1995.
Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика. М., 1955.
Карахмедова А.А. Бусы как один из источников изучения истории Албании // Авт. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1978.
Карачаевцы. Исторический очерк. Черкесск, 1978.
Картлис Цховреба. Тбилиси, 1955.
Квирквелия О.Р. Роль пространственных характеристик в познании динамики социальных структур // Социально-пространственные структуры в стадиальной характеристике культурно-исторического процесса. М., 1992.
Керефов Б.М. Культура племен Центрального Предкавказья в сарматское время. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
Керефов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик, 1985.
Керефов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.
Кинжалов Р.В., Луконин В.Г. Памятники культуры Сасанидского Ирана. Л., 1960.
Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. // САИ. 1973. Вып. Е1–36.
Кислов А.В. Климат в прошлом, настоящем и будущем. М., 2001.
Клейн Л.С. Археологические источники (учебное пособие ЛГУ). Л., 1978.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1993.

Клейн Л.С., Раев Б.А., Семенов А.И., Субботин А.В. Катакомбы скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону // АО-1971. М., 1972.

Климов Г.А. О лексике осетинского происхождения в сванском языке // Этимология. М. 1963.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Кляшторный С.Г. Согдийцы в Семиречье // СЭ. 1959. № 1.

Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982.

Кобычев В.И. Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе // КЭС. IX. М., 1989.

Ковалева И.Ф. Погребение IV в. у с. Старая Игрень // СА. 1963, № 4.

Ковалевская В.Б. (Деопик). Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // Археология и естественные науки. М., 1965.

Ковалевская В.Б. Скифия, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Изв. АН ГССР. Мацнэ. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. № 3. Тбилиси, 1975.

Ковалевская В.Б. О работе Средневекового отряда Ставропольской экспедиции // АО-1976. М., 1977.

Ковалевская В.Б. Воинские погребения раннескифского времени Кобанского могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкесии (опыт социальной стратификации) // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983.

Ковалевская В.Б. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен // Известия Академии наук Груз. ССР. № 3.Мацнэ. Тбилиси, 1985.

Ковалевская В.Б. Древние традиции в домостроительстве горцев Северного Кавказа // СЭ. 1984. № 6.

Ковалевская В.Б. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998а.

Ковалевская В.Б. Применение компьютерного картографирования для решения хронологических вопросов (по раннесредневековым материалам Европы) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998б.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии // Хронология восточно-европейских древностей V–IX вв. Вып. 2. Стеклянные бусы и поясные наборы. М., 2000а.

Ковалевская В.Б. Этно-дифференцирующие признаки в погребальном обряде северокавказского населения I тысячелетия н.э. // Древность: историческое знание и специфика источника. М., 2000б.

Ковалевская В.Б. Волжский путь VI–IX вв. по материалам компьютерных карт распространения поясов «геральдического типа» и бус // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2001а.

Ковалевская В.Б. Торговые пути Северного Кавказа в раннем средневековье (по данным обработки компьютерных карт распределения сердоликовых бус V–IX вв.) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию действительного члена АН Таджикистана, акад. РАЕН, д-ра.и.н., проф. Б.А.Литвинского. М., 2001б.

Ковалевская В.Б. К вопросу о возможностях сравнительного анализа в археологии // Журнал «Миф». София. Болгария, 2001б.

Ковалевская В.Б. Новые и традиционные подходы к проблеме взаимоотношений степного мира и местного населения Кавказа // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2001в.

Ковалевская В.Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского каганата (на основании анализа массового археологического материала) // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002а.

Ковалевская В.Б. Негауссовы распределения и поиск закономерностей в археологии // Философские основания техники. Материалы VI Международной научной конференции по философии техники и технетики (Москва, 24-26 января 2001 г.). Вып. 19. Ред. Б.И.Кудрин. М., 2002б.

Ковалевская В.Б. Послесловие к русскому изданию монографии А.Алеманя «Аланы в древних и средневековых письменных источниках». 2003.

Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Ковалевская В.Б. Раскопки аланского могильника VI–IX вв. Мокрая Балка близ Кисловодска // АО 1971. М., 1972.

Ковалевская В.Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии // АО, 1975. М.: Наука, 1976.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник, пути и судьбы. М., 1977.

Ковалевская В.Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии VI–IX вв. Пряжки // САИ. 1979. Вып. Е1–2.

Ковалевская В.Б. Хронология аланских катакомб VI–IX вв. на основании анализа их конструктивных деталей // КСИА. 1979. Вып. 158. М.

Ковалевская В.Б. Центральное Предкавказье. Северо-западный Кавказ // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984.

Ковалевская В.Б. Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н.э. в Закавказье // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ, Цхинвал, 1992.

Ковалевская В.Б. Анализ признаков раннесредневековых пряжек для хронологического и историко-культурного сравнения (по материалам Кавказа) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Ковалевская В.Б. Археологическая культура – практика, теория компьютер. М., 1995а.

Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995б.

Ковалевская В.Б. Возможности компьютерного картографирования в археологии Кавказа // Юбилейные Международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Железноводск, 1998.

Ковалевская В.Б., Аржанцева И.А. Работа Северо-Осетинской экспедиции // АО 1986. М., 1988.

Ковалевская В.Б., Козенкова В.И. О работах Мало-Карачаевского отряда // АО 1978. М., 1979.

Ковалевская В.Б., Погожев М.Б., Погожева (Кусургашева) А.П. Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала // СА. № 3, 1970.

Ковалевская В.Б., Рычков Ю.Г. Геногеография Кавказа в свете археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. К 100-летию со дня рождения А.А.Иессена. СПб., 1996.

Ковалевская В.Б., Рычков Ю.Г., Жукова О.В. Методы компьютерного картирования переселения народов и передвижений вещей (Кавказ и Волга в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Тез. докл. научн. конференции, посвященной 100-летию П.Д.Рау. Саратов, 1997.

Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 1. М., 1886.

Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: Соцэкгиз, 1939.

Ковалевский М.М., Иванюков И. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. I. 1886.

Ковальченко М.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Ковпаненко Г.Т. Племена скіфьского часу на Вороскли. Кипв: Наукова думка, 1967.

Кожомбердиева Э.И. Географическое расположение катакомбно-подбойных могильников Киргизии и учет их особенностей // Древности Евразии. М., 1997.

Кожухов С.П. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

Козенкова В.И. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.

Козенкова В.И. Некоторые археологические критерии в этно-генетических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.

Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификации предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. Вып. В2–5.

Козенкова В.И. Инновации в процессе формотворчества в кобанской культуре // СА 1989, № 3.

Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Козенкова В.И. Оружие, воинское конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. 1995. Вып. В2–5. Т. 4.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. 1998. Вып. В2–5. Т. 5.

Козенкова В.И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М., 2002.

Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. 1989. Вып. В2–5. М.

Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Часть 1. Владикавказ, 1926.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Колебания увлажнения арало-каспийского региона в голоцене. Сб. статей. М., 1980.

Комар А.В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. I. Донецк, 2000а.

Комар А.В. Византийское влияние в поясных наборах хазарского круга // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тез. докл. III Международной археологической конференции (14–18 марта 2000 г.) Самара, 2000б.

Компьютеры в археологии. Материалы конференции «Опыт компьютерной обработки археологических материалов» (Москва, апрель 1993 г.). М., 1996.

Кондукторова Т.С. Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирюртовского могильника в Дагестане // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 25.

Копылов В.П. Район дельты Дона – перекресток торговых коммуникаций с древнейших времен // 350-летие Азовского осадного сидения. Азов, 1991.

Кореняко В.А. Аланские могилы VIII–IX вв. в Северной Осетии // СА № 2, 1976.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь,

Коробов Д.С. Информационно-поисковая система «ALAN». Аланские катакомбные могильники Северного Кавказа IV.–IX вв. // Базы данных в археологии. М., 1995.

Коробов Д.С. Опыт многомерного статистического анализа материалов могильника Мокрая Балка I // Компьютеры в археологии. М., 1996.

Коробов Д.С. Выделение локальных вариантов аланской культуры (по материалам катакомбных могильников III–IX вв.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. Ставрополь. 1998а.

Коробов Д.С. Разведка в окрестностях г. Кисловодска // АО 1996 г. М., 1998б.

Коробов Д.С. Новый комплекс из могильника Мокрая Балка I // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

Коробов Д.С. Изучение археологических памятников в окрестностях г. Кисловодска // АО 1998 г. М., 2000.

Коробов Д.С. Результаты разведки памятников археологии Кисловодской котловины // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Кисловодск, 2000.

Коробов Д.С. База данных «Археологические памятники Кисловодской котловины» // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Ессентуки-Кисловодск, 2002а.

Коробов Д.С. Работы в Кисловодской котловине // АО 2001. М., 2002б.

Коробов Д.С. Работы Кисловодского отряда // АО 2002. М., 2003.

Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб., 2003.

Коробов Д.С. Картографирование древних террас в Кисловодской котловине // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И.Крупнова (тез. докл.) М., 2004.

Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Косяненко В.М. К вопросу о принадлежности катакомбных погребений некрополя Кобякова городища // Юбилейные Международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Железноводск, 1988.

Котович В.Г., Шейхов Н.Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г.Цадасы. Т. VIII. Махачкала, 1960.

Крамаровский М.Г. Европейские рыцарские пояса и их подражания, найденные на Северном Кавказе, в Крыму и Великом княжестве Литовском (XIV–XV вв.) // Юбилейные Международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов), Железноводск, 1998.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник: к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М., 1980.

Кропоткин В.В., Гусев С.В. Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XLV (2–3), 1991.

Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1961.

Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. 1962.

Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 1965. Т. XXVI.

Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 1966. № 25.

Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М., 1967.

Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). М., 1967.

Круглов А.П. Археологические работы на реке Терек // СА. 1937. № 3.

Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Зап. ЧИНИИ. Т. 1. Грозный, 1938.

Круглов Е.В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды» (тез. докл.). Волгоград, 1992.

Крупнов Е.И. Северо-Кавказская археологическая экспедиция (Государственного исторического музея) // СА. 1936. № 1.

Крупнов Е.И. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов // ВДИ. 1938. № 2(3).

Крупнов Е.И. Археологические памятники Ассинского ущелья // Труды ГИМ. 1941. Вып. XII. М., 1941.

Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев реки Терека и бассейна реки Сунжи // Тр. ГИМ. Вып. XVII. М., 1948.

Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Крупнов Е.И. Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967.

Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века // Археология. М., 2003.

Куббель Л.Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т. Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА. 1985. № 4.

Кудрявцев А.А. Северокавказский город: проблемы возникновения и развития (по материалам Татарского городища) // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000.

Кудрявцев А.А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976.

Кудрявцев А.А. Этапы сасанидской экспансии и «длинные стены» на Восточном Кавказе // Вопросы истории. 1979. № 11.

Кудрявцев А.А. Развитие торговли в Дербенте в VI – первой половине XIII в. // Ближний и Средний Восток: товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.

Кудрявцев А.А. О связях Дербента с Ближним Востоком в эпоху средневековья // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и в средние века (тез. докл.) М., 1981.
Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982.
Кудрявцев А.А. Феодальный город Дагестана (по материалам Дербента VI – середины XIII вв.) // Авт. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983.
Кудрявцев А.А. О стеклоделии средневекового Дербента (VI–X вв.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука., 1986.
Кудрявцев А.А. Мусульманский город Дагестана (сложение Дербента в домонгольский период). Махачкала, 1994.
Кудрявцев А.А., Гадзевич Б.Л., Охонько Н.А., Савельева В.В. Встречи с прошлым и настоящим. Татарское городище. Путеводитель по археологическому и природному заповеднику. Ставрополь, 1999.
Кудрявцев А.А., Галаева В.Н. Раскопки оборонительного вала Татарского городища // Из истории народов Северного Кавказа: сборник научных статей. Вып. 4. Ставрополь, 2001.
Кудрявцев А.А., Охонько Н.А., Березин Я.Б., Прокопенко Ю.А. Раскопки Татарского городища // АО. 1996. 1997а. М.
Кудрявцев А.А., Охонько Н.А., Кудрявцев Е.А. К этнокультурной интерпретации Татарского городища в эпоху раннего железа // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997) (г. Энгельс, Саратовской обл., 12–17 мая 1997 г.) Саратов, 1997.
Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А. К историко-культурной характеристике и перспективам развития Татарского городища // Культурное и природное наследие в региональной политике. Ставрополь, 1997.
Кудрявцева О.М. К вопросу об определении понятия «археологическая культура» в современной советской археологии // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985.
Кузнецов В.А. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. 9. Нальчик. 1961.
Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106.
Кузнецов В.А. Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. 1964. № 99. М.
Кузнецов В.А. Раскопки Змейского поселения VIII–X веков // МАДИСО. Т. II. Орджоникидзе, 1969.
Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1970.
Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА. 1973. № 2.
Кузнецов В.А. Археология Северной Осетии. Орджоникидзе, 1973.
Кузнецов В.А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани // Археолого-этнографический сборник. Вып. I. Нальчик, 1974.
Кузнецов В.А. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Т. XXXVI. Вып. 1. Орджоникидзе, 1980.
Кузнецов В.А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980б.
Кузнецов В.А. Зилгинское городище // АО 1981. М., 1983.
Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
Кузнецов В.А. Века и народы (о книге В.Б.Ковалевской "Кавказ и Аланы") // Известия ЮОНИИ. Вып. XXVII. 1985.
Кузнецов В.А. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ, 1986.
Кузнецов В.А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990.
Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ, 1992.
Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993.
Кузнецов В.А. Аланы на Западе: археологическая реальность или миф // РА. 1996. № 4.
Кузнецов В.А., Пудовин В.Н. Аланы в Западной Европе в эпоху великого переселения народов // СА. 1961. № 2.
Кузнецов В.А., Рунич А.П. Погребение аланского дружинника IX в. // СА. 1974. №3.
Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VII–III века до н.э. Т. I. М., 2002.
Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки). М., 2002.
Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
Кулаковский Ю. Керченская христианская катакомба 491 г. // Материалы по археологии России. СПб., 1891.
Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1912.
Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Отд.II. Киев, 1899.
Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // ВВ. 1898. Т.V., Вып. 1–2.
Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
Куссаева С.С. Археологические находки последних лет в Северной Осетии // Известия СОНИИ. Вып. XIX., 1957. Орджоникидзе.
Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (Материалы и вопросы) // Мемуары этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Вып. 1. М., 1925.
Куфтин Б.А. Материалы по археологии Колхиды. Тбилиси, 1949.

Лавриненко И.В. О крымском керамическом импорте на Средней Кубани в эпоху раннего средневековья // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.
Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
Лавров Л.И. Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа // КЭС. 1989. IX. М.: Наука.
Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Греческие писатели. Т. 1. СПб., 1893.
Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 году // ИАК. Вып. 3. СПб., 1902.
Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Латинские писатели. Т. 2. СПб., 1904.
Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901–1903 гг.) // ИАК. Вып. 10. СПб., 1904.
Латышев В.В. »Понтика». Сборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Черного моря. – СПб., 1909.
Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции // КСИА. Вып. 148. М., 1977.
Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) // СЭ. 1979. № 4.
Левина Л.М. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии М., 1968.
Левина Л.М. Джетыасарская культура. Ч. 3–4. Могильники Алтынасар 4 // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. IV. М., 1994.
Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1983.
Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формализованного анализа // КСИА. Вып. 148. М. 1977.
Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Сиракский союз племен и Боспор // Скифия и Боспор: Археологические материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.
Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972а.
Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1972б.
Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
Ложкин М.Н. Аланы на Урупе // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
Ломтатидзе Г.А. Выступление на заключительном заседании сессии по археологии Дагестана в мае 1959 г. // МАД. Т. II. Махачкала, 1961.
Лордкипанидзе М. Древнейшие перстни-печатки Иберии и Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
Лордкипанидзе О.Д. Античный мир и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия) // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980.
Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9.
Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шелковом пути. М., 1994.
Луконин В.Г., Тревер К.В. Сасанидский металл. М., 1987.
Луконин В.Г. Иран в III–IV вв. (Сложение сасанидского государства и формирование официального стиля в искусстве). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1961а.
Луконин В.Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры. Л., 1961б.
Луконин В.Г. Опыт датировки группы резных камней сасанидского времени // Тр. XXV Международного конгресса востоковедов, Т. 2. М., 1963.
Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. Иран в III – V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.
Луконин В.Г. Раннесасанидский Иран. Некоторые проблемы истории и культуры. Автореф. дис. ... доктора ист. наук М., 1970.
Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
Лукьяшко С.И. О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
Львова З.А. Варварская группа вещей из Перещепинского комплекса//МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995.
Магомедов М.Г. Хазарские поселения в Дагестане // СА. 1975. № 2.
Магомедов М.Г., Древние политические центры Хазарии // СА. 1975. № 3.
Магомедов М.Г. К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника// Археологические памятники раннесредневекового Дагестана: Сборник статей. Махачкала, 1976.
Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным источникам). М.: Наука, 1983.
Магомедов М.С. Древнейший город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002.
Магометов А.Х. Этнография осетин. Орджоникидзе, 1970.
Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.
Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала. VIII–XII вв. М., 1981.
Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–IX вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Изд-во Ростовского университета, 1983.

Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволж // Археологический сборник. Вып. 1. Саратов, 1956.

Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

Максимова М.И. Геммы из некрополя Мцхеты-Самтавро (раскопки 1938–1939 гг.) // Вестник Государственного музея Грузии. Вып. 16. Тбилиси, 1950.

Малахов С.Н. К истории алано-иранских этнокультурных контактов в раннем средневековье // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 198

Малашев В.Ю. К проблеме протогородской культуры населения Северного Кавказа 1-ой пол. I тыс. н. (денежное обращение) // Боспорский сборник. Вып. 4. М., 1994а.

Малашев В.Ю. Исследования Татарского городища (Ставропольский край) // АО 1993. М., 1994б.

Малашев В.Ю. Керамика как основа периодизации могильника Мокрая Балка. // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001а.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. 2001б.

Малашев В.Ю., Атавин А.Г., Воронин К.В., Коробов Д.С., Лопан О.В., Маслов В.Е. Результаты работ Ингушской экспедиции // АО 1996, М., 1997.

Малашев В.Ю., Габуев Т.А., Караев Б.З. Исследования курганного могильника Брутского городища // АО 2002. М., 2003.

Малашев В.Ю., Флеров В.С. Сбруйный набор III в. н.э. из могильника Клин-Яр III (Кисловодск) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Ранние кочевники Южного Приуралья (по материалам могильника Покровка 10) // Археологические памятники раннего железного века Юга России, (Сб. статей). М., 2004.

Малышев А.А., Мельник В.И., Сазонов А.В. Ахтырский Лиман II – памятник позднемеотской культуры. Историко-археологический альманах. № 2. Армавир - М., 1996.

Мамаев Х.М. Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья. (Материальная культура по данным погребальных памятников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

Мамаев Х.М. Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV – первой половины VIII вв. // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.

Мамаев Х.М. Некоторые вопросы интерпретации раннесредневековых монетных находок Центрального и Северо-Восточного Кавказа // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.

Мамаев Х.М. Погребальный обряд раннесредневековых катакомбных могильников Среднего Притеречья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. Новые находки эпохи средневековья из окрестностей селения Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.

Мамаев М.М. Верхнечирюртовская Мадонна // Советский Дагестан. 5. 1973.

Маммаев М.М. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1970а.

Маммаев М.М. Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане // Ученые записки ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. XX. Махачкала, 1970б.

Маммаев М.М. Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954.

Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории культуры. М., 2003.

Марковин В.И. Византийская ткань с золотым шитьем из Сентинского храма // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983а.

Марковин В.И. К вопросу о социально-экономической интерпретации древностей Кавказа // КСИА. Вып. 176. М., 1983б.

Марковин В.И. О некоторых находках скифо-сарматского времени с территории Северо-Западного Прикаспия // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Марковин В.И. Дорогами и тропами Дагестана. М., 1988.

Марковин В.И. Дагестан и юго-восточная Чечня в скифо-сарматское время // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.

Марчик А., Фоти Э., Лёренци Г. Археологические и антропологические связи между степями Евразии и раннеаварской группой населения в Карпатском бассейне // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). (Тез. докл. III Международной археологической конференции. 14–18 марта 2000 г.) Самара, 2000.

Маршак Б.И., Скалон К.М. Перещепинский клад. Л., 1972.

Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. Вып. 8. М., 1995.

Мастыкова А.В. К изучению роли Кавказа в системе Восточноевропейских торговых связей второй половины I тысячелетия н.э. (по материалам салтово-маяцкой культуры) // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир - М., 1997.

Матвеева Г.И. Металлические украшения и детали костюма именьковской культуры // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). (Тез. докл. III Международной археологической конференции. 14–18 марта 2000 г.) Самара, 2000.

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001.

Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.

Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова. М., 1999.

Мацулевич Л.А. Византия и эпоха великого переселения народов. Краткий путеводитель. Л., 1929.

Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.-Л., 1934.

Мацулевич Л.А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. 1947. № VI–VII. М.-Л.

Мачинский Д.А. О семантике келермесского зеркала // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского к 90-летию со дня рождения. Тезисы докладов. СПб., 1998.

Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской эскпедиции. М., 1990.

Медведев А.П. Природно-климатические ритмы и направления миграций населения в лесостепном Подонье в раннем железном веке // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. СПб., 1998.

Медведская И.Н. Металлические наконечники стрел переднего Востока и евразийских степей II – первой половины I тыс. до н.э. // СА. 1980. № 4.

Медойти Д.Н., Чочиев А.Р. Еще раз о «кавказском» субстрате // От скифов - до осетин. Материалы по осетиноведению. Вып. I. М., 1994.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.

Меликишвили Г.А. К истории Древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Мелконян Э.Л. Проблема типологического обобщения в археологии и этнографии // Историзм в археологии. М., 1976.

Мельникова Е. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII вв. Материалы международного симпозиума. Казань, 8-10 сентября 1998 г. Казань, 1999.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ Д1–4. 1964.

Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.

Мелюкова А.И. К вопросу о восточноевропейских кочевниках на территории Средней Европы в начале железного века // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Бориса Николаевича Гракова. М., 1999.

Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой. Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.

Мерперт Н.Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. 36.

Мерщиев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-Тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата., 1970.

Мизиев И.И. О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Миклашевская Н.Н. Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана // МАД. I. Махачкала, 1959.

Милитарев А.Ю. Воплощенный миф. М.: Наталис, 2003.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 1–III. М., 1881–1887.

Миллер В.Ф. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды // МАК. Вып.1. 1888.

Миллер В.Ф. Терская область // МАК. Вып. I. М., 1888.

Миллер А.А. Разведка на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. Вып. 33. 1907.

Миллер В.Ф. Язык осетин. М.-Л., 1962.

Минаева Т.М. Погребения с сожжением близ гор. Покровска // Уч. зап. СГУ. VI. 1927. Вып. 3.

Минаева Т.М. Памятники эпохи средневековья на Ставропольской возвышенности // МИСК. Вып. I. Ставрополь., 1949.

Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан // МИСК. Ставрополь, 1950.

Минаева Т.М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. № 23. М.-Л., 1951.

Минаева Т.М. К истории археологических обследований в верховьях р. Кубани // Уч. зап. СГПИ. Т. VII. Саратов, 1951.

Минаева Т.М. Городище на балке Адиюх в Черкесии // Сборник научных трудов Ставропольского госуд. педагогического института. Вып. 9. Ставрополь, 1955.

Минаева Т.М. Могильник в устье реки Теберды // МИСК. Вып. 7. Ставрополь, 1955.

Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. 1956. XXVI.

Минаева Т.М. Находки близ станицы Преградной на р. Урупе // КСИИМК. 1957. Вып. 67.

Минаева Т.М. Поселение в устье р. Узун-Кол // СА. 1960. № 2.

Минаева Т.М. Кераміка балки Канциркі в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. 1961. № 13.

Минаева Т.М. Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь, 1965.
Минаева Т.М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.
Минасян Р.С. Техника литья «чудских образков» // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб. 1995.
Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X и XI вв. М., 1963.
Мирошина Т.В. Сарматские погребения, исследованные Ставропольской экспедицией // СА. 1986. № 2.
Мирошина Т.В., Державин В.П. Сарматские погребения из могильника Веселая Роща // СА. 1988. № 4.
Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Высшая школа, 1985.
Могильников В.А. Васюганский клад // СА, 1964. № 2.
Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981.
Могильников В.А. К проблеме исходной территории миграции протомадьяр // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара. 1993.
Могильников В.А. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Культуры евразийских степей. 1996.
Моисеев Н.Н. Математические задачи системного анализа. М., 1981.
Моисеев Н.Н. Модели экологии и эволюции // Математика, кибернетика. 1983. № 10.
Моисей Каганкатваци. История агван. Пер. К. Патканова. СПб., 1861.
Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности // Народы Азии и Африки. 1967. № 1.
Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
Монгайт А.Л. Абу Хамид ал Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150–1153 гг. // История СССР. 1959. № 1.
Монгайт А.Л. Археология и современность. М., 1963.
Морозов В.Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
Морозова И.Ю., Зайцева А.В., Наумова О.Ю. Разнообразие митохондриальной ДНК в древнем и современном населении юга России // Материалы I научной молодежной школы и конференции "Сохранение биоразнообразия и рациональное использование биологических ресурсов". М.: МГУ, 2000.
Морозов В.Ю. К вопросу о путях проникновения сасанидских монет и металла в Урало-Поволжский регион // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. докл. Международной археологической конференции. 14–17 ноября 1995 г. Самара, 1995.
Мошинский А.П., Балашов А.Ю. Аланские катакомбы X–XI веков на могильнике Кари Цагат // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И.Крупнова (тез. докл.). М., 2004.
Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
Мошкова М.Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИА. Вып. 162. М., 1980.
Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983.
Мошкова М.Г. Понятие "археологическая культура" и савромато-сарматская культурно-историческая общность // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.
Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
Мошкова М.Г. Статистическая обработка погребального обряда Азиатской Сарматии. Савроматская эпоха. Вып. 1. М., 1994.
Мошкова М.Г. Роль кочевников раннего железного века Подонья – южного Приуралья в формировании торговых путей // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994.
Мошкова М.Г. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К.Ф.Смирнова // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997.
Мошкова М.Г. Еще раз к вопросу о сарматских катакомбных сооружениях // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.
Мошкова М.Г. О времени существования диагональных погребений на территории Южного Приуралья // Археологические памятники раннего железного века юга России. Сб. статей. М., 2004.
Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.
Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. М., 1979.
Мукашева Р.Р. К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности // Древний Восток и античный мир. М., 1972.
Мунчаев Р.М. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА. 1965. № 2.
Муравьев С.Н. Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа // ВДИ. 1986. № 2.
Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Мыськов Е.П., Сергацков И.В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // РА. № 2. М.: Наука, 1994.
Найденко А В. Некоторые вопросы истории населения Ставропольской возвышенности VII–X вв. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа (тез. докл.). Ставрополь, 2001.
Найденко А.В., Прокопенко Ю.А. Археологические материалы Грушевского городища УШ–Ш вв. до н.э. как исторический источник по истории края (исследование пряслиц) // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции. Ч.1. Ставрополь: СГПУ, 1995.
Народы Кавказа. Т. I. М., 1960.
Нарты. Осетинский героический эпос. Книга 3. М., 1991.
Наумова О.Ю., Рычков С.Ю., Базалийский В.И., Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д., Рычков Ю.Г. Молекулярно-генетическая характеристика неолитической популяции Прибайкалья: Анализ ПДРФ древней мтДНК из костных останков в могильнике Усть-Ида I // Генетика. 1997. Т. 33. № 10.
Наумова О.Ю., Рычков С.Ю., Евсюков А.Н. Генетическая структура неолитического населения Прибайкалья по данным о разнообразии древней митохондриальной ДНК // Материалы III съезда ВОГиС "Генетика в XXI веке: современное состояние и перспективы развития". М., 2004.
Нахапетян В.Е. Знаки «пентаграмма» в салтовской культуре // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
Нераденко Т.Н. О связях племен кобанской культуры с Закавказьем и Передней Азией в конце II – начале I тыс. до н.э. // Кавказ и цивилизации древнего Востока. Орджоникидзе, 1989.
Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1956.
Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
Нечаева Л.Г. Происхождение осетинских погребальных склепов и этногенез осетин // Тезисы докладов годичной научной сессии ЛОИЭ АН СССР. Л., 1968.
Нечаева Л.Г. Катакомбы могильника Былым // АО 1969. М., 1970.
Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы, М., 1975.
Нечаева Л.Г. О генетической связи аланской и осетинской культуры позднего средневековья // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975.
Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985.
Никитина Г.Ф. Типология трупоположений в погребальном обряде черняховской культуры // РА. 1993. № 4. М.
Никитина Г.Ф. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М., 1995.
Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3.
Новосельцев А.П. Хазария в системе международных отношений VII–IX вв. // ВИ. 1987. № 2.
Ногмов Шора. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.
Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л-д., 1990.
ОАК за 1891, СПб., 1893.
ОАК за 1895, СПб., 1897.
ОАК за 1896, СПб., 1898.
ОАК за 1897, СПб., 1900.
ОАК за 1898, СПб., 1901.
ОАК за 1902 г. СПб.., 1904.
ОАК за 1903, СПб., 1904.
ОАК за 1904, СПб., 1907.
ОАК за 1905, СПб., 1908.
ОАК за 1908, СПб., 1912.
ОАК за 1909–1910, СПб., 1913.
ОАК за 1914, СПб., 1917.
Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–Ш вв. до н.э. М., 1994.
Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1.
Ольховский В.С. Идея антропоморфности в монументальной культуре кочевников Евразии I тыс. до н.э. // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тезисы докл. международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова. М., 1999.
Описание коллекции г. Ольшевского собранной из похоронного поля Камунты и Галиаты в Дигории // Археологический съезд в Тифлисе. V. Труды предварительных комитетов. Т. I. М., 1882.
Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.-Л., 1935.
Орлов Р.С., Рассамахин Ю.Я. Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.
Осетинские народные сказки. Собр. Г.А.Дзагуров. М., 1973.
Османов Ф.Л. Материальная культура Кавказской Албании III в. до н.э. – III в. н.э. (По археологическим памятникам междуречья Геокчай-Ахсу-чай) // Авт. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1968.
Отюцкий И.В., Охонько Н.А. Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска // СА. 1982. № 4.

Охонько Н.А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и в средневековье // МИСК. Вып. 15–16. Ставрополь, 1988.
Очерки истории Адыгеи. Т. I. Майкоп, 1957.
Очерки истории Грузии (на груз. яз.). Тбилиси, 1973.
Очерки истории Дагестана. Том 1. Махачкала, 1957.
Очерки истории Карачаево-Черкесии. С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. Т. 1. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1967.
Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. М., 1958.
Очерки истории Ставропольского края. Т. I. Ставрополь, 1984.
Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. Грозный, 1967.
Памятники армянской агиографии. Пер. и прим. К.С. Тер-Давтян. Вып. I. Ереван, 1973.
Патканов К. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии // ЖМНП. Ч. CCXXX. 1883.
Патканов К. Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. Вып CCXXVI. СПб., 1883.
Пахомов Е.А. Монеты Азербайджана. Вып. I. Баку, 1959.
Пахомов Е.А. Монеты Азербайджана. Вып. II. Баку, 1963.
Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IX. Баку 1966.
Пахомов Е.А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970.
Первая международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 1991.
Перевалов С.М. Ю.А.Кулаковский и его труды по истории аланов // Ю.А.Кулаковский. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.
Петренко В.А. Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в. н.э.) / Авт. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
Петренко В.А. Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н.э.– IV в. н.э.) из могильников юго-восточной Чечни // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
Петренко В.Г. Ставропольская экспедиция // АО 1974. М., 1975.
Петренко В.Г. Работы Краснознаменской экспедиции // АО 1978. М., 1979.
Петренко В.Г. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье // КСИА. 1980а.
Петренко В.Г. Краснознаменские курганы скифского типа на Ставрополье // АИУ. 1980б.
Петренко В.Г. О работах Краснознаменской экспедиции // АО 1979. М., 1980в.
Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. 23.
Петренко В.Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990а.
Петренко В.Г. Скифские мечи и кинжалы из Прикубанья // КСИА. 197. 1990б.
Петренко В.Г., Корневский С.Н., Кореняко В.А., Михальченко С.Е. Работы Ставропольской экспедиции // АО 1975. М., 1976.
Петренко В.Г., Найденко А.В., Куйбышев А.В., Чернецов А.В., Моргунов Ю.Ю., Пронин Г.Н. Раскопки кургана у с. Александровского // АО 1973. М., 1974.
Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941.
Пиле К. Имеются ли следы степной культуры на западе Римской Империи V–VI вв. // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И.Крупнова (тез. докл.). М., 2004.
Пиотровский Б.Б. Скифы и Закавказье // ТОВГЭ. 1940. 3.
Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.
Пиотровский Б.Б., Иессен А.А. Моздокский могильник // Археологические экспедиции Эрмитажа. Л., 1940.
Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967 № 142. М.
Плетнева С.А. Хазары. М., 1976.
Плетнева С.А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». Воронеж, 1996.
Плиний Старший. Естественная история // ВДИ. 1949. № 2.
Погребова М.Н. Железные топоры скифского типа в Закавказье // СА. 1969. № 2.
Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
Погребова М.Н. О характере скифских походов через Кавказ // Вопросы иранистики и алановедения. Владикавказ, 1990.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod. IV, 22) // ВДИ. 1989. № 1.
Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.
Погребова М.Н., Раевский Д.С. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М., 1997.
Погребова М.Н., Раевский Д.С. Степи Евразии и древний Ближний Восток в киммерийско-скифскую эпоху // История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004.
Погребова Н.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. 1948. 2.
Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. № 64.
Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.
Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А., 1991. Мартыновский клад // МАИЭТ, Вып. II. Симферополь. 1991.
Приходнюк О.М. Археологические данные о связях славян и степного населения в VII–VIII вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V. Симферополь, 1996.
Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я.Мерперта (Сб. статей). М., 2002.
Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
Проблемы сарматской археологии и истории (тезисы докладов конференции). Азов, 1988.
Прокопенко Ю.А. К вопросу о Северо-Кавказских подражаниях византийским монетным образцам // Вестник СГПУ. Социально-гуманитарные науки. Вып. 1. Ставрополь, 1995а.
Прокопенко Ю.А. Клады и находки единичных монет на территории Ставропольского края и Карачаево-Черкесии (к вопросу о древних путях в Центральном Предкавказье) // Из истории земли Ставропольской: Сб. статей. Вып. 1. Ставрополь, 1995б.
Прокопенко Ю.А. К вопросу о находках в Центральном и Восточном Предкавказье куфических монет VIII–XI вв. // Вестник СГУ. Исторические и социально-гуманитарные науки. Вып. 9. Ставрополь: СГУ., 1997.
Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей по нумизматическим материалам IV в. до н.э. – XI в. н.э. из памятников Центрального и Восточного Предкавказья // Авт. дис.... канд. ист. наук. Ставрополь, 1998.
Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999.
Прокопенко Ю.А. Фигурные лепестковые инкрустированные фибулы из памятников Северного Кавказа // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Кисловодск, 2000.
Прокопий из Кесарии. Война с готами. М.: Наука, 1950.
Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами (пер. С.П. Дестуниса). СПб., 1880.
Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969.
Прохорова Т., Гугуев В. Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону // Известия РОМК. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 1988.
Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 110 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1.
Пугаченкова Г.А. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого шелкового пути// На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.
Путинцева Н.Д. Верхнечирюртовский могильник // МАД. Вып. II. Махачкала, 1961.
Пчелина Е.Г. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац // ТСА РАНИОН. IV. М., 1929.
Пьянков А.В., Строчевой А.А. Раскопки средневекового могильника Бжид-1 // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992.
Пьянков А.В. Керамические украшения с позолотой с северного берега Краснодарского водохранилища // Древности Кубани. Вып.6. Краснодар, 1998.
Пьянков А.В. Некоторые проблемы изучения прикубанских изваяний средневекового времени // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Кисловодск, 2000.
Рабинович Б.З. О датировке некоторых скифских курганов Поднепровья // СА. 1936. № 1.
Раев Б.А. Аланы в Евразийских степях: Восток-Запад // Скифия и Боспор: Археологические материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор. Сб. статей по материалам конференции в честь академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993.
Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сарматских племен. М.: Наука, 1977.
Раевский Д.С. Об историографии скифской проблемы в современном освещении (некоторые замечания к дискуссии) // РА. № 2. 2002.
Распопова В.И. Византийские поясные пряжки в Согде // КСИА. Вып. 114. М., 1968.
Распопова В.И. Археологические данные о согдийской торговле // КСИА. Торговля и обмен в древности. Вып. 138. М., 1974.
Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
Рашев Р. К ранней истории праболгар на Нижнем Дунае // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов. Ч.II. // Записки Одесского общества истории и древностей Одесса. 1907. Вып. XXVII.
Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.

Робакидзе А.И. Поселение как источник изучения общественного быта. Тбилиси, 1964.

Родинкова В.Е. Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторь. // Гавритухин И.О, Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М. 1996.

Розенфельдт И.Г. Древности западной части волго-окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.

Ростовцев М.И. Скифы и Боспор. Пг. 1925.

Ростовцев М.И. Боспорское царство и южнорусские курганы. СПб., 1912.

Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Петроград., 1918.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Ртвеладзе Э.В., Рунич А.П. Находки индикаций византийских монет вблизи Кисловодска // Византийский временник. Т. 32. М., 1971.

Ртвеладзе Э.В., Рунич А.П. Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска // Византийский временник. Т. 37. М., 1976.

Руденко К.А. Хронология металлической посуды VII–IX вв. из Волго-Уральского региона // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тез. докл. Самара, 1997.

Руденко Н.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л., 206.

Рунич А.П. Аланские катакомбные могильники V–VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях // МАДИСО. Т.2. Орджоникидзе, 1969.

Рунич А.П. Аланский могильник в «Мокрой Балке» у города Кисловодска // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе 1975.

Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3.

Рунич А.П. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины // СА. 1977. № 1.

Рунич А.П. Новые данные по древней истории Ставрополья // МИСК. Вып. 15–16. Ставрополь, 1988.

Рутковская Л.М. Археологические памятники IV–VI вв. в районе Кременчугского моря (Украина) / Slovenska archeologia. XXVII–2. 1979.

Рыбаков Б.А. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. Вып. 27. 1949.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия: историко-географический анализ. М., 1979.

Рычков С.Ю. Полиморфизм митохондриальной ДНК в населении Прибайкалья эпохи неолита. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2004.

Рычков С.Ю., Наумова О.Ю. Генофонд осетин в свете предварительных данных о полиморфизме митохондриальной ДНК // Глава в "Генофонд, геногеография и заболеваемость населения (по данным о Северной Осетии)" // Успехи современной генетики. Вып. 20. 1996.

Рычков С.Ю., Наумова О.Ю. Митохондриальный генофонд и этноисторические процессы: роль неолитического населения Прибайкалья в формировании современного коренного населения Восточной Сибири // Тезисы Международного симпозиума "Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез". Улан-Удэ, 1999.

Рычков С.Ю., Наумова О.Ю. Формирование структуры митохондриального генофонда коренного населения Восточной Сибири по данным геногеографии и молекулярной генетики // Материалы II съезда ВОГиС. Т. 2. СПб., 2000.

Рычков С.Ю., Наумова О.Ю., Мамонова Н.Н. Методы молекулярной генетики в антропологии: анализ ДНК из древних останков человека как источник новой информации о древнем народонаселении // Материалы I конференции Российского отделения Европейской антропологической ассоциации "Новые методы - новые подходы в современной антропологии". М., 1997.

Рычков С.Ю., Наумова О.Ю., Морозова И.Ю. Полиморфизм митохондриальной ДНК в населении Северного Кавказа в свете генетической связи с сарматским населением Предкавказских степей // Ботаническое разнообразие Кавказа. Труды II региональной конференции. Сухум, 2001.

Рычков Ю.Г. Пространство и время в геногеографии // Вестник АМН СССР. 1984. № 7.

Рычков Ю.Г., Балановская Е.В. Генофонд и геногеография СССР // Генетика. 1992. Т. 28. № 1.

Рычков Ю.Г., Балановская Е.В., Нурбаев С.Д., Шнейдер Ю.В. Историческая геногеография Восточной Европы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. 1999.

Савенко С.Н. Количественный состав погребенных в раннесредневековых катакомбах Центрального Предкавказья как социальный показатель // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

Савенко С.Н. Конские захоронения на могильнике X–XII в. н.э. Кольцо-Гора // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.

Савенко С.Н. Предметы египетского, китайского, иранского происхождения в комплексах первой половины I тыс. н.э. Пятигорья // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1985.

Сайко Э.В. Торговый оборот Великого шелкового пути в структурировании пространства культурного взаимодействия // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья (тез. докл.). Кисловодск. 1994.

Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. М., 1908.

Самоквасов Д.Я. Могильные древности Пятигорского округа // Труды V археологического съезда в Тифлисе. Тифлис, 1881.

Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., 1980.

Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экон. отношения и соционормативная культура. М., 1986.

Седов В.В. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Семенов А.И. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. Сборник статей в память профессора М.И. Артамонова. Л., 1978.

Семенов А.И. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга // Археологический сборник ГЭ. № 27. Л., 1986.

Семенов А.И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник ГЭ. № 29. Л., 1988.

Семенов А.И. Византийские монеты Келегейского комплекса // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 31. Л., 1991.

Семенов А.И. Курганы хазарского времени в окрестностях Саркела (о критериях хазарской атрибуции погребальных памятников) // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж, 1993.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1930-1932 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института. Вып. IV, № 2. Орджоникидзе – Грозный, 1935.

Семенов Л.П. Археологические изыскания в Северной Осетии // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XII. Орджоникидзе: Дзауджикау, 1948.

Семенов Л.П. Археологические разведки в Ассинском ущелье // КСИИМК. Вып. 46. М., 1952.

Семенов-Тян-Шанский. В[ениамин]. Типы местностей Европейской России и Кавказа. Очерк по физической географии в связи с антропогеографией // Записки русского географического общества по общей географии. Т. LI. Пг., 1915.

Сербинюк С.Н., Мусин О.Р. Автоматическое построение изолинейных карт и производных от них изображений // Геодезия и картография. 1987.

Середонин С.М. Историческая география. Пг., 1916.

Синицын И.В. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Саратовского нижневолжского института краеведения. 1936. Вып. 7.

Скаков Ю.А. Эволюция кобано-колхидского графического стиля и его локальные варианты // Юбилейные Международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Железноводск, 1998.

Скитский Б. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. // Известия СОНИИ. Т.XI. Дзауджикау, 1947.

Скорый С.А. Доспех скифского типа в Средней Европе // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

Скорый С.А. О скифском этнокультурном компоненте населения Днепровского Лесостепного Правобережья//Археологія. 1987.

Скорый С.А. Скифы в днепровской правобережной лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

Скрипкин А.С. Идея развития сарматской культуры в трудах Б.Н.Гракова и современное состояние проблемы // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова. М., 1999.

Скрипкин А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко-археологический альманах. 7. Армавир – Москва, 2001.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992.

Скрипкин А.С. Великий шелковый путь в истории юга России // Российский исторический журнал. 1994. № 1.

Скрипкин А.С. К вопросу об этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1.

Скрипникова М.И. Изучение древнего земледелия в горах Кавказа // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И.Крупнова (тез. докл.). М., 2004.

Сланов А.Х. Культурно-экономические связи населения Южной Осетии с другими народами Евразии в эпоху железа // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1985.

Сміленко А.Т. Глодоські скарби. Київ., 1965.

Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4.

Смирнов А.П. Скифы. М., 1966.

Смирнов А.П. О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Смирнов А.С. Компьютерные программы в археологии (краткий обзор программных продуктов) // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов, 1994.

Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК 46. 1952.

Смирнов К.Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952). М.-Л., 1954.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА 101. 1961.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. Вып. XXXIV. М.-Л., 1950.

Смирнов К.Ф. Агачкалинский могильник – памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. Вып. 38., 1951.

Смирнов К.Ф. Вооружение сарматов // МИА. Вып. 10. М., 1961.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1.
Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников) // АСГЭ 23, СПб., 1983.
Смирнова Г.И., 1990. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половины I тысячелетия до н.э. Дис. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Киев, 1990.
Сорокин С.С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятник местной культуры // СА. Вып. 26. 1956.
Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4.
Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды IV–V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. 1979. Вып. 158.
Сорочан С.Б. Об обстоятельствах и времени преобразования фемы Климаты в фему Херсон // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) (тез. докл.). Самара, 1997.
Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // ИАК 65. 1918.
Спицын А.А. Могильник VI–VII вв. в Черноморской области // ИАК. Вып. 25. 1907.
Спицын А.А. Историко-хронологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. 1909. Т. 1.
Ставиский Б.Я. Средняя Азия и Античное Причерноморье, проблема контактов, их периодизация и характер // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. I. Новочеркасск, 1992.
Станчев С., Иванов С. Некрополът до Нови пазар. София, 1958.
Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха. Отв. ред. М.Г.Мошкова. М., 1994.
Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Среднесарматская культура. Вып. III/Отв. ред М.Г.Мошкова. М., 2002.
Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981 // Археология СССР. М., 1981.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время //Археология СССР. М., 1989.
Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.
Страбон. География. М., 1964.
Структурно-семиотические исследования в археологии. 1 том. Донецк, 2002.
Сысоев В.М., Поездка на р. Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. // МАК. Вып. VII. 1898.
Сысоев В.М. Археологические экскурсии по Закубанью // МАК. Вып. IX. 1904.
Сысоев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. Вып. 43. Тифлис, 1913.
Талис Д.Л. К анатомии некоторых классификаций // Труды ГИМ. Вып. 70. М., 1989.
Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. Соч. в 2-х томах. Л., 1970.
Тереножкин А.И. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (Чернолесский этап) // ВССА. 1954.
Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
Терехова Н.Н. Кузнецкая техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. 1983. № 3.
Тер-Мартиросов Ф.И. Уточнение времени предания о свадьбе царя Армении Арташеса и аланской царевны Сатеник // Первая международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 1991.
Тер-Мкртичян. Армянские источники о Средней Азии: VIII–XVIII вв. М., 1985.
Техов Б. Тайны древних погребений. Археология, история, этнография. Владикавказ, 2002.
Техов Б.В. К этнической принадлежности создателей кобанской культуры Центрального Кавказа // От скифов – до осетин. Материалы по осетиноведению. Вып. I. 1994.
Тизенгаузен В. Проект программы для изучения Кавказа с нумизматическими целями // Труды V Археологического съезда в Тифлисе 1881 г. М., 1887.
Тихонов А.Г. Новые данные к антропологии населения кобанской культуры (по материалам могильника Уллубаганалы) // Вестник антропологии. Альманах. Вып. 1. М., 1996.
Тменов В.Х. Город мертвых (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). Орджоникидзе, 1979.
Тменов В.Х. Исследование пещерных склепов у с. Дзивгис // АО 1983 года. М., 1985.
Тогошвили Г.Д. Византия и Алания. Мацнэ. 1978. № 2 (на груз. яз.).
Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948.
Тончева Г. О фракийцах нынешних Украины, Молдовы, Добруджи и северо-восточной Болгарии в XI–VI вв. до н.э. // Studia Tracica. Фрако-скифские культурные связи. София, 1975.
Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. I, II. М., 1864.
Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей. Т. 3. Тбилиси, 1971.
Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987.
Тревер К.В. Сасанидский кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. IV. Л., 1947.

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959.
Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (к открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1.
Туманян Э. Об армяно-аланских историко-лингвистических связях // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.
Уварова П.С. Программа для исследования Древностей Кавказа. М., 1889.
Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. 1900.
Уварова П.С. Каталог Кавказского музея. Тифлис. 1902.
Уварова П.С. Коллекции Кавказского музея. Археология. Т. IV. 1902. Тифлис.
Угрелидзе Н.Н. К истории производства стекла в раннесредневековой Картли (Иберии) (на груз. яз). Тбилиси, 1967.
Угрелидзе Н.Н. К уточнению стратиграфии Мцхета-Самтаврского некрополя I–VIII вв. н.э. // АПФГ. Т. 2. 1974.
Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том 1. 1913.
Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том 2. 1927.
Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том 3. 1948.
Успенский Ф.И. История Византийской империи IV – IX вв. М., 1996.
Фавстос Бузанд. История Армении. Пер. и комм. М.А. Геворгяна. Ереван, 1953.
Фармаковский Б.В. Архаичный период в России // Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913. Петроград, 1914.
Фармаковский М.В. К изучению Перещепинского клада // ИАК. 1909. Вып. 49.
Фасмер Р.Р. Об издании топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. 1933. № 6–7. М.
Фаулз Джон. Кротовые норы. М., 2003.
Федоров Г.С. Северный Дагестан в раннем средневековье (историко-археологические очерки). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
Федоров Г.С. Погребальные сооружения и обряды погребений Верхнечирюртовских могильников и их этническая интерпретация // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 5. Махачкала, 1974.
Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
Федоров Я.А. Историческая география Северного Кавказа. Учебное пособие. М., 1983.
Федоров-Давыдов Г.А. Археологическая типология и процесс типообразования (на примере средневековых бус) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М.
Федоров-Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого: популярная нумизматика. М., 1985.
Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки восточных монет VIII – XIII вв. на территории Восточной Европы // ЭВ. Вып. XXIII. Л., 1985.
Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987.
Федоров-Давыдов Г.А. Культурно-историческое единство евразийских степей и Великий шелковый путь // Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь (тез. докл.). М., 1992.
Федосова В.Н. Развитие современной палеодемографии (методические проблемы) // РА. № 1. М., 1994.
Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта // Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. 1. М., 1884.
Феофан Византиец. Летопись. Пер. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского. М., 1884.
Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.
Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959.
Фехнер М.В. Шелк в торговых связях Владимиро-Суздальской Руси со Средней Азией // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // ЗАО. Т. IX. Вып. 2. СПб., 1857.
Флеров В.С. Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
Флеров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М., 1984.
Флеров В.С. Кобанские и средневековые памятники Клин-Яра // АО 1984. М., 1986.
Флеров В.С. Клин-Ярская экспедиция в 1983-1985 гг. (памятники VIII–VII вв. до н.э. и II–VIII вв. н.э. в Кисловодске) // КСИА. Вып. 196. М., 1989.
Флеров В.С. О методике раскопок могильников с обрядом обезвреживания погребенных // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1992.
Флеров В.С. О северокавказских котлах с внутренними ушками // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара. 1993.
Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.
Фомин А.В. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X вв. (по материалам Восточной Европы) // Автор. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.
Фонякова Н.А. Опыт формализованного исследования фигурных амулетов из могильников салтово-маяцкой культуры // Вторая Кубанская археологическая конференция (тез. докл.). Краснодар, 1993.
Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-исторического музея) // Аланы: История и культура. Т. III. Владикавказ, 1995.

Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI в. // МАИЭТ. Вып. IX. Симферополь. 2002.

Халилов М. Дж. Сарматия – Кавказская Албания: границы, контакты (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. I. Новочеркасск, 1992.

Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. Т. II. Тбилиси, 1968.

Харвей Д. Научное объяснение в географии. М., 1974.

Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. СПб., 1896.

Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 1. М., 1961.

Хлобыстина М.Д. К социальной интерпретации археологической культуры (по материалам погребальных комплексов) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований Западной Сибири. Томск, 1981.

Хоренаци Мовсес. История Армении Моисея Хоренского. М., 1893.

Хохоровски Я. Скифские набеги на территории Средней Европы // РА. № 3. 1994.

Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971.

Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА № 3. М. 1960.

Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. МИА. № 89. М. 1966.

Цукерман К. Венгры в стране Леведии. Новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь. 2001.

Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.

Цулая Г.В. Этнокультурный аспект исторического процесса в раннефеодальной Грузии (V–X вв.) // КЭС. IX. М., 1989.

Цуциев А.А. Известия китайских письменных источников по ранней истории алан // Аланы: история и культура. Т. III. Владикавказ, 1995.

Чаллань Д. Византийские монеты в аварских находках // АА. Т. 2. 1952.

Чвырь Л.А. Отражение возрастных градаций в таджикских ювелирных украшениях // СЭ. 1970. № 4.

Чебанов С.В. Распределения с неопределимыми центральными моментами, размерная структура природных тел и натуральнозначные функции натуральных аргументов (к построению новой картины мира) // Философские основания технетики. Вып. 19. М., 2002.

Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979.

Черненко Е.В., Бессонова С.Е., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1986.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М., 1965.

Чехович М.И. Краниологическое исследование серии черепов из Куркужинского могильника // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 4. Владикавказ, 1914.

Чеченов И.М. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // Археолого-этнографический сборник. Вып. I. Нальчик, 1974.

Чеченов И.М. Межрегиональные (ныне международные) конференции по археологии Северного Кавказа – «Крупновские чтения»: основные итоги работы (1971–2004 гг.) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И.Крупнова (тез. докл.). М., 2004.

Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

Чеченов И.М. Средневековые городища Кабардино-Балкарии // Тез. докл., посвященные итогам полевых исследований 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971.

Чеченов И.М. О деструктивных направлениях в освещении средневековой истории и археологии тюрок Северного Кавказа // Юбилейные Международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Железноводск, 1998.

Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // Ученые Записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XXV. Нальчик, 1967.

Чибиров Л.А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронология» Феофана и «Бревиарий» Никифора. М., 1980.

Членова Н.Л. Могильник VI в. до н.э. Султан-Гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Чочиев А.Р. Отголоски культа вождей и великих воинов у осетин // Известия ЮОНИИ. Вып. 23. Тбилиси, 1978.

Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин. Цхинвали, 1985.

Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Репринт. Махачкала, 1929.

Шевченко А.В. К краниологии населения Предкавказской Алании X–XII вв. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987.
Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
Шелов Д.Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II –III вв. н.э. по данным Танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1.
Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981.
Шилов В.П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. Торговля и обмен в древности. Т. 138. М., 1974.
Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969.
Шмерлинг Р.О. Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси, 1954.
Шмерлинг Р.О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.
Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование из названий в ранних веках // Взгляд издалека. Немецкие историки о прошлом Восточной Европы. Т. 1. М., 1997.
Штадлер П. Аргументы в пользу подлинности «Аварского сокровища» // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995.
Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М., 1983.
Щапова Ю.Л. Естественно-научные методы в археологии. Изд-во Московского университета, 1988.
Щапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.: Изд-во МГУ, 1989.
Щапова Ю.Л. Византия и Восточная Европа, направление и характер связей в IX – XII вв. (по находкам из стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
Щеглова О.А. Среднее Поднепровье конца VII-первой половины VIII вв.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.. 1991.
Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
Щукин М.Б. О трех путях Балто-Черноморских связей века нашей эры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. – до н.э. – V в. н.э. Материалы международной археологической конференции 10–14 октября 1994 г. Тирасполь, 1994.
Экология и демография человека в прошлом и настоящем // Третьи антропологические чтения к 75-летию со дня рождения академика В.П.Алексеева. М., 2001.
Эрдели И.Ф. Новая концепция интерпретации погребальных памятников древних мадьяр – обретателей родины // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тез. докл. III Международной археологической конференции 14–18 марта 2000 г. Самара, 2000.
Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.
Эрлих В.Р. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России. I. М., 1997.
Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб..: Наука, 1991.
Яблонский Л.Т. Арало-Уральские этногенетические параллели // Археологические памятники раннего железного века Юга России. Сб. статей. М., 2004.
Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
Яхтанигов Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993.
Яценко И.В. Скифия VII–V вв. до н.э. М., 1959.
Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. Вып. 186. 1986.
Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э. (локализация и политическая история) // ПАВ. 6. СПб., 1993б.
Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.
Яценко С.А., Малашев В.Ю. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. № 4. 2000.
Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // ПАВ. 1993а. № 3. СПб.
Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н. э. // STRATUM + ПАВ, СПб. – Кишинев, 1997.
Afanas'ev G. System of Socially Marking Grave Goods in Male Burial Complexes of the Alans of the Don // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Series Minor, XLIV, Napoli, 1994.
Aibabin A., Khairedinova E. Les ensembles clos de la phase initiale de la nécropole de Loutchistoe en Crimée // In: L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations. Brno. 1999.
Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVe au VIe siècle // F. Vallet et M. Kazanski (eds.) La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Tome IX des Mémoires publiées par l'Association Française d'Archéologie Merovingienne. 1995.
Alemany A. Where are the monuments of the ?Alanic' Language? // Cahiers de Stydia Iranica. 25. 2002.
Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // AH. T. IX. Budapest. 1932.
Altheim F. Geschichte der Hunnen. T. 1–4. 1954–1962.
Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. Zilgi: an early Alan proto-city of the first millenium A.D. on the boundary between the steppe and hill country // Colloquia Pontica. Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le Haut Moyen-Âge. Brill, Leiden-Boston-Köln. 2000.

*Bachrach B.S.*The Education of the «Officer Corps» in the Fifth and Sixth Centuries // F. Vallet et M. Kazanski (eds.) La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Tome IX des Mémoires publiées par l'Association Française d'Archéologie Merovingienne. 1995.

Balint C. Der Gürtel im frühmittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von Uc Tepe (Sowj. Azerbajdzan) / Awarenforschungen. I. 1992.

Belinsky Andrej B, Härke Heinrich. Russia: Britisch-Russian Excavations at the Cemetery of Klin Jar (North Caucasus). The 1995 Season // Centre for the Archaeology of Central and Eastern Europe. Newsletter. № 4. London. 1996.

Bona I. Das Hunnenreich. Budapest-Stuttgart, 1991.

Brulet R. La tombe du roi Childeric I et son environnement // F. Vallet et M. Kazanski (eds.) La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Tome IX des Mémoires publiées par l'Association Française d'Archéologie Merovingienne. 1995.

Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800-1000 A. D. Bonn-Lund, 1977.

Callmer J. The inundation of Oriental Beads in Europe during the 8th century A.D. // Zung-Hansen U. Proceedings of the Nordic Glass bead seminar, Zejre 16th-18th October. Kobenhavn, 1992.

Chantre E. Récherches anthropologiques dans le Caucase. T. I–IV. Paris-Lyon, 1887.

Chapman R., Kinnes I., Randsborg K. (eds.). The Archaeology of Death. New Direction in Archaeology. Cambridge. CUP. 1981.

Charlesworth M.A. Trade-Routes and Commerce of the Roman Empire. New-York, 1970.

Csallany D. Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Budapest, 1956.

Csallany D. Der awarische Gurtel // AAH. XIV. 1962.

Daim F. Byzantische Gurtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // Международная конференция «Византия и Крым». Тезисы докладов. Симферополь. 1997.

Die Alamannen. Stuttgart. 1997.

Gabuev T. An Alan warrior burial mound of the V. century AD with "polychrome style" objects // Les grenats et le style cloisonné du Haut Moyen Âge. 2001.

Garam E. Die awarenzeitlichen Funde aus Ungarn im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Bonn, 1991.

Garam E. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // Awarenforschungen. I. 1992.

Genito B. The Iranian Elements in the Byzantine Culture: an Archaeological Perspective // Международная конференция «Византия и Крым». Тезисы докладов. Симферополь. 1997.

Germanen, Hunnen und Awaren. Schatze der Voelkerwanderungszeit. Nuernberg, 1997.

Golden P. Khasar Studies. Vol. 1. Budapest, 1980.

Graduze B., Wedepohl K.H., Bayley I., Tereygeol F., Lancelot I., Fog D. Archaeometric Evidence of a Possible Relationship between Carolingian Lead-Glass Smoothers and the Glassy Slag Produced by the Lead-silver mines of Melle (France) // 33 International Symposium on Archaeometry. Program and abstracts. Amsterdam. 2002.

Haerke H. Data types in burial analysis. In: B. Stjernquist (ed.). Prehistoric graves as a source of information. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens, Konferenser 29. Stockholm. 1994.

Harmatta J. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia. Budapest, 1952.

Harmatta J. Studies in the history and languages of the Sarmatians. Szeged, 1970.

Hatt J.J. Une tombe barbare du Ve siècle a Hochfelden (Bas-Rhin) // Gallia. 1965. 23.

Henig M. Amber Amulets // Britannia. 1984. 15.

Hoilund Nielsen K. The Schism of Anglo-Saxon Chronology. In: C. Kjeld Jensen, K. Hoilund Nielsen (eds.). Burial and Society. The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data. Aarhus, Oxford, Oakville. Aarhus University Press. 1997.

Huggett J. Numerical techniques for burial analysis // J. Wilcock, K. Lockyear, ed. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology, BAR International Series. 598. 1993.

Istvanovits E., Kulcsar V. Sarmatian and Germanic People at the Upper Tisza Region and South Alfoeld at the Beginning of the Migration Period // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations, Brno. 1999.

Istvanovits E. Some data on the Late Roman – Early Migration Period chronology of the Upper Tisza Region // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Fruehmittelalter. Krakow, 1992.

Ivanisevic V. Le début de l'époque des Grandes Migrations dans l'Illiricum du Nord // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations. Brno, 1999.

Jensen C.K., Hoilund Nielsen K. Burial Data and Correspondence Analysis // C. Kjeld Jensen, K. Hoilund Nielsen (eds.). Burial and Society. The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data. Aarhus. Oxford, Oakville. Aarhus University Press. 1997.

Jorgensen A.N. Scandinavian Military Equipment and the Weapon-Burial Rite, AD 530-800. Foreign influence and regional variation // C. Kjeld Jensen, K. Hoilund Nielsen (eds.). Burial and Society. The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data. Aarus, Oxford, Oakville. Aarhus University Press, 1997.

Jorgensen L. Castel Trosino and Nocera Umbra. A chronological and social analysis of family burial practices in Lombard Italy (6th - 8th cent. AD) // Acta Archaeologica. Vol. 62. Copenhagen, 1991.

Kazanski M., Mastykova A. Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (Ier – VIIe siècle apr. J.C.). Paris, 2003.

Kazanski M., Perin P. La tombe Childeric et la question de l'origine des parures de style cloisonné // Antiquités nationales. 1996.

Kiss A. A Byzantine jewel from the 6th-7th century in China // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1984. XXXVIII (1–2).

Kiss A. Germanen im awarenzeitlichen Karpatenbecken // Awarenforschungen. 1992. 1. Wien.

Kiss A. Stand der Bestimmung archäeologischer Denkmäler der «Gens Alanorum» in Pannonien, Gallien, Hispanien und Africa // AAH. 1994–1995. 35.

Klejn Leo S. Archaeological Typology // BAR. 1982.

Koenig G. Archäologische Zeugnisse westgotischer Präsenz im 5. Jahrhundert // Madrider Mitteilungen. 21. Heidelberg, 1980.

Koenig G.G. Wandalische Grabfunde des 5. und 6. Jhs. // Madrider Mitteilungen. 22. 1991.

Korobov D.S. Distinguishing local groups among early medieval catacomb cemeteries in the North Caucasus // Theoretical Archaeology Group. Annual Conference 1997, 16th-18th December, Bournemouth University. Abstracts. Bournemouth, 1997.

Kouznetsov V., Lebedynsky I. Les Alains. Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase. Paris, 1997.

Kouznetsov V., Lebedynsky I. Les chrétiens disparus du Caucase. Histoire et archéologie du christianisme au Caucase du Nord et en Crimée. Paris, 1999.

Kovacs J. Cimetière de l'époque de la migration des peuples a Marossentanna // Dolgozatok. 3. 1912.

Kovalevskaja V. Recherches sur les systèmes sémiologiques en archéologie par les méthodes de la théorie de l'information // Archéologie et calculateurs. Problèmes sémiologiques et mathématiques. Paris, 1970.

Kovalevskaja V. Le Caucase et les Alains // Dialogues, 1989.

Kovalevskaja V. La présence alano-sarmate en Gaule. Confrontations des données archéologiques, historiques et toponymiques // L'armée romaine et les barbares du III au VII siecle. t V. Mémoires. Paris, 1993.

Kovalevskaja V.B. The ethnic map of the Ancient Caucasus: time and space // 6 congreso hispano-ruso. Madrid, 1994.

Kovrig I. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Allatian. Budapest, 1963.

Kovrig I. The Tiszaderzs Cemetery // Avar finds in Hungarian National Museum. Budapest, 1975.

Kuhn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit Mitteldeutchland. Graz. 1981.

Lászlo G. Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars. AH. 1955.

Lászlo G. Steppenvölker und Germanen. Berlin, 1971.

Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Berkeley – Los Angeles, 1973.

Matzulewitsch L. Byzantische Antike. Studien auf Grund der Silbergefibe der Ermitage. Berlin und Leipzig, 1929. 134 s.

Menghin Das Schwert im frühen Mittelalter. Stuttgart, 1983.

Minajeva T.M. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo // ESA. IV. Helsinki, 1929.

Molinero Perez A. La necropolis visigoda de Duraton (Segovia) // Acta Arqueologica Hispanica. IV. Madrid, 1948.

Nasidze I., Quinque D., Dupanloup I., Rychkov S., Naumova O., Zhikova O. Genetic Evidence Concerning the Origino of Sauth and North Ossetians // Annals of Human Genetics. 68. 2004.

Noonan Thomas S. Dress and clothing along the Central Asian – Middle Volga Caravan Route, CA 922: the evidence of Ibn Fadlan // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Международной археологической конференции 14-18 марта 2000 г. Самара, 2000.

Petre A. La romanite in Scythie mineure (IIe-VIIe siècles de notre ère). Recherches archéologiques. Bucuresti, 1987.

Renfrew C., Bahn P. Archaeology. Theories, Methods and Practice. Sec. ed. London: Thames and Hudson. 1996.

Richards M., Macaulay V., Hickley E., Vega E., Sykes B., Guida V., Rengo Ch., Sellito D., Cruciani F., Kivisild T., Villems R., Thomas M., Rychkov S., Naumova O., Rychkov Yu., et al. Tracing European founder lineages in Near Eastern mtDNA pool // Am. J. Hum. Genet. 2000. V. 67. No 5.

Renfrew C., Shennan S. (eds.). Ranking, resource and exchange. New Direction in Archaeology. Cambridge, CUP, 1982.

Richards M., Smalley K., Sykes B., Hedges R. Archaeology and genetics: analysing DNA from skeletal remains // World Archaeology. 1993. 25.

Roberts C.A., Lee F., Bintliff J. (eds.). Burial archaeology. BAR 211. 1989.

Salmon A., Erdelyi I. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld vom Kornye. Budapest, 1969.

Simonenko A.V. Catacomb graves of the Sarmatian of the North Pontic Region // Studia archaeologica, I. Szeged, 1995.

Somogyi P. Typologie, Chronologie und Herkunft der Maskenbeschlage. Zu den archäologischen Hinterlassenschaften osteuropäischer Reiterhirten aus der pontischen Steppe im 6 Jahrhundert // Archaeologia Austriaca. 71. 1987.

Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées a encoches (IVe–VIIe s.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь. 1996.

Stadler P. Nuovi argomenti per la datazione della tombe principesca di Bosca // Istvan Bona, Die Geschichte der Awaren im Lichte der archäologischen Quellen. Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto XXXV. 1989.

Stadler P. Die Werkstätten awarischer Riemenbeschlage mit Greifendarstellung. Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtgung der Bayem. Veröff. Komm. (Frühmittelalterforschungen 13). 1990.

Tejral J. Neue Aspekte der fruehvoelkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beitraege zur Erforschung der Spaetantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997.

Thompson E.A. A History of Attila and the Huns. L., 1948.

Toth E. H., Horváth A. Kunbabony. Das Grab eines Awarenkhagans. Kecskemét. 1992.

Uenze S. Die Schnallen mit Riemenschlaufe aus dem 6. und 7. Jahrh // Bayerische Vorgeschichts-Blätter, 31. 1966.

Vaday A.H. Die sarmatischen Denkmaeler des Komitats Szolnok. Budapest, 1989.

Vaitkunskiene L. Amber in the Art and Religion of the Ancient Balts // Contacts Across the Baltic Sea during the Late Iron Age (5th-12th centuries). Lund, 1992.

Vallet F., Kazanski M. Éléments étrangers en Burgondie dans la deuxième moitié du V siècle // Les Burgondes Apports de l'archéologie. Dijon, 1995.

Veeck W. Die Alamannen in Wuerttemberg. In: Germanische Denkmaeler der Voelkervanderungszeit. Bd 1. Berlin; Lipsk. 1990.

Vernandsky G. Sur l'origine des Alains // Byzantion. T. XVI. Boston, 1944.

Vernadsky G. The Eurasian Nomads and Their Impact on Medieval Europe (A Reconsideration of the Problem) // Studii Medievali. 3a serie. IV. 2. 1963.

Vida T. Frühmittelalterliche schaiben- und kugelformige Amulettkapseln zwischen Kaukasus, Kastilien und Picardie // Bericht der Römisch-Germanischen Komission. 76. Mainz am Rhein, 1995.

Volkov I.V., Guguev Yu.K. A late Sarmatian burial in Rostov-on-Don // BAR International Series, № 278. Oxford 1986.

Voyage au mont Caucase et en Géorgie par M. Jules Klaproth. Paris, 1823.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

Werner J. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine // Slovenska Archeologia. 1959. VII–2.

Werner J. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. Beiträge zur Archäologie der Awarenzeit im Mittleren Donauraum. Wien, 1986.

Zasetskaya I. Les Steppes pontiques a l'époque hunnique (questions de chronologie) // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations. Brno, 1999.

Zuckerman C. Le roi au cheval blanc. La première réaction byzantine a l"expansion franque // F. Vallet et M. Kazanski (eds.) La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Tome IX des Memoires publiées par l'Association Française d'Archéologie Merovingienne. 1995.

Zuckerman C. A propos du livre des Cérémonies, II, 48 // Travaux et Mémoires. 2000. 13.

Список памятников к археологической карте Центрального Предкавказья IV–IX вв.

1. Уруп, верховья, скальные захоронения (VII?) – IX вв. 2. Уруп, городище с каменными стенами, скальные захоронения VIII–X вв. 3. Преградненская находка, VII в. 4. Ильичевское городище с каменными стенами и христианскими храмами. 5. Ильичевские скальные захоронения VIII–IX вв. 6. Кобу-Баши, (полуподземный) склеп III–IV вв. 7. Поселение в верховьях р. Кяфар. 8. Лохматый бугор, крепость с каменными стенами и рвом. 9. Кяфарские скальные захоронения VIII–IX вв. 10. Кяфарские каменные гробницы VIII–IX вв. 11. Кяфарское поселение. 12. Шпиль (крепость Хыз) на слиянии р. Кяфар и Кривой. 13. Р. Кривая, могильник надземных гробниц VIII–XII вв. 14. Устье р. Бижган, поселение. 15. Бижган, наземные гробницы в верховьях. 16. Х. Киево-Жураковский, поселение у впадения Бижгона в Б. Зеленчук. 17. "Старое жилище", поселение с валами и рвами в верховьях Б. Зеленчука. 18. Нижний Архыз, поселение с христианскими храмами X–XII вв., центр аланской епархии. 19. Нижний Архыз, скальные захоронения, каменные гробницы и склепы IX–XII вв. 20. Ст. Зеленчукская, городище. 21. "Боготобагде" ст. Зеленчукская, каменные гробницы VII в. 22. Ст. Зеленчукская, поселение. 23. Клевцовское, городище с каменными стенами. 24. Крейда, скальные захоронения. 25. Курлукское городище с каменными стенами и рвом. 26. Исправная, катакомбы VI–VII вв. 27. Балашовское городище с каменными стенами к югу от ст. Исправной. 28. "Абрекское", городище с каменными стенами к северу от ст. Исправной. 29. Лысая гора, городище с каменными стенами к северу от ст. Исправной. Башкирка, городище к юго-западу от ст. Исправной. 30. Маруха, поселение на правом берегу нижнего течения р. Марухи. 31. Аксаут, поселение с каменными стенами выше аула Красный Карачай. 32. Аксаут, поселение у аула Красный Карачай. 33. Маруха, городище при впадении р. Марухи в Зеленчук. 34. Поселение на левом берегу р. Малый Зеленчук. 35. Тамгацик, поселение на р. Тамгацик, правом притоке М. Зеленчука. 36. Тамгацик, грунтовый (с обкладкой камнем) могильник IV–V вв. у аула Жако. 37. Адиюх, городище с каменными стенами южнее аула Хабез на р. М. Зеленчук. 38. Хабез, погребения в каменных гробницах. 39. Хабез, поселение. 40. Хабез, скальные захоронения. 41. Байтал-Чапкан, городище с каменными стенами. 42. Байтал-Чапкан, катакомбный могильник VI–VIII вв. 42а. Гоначкир, поселение в верховьях р. Теберды. 43. Гоначкир, скальные захоронения IX(?) – X вв. 44–46. Р. Муху, поселения. 47. Теберда, городище у г. Теберды. 48. Джамагат, поселение близ г. Теберды. 49. Джамагат, могильник с грунтовыми погребениями в деревянных гробовищах VI – VII вв. близ г. Теберды. 50. Ачитара, каменные гробницы близ г. Теберды. 51–55. Ачитара, поселения близ г. Теберды, по левому берегу р. Теберды. 56. Куру-Кол, каменные гробницы на правом берегу р. Куру-Кол, севернее г. Теберды. 57. Куру-Кол, поселение там же. 58. Р. Аюлю, грунтовые погребения на левом берегу. 59. Теберда, левый берег, поселение. 60. Теберда, левый берег, грунтовые погребения на р. Гидам. 61. Р. Аюлю, поселение на правом берегу. 62. Гидам, каменные гробницы, грунтовые ямы, обложенные камнем. 63. Гидам, поселение. 64. Гидам, полуподземный склеп. 65. Аргы-Кала, городище с каменными стенами. 66. Агур, каменные гробницы. 67, 68. Гималдык, поселения. 69. Сенты, грунтовые погребения и каменные гробницы VIII–IX вв. 70. Сенты, скальные захоронения. 71, 73. Амгата, городища с каменными стенами. 72, 75. Амгата, могильники VI–VIII вв. из грунтовых могил и каменных гробниц. 74. Н. Теберда, поселение. 75. Теберда, полуподземные склепы.76. Узун-Кол, поселение с каменными стенами в верховьях р. Кубани. 77. Узун-Кол, могильник VII–VIII вв. из каменных гробниц. 78. Узун-Кол, могильник (II–III?) VII–VIII вв. из грунтовых погребений. 79. Учкулан, поселение на с.-в. окраине аула. 80. Учкулан, каменные гробницы. 81. Хурзук, поселение (и могильник?). Куутум, верховья Кубани, поселение и могильник из каменных гробниц и подземных склепов. 82. Джалан-кол, склеп в верховьях р. Кубани. 83. Карт-Джюрт, поселение у аула. 84. Коу-Боулар, севернее аула Карт-Джюрт, каменные гробницы и склепы. 85. Каратуз, севернее аула Карт-Джюрт, склеп. 86. Кльян-Кала, севернее аула Карт-Джюрт, склепы. 87. Джанукку, в ущелье Кекле, правый берег р. Кубани. 88, 89, 92. Джанукку, там же, к северу от городища, могильник из каменных гробниц, наземных склепов и скальных захоронений. 90. "Сынла", городище с каменными стенами. 91. Сыллар-Арт, городище с каменными стенами. 93. "Сынла" (Сынлы-Арты), скальные захоронения. 94. Джашырын (Джашыртым) Кала, городище с каменными стенами. 95. Индыш-Баши, городище с каменными стенами. 96. Сыллар-Арт, скальные захоронения. 97. Джашыртым-Кала, скальные захоронения. 98. Индыш-Баши, наземные гроб-

ницы и склепы. 99. Гиляч, городище с каменными стенами. 100. Гиляч, грунтовый могильник IV-V вв. из ям и каменных гробниц. 101. Малый Гиляч, скальные захоронения IX в. 103. Киир-Кол скальные захоронения. 104. Бирлики, поселение на правом берегу р. Кубани выше Карачаевска 105. Карачаевское 2, поселение на правом берегу р. Кубани. 106. Левобережный Тебердинский скальные захоронения. 107. Карачаевское 1, поселение на правом берегу р. Кубани. 108. Каменномостский, могильник из каменных гробниц. 109. Усть-Тебердинский, могильник из каменных гробниц, IX–XI вв. 110. Карачаевск, поселение, левый берег р. Теберды. 111–113. Дардон, могильник IX–XI вв. из каменных гробниц, склепов и скальных захоронений. 114. Пос. Коста Хетагурова, полуподземный склеп VII–VIII вв. 115. Шубшурук, скальные захоронения. 116. Шубшурук, поселение. 117. Кубранская балка, поселение. 118. Кубранская балка, скальные захоронения 119. Н. Карачай, каменные гробницы. 120. Н. Карачай, поселение. 121. Кумыш-Баши, катакомбы VII в. 122. Инджур-Гата, каменные гробницы и городище с каменными стенами IX–XI вв. 123. Инджур-Гата, скальные захоронения IX–XI вв. 124. Каракент, городище с каменными стенами в 10 км к ю.-з. От Хумары. 125. Каракент, скальные захоронения в балке Каракент. 126. Каракент, катакомба. 127. Каракент, каменные гробницы. 128. Городище Хумара с каменными стенами, правый берег Кубани, VIII–X вв. 129. Скальные захоронения к югу от Хумары VIII–IX вв. 130. Грунтовые могилы и каменные гробницы ок. Хумары. 131. Катакомбные погребения VII в. на территории Хумары. 132. Поселение на южных склонах балки Инал, близ Хумары. 133. Полуподземный склеп (VII–VIII вв.) в балке Инал. 134. Грунтовые могилы и скальные захоронения балки Инал. 135. Городище с каменными стенами рядом с аулом Сары-Тюз. 136. Скальные захоронения Аргон-Кол против храма Шоана на левом берегу р. Кубани. 137. Скальные захоронения Иссилеучу в 2–3 км к с.-в. от аула Сары-Тюз, VIII–X вв., правый берег р. Кубани. 138. Скальные захоронения Алты-Айгыр между аулом Сары-Тюз и с. Красногорской, VIII–X вв. 139. Поселение на правом берегу Кубани недалеко от аула Сары-Тюз. 140. Скальные захоронения Токмак-Кая № 1, 2, правый берег р. Кубани. 141. Каменные гробницы Красногорские, левый берег р. Кубани. 142. Городище с каменными стенами Тешик-Кая (Кольцогорское). 143. Скальные захоронения недалеко от городища Тешик-Кая. 144. "Учкулька", городище с каменными стенами на правом берегу р. Кубани и на левом берегу р. Учкурка. 145. Учкурка, городище с каменными стенами на правой стороне р. Учкурка. 146. Поселение между с. Важное и ст. Красногорской. 147. Городище с каменными стенами Байтал-Чапкан на левом берегу р. Кубани. 148. Скальные захоронения рядом с городищем Байтал-Чапкан. 149. Кубинское городище с каменными стенами на левом берегу р. Кубани. 150. Скальные захоронения Гнакызы, в верховьях р. Джегута. 151. Городище с каменными стенами Кызыл-Кала в верховьях р. Джегута. 152. Каменные гробницы у Кызыл-Калы V–VI вв. (?). 153. Скальные захоронения Джырты-Сырт. 154. Скальные захоронения к ю.-в. от аула Н. Джегута VII в. 155. Городище с каменными стенами Кая-Тешикле на левой стороне р. Эльтаркач. 156. Скальные захоронения Кая-Тешикле на р. Эмурке. 157. Поселение Джеганас. 158. Поселение № 1. 159. Дружбинское городище № 1 с земляными укреплениями ок. Черкесска. 160. Дружбинское городище №2 с земляными укреплениями ок. Черкесска. 161. Крепость с каменными стенами Садовое VIII–XIII (?). 162. Каменный полуподземный склеп на левом берегу среднего течения р. Мара, у околицы аула Мара. 163. Каменные полуподземные склепы Баба-Езен в верховьях р. Мара (в 17 км от В. Мары). 164. Городище с каменными стенами Уллу-Кол в верховьях р. Подкумка. 165. Скальные захоронения Уллу-Кол в верховьях р. Подкумка VII–VIII вв. 166. Скальные захоронения Кзыл-Кол в верховьях р. Подкумка. 167. Полуподземный каменный склеп на р. Корсунка VII–VIII вв. 168. Городище с каменными стенами на р. Мара у аула Красно-Восточный. 169. Городище с каменными стенами "Калеж" на левом берегу р. Мара у а. Красно-Восточный. 170. Городище с каменными стенами на р. Камбыстакуар, правом притоке Кумы. 171. Городище с каменными стенами Уллу-Дурбунла на правом берегу Подкумка. 172. Городище с каменными стенами к югу от с. Первомайское на правом берегу р. Подкумка № 1. 173. Городище с каменными стенами № 2 к югу от с. Первомайского, восточнее городища № 1. 174. Городище с каменными стенами на плато Бичесын в верховьях Худеса и Эшкакона. 175. Каменный полуподземный склеп в верховьях р. Эшкакон. 176. Городище с каменными стенами № 1 в верховьях Эшкакона под Бермамытом. 177. Городище с каменными стенами № 2 в верховьях Эшкакона под Бермамытом. 178. Скальные захоронения на левом берегу среднего течения р. Эшкакон, VIII–IX вв. 179. Скальные захоронения на левом берегу среднего течения р. Эшкакон, VIII–IX вв. 180. Скальные захоронения на левом берегу среднего течения р. Эшкакон, VIII–IX вв. 181. Скальные захоронения на левом берегу р. Эшкакон, VIII–IX вв. 182. Поселение в Гришкиной Балке на правом берегу р. Эшкакон. 183. Скальные захоронения в Гришкиной Балке на правом берегу р. Эшкакон, VIII–IX вв. 184. Поселение на куэсте по левому берегу р. Уллубаганалы. 185. Городище с каменными стенами на левом берегу Эшкакона над

Водоводом. 186. Скальные захоронения по левому берегу Эшкакона над Водоводом, VIII–IX вв. 187. Скальные захоронения ниже Водовода над левым берегом Эшкакона, VIII–IX вв. 188. Городище с каменными стенами на правом берегу р. Уллубаганалы. 189. Поселение в верховьях р. Уллубаганалы на плато. 190. Городище с каменными стенами № 1 на южной окраине Учкекена, на левом берегу Эшкакона. 192. Городище с каменными стенами на западной окраине Учкекена. 193. Скальные захоронения VIII–IX вв. и подкурганные катакомбы Терезе III–IV вв. 194. Скальные захоронения против аула Джага на левом берегу Подкумка, VIII–IX вв. 195. Скальные захоронения на восточной окраине Учкекена. 196. Городище с каменными стенами на восточной окраине Учкекена. 197. Катакомбные погребения вокруг городища Рим-Гора, VIII–XII вв. 198. Грунтовые погребения и скальные захоронения вокруг городища Рим-Гора, IX–XII вв. 199. Городище Рим-Гора на скальном останце над с. Джага и с. Учкекен. 200. Скальные захоронения против с. Джага, VIII–IX вв. 201. Катакомбные погребения на центральной усадьбе Малокарачаевского конного завода. 202. Поселение на правом берегу Подкумка на территории гостиницы Малокарачаевского конного завода. 203. Скальные захоронения на центральной усадьбе Малокарачаевского конного завода. 204. Городище с каменными стенами на Красивом кургане. 205. Скальные захоронения на Красивом кургане. 206. Городище с каменными стенами Клин-Яр III (мысовое). 207. Городище с каменными стенами Клин-Яр I (на останце). 208. Катакомбные погребения у Клин-Яра VII–VIII вв. 209. Катакомбные погребения у п. Мирный № 1 на территории поселка, VI–VII вв. 210. Катакомбные погребения у п. Мирный № 2, к югу от поселка на берегу Подкумка, VII–VIII вв. 211. Поселение на территории п. Мирный. 212. Катакомбные погребения у автозаправки Кольцо-Гора (IX?), X–XII вв. 213. Поселение на склоне у Кольцо-Горы. 214. Городище с каменными стенами "Аланская крепость". 215. Грунтовые погребения на склоне "Аланской крепости", VIII–IX вв. 216. Катакомбы на склоне "Аланской крепости", VII–VIII вв. 217. Городище с каменными стенами у тарного склада Кисловодска. 218. Поселение на территории Кисловодской горсвалки, каменный ящик и каменные склепы VIII–IX вв. 219. Городище с каменными стенами, верхнее левобережное Аликоновское. 220. Городище с каменными стенами, левобережное Аликоновское. 221. Катакомбы над поселением Нарт-баши, по левому берегу Алихоновки. 222. Городище с каменными стенами Нарт-баши, левобережное Аликоновское. 223. Городище с каменными стенами, правобережное Аликоновское над Медовым водопадом. 224. Городище с каменными стенами, левобережное Аликоновское "Указатель". 225. Городище с каменными стенами, правобережное Аликоновское "Эчкибаши". 226. Городище с каменными стенами, левобережное Аликоновское "Конхуторское". 227. Поселение, над Катыхинской балкой против "Стрелки". 228. Поселение, над Катыхинской балкой ниже № 227. 229. Городище с каменными стенами, правобережное Аликоновское в Катыхинской балке (Каменоломня). 230. Городище с каменными стенами, левобережное Аликоновское, против городища № 229. 231. Скальные захоронения рядом с городищем № 230. 232. Городище с каменными стенами, ниже отделения Элькуша. 233. Катакомбный могильник № 2 по Мокрой Балке у МТФ Зеленогорского совхоза, VIII–IX вв. 234. Поселение на Мокрой Балке у родника МТФ Зеленогорского совхоза. 235. Катакомбный могильник № 1 по Мокрой Балке, V–IX вв. 236. Городище с каменными стенами, правобережное по Мокрой Балке. 237. Катакомбный могильник "Замковый", по левому склону Мокрой Балки, VII в. 238. Городище с каменными стенами над "Замком", правобережное Аликоновское. 239. Скальные захоронения выше моста через Аликоновку, ниже "Замка" на левом берегу, VIII–IX вв. 240. Городище с каменными стенами, левобережное Аликоновское, против нарзанного источника. 241. Катакомбный могильник правобережной Аликоновской у пионерского лагеря "Горное эхо", VIII–IX вв. 242. Городище с каменными стенами левобережное Аликоновское на территории Зеленогорского совхоза. 243. Катакомбный могильник "Директорская горка", левобережный Аликоновский, VIII–IX вв.; на территории Зеленогорского совхоза. 244. Скальные захоронения VIII–IX вв. по правому берегу "Митькина кутана", правого притока Аликоновки. 245. Городище с каменными стенами на останце у Кисловодского озера. 246. Катакомбный могильник у переправы через Аликоновку, выше отстойника на правом берегу, VIII–IX вв. 247. Катакомбный могильник на левом берегу Аликоновки, в карьере у аварийного сброса, VII–VIII вв. 248. Катакомбный и скальный катакомбный могильник, над Аликоновкой по правому берегу у 3-го отделения совхоза "Зеленогорский", VIII–IX вв. 249. Случайные находки на ул. Любомирского, Кисловодск. 250. Городище с каменными стенами выше аула Элькуш. 251. Катакомбный могильник и каменные гробницы у Березовского пчелосовхоза. 252. Городище с каменными стенами на левом берегу р. Березовой у Березовского пчелосовхоза. 253. Городище с каменными стенами на правом берегу р. Березовой. 254. Городище с каменными стенами на левом берегу р. Березовой, к югу от Кисловодска. 255. Городище с каменными стенами на правом берегу р. Березовой, против городища № 254. 256. Городище с каменными стенами в Берма-

мытском районе Кисловодска. 257. Катакомбный могильник в Бермамытском районе Кисловодска, VI–VII вв. 258. Городище с каменными стенами на вершине холма Кугуль у истоков р. Кабардинки. 259. Могильник из каменных склепов на гребне холма городища Кугуль, ниже цитадели VII–VIII вв., у истоков р. Кабардинки. 260. Катакомбный могильник № 1 на нижнем склоне г. Кугуль, VIII–IX вв. 261. Катакомбный могильник № 2, вторая Кабардинская балка г. Кугуль, VII (?) - VIII–IX вв. 262. Катакомбный могильник Лермонтовский № 1, на левом берегу левого притока Ольховки V (?) – VI вв. 263. Городище с каменными стенами, мысовое левобережное Ольховское. 264. Городище с каменными стенами на останце, левобережное Ольховское. 265. Городище с каменными стенами, правобережное на р. Ольховке. 266. Катакомбный могильник Лермонтовский № 2, на правом берегу р. Ольховки, V, VII, IX вв. 267. Каменный полуподземный склеп на нижнем склоне Лермонтовской скалы. 268. Городище с каменными стенами в верховьях р. Ольховки. 269. Поселение на склонах горы Малое Седло. 270. Катакомбный могильник на территории санатория им. Кирова в г. Кисловодске. 271. Городище с каменными стенами на территории санатория им. Кирова в г. Кисловодске. 272. Катакомбный могильник на территории санатория им. Орджоникидзе на Георгиевском плато г. Кисловодска, VI–VII вв. 273. Городище с каменными стенами на территории санатория им. Орджоникидзе на Георгиевском плато. 274. Катакомбный могильник у подножья Кабан-Горы "Ясли", VII–VIII вв. 275. Поселение на склонах Кабан-Горы, к с.-в. от Кисловодска. 276. Катакомбный могильник Буденновская Слобода на левом берегу р. Белой в г. Кисловодске, VI–VII вв. 277. Городище с каменными стенами на правом берегу р. Белой в г. Кисловодске. 278. Поселение у железнодорожного моста при впадении р. Березовой в р. Подкумок. 279. Поселение на правом берегу р. Подкумка, на окраине г. Кисловодска. 280. Городище с каменными стенами над мебельной фабрикой г. Кисловодска. 281. Катакомба, найденная в срезе левого берега р. Подкумка. 282. Городище с каменными стенами "Острый мыс" на левом берегу Подкумка. 283. Катакомбный и подбойный могильники VI–VII вв. у Острого Мыса на левом берегу р. Подкумка. 284. Скальные захоронения в районе ж.-д. ст. Подкумок, на левом берегу р. Подкумка. 285. Скальные захоронения "Тихий уголок", ниже ж.-д. ст. Подкумок, на правом берегу р. Подкумка. 286. Поселение в урочище "Тихий Уголок", на правом берегу р. Подкумка. 287. Городище с каменными стенами правобережья Подкумка "Чугуева Балка". 288. Городище с каменными стенами правобережья Подкумка у "Спящей Красавицы". 289. Грунтовые погребения около ж.-д. ст. Скачки, близ ст. Пятигорская. 290. Поселение в западной части горы Бештау, "Лохматый Курган". 291. Укрепление на горе Тупой близ Железноводска. 292. Городище с каменными стенами на горе Бык. 293. Поселение на с.-з. склонах горы Развалка. 294. Каменные полуподземные склепы на горе Развалка. 295. Поселение на восточном склоне горы Змейка, VI–X вв. 296. Поселение на южном склоне горы Змейка. 297. Поселение на западной окраине Новопятигорска. 298. Поселение у Перкальской скалы в Пятигорске. 299. Курганы около Константиновки близ Пятигорска. 300. Катакомбный могильник на левом берегу р. Юца у уроч. "Армянский лес", I–II, VIII–IX. 301. Скальные захоронения в верховьях р. Хасаут, притока Малки. 302. Городище с каменными стенами над пос. Хасаут. 303. Городище с каменными стенами восточнее № 302 над пос. Хасаут. 304. Каменные гробницы и подземные склепы в 4 км ниже пос. Хасаут, VI–VIII вв. 305. Хасаут – каменные ящики в уроч. "Лахран". 306. Хабаз – полуподземный склеп с.-з. в уроч. "Шиаккы". 307. Хабаз – поселение в 2 км восточнее с. Хабаз в уроч. "Аман-Кол". 308. Кич-Малка, скальные захоронения выше с. Кич-Малка. 309. Кичмалкинское городище с каменными стенами, с.-з. с. Кич-Малка на склоне Джинал-Сырта. 310. Каменномостское II городище с каменными стенами "Мываду", на останце в 3 км с.-з. Каменномостского. 311. Каменномостское I городище с каменными стенами, при слиянии Малки и Кич-Малки. 312. Каменномостское III городище с каменными стенами на левом берегу, против с. Каменномостское. 313. Каменномостское IV городище с каменными стенами на левом берегу, в 2 км к востоку от с. Каменномостское. 314. Сармаковское городище с земляными укреплениями на холме восточнее с. Сармаково, на левом берегу р. Малки. 315. Сармаковское городище "Кунитага" с земляными укреплениями в 3–4 км западнее с. Сармаково, на правом берегу р. Малки. 316. Сармаковское I городище с земляными укреплениями, на высокой возвышенности правого берега р. Малки. 317. Кубинское поселение на левом берегу р. Малки. 318. Кубинское IV городище с земляными укреплениями, к западу от с. Куба, на правом берегу р. Малки. 319. Кубинское V городище с земляными укреплениями, к западу от с. Куба, на правом берегу р. Малки. 320. Кубинское VI городище с земляными укреплениями, к западу от с. Куба, на правом берегу р. Малки. 321. Кубинское I городище с земляными укреплениями, на правом берегу р. Малки, на западной окраине с. Куба. 322. Кубинское II городище с земляными укреплениями, на правом берегу р. Малки, на небольшом холме около с. Куба. 323. Кубинское VII городище с земляными укреплениями в 4 км восточнее с. Куба, на вершинах высоких холмов, на правом берегу р. Малки. 324. Псыкурейс-

кое городище с земляными укреплениями к западу от с. Псыкурей, на правом берегу р. Малки. 325. Карагачевское I городище с земляными укреплениями в 3–4 км западнее с. Карагач, на трех холмах правого берега р. Малка. 326а. "Хаймаши", скальные захоронения в районе Касбаш, в верховьях р. Баксан. 326. Верхне-Баксанское городище с каменными стенами на естественно укрепленной возвышенности у с. Верхний Баксан, на левом берегу р. Баксан. 327. Тырныаузские 1-е полуподземные склепы в 5 км западнее г. Тырныауза, на левом берегу р. Баксан, VI–VII вв. 328. Тырныаузские 2-е полуподземные склепы к ю.-з. от горы Тырныауз, в районе бывшего селения Н. Баксан, VI–VII вв. 329. Тырныаузские 3-и полуподземные склепы, в 2–3 км северо-восточнее горы Тырныауз, на левом берегу р. Баксан, VI–VII вв. 330. Гижгидские 1-е полуподземные склепы на правом берегу р. Гижгид, VIII–IX вв. 331. Гижгидские 2-е полуподземные склепы в 2–3 км юго-восточнее уроч. Гижгид, на возвышенности Кыр-Сырт. 332. Былымские полуподземные склепы южнее г. Былым, на правом берегу р. Баксан. 333. Верхне-Чегемское городище с каменными стенами, на левом берегу р. Джылги-Су. 334. Былымские катакомбы, VI–VIII вв. 335. Былымские 1-е полуподземные склепы на ю.-з. окраине с. Былым, VI–VII вв. 336. Былымские 2-е полуподземные склепы в 1 км к с.-в. от с. Былым, в уроч. Кара-Кол, VII–VIII вв. 337. Тырныаузское 1-е городище с каменными стенами на труднодоступном холме к югу от с. Тырныауз. 338. Тырныаузское 2-е городище с каменными стенами, к северу от с. Тырныауз. 339. Заюковское 1-е городище с каменными стенами, на высоком мысу правого берега р. Баксан, против селения Заюково. 340. Заюковское 4-е городище "Герменчик" (Уашха) с каменными стенами, на холмистой гряде правого берега р. Баксан. 341. Заюковское 4-е селище на левом берегу р. Баксан на территории с. Заюково. 342. Гунделенские 1-е катакомбы "Тызыл", в ущелье р. Тызыл, восточнее горы Кинжал, VI–VII вв. 343. Гунделенские полуподземные склепы "Жанбаза", VII–VIII вв. 344. Тызыльское укрепление с каменными стенами на естественно укрепленном мысу, в среднем течении р. Тызыл. 345. Гунделенские скальные захоронения в 4 км восточнее с. Гунделен. 346. Гунделенское городище с каменными стенами в 4–5 км восточнее с. Гунделен. 347. Заюковский 2-й грунтовый могильник на с.-з. от с. Заюково. 348. Заюковское 5-е поселение, на западной окраине с. Заюково. 349. Заюковский 3-й грунтовый могильник, на северной окраине с. Заюково, VIII–IX вв. 350. Заюковское 6-е городище с земляными укреплениями восточнее с. Заюково. 351. Заюковское 5-е городище с земляными укреплениями "Уашха". 352. Заюковское 3-е городище с земляными укреплениями, против с. Заюково. 353. Заюковское 3-е поселение, к востоку от с. Заюково. 354. Кызбурун, 1-е поселение, к с.-з. от с. Кызбурун. 355. Кызбурун, 2-е поселение, к с.-з. от с. Кызбурун. 356. Кызбурун, 1-е городище с земляными укреплениями, против с. Кызбурун. 357. Кызбурун II, I-е городище с земляными укреплениями, западнее с. Кызбурун. 358. Кызбурун II, 2-е городище с земляными укреплениями, западнее с. Кызбурун. 359. Кызбурун II, 3-е городище с земляными укреплениями в 1,5 км южнее с. Кызбурун. 360. Баксанское,2-е городище с земляными укреплениями, к северу от горы Баксан. 361. Кызбурун III, 4-е городище с земляными укреплениями, к югу от с. Кызбурун. 362. Баксанское 3-е городище с земляными укреплениями, к северу от г. Баксан. 363. Баксанское 4-е городище с земляными укреплениями, к северу от г. Баксан вдоль ручья Псарыш. 364. Баксанское I-е городище с земляными укреплениями, к с.-з. от г. Баксан. 365. Карагачевское 2-е городище в 1,5 км к ю.-з. от с. Карагач, на левом берегу р. Куркужин. 366. Булангуевское городище с каменными стенами на естественно укрепленном склоне г. Макка-Кая. 367. Верхне-Чегемские каменные ящики в 1 км ю.-в. с. Верхний Чегем, на склоне горы Донгат. 369. Верхне-Чегемское городище с каменными стенами, к северу от с. Верхний Чегем. 370. Актопракское поселение на склоне "Горы Мырсы", на левом берегу р. Чегем. 371. Нижне-Чегемское 1-е городище с земляными укреплениями, в 3 км западнее с. Нижний Чегем. 372. Нижне-Чегемское 2-е городище с земляными укреплениями "Багнул-Сырт", у южной окраины с. Нижний Чегем. 374. Нижне-Чегемские катакомбы в 3 км западнее с. Нижний Чегем. 375. Заюковский подкурганный подземный склеп (или каменная гробница) в местности Кишпек. 376. Лечинкайское городище с земляными укреплениями, в 5 км к с.-в. от с. Лечинкай. 377. Яникойский грунтовый могильник к ю.-з. от с. Яникой, VIII–IX вв. 378. Яникойское 1-е городище с земляными укреплениями к ю.-з. от с. Яникой. 379. Яникойское 2-е городище с земляными укреплениями на окраине с. Яникой. 380. Чегем II, 1-е городище с земляными укреплениями в 5-6 км к западу от с. Чегем. 381. Кенженский укрепленный холм, близ с. Кенже. 382. Шалушкинское 1-е поселение, на правом берегу р. Шалушка. 383. Чегем II, 2-е городище с земляными укреплениями, к западу от с. Чегем. 384. Чегем II, 3-е городище с земляными укреплениями, к северу от с. Чегем. 385. Шалушкинское 2-е поселение, против р. Шалушка. 386. Чегем 1-й "курган", золотые предметы с инкрустациями, VI–VII вв. 387. Кызбурун III, I-е городище с земляными укреплениями, в 4 км южнее с. Кызбурун. 388. Безенгийский грунтовый могильник и каменные гробницы на р. Черек, IX–XII вв. 389. Хуламский грунтовый могильник и каменные гробницы,

IX в. 390. Усхурские катакомбы близ бывшего с. Нижний Хулам, VIII–IX вв. 391. Скальные захоронения в районе города мертвых в Верхней Балкарии, "Шканты". 392. Безенгийские 1-е каменные гробницы, в 3 км западнее с. Безенги. 393. Полуподземные склепы Верхне-Балкарского могильника "Городок мертвых". 394. Зилгинский могильник из каменных гробниц и грунтовых погребений вблизи с. Зилги, VIII–IX вв. 395. Зилгинская катакомба, не ранее IX в. 396. Псыгансу 1-е городище с земляными укреплениями, в 2 км ю.-з. с. Псыгансу. 397. Псыгансу, 2-е городище с земляными укреплениями, в 4 км ю.-з. с. Псыгансу. 398. Псыгансу, 3-е городище с земляными укреплениями, в 5 км к ю.-з. от с. Псыгансу. 399. Советское городище с земляными укреплениями, в 3 км с.-в. от пос. Советский. 400. Грунтовый могильник Кешенэ-Алы, в 2 км ю.-з. пос. Советский, VIII-IX вв. 401. Белореченское поселение, в 3-4 км ю.-з. с. Белая Речка, вблизи уроч. "Песчанка". 402. "Песчанка", катакомбы VIII–IX вв., к ю.-з. от с. Белая Речка, в верховьях р. Нальчик. 403. Белореченское 1-е городище с земляными укреплениями, на западной окраине с. Белая Речка. 404. Белореченское 2-е городище с земляными укреплениями, на склоне возвышенности на окраине с. Белая Речка. 405. Нальчикские катакомбы, в 4–5 км южнее г. Нальчика, в уроч. "Волчьи ворота". 406. Шалушкинские катакомбы, к югу от с. Шалушка. 407. Вольно-Аульское городище "Герменчик"с земляными укреплениями, на с.-в. окраине с. Вольный Аул. 408. Урванское городище с земляными укреплениями, в 1,5 км южнее с. Урвань. 409. Урванские катакомбы на южной окраине с. Урвань. 410. Вольно-Аульское 1-е городище с земляными укреплениями, на западной окраине с. Вольный Аул. 411. Вольно-Аульские полуподземные склепы, V(?) – VII вв. 412. Нальчикское городище с земляными укреплениями, в 4 км восточнее г. Нальчика. 413. Нальчикское 4-е поселение на с.-з. окраине г. Нальчика. 414. Аргуданское 1-е городище с земляными укреплениями "Муртаза", на ю.-в. окраине с. Аргудан. 415. Калежское 2-е городище с земляными укреплениями, на восточной окраине с. Калеж. 416. Калежское 3-е городище с земляными укреплениями, около с. Калеж. 417. Старо-Лескенское городище с земляными укреплениями, в 2 км восточнее с. Старый Лескен. 418. Грунтовые захоронения южнее Калежского городища. 419. Аргуданское 2-е городище с земляными укреплениями, на южной окраине с. Аргудан. 420. Аргуданское 3-е городище с земляными укреплениями, на ю.-в. окраине с. Аргудан. 421. Полуподземные склепы у северного бугра Рутха, в окрестностях бывшего аула Кумбулта, VI–VIII вв. 422–423[1]. Каменные гробницы и полуподземные склепы к западу от аула Донифарс, на холме Хор-Гон и в уроч. Догун-Хунта. 424–425. Каменные гробницы ("грунтовые ямы, обложенные булыжником") и полуподземные склепы в окрестностях бывшего аула Кумбулта, VI–VIII вв. 426, 438. Наземные склепы и неукрепленные поселения в окрестностях аула Лезгор. 427–428. Грунтовые катакомбы и грунтовые могилы в уроч. "Царца" в окрестностях Комунты, VI–IX вв. 429–432. Каменные гробницы, полуподземные склепы (VIII в.), грунтовые катакомбы и грунтовые могилы, перекрытые камнем, в окрестностях Галиата. 433. Полуподземный склеп в окрестностях с. Фаснал. 434–436. Грунтовые погребения, катакомбы и наземные склепы в окрестностях Махческа. 437. Каменные гробницы к северу от аула Задалиск, VI–IX вв. 439. Катакомба у аула Хазнидон, VII–VIII вв. 440. Змейское открытое поселение, VIII–X вв. 441. Городище с земляными стенами Дур-Дур. 442–444. Поселение с каменными стенами, каменные гробницы и полуподземные склепы в окрестностях с. Кора-Усрдон. 445–447. Полуподземные склепы, каменные гробницы и поселение с каменными стенами в окрестностях Гал-Фандага. 448, 451. Полуподземные склепы и катакомбы около с. Садон, VII–VIII вв. 449. Каменные гробницы в окрестностях с. Нузал. 450. Грунтовая катакомба около с. Бад. 452–454. Грунтовые катакомбы, полуподземные склепы и поселение с каменными стенами в окрестностях с. Згид. 455. Грунтовая катакомба у аула Унал. 456. Грунтовые катакомбы у с. Алагир. 457. Надземные склепы в окрестностях с. Ардон. 458–459. Поселение с каменными стенами и каменные гробницы в верховьях Фиагдона. 460. Полуподземные склепы в окрестностях с. Хариджин. 461. Курган около с. Цимити. 462. Каменные гробницы у с. Хидикус. 463–464. Грунтовые катакомбы и каменные гробницы у с. Архон. 465–466. Грунтовые катакомбы, подкурганное погребение VIII–IX вв., каменные гробницы и полуподземные склепы, к югу от с. Лац. 467, 471. Поселение с каменными стенами и полуподземный склеп в окрестностях с. Какадур. 468. Поселение с каменными стенами в окрестностях с. Кадат. 469. Каменные гробницы в с. Гули. 470, 472. Каменные гробницы и полуподземные склепы в окрестностях с. Далагкау, VIII–IX вв. 473. Каменные гробницы на склоне горы у с. Дзивгис, VIII–IX вв. 474. Грунтовые погребения у

[1] Ниже, в тех случаях, когда отсутствуют уточненные данные по расположению одноименных памятников с различными погребальными сооружениями относительно современного населенного пункта, мы будем описывать их вместе.

с. Корца, VII–VIII вв. 475. Каменные гробницы у с. Дзуарикау. 476. Каменные гробницы у с. Хидикус. 477. Поселение с каменными стенами у с. Джимара. 478–481. Полуподземные склепы и каменные гробницы VIII–IX вв. у с. Дергавс. 482. Полуподземные склепы, грунтовые катакомбы (VIII–IX вв.) и каменные гробницы (VII–IX вв.) у с. Кобан. 483. Каменные гробницы у с. Тменикау. 484. Каменные гробницы у с. Кани. 485–486. Полуподземные склепы и каменные гробницы вблизи с. Саниба. 487. Каменные гробницы вблизи с. Генал. 488–489. Поселение с каменными стенами и катакомбы к югу от с. Чми в уроч. Суаргом. 490–491. Поселение с земляными стенами и скальные захоронения в устье Джераховского ущелья. 492–496. Каменные гробницы, грунтовые погребения, поселение с каменными стенами, полуподземные и надземные склепы на северной окраине с. Чми в урочище Беахникуп. 497. Поселение с каменными стенами в устье Джераховского ущелья. 498. Поселение с земляными стенами в ущелье Армхи. 499. Грунтовые катакомбы в окрестностях с. Гоуста, IX в. 500–501. Каменные гробницы, полуподземные склепы и грунтовые катакомбы в уроч. Херх, между с. Балта и Чми. 502–503. Грунтовые катакомбы и каменные гробницы Фуртоуг в Джераховском ущелье. 504. Грунтовые катакомбы VIII–IX вв. у с. Балта. 505. Поселение на южной окраине г. Владикавказа. 506. Поселение на с.-в. окраине г. Владикавказа. 507. Грунтовые катакомбы в окрестностях г. Владикавказа, у кирпичного завода, VIII–IX вв. 508. Поселения с земляными укреплениями к северу от г. Владикавказа. 509. Грунтовые катакомбы и городище с земляными укреплениями у с. Зилги, II–IX вв. 510. Грунтовые катакомбы у п. Беслан, III–IV вв. 511–513. Подкурганные и грунтовые катакомбы и поселение с земляными укреплениями у с. Брут, II–VII вв. 514. Поселение с земляными укреплениями на северной окраине с. Заманкул, VIII–X вв. 515–516. Подкурганные и грунтовые катакомбы у с. Пседах. 517. Поселение к востоку от Владикавказа. 518. Грунтовые катакомбы у Камбилеевки. 519. Поселение с земляными укреплениями к с.-в. от Эльхотово. 520–521. Верхне-Акбашские 2-е и 3-е поселения с земляными укреплениями. 522. Арикское поселение с земляными укреплениями. 523–525. Нижне-Джулатское поселение с земляными укреплениями, грунтовые катакомбы и грунтовый могильник, VI–VII вв. 526. Терекское поселение с земляными укреплениями. 527. Хамидиевское поселение с земляными укреплениями. 528–529. Подкурганные катакомбы и поселение с земляными укреплениями в окрестностях г. Моздок. 530–534. Группа из трех правобережных поселений с земляными укреплениями в окрестностях ст. Гвардейской (Али-Юрт) и подкурганные и грунтовые катакомбы. 535–537. Группа из трех Верхне-Наурских городищ с земляными укреплениями. 538–539. Мундар-Юртовские поселения с земляными укреплениями. 540. Грунтовые катакомбы в окрестностях ст. Червленной. 541–543. Группа из двух Алхин-Чуртовских поселений с земляными укреплениями и открытого поселения в междуречье Терека и Сунжи. 544. Скальные захоронения на склоне горы Мат-Лам, Джераховского ущелья. 545. Каменные гробницы у с. Лежг, IX (?) – X вв. 546. Грунтовый могильник у с. Гоуст (Гоуздок). 547. Каменные гробницы в с. Джейрах. 548. Каменные гробницы в с. Салги. 549. Грунтовая катакомба на окраине с. Бейни, VIII–IX вв. 550–551. Каменные гробницы и полуподземные склепы в окрестностях с. Шуан, IX–XII вв. 552. Полуподземные склепы в верховьях р. Армхи, близ Кашиете, VIII–X вв. 553–555. Верхне-Алкунская катакомба (VIII–IX вв.), полуподземный склеп, каменные гробницы и оборонительная стена. 556. Подкурганная катакомба в Алхасте (бывш. ст. Фельдмаршальская). 557. Грунтовые погребения в окрестностях с. Первомайского. 558. Грунтовые катакомбы из Али-Юрта. 559. Грунтовые катакомбы у с. Мужичи. 560–563. Группа поселений с земляными укреплениями в окрестностях с. Али-Юрт и с. Сурхахи (Агим-Барц, Мурад-Барц, Хатой-Барц, Сурхахи). 564. Грунтовые катакомбы у с. Экажево. 565. Поселение с земляными укреплениями у с. Барсуки. 566. Поселение с земляными укреплениями у с. Карабулак. 567–569. Группа поселений с земляными укреплениями в окрестностях с. Яндырка и с. Экажево. 570–572. Поселения с земляными укреплениями в окрестности с. Гази-Юрт. 573–576. Группа поселений с земляными укреплениями левобережья Сунжи (Троицкое, Слепцовское, Серноводское). 577. Каменные гробницы VIII–XII вв. на с.-з. окраине с. Верхний Даттых. 578. Поселение с земляными укреплениями, левобережное на р. Фортанге. 579. Скальные захоронения в окрестностях ст. Аршти. 580–582. Группа поселений с земляными укреплениями правобережья р. Сунжи, между впадением р. Ассы и р. Гехи. 583–585. Поселение с земляными укреплениями правобережья р. Гехи и два открытых поселения по левому берегу в верховьях р. Гехи. 586. Грунтовый катакомбный могильник IX–XII вв. Мартан-Чу. 587. Грунтовый катакомбный могильник севернее Мартан-Чу. 588–591. Комплекс могильников (грунтовый, из подкурганных катакомб, полуподземных склепов) и поселение с земляными укреплениями. 592–593. Алхан-Калинский могильник из грунтовых и подкурганных катакомб. 594. Поселение с земляными укреплениями к западу от п. Алхан-Кала. 595–596. Поселения с земляными укреплениями к востоку от п. Алхан-Кала. 597. Подкурганный катакомбный могильник Алды (II–IV вв.). 598–599. Поселения с земляными укрепления-

ми у ст. Черноречненская. 600–602, 604. Группа поселений с земляными укреплениями к ю.-в. от г. Грозный. 603. Грунтовые катакомбы Сюир-Корт. 605. Старосунженское поселение с земляными укреплениями. 606–607. Поселения с земляными укреплениями № 1, 2, на левом берегу р. Аргун, против впадения р. Чишки. 608. Чишкинский грунтовый могильник. 609. Чишкинский грунтовый катакомбный могильник. 610. Дуба-Юрт, грунтовый катакомбный могильник, VIII–IX вв. 611. Скальные захоронения. 612. Дай, грунтовый могильник, VII–VIII вв. 613–614. Бердыкельские поселения с земляными укреплениями № 1, 2. 615. Грунтовый катакомбный могильник около с. Комсомольское. 616. Грунтовый могильник у с. Шали. 617. Поселение с земляными укреплениями, восточнее с. Герменчук. 618–619. Грунтовый и катакомбный могильник около с. Герменчук. 620-622. Харачойский могильник из грунтовых погребений, каменных гробниц и скальных захоронений под навесами. 623. Поселение с земляными укреплениями, около с. Ведено. 624. Полуподземный склеп Шуан, около с. Ведено. 625. Грунтовый могильник, около с. Ведено. 626. Поселение Сим-Сир. 627. Находки на р. Гумс Ялхой-Мохк. 628–629. Поселение с земляными укреплениями и грунтовые катакомбы Ахкинчу-Барзой. 630. Грунтовый катакомбный могильник Бердуты. 631. Каменные гробницы на территории с. Регета, VIII–IX вв. 632–634. Поселение с земляными укреплениями, каменные гробницы и грунтовые катакомбы Ножай-Юрт. 635–636. Поселение с земляными укреплениями и открытое поселение Бачи-Юрт. 637. Грунтовый катакомбный могильник Майртуп. 638–640. Аллеройский могильник из грунтовых погребений, подкурганных и грунтовых катакомб, VI–VIII вв. 641–642. Поселение с земляными укреплениями "Ясси-ала" и "Галайтинская находка". 643. Грунтовый могильник Центарой, IV–V вв. 644. Грунтовые катакомбы Исти-Су. 645. Грунтовые катакомбы Джалка. 646. Поселение с земляными укреплениями Джалка. 647. Шелкозаводское поселение с земляными укреплениями. 648. Гудермесский грунтовый могильник (впускной в курганы). 649. Поселение с каменными стенами "Шардак-Гора" ю.-з. с. Зольского. 650. Поселение с каменными стенами "Святая гора" в 3 км западнее с. Зольского. 651–652. Светловодское поселение с земляными укреплениями и неукрепленное селище. 653. Лесгоровское селище "Желтые Кручи". 654. Зольское селище. 655. Псыдонахское селище. 656. Залукокоажское поселение "Черная Гора" с земляными укреплениями. 657. Зольское II, поселение с земляными укреплениями.658. Этокское поселение с земляными укреплениями и обширным неукрепленным поселением. 659. Шардаковское селище западнее с. Зольского. 660. Грунтовые катакомбы близ Пятигорска.

Археолого-географическая база данных типов могильных сооружений VIII–V вв. до н.э. Северного Кавказа

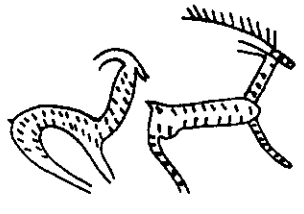
№	Название памятника	Погребения с каменным ящиком	Каменные гробницы	Подземные склепы	Грунтовые погребения	Грунтовые погребения с камнем	Курганы	Курганы с ямой	Курганы с ямой и каменным сооружением	Курганы с каменным ящиком	Грунтовые катакомбы	Полукурганные катакомбы	Случайные находки	Век	Долгота	Широта
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
2049	Абинская						2							8–6	37,7100	45,2100
2360	Алды												1	6–5	45,6000	43,2800
2175	Александровское				1									8–7	43,0000	44,8000
2015	Алексеевский						1							7–6	42,0400	44,4500
2396	Аллерой		2		2									5–4	46,2700	43,1800
2403	Алмало						1							6–5	47,3000	43,2000
2389	Алпатово				5									8–7	45,2500	43,7000
2366	Алхазурово													6–4	45,6600	43,0600
2050	Анапа												1	7–6	37,0000	45,0600
2056	Армавир												1	8–7	41,1000	45,0900
2216	Архон												1	7–5	44,1800	42,8500
2201	Архонская					1								6–5	44,4800	43,1000
2390	Ассиновская				1									6–5	45,1800	43,2500
2108	Атажукин 1				1			18						8;5-4	43,0000	43,6600
2399	Ахлово (Н. Кург.)												1		44,4000	43,6000
2044	Байбарис							1						7–4	41,4000	44,1000
2109	Баксан					3								8	43,5300	43,7500
2393	Балан-Су		15											6–4	46,5000	43,2500
2352	Бамут				1		1							6–5	45,1800	43,1600
2002	Батуринская						1							7–6	39,4100	45,7800
2370	Бачи-Юрт	1			1									9–7	46,1600	43,2000
2200	Беахни-Куп				1									6–5	44,6400	42,9300
2171	Бекешевская												1	7–6	42,4000	44,0500
2148	Белореченский-лев.	10			14									8–5	42,7600	43,9900
2149	Белореченский-пр.				2									6–5	42,7700	43,9900
2121	Березовский	19	10		10									8–7	42,7400	43,9300
2122	Березовский 3		1											7	42,7300	43,9300
2123	Березовский 4	8	2											8–7	42,7300	43,9400
2415	Беркейский 2		1											6–5	0,0000	0,0000
2042	Бесленеевские						1							7–5	41,7500	44,2500
2012	Бесскорбная						1							7–5	41,2800	44,6600
2374	Бети-Мохк		4	1										6–5	46,3400	43,1200
2158	Бештау				1									8–5	43,2000	44,1900
2058	Благодарная												1	7–6	41,4800	44,7000
2046	Брюховецкий						1							8–7	38,6200	45,8200
2174	Буденновск				22									6–4	44,0600	44,8000
2206	Булунгу					1								7–6	43,1000	43,3000
2412	Бурдекинский		1											7–5	47,7000	42,3000
2172	Быкогорка	1											1	8–5	42,9000	44,2700
2101	В. Баксан												1	8	42,7000	43,4000
2213	В. Рутха		1			1									43,6100	42,9200
2207	В. Чегем					1								8–7	43,3200	43,2800
2190	Вако-Жиле	1												6–5	43,7800	44,3600

2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	2
2155	Водопадский	1			1									7–6	43,0000	44,0400
2383	Воздвиженское												1	6–5	45,7500	43,1700
2061	Воронежский							1						7–3	39,6500	45,3000
2378	Галайты			1	1	1								6–5	46,4000	43,1700
2203	Галиат	1				1								8–6	43,8100	42,9000
2223	Гастон-Уота		1											5–4	43,7500	42,8500
2022	Гвардейское						1							7–6	45,1000	43,7000
2394	Гендерген		4											5–4	46,4000	43,0500
2170	Георгиевск						1							6–5	43,5000	44,2500
2105	Гижгид	1		1										8–6	42,9000	43,5200
2187	Гоготоба													6	41,5000	44,0100
2365	Гойты						1							5	45,6300	43,1600
2176	Голубинка		1			1				1				6–5	42,9000	44,8400
2387	Горагор				1									7–6	45,0400	43,6000
2152	Горно-Джуцкий	4			1									7–6	43,0000	44,0800
2166	Горячеводск				1		1							6	43,2500	44,0900
2047	Греки I						1							8–7	38,2500	45,6600
2361	Грозный				8		2						1	5–4	45,7500	43,3000
2194	Грушевский					20								7–6	42,0100	45,0000
2381	Гудермес				5									7–6	46,2000	43,4000
2106	Гунделен				1									5	43,0400	43,6500
2401	Дагестанское												1	6	46,0000	44,2500
2416	Дагогинск												1	6	48,1100	42,2600
2038	Даховская												1	8–7	40,1800	44,2300
2169	Дебри						1							5	43,3800	44,2500
2417	Дербент												1	7–6	0,0000	0,0000
2392	Джалка				2									6–5	46,0000	43,3200
2219	Джизи												1	8–6	44,4200	43,9800
2220	Дзинага		1											6–5	43,7000	43,0000
2164	Длинный кург.				1	1								7–6	43,1920	44,1300
2179	Домбай		1											5–3	41,6000	43,3800
2202	Донифарс	1	1											8–6	43,7100	43,0000
2182	Дружба								1					5	42,0100	44,2300
2052	Дюрсо							1						8–7	37,5000	44,7800
2068	Елизаветинская				1		1							5–3	38,7000	45,1300
2153	Ессентуки						1						1	8–7	42,9500	44,1200
2185	Жако	1	1			1								6–5	41,6800	44,0600
2165	Железноводск		1											6–5	43,0000	44,3000
2204	Жемтала												1	8–7	44,0000	42,6000
2224	Заманкул					1								6–5	44,4800	43,4000
2373	Замни-Юрт												1	6	45,8500	43,3000
2124	Замок	1												8	42,6900	43,9300
2375	Зандак	1	26		40									9–7	46,4600	43,0500
2107	Заюково						1							7–6	43,4000	43,6000
2065	Зеленский				1									5–3	38,3000	45,2500
2227	Змейская												1	6–5	44,1000	43,3000
2116	Зольское						1							7–6	43,4000	43,9200
2032	Зубов (хутор)						1							8–7	40,2500	45,3000
2409	Избербаш 2												1	6	47,9500	42,5800
2218	Инал												1	8–6	44,1900	42,8600
2142	Индустрия I	8												8–7	42,7750	43,9200
2186	Инжич-Чукун	1												8–7	41,7800	44,1200
2163	Иноземцево		1		1								1	8	43,1910	44,1300
2189	Исправная		1											8–6	41,6100	44,1000
2045	Исправненский							1						7–5	41,5500	44,0500
2358	Исти-Су				23									5–5	46,3200	43,2000
2141	К–Пятигорск. ул.	1												7–6	42,7700	43,9450
2196	Кабан	1	1											8–6	44,4300	43,9700
2217	Казбегский клад												1	6–5	44,6500	42,7000
2112	Каменномостское	29			1	1				6				8–6	43,0000	43,8000
2114	Камлюко												1	6–5	43,3800	43,8200
2406	Карабудахкент 4				3								1	6–5	47,5500	42,6800

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
2410	Карата				1									6–5	46,5500	42,6500
2197	Карца	1				1								6–5	44,3800	43,0400
2413	Каякентский												1	6–4	47,9200	42,3500
2029	Келермес							3						7–6	40,1300	44,7100
2007	Келермесская						1							7–6	40,1200	44,7000
2362	Кескем и Пседахе				1									8–5	44,5000	43,4300
2136	Кисл. ул. Володарского	1												8–7	42,7500	43,9600
2134	Кисловодск-вокз.	3			1									8–7	42,7400	43,9400
2147	Кисловодск-разное	1					1			1				8–6	42,7400	43,9400
2113	Кич Малка	4	5											8–5	43,0000	43,8600
2062	Клады						1							7–6	40,1000	44,3000
2222	Кливан				1									7–5	43,8000	42,4700
2132	Клин-Яр	1	1											8–5	42,7200	43,9900
2013	Ковалевский						1							7–6	41,0000	45,0800
2211	Комарово				1		1							6–5	44,5000	43,6200
2161	Константиновское						1		1					6–5	43,2110	44,1100
2009	Костромская						1							7–6	40,5500	44,5000
2069	Краснодар				1									5–4	39,2000	45,0300
2016	Красное Знамя						1			1				7–6	42,9800	44,7700
2138	Красные камни				1									8–7	42,7700	43,9150
2133	Крестовская г.	46												8–7	42,7500	43,9500
2063	Крымск						1							5–3	37,8000	45,1000
2146	К-стадион	2												8	42,7600	43,9800
2031	Кубанский							3						8–7	39,7500	45,2800
2384	Кулары						4							6–5	45,5100	43,1800
2073	Кургаковский				1									5–3	41,6000	44,8500
2075	Курджипс						1							5–4	40,0800	44,6000
2380	Курен-Беной		1											6–5	46,3000	43,0000
2398	Курен-Беной														46,3500	43,0000
2181	Кызыл-Кала					1								6	42,0000	43,9400
2033	Ладожская						1							7–6	39,9500	45,3300
2066	Лебеди				1									5–3	38,2600	45,8000
2408	Ленинкент 3	1	1											8–6	47,7500	42,4000
2131	Лермонтовский ист.	1												7	42,7300	43,9000
2130	Лермонтовская ск.	15												8–6	42,7700	43,9000
2018	Лермонтовский раз.						1							7–6	43,0000	44,2000
2351	Луговое (Мужичи)				167									6–5	45,0000	43,2000
2167	Лысогорская				1									8–7	43,4800	44,1800
2369	Майртуп												1	9–7	46,1300	43,2000
2419	Макинский I				1									6–4	0,0000	0,0000
2363	Малгобек				1									6–5	45,2000	43,1600
2184	Маруха		1							1				6–5	41,6000	43,9000
2115	Марьинская						1		1					8–7	43,5400	43,9200
2405	Махачкала												1	7	47,5000	43,0000
2140	Мебельная фабр.	25	20		9									8–6	42,7400	44,0000
2064	Мерджаны												1	5–3	38,0200	45,0000
2388	Мескер Юрт						1							6–5	45,9200	43,2500
2376	Мескеты		1											6–5	46,3600	43,1600
2048	Мингрельская						1						1	8–7	37,7800	45,2500
2212	Мозлок						1	1						6–5	44,4500	43,7000
2043	Мокрянка							1						7–6	41,5000	44,2000
2135	Молочная г.	24	30											8–7	42,7400	43,9500
2051	Мостовой		3		1									5–3	41,5200	44,3800
2008	Мохошевская						1							8–6	40,4800	44,5000
2102	Мукулан												1	8	42,8000	43,4300
2103	Н. Баксан				1									6	43,0000	43,4000
2208	Н. Чегем					1								6–5	43,4800	43,5000
2210	Нальчик					1								7–6	43,5500	43,5000
2021	Нартан						3							7–5	43,7500	43,5000
2071	Начерзий						1							5–4	39,3500	45,1000
2350	Нестеровская							33	20	1				7–4	45,0800	43,2500
2214	Николаевская					1								9–8	44,1000	43,1200

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
2367	Нов. Атаги						1							6–5	45,7800	43,1200
2019	Новозаведенное						17							7–6	43,5100	44,4000
2173	Новозаведенное				1									5	43,5100	44,4100
2001	Новокорсунский						1							7–6	39,1500	45,7000
2039	Ново-Пеховский							1						7–6	40,2700	45,3500
2010	Новосвободная						1							7–6	40,4200	44,3800
2377	Ножай Юрт			23										5–3	46,5000	43,1000
2168	Обильное													6–5	43,6000	44,3500
2145	Объездная ул.				1									6	42,7500	43,9800
2221	Ожора					1								7–6	43,7500	42,4000
2020	Отказное						1							7–6	43,8800	44,5500
2192	Отрадная				1	1								6–5	41,5000	44,4000
2188	Пантелеймоновский									1				6–5	41,0600	43,8200
2025	Пашковский							2						7–3	39,2200	45,0200
2195	Пелагиада	2				2								7–6	42,0300	45,1000
2159	Перкальский	1			4									7–6	43,2100	44,1000
2041	Петропавловский						1							7–6	40,5000	45,1000
2011	Подгорная						1						1	7–6	41,2700	44,2500
2154	Полкумский	4					1			1				7–5	42,7500	44,0800
2067	Попуро-Калин.						1							5–4	38,6000	45,7000
2110	Прохладная												1	6–5	44,0000	43,8000
2072	Прочноокопский				1									5–3	41,2000	45,1400
2074	Псебайский						1							5–3	40,6000	44,1800
2215	Пседах				1									8; 6	44,5710	43,4600
2026	Псекупс							3						8–4	39,1500	45,0000
2156	Пятигорск-Камен.				1									7	43,2000	44,1000
2157	Пятигорск-нах.												1	8–6	43,2100	44,1200
2003	Раздельная						1							7–6	39,5600	45,3700
2391	Самашки				1									5–4	45,2700	43,2700
2059	Семибратнее							1						7–6	37,5000	45,2300
2356	Сержень-Юрт													10–6	46,0000	43,0800
2359	Слепцовская						1							5–4	45,0500	43,3300
2139	Сосновая горка	40	5											8–7	42,7600	43,9500
2017	Сотниковское						1							7–6	44,0000	44,8000
2144	Софоновский родн.	2			1									6–5	42,7700	43,8800
2226	Средний Урух												1	7–6	44,0800	43,3500
2382	Ст. Атаги						6							6–5	45,8600	43,2200
2386	Ст. Сунжа						1							6–5	45,7800	43,4000
2193	Ставрополь				1									8	42,0200	45,0100
2014	Ставропольские						1							7–6	42,0000	45,0000
2005	Старо-Корсунская												1	7–6	39,2500	45,2500
2060	Старокорсунский							1						7–3	39,1900	45,2000
2023	Степное (Гудермес)						1		1					7–6	46,1800	43,4000
2199	Стырфаз					1								6	43,9700	42,5800
2128	Султан-Гора	5	10											8–5	42,8000	43,8800
2183	Таллык						1							6–5	42,2500	44,3100
2118	Тамбукан												1	7–6	42,7500	43,8500
2404	Тарнаир												1	6–5	47,5000	43,0000
2040	Тбилисский							1						7–3	40,2500	45,3200
2180	Теберда												1	5–4	41,7500	43,5000
2070	Темижбекский				1									5–3	40,9500	45,6000
2127	Терезе	1	2											8–7	42,4400	43,9700
2198	Тли	1				1								8–6	44,2500	42,5800
2054	Толстый мыс	1	2	1				3						8–4	37,7500	44,6800
2151	Три камня		1				1			1				6–5	42,6800	43,8800
2364	Троицкая						1							6–5	44,9500	43,3600
2034	Тульская												1	8–7	40,1500	45,3200
2057	Тульская												1	7–6	40,1000	44,6500
2104	Угольный												1	9; 6	43,0700	43,5000
2191	Удобная								1	1				?8	41,5500	44,3200
2129	Узкая балка	8												8–7	42,8100	43,8900
2126	Уллубаганалы	5	15		3									7–6	42,5000	43,8200

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
2006	Уляп (Ульский аул)						1							7–6	40,0800	45,0200
2354	Урус Мартан						16						1	6–5	45,5800	43,0800
2407	Урцеки		1	1	1								1	6–5	47,5800	42,6000
2004	Усть-Лабинская						1							7–6	39,6800	45,3000
2024	Усть-Лабинская							2						8–3	39,6900	45,3100
2055	Учкекен						1							6	42,5000	44,0000
2177	Учкулан					1							1	6	42,2000	43,3600
2036	Фарс							3	1					8–6	40,2500	44,4100
2414	Хабалинский				1									6–3	46,9000	42,3300
2111	Хабаз									1			1	8–5	42,9500	43,7500
2411	Хаджалмахи 2			1										5–4	47,3000	42,3500
2225	Хазнидон				1									?	43,8600	43,1600
2037	Хамышки												1	8–7	40,1200	44,0800
2402	Хасав Юрт						1							7–6	46,7500	43,3000
2385	Харачой												1	6–5	46,2000	42,9200
2178	Хурзук												1	8–7	42,1000	43,4900
2027	Хут. Ленина						1	2						7–4	39,2400	45,0100
2357	Ца-Ведено				1									6–5	46,0500	43,0300
2371	Центорой				3									6–4	46,2100	43,2200
2397	Червленная						2							6–5	45,9000	43,4600
2162	Чеснок Гора								1					6–4	43,1900	44,1300
2205	Чикола						1							7–6	43,9200	43,2000
2368	Чир-Юрт				1									6–5	45,7500	43,0800
2355	Шали				2								1	6–5	45,9500	43,1000
2209	Шалушка						1							7–6	43,5500	43,5600
2418	Шаракунский		1		60									6–3	0,0000	0,0000
2053	Шесхарис							1						8–6	37,4400	44,7200
2137	Широкая балка	7	1											8–7	42,6800	43,9500
2353	Шуаны												1	6–5	44,8600	42,7800
2150	Элькуш	10												8–7	42,6700	43,8200
2160	Энергетик				1									6	43,2110	44,1010
2395	Эрсеной		2											6–5	46,2000	43,0500
2117	Этока												1	8–7	42,6200	43,9000
2119	Этока 2	15			2									6–5	42,6100	43,9100
2120	Эчки-баши	8			1									8–7	42,6400	43,9400
2125	Эшкакон-мост Водовод		1		1									8–7	42,5000	43,8800
2143	Южный	2												7	42,7700	43,9100
2379	Ялхой-Мохк			1	1	2								6–5	46,3200	43,0300
2035	Ясеневая Поляна							3						8–7	40,1300	44,5000



Археолого-географическая база данных акинаков VII–V вв. до н.э. по таксономическим группам и регионам

Рег.	Долгота	Широта	Гр. I	Гр. II	Гр. III	Гр. IV	Гр. V	Гр. VI	Гр. VII	Гр. VIII	Гр. IX	Гр. X	Гр. XI	Гр. XII	Гр. XIII	Гр. XIV	Сум Пам
Венгрия, Румыния, Молдавия																	
25	20, 4000	47,4250	3	1	3	7	0	0	0	1	0	0	1	4	0	0	20
1	24,2500	46,5400	9	0	8	7	1	0	0	0	1	1	1	0	5	2	35
24б	24,3350	45,3500	0	0	3	0	0	0	1	0	0	0	2	4	0	0	10
24а	27,1650	46,9300	10	5	7	4	0	0	0	0	2	2	0	1	0	0	31
3	29,3500	47,2750	0	0	4	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
4	28,9500	45,7250	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	3
Венгрия, Румыния, Молдавия			22	6	26	19	1	0	2	1	3	4	4	9	5	2	104
Лесостепь																	
2	26,9000	48,5000	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
5	30,8500	50,4500	5	1	4	3	1	1	2	1	1	4	0	0	0	2	25
6	33,7000	50,2500	3	6	5	0	0	1	0	0	2	1	1	0	0	2	21
7	33,0250	48,9750	5	1	9	0	0	1	0	2	0	11	0	0	0	3	32
8	36,7300	50,4000	4	2	5	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	2	15
9	40,3150	50,9250	3	4	6	1	1	1	0	0	1	0	0	0	0	0	17
Лесостепь			20	15	29	4	2	5	3	3	4	16	1	0	0	9	111
Степь, Крым, Волга																	
10	35,0000	47,4500	9	1	10	0	0	0	1	2	1	9	0	0	0	2	35
11	34,5250	45,3250	6	0	4	0	0	0	2	0	1	5	0	0	0	4	22
21	39,8500	47,6750	3	1	4	0	0	2	0	0	0	0	1	0	0	0	11
23а	45,7550	47,7500	5	3	11	0	0	1	0	1	3	0	5	0	0	0	29
23б	46,2500	50,7500	3	2	2	0	0	0	1	1	1	0	1	0	0	0	11
Степь, Крым, Волга			26	7	31	0	0	3	4	4	6	14	7	0	0	6	108
Северный Кавказ																	
12	38,2550	45,0650	6	2	11	0	0	1	0	1	5	2	3	0	7	6	44
13	41,6250	44,6000	2	3	3	0	0	0	0	2	1	0	5	0	1	1	18
15	43,0200	44,2200	17	6	7	1	0	0	0	1	7	5	4	0	14	1	63
16	44,5900	44,6750	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	3
17	44,2800	43,2305	6	2	11	0	0	1	0	1	5	0	2	0	4	0	32
20	46,5800	43,0000	4	0	8	0	0	0	0	3	5	0	0	0	7	2	29
Северный Кавказ			36	13	40	1	0	2	0	8	24	7	14	0	33	11	189
Закавказье																	
14	43,4000	42,7500	2	2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	6
18	44,4500	41,8750	0	1	19	2	8	0	0	1	1	0	0	0	0	0	32
19	44,7000	40,3000	2	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	6
Закавказье			4	3	21	3	8	1	0	1	1	0	0	0	0	2	44
Алатия																	
22	35,0000	41,5000	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Алатия			1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Сум Типа			109	44	147	27	11	11	9	17	38	41	26	9	38	30	557

Частоты каменных бус по векам. Крым, Кавказ. Типы и % погребений

МЕР	VI век (91 п., 67 п. с кам. бусами)			VII век (161 п., 153 п. дет. мог., с кам. бус. соотв. 145 и 138 п.)						VIII–IX вв. (233, 207 и 180, 164 погр соотв.)						169 и132 педагог.		
	К п.	Из всех	Из кам	К п.	К п.д.	Из всех	"дет.	Из кам.	"дет.	К п.	К п.д.	Из всех	"дет.	Из кам.	"дет.	К п.	Из всех	Из кам.
1	5	0,055	0,075	60	55	0,373	0,359	0,414	0,399	109	100	0,468	0,483	0,606	0,610	53	0,314	0,402
2	12	0,132	0,179	58	57	0,360	0,373	0,400	0,413	46	43	0,197	0,208	0,256	0,262	34	0,201	0,258
3				4	4	0,025	0,026	0,028	0,029	6	3	0,026	0,014	0,033	0,018	9	0,053	0,068
4	1	0,011	0,015	21	20	0,130	0,131	0,145	0,145	15	12	0,064	0,058	0,083	0,073	4	0,024	0,030
5										2	1	0,009	0,005	0,011	0,006	3	0,018	0,023
6				8	8	0,050	0,052	0,055	0,058	7	6	0,030	0,029	0,039	0,037	2	0,012	0,015
7																2	0,012	0,015
8				2	1	0,012	0,007	0,014	0,007	6	6	0,026	0,029	0,033	0,037			
9				17	16	0,106	0,105	0,117	0,116	9	6	0,039	0,029	0,050	0,037	1	0,006	0,006
10	2	0,022	0,030	6	4	0,037	0,026	0,041	0,029	17	9	0,073	0,043	0,094	0,055	3	0,018	0,023
11	1	0,011	0,015	26	24	0,161	0,157	0,179	0,174	8	6	0,034	0,029	0,044	0,037	1	0,006	0,008
12				6	4	0,037	0,026	0,041	0,029	6	4	0,026	0,019	0,033	0,024			
14				3	1	0,019	0,007	0,021	0,007	6	3	0,026	0,014	0,033	0,018	1	0,006	0,008
15				1	1	0,006	0,007	0,007	0,007	3	1	0,013	0,005	0,017	0,006			
16				1	1	0,006	0,007	0,007	0,007	2		0,009		0,011				
17				3	3	0,019	0,020	0,021	0,022	4	4	0,017	0,019	0,022	0,024			
18	1	0,011	0,015	8	8	0,050	0,052	0,055	0,058	2	1	0,009	0,005	0,011	0,006	4	0,024	0,030
19	1	0,011	0,015	1	1	0,006	0,007	0,007	0,007	6	5	0,026	0,024	0,033	0,030			
20				4	4	0,025	0,026	0,028	0,029	12	8	0,052	0,039	0,067	0,049			
21				3	3	0,019	0,020	0,021	0,022	6	4	0,026	0,019	0,033	0,024			
Серд	20	0,220	0,299	101	95	0,627	0,621	0,697	0,688	147	135	0,631	0,652	0,817	0,823	85	0,503	0,644
23	3	0,033	0,045	3	3	0,019	0,020	0,021	0,022	11	9	0,047	0,043	0,061	0,055			
24	2	0,022	0,030	8	8	0,050	0,052	0,055	0,058	14	10	0,060	0,048	0,078	0,061			
25				3	3	0,019	0,020	0,021	0,022	2	1	0,009	0,005	0,011	0,006			
26				12	12	0,075	0,078	0,083	0,087	9	6	0,039	0,029	0,050	0,037			
28				1	1	0,006	0,007	0,007	0,007									
30	1	0,011	0,015															
Агап	5	0,055	0,075	25	25	0,155	0,163	0,172	0,181	24	19	0,103	0,092	0,133	0,116			
31	8	0,088	0,119	28	27	0,174	0,176	0,193	0,196	6	5	0,026	0,024	0,033	0,030	4	0,024	0,030
32	1	0,011	0,015															
33	3	0,033	0,045	11	11	0,068	0,072	0,076	0,080	15	12	0,064	0,058	0,083	0,073	2	0,012	0,015
35	5	0,055	0,075	10	9	0,062	0,059	0,069	0,065	4	4	0,017	0,019	0,022	0,024	2	0,012	0,015
36	3	0,033	0,045	11	11	0,068	0,072	0,076	0,080	14	13	0,060	0,063	0,078	0,079	5	0,030	0,038
37	18	0,198	0,269	16	14	0,099	0,092	0,110	0,101	3	2	0,013	0,010	0,017	0,012	13	0,077	0,098
38	9	0,099	0,134	2	2	0,012	0,013	0,014	0,014							3	0,018	0,023
39				1		0,006		0,007		1	1	0,004	0,005	0,006	0,006	1	0,006	0,008
40	4	0,044	0,060	19	19	0,118	0,124	0,131	0,138	10	10	0,043	0,048	0,056	0,061	11	0,065	0,083
41	21	0,231	0,313	21	21	0,130	0,137	0,145	0,152	8	7	0,034	0,034	0,044	0,043	8	0,047	0,061
43										1	1	0,004	0,005	0,006	0,006			
44	1	0,011	0,015															
44а	1	0,011	0,015															
Янт	54	0,593	0,806	75	72	0,466	0,471	0,517	0,522	43	40	0,185	0,193	0,239	0,244	40	0,237	0,303
45	3	0,033	0,045	12	11	0,075	0,072	0,083	0,080	20	19	0,086	0,092	0,111	0,116	4	0,024	0,030
46	3	0,033	0,045							1		0,004		0,006				
47	4	0,044	0,060	6	6	0,037	0,039	0,041	0,043	8	6	0,034	0,029	0,044	0,037	4	0,024	0,030
48	1	0,011	0,015	3	3	0,019	0,020	0,021	0,022							1	0,006	0,008
49	2	0,022	0,030							10	10	0,043	0,048	0,056	0,061	1	0,006	0,008
50				9	9	0,056	0,059	0,062	0,065	6	4	0,026	0,019	0,033	0,024			
51	5	0,055	0,075	4	3	0,025	0,020	0,028	0,022	6	3	0,026	0,014	0,033	0,018	2	0,012	0,015
52										2		0,009		0,011				
53										3	2	0,013	0,010	0,017	0,012			
54	4	0,044	0,060	1		0,006		0,007		1		0,004		0,006				
55	1	0,011	0,015	1	1	0,006	0,007	0,007	0,007	4	4	0,017	0,019	0,022	0,024			
Хрус	18	0,198	0,269	28	26	0,174	0,170	0,193	0,188	49	41	0,210	0,198	0,272	0,250	11	0,065	0,083

МЕР	VI век (91 п., 67 п. с кам. бусами)			VII век (161 п., 153 п. дех. мог., с кам. бус. соотв. 145 и 138 п.)						VIII–IX вв. (233, 207 и 180, 164 погр соотв.)						169 и132 подпир.		
	К п	Из всех	Из кам.	К п.	К.п.д	Из всех	""дех.	Из кам.	""дех.	К п.	К.п.д.	Из всех	""дех.	Из кам	""дех.	К п.	Из всех	Из кам.
56				1	1	0,006	0,007	0,007	0,007	6	5	0,026	0,024	0,033	0,030	1	0,006	0,008
57				2	2	0,012	0,013	0,014	0,014	5	4	0,021	0,019	0,028	0,024	1	0,006	0,008
58				3	3	0,019	0,020	0,021	0,022	6	4	0,026	0,019	0,033	0,024	1	0,006	0,008
59				3	2	0,019	0,013	0,021	0,014	5	3	0,021	0,014	0,028	0,018			
60										3	3	0,013	0,014	0,017	0,018			
61				3	3	0,019	0,020	0,021	0,022	3	3	0,013	0,014	0,017	0,018	2	0,012	0,015
62										1	1	0,004	0,005	0,006	0,006			
63										10	7	0,043	0,034	0,056	0,043			
64										7	7	0,030	0,034	0,039	0,043			
65										1	1	0,004	0,005	0,006	0,006			
Гал				11	10	0,068	0,065	0,076	0,072	33	29	0,142	0,140	0,183	0,177	5	0,030	0,038
67										3	3	0,013	0,014	0,017	0,018			
68				2	2	0,012	0,013	0,014	0,014	3	3	0,013	0,014	0,017	0,018			
70				2	2	0,012	0,013	0,014	0,014	2	1	0,009	0,005	0,011	0,006			
71				1	1	0,006	0,007	0,007	0,007	3	2	0,013	0,010	0,017	0,012	1	0,006	0,008
72										1	1	0,004	0,005	0,006	0,006			
Алз				5	5	0,031	0,033	0,034	0,036	11	9	0,047	0,043	0,061	0,055	1	0,006	0,008
73										2	1	0,009	0,005	0,011	0,006			
74										2		0,009		0,011				
75				1	1	0,006	0,007	0,007	0,007									
Гран				1	1	0,006	0,007	0,007	0,007	3	1	0,013	0,005	0,017	0,006			
77				10	10	0,062	0,065	0,069	0,072							1	0,006	0,008
78	1	0,011	0,015	13	13	0,081	0,085	0,090	0,094	1	1	0,004	0,005	0,006	0,006			
79	12	0,132	0,179	14	13	0,087	0,085	0,097	0,094	1	1	0,004	0,005	0,006	0,006	4	0,024	0,030
80	2	0,022	0,030							4	4	0,017	0,019	0,022	0,024			
Кор	14	0,154	0,209	29	28	0,180	0,183	0,200	0,203	4	4	0,017	0,019	0,022	0,024	5	0,030	0,038
82	8	0,088	0,119	12	12	0,075	0,078	0,083	0,087	10	10	0,043	0,048	0,056	0,061	19	0,112	0,144
83	4	0,044	0,060	6	6	0,037	0,039	0,041	0,043									
84				2	2	0,012	0,013	0,014	0,014									
85	1	0,011	0,015	1	1	0,006	0,007	0,007	0,007	3	2	0,013	0,010	0,017	0,012	1	0,006	0,008
86				1	1	0,006	0,007	0,007	0,007	1	1	0,004	0,005	0,006	0,006	1	0,006	0,008
Рог	10	0,110	0,149	17	17	0,106	0,111	0,117	0,123	14	13	0,060	0,063	0,078	0,079	21	0,124	0,159
Кам	67	0,736	1,000	145	138	0,901	0,902	1,000	1,000	180	164	0,733	0,792	1,000	1,000	132	0,781	1,000

Приложение 5

База данных бус могильника Верхний Чир-Юрт (по погребениям)

№п/п	Название	Т1	Т2	Т4	Т6	Т8	Т9	Т11	Т12	Т14	Т15	Т16	Т18	Т20	Т21	Т23	Т24	Т25	Т26	Т28	Т31	Т33	Т35	Т36	Т40
1	7ЧЮ1/1п	1																							
2	7ЧЮ1к	4	13	9			5						17						1		4				
3	7ЧЮ3ак		6																						7
4	7ЧЮ5к		19																						
5	7ЧЮ7п		43	3			4	3													1				
6	7ЧЮ8п	1	23																						
7	7ЧЮ9п																								
8	7ЧЮ10ак		50		2		6	1					8						1						
9	7ЧЮ10п	10	5	20			2	9											1					1	
10	7ЧЮ11ак																								
11	7ЧЮ13к	4	18		1												1					1			
12	7ЧЮ13п	1	25					2																	
13	7ЧЮ16п		1																						
14	7ЧЮ17ак	1	5														1								
15	7ЧЮ18ак	7	11								1		2						1						
16	7ЧЮ19п		20	2			2	4																	
17	7ЧЮ21ак		65	9				3							1							1			
18	7ЧЮ24ак	5	4	5																					
19	7ЧЮ26ак														1										
20	7ЧЮ27ак	4	18	2																					
21	7ЧЮ28бк	6	7		1			3																	
22	7ЧЮ28к	41	8					1																	
23	7ЧЮ29ак	20	73				1	10											1						
24	7ЧЮ36ак	2	15																						
25	7ЧЮ37/38к	4						1																	
26	7ЧЮ40ак	32	1	2			1	5		1								1	1						
27	7ЧЮ44к					2	2	3											1						1
28	7ЧЮ47к																								
29	7ЧЮ48к	3										1													
30	7ЧЮ50к	4	4	2													1								
31	7ЧЮ51к	2	3	2			2																		
32	7ЧЮ53ак												1												
33	7ЧЮ54к	6												1											
34	7ЧЮ55ак	6	4				10	4					4									2			
35	7ЧЮ56ак	4	2																						
36	7ЧЮ56бк		6				1																		
37	7ЧЮ58к	6																		1					
38	7ЧЮ59ак	3																				1			
39	7ЧЮ63ак			1												1									
40	7ЧЮ64к		2																						
41	7ЧЮ72к	4	20																1			13			
42	7ЧЮ73к	1	2																						
43	7ЧЮ78ак	3																					1		
44	7ЧЮ79ак	33	7	1				1											1						
45	7ЧЮ81к	1					2	2																	
46	7ЧЮ95к																								
47	7ЧЮ96к		12	9	1		1	5														2			
48	7ЧЮ97к							1																	
49	7ЧЮ107к	5																							
50	7ЧЮ114ак		32					2																	
51	7ЧЮ119ак							3																	
52	7ЧЮ120к	2	8					1	2																
53	7ЧЮ124ак	2		4			2	1															1		
54	7ЧЮ126к	8	20	2			2	2											1						
55	7ЧЮ139к	1		2															1						
56	7ЧЮ140к		2					1									1	1				1			
57	7ЧЮ141к			1																					
58	7ЧЮ144ак	6	1																				1		
59	Сум Типа	243	555	76	5	2	43	68	2	1	1	1	32	1	2	1	4	2	11	1	5	21	3	1	8

Чир-Юрт. Типы бус

№п/п	T41	T45	T47	T50	T51	T56	T57	T58	T59	T61	T68	T70	T71	T77	T78	T79	T90	T94	T97	T99	T101	T103	T107	T109	T112	T113	T114
1															3												
2	1								1	1											4				50		
3																					1						
4																13									60		
5														14	4										30		
6							1									6	3								20		
7																											
8				1											1						2				40		
9				1																	1				250		
10																											
11				1				1							6		3									2	
12														2		9									19		
13																											
14														5										1			
15				1										2	2	1		1									
16																	1								30		
17																											
18																			2		3						
19																											
20	1																				1				8		
21				1										15	4										28		
22															85		1										
23				1											30		12								17		
24															1		2										
25																									1		1
26														1			1			1						1	
27					1								1								1			1			
28																	1										
29																	1										
30																											
31															7	7											
32																											
33															3		1				2			1	10	3	
34				2					1						1		1				6						
35							1					1					2										
36								1									2			1							
37																	1			1						2	
38																											
39																											
40																											
41	1																				1						
42															2		4										
43																				10				11		1	
44										1							4								3	2	
45			1																		1						
46																	1										
47											2									1							
48												1		1		7				1	3				6		
49																	1				1						
50														5			2										
51																											
52				1	1									2				3			1			2	90		
53		1														3					2	1			1	1	
54						2										3					2	1			1	1	
55																	3										
56																	1										
57														1		8										1	
58																	8				1		1		25		
59	3	1	1	9	2	2	2	2	2	2	2	2	1	48	149	57	56	4	2	15	33	2	1	16	689	14	1

Чир-Юрт. Типы бус

№ п/п	Т115	Т116	Т117	Т118	Т120	Т122	Т124	Т126	Т131	Т132	Т133	Т135	Т137	Т138	Т141	Т142	Т144	Т155	Т154	Т156	Т158	Т165	Т168	Т169	Т173	Т175	Т176
1																											
2																						1			1		
3																											
4						1																3					
5																						1	1				
6																3											
7																											
8	1	1														3											
9					2				1													4					
10						2																					
11																		7	7								
12																4											
13																						1					
14																						8					
15					1						1					1	3					2					
16	1				1																						
17																						1					
18	4															1			3								
19			1																			1					1
20																1	1										
21																	2									6	
22			1			1		1														2		1			
23		2																									
24																											
25												1															
26		1	2		3		1								1		1				7						
27		1			1																						
28														1						1				1			
29												1				1											
30																				4							
31																6						1					
32							1									1											
33															1		2			1							
34							2									1				1							
35					1		1										8		4	3							
36					1		2									3	1		1	1							
37			1														10		4	3					1		
38																						1					
39							1										1										
40														1		1											
41							14			1						9											
42																	25										
43							18		5				1				58										
44				1								3					18								1		
45		1	1																			1					
46							1									2							1				
47				1													12					1					
48																											
49			1													1											
50			1													1			8								
51			1							2																	
52																8	4	1	2								
53		1														1		1									
54		1														1		1									
55																	2										
56																											
57																						1					
58			1																			1					
59	6	8	10	2	10	4	41	1	6	3	1	5	1	2	2	49	148	10	29	14	7	30	2	2	3	6	1

Чир-Юрт. Типы бус

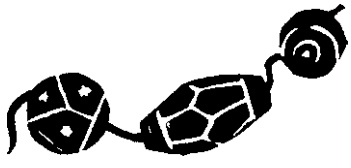
№ п/п	Т178	Т180	Т181	Т184	Т185	Т186	Т187	Т188	Т189	Т198	Т222	Т224	Т228	Т231	Т237	Т244	Т254	Т255	Т259	259а	Т293	Т298	Т299	Т300	Т301	Сум
1																										4
2																										112
3																										14
4		1				1																				98
5																								1		105
6																										57
7	1																									1
8																										117
9																										307
10																							2			4
11							2																			54
12								1																		63
13																										2
14																										21
15			1	1																						39
16																										61
17																										80
18																										27
19																										4
20																										36
21																						1				74
22																										142
23																										167
24																										20
25																										8
26						1																1				66
27																						1			1	17
28																										4
29				1										1												9
30																										15
31																										30
32																										3
33																						1			1	33
34																										45
35																										27
36	1							1														1				23
37																										30
38	1							1								1										8
39																										4
40							1																		1	6
41																										64
42																										34
43																										108
44																				1	1					78
45																	1									11
46																										5
47										1		1														49
48																										20
49																										9
50					1						1															53
51																										6
52																										128
53									1									1								24
54									1									1								50
55																										9
56																			1							8
57																										12
58													1		1		1					1				49
59	3	1	1	2	1	2	3	3	2	1	1	1	1	1	1	1	2	2	1	1	1	6	2	1	3	2654

База данных инвентаря могильника Верхний Чир-Юрт*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	1П		3б													1
2	1К	3			1	6		3		29		1	1	1	1	9
3	3К							6			3					2
4	5К	9														1
5	7П		1	3 8						28 29	1					6
6	8П		1	257				1	29	30 2						8
7	9П	8								29	1					2
8	10К	8		8	1			5		29					1	6
9	10П			3				1 2 3			2	2				6
10	11К	8				1		1						1		4
11	13К	4 11	2	8		2										4
12	13П			8				2 5		29						4
13	16П		3а	8												2
14	17К	3 8			1	1	1	2 3 4								8
15	18К	4						1 2 6								4
16	19П			458							1					4
17	21К					2	1	1 3		29		1		1		7
18	24К	1			1	2		3		29			1	1		7
19	27К			5				3		34						3
20	28Ка			8		2										2
21	28Кб				1	3				29		1		1		5
22	29К							1 3		29						3
23	36К	2								29	1			1		4
24	37/38К							3								1
25	40К	1	4 6		1	3		1 3		29	1	1		1		11
26	47К							4			6					2
27	48К									43						1
28	50К					1		1				1				3
29	51К		3б		1			2						1		4
30	53К		2			4 6		2		Гр				1		6
31	54К					6		2 5	1	29 33а				1		7
32	55К					4		6								2
33	56 а,б	10		8	1	4 5		1 2 3	1	29	1,2	2	1	1	1	16
34	56 в		2,3б 4,5		1	3		1 2 3			1	1		1		8
35	58К					3 6		2 3	1					1		6
36	59К		3а 3б	1				6	1	29						6
37	63К							2					1			2
38	72К					4				30			1			3
39	78К		6								2			1		2
40	79К	4	4а 6		1			3			2		1	1	1	9
41	81К			8				1 6	1	29						5
42	95К							4			2					3
43	96К		3а(2)								1					1
44	107К				1			3 4		33						4
45	114К	5	1	5 8		1	1	1 4						1		9
46	119К	3 9						3								3
47	120К			8					1	29,30,30а			1			6
48	126К	4								30а						2
49	140К	3 9			1		1			29	4					6
50	144К	3 10	3в			3 6			1			1		1		8
51	2К	4														1
52	4К	6														1
53	6К	10														1
54	16К	8														1
55	20К	10а														1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
56	31К	3	1	3												3
57	32К	34 11?														3
58	33К	4														1
59	43К	10														1
60	57К	1 9														2
61	82К	1														1
62	89К	6	5													2
63	94К	10а														1
64	101К	9	3а	1, 2, 6												5
65	104К	10а		4												2
66	132К	1														1
67	134К	1														1
68	135К	7														1
69	143К	3														1
70	46К		4													1
71	86К		3б													1
72	90аК		3а													1
73	93К		1 5	3, 5, 6												5
74	4П		3б	3, 6, 7												4
75	5П					6										1
76	6П		5													1
77	15П					4							1			2
78	83К			4												1

* 1 – порядковый номер; 2 – погребения; 3 – керамика; 4 – пряжки; 5 – накладки и наконечники; 6 – гривны; 7 – фибулы; 8 – цикады; 9 – браслеты; 10 – предметы с инкрустацией; 11 – серьги; 12 – перстни; 13 – бронзовый стерженек с перехватом; 14 – туалетная коробочка; 15 – колокольчик; 16 – зеркало; 17 – количество таксонов.



ИЛЛЮСТРАЦИИ

Археологические материалы

I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

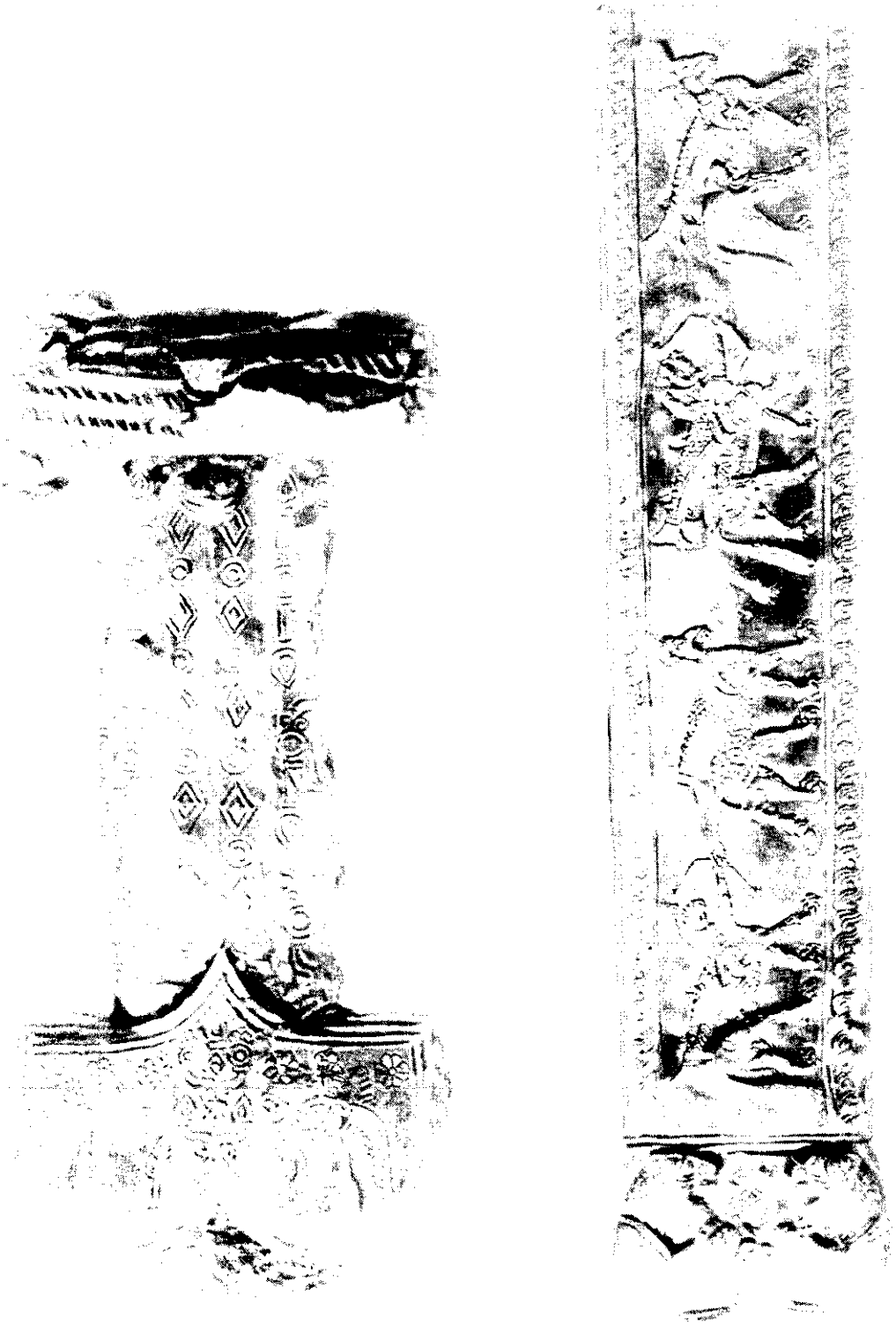


Рис. 1. Акинак в золотых ножнах из Келермеса

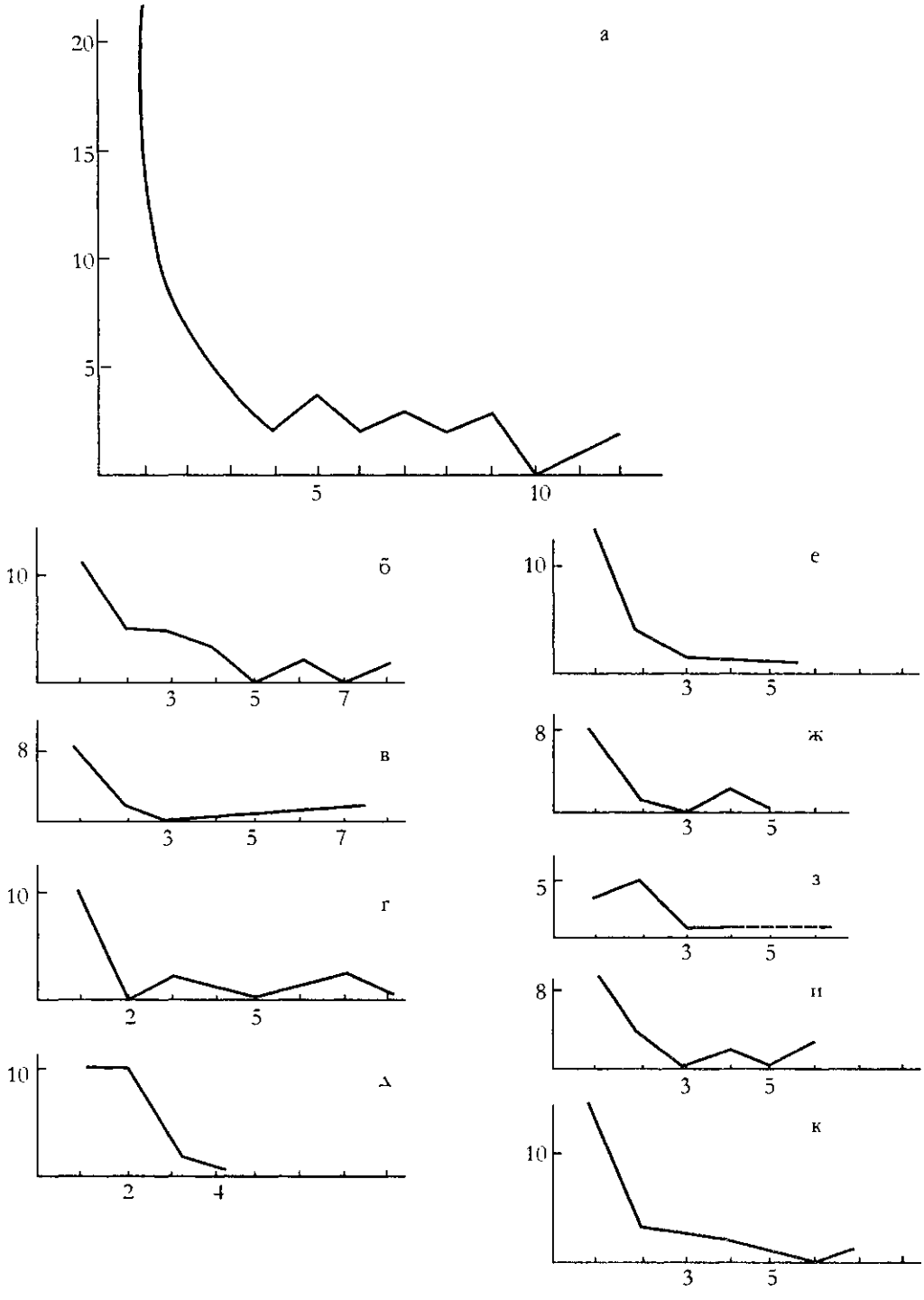


Рис. 2. Разнообразие акинаков VII–V вв. до н.э. по географическим зонам (по числу экземпляров в выделенных таксонах): а – Северный Кавказ; б – Румыния; в – Венгрия; г – Закавказье; д – Поволжье и Волго-Донское междуречье; е – степное Предкавказье и Нижний Дон; ж – Крым; з – лесостепное правобережье Днепра; и – Подонье; к – лесостепное левобережье Днепра

Рис. 3. Общий вид раскопок погребения № 21 с каменным ящиком, углубленным в каменную гробницу VII в. до н.э. могильника Уллубаганалы

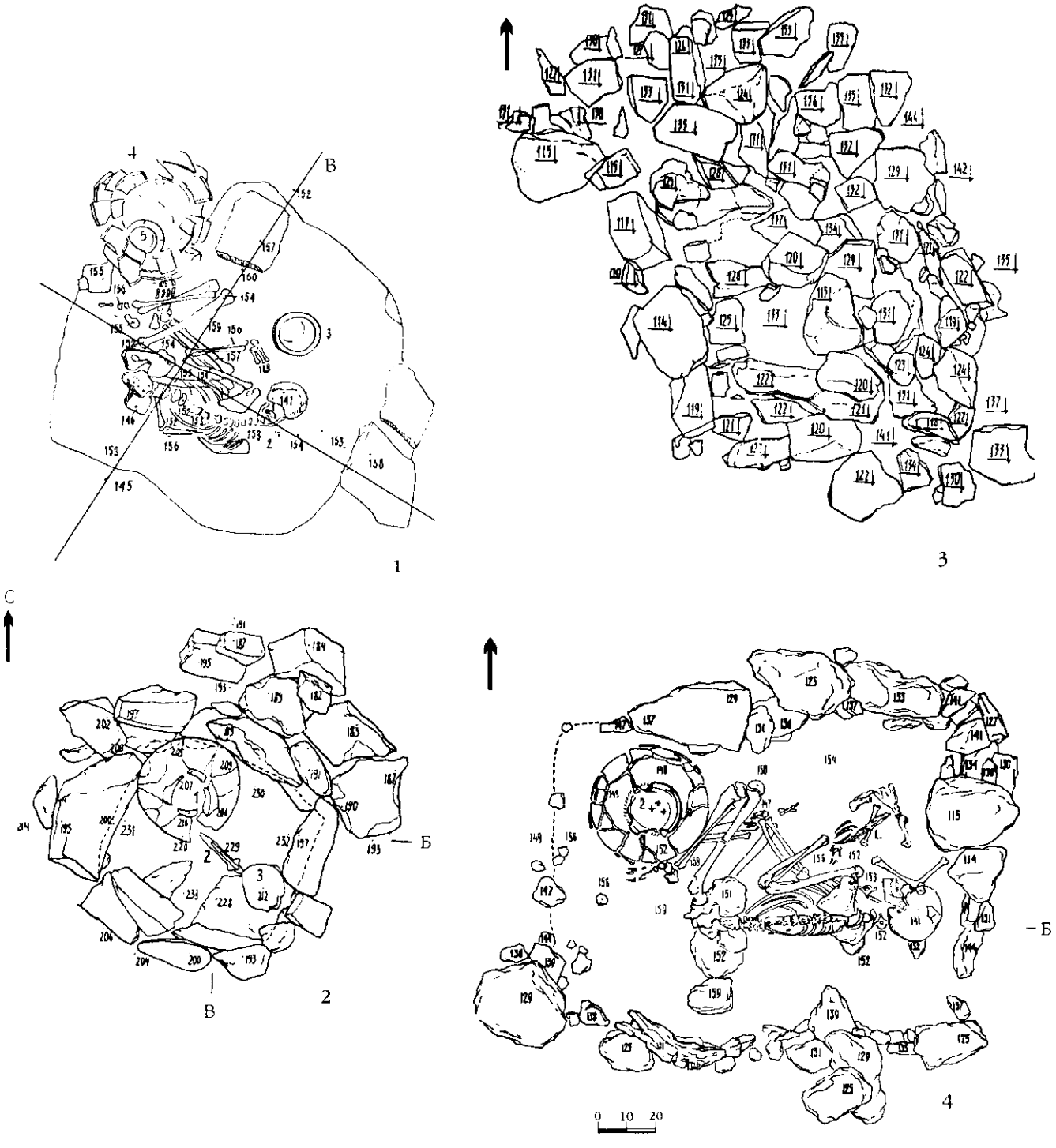


Рис. 4. Планы погребений Уллубаганалы VII–VI вв. до н.э.: 1 – женское погребение № 8; 2 – погребение отрубленной головы № 15; 3 – перекрытие погребения подростка № 12; 4 – погребение № 13 (раскопки автора 1978 г.)

Рис. 5. Вид на традиционные жилища северокавказских горцев

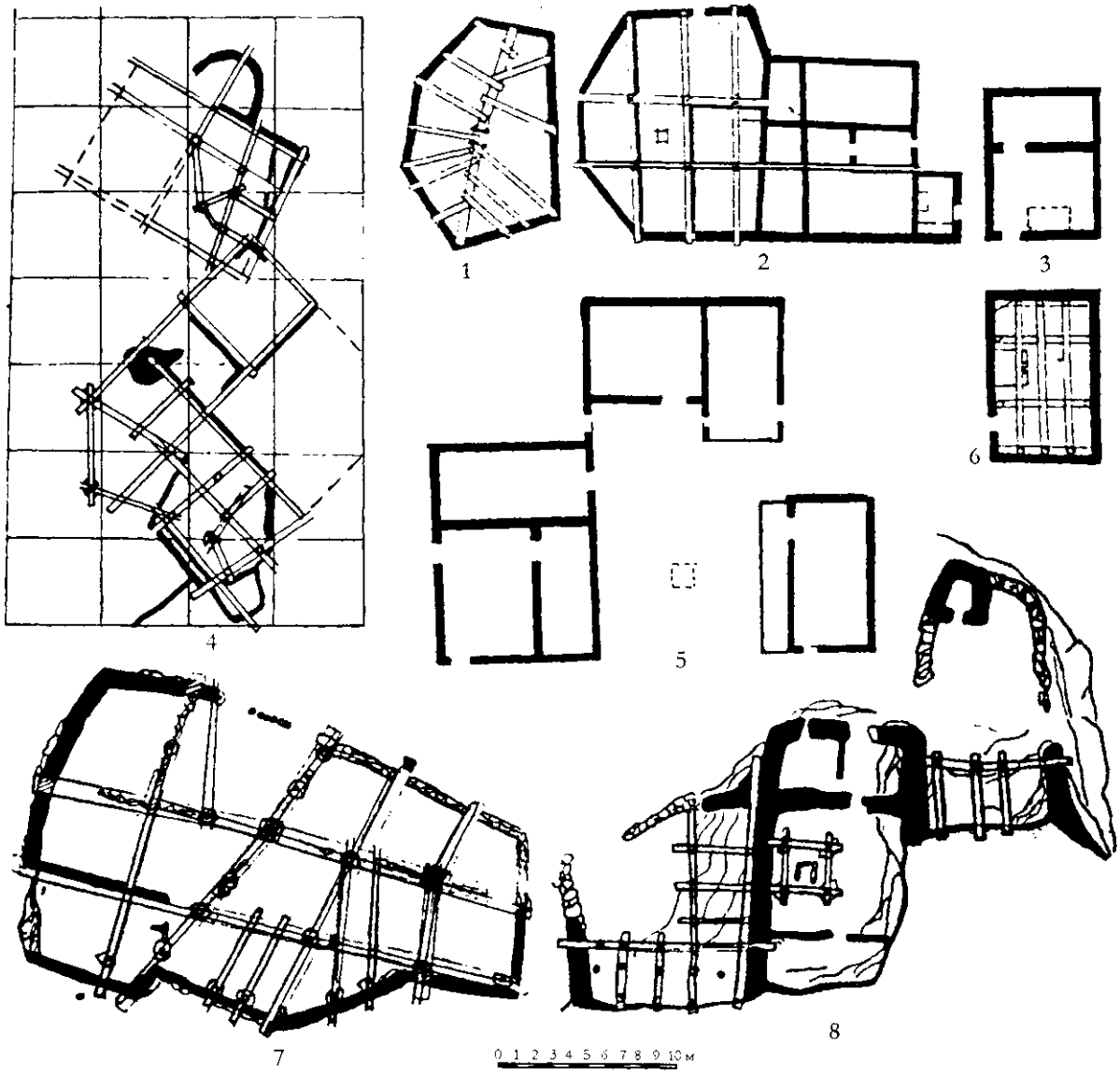


Рис. 6. Планы старинных жилых и хозяйственных помещений карачаевцев, балкарцев и горцев Закавказья

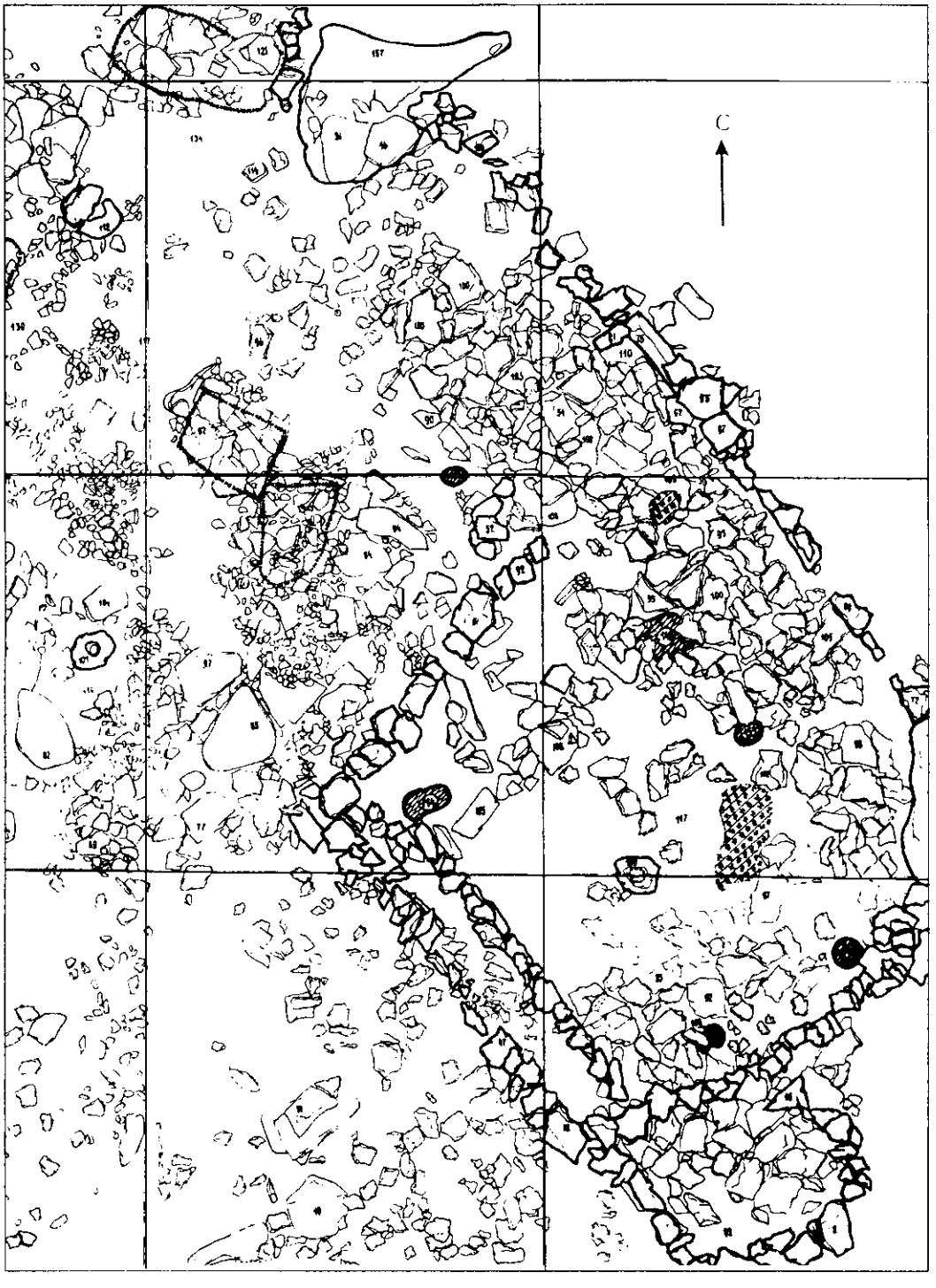


Рис. 7. План помещения 5 Уллубаганалы VIII–VII вв. до н.э.: 1 – камни стен, 2 – погребение, 3 – столбовая яма, 4 – очаг, 5 – чашечный камень

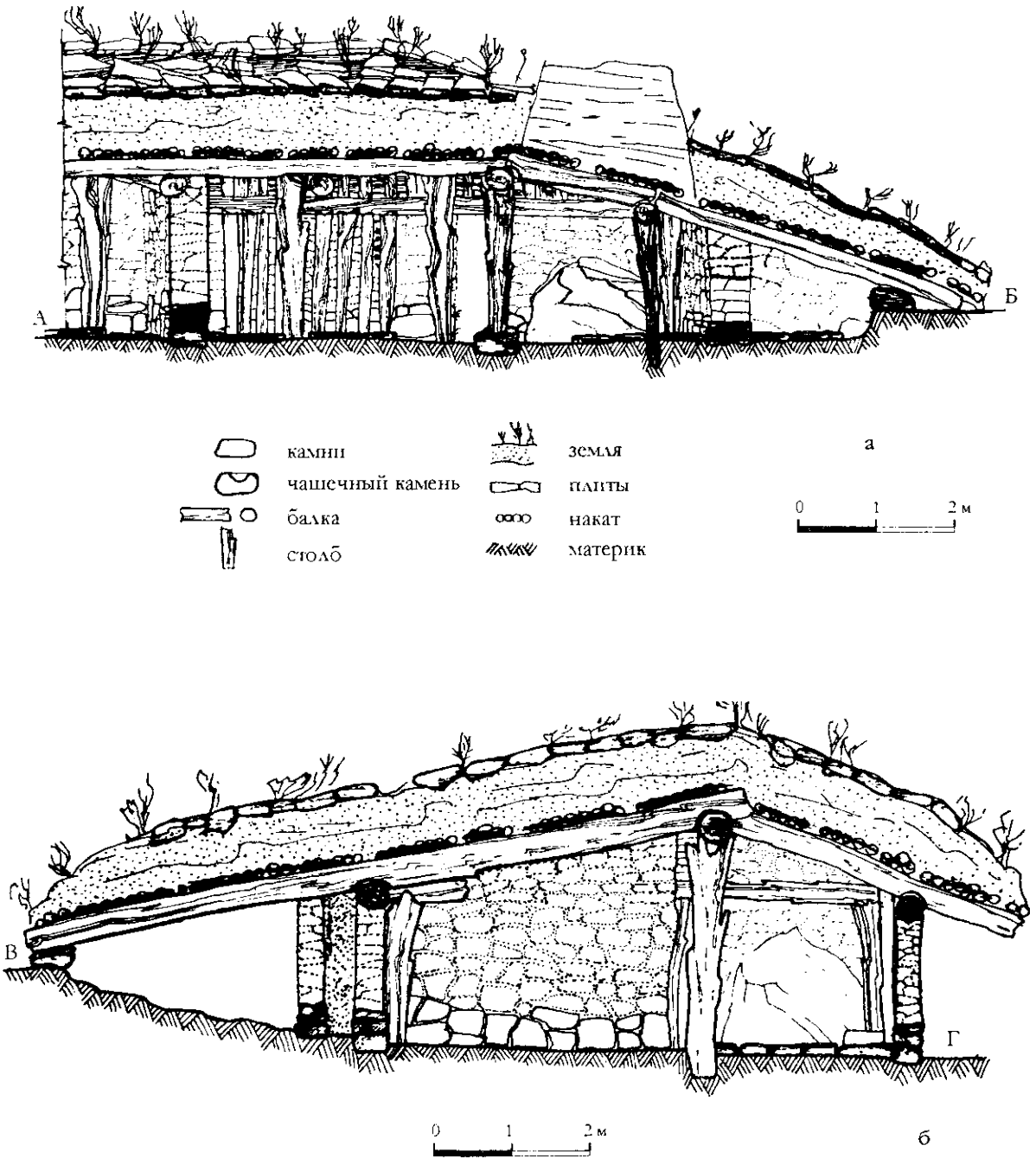


Рис. 8. Разрезы-реконструкции помещения № 5 Уллубаганалы VIII–VII вв. до н.э.: а – разрез по АБ, б – разрез по ВГ

а

б

Рис. 9. а – Бронзовые мотыжки из помещения № 5 Уллубаганалы, б – реконструкция внешнего вида помещения № 5 Уллубаганалы VIII–VII вв. до н.э.

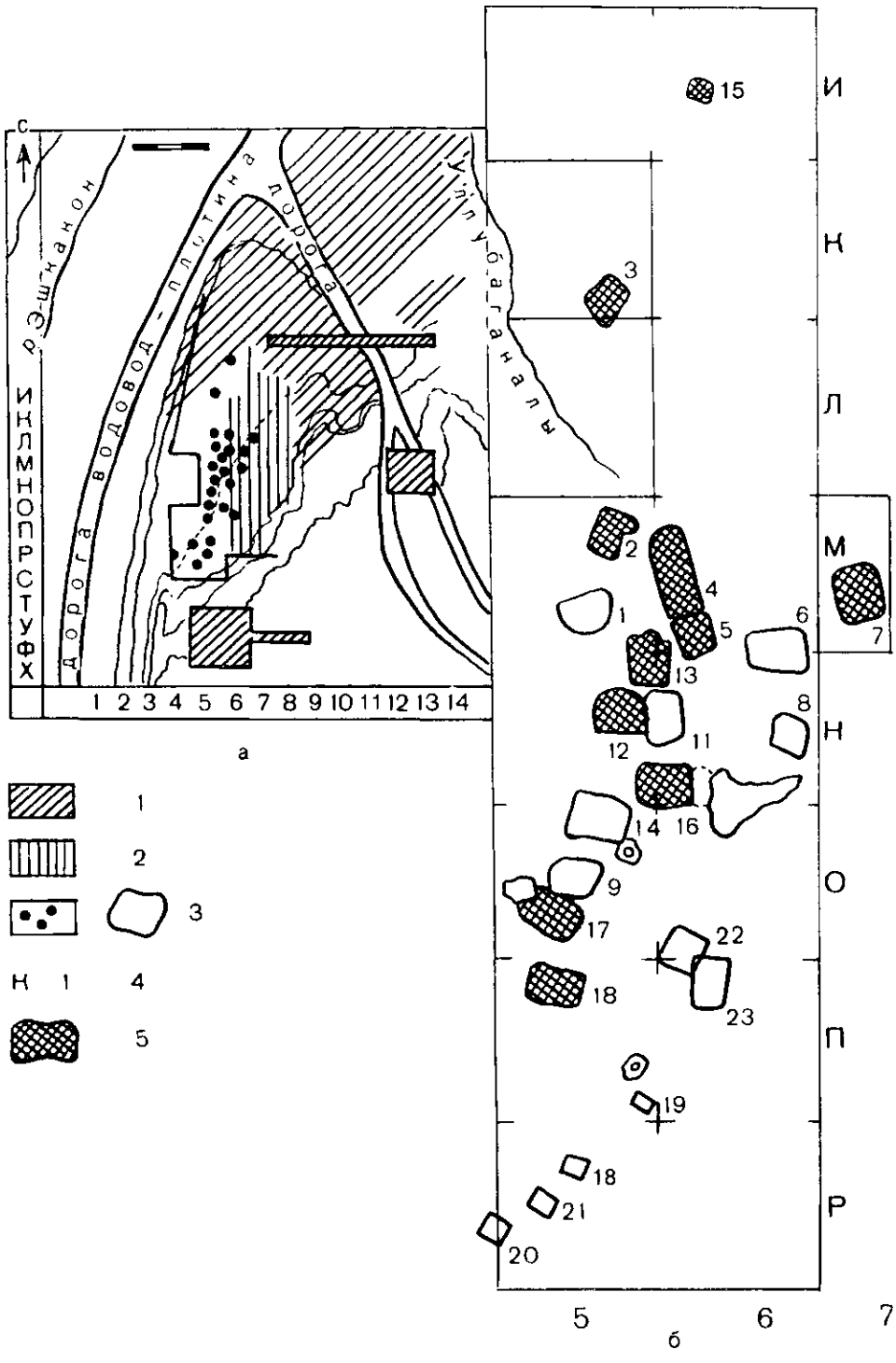


Рис. 10. План могильника VII–VI вв. до н.э. (3, 5) и поселений VIII–VI вв. до н.э. Уллубаганалы (1, 2) (раскопки автора 1977–1980 гг.)

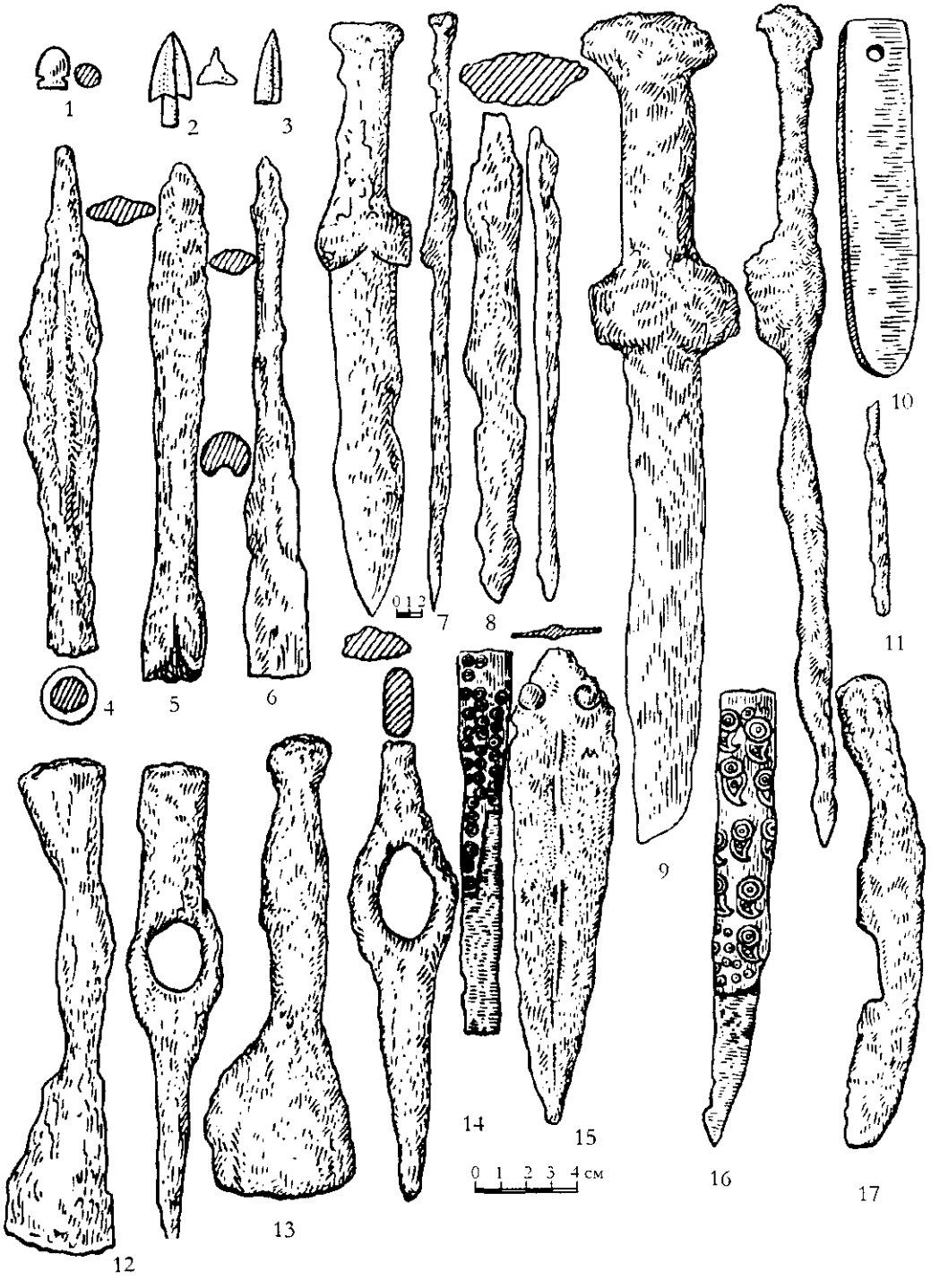


Рис. 11. Таблица стального оружия скифского и местного кавказского типов могильника Уллубаганалы VII–VI вв. до н.э.: 1, 3 – п. 4; 2 – п. 7; 4, 10, 13, 16, 17 – п. 17; 5 – п. 7; 7, 8 – п. 15; 9 – п. 5; 11, 12, 15 – п. 2; 14 – п. 16 (раскопки автора 1977–1978 гг.)

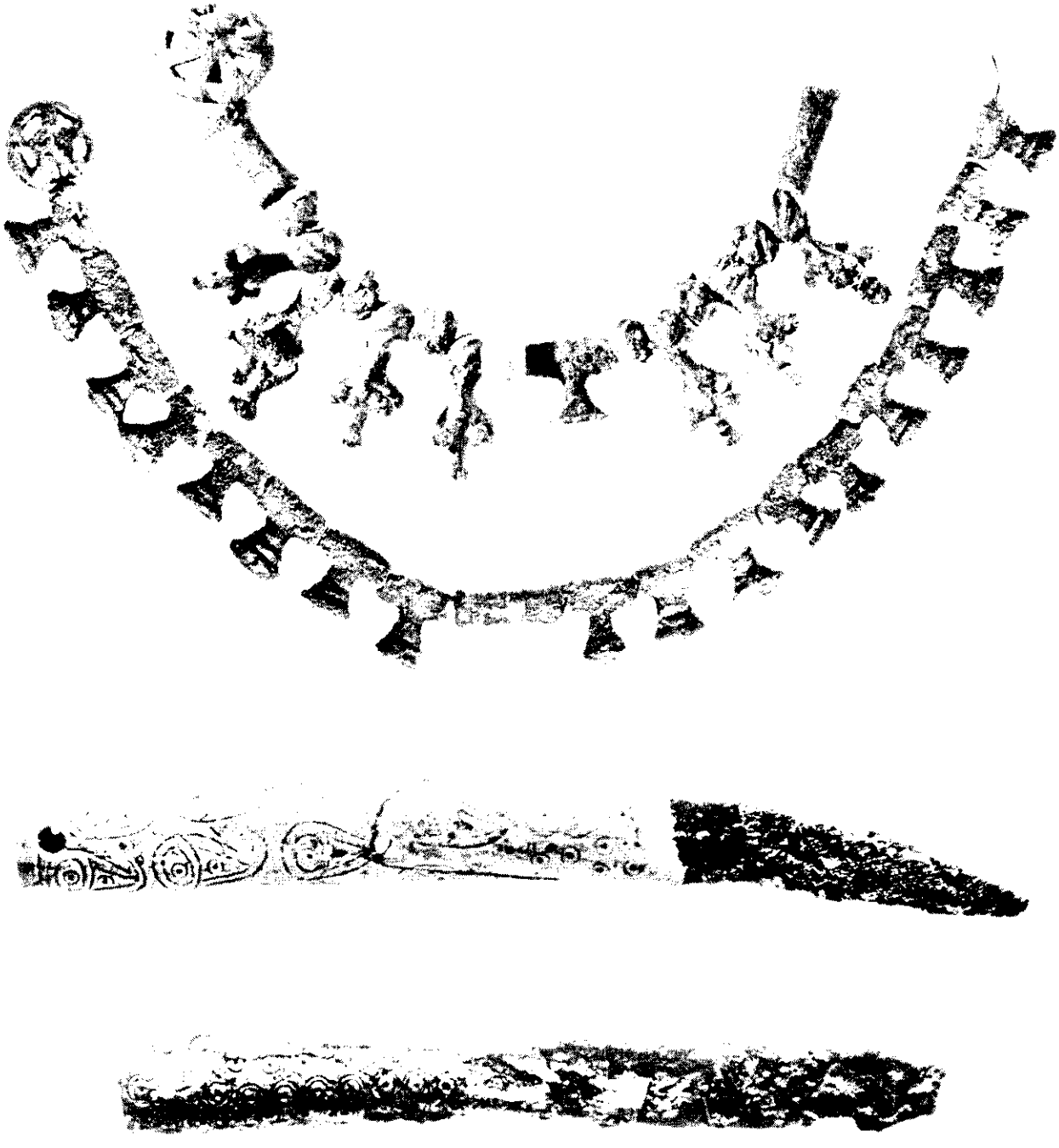


Рис. 12. Бронзовые литые ожерелья и стальные серповидные ножи с костяной орнаментированной ручкой из погребений VII–VI вв. Уллубаганалы (раскопки автора 1978 г.)

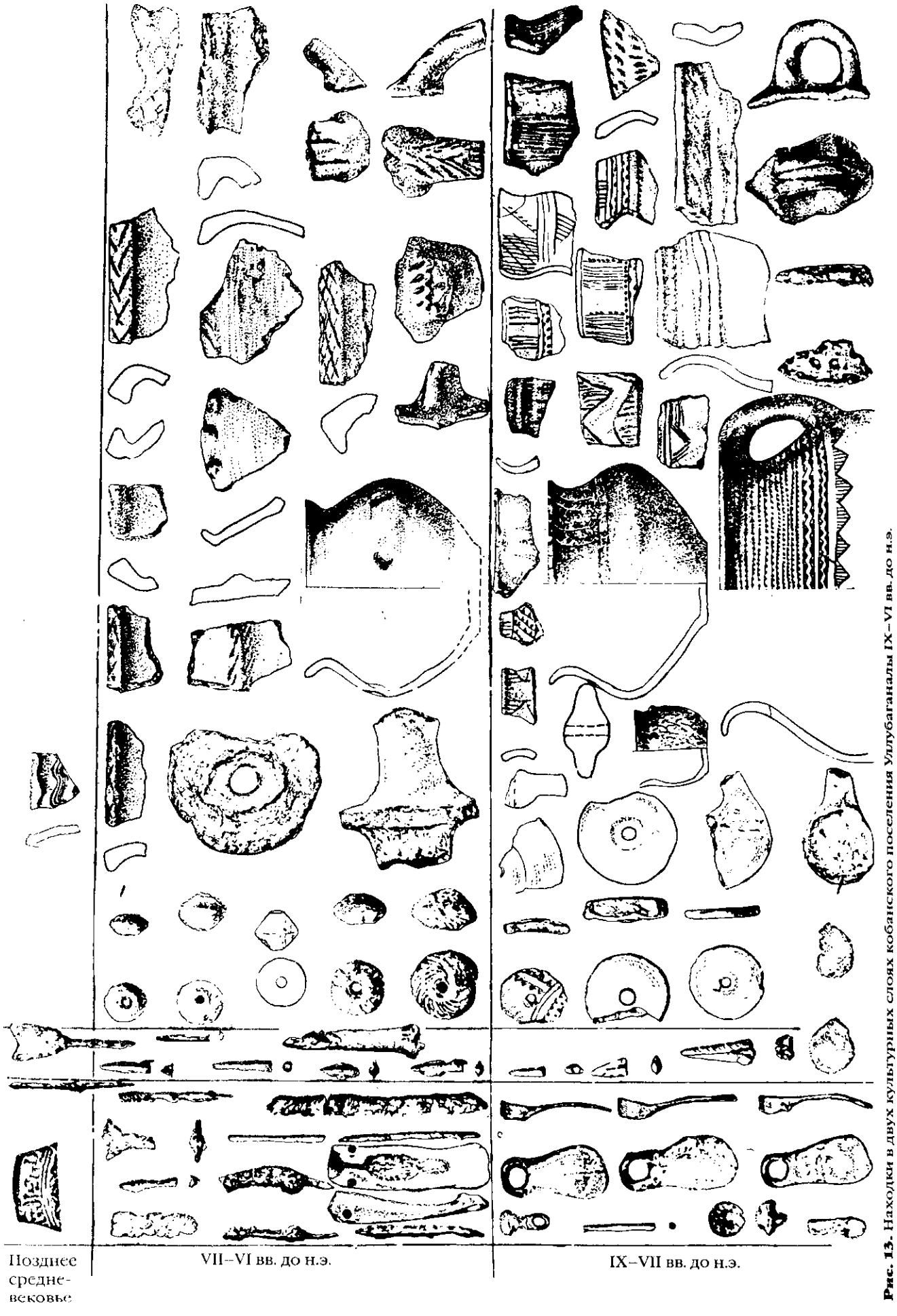


Рис. 13. Находки в двух культурных слоях кобанского поселения Улубаганалы IX–VI вв. до н.э.

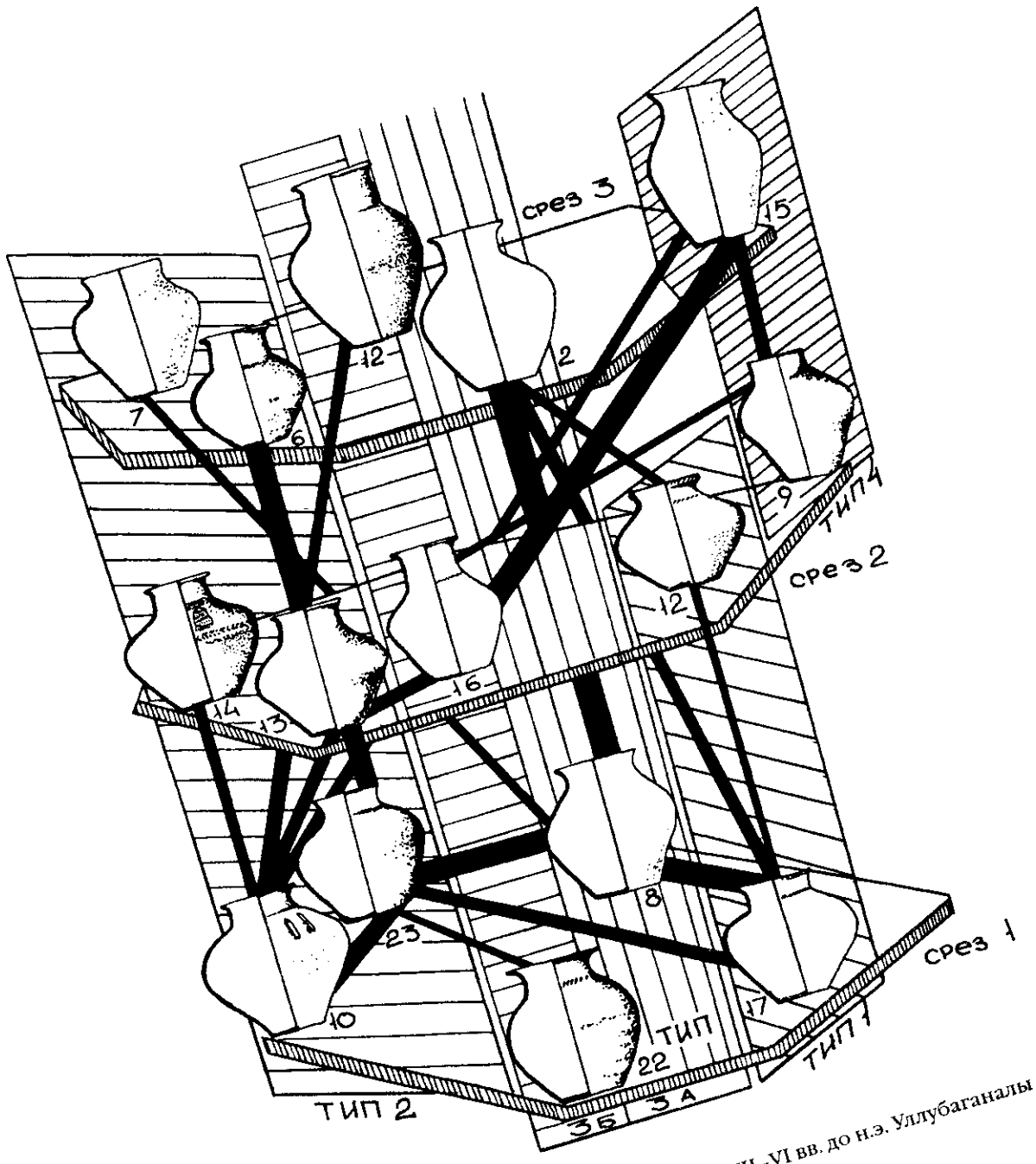


Рис. 14. Типология корчаг могильника VII–VI вв. до н.э. Уллубаганалы

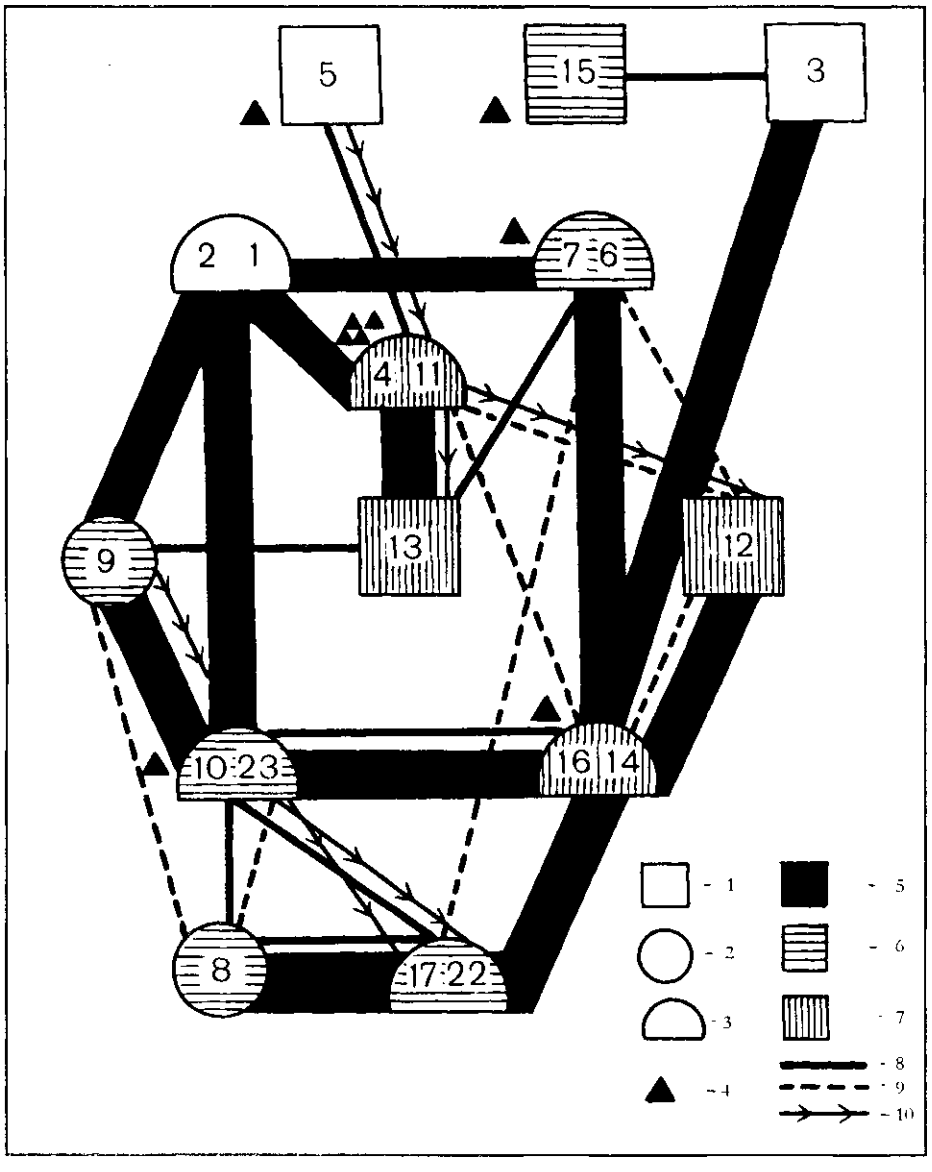


Рис. 15. Связный граф погребений Уллубаганалы VII–VI вв. до н.э. на основании связей по антропологическим и археологическим данным: 1 – мужчины, 2 – женщины, 3 – предполагаемые брачные пары, 4 – оружие скифского типа, 5 – интенсивность связей по толщине линии, 6 – мезобрахикраны; 7 – долихокраны; 8 – связи по керамике, 9 – по антропологическим данным, 10 – по планиграфии и стратиграфии

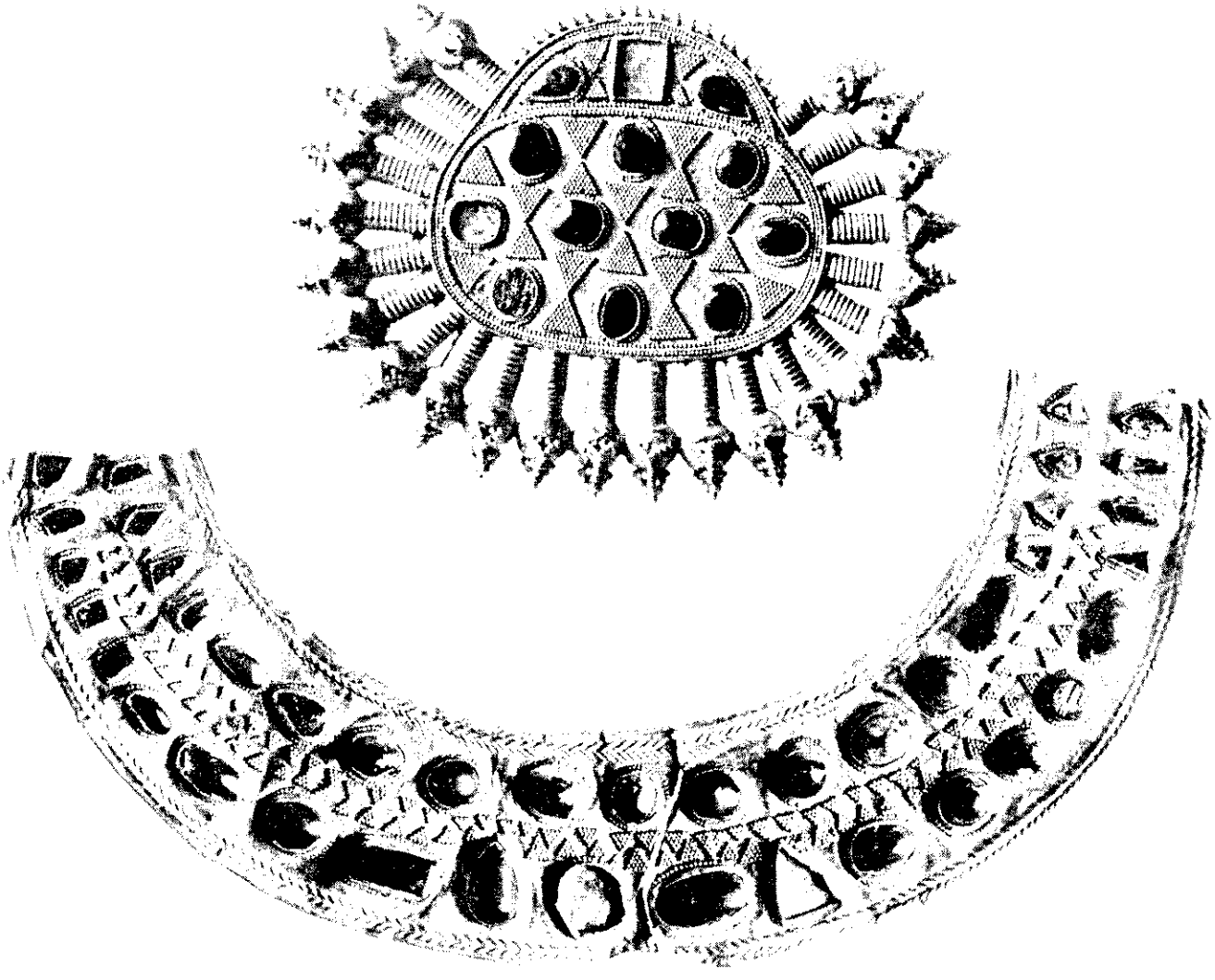


Рис. 16. Золотые украшения гуннского времени из разрушенного погребения у хут. Алешки (1-я стилистическая группа по И.П. Засецкой)

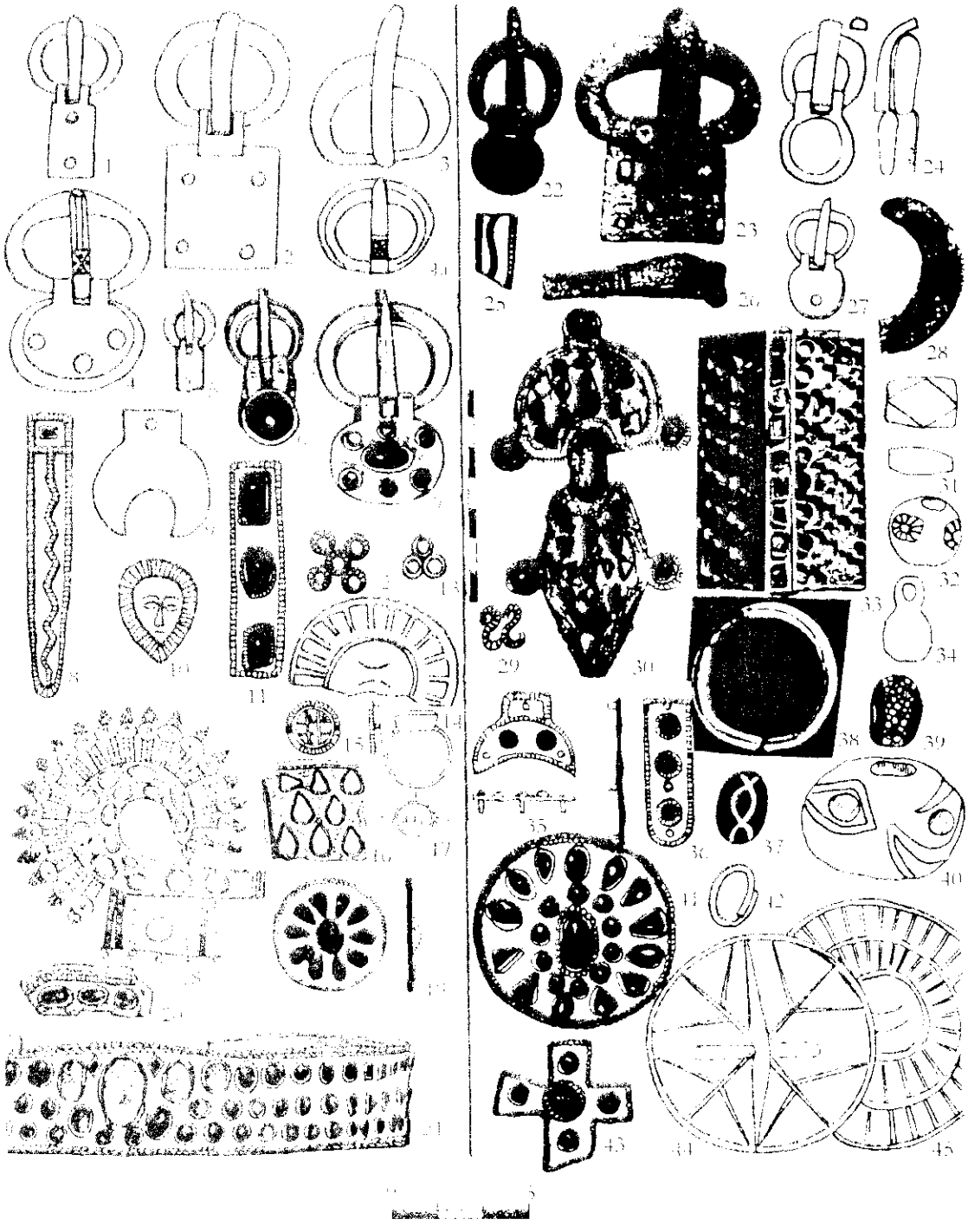


Рис. 17. Сопоставление материалов из степных гуннских (1–21) и предгорных аланских (22–45) северокавказских памятников IV–V вв. 1–3 – пряжка из Здвиженского; 4–4а – пряжки из Кишпека; 5 – пряжка из Зеленокумска; 6–7 – пряжки из Каряжского городища; 8 – наконечник из Каряжского городища; 9 – подвеска-лунница из Здвиженского; 10 – штампованная бляшка-личина из Кишпека; 11 – накладка из Здвиженского; 12 – накладка из Кишпека; 13 – накладка из Зеленокумска; 14 – зеркальце-подвеска из Кишпека; 15–16, 19 – инкрустированные бляхи из Зеленокумска; 17 – перстень с лазуритом из Зеленокумска; 18 – кулон из Зеленокумска; 20–21 – фрагмент инкрустированной накладки и диадема из Каряжского городища; 22–23 – серебряные пряжки из погр. 4 Гиляча; 24–25 – пряжка и наконечник ремня из Вольного Аула; 26 – фибула из погр. 4 Гиляча; 27 – пряжка из Тамгацика; 28 – накладка из погр. 4 Гиляча; 29 – накладка из кург. 1 у хут. Октябрьского; 30, 33, 38 – украшения с инкрустациями и височное кольцо из погр. 5 Гиляча; 31, 32, 34, 37, 39, 40 – сердоликовые, стеклянные и янтарные бусы из Тамгацика; 35–36 – пластинки с инкрустацией конской узды из катакомбы у Лермонтовской скалы; 41, 43 – предметы с инкрустацией из Рутхи; 42 – височное колечко из Вольного Аула; 44 – зеркальце-подвеска из Тамгацика; 45 – зеркало-подвеска из погр. 5 Гиляча

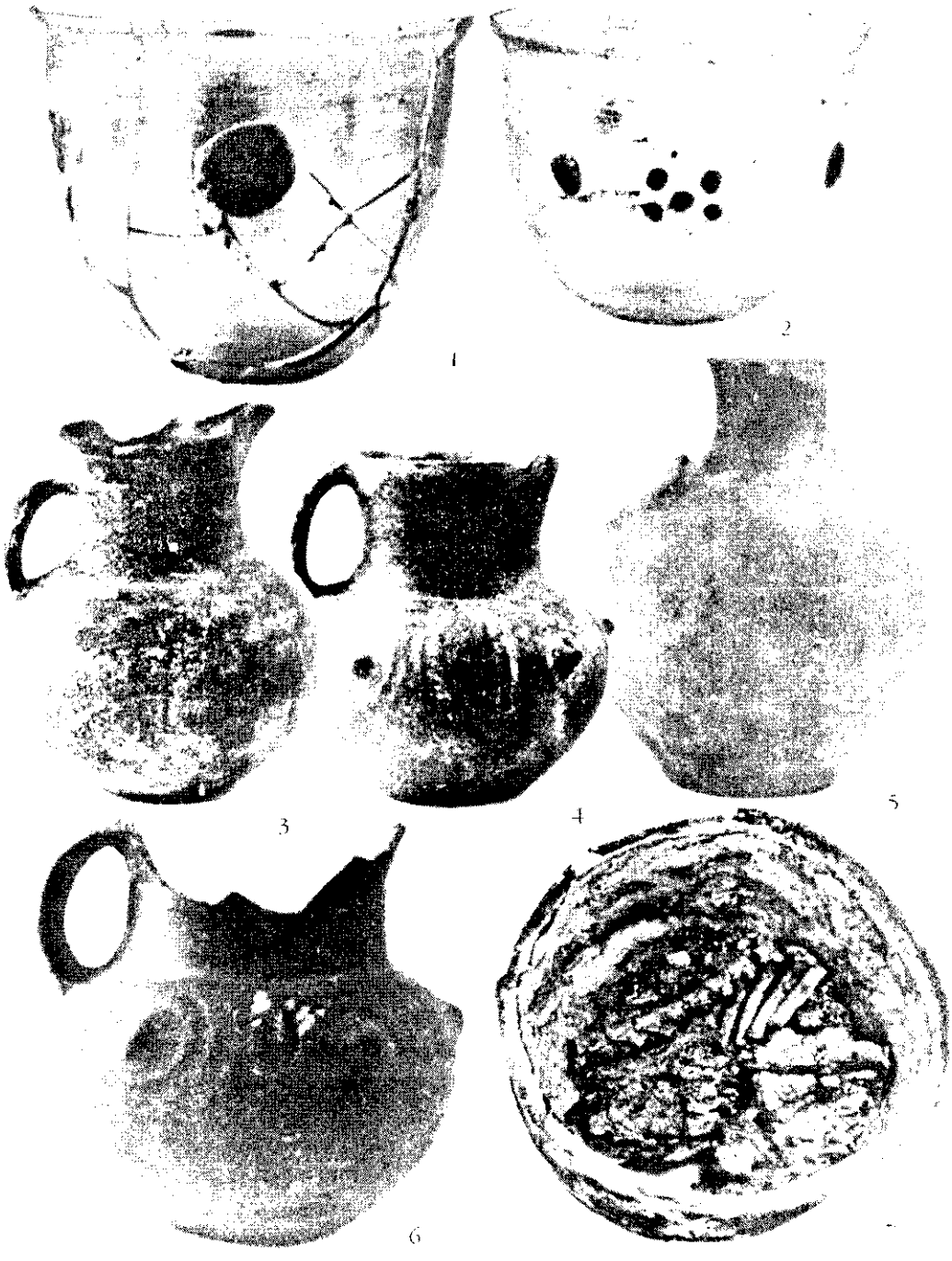


Рис. 18а. Стеклянная, глиняная и металлическая посуда середины I тыс. н.э. из могильника Гиляч (раскопки Т.М.Минаевой)

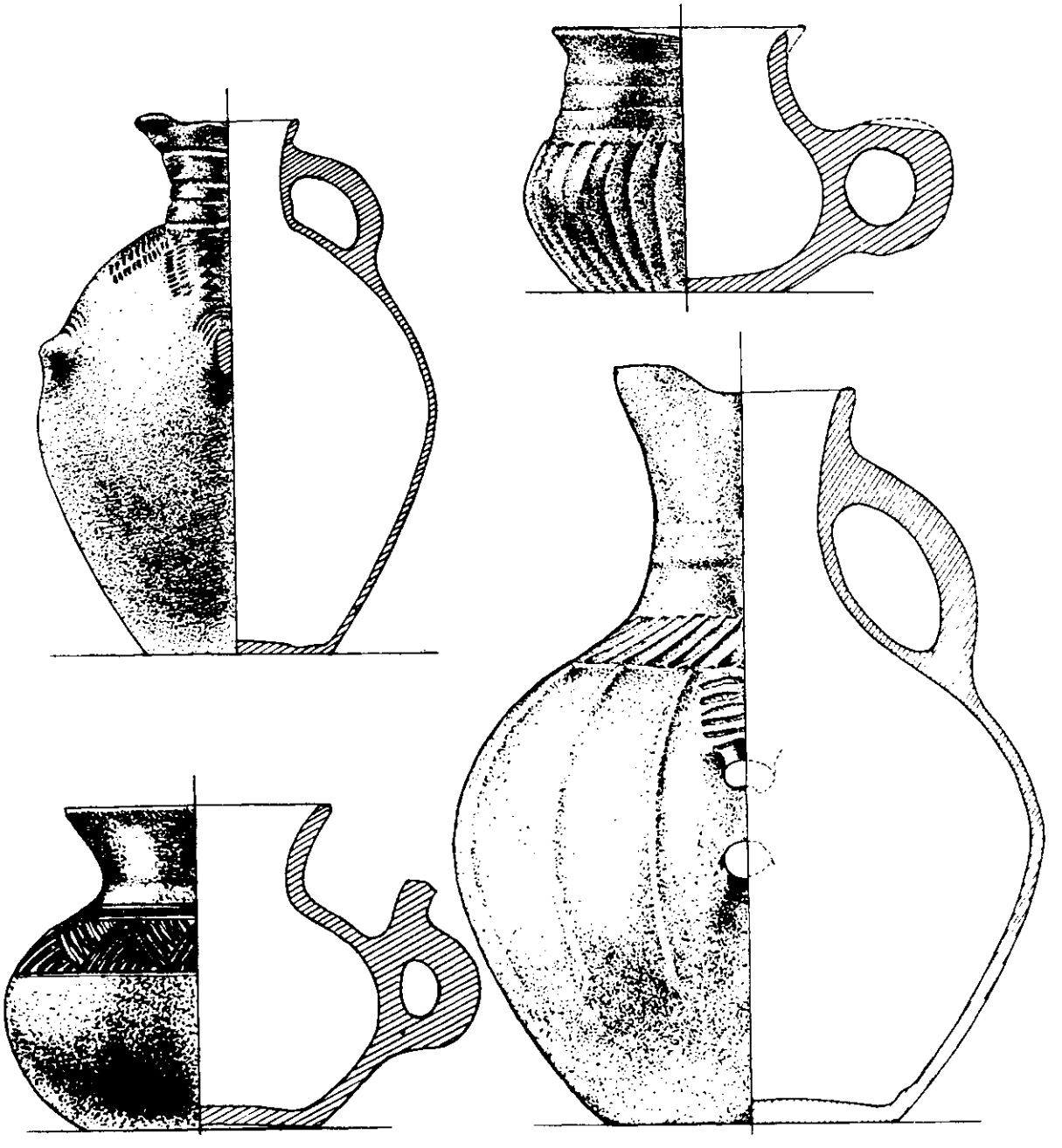


Рис. 18б. Керамика из верхнекубанских памятников V–VIII вв.

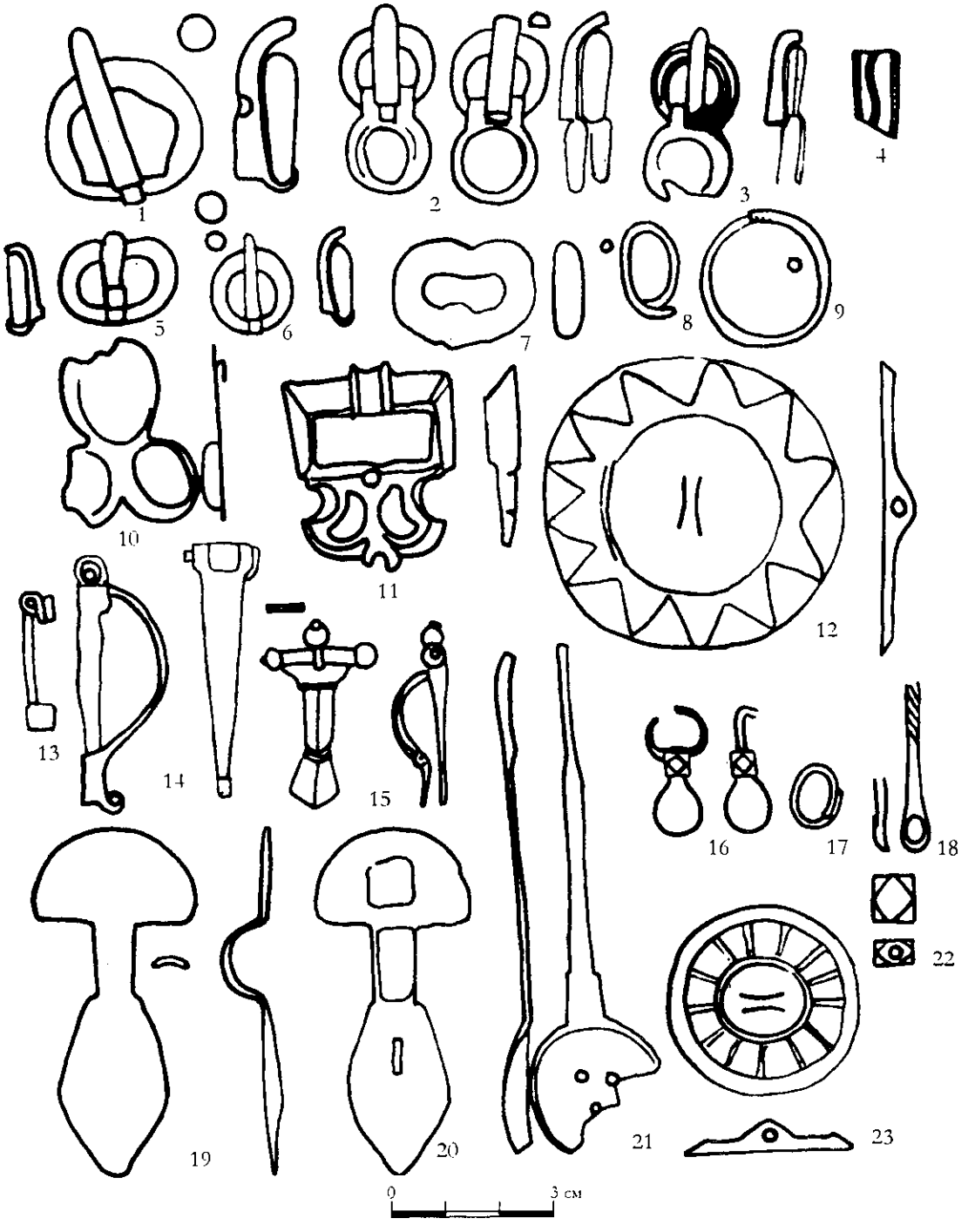


Рис. 19. Находки из Вольного Аула (раскопки Ермоленко 1923 г.)

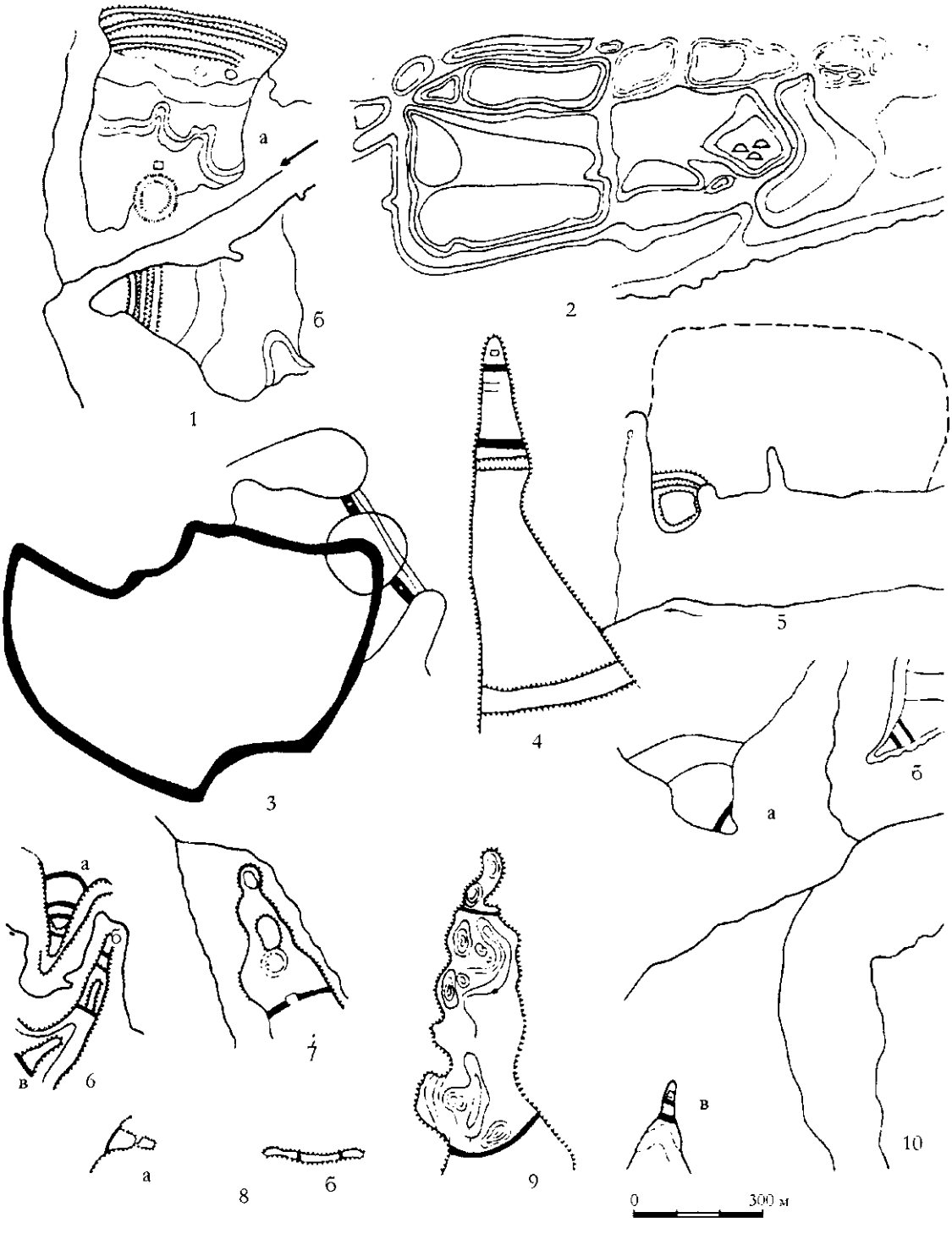


Рис. 20. Типы поселений с земляными и каменными укреплениями VI–IX вв.: 1 – Татарское первое (а) и второе (б) городище; 2 – Старолескенское; 3 – Хумаринское; 4 – Кызыл-Калинское; 5 – городище на р. Грушевка; 6 – поселения у Лермонтовской скалы – правобережное (а), под скалой (б), левобережное (в); 7 – Узун-Кол; 8 – Клин-яр второе (а) и первое (б); 9 – Учкулька; 10 – система поселений у Медового водопада Нарт-башинское (а), «Указатель» (б), Эчки-башинское (в)

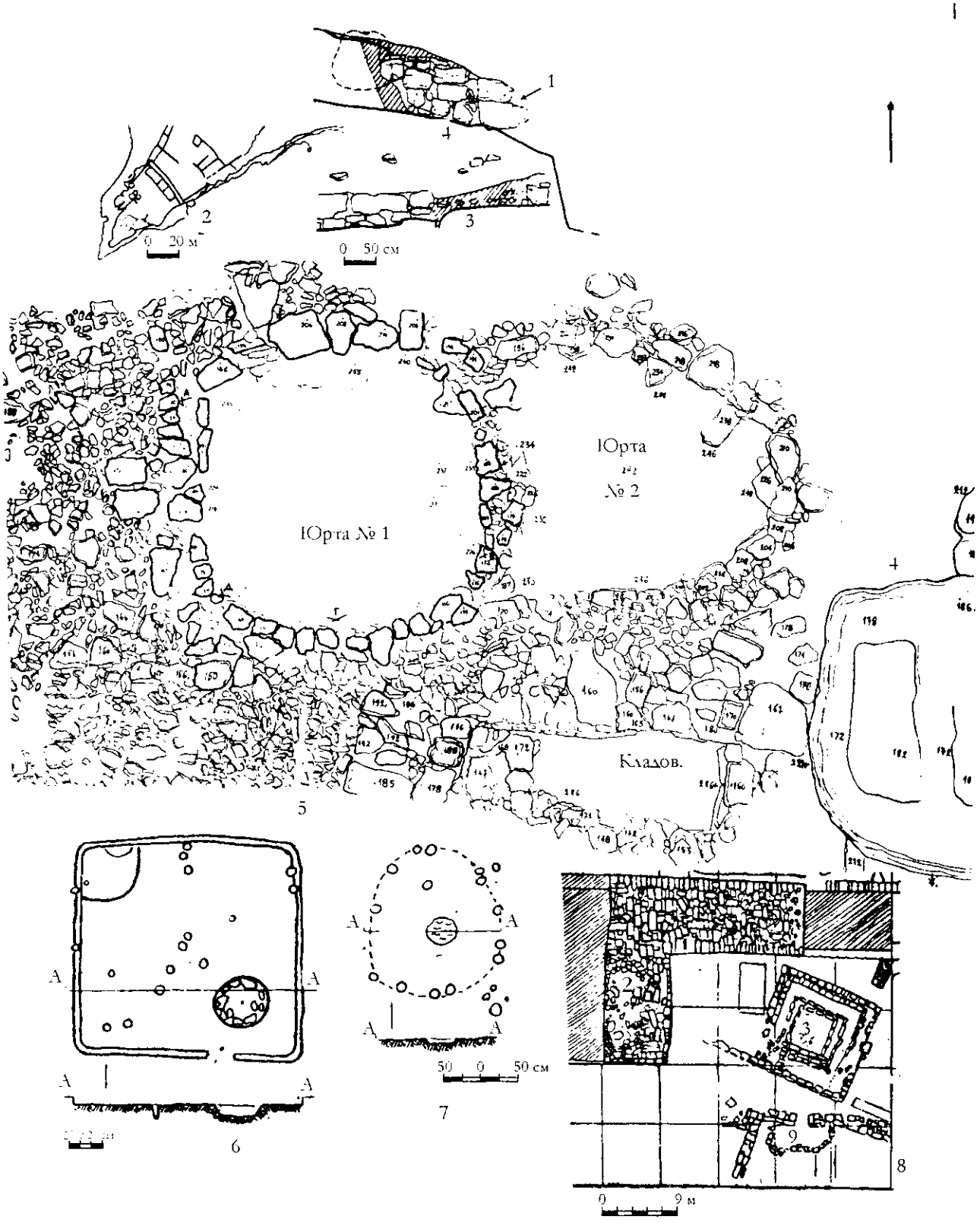


Рис. 21. Оборонительные и жилые сооружения VI–IX вв. 1 – разрез оборонительной стены; 2 – план цитадели «Указатель»; 3 – крепостная стена; 4 – жертвенник; 5 – юрты «Указателя» (раскопки автора); 6, 7 – юрта; 8 – храм «Огня» Хумары (раскопки Х.Биджиева и А.Гадло)

а

б

Рис. 22а. Вид с севера на оборонительную стену цитадели городища «Указатель» (раскопки автора)

Рис. 22б. Кладка насухо оборонительной стены цитадели городища «Указатель» (раскопки автора)

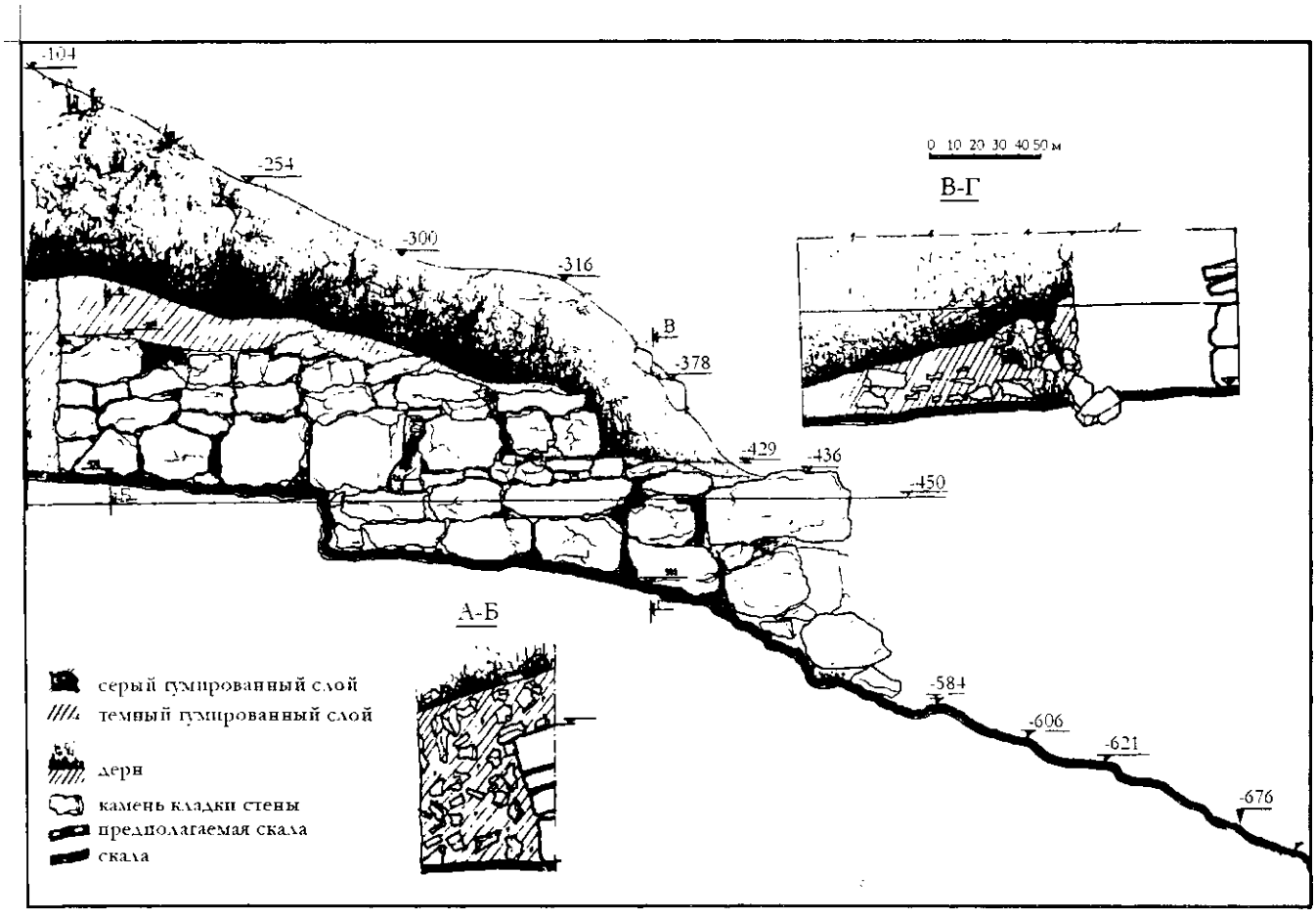
а

б

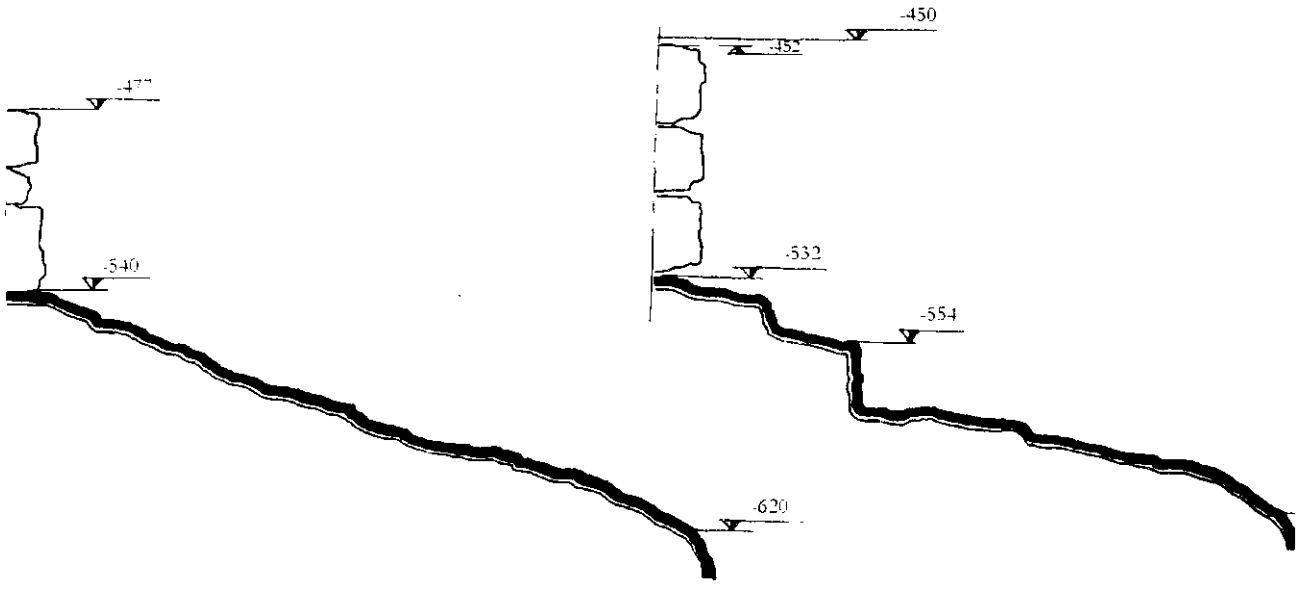
Рис. 23а. Смотровое «окно» на нижнем уступе цитадели городища «Указатель»

Рис. 23б. Каменный жертвенник на цитадели городища «Указатель»

Рис. 24. Каменные основания юрт



а



б

Рис. 25. а – Северный фасад крепостной стены крепости «Указатель»; б – подтесанные уступы цитадели под западной стеной (раскопки автора)

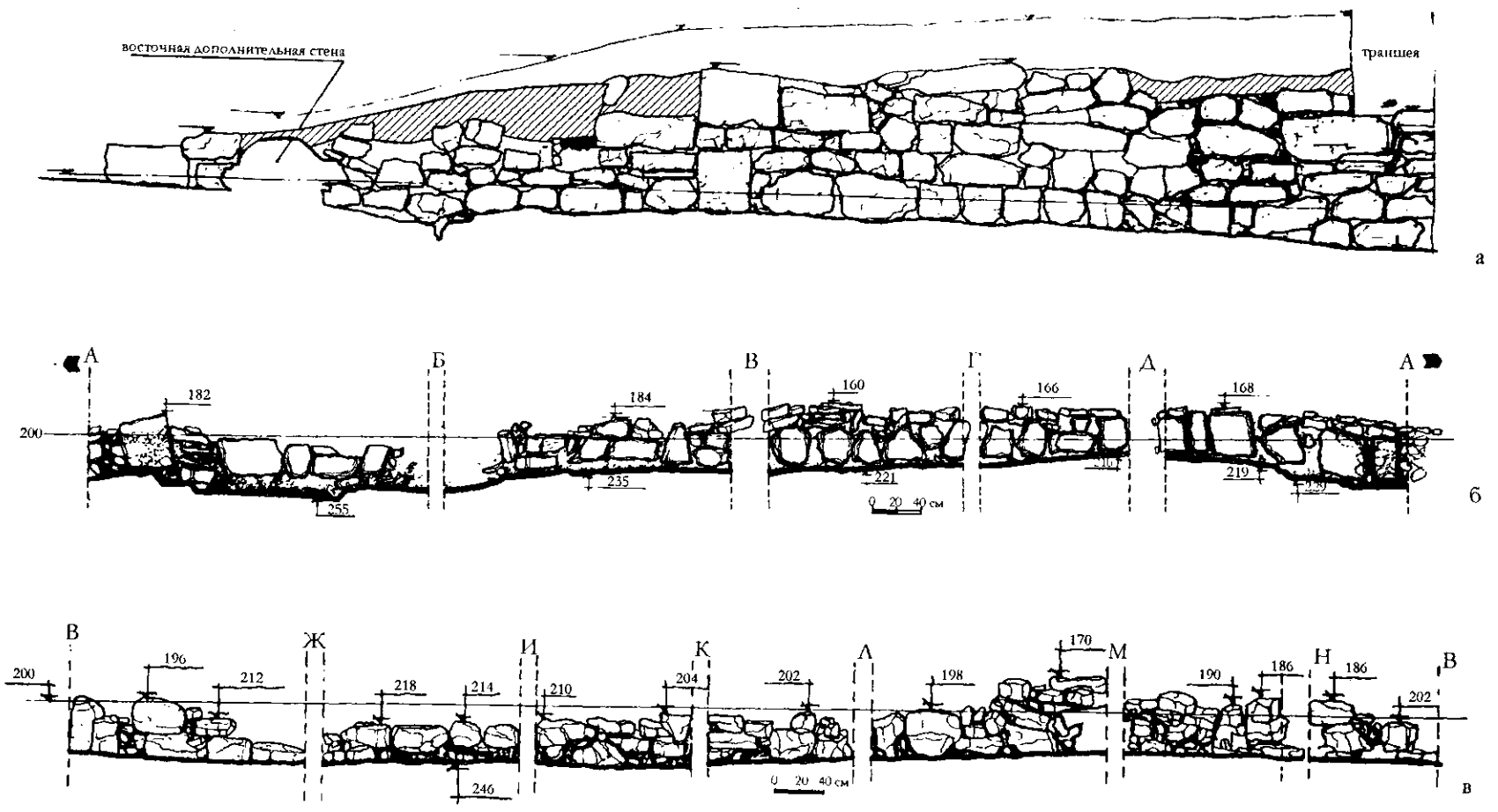


Рис. 26. а – Конструкция оборонительной северной стены крепости «Указатель»; б – развертка стены «юрты» № 1; в – развертка стены «юрты» № 2 (раскопки автора)

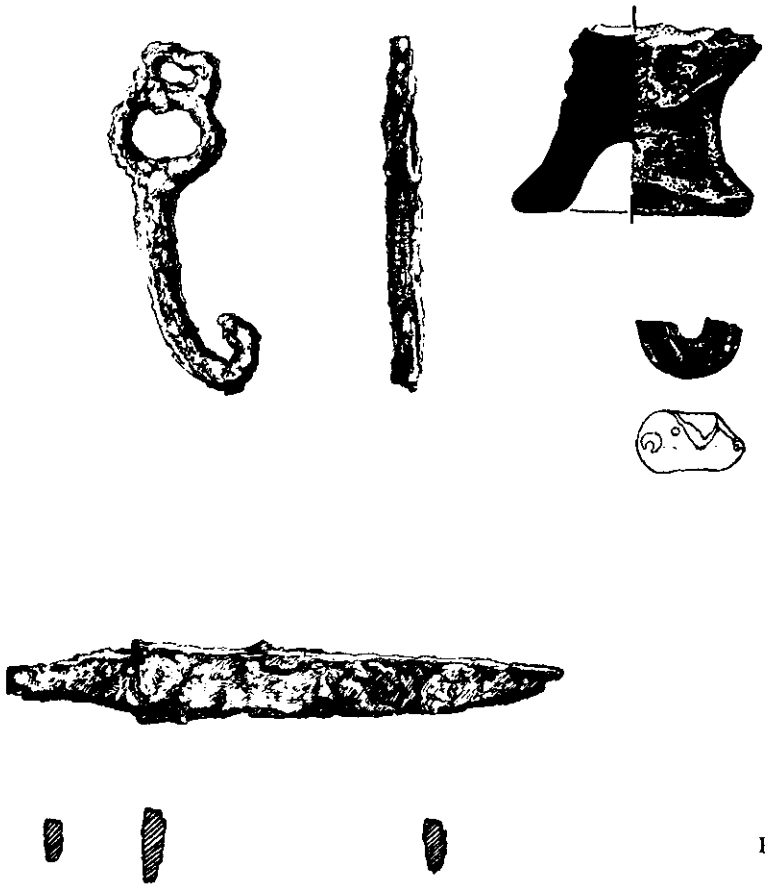


Рис. 27

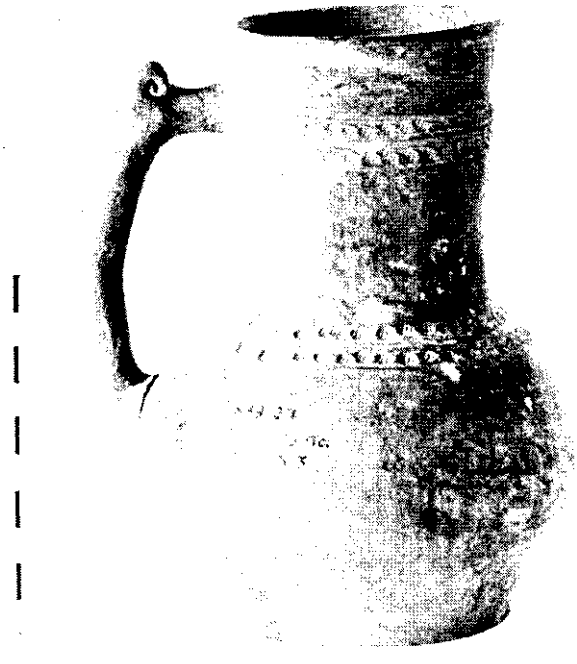


Рис. 28

Рис. 27. Колчанный крюк, серолощеная вазочка, шило, бусина и нож из юрты цитадели крепости «Указатель»

Рис. 28. Красноглиняный кувшинчик из раскопок автора на Змейском поселении в 1957 г.

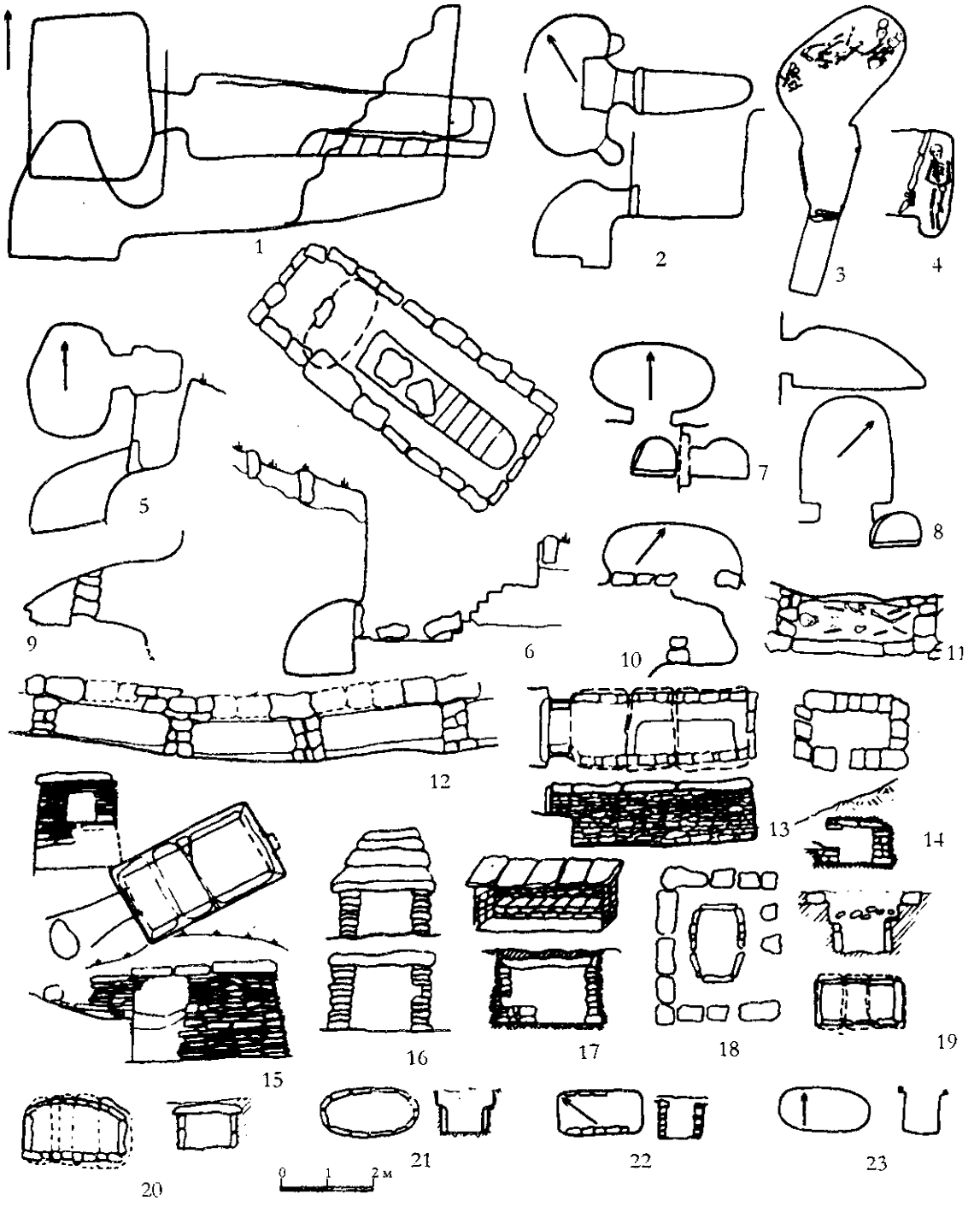


Рис. 29. Типы погребальных сооружений Северного Кавказа V–IX вв.: 1 – хут. Октябрьский; 2 – Байтал-Чапкан; 3, 4 – Чир-Юрт; 5 – Мокрая Балка; 6 – Острый Мыс; 7–9 – Индыш; 10, 13 – Кутуль; 11–12 – Эшкаком; 14 – Галиат; 15 – Былым; 16, 20, 21 – Гиляч; 17 – Узун-Кол; 18 – Кызыл-Кала; 19 – Хасаут; 22–23 – Сенты

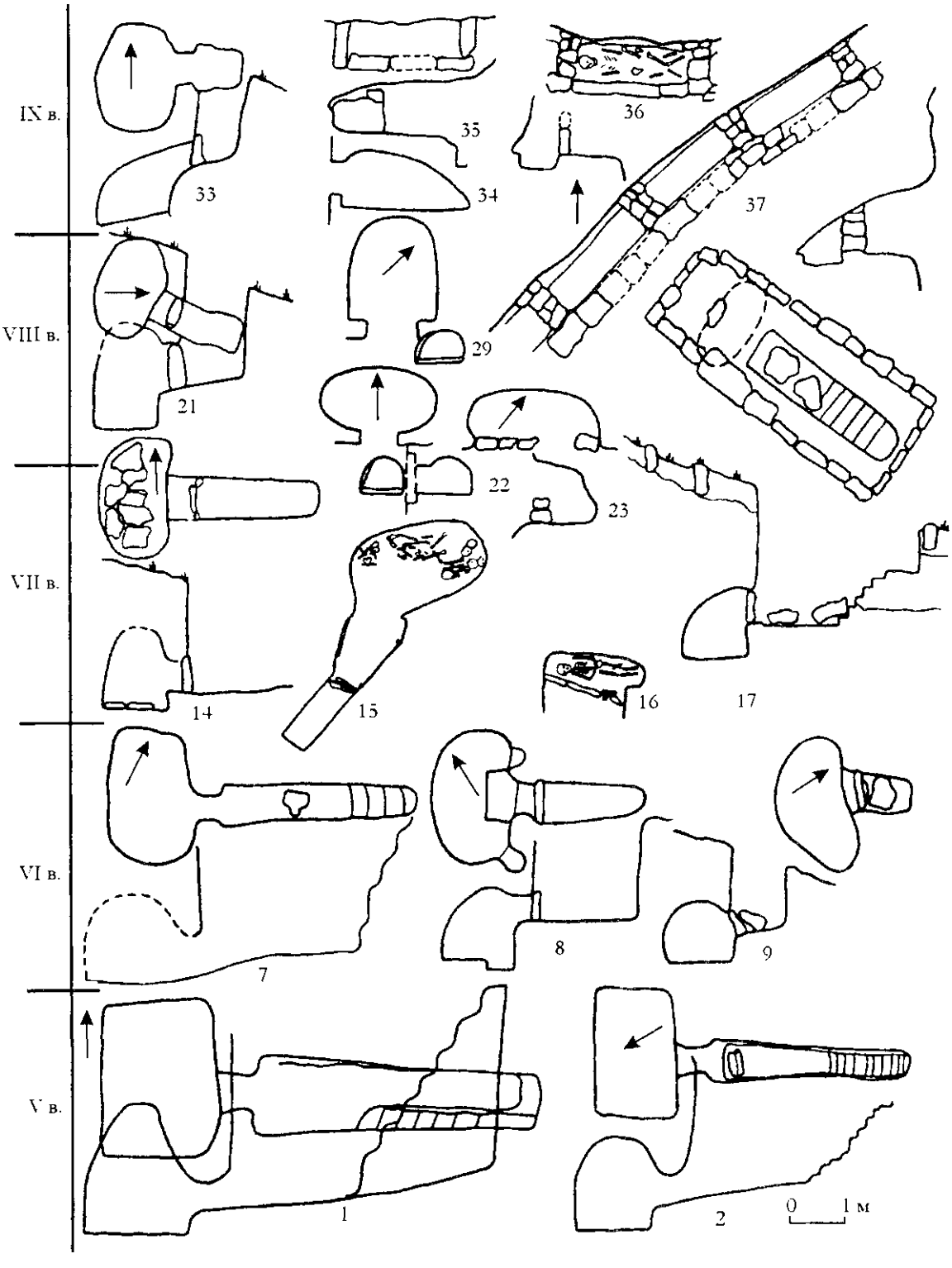


Рис. 30. Изменение во времени катакомбных погребений и скальных захоронений Северного Кавказа V–IX вв.: 1, 2, 7 – хутор Октябрьский; 3, 4, 40 – Гиляч; 5 – Тамгацик; 6, 13 – Паласа-Сырт; 8 – Байтал-Чапкан; 9, 14, 21, 33 – Мокрая Балка; 10 – Кугуль; 11, 19, 27 – Кызыл-Кала; 12, 20, 26 – Хасаут; 15, 16, 28 – Чир-Юрт; 17 – Острый Мыс; 18, 24 – Былым; 22, 29, 34 – Индыш; 23 – Джага; 25, 31 – Узун-Кол; 30, 39 – Гижгид; 32 – Инджур-Гата; 35–37 – Эшкакон; 38 – Галиат; 41 – Борисовский; 42, 43 – Сенты; 44 – Ленинхабль

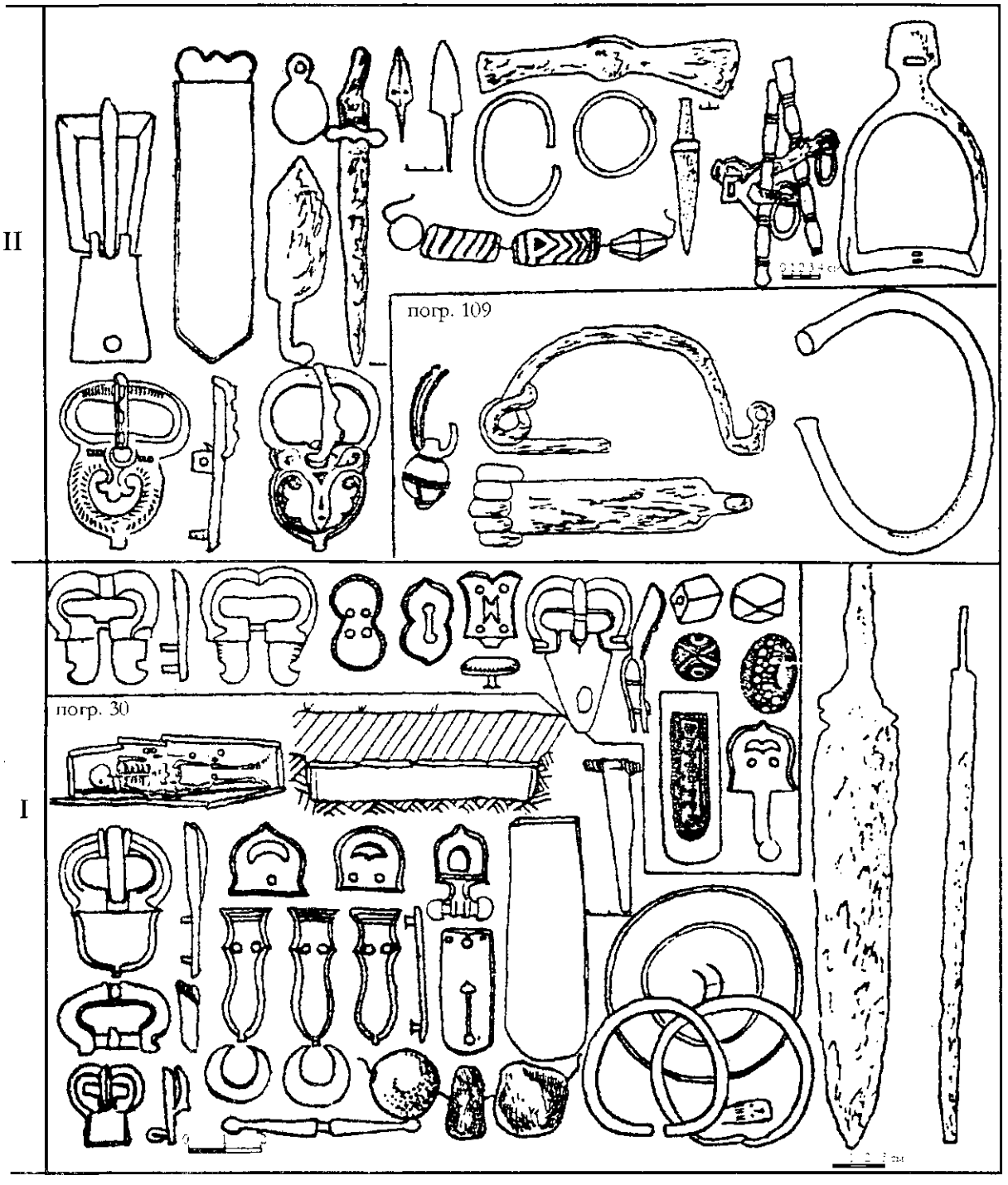


Рис. 31. Датирующие находки Борисовского могильника VI–IX вв. по группам

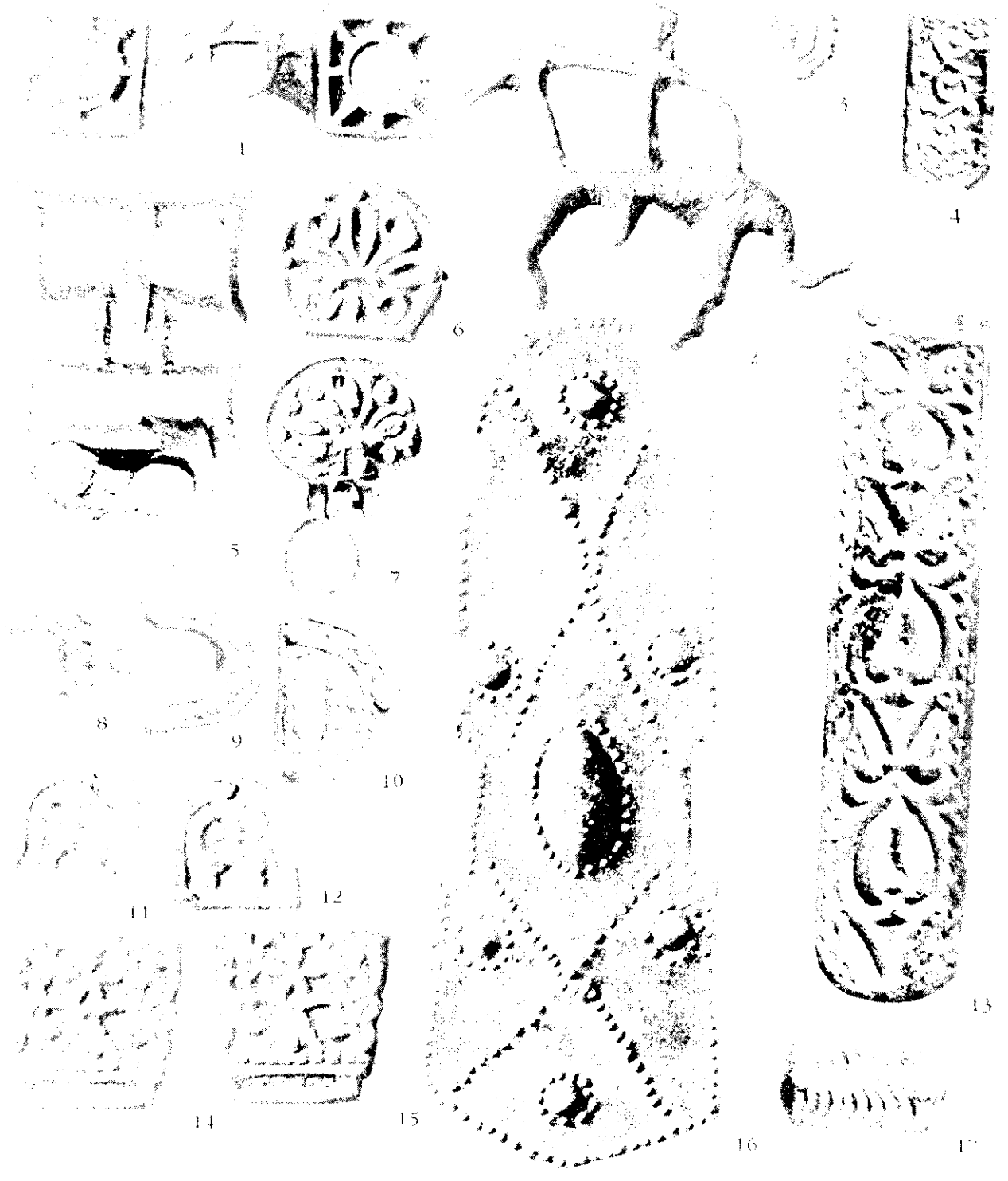


Рис. 32. Фибулы (1, 16), амулеты (2) и детали поясов VIII–IX вв. из Песчанки

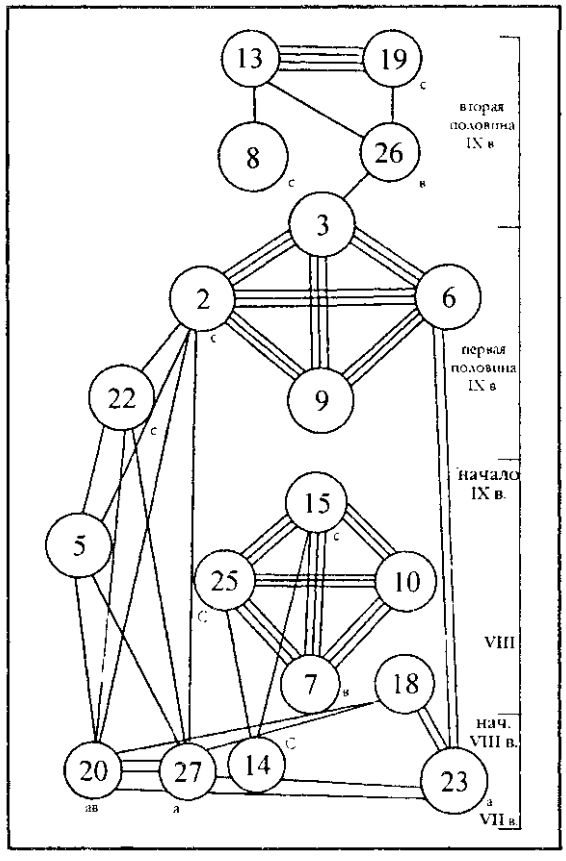


Рис. 33

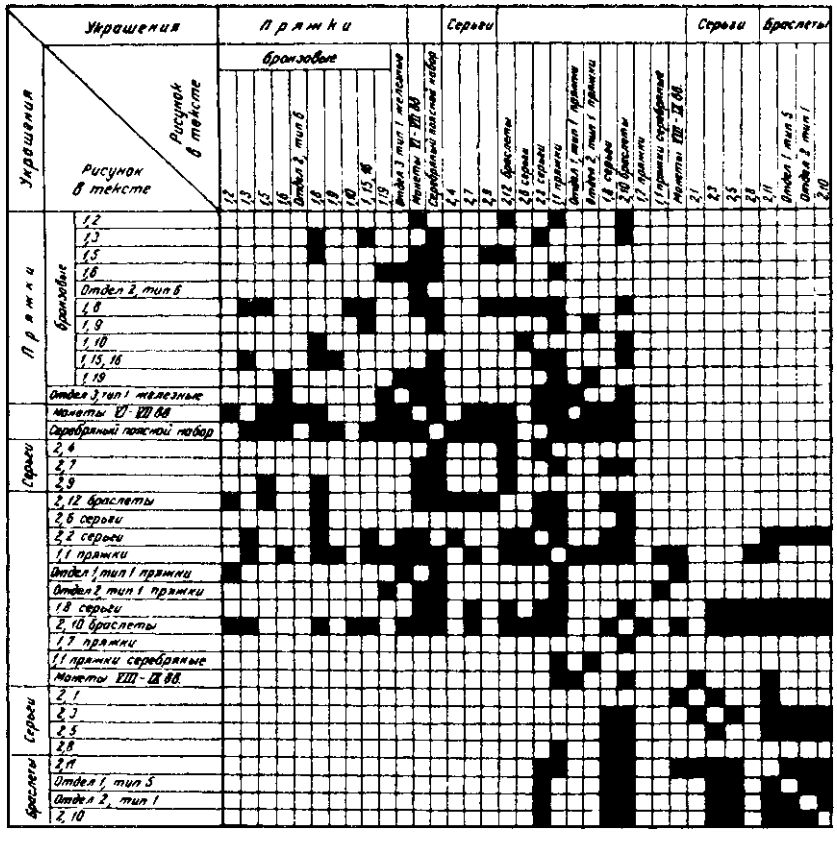


Рис. 34

Рис. 33. Хронологическое упорядочение катакомб Чми на основании кластерного анализа бус (из раскопок Д.Я.Самоквасова)

Рис. 34. Взаимная сочетаемость украшений могильника Чми VII–IX вв.

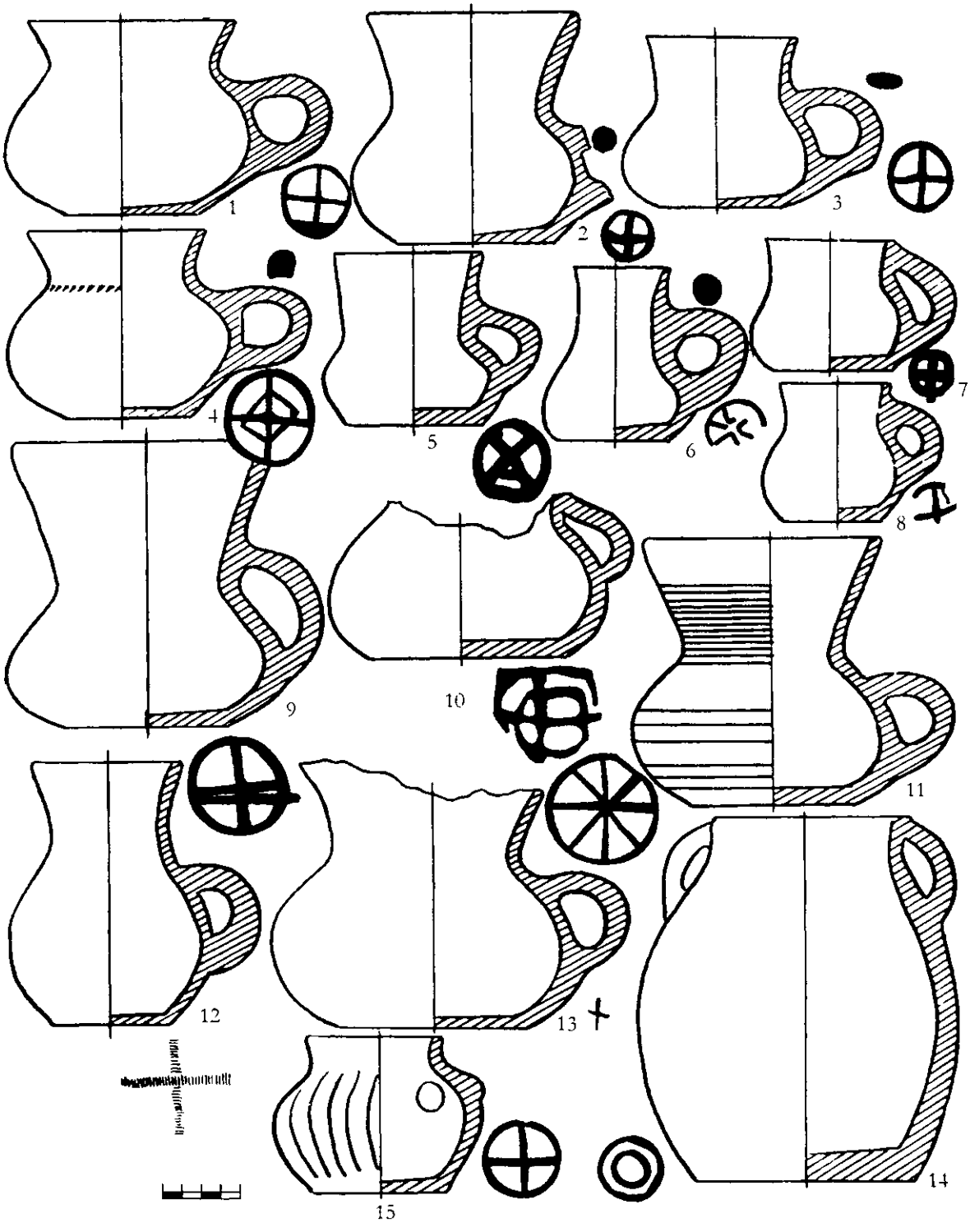


Рис. 35. Клейменая лощеная керамика VII–IX вв. из могильника Чми (раскопки Д.Я.Самоквасова)

Рис. 36. Стеклянная посуда VII–IX вв. из могильника Чми (раскопки Д.Я.Самоквасова)

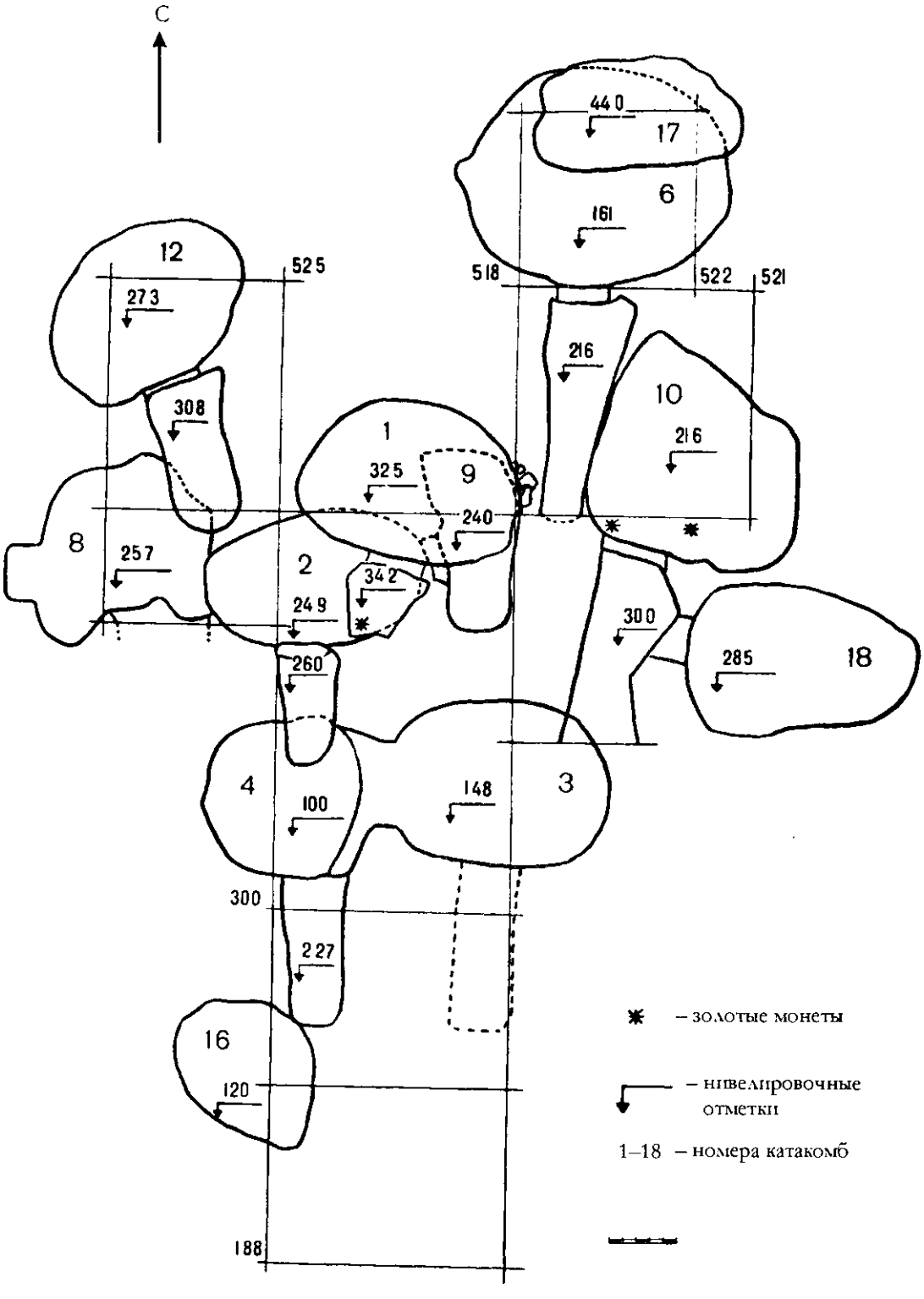


Рис. 37. Общий план раскопок верхней части холма Чми-Суаргом в 1982 г. (раскопки автора)

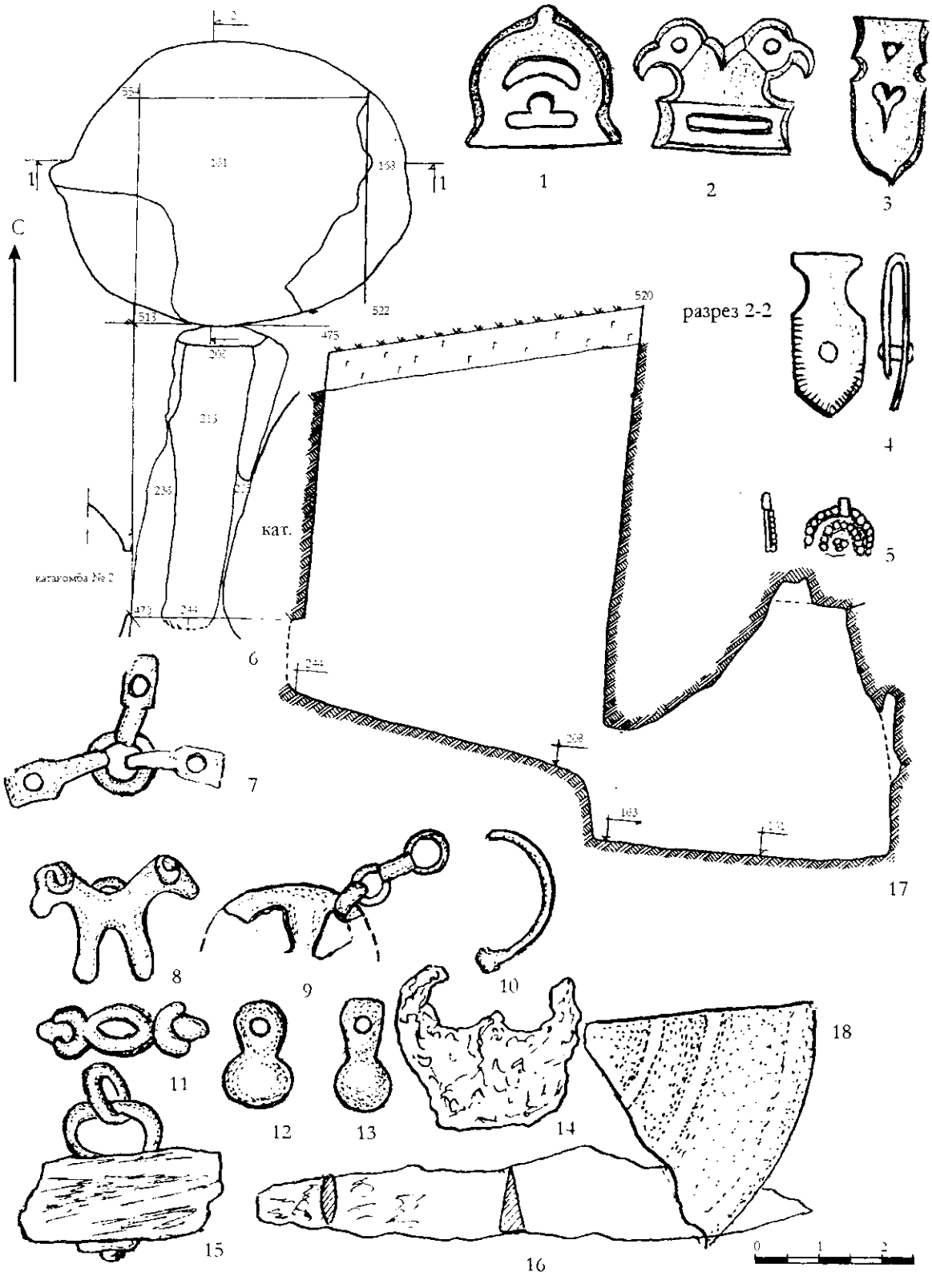


Рис. 38. Инвентарь, план и разрез катакомбы № 6 из Чми-Суаргома (раскопки автора)

Рис. 39. Золотые византийские монеты VII в. из комплексов VIII в. из могильника Чми-Суаргом (раскопки автора)

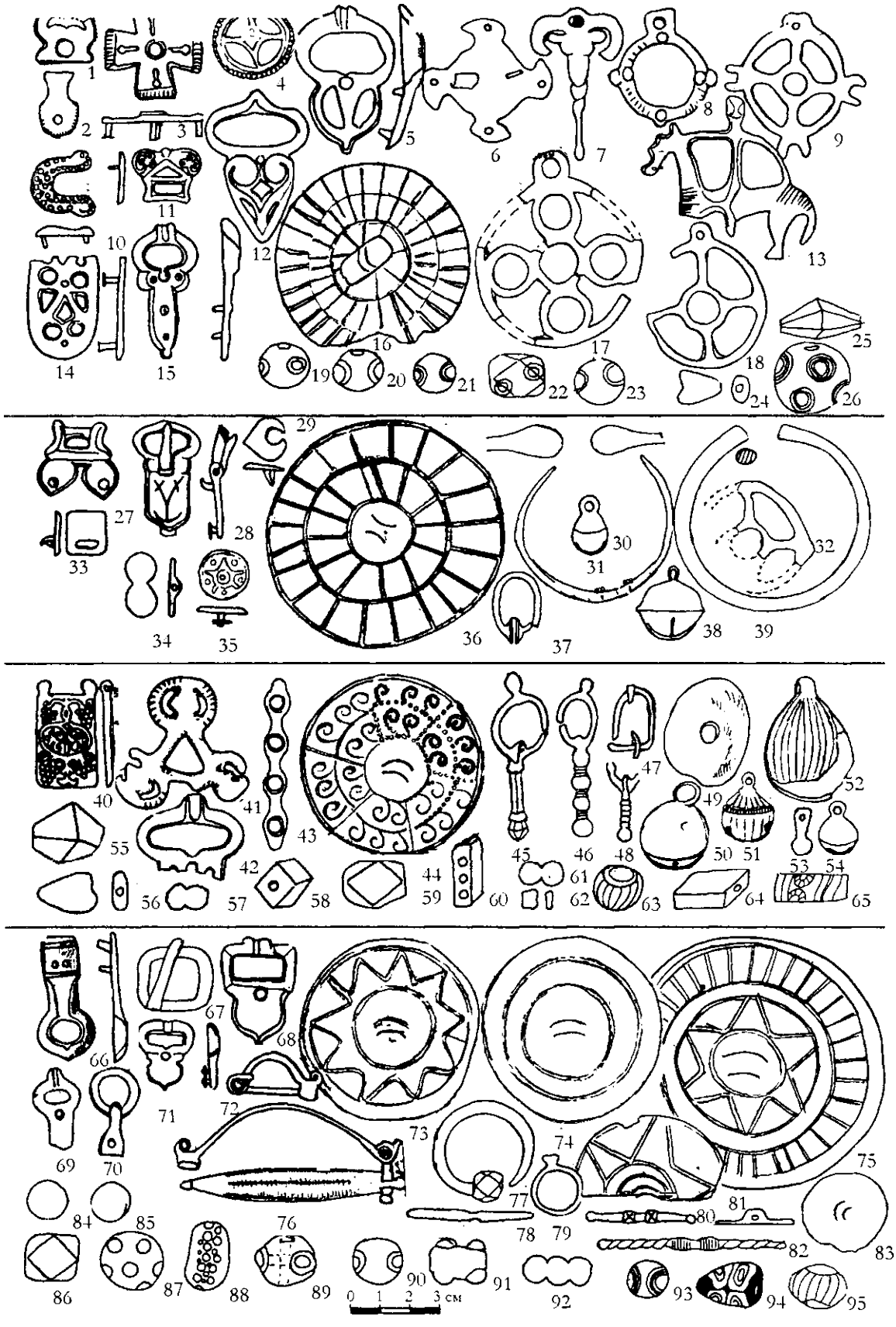


Рис. 40. Группировка украшений могильника Гоуст IX в., сделанная по данным матрицы квазитреугольного вида Ю.Е.Храмова

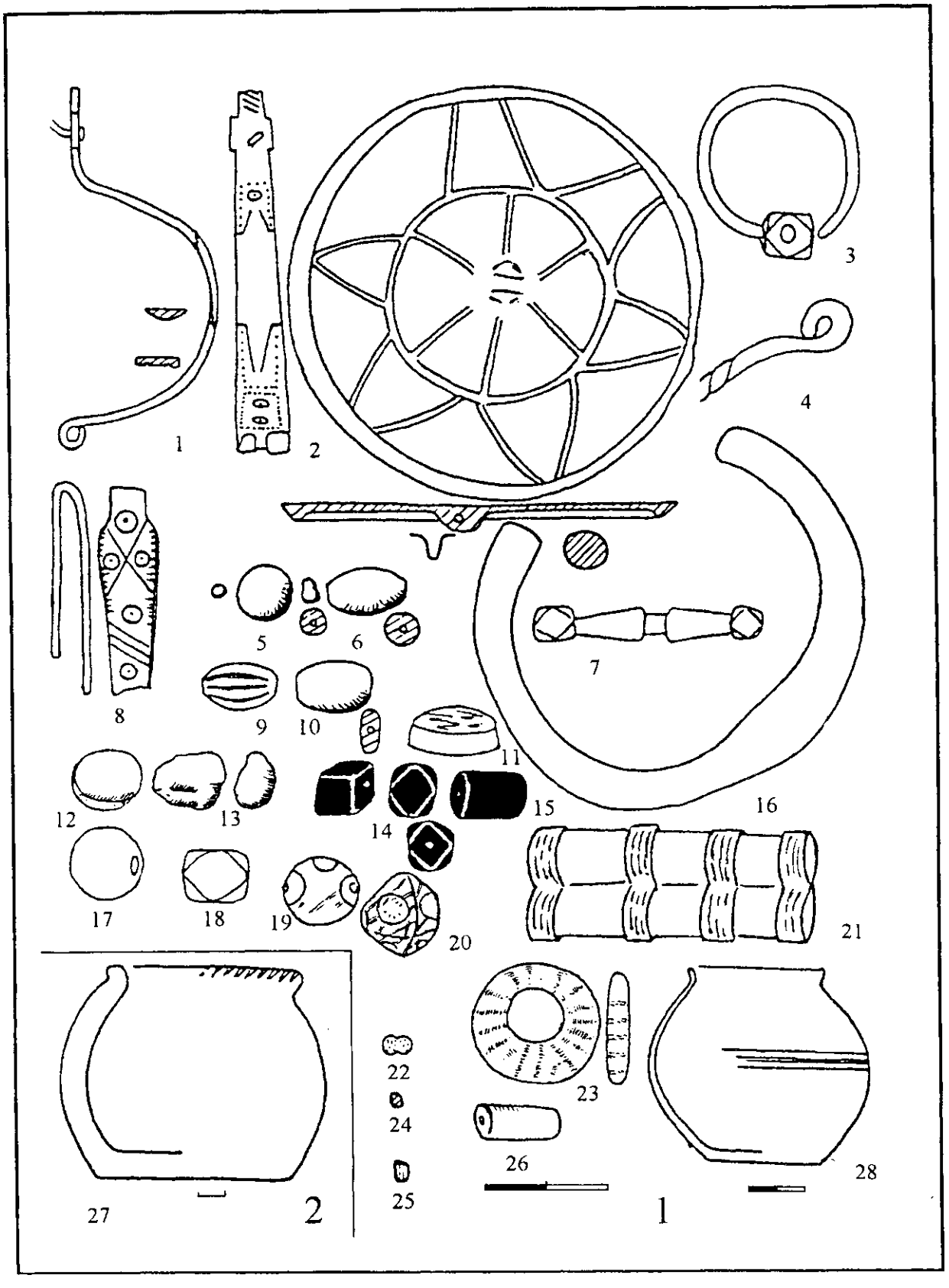


Рис. 41. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребения 1 (раскопки И.П.Костюченко)

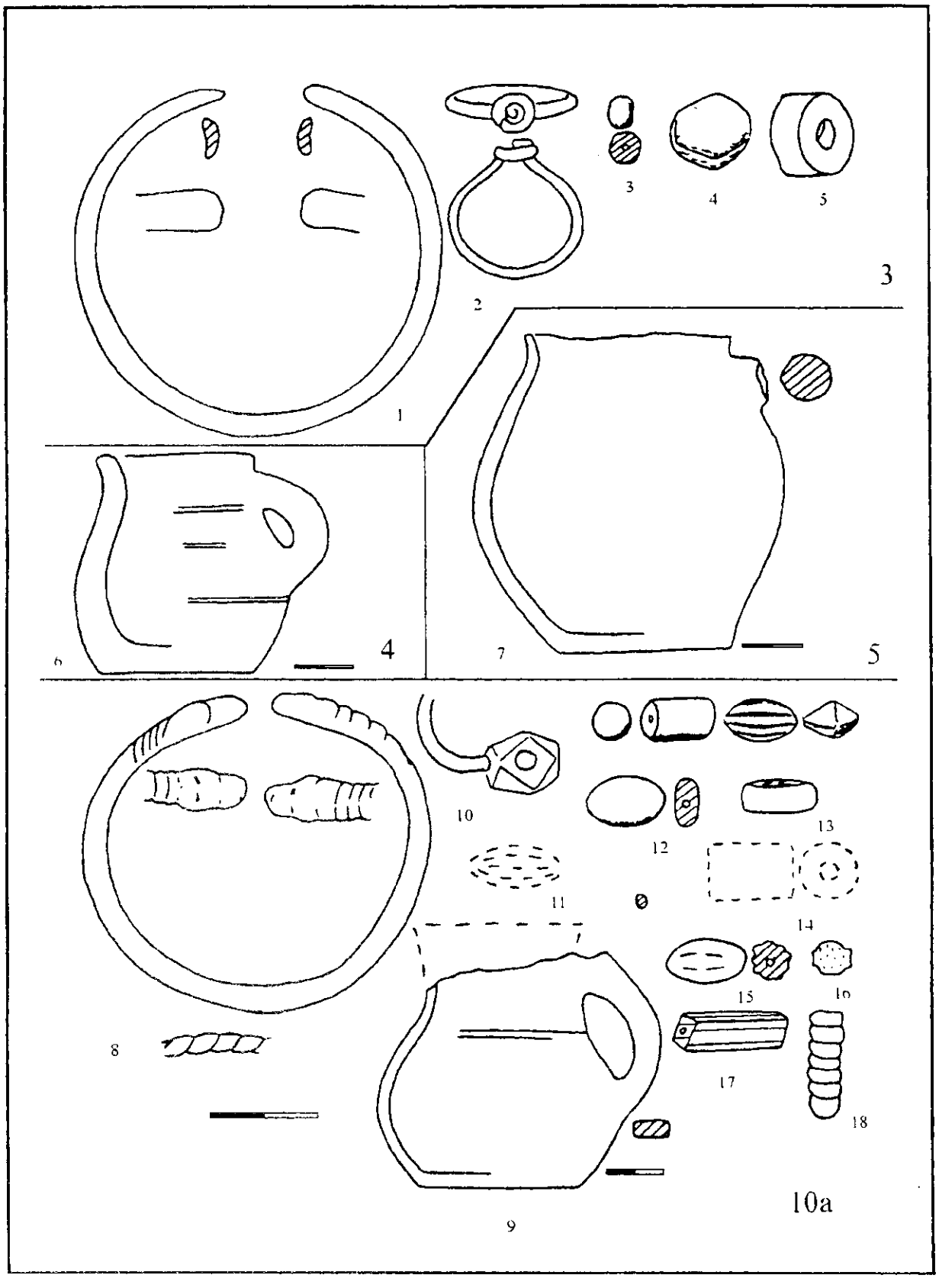


Рис. 42. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 3–5, 10а (раскопки И.П.Костюченко)

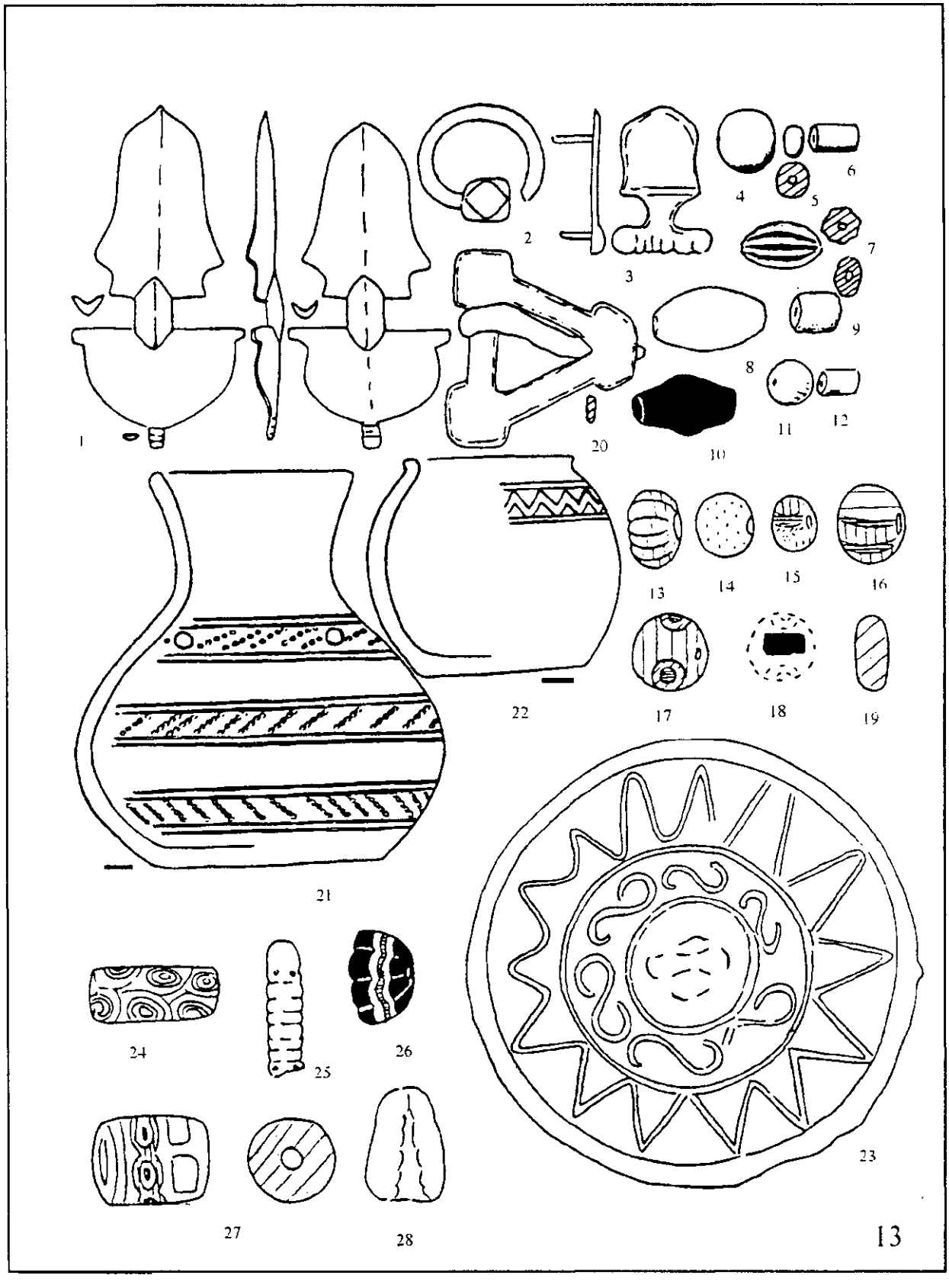


Рис. 43. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребения 13 (раскопки И.П.Костюченко)

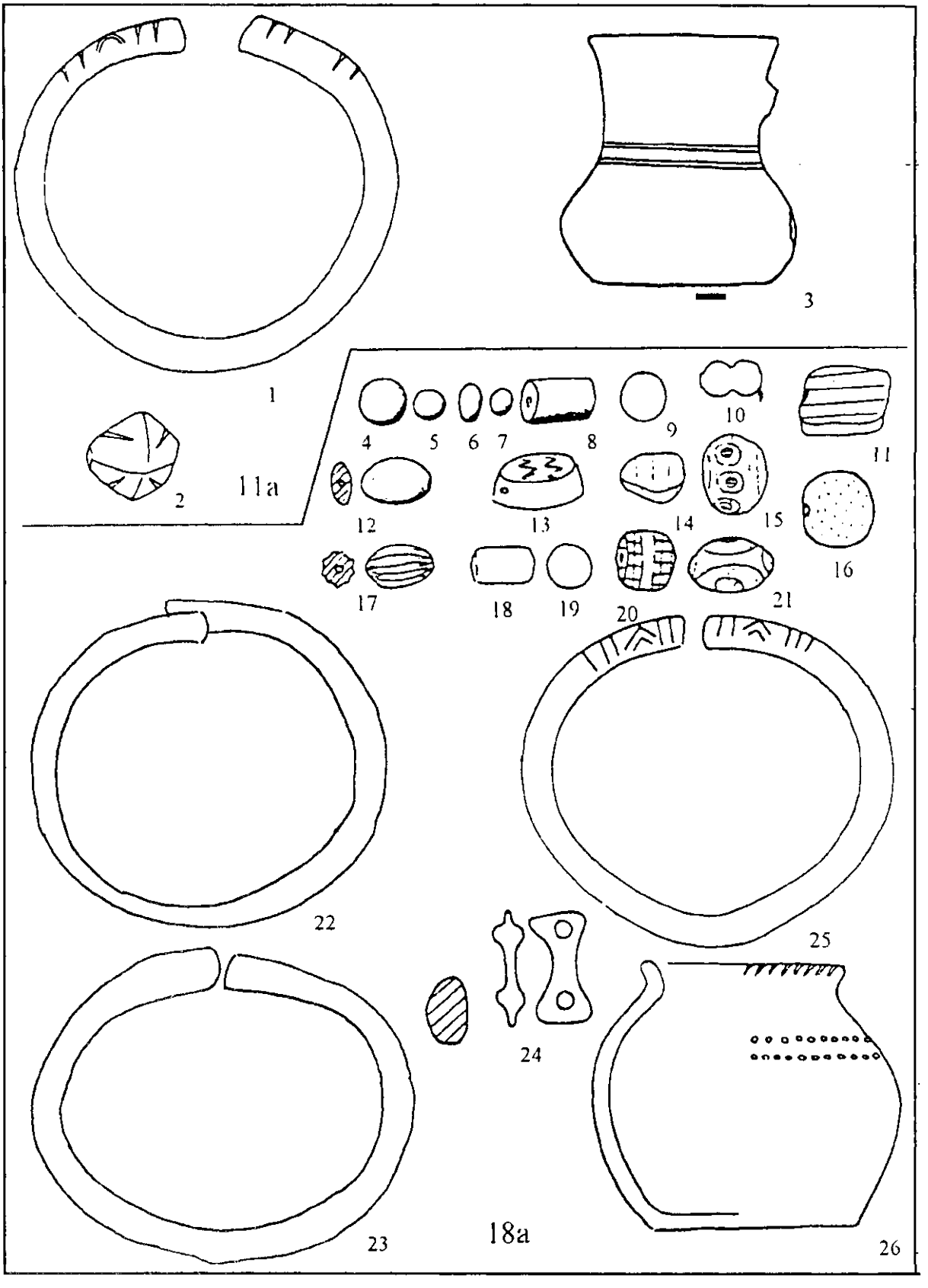


Рис. 44. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 11а, 18а (раскопки И.П.Костюченко)

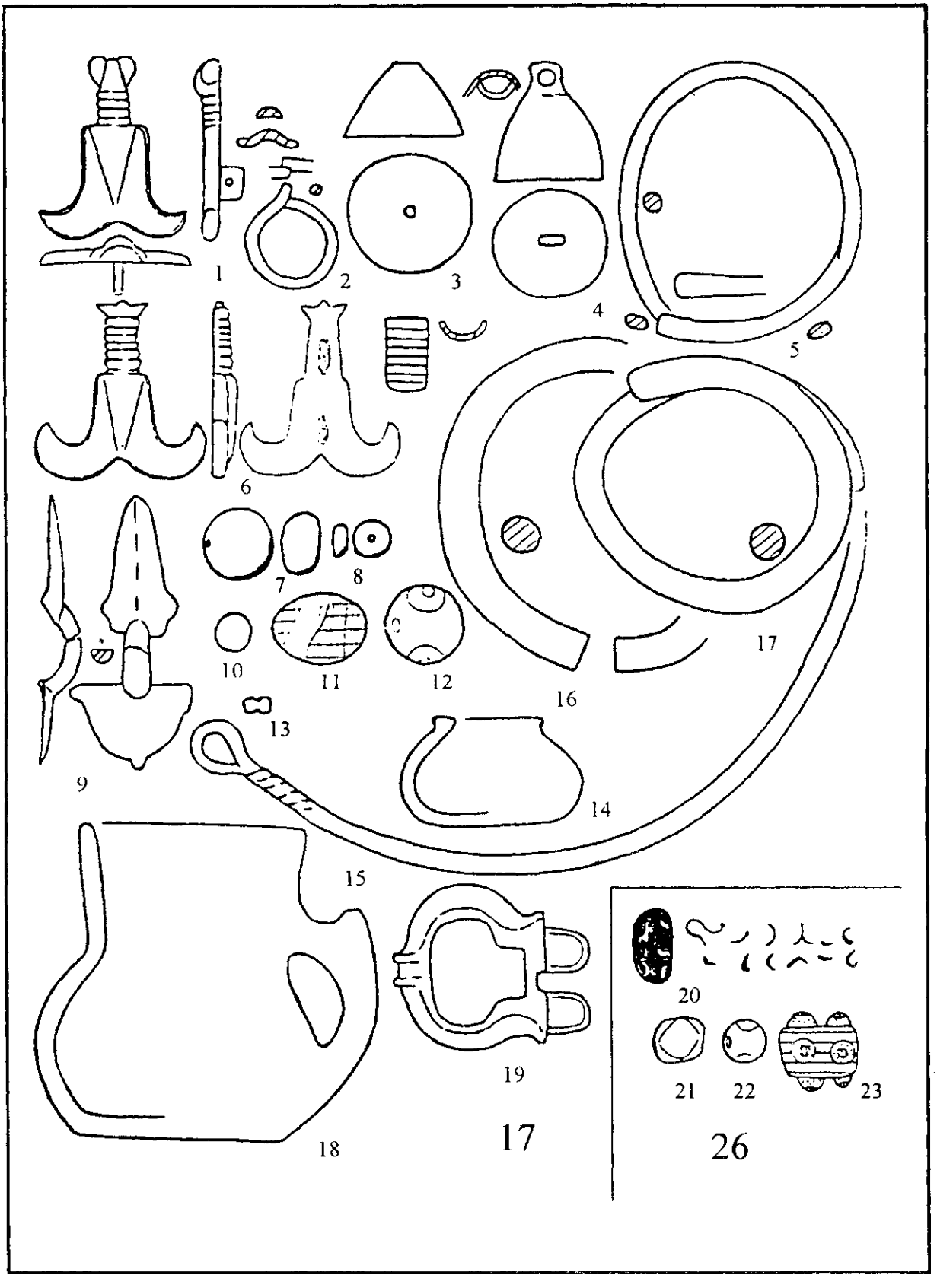


Рис. 45. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 17, 26 (раскопки И.П.Костюченко)

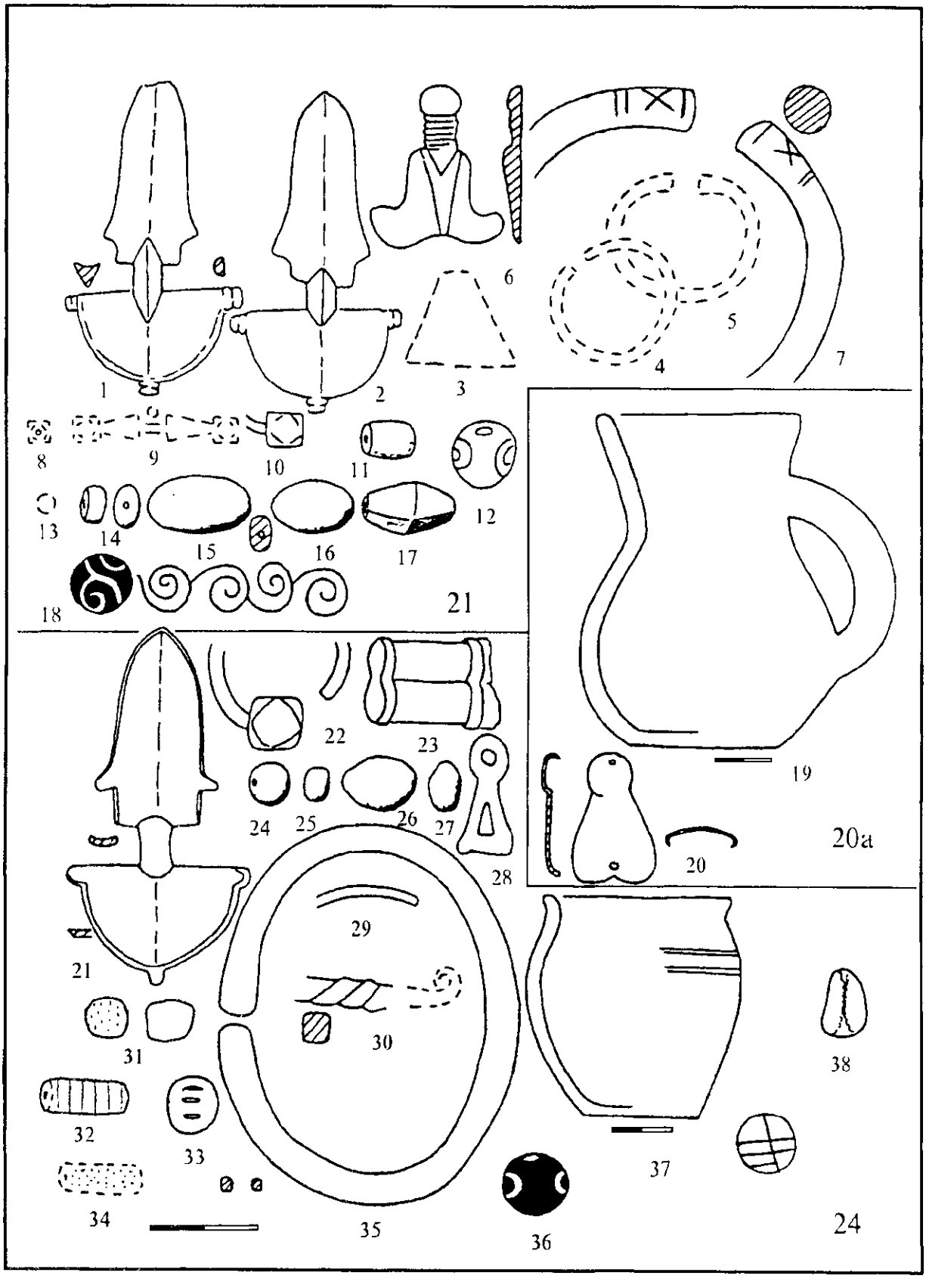


Рис. 46. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 20а, 21, 24 (раскопки И.П.Костюченко)

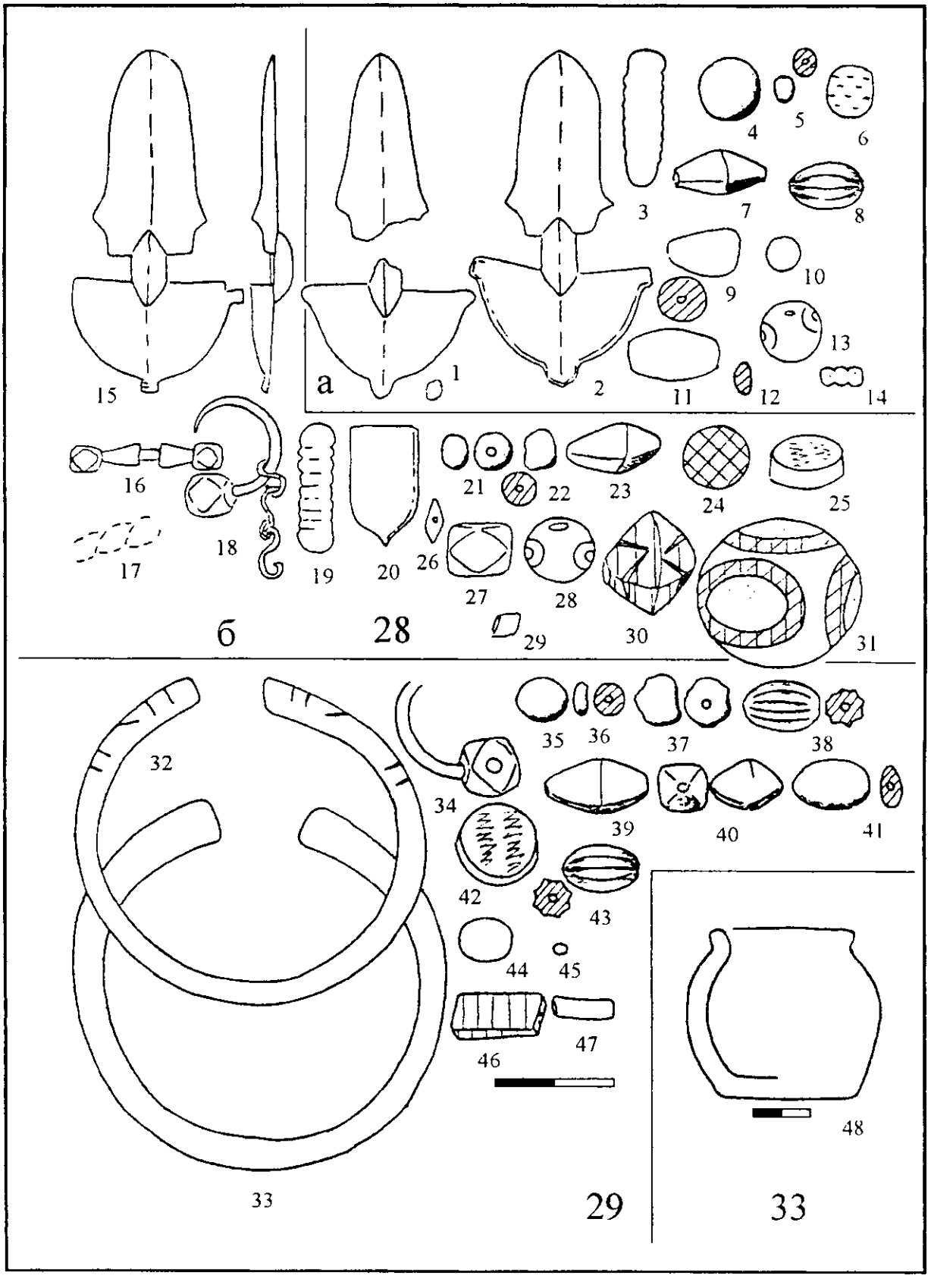


Рис. 47. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 28а, б; 29, 33 (раскопки И.П.Костюченко)

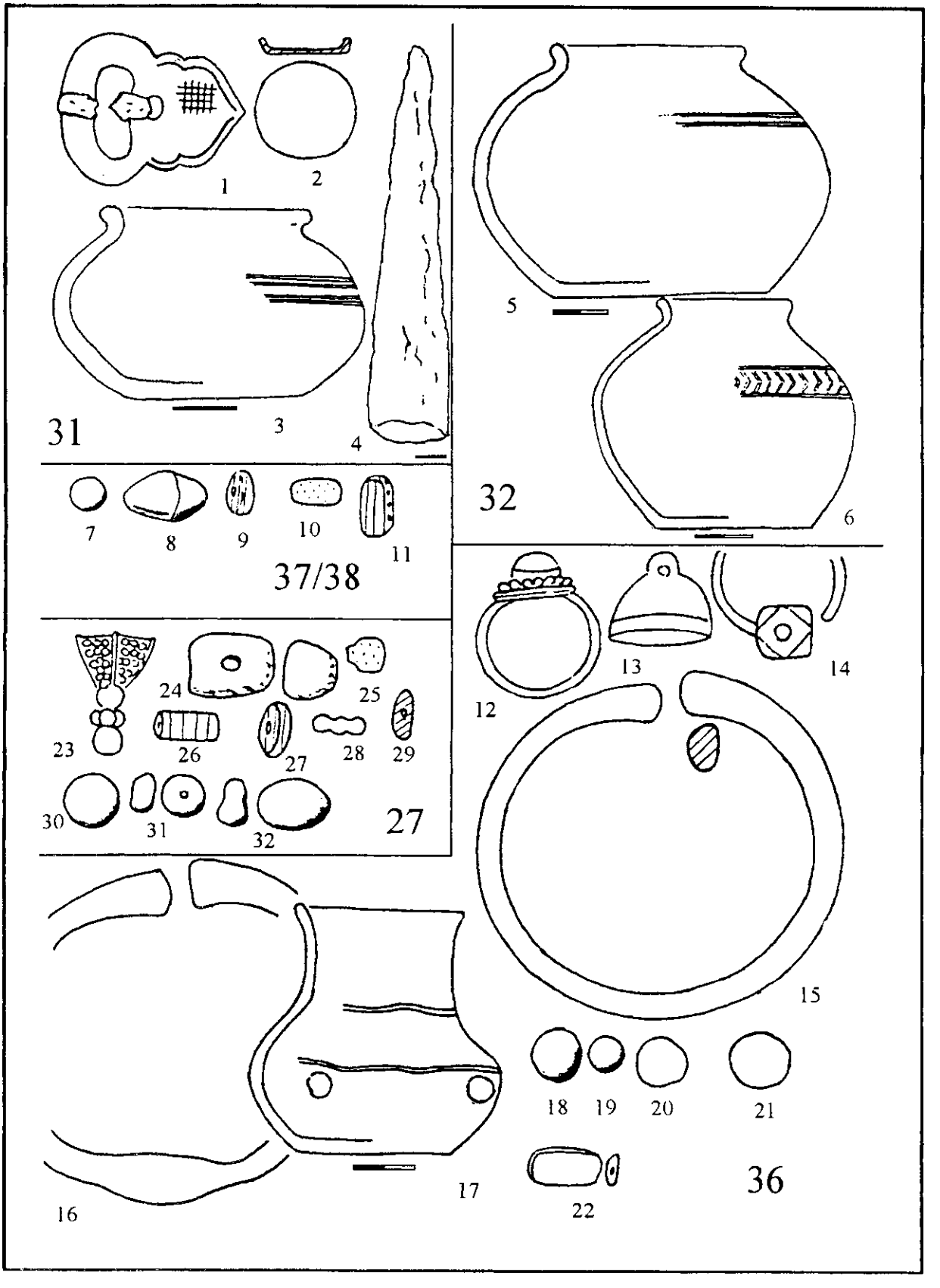


Рис. 48. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 27, 31, 32, 36, 37/38 (раскопки И.П.Костюченко)

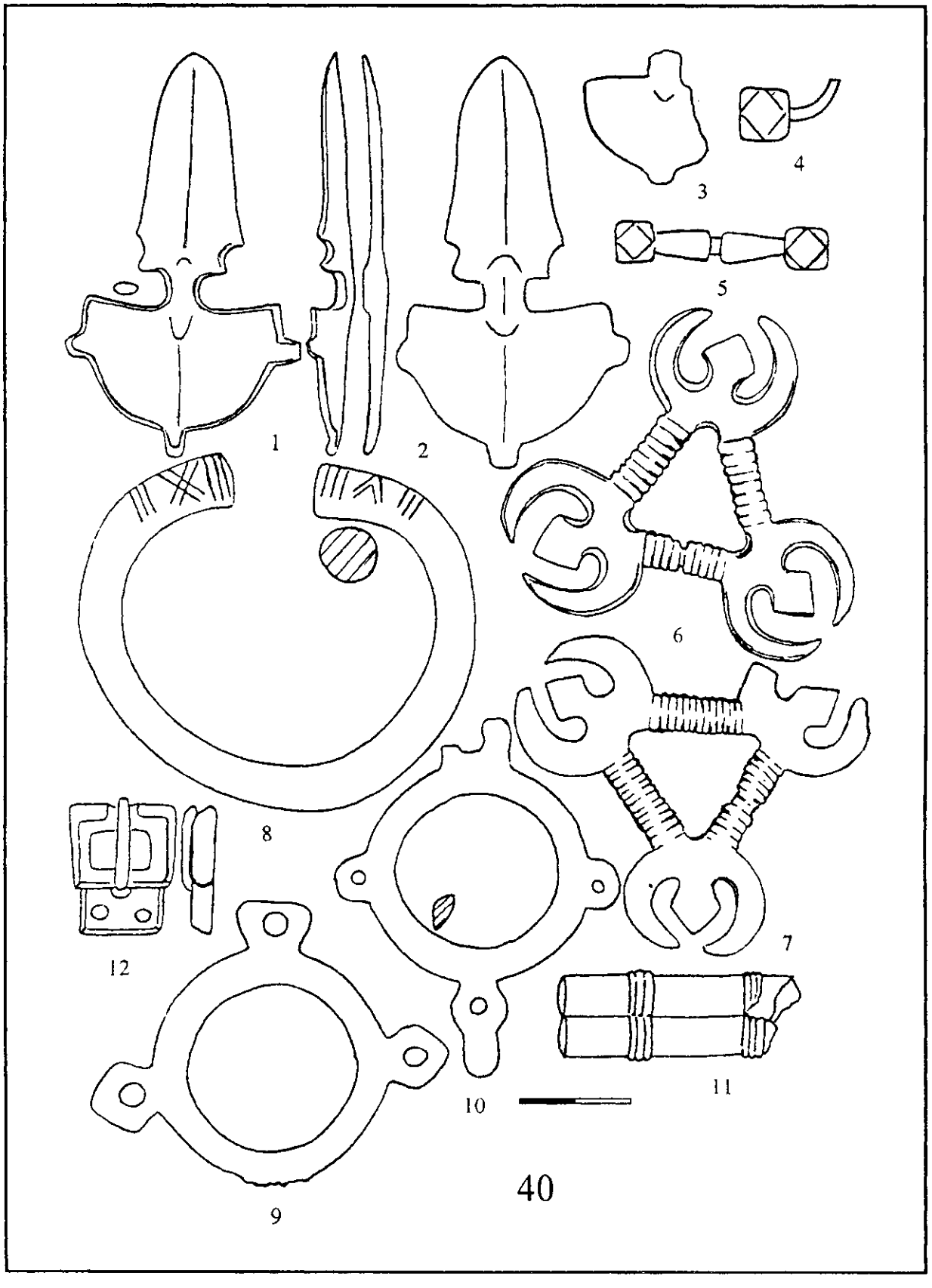


Рис. 49. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребения 40 (раскопки И.П.Костюченко)

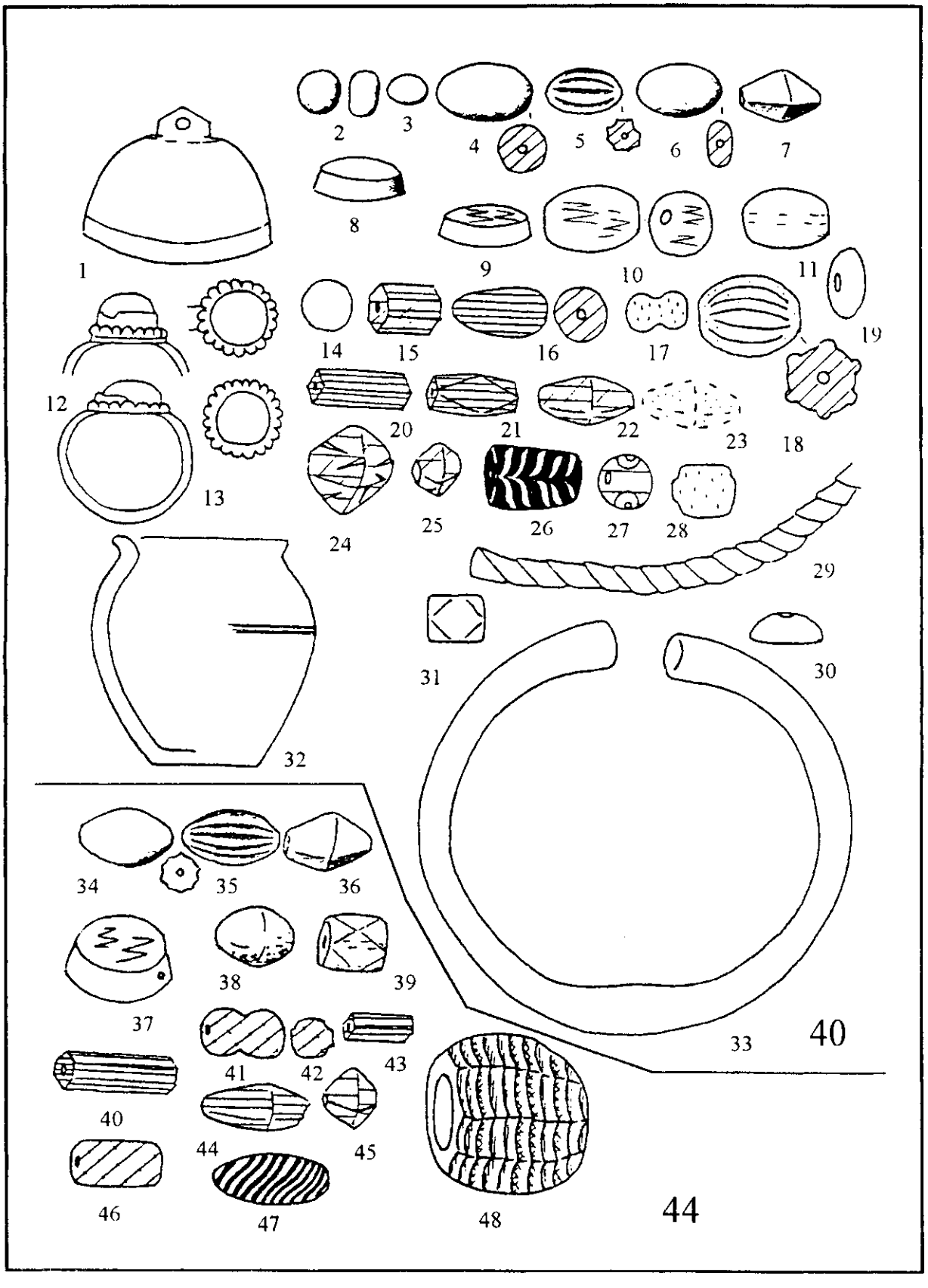


Рис. 50. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 40 (продолжение), 44 (раскопки И.П.Костюченко)

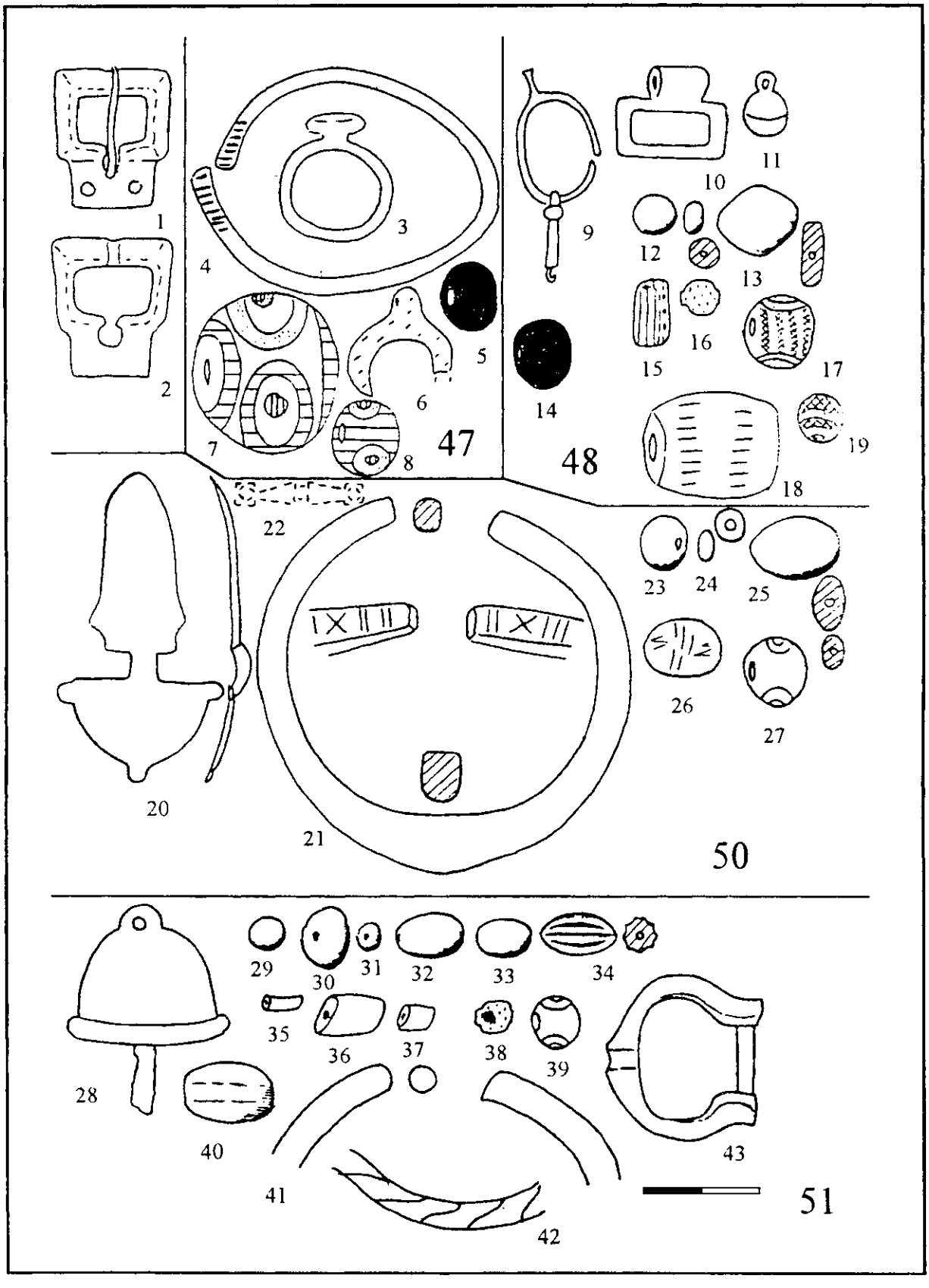


Рис. 51. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 47, 48, 50, 51 (раскопки И.П.Костюченко)

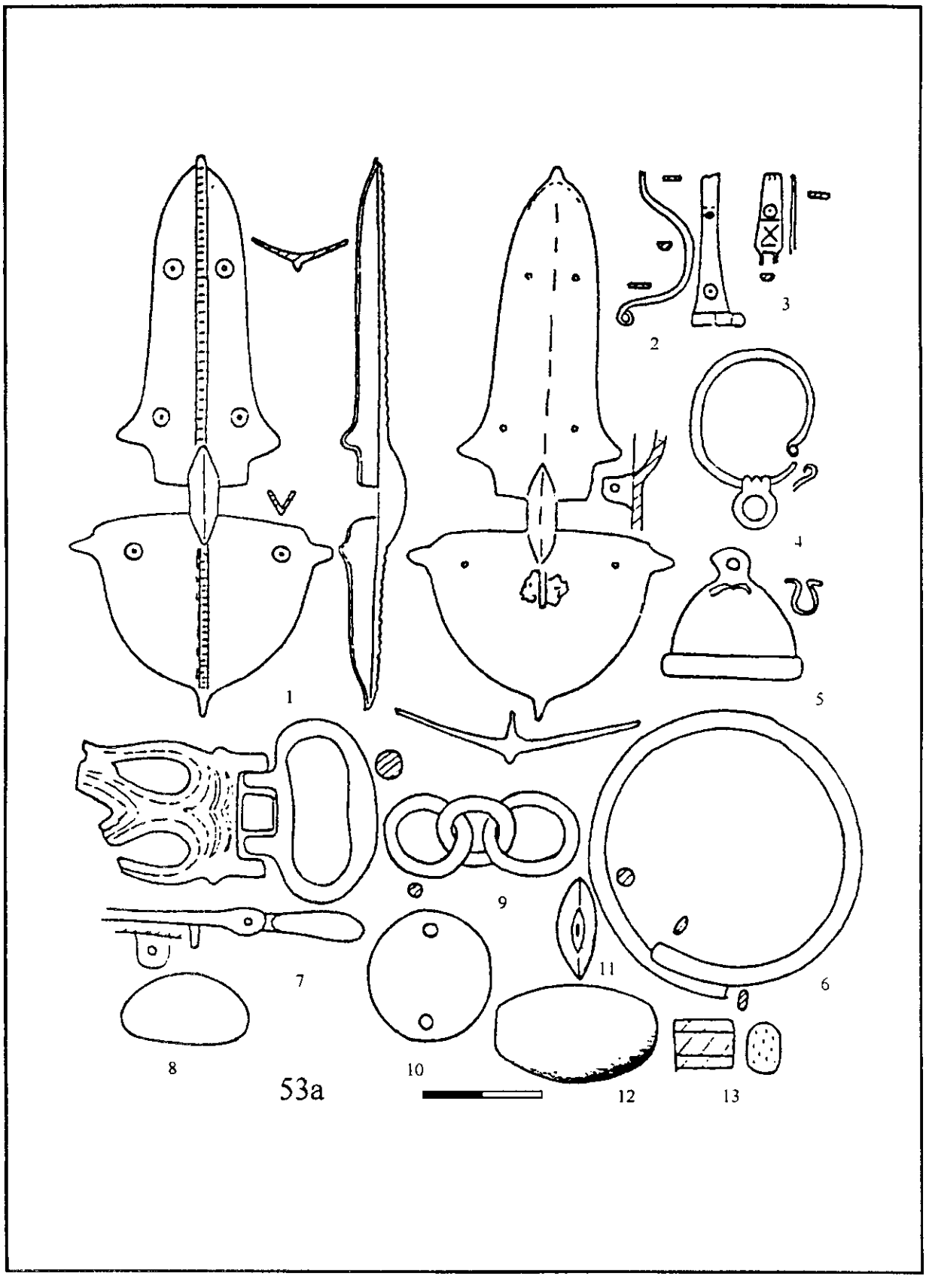


Рис. 52. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребения 53а (раскопки И.П.Костюченко)

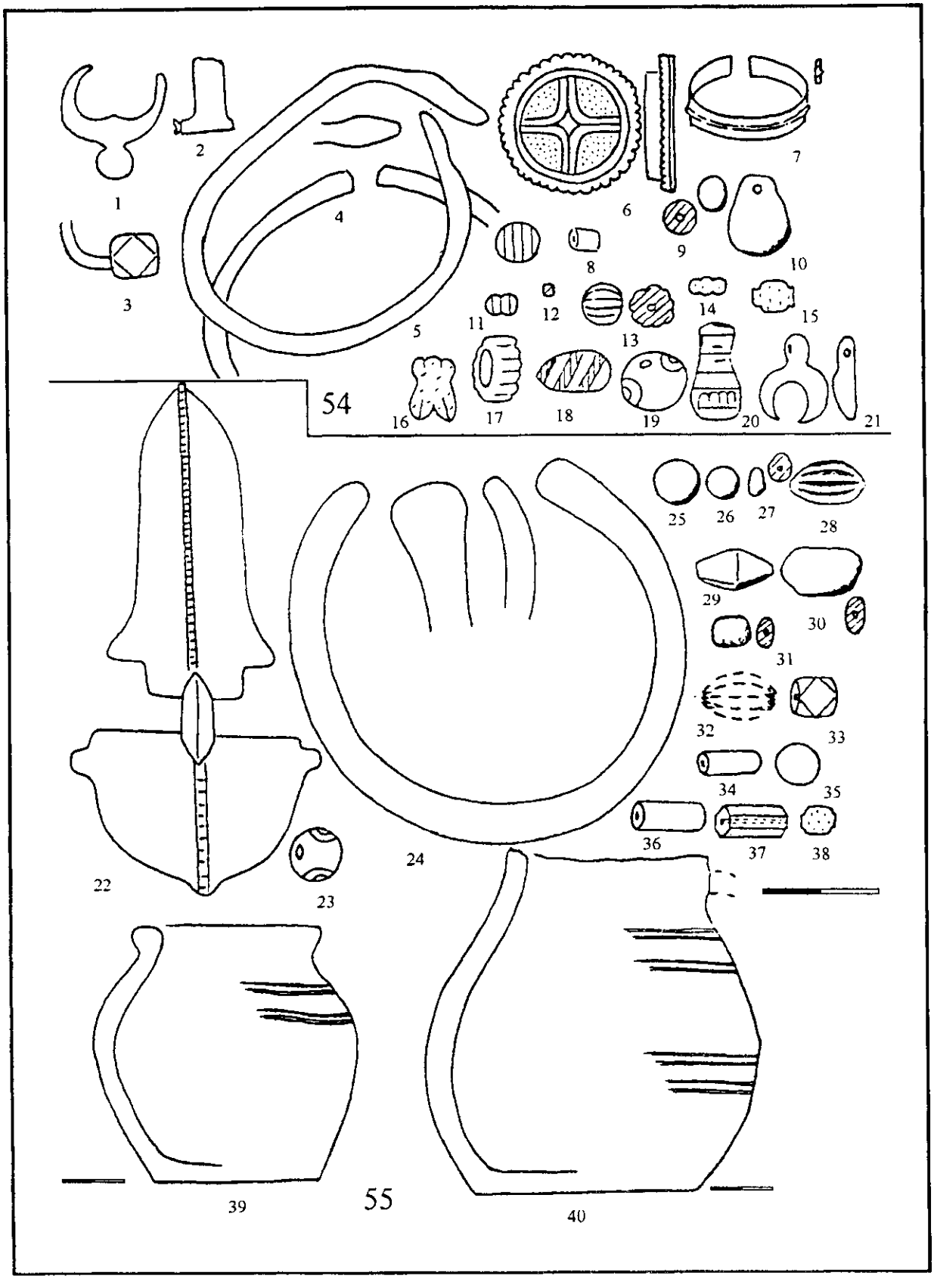


Рис. 53. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 54, 55 (раскопки И.П.Костюченко)

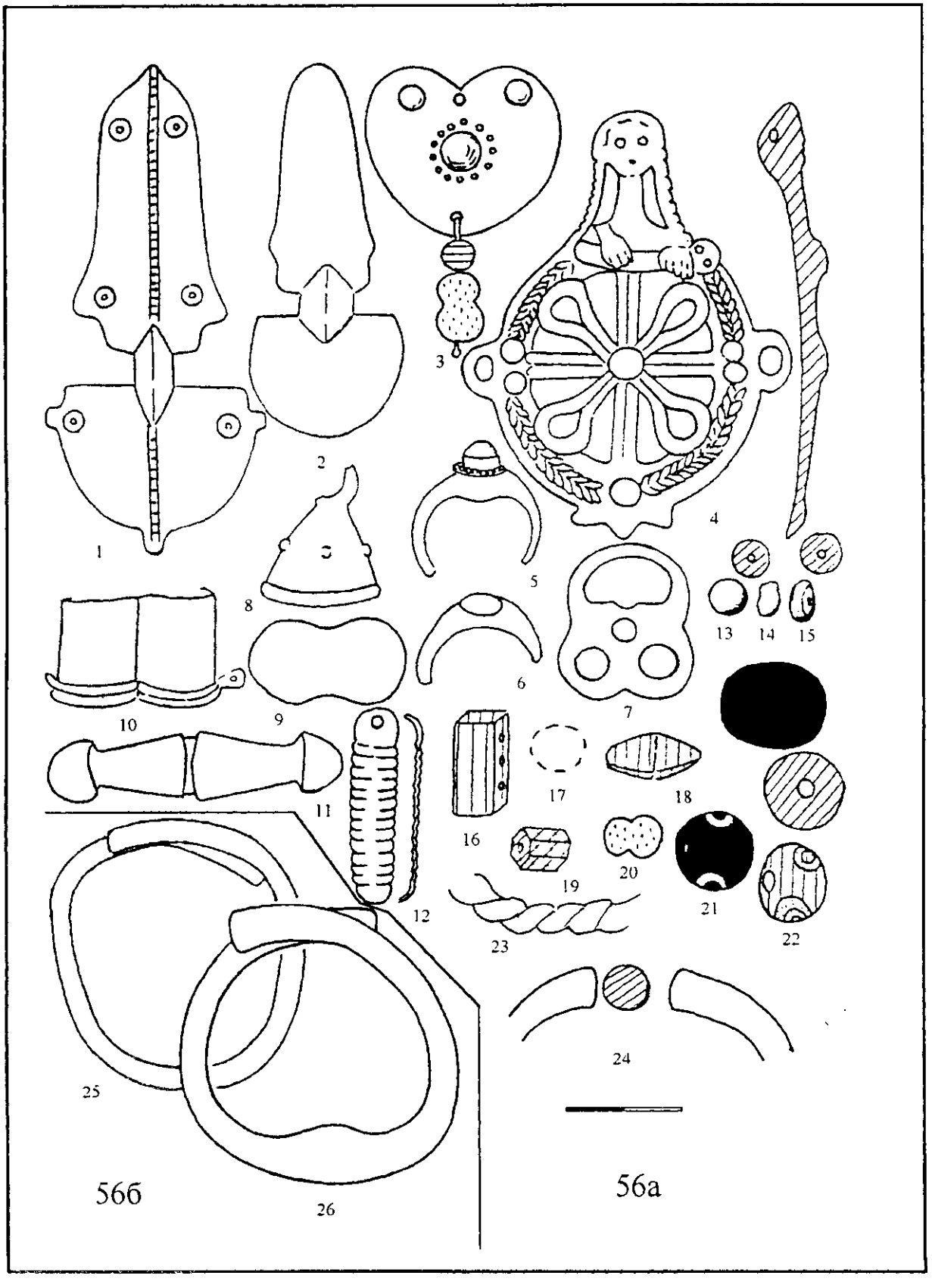


Рис. 54. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 56а, 56б (раскопки И.П.Костюченко)

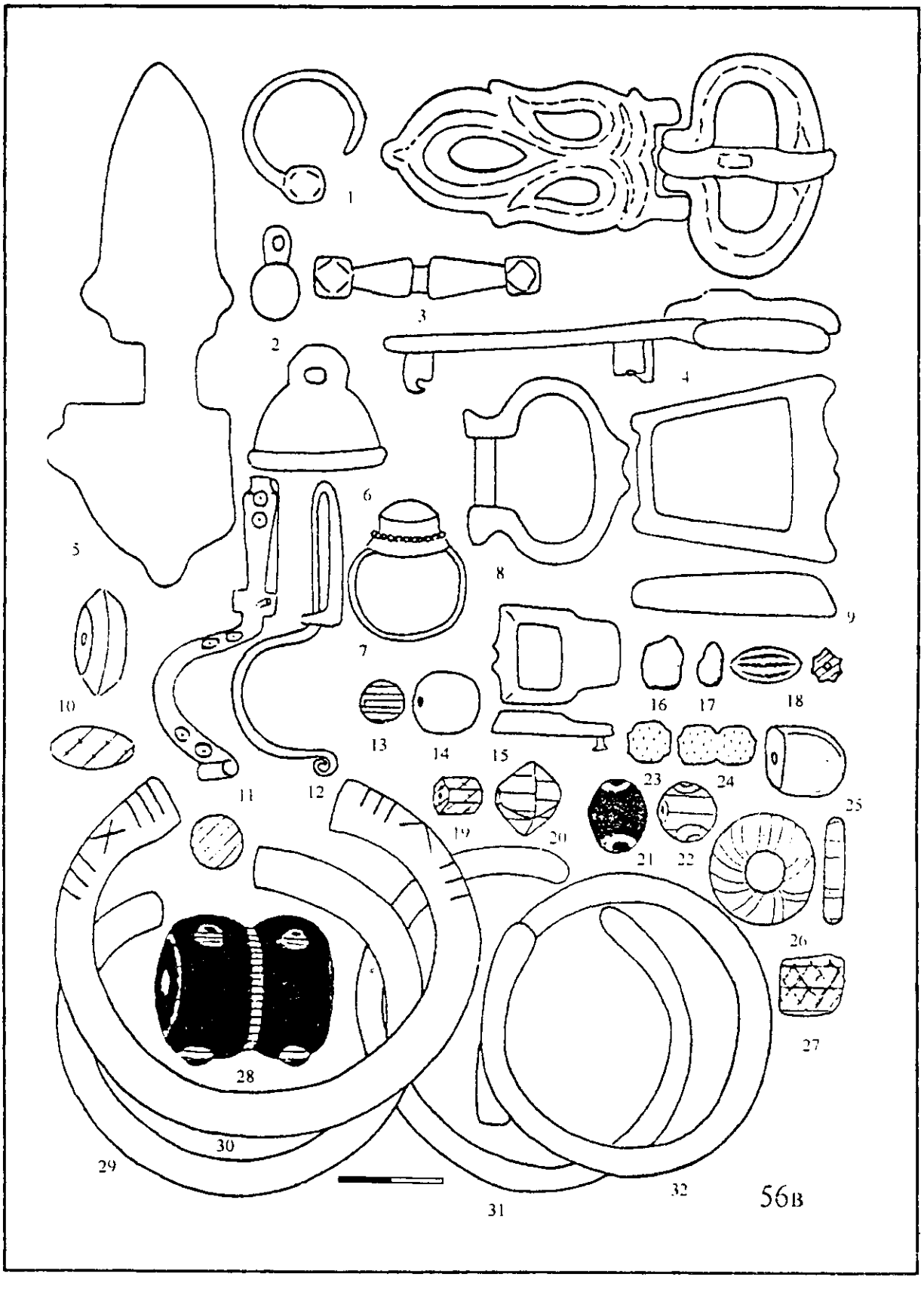


Рис. 55. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребения 56в (раскопки И.П.Костюченко)

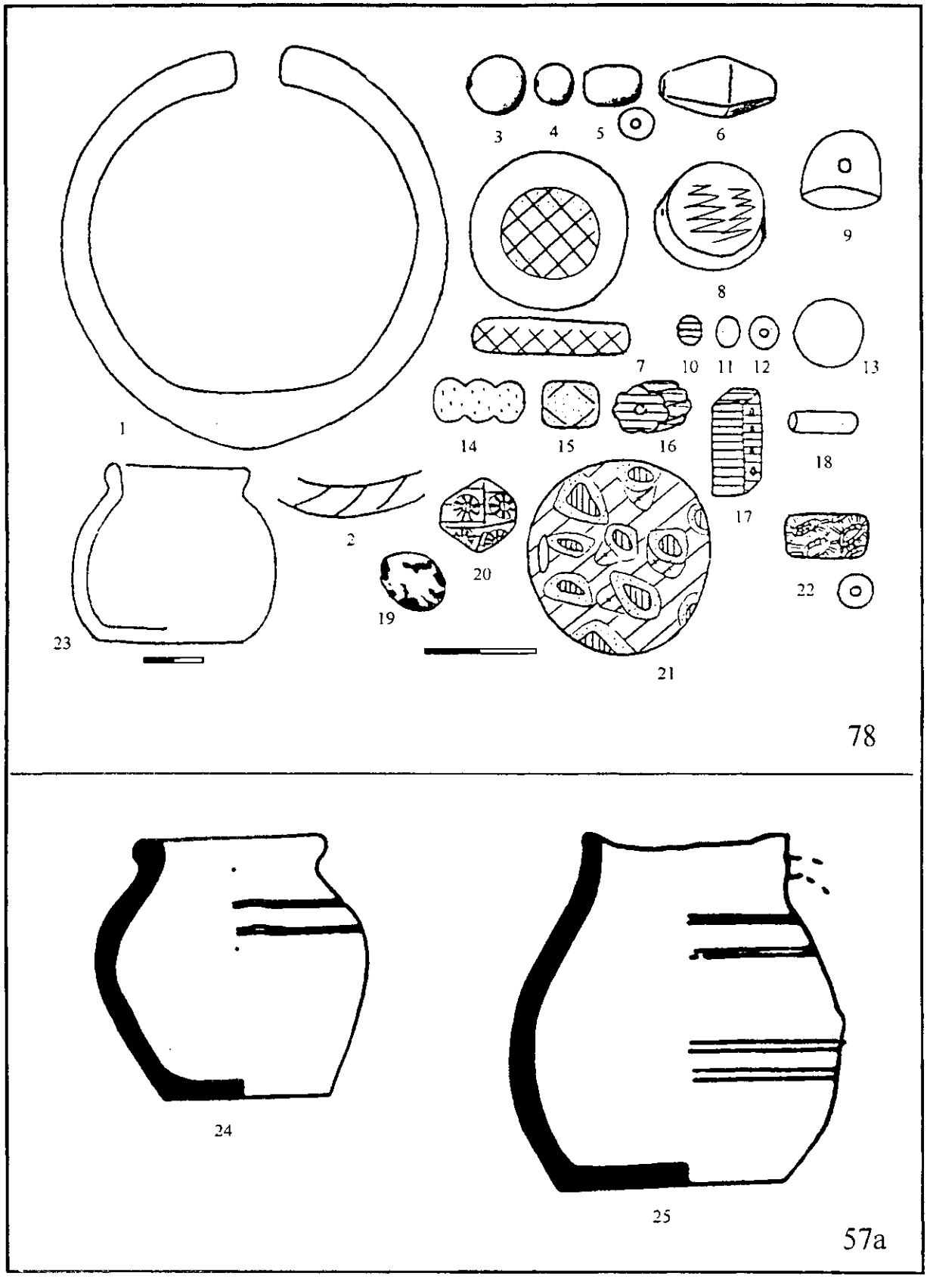


Рис. 56. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 57а, 78 (раскопки И.П.Костюченко)

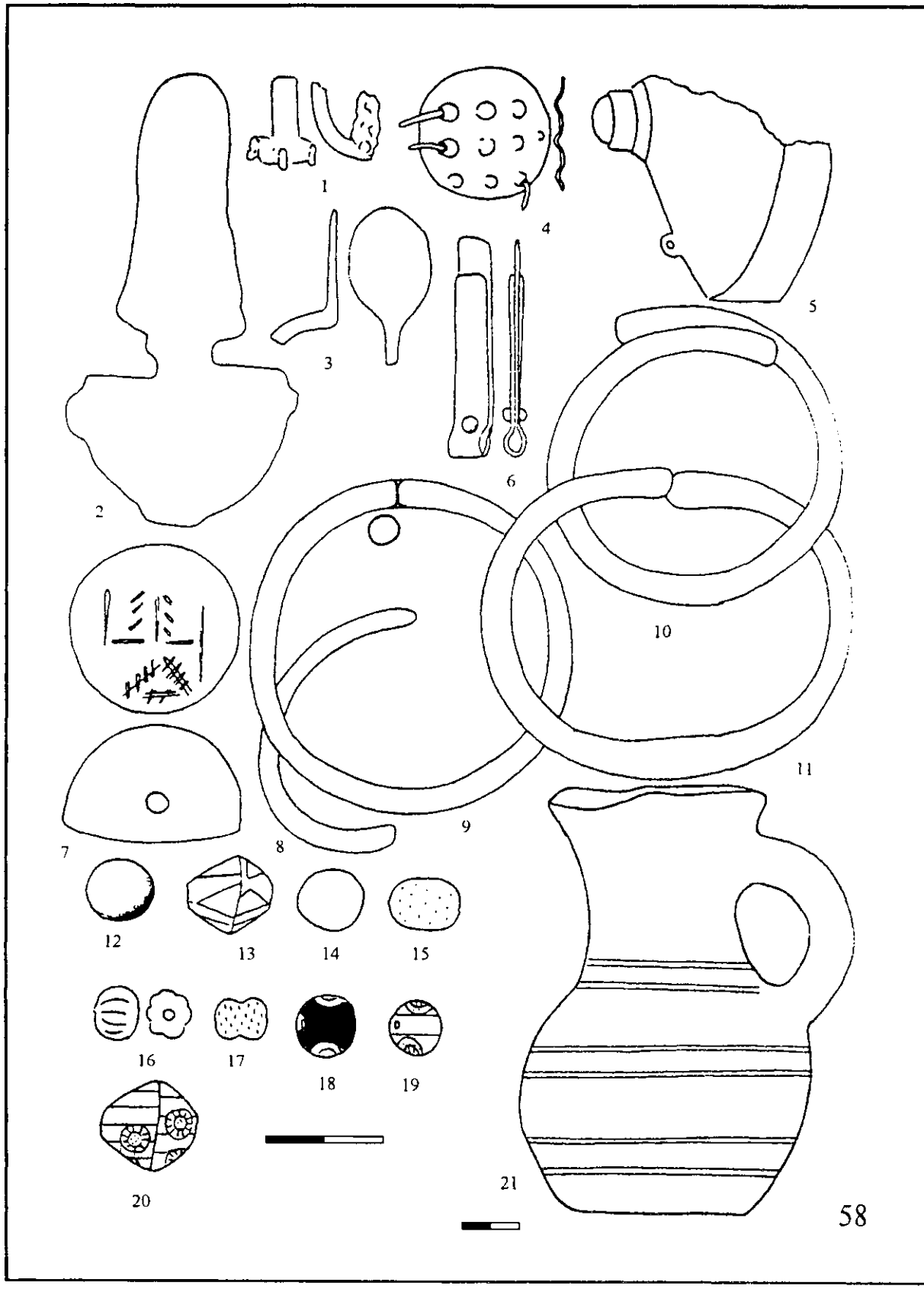


Рис. 57. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребения 58 (раскопки И.П.Костюченко)

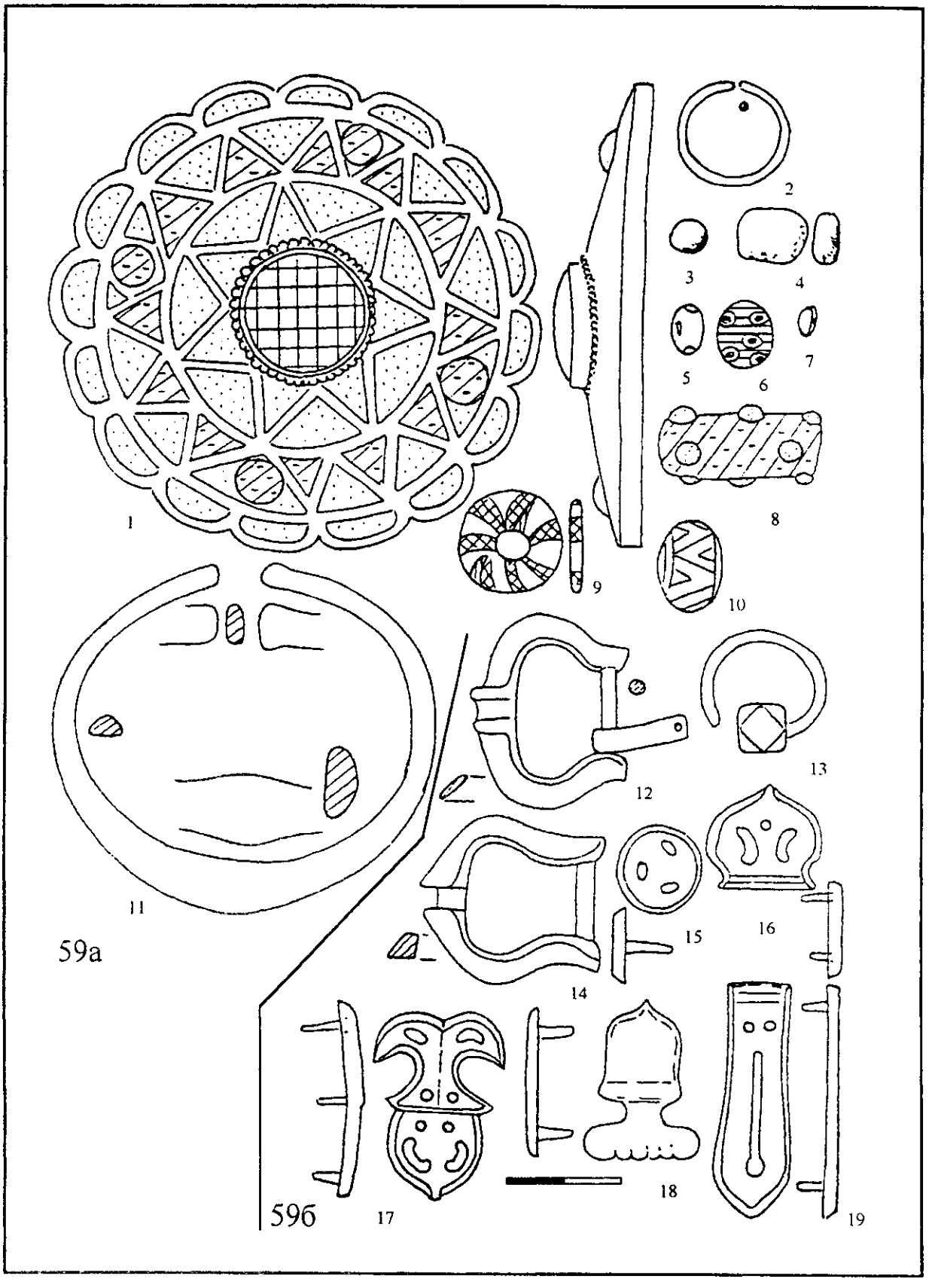


Рис. 58. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 59а, 59б (раскопки И.П.Костюченко)

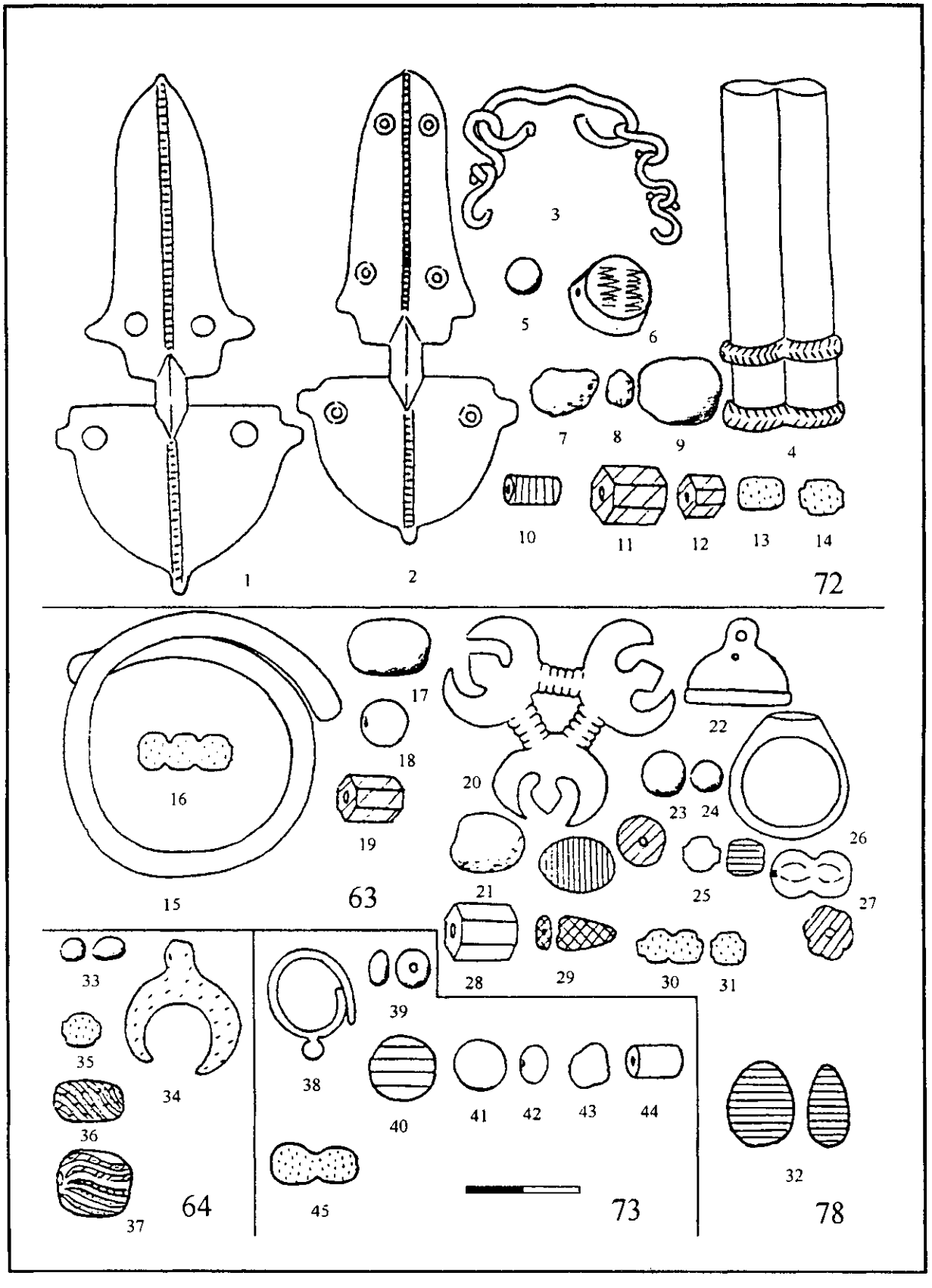


Рис. 59. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 63, 64, 72, 73, 78 (раскопки И.П.Костюченко)

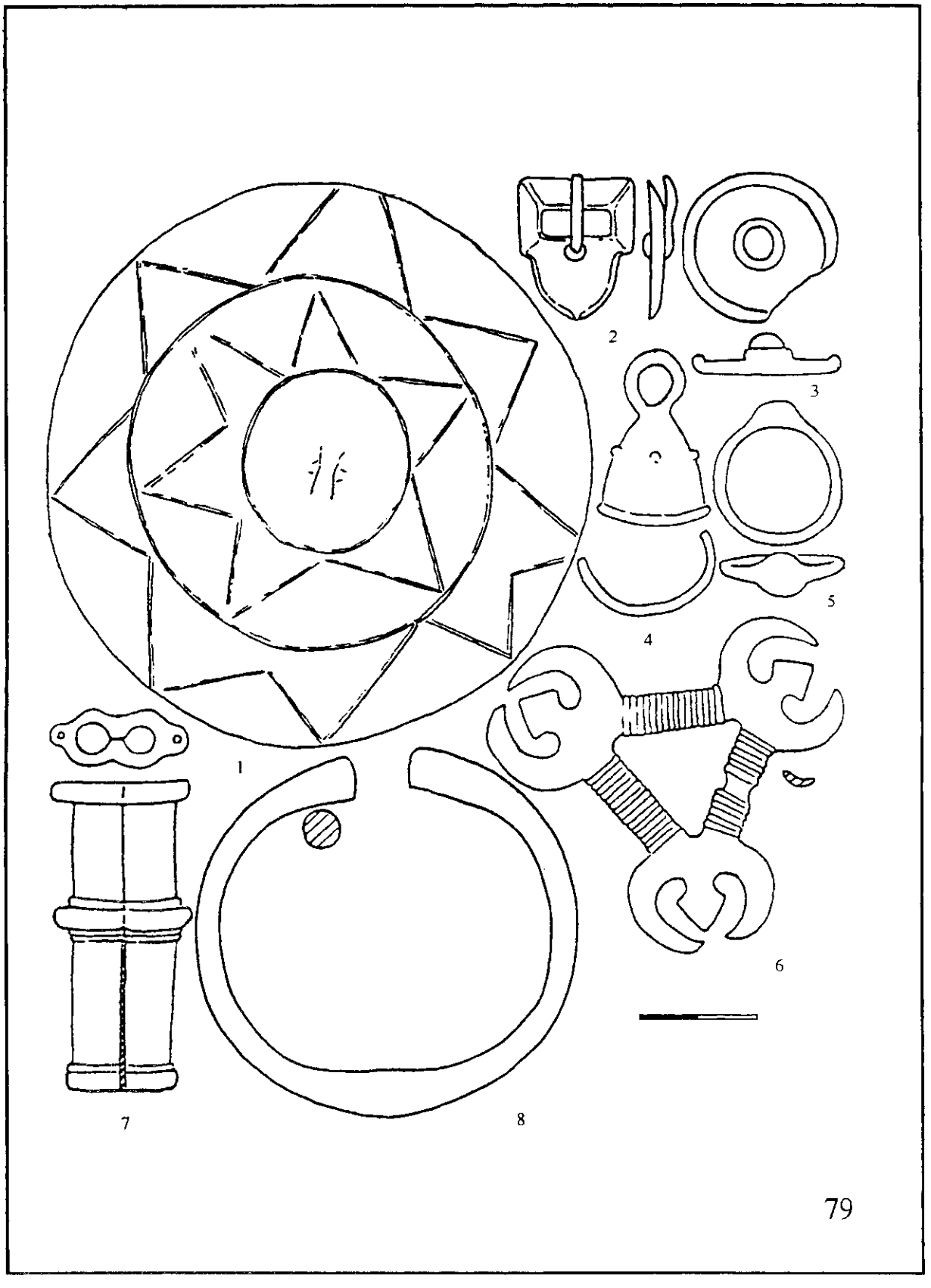


Рис. 60. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребения 79 (раскопки И.П.Костюченко)

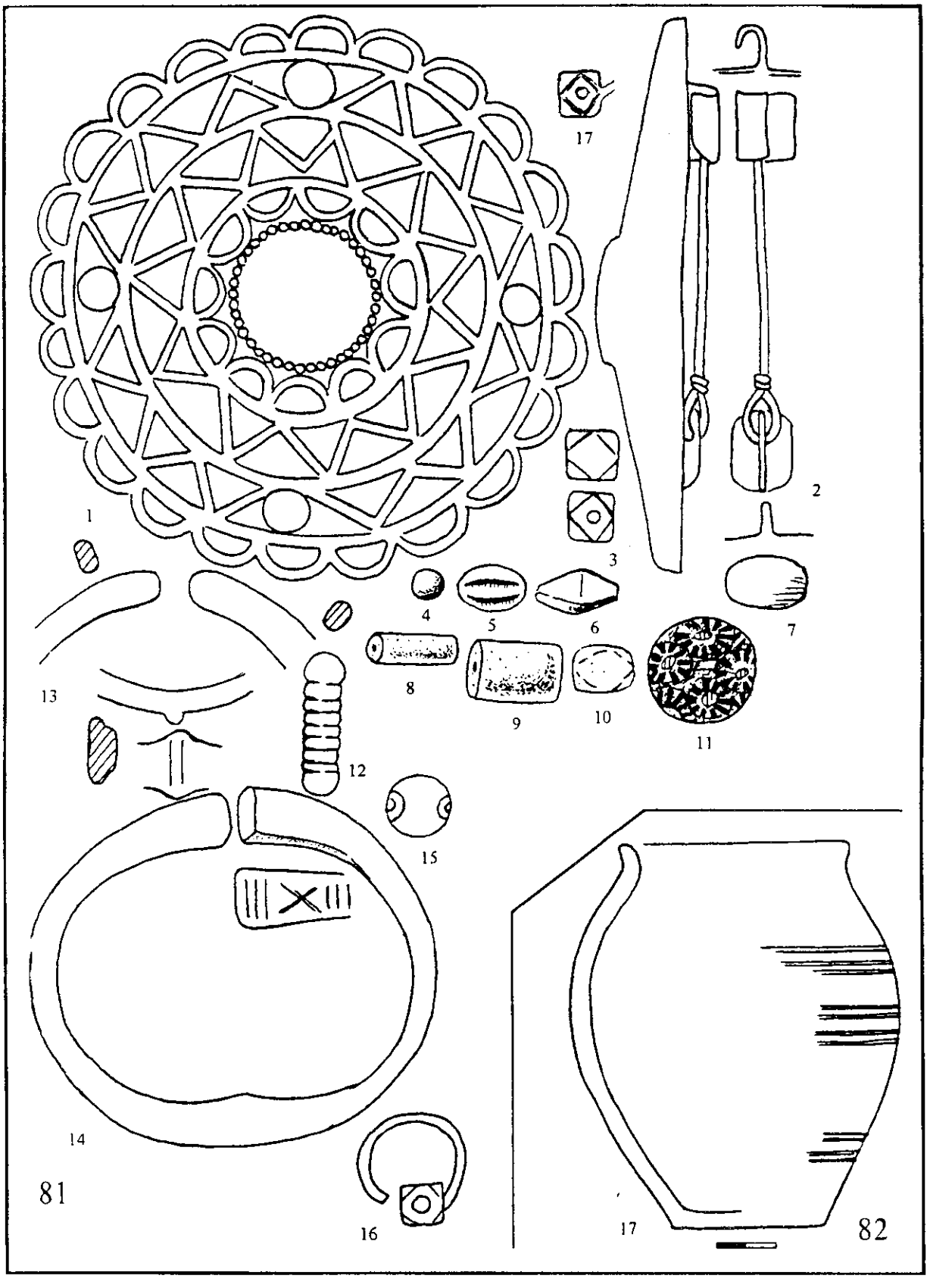


Рис. 61. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 81, 82 (раскопки И.П.Костюченко)

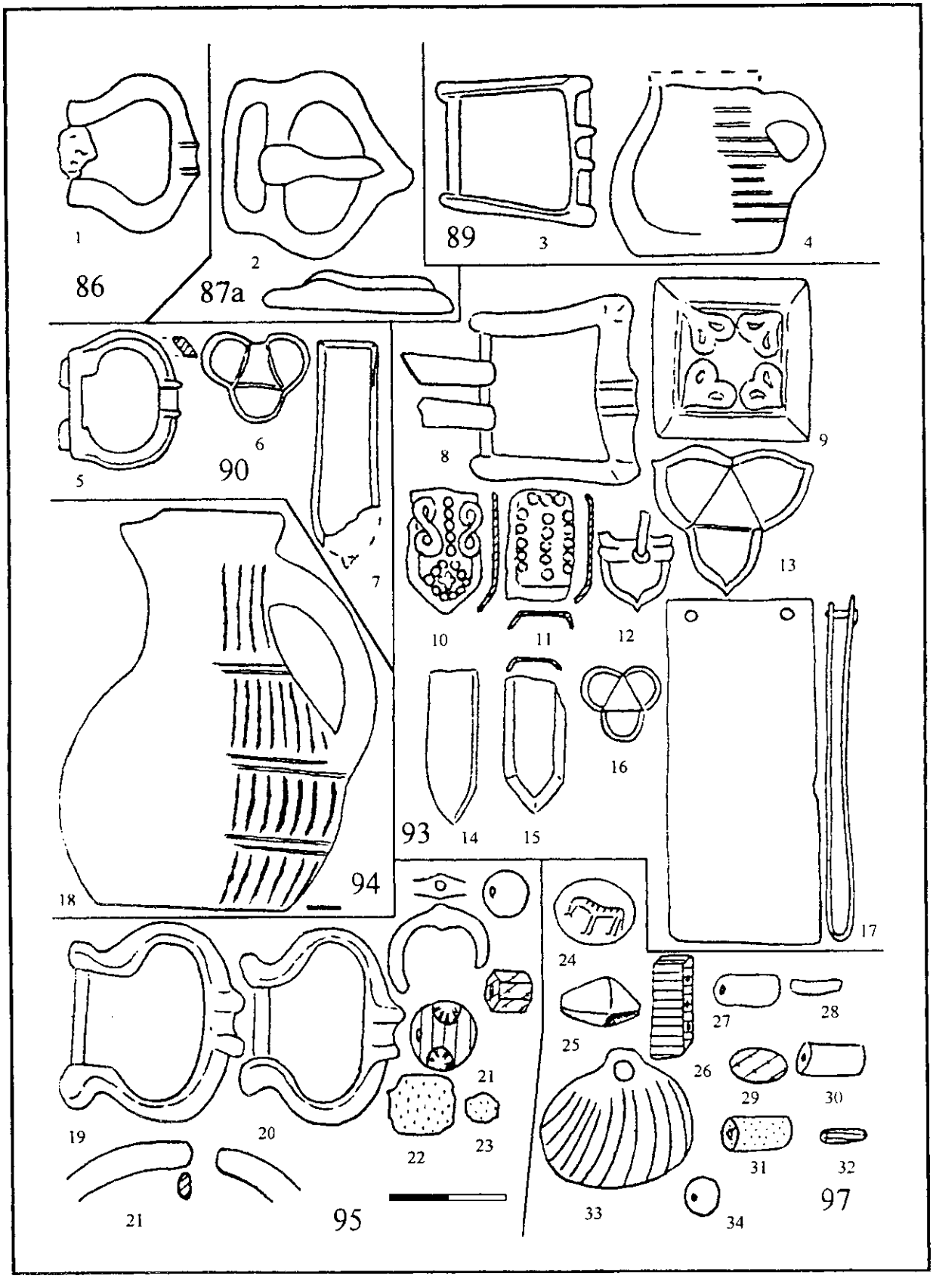


Рис. 62. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 86, 87а, 89, 93–95, 97 (раскопки И.П.Костюченко)

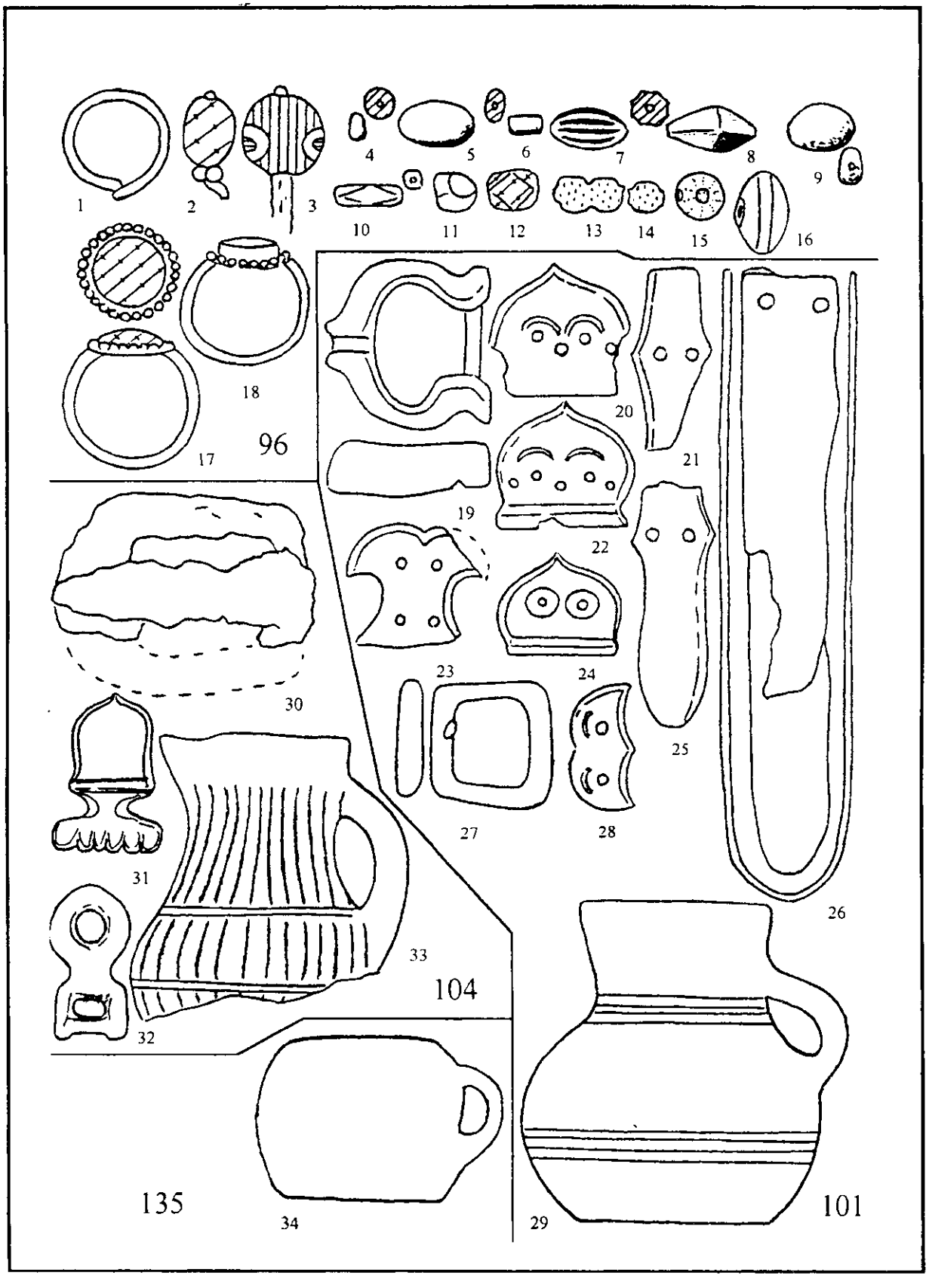


Рис. 63. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 96, 101, 104, 135 (раскопки И.П.Костюченко)

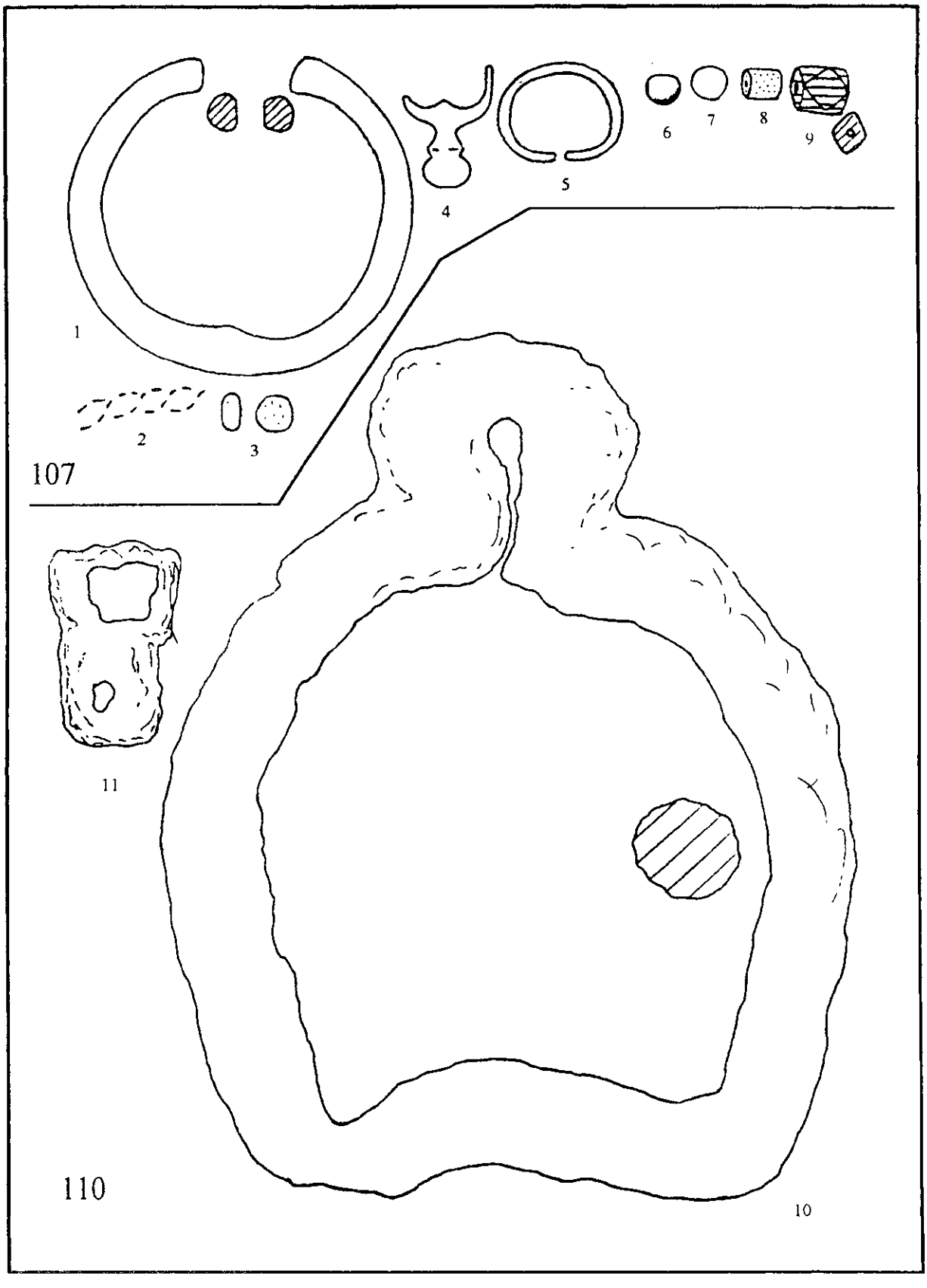


Рис. 64. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 107, 110 (раскопки И.П.Костюченко)

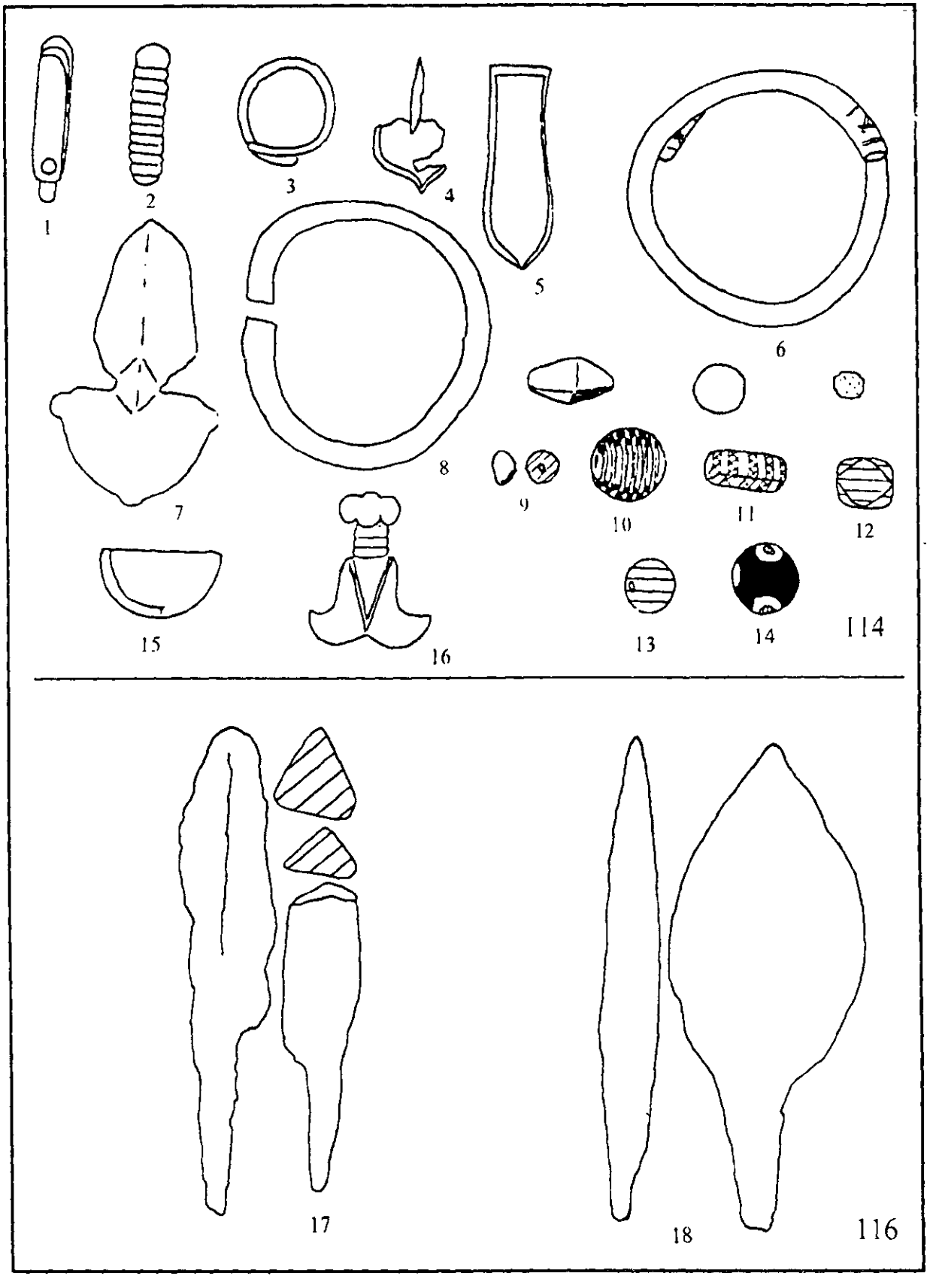


Рис. 65. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 114, 116 (раскопки И.П.Костюченко)

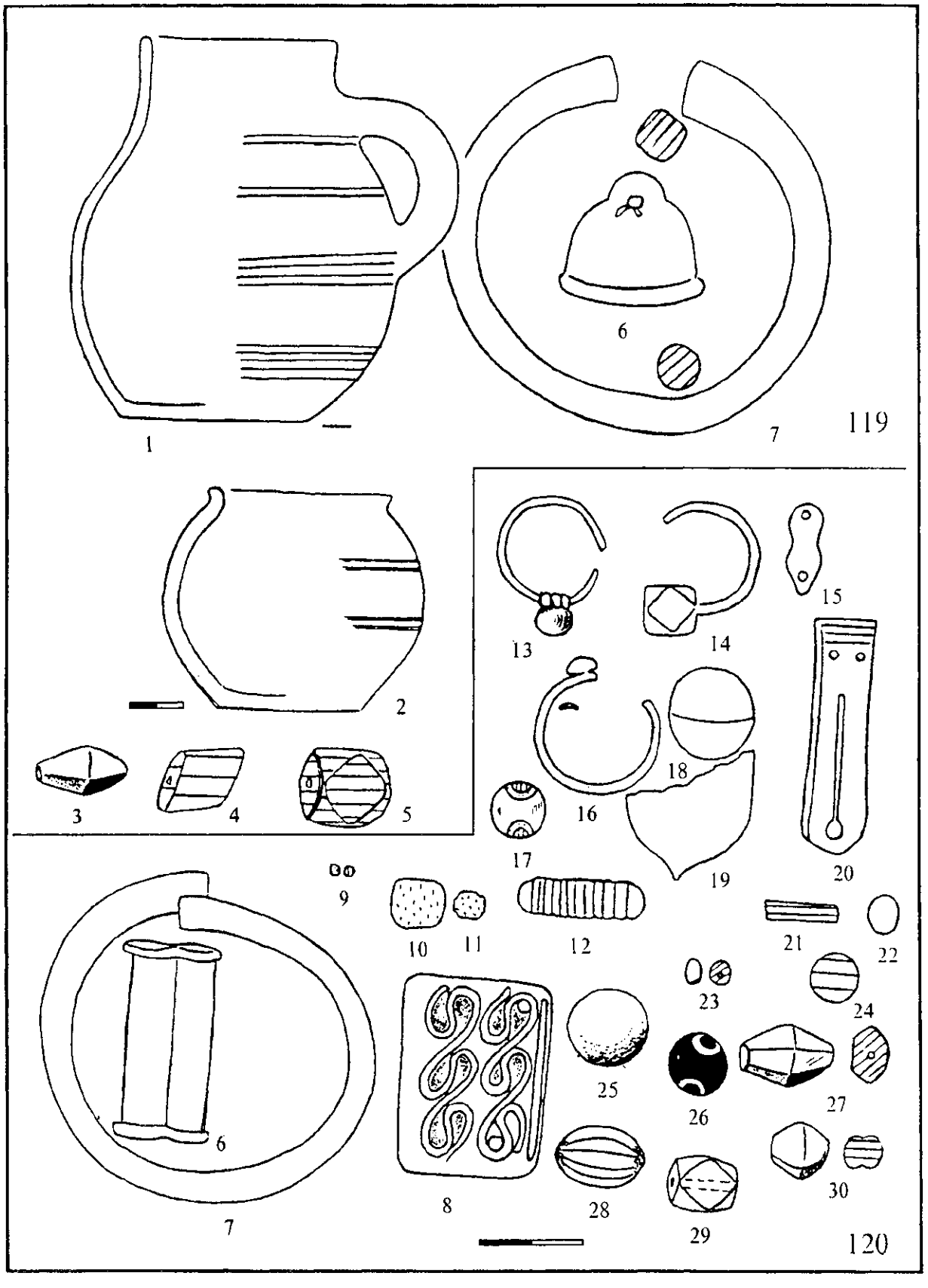


Рис. 66. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 119, 120 (раскопки И.П.Костюченко)

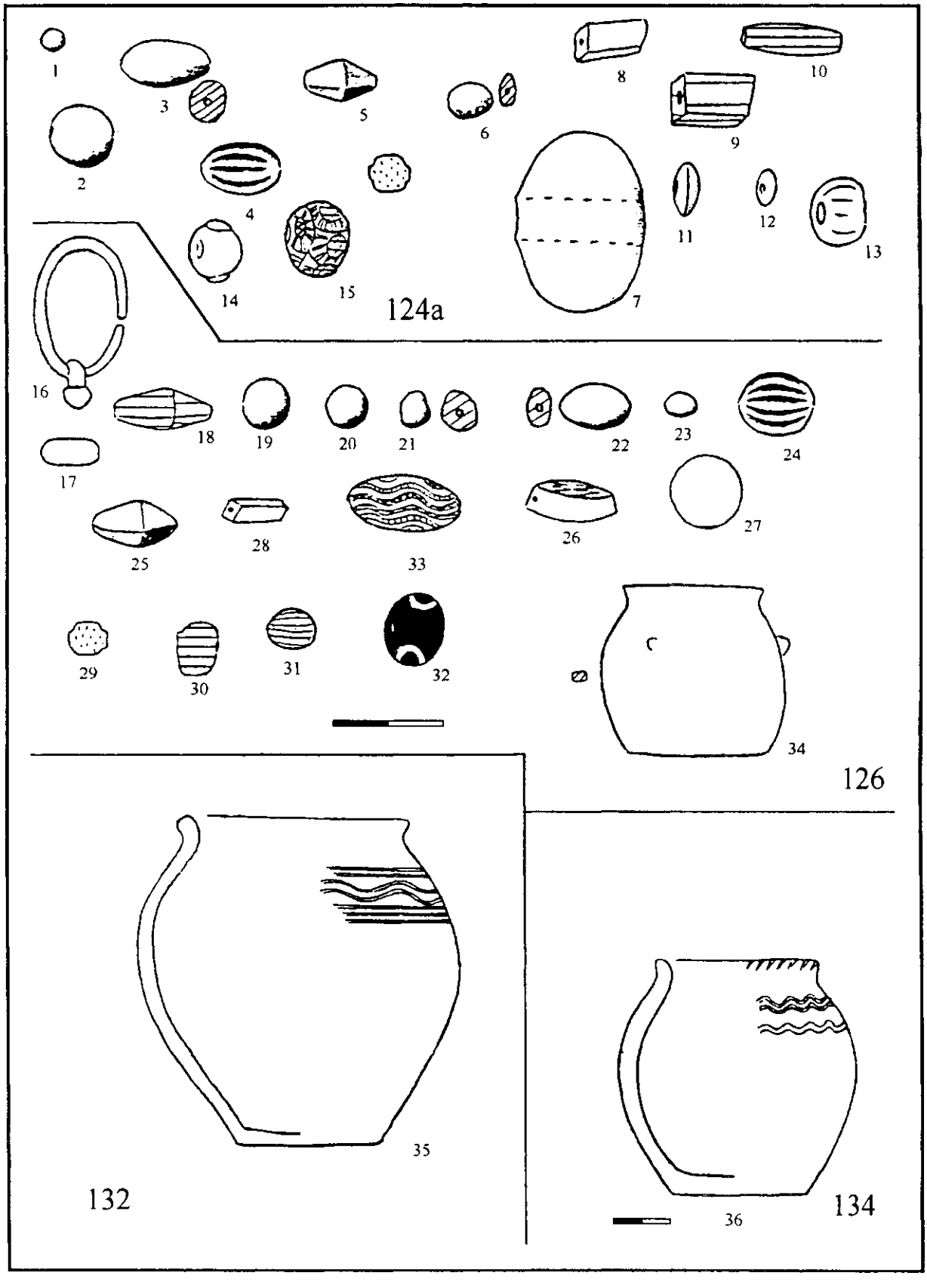


Рис. 67. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 124а, 126, 132, 134 (раскопки И.П.Костюченко)

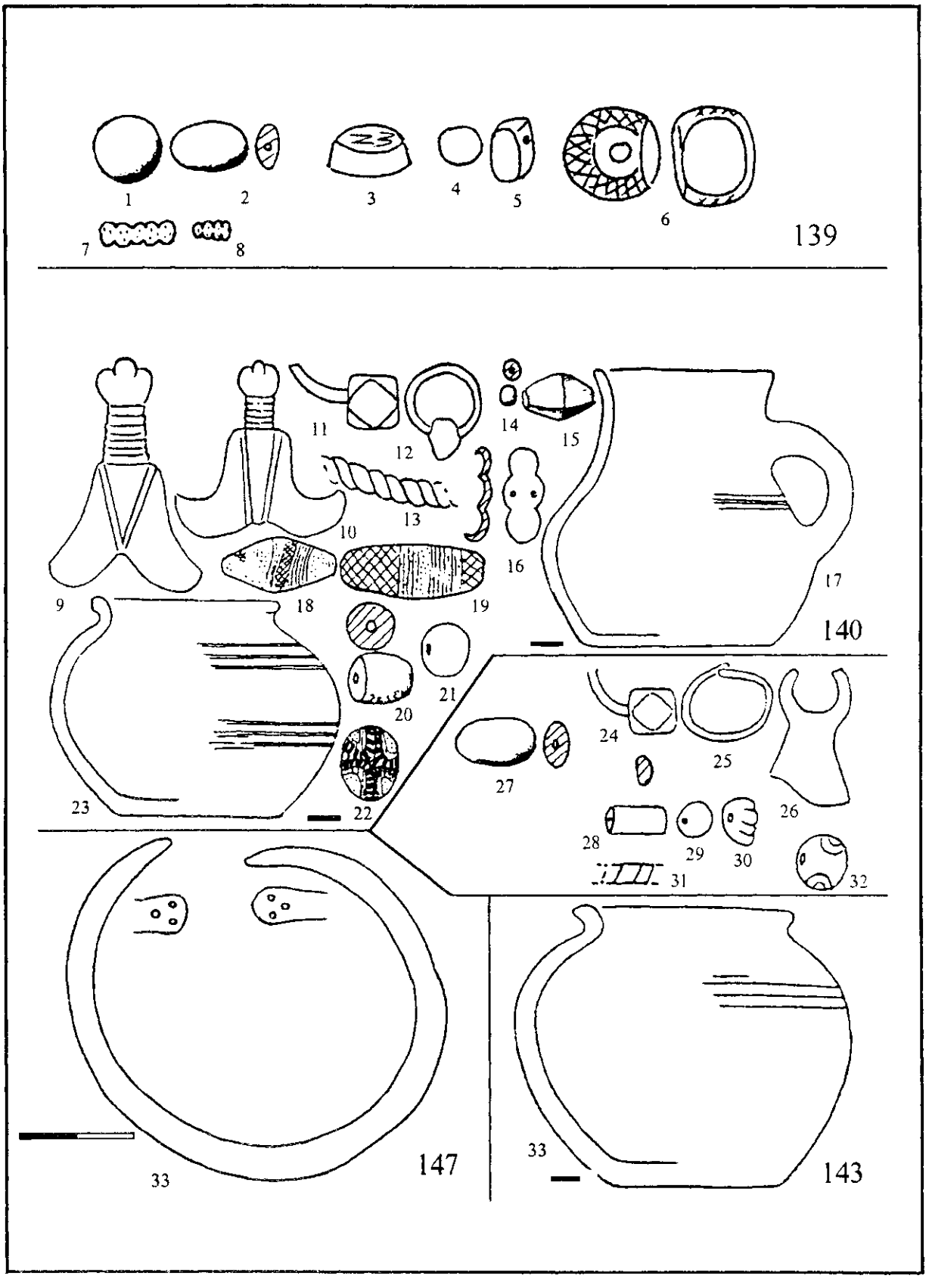


Рис. 68. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 139, 140, 143, 147 (раскопки И.П.Костюченко)

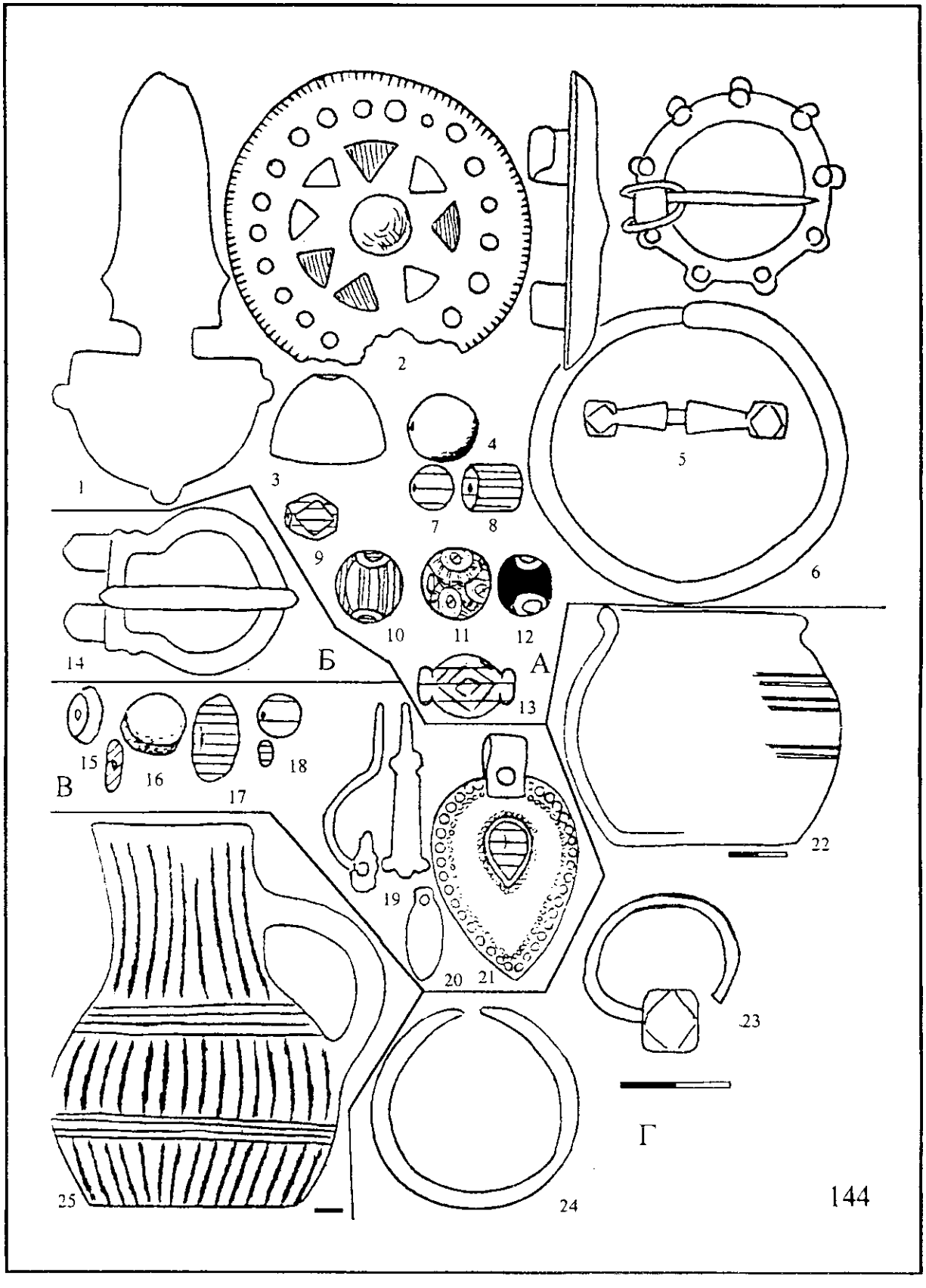


Рис. 69. В. Чир-Юрт I, инвентарь погребений 144 А, Б, В, Г (раскопки И.П.Костюченко)

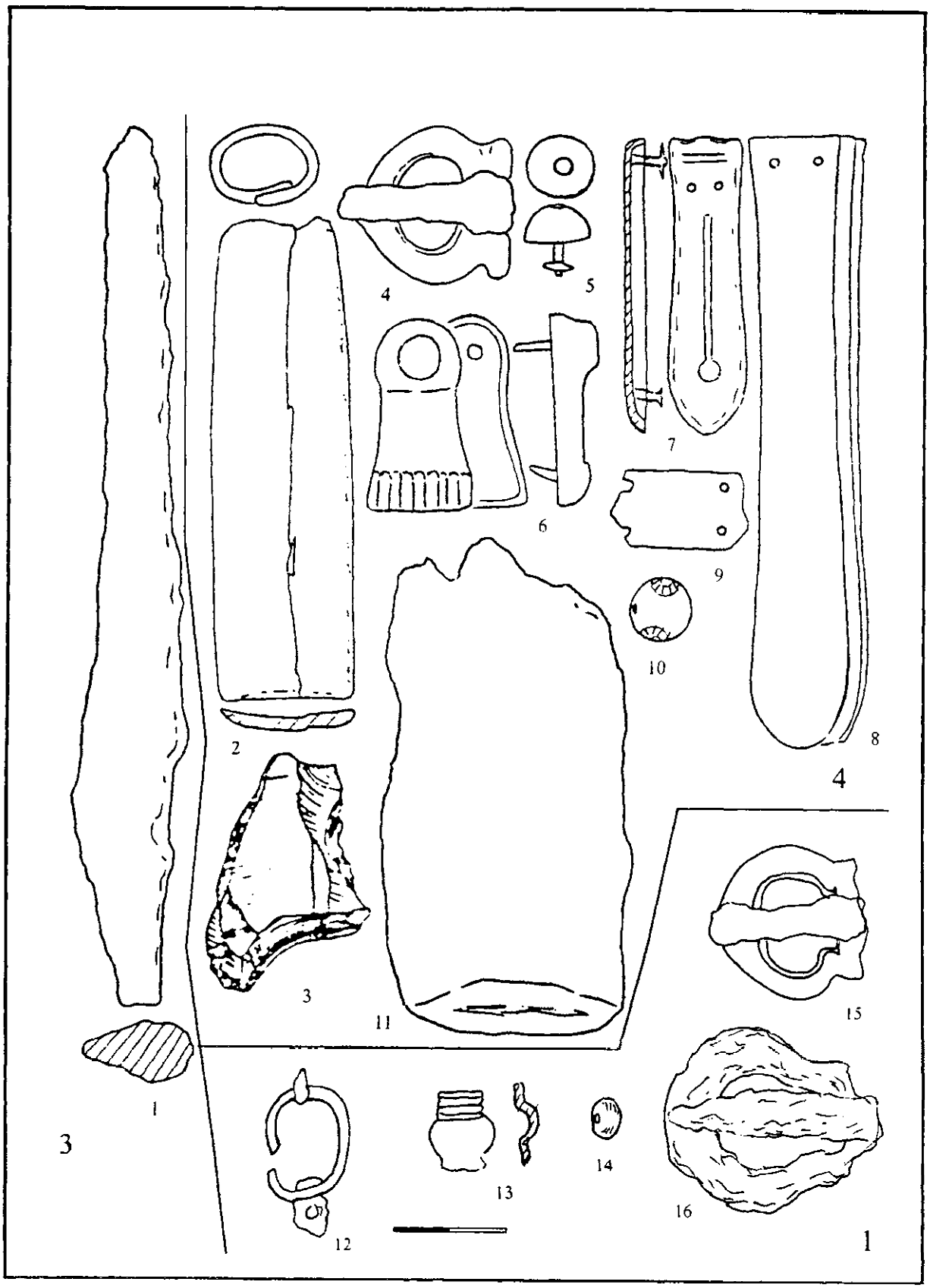


Рис. 70. В.Чир-Юрт I, инвентарь погр. 1, 3, 4 (раскопки Н.Д.Путинцевой)

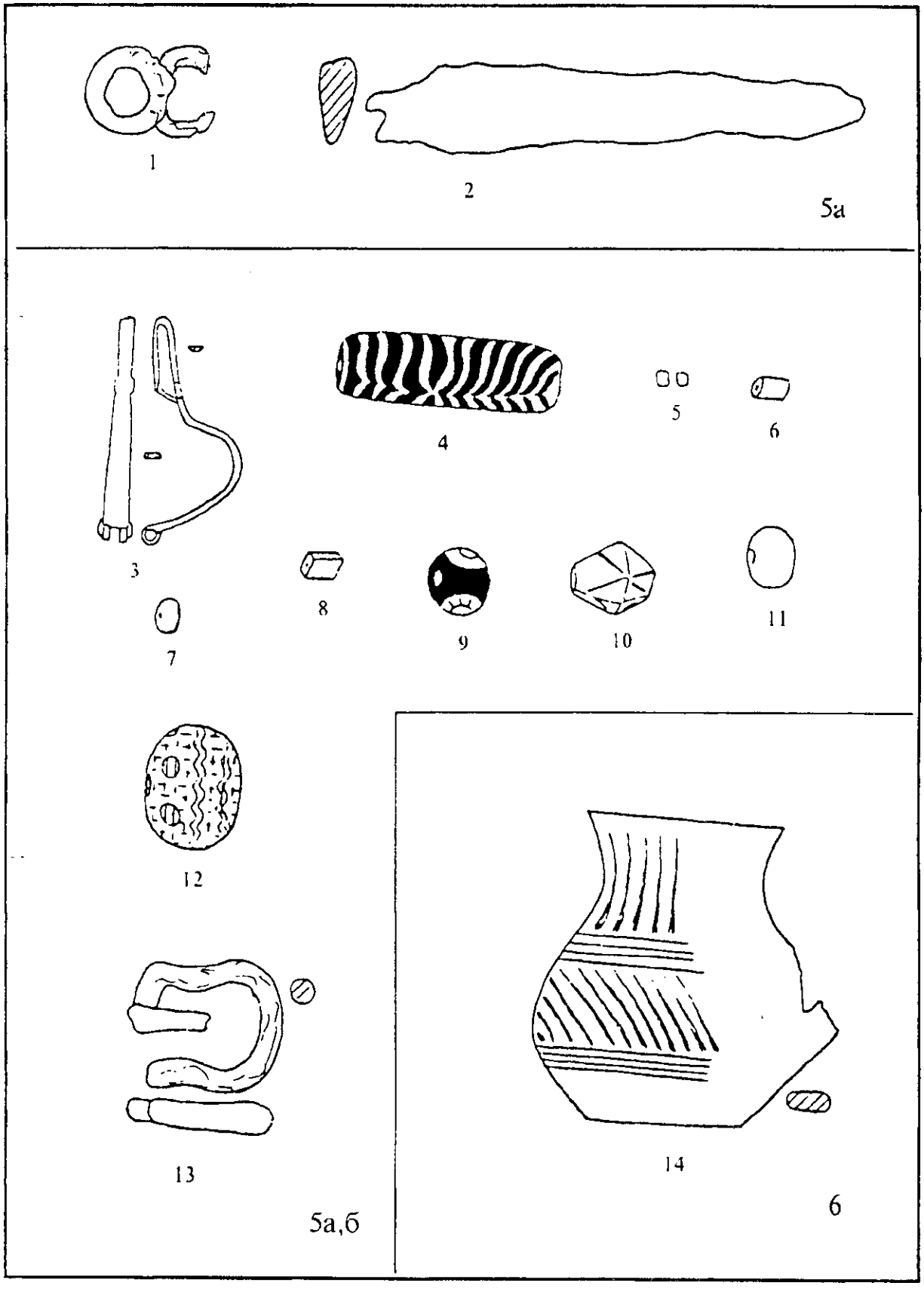


Рис. 71. В. Чир-Юрт I, инвентарь погр. 5а, б; 6 (раскопки Н.Д.Путинцевой)

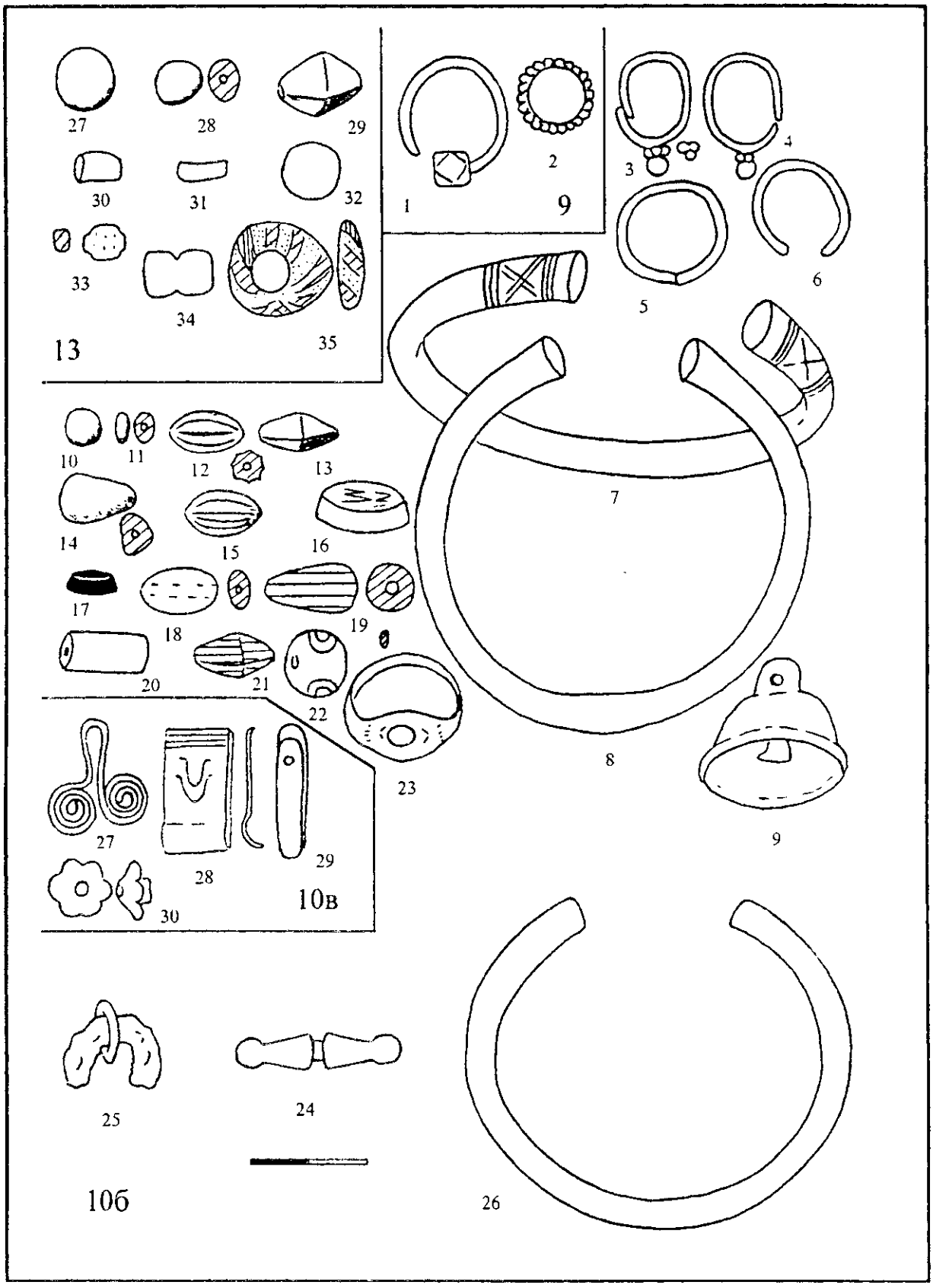


Рис. 72. В. Чир-Юрт I, инвентарь погр. 9, 10б, в; 13 (раскопки Н.Д.Путинцевой)

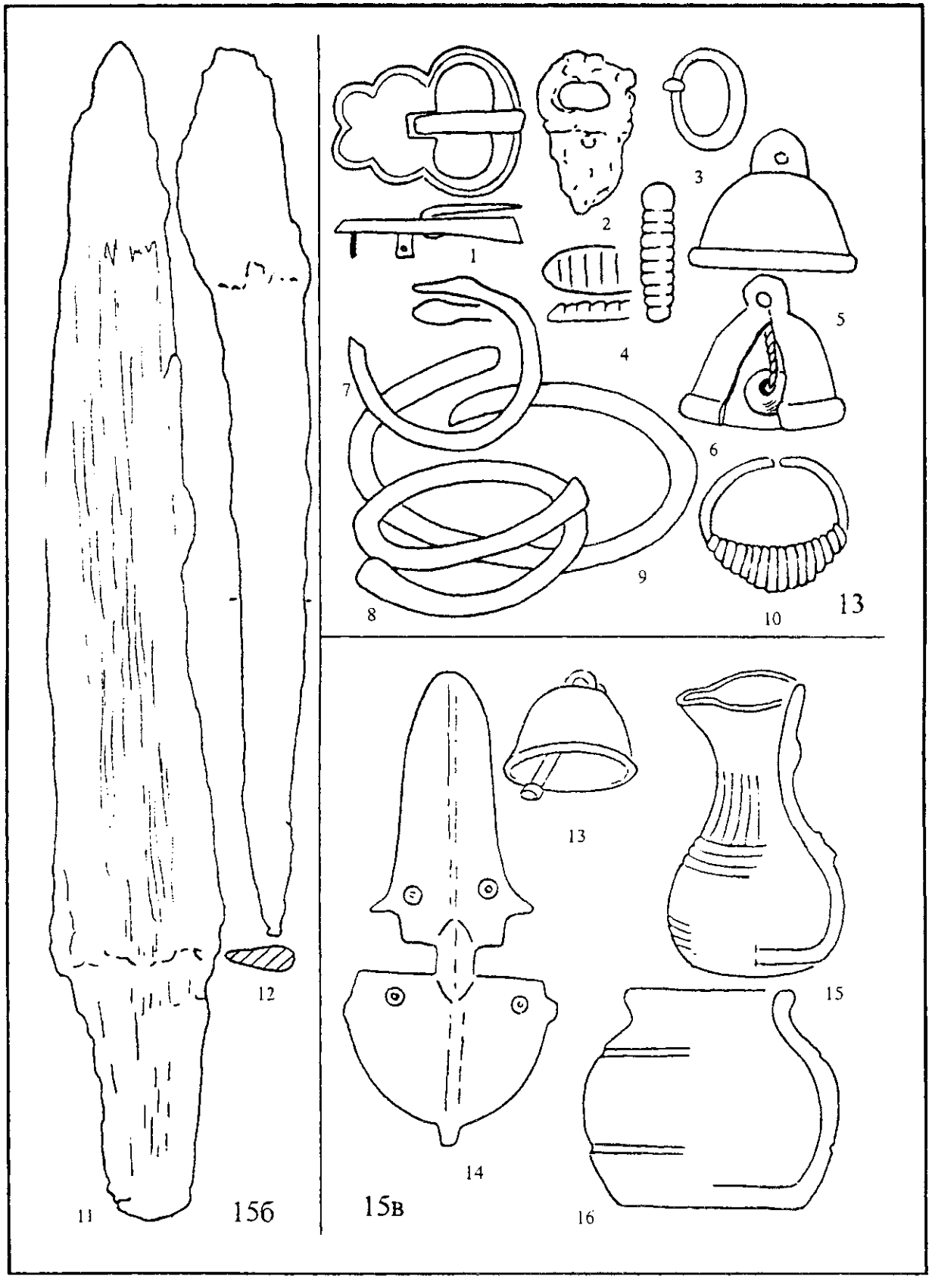


Рис. 73. В. Чир-Юрт I, инвентарь погр. 13, 15б, в. (раскопки Н.Д.Путинцевой)

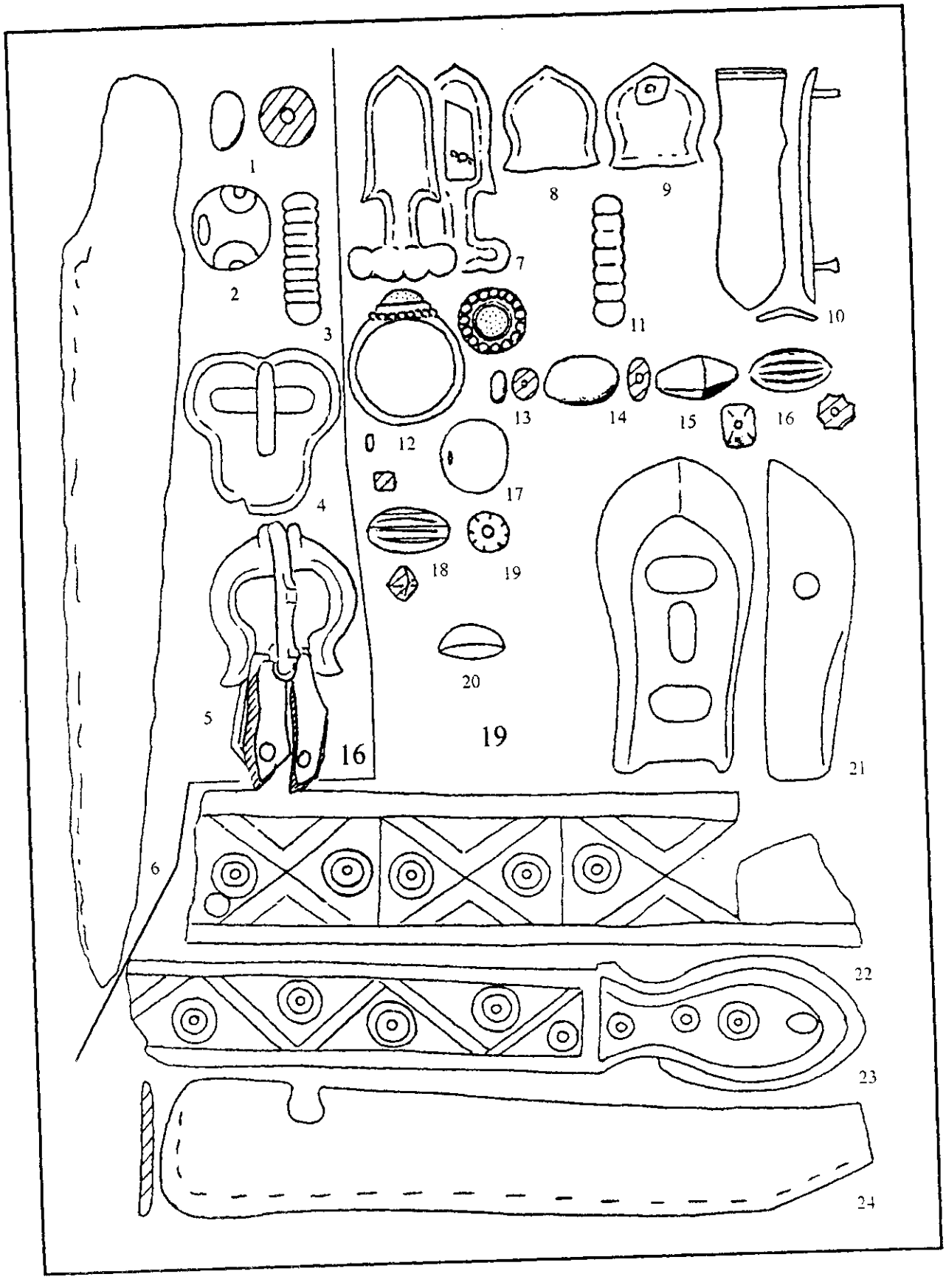


Рис. 74. В. Чир-Юрт I, инвентарь погр. 16, 19 (раскопки Н.Д.Путинцевой)

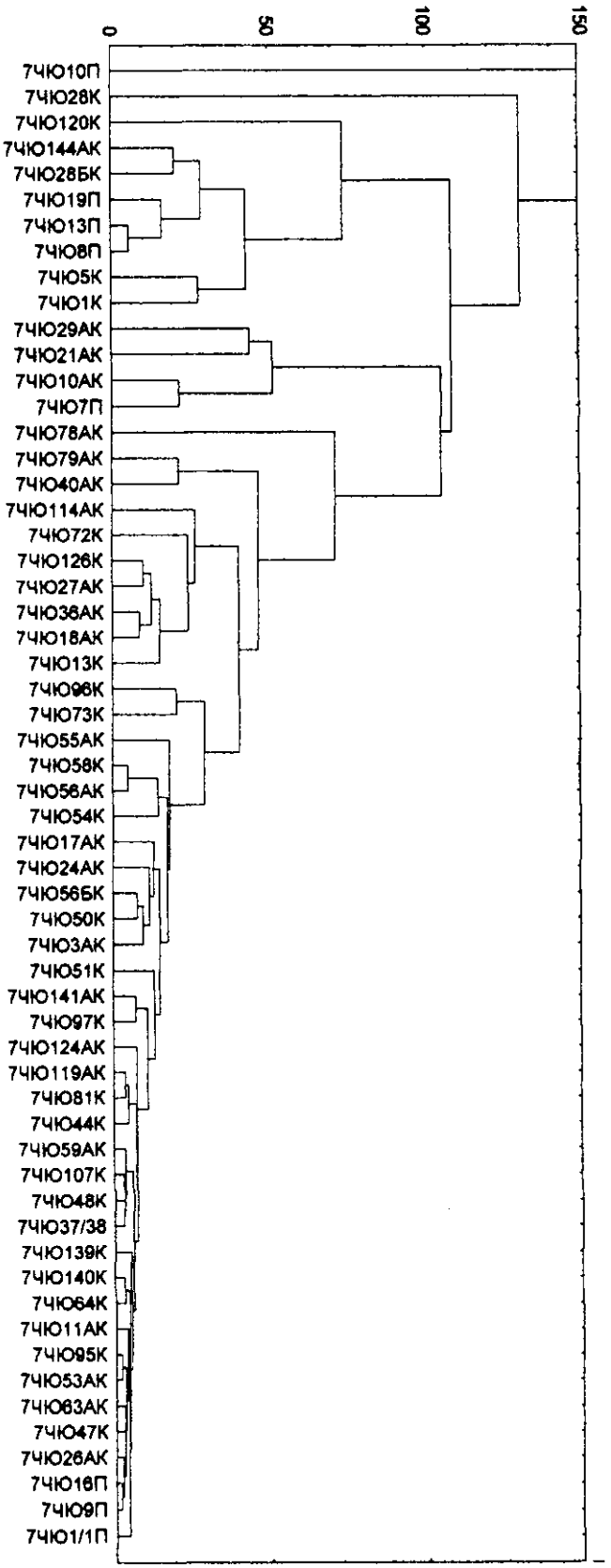


Рис. 75

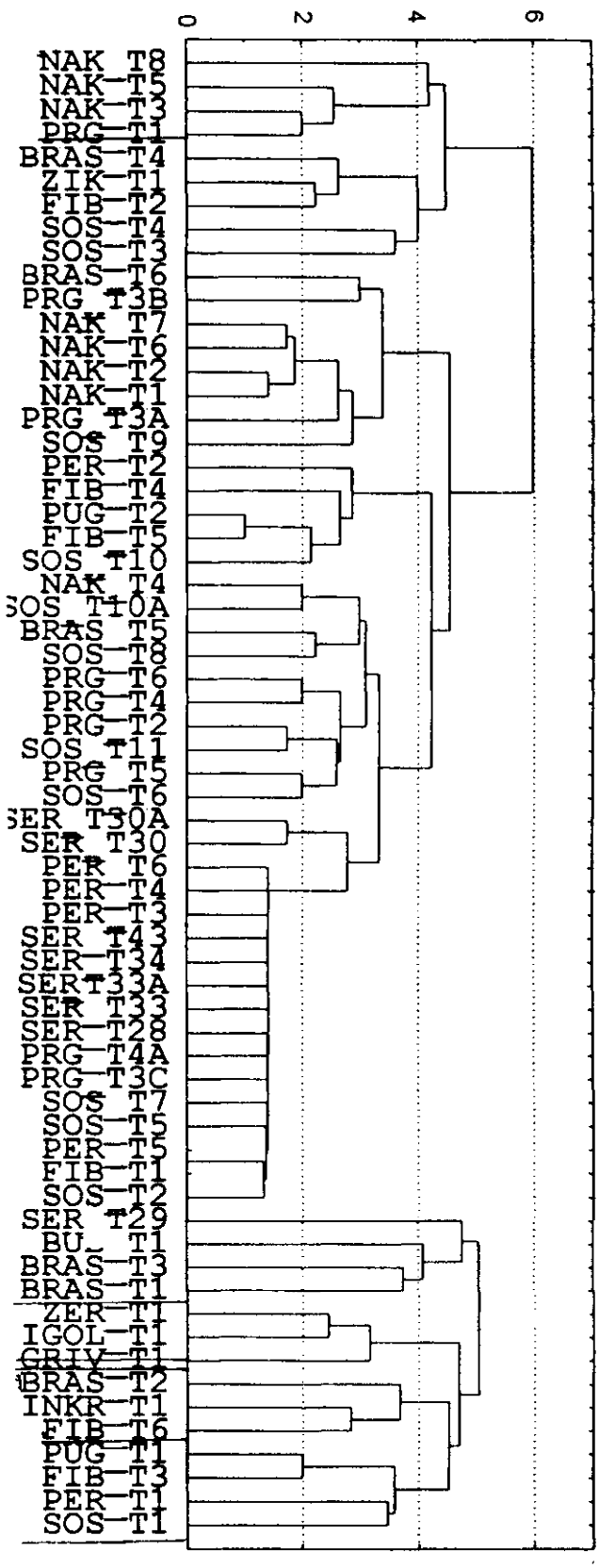


Рис. 76

Рис. 75. Группировка 58 погребений Верхне-Чирюртского могильника, содержащих бусы (Complete Linkage-Euclidian distances)

Рис. 76. Сочетания инвентаря (63 таксона) Верхне-Чирюртского могильника на основании их распределения в 78 погребениях (Ward's method – Euclidian distances)

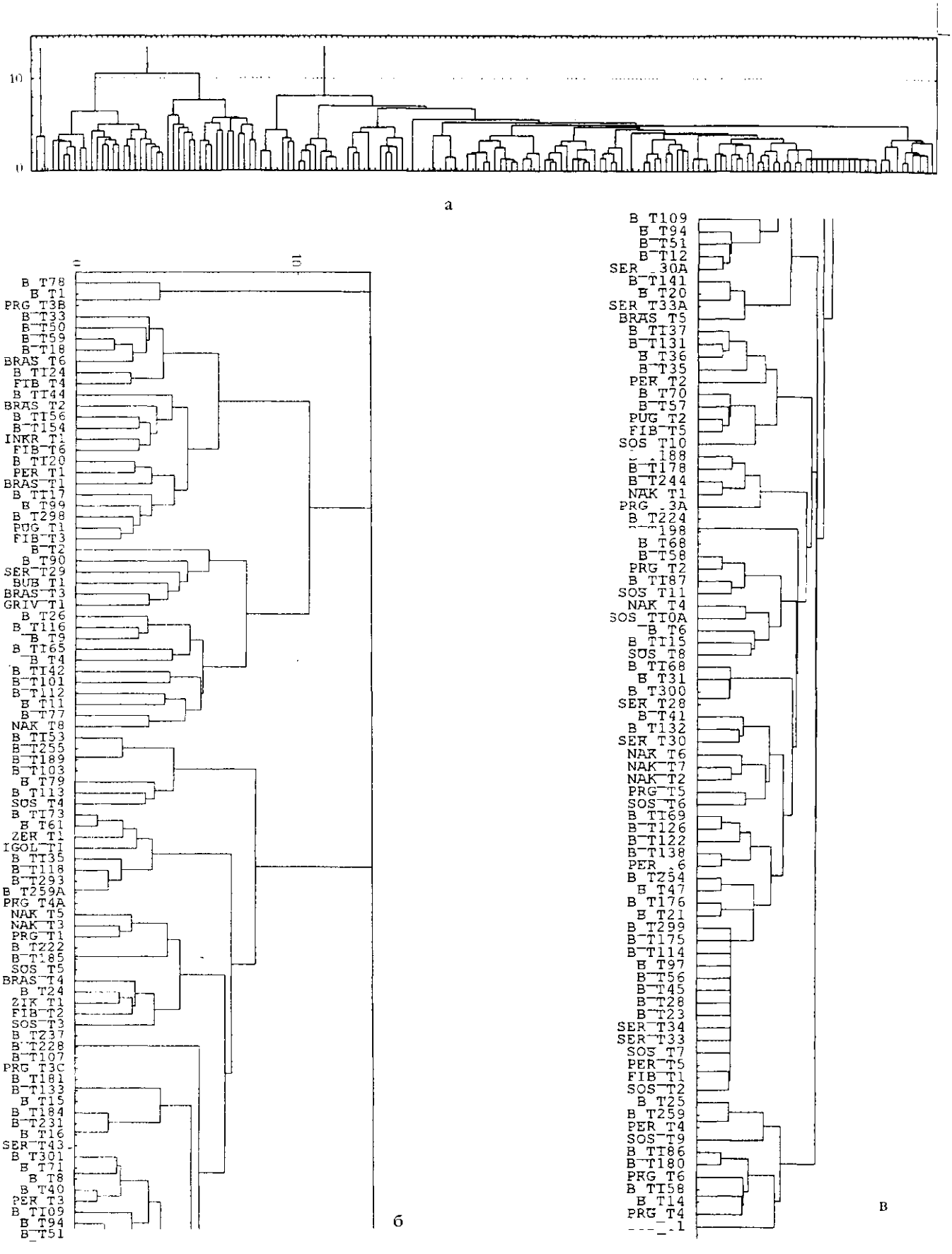


Рис. 77. Сочетания бус (а), керамики (б) и вещевого инвентаря (в) Верхне-Чирюртского могильника на основании их распределения в 86 погребениях (Ward's method – Euclidean distances)

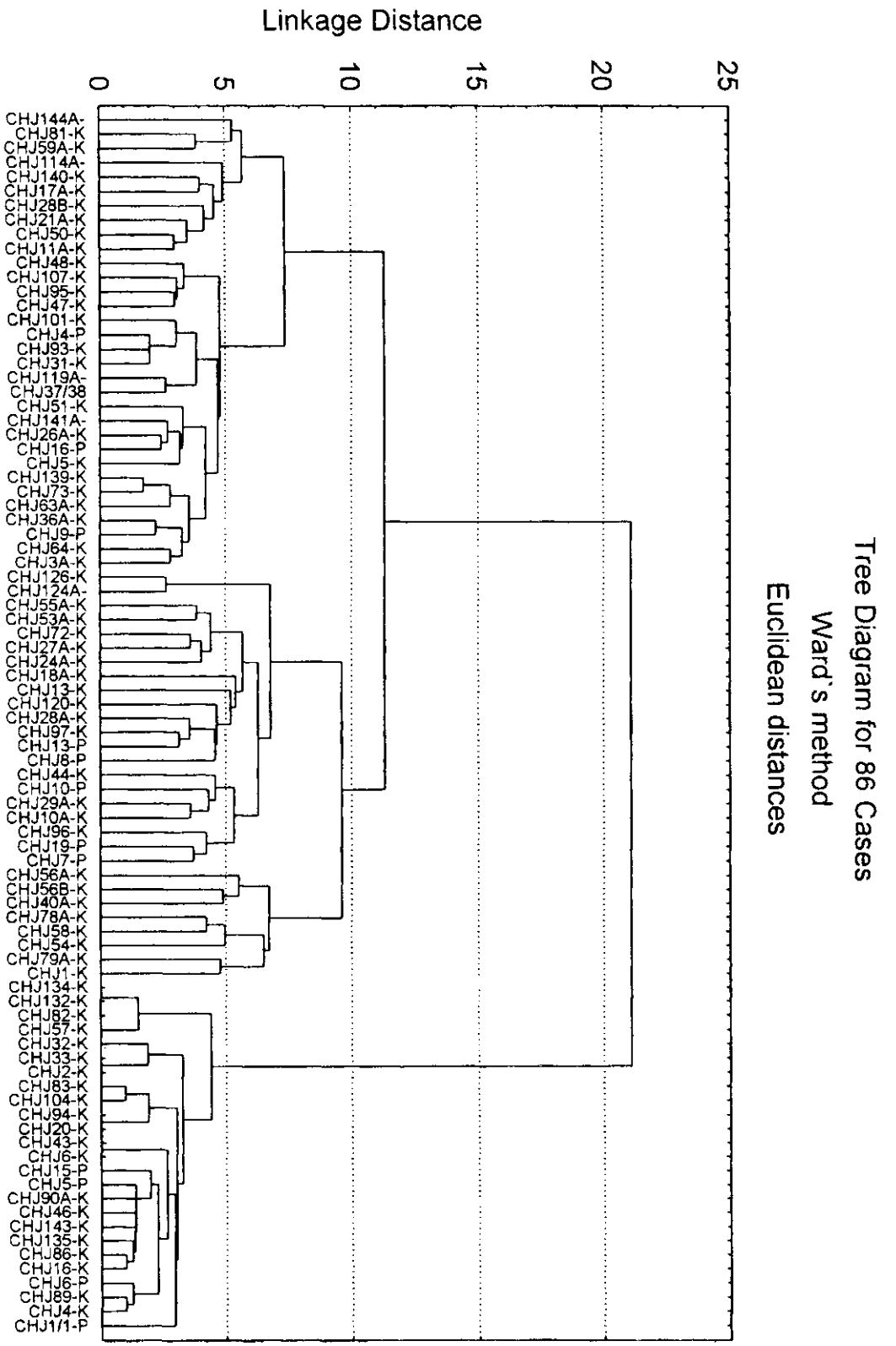


Рис. 78. Группировка погребений Верхне-Чирюртского I могильника, содержащих бусы, керамику и металлические украшения (166 таксонов) (Ward's method – Euclidean distances)

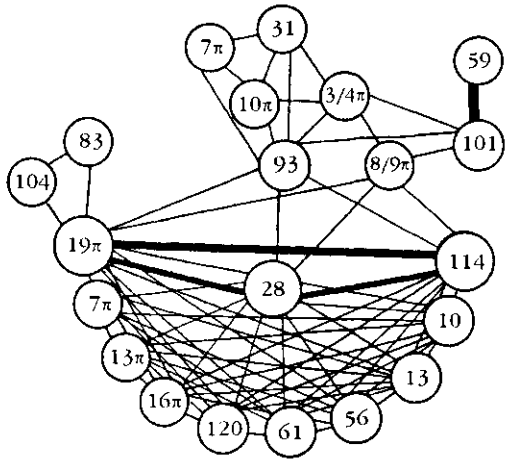


Рис. 79

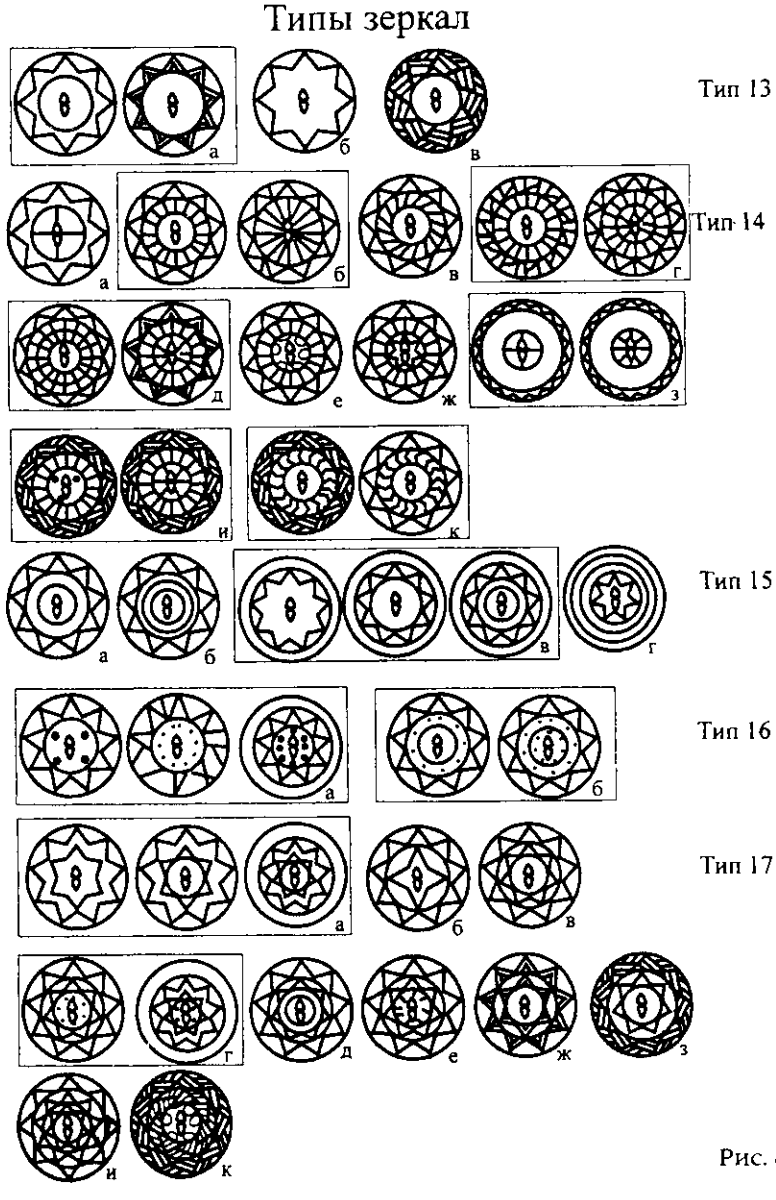


Рис. 80

Рис. 79. Связный граф погребений Верхне-Чирюртского I могильника, содержащих поясные накладки и наконечники

Рис. 80. Схемы орнаментации раннесредневековых северокавказских зеркал (13–17 типов с учетом их подразделений)

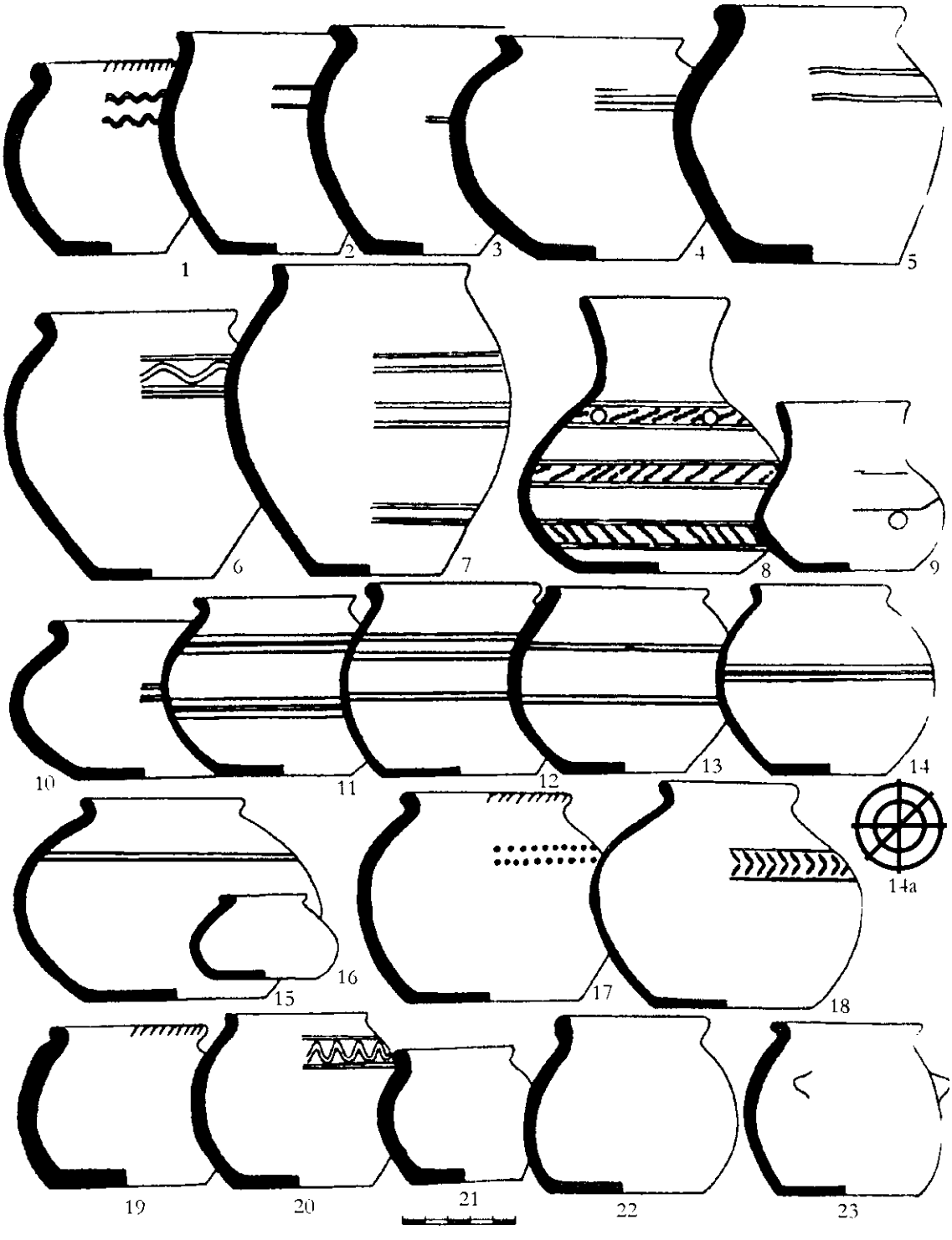


Рис. 81. Горшки и кубышки из Чир-Юрта. 1 – п. 134; 2 – п. 24; 3 – п. 40; 4 – п. 143; 5 – п. 57; 6 – п. 132; 7 – п. 82; 8 – 13; 9 – п. 36; 10 – п. 31; 11 – п. 140; 12 – п. 144; 13 – п. 119

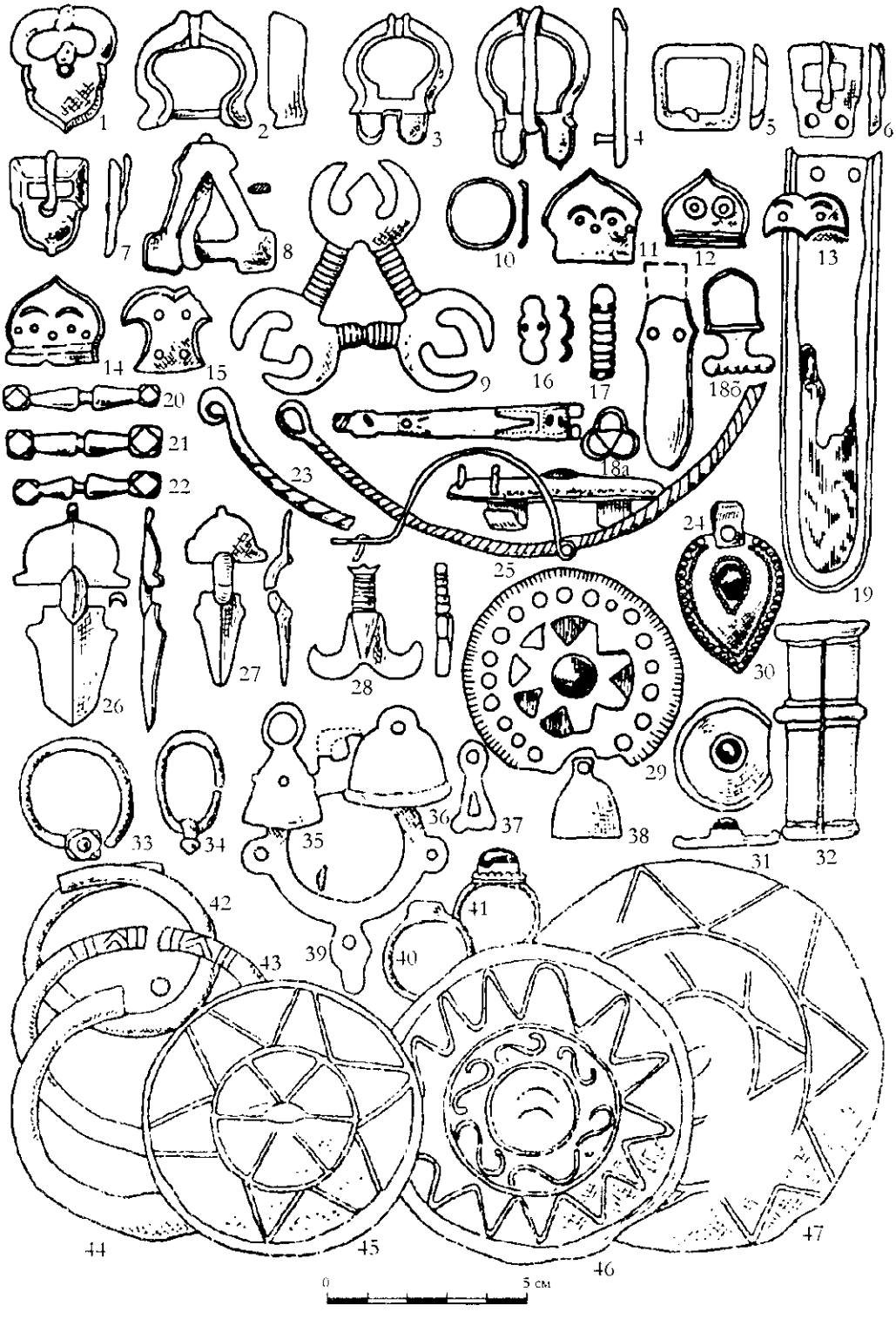


Рис. 82. Основной датирующий материал из погребений Чир-Юрта, содержащих керамику болгарского типа: 1 – п. 31; 2 – п. 101; 3 – п. 17; 4 – п. 144; 5 – п. 101; 6 – п. 40; 7 – п. 79; 8 – п. 13; 9 – п. 40; 10 – п. 31; 11–15 – п. 101; 16 – п. 140; 17 – п. 13; 18–19 – п. 101; 20 – п. 1; 21 – п. 40; 22 – п. 144; 23-24 – п. 17; 25 – п. 1; 26 – п. 13; 27 – п. 17; 28 – п. 17; 29–30 – 1, 144; 31 – п. 79; 32 – п. 79; 33 – п. 1; 34 – п. 126; 35 – п. 79; 36 – п. 119; 37 – п. 24; 38 – п. 17; 39 – п. 40; 40 – п. 79; 41 – п. 36; 42 – п. 17; 43 – п. 18; 44 – п. 1; 45 – п. 1; 46 – п. 13; 47 – п. 79

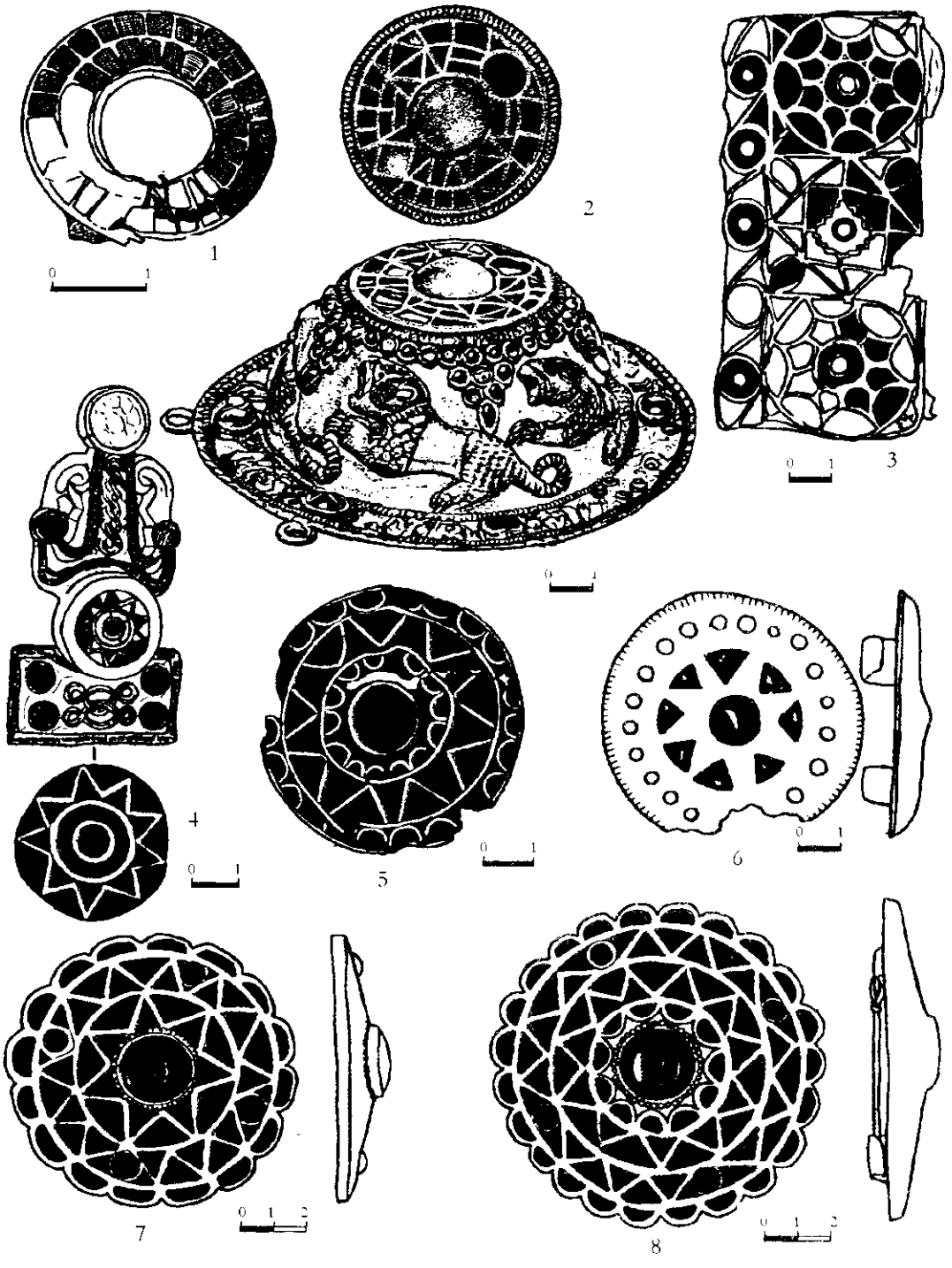


Рис. 83. Украшения полихромного стиля VI–VII вв. из Европы и Чир-Юрта: 1 – Рейн; 2 – Szilagi Somlyy; 3 – Вена; 4 – Готланд (по книге [B.Arrhenius, 1985, p. 83, fig. 94, p. 35, fig. 6–7, p. 61, fig. 54, p. 40, fig. 13]); 5 – Брангструп; 6–8 – броши VII в. В. Чир-Юрта (№ 144, 59, 81)

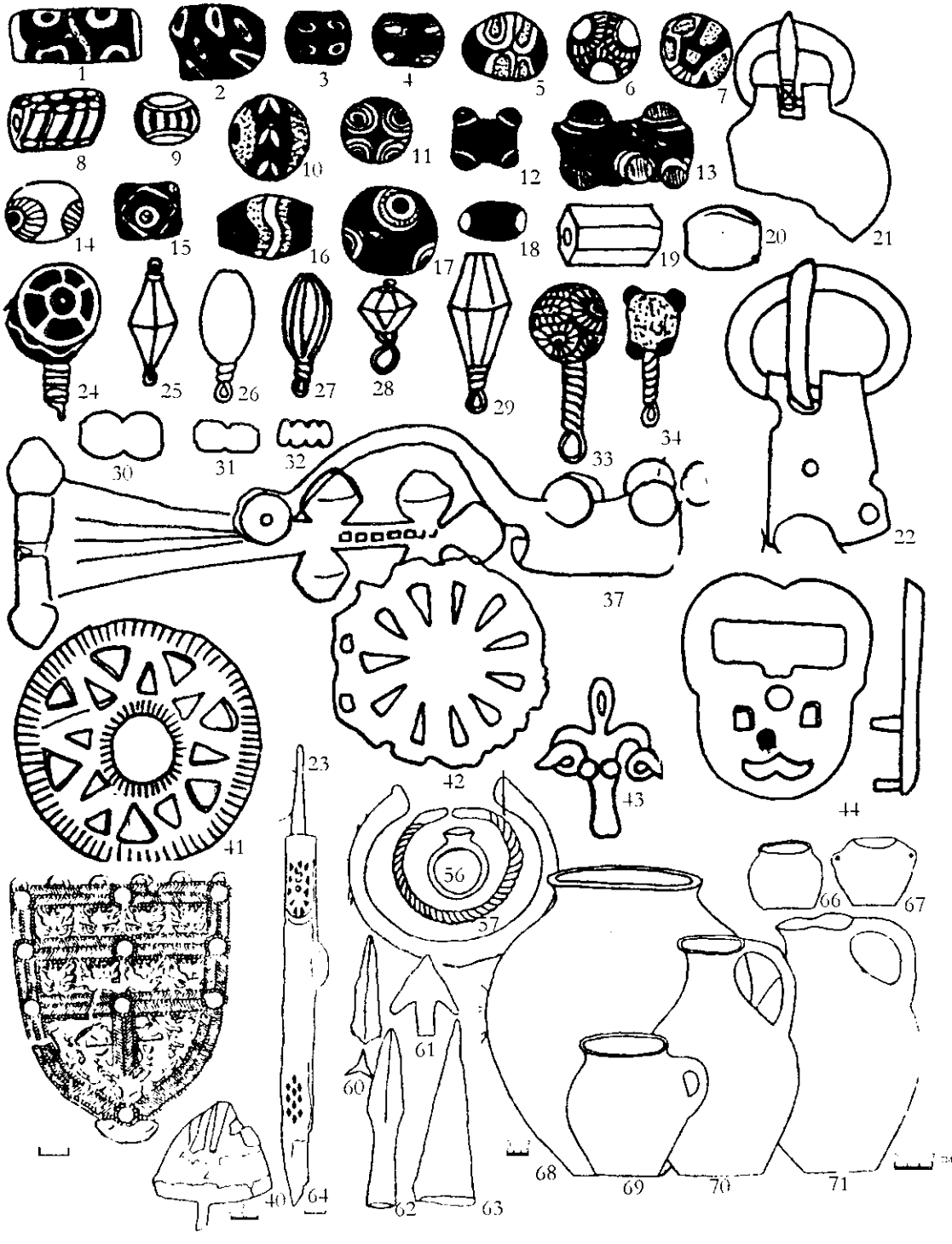


Рис. 84. Материалы из могильника Бежта VIII–IX вв. (раскопки Д.М.Атаева)

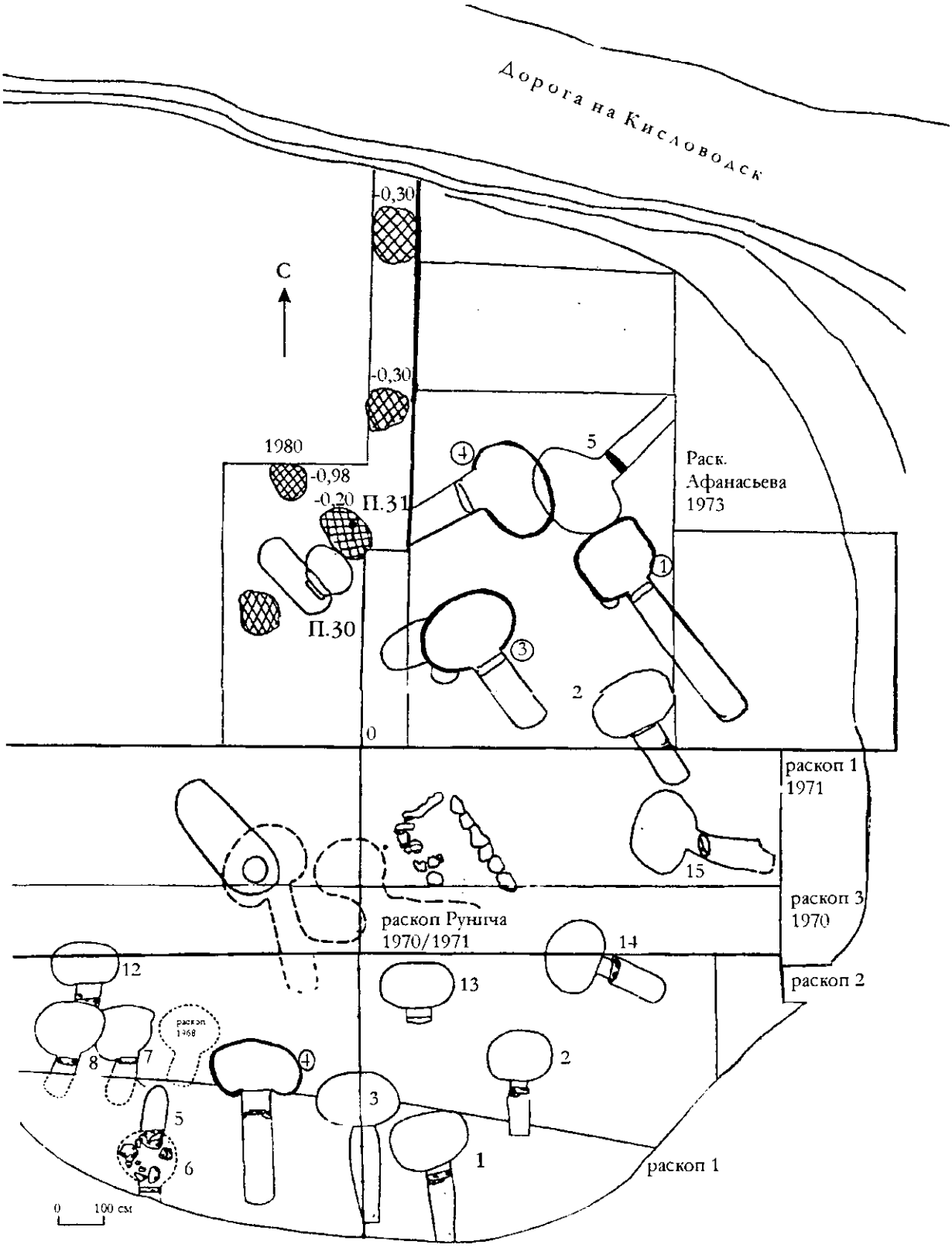
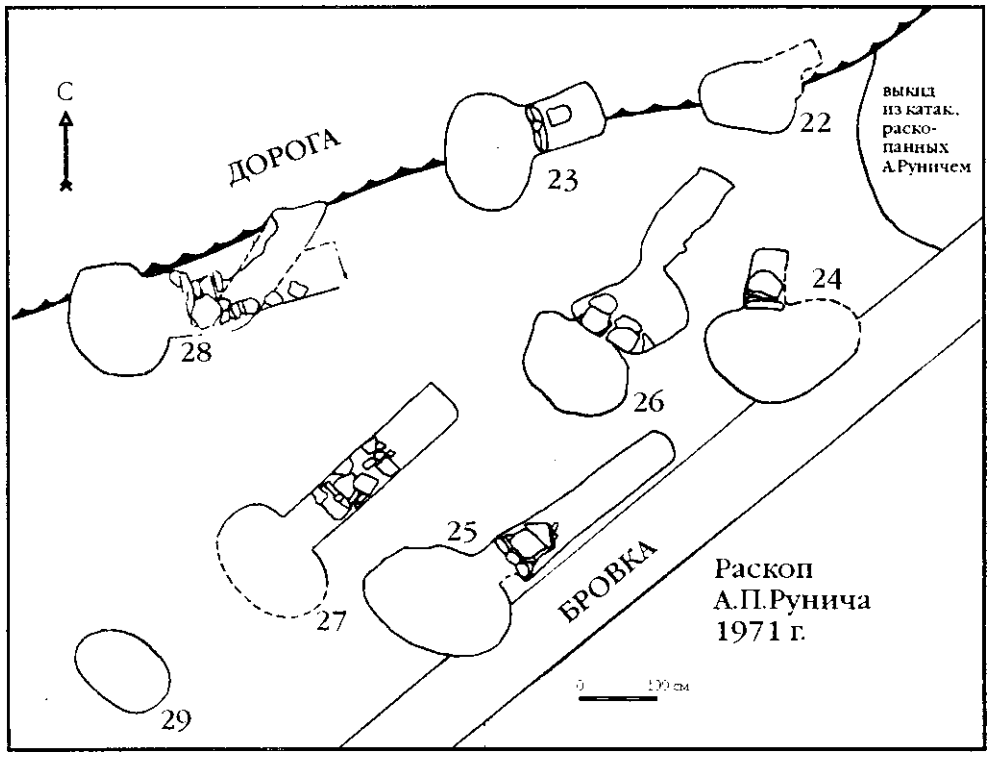
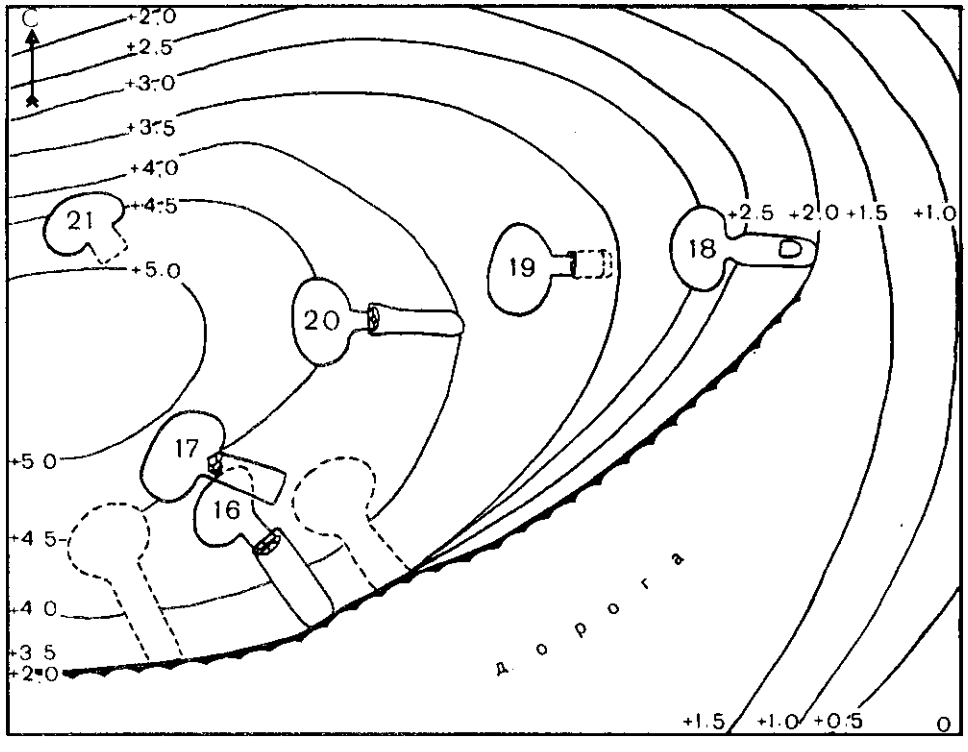


Рис. 85. Расположение катакомб V–VIII вв. на среднем холме могильника Мокрая Балка (раскопки автора)



а



б

Рис. 86. Расположение катакомб на верхнем (а) и нижнем (б) холмах могильника Мокрая Балка (раскопки автора)

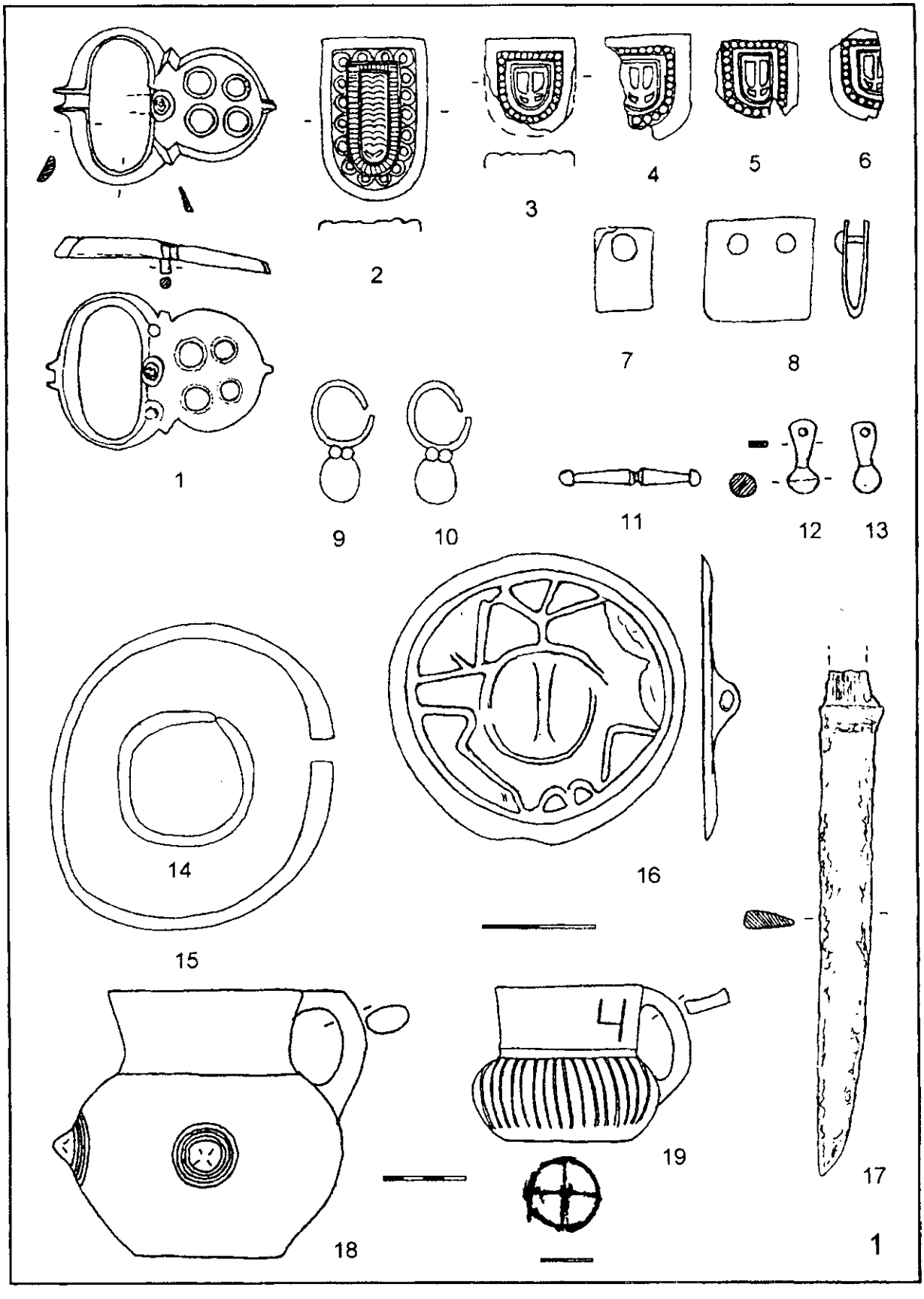


Рис. 87. Инвентарь 1-й катакомбы Мокрой Балки (раскопки автора)

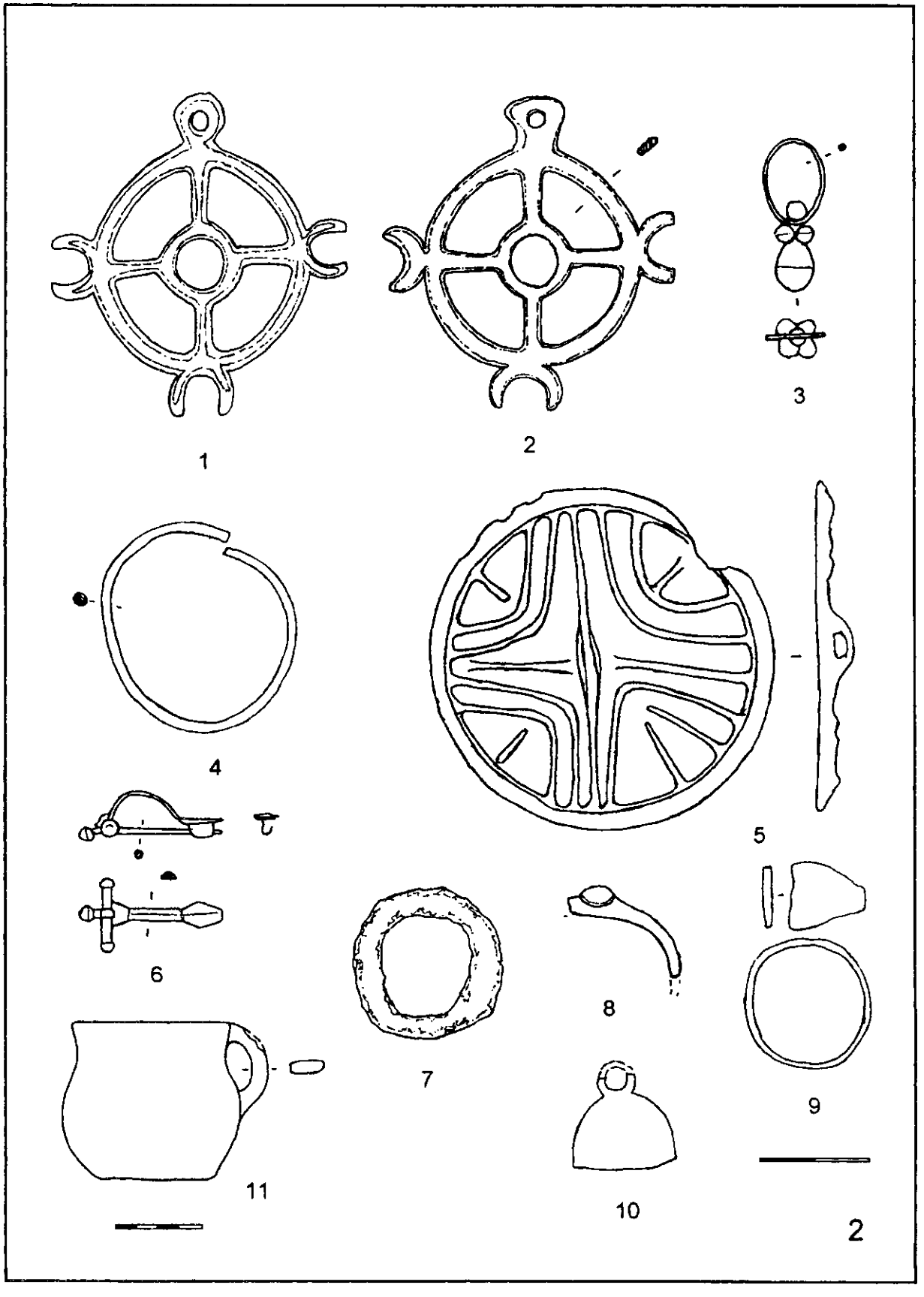


Рис. 88. Инвентарь 2-й катакомбы Мокрой Балки (раскопки автора)

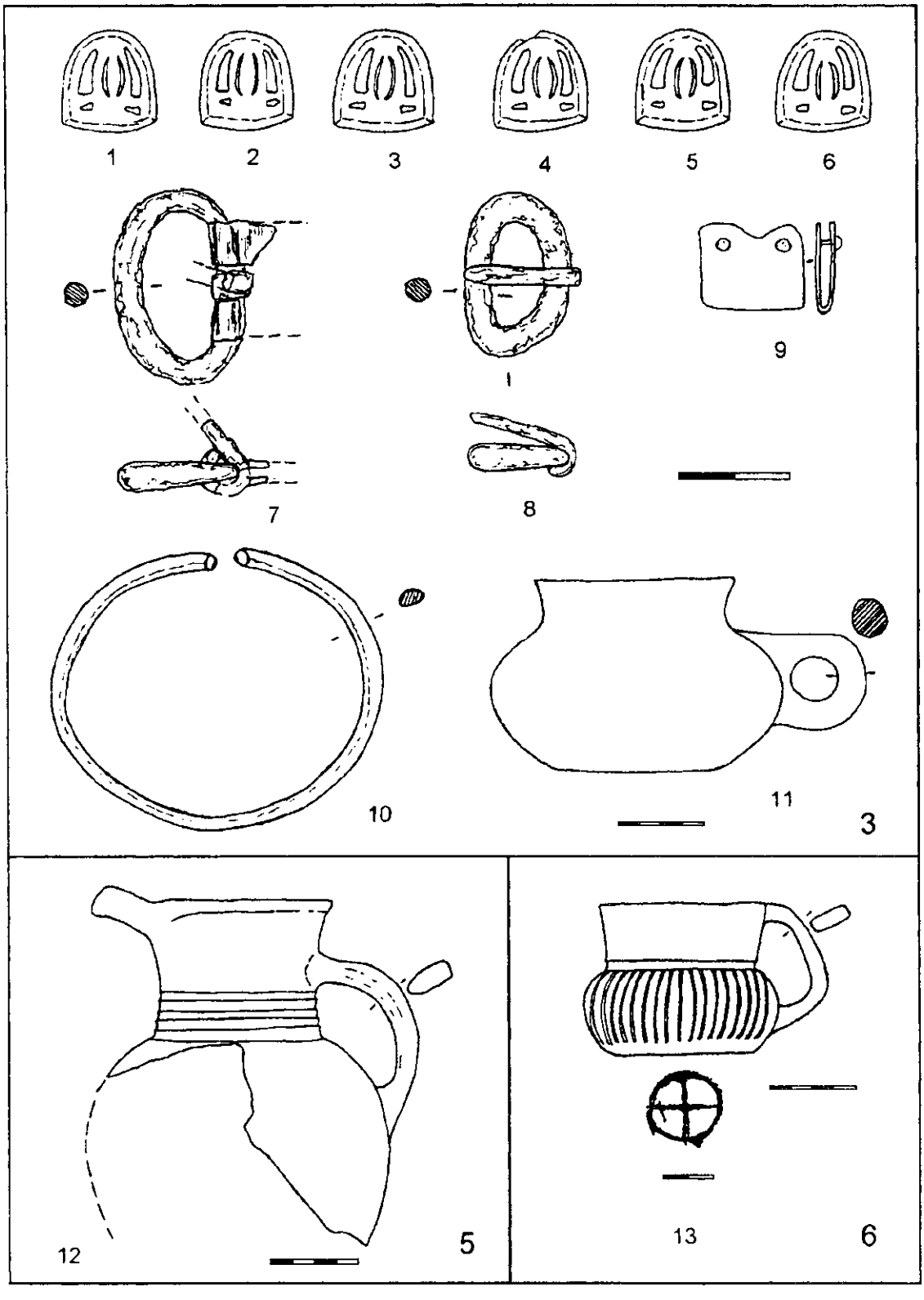


Рис. 89. Инвентарь 3-, 5- и 6-й катакомб Мокрой Балки (раскопки автора)

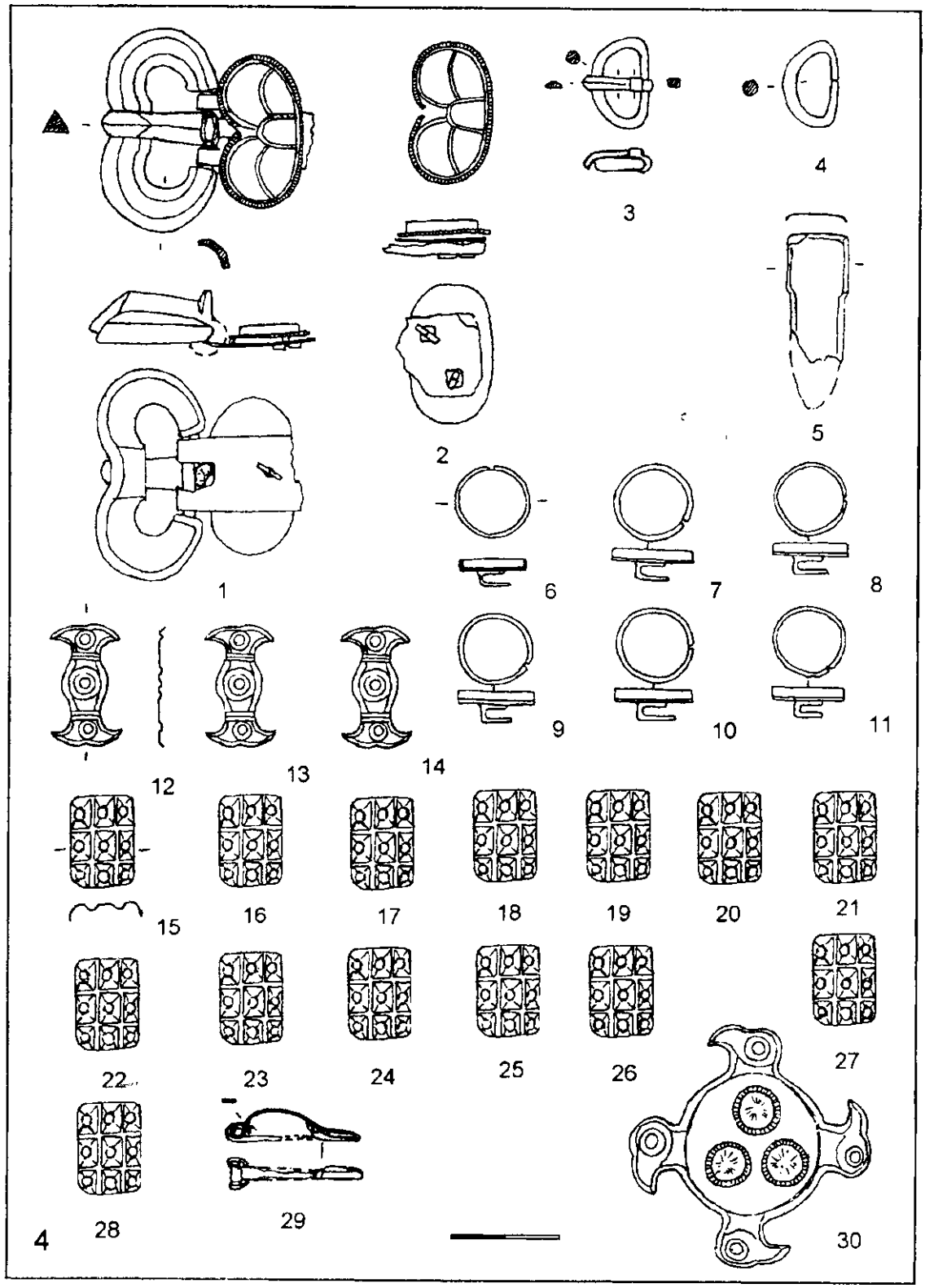


Рис. 90. Инвентарь 4-й катакомбы Мокрой Балки (раскопки автора)

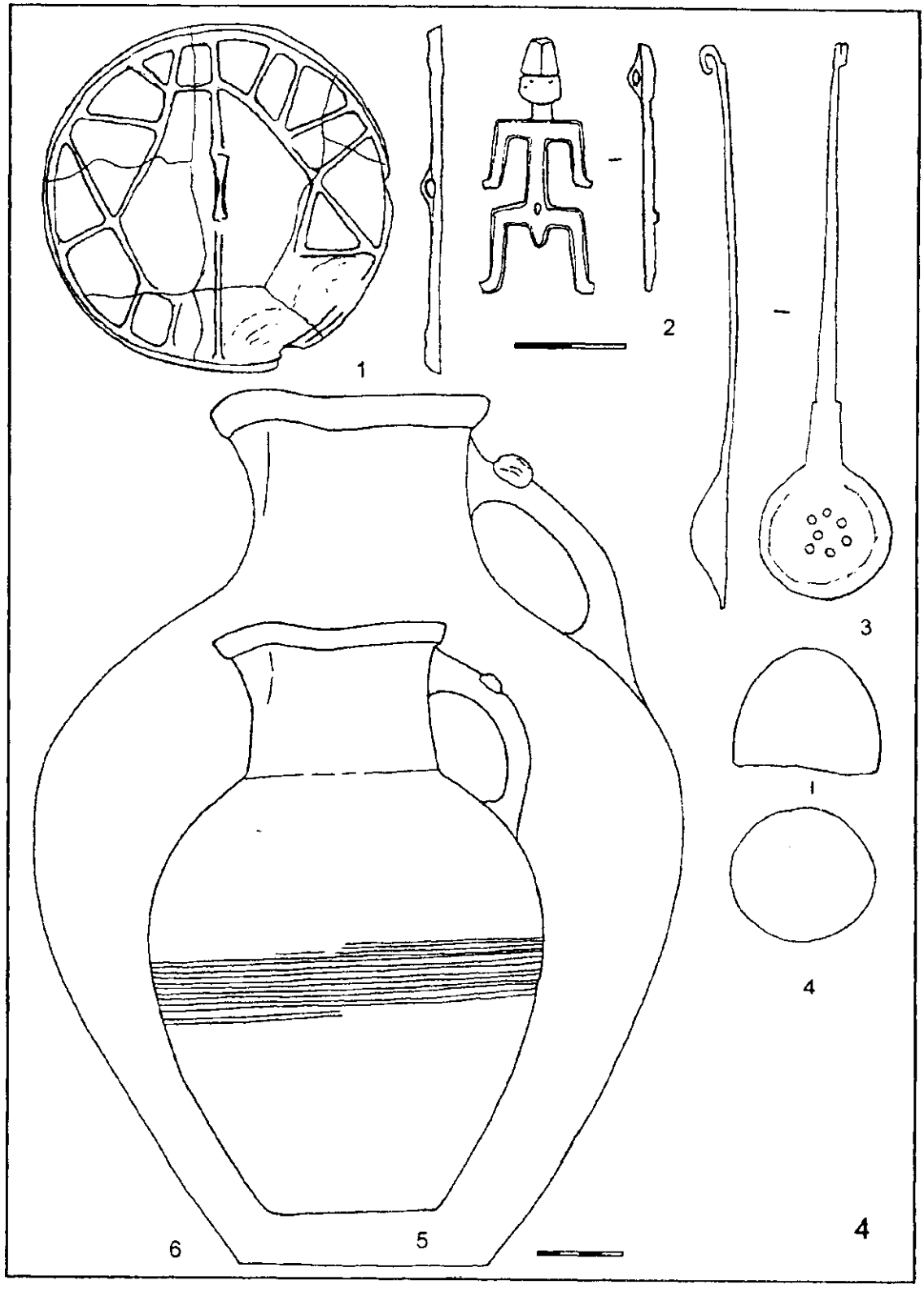


Рис. 91. Инвентарь 4-й катакомбы Мокрой Балки (продолжение) (раскопки автора)

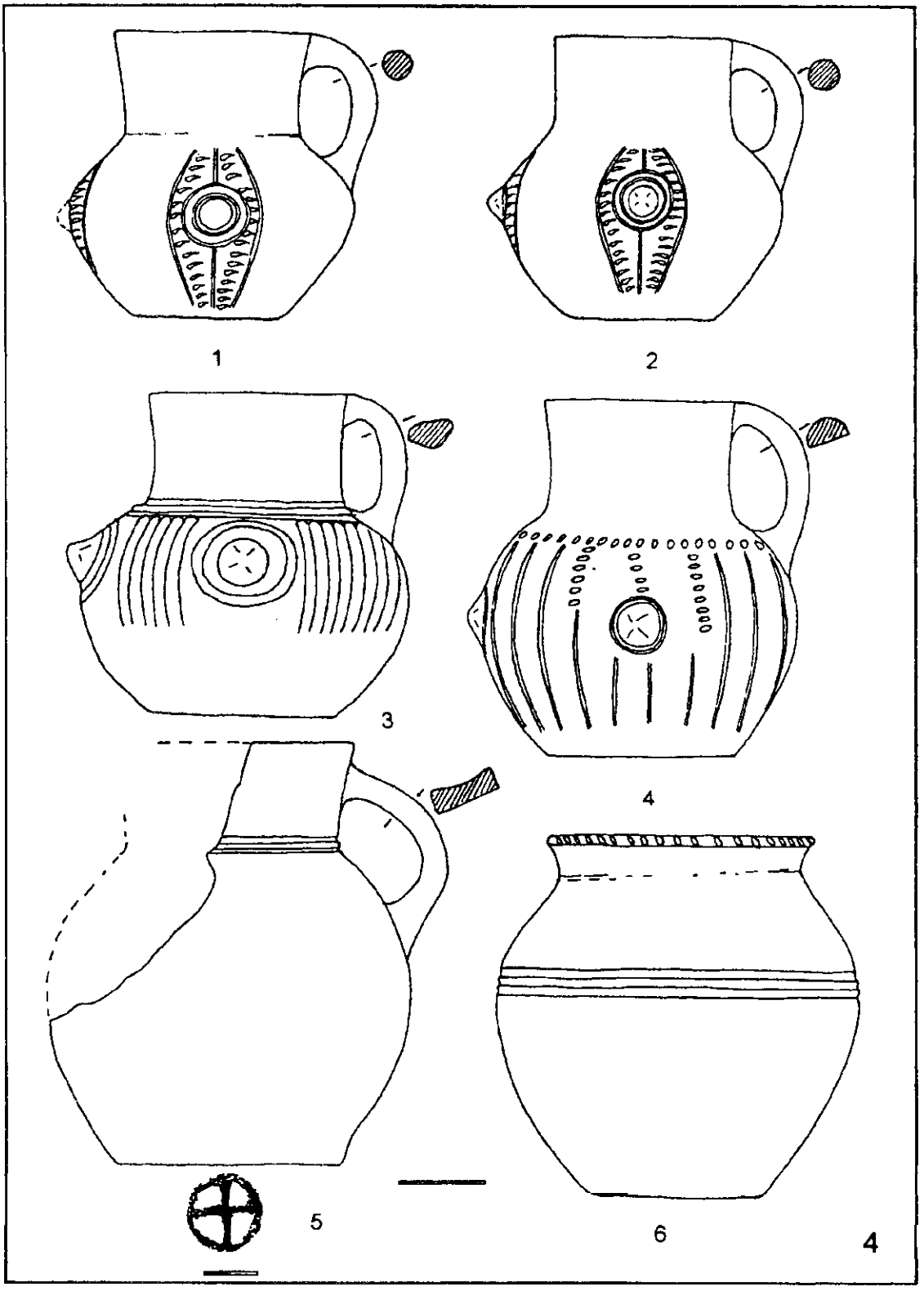


Рис. 92. Инвентарь 4-й катакомбы Мокрой Балки (продолжение) (раскопки автора)

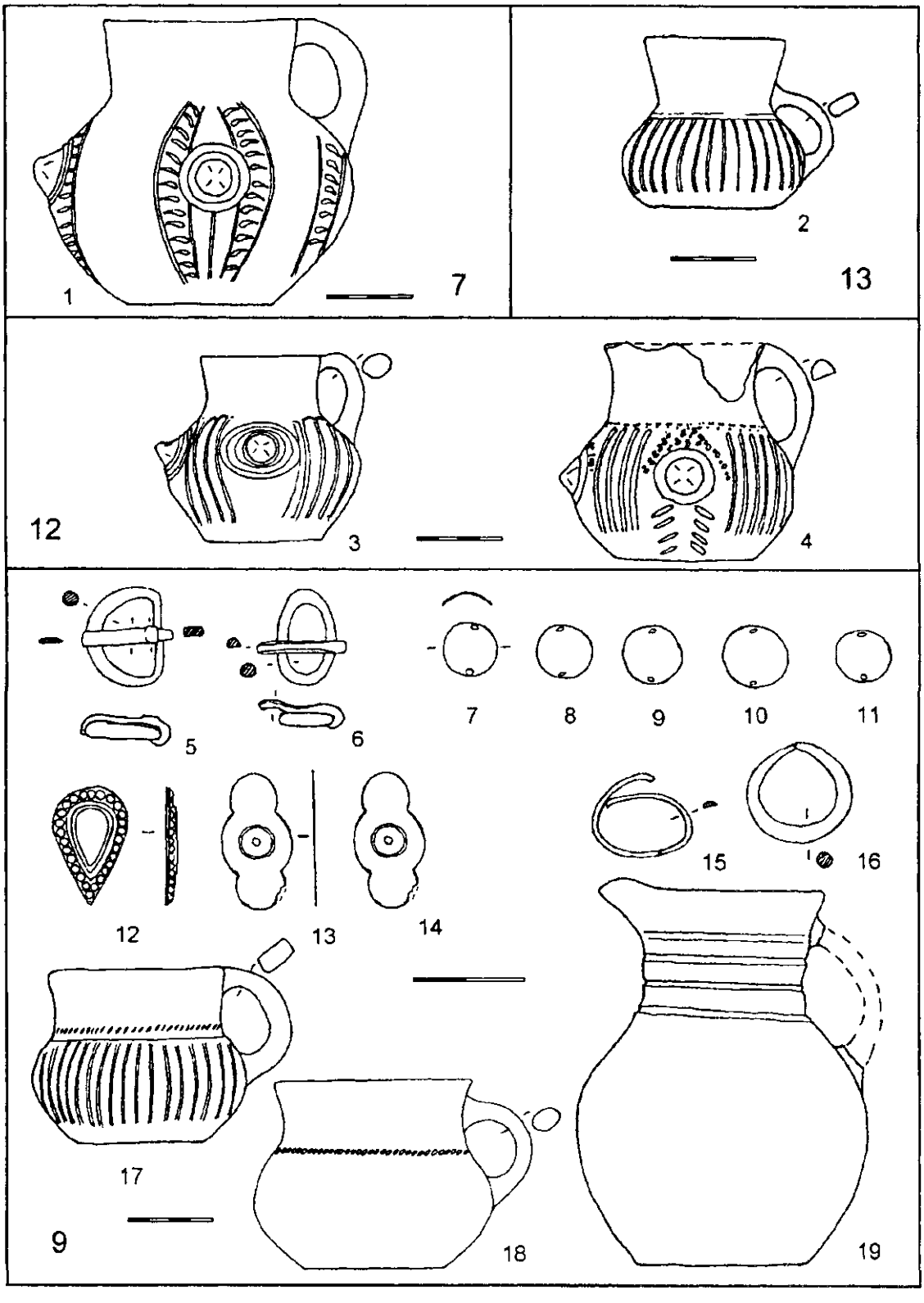


Рис. 93. Инвентарь 7-, 9-, 12- и 13-й катакомб Мокрой Балки (раскопки автора)

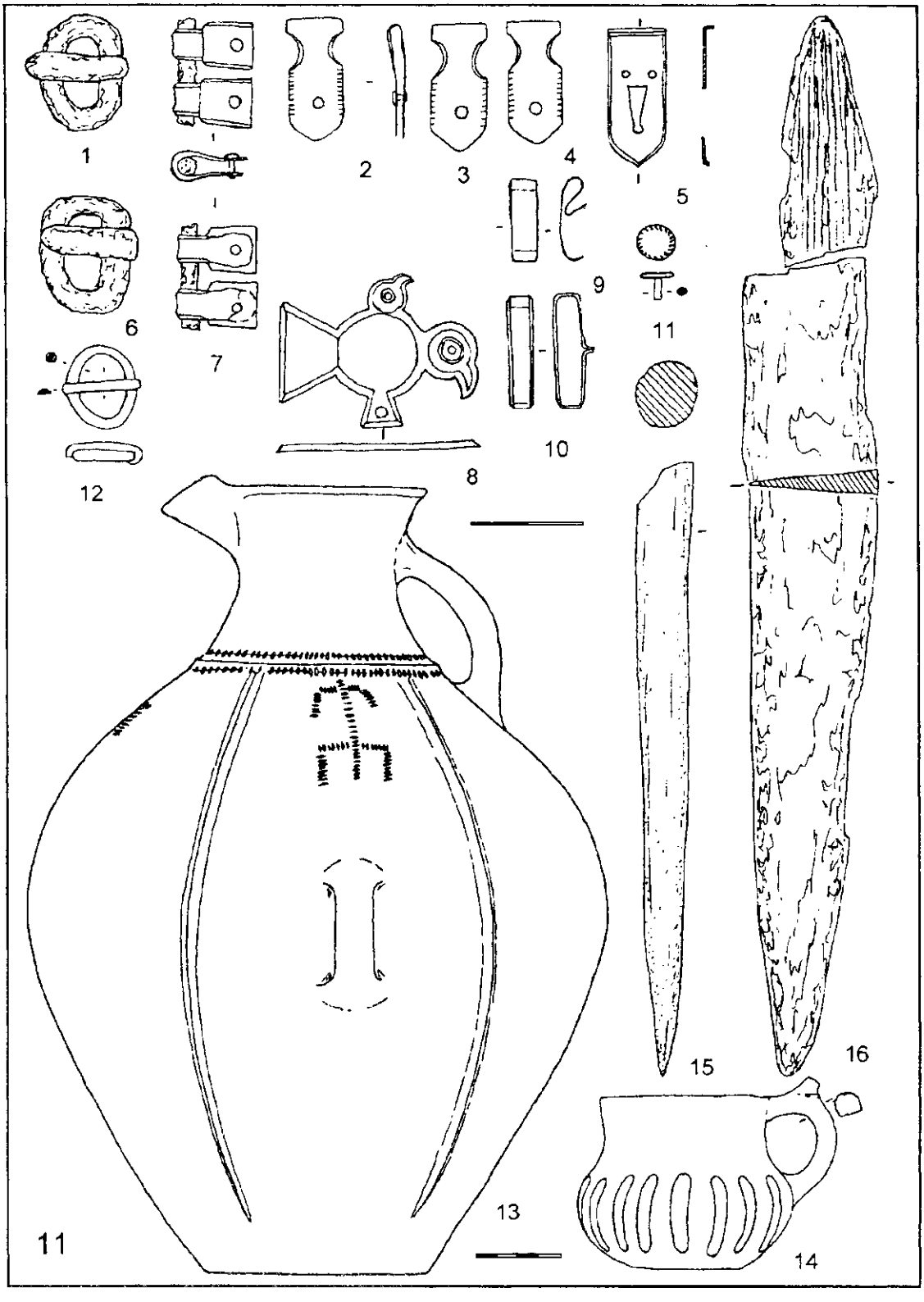


Рис. 94. Инвентарь 11-й катакомбы Мокрой Балки (раскопки автора)

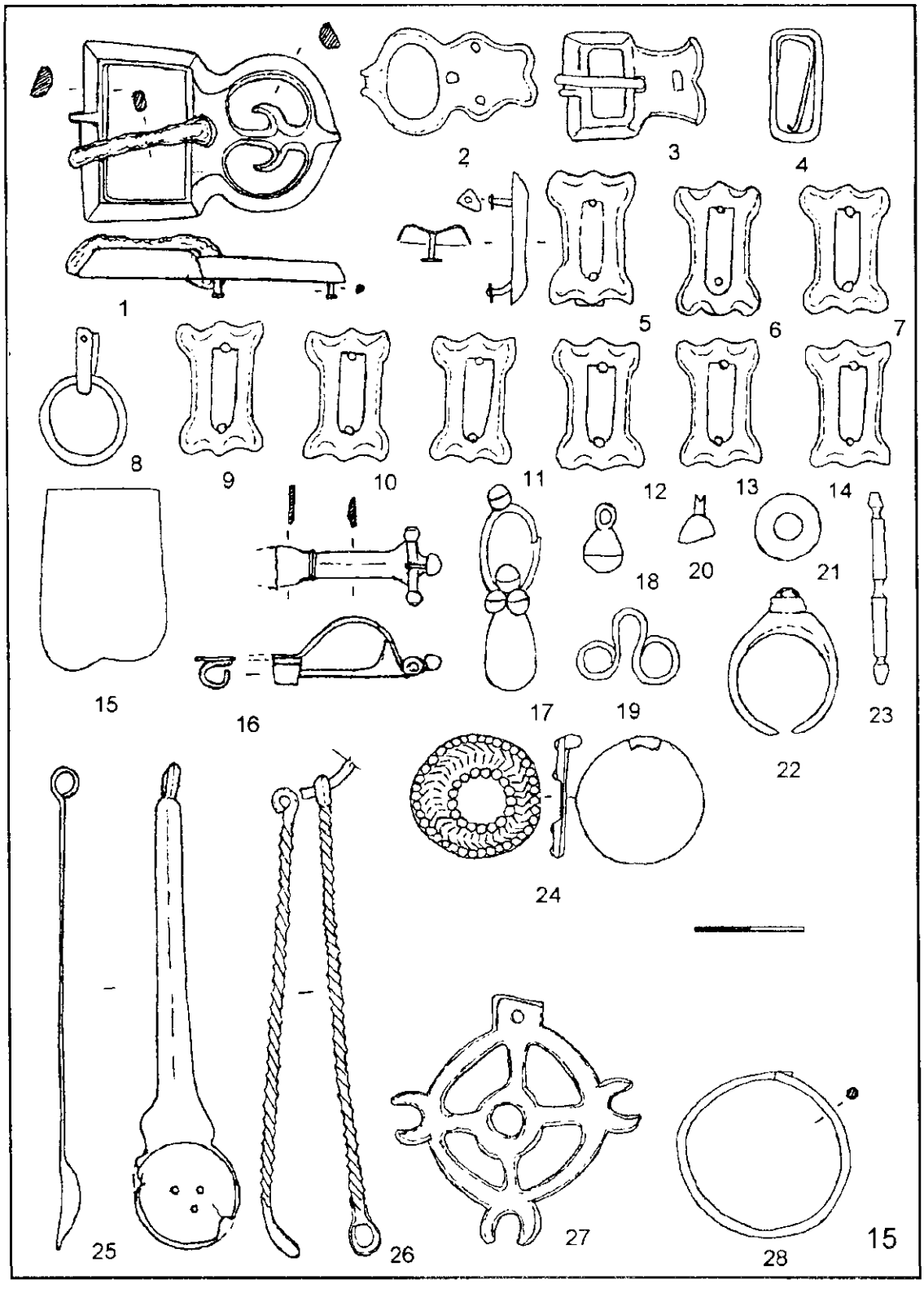


Рис. 95. Инвентарь 15-й катакомбы Мокрой Балки (раскопки автора)

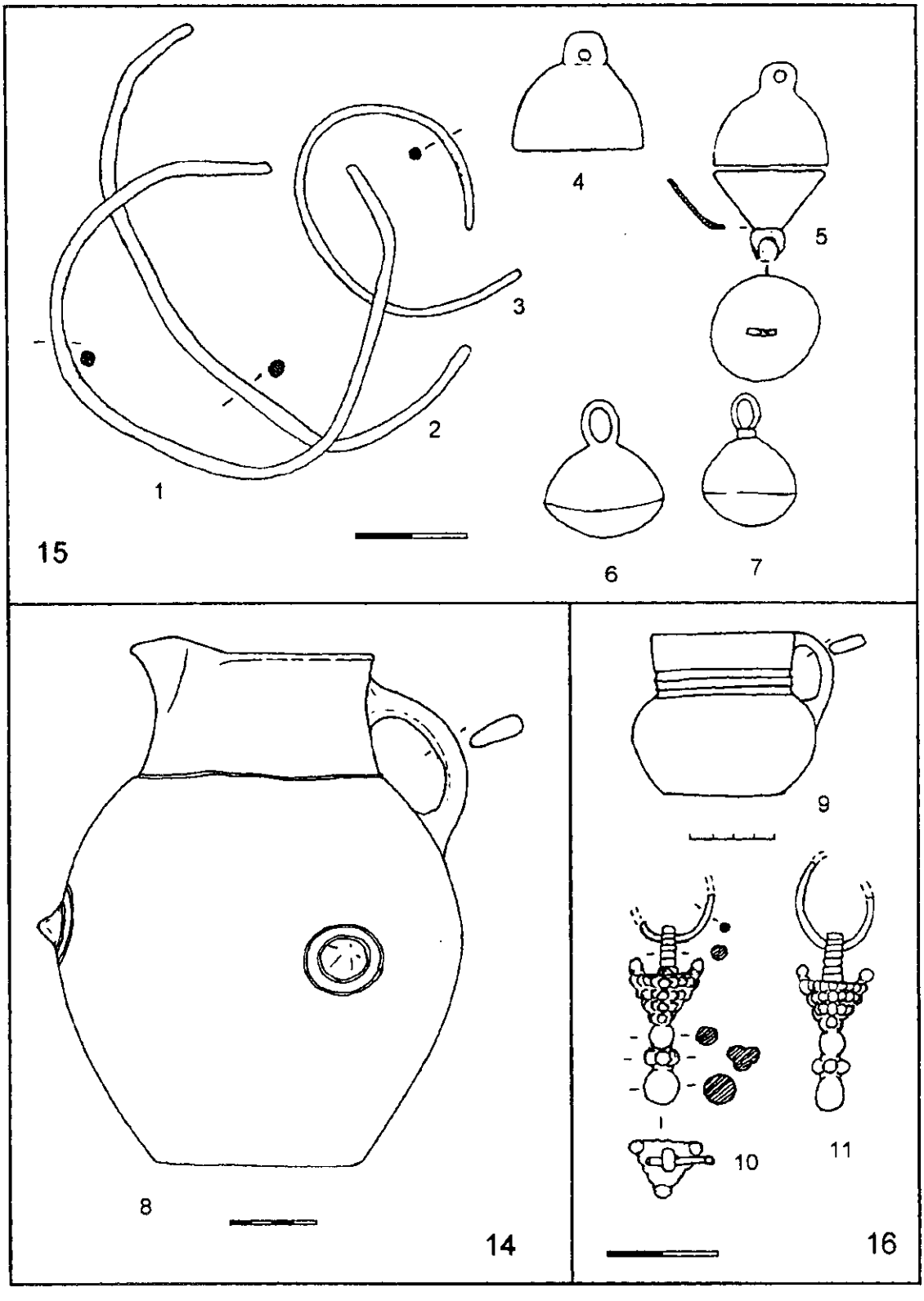


Рис. 96. Инвентарь 14-, 15- и 16-й катакомб Мокрой Балки (раскопки автора)

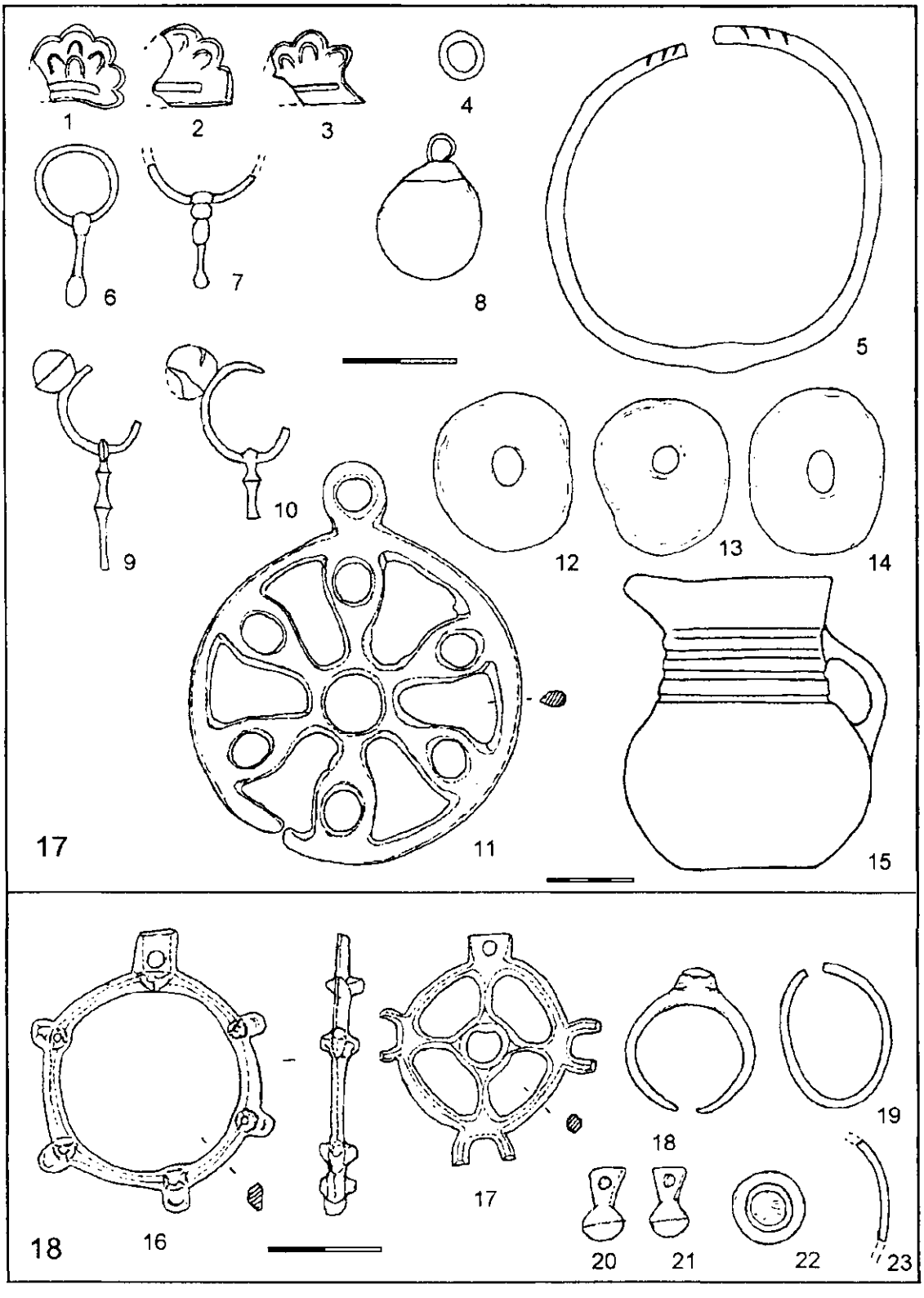


Рис. 97. Инвентарь 17-й и 18-й катакомб Мокрой Балки (раскопки автора)

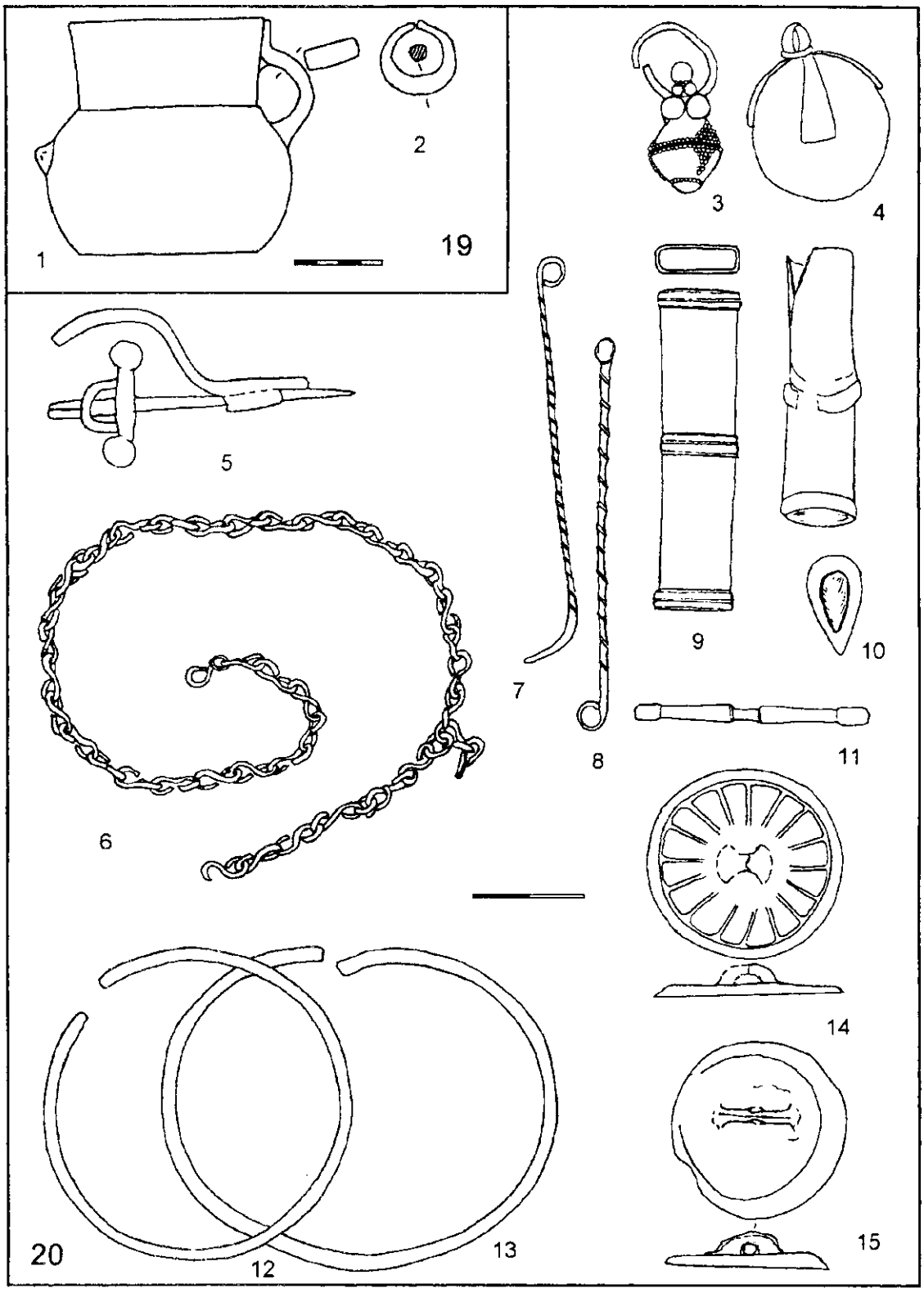


Рис. 98. Инвентарь 19- и 20-й катакомб Мокрой Балки (раскопки автора)

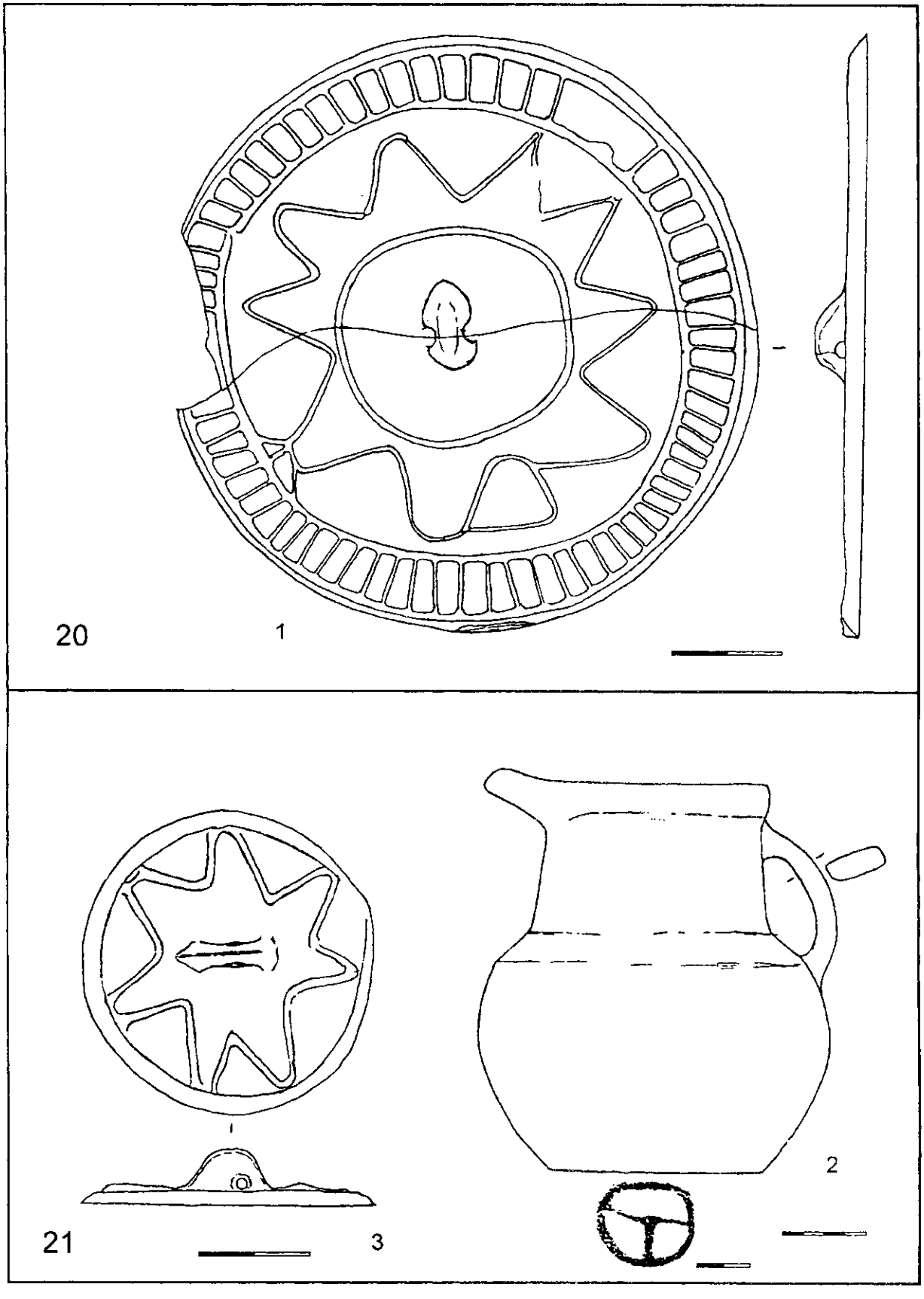


Рис. 99. Инвентарь 20- и 21-й катакомб Мокрой Балки (раскопки автора)

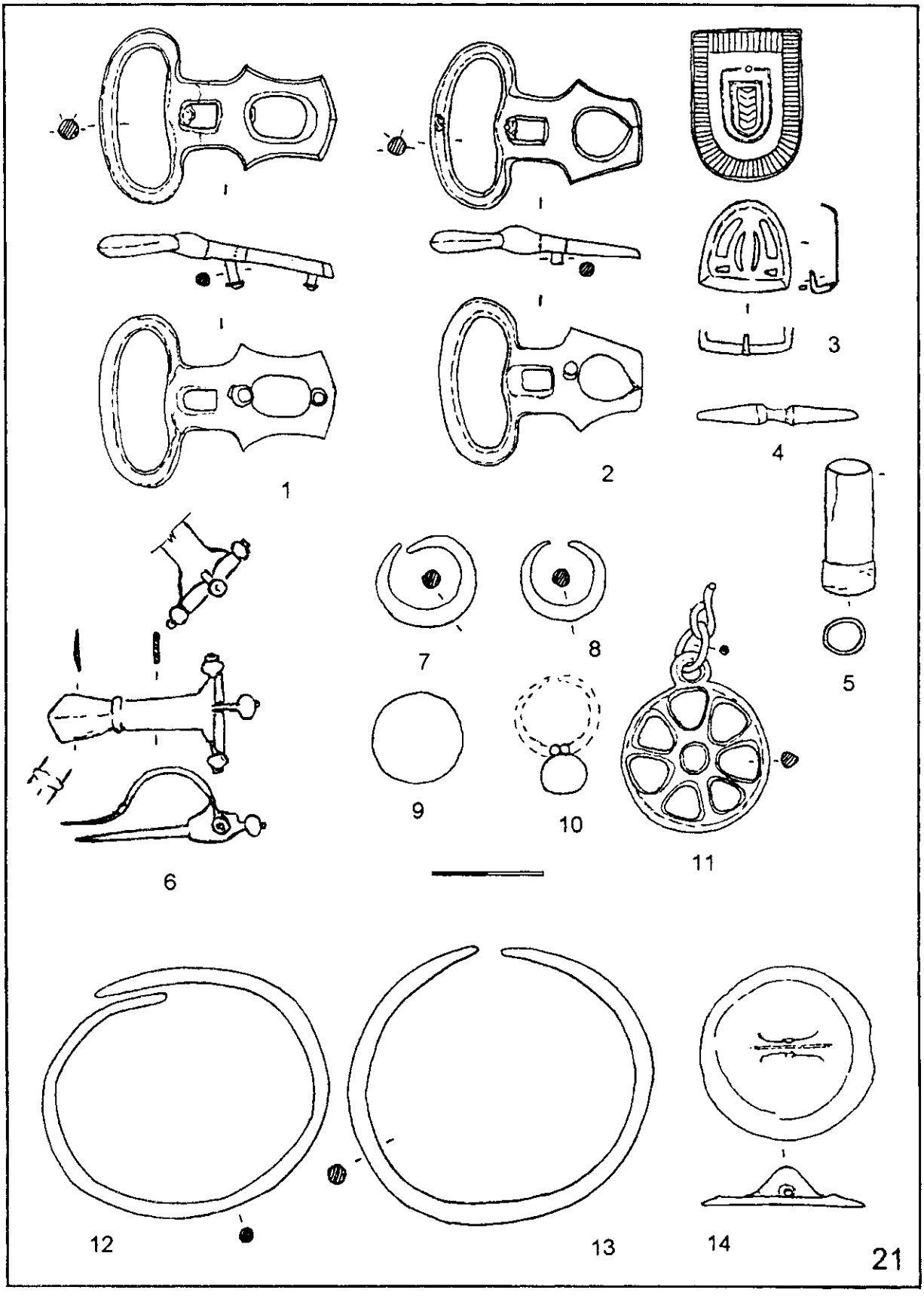


Рис. 100. Инвентарь 21-й катакомбы Мокрой Балки (раскопки автора)

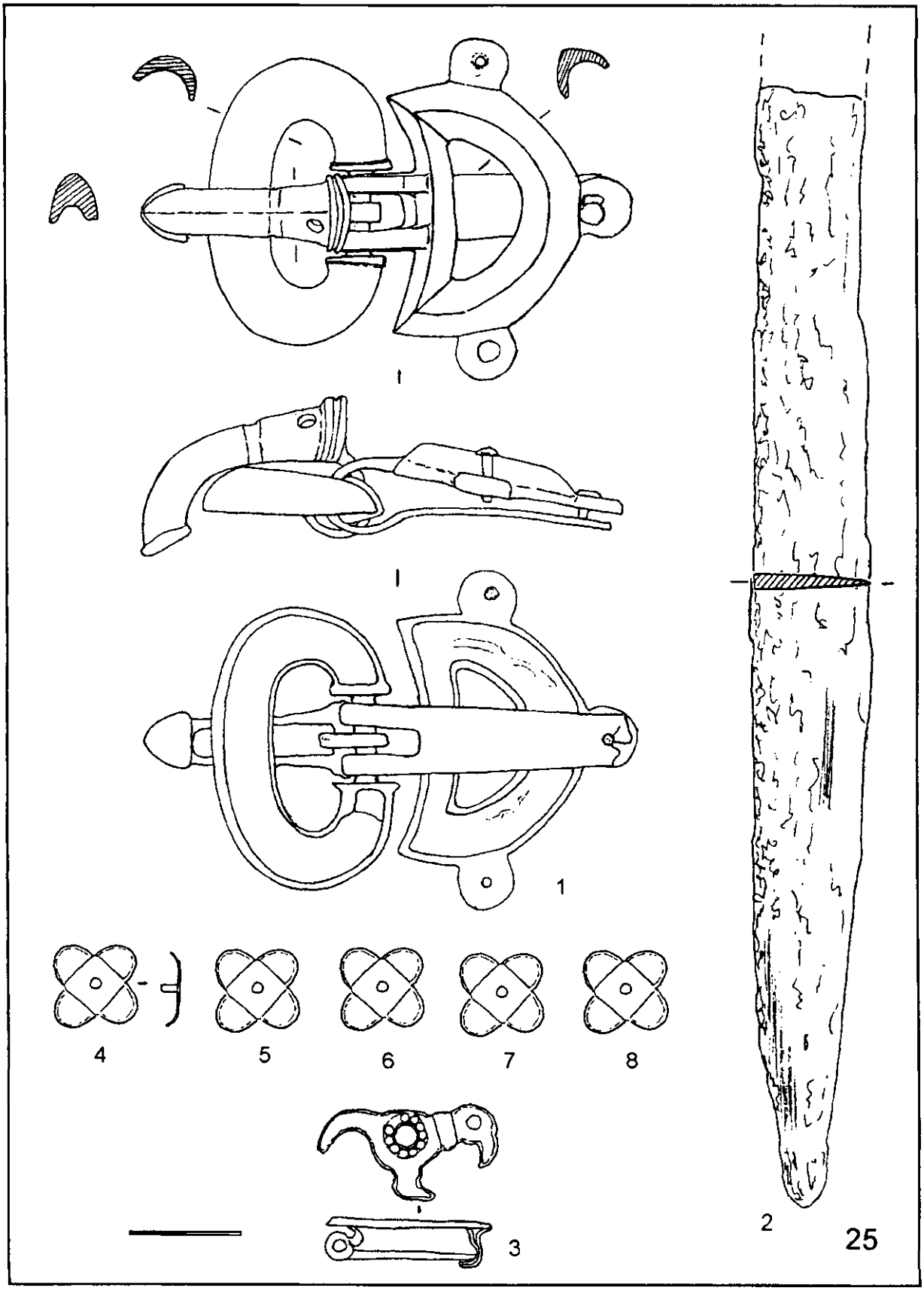


Рис. 101. Инвентарь 25-й катакомбы Мокрой Балки (раскопки автора)

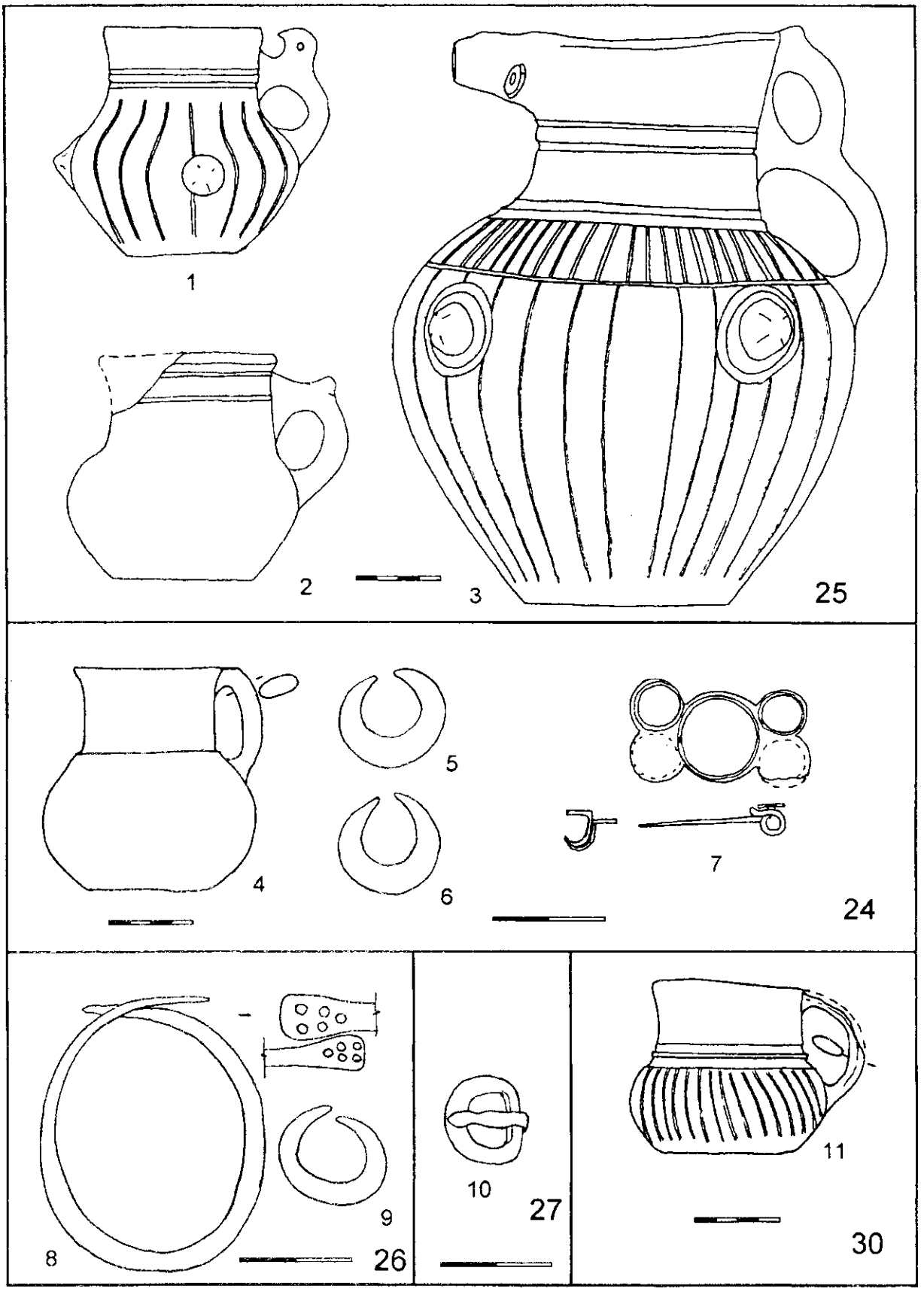


Рис. 102. Инвентарь 24, 25, 26, 27 и 30-й катакомб Мокрой Балки (раскопки автора)

Рис. 103. Фотография инвентаря 11-й катакомбы Мокрой Балки

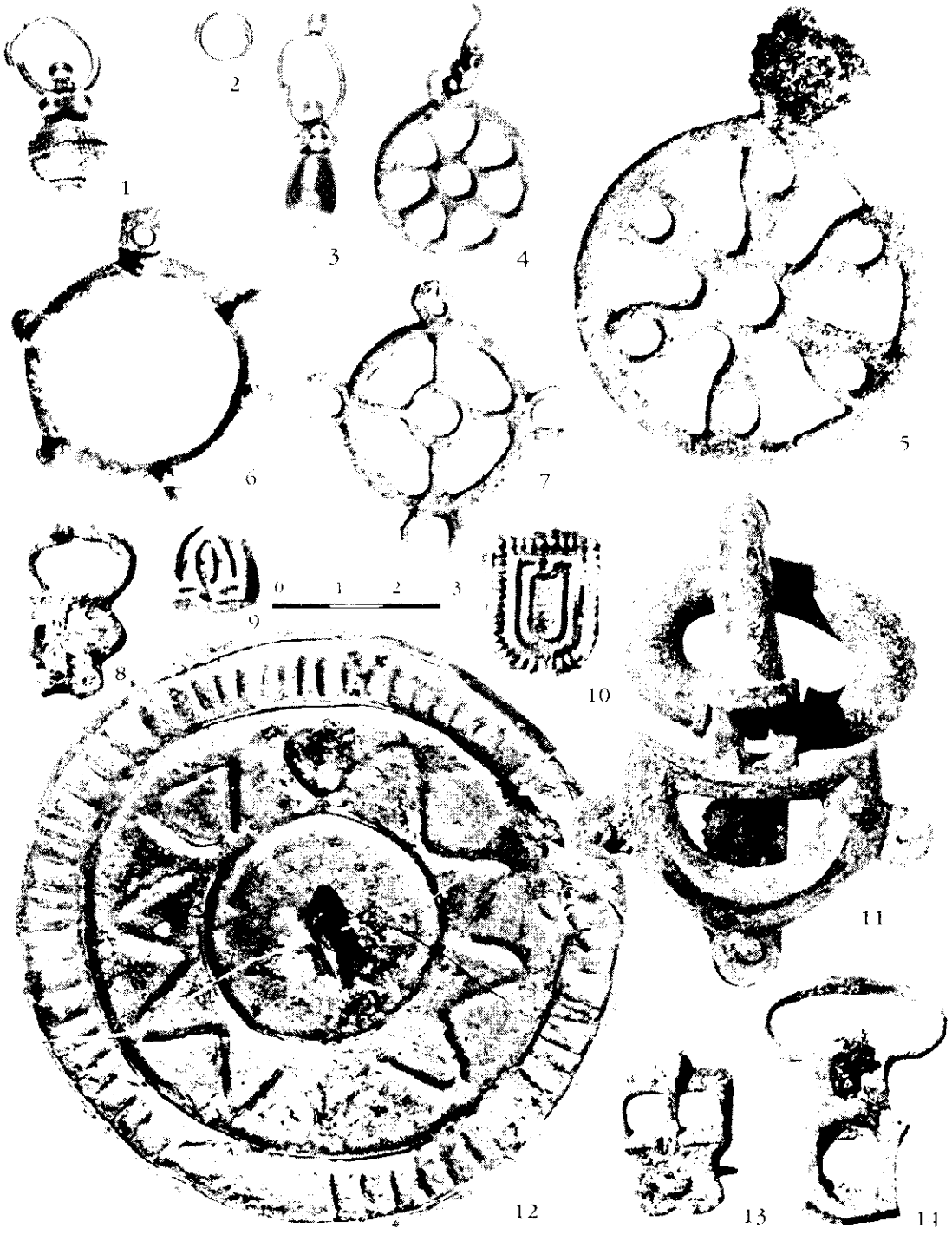


Рис. 104. Фотографии металлических украшений из могильника Мокрой Балки. 1, 3, 8, 13 – к. 15; 2, 5 – к. 17; 4, 9, 14 – к. 21; 6 – к. 18; 7 – к. 2; 11 – к. 25; 12 – к. 20

Рис. 105. Фотографии кувшина из 25-й катакомбы Мокрой Балки

Рис. 106. Фотографии керамики из 1 (2, 4); 4 (3, 5, 7); 9 (6) и 11 (1) катакомб Мокрой Балки

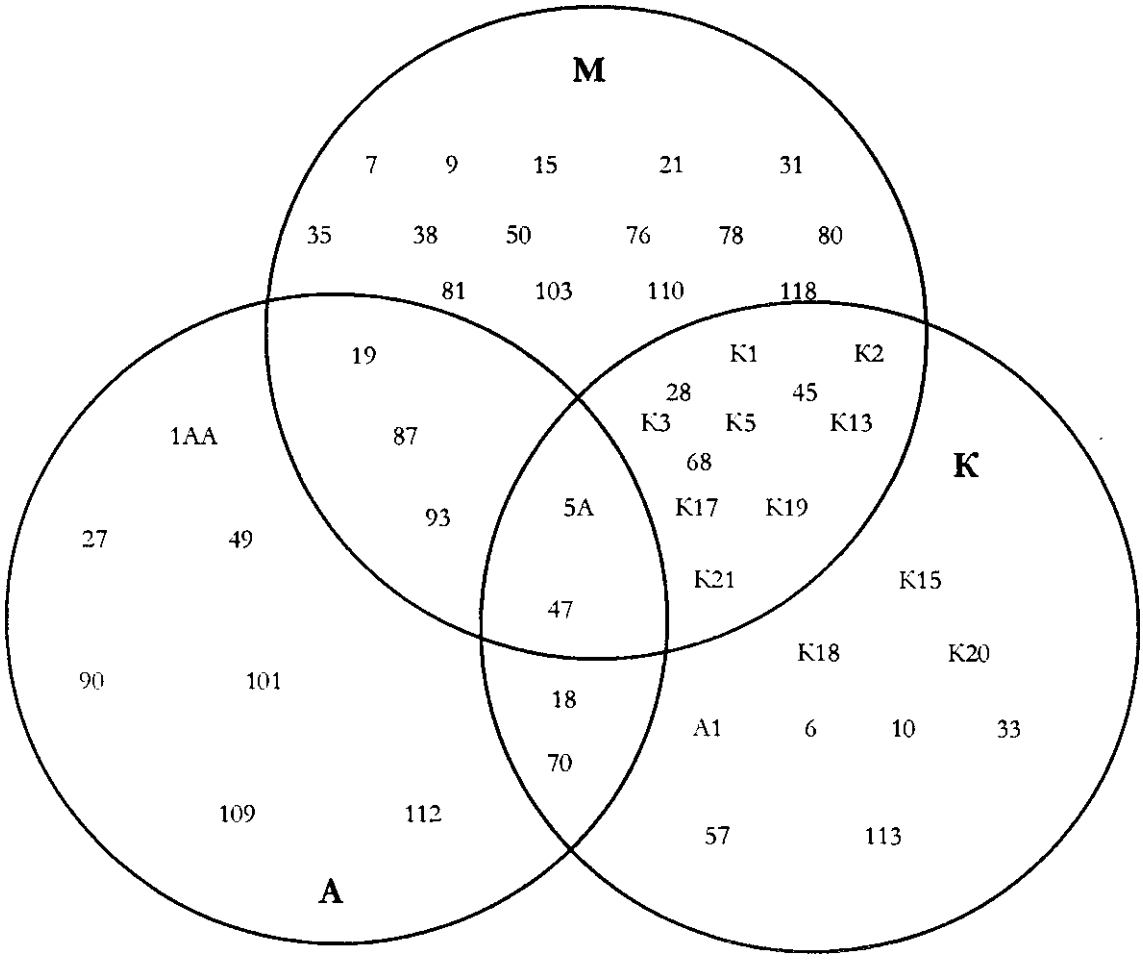


Рис. 107. Группировка поздних катакомб Мокрой Балки Г.Е.Афанасьевым (А), В.Б.Ковалевской (К) и В.Ю.Малашевым (без дополнительной буквы катакомбы из раскопок А.П.Рунича)

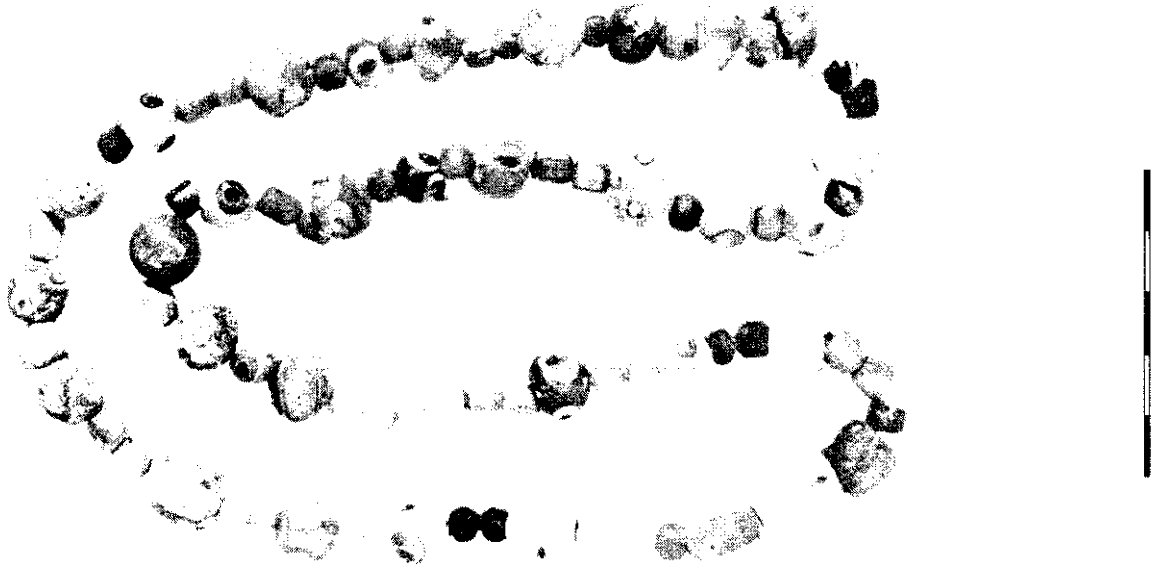


Рис. 108. Бусы из катакомб VIII–IX вв. Мокрой Балки (№ 1, 2)

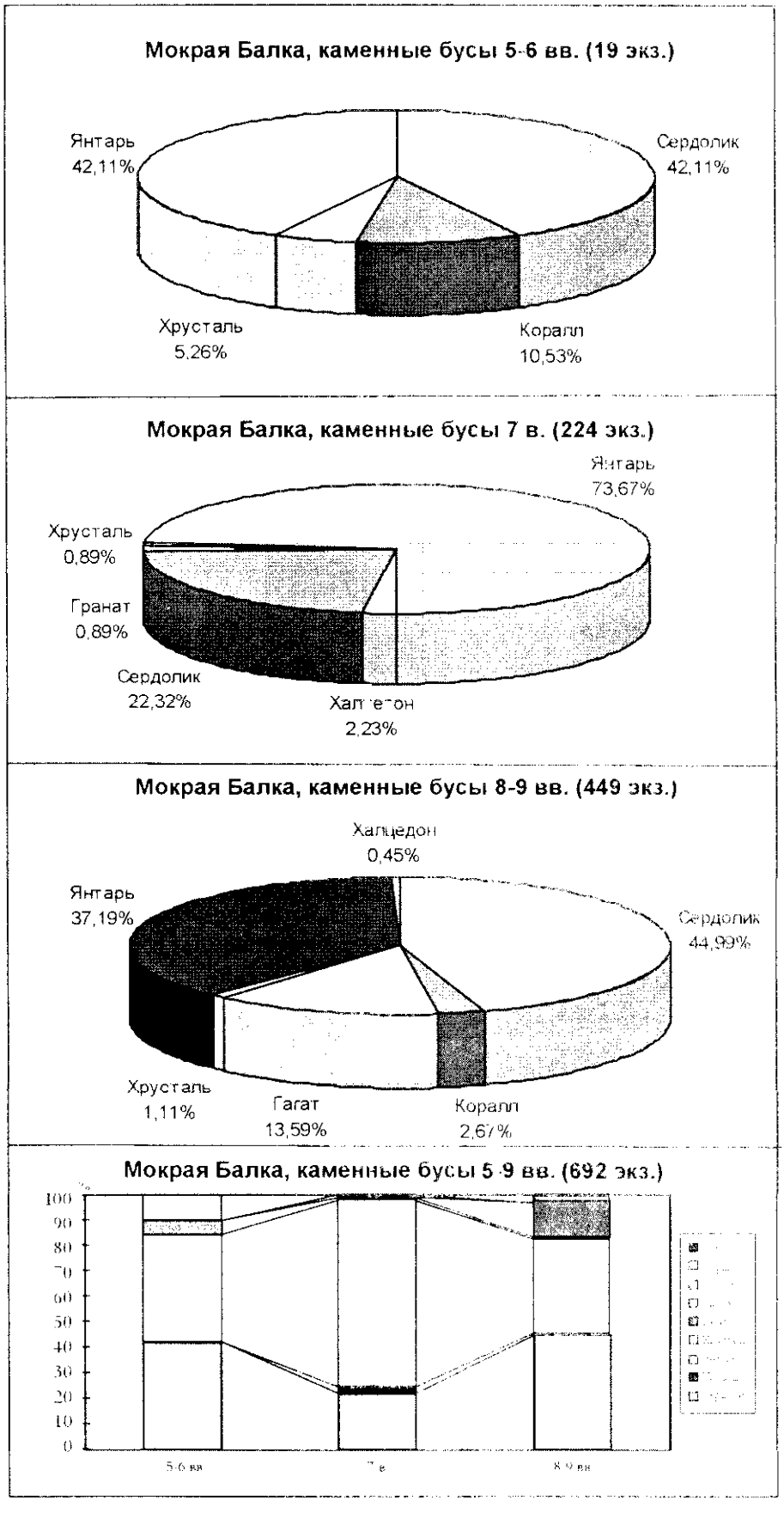


Рис. 109а. Соотношения разных групп каменных бус в Мокрой Балке по векам

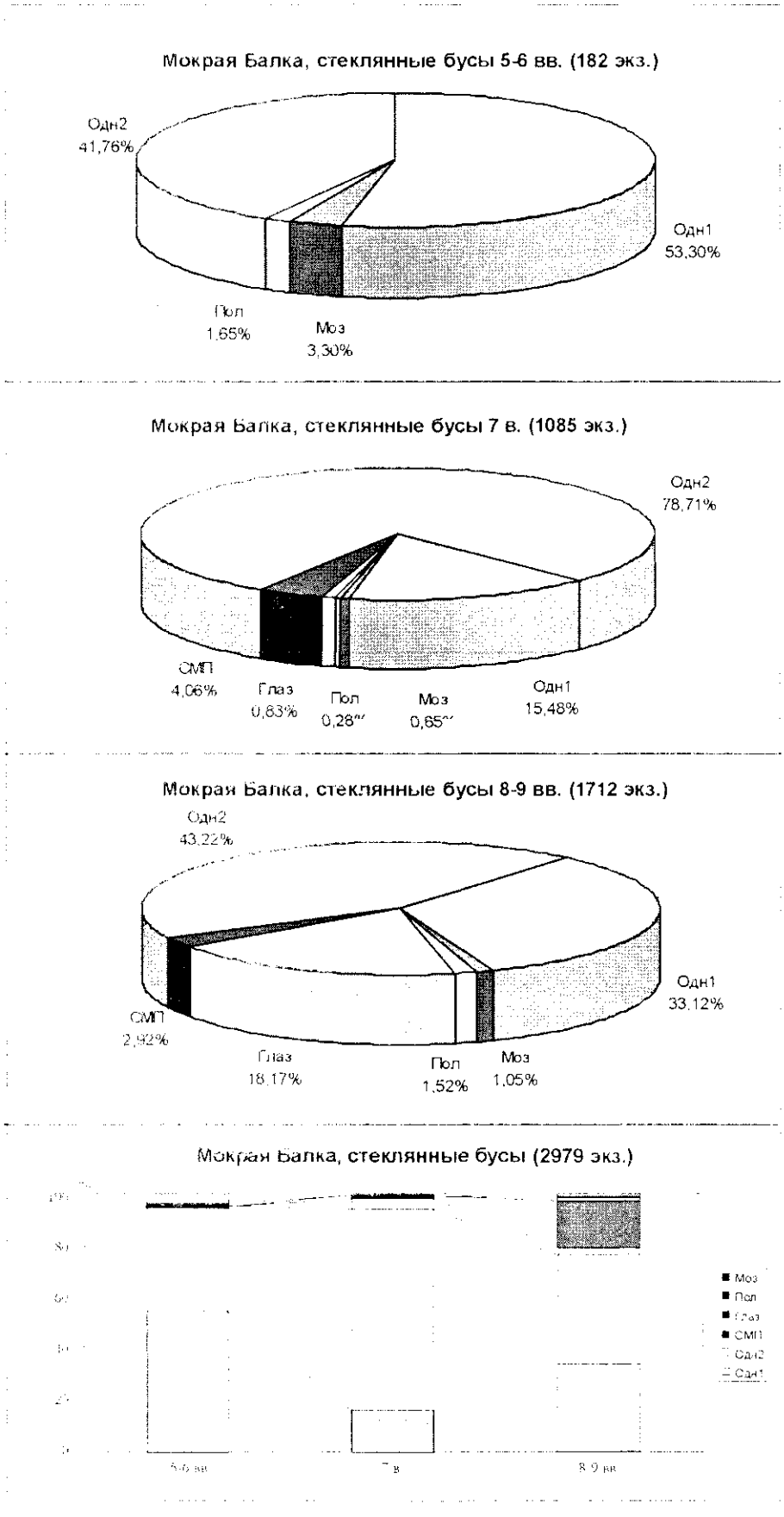


Рис. 109б. Соотношения разных групп стеклянных бус в Мокрой Балке по векам

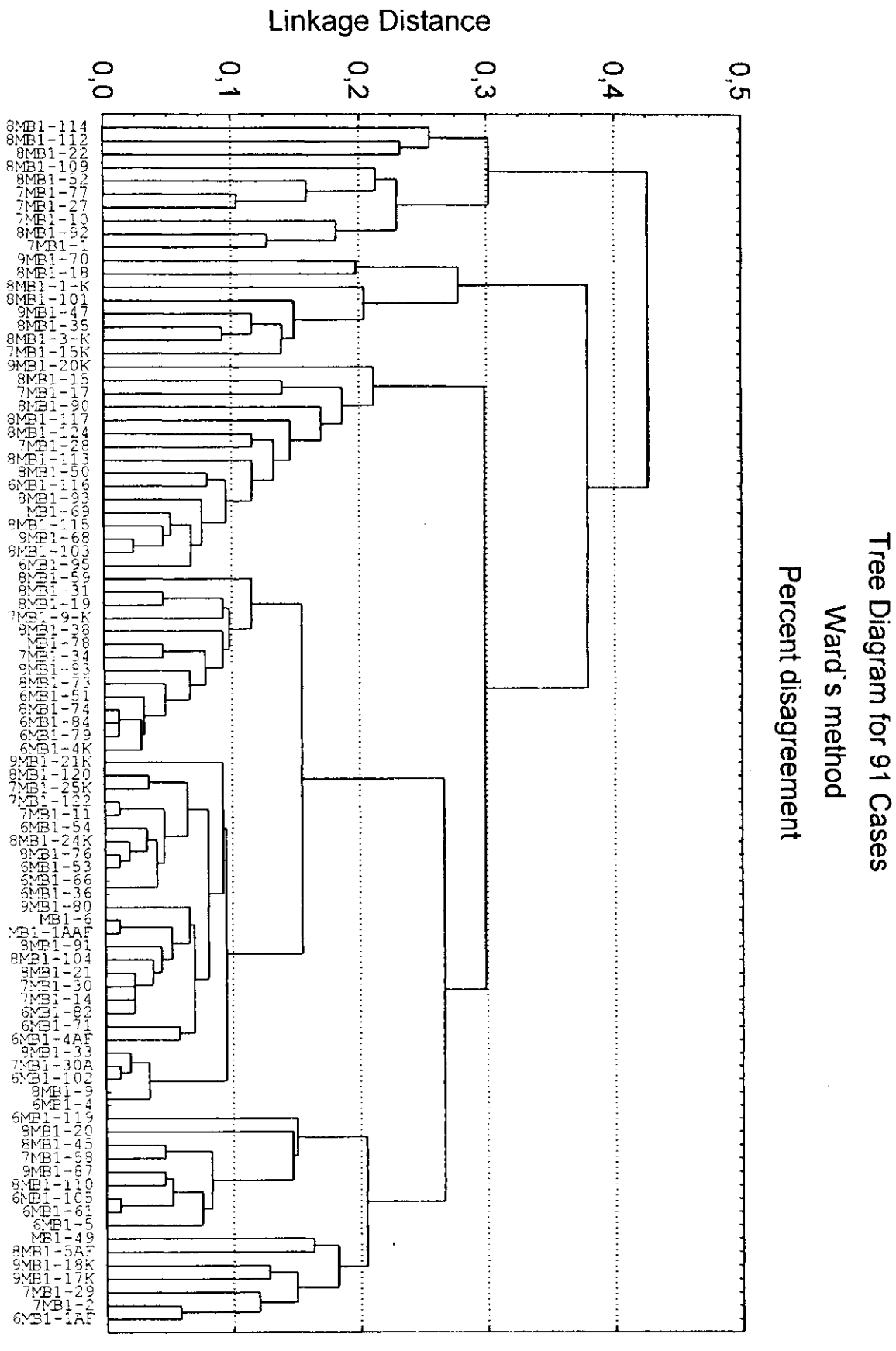


Рис. 110. Кластерный анализ погребений из могильника Мокрая Балка, содержащих каменные и стеклянные бусы

Века \ Виды	1 вид			2 вид	3 вид					4 вид			6 вид	Итого	Процент сосудов с клеймом по векам
	1-1	1-2	1-3	2-А	3-1-А	3-1-Б	3-2-А	3-2-Б	3-3	4-1-А	4-2-А	4-2-Б			
IX			2					2						4	20
VIII-IX	3	2	3	10		1				1			1	21	42
VII-VIII			1	7	1			1	1	3	2	1		17	24
VI-VII	1		1	6		1		1		2	1	2		15	13
?	1	3		2			2				2			10	
Итого с ⊕	5	5	7	25	1	2	2	4	2	6	3	3	1	67	
Всего с кл.	10	14	8	33	2	2	3	4	1	8	10	6	1	102	

Рис. 111. Распределение по векам клейм в виде креста в круге на керамике Пятигорья

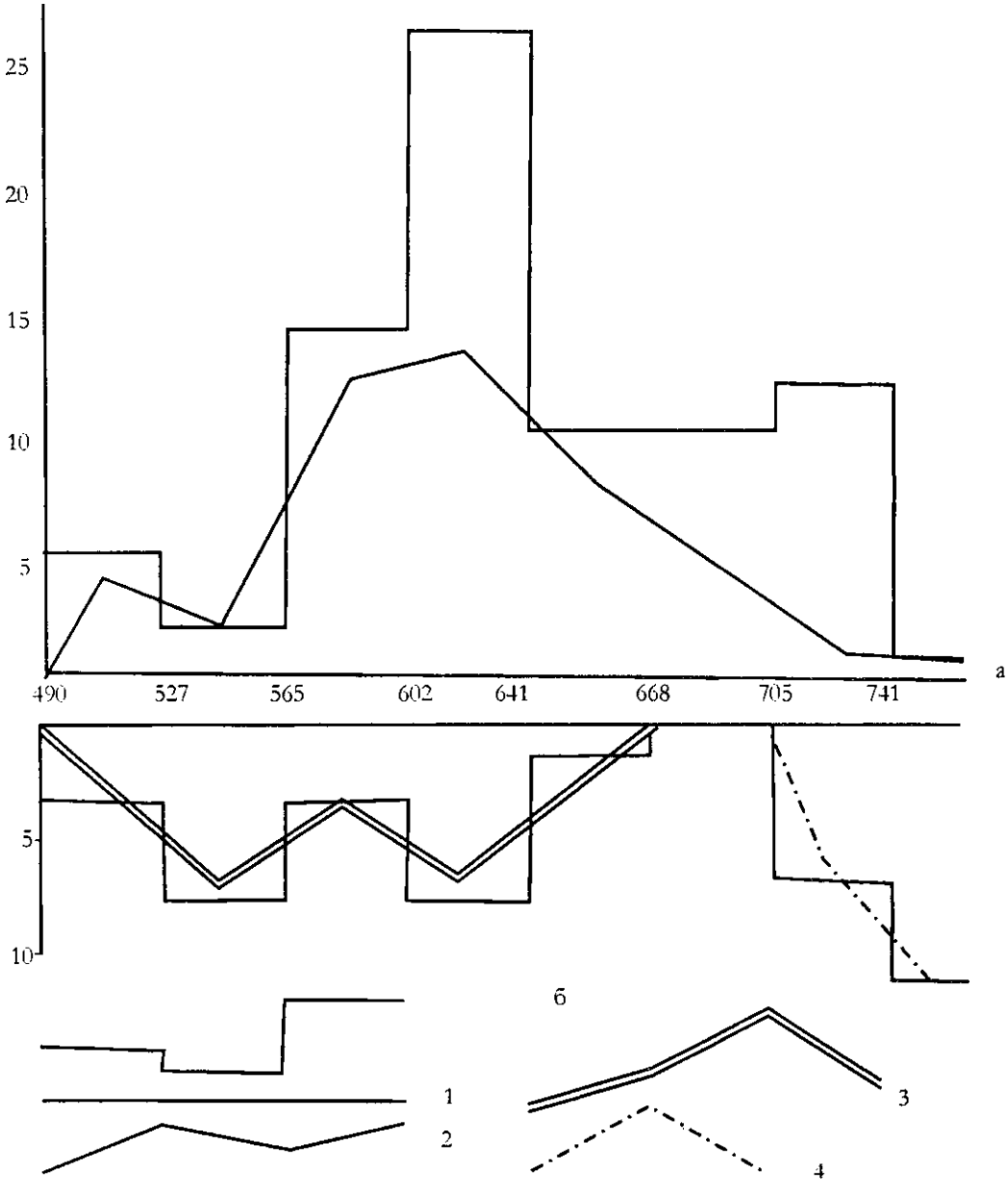


Рис. 112. Распределение по векам византийских (а) и восточных (б) монет на Северном Кавказе. По горизонтальной оси – годы чеканки монет, по вертикальной оси – число экземпляров. 1 – количество монет; 2 – число комплексов с византийскими монетами; 3 – число комплексов с сасанидскими монетами; 4 – число комплексов с омейядскими и аббасидскими монетами

1

2

Рис. 113. Керамика Мокрой Балки (1) и Песчанки (2)

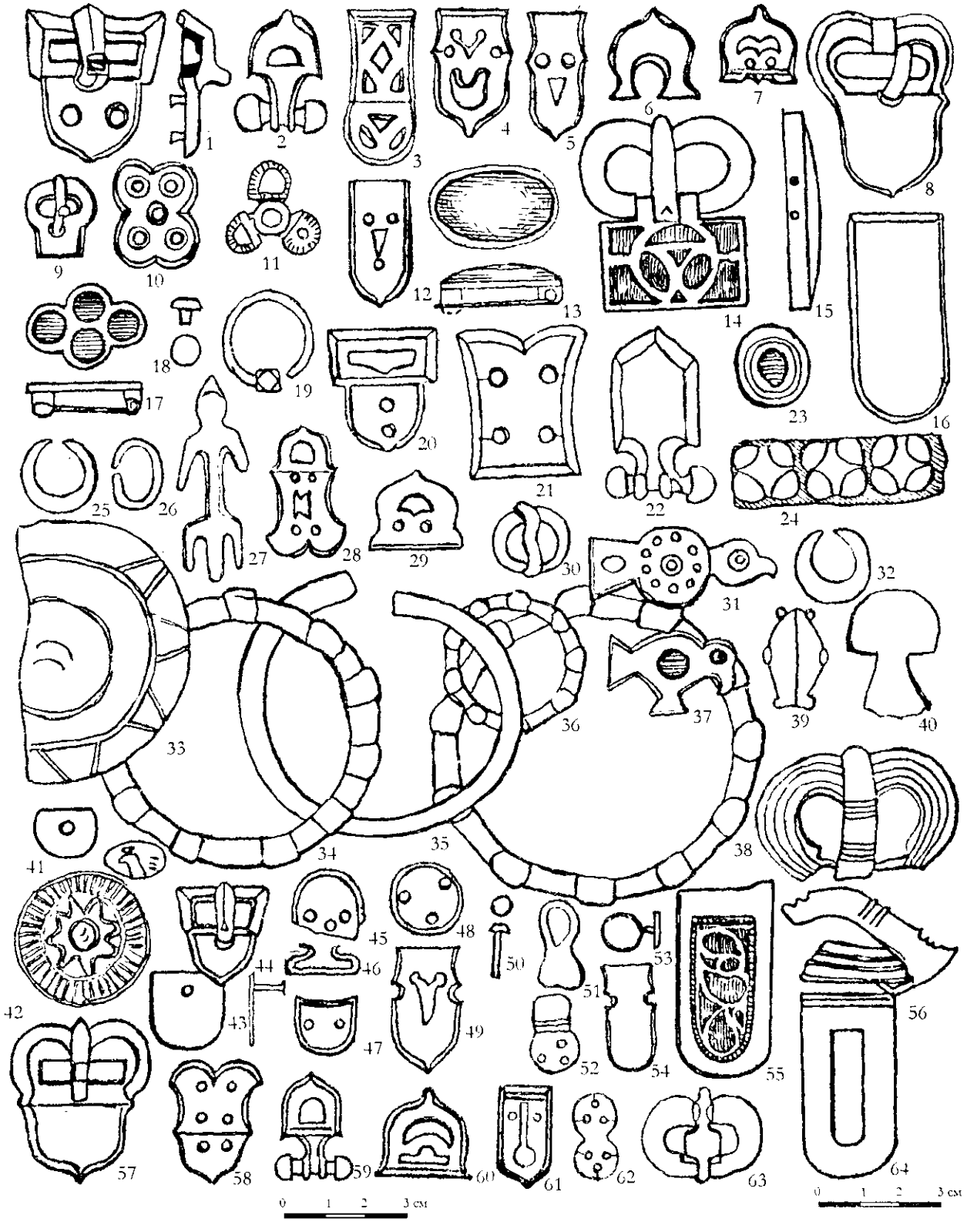


Рис. 114. Инвентарь VI–VII вв. катакомб района Кавказских Минеральных Вод

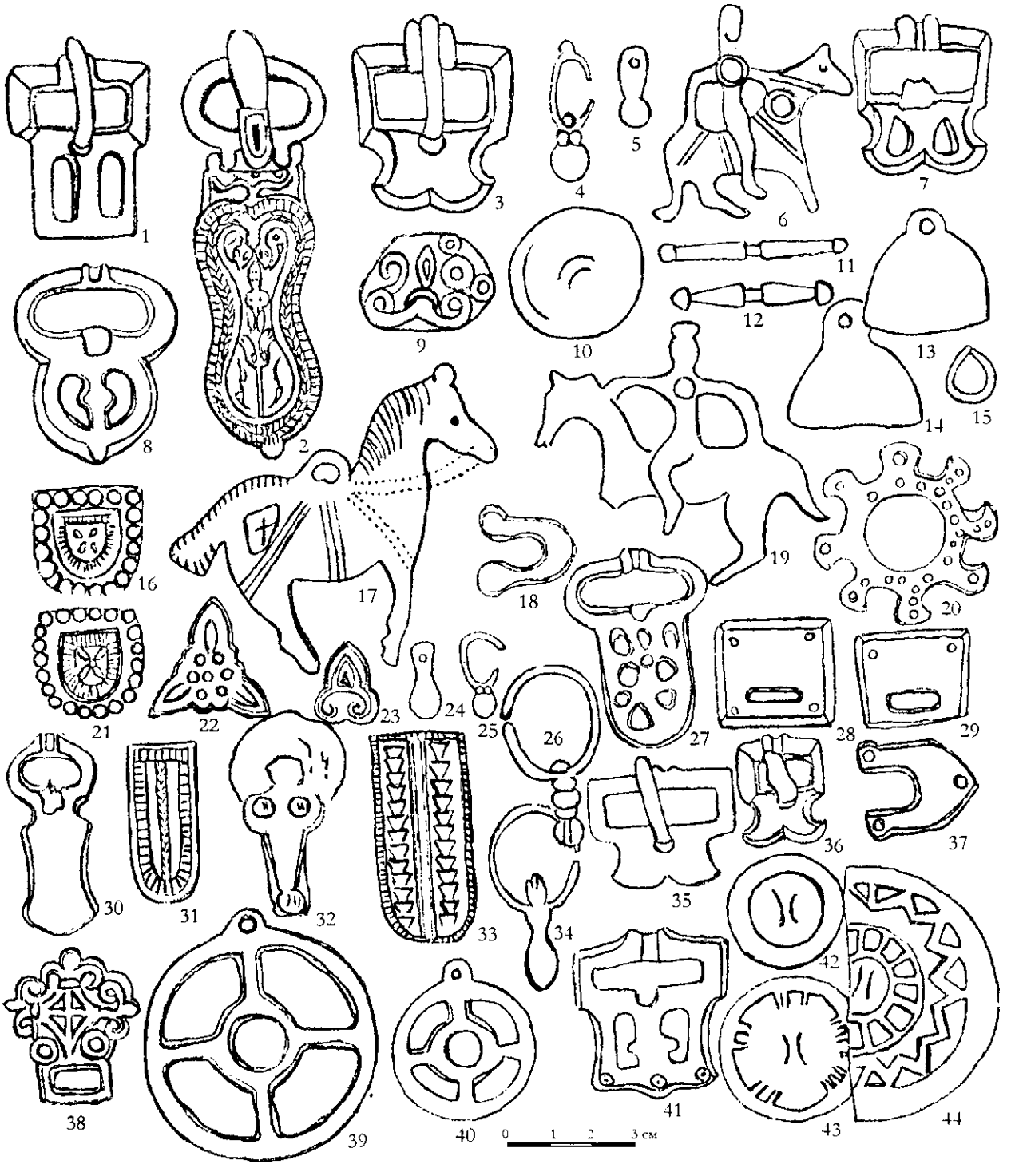


Рис. 115. Инвентарь VIII–IX вв. катакомб района Кавказских Минеральных Вод

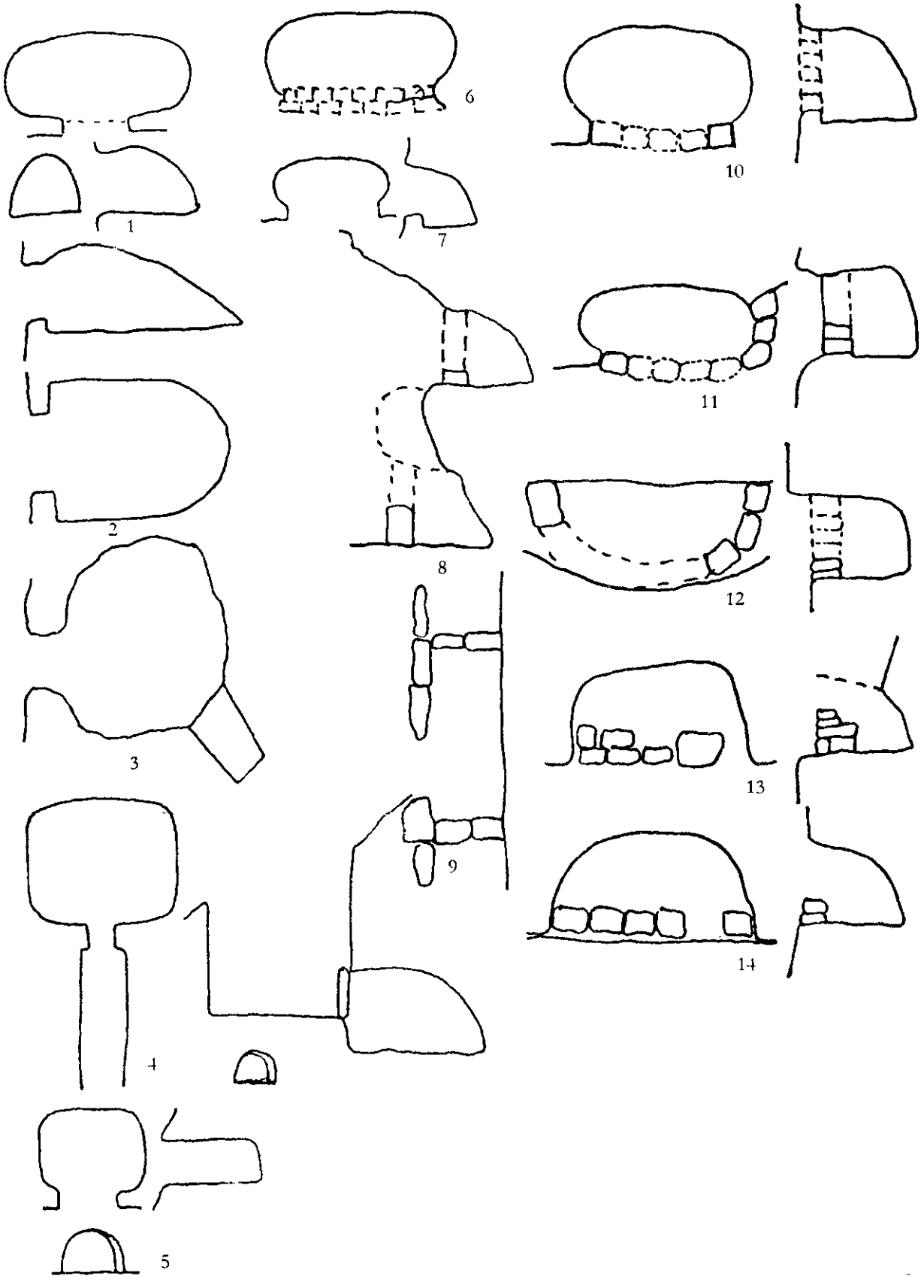


Рис. 116. Планы и разрезы скальных захоронений

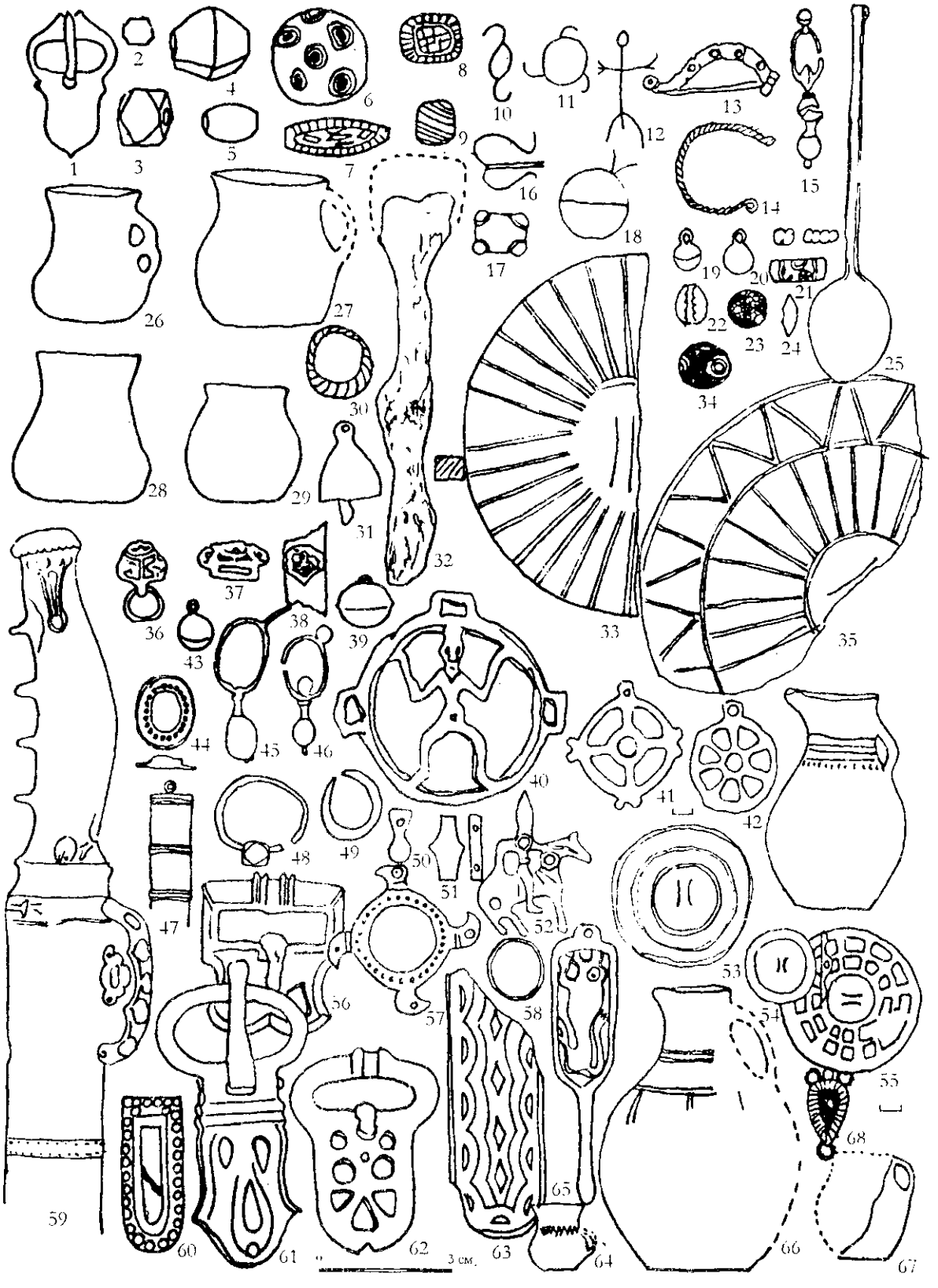


Рис. 117. Инвентарь скальных захоронений

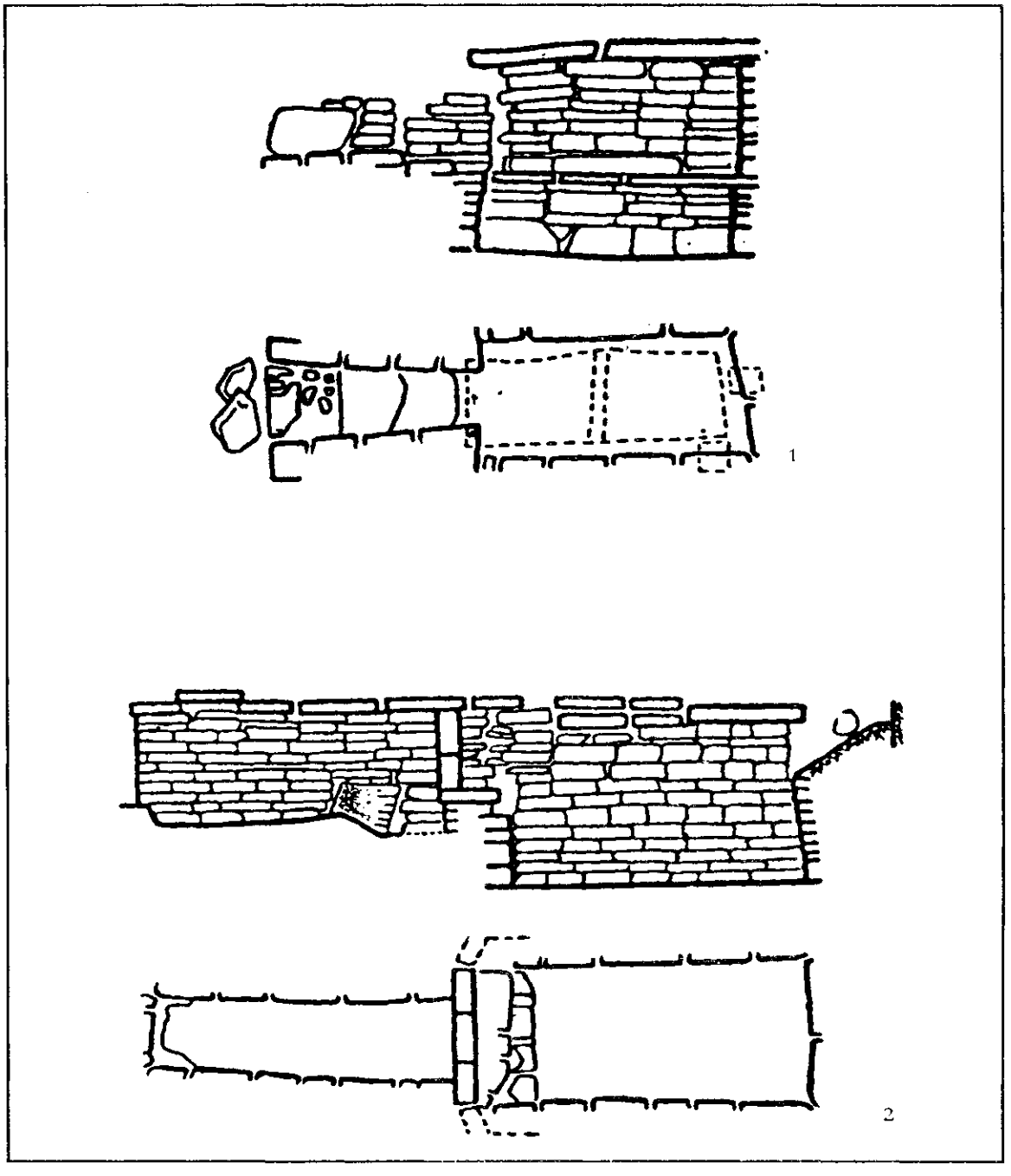


Рис. 118. Конструкция полуподземного склепа по чертежам и замерам Л.Нечаевой

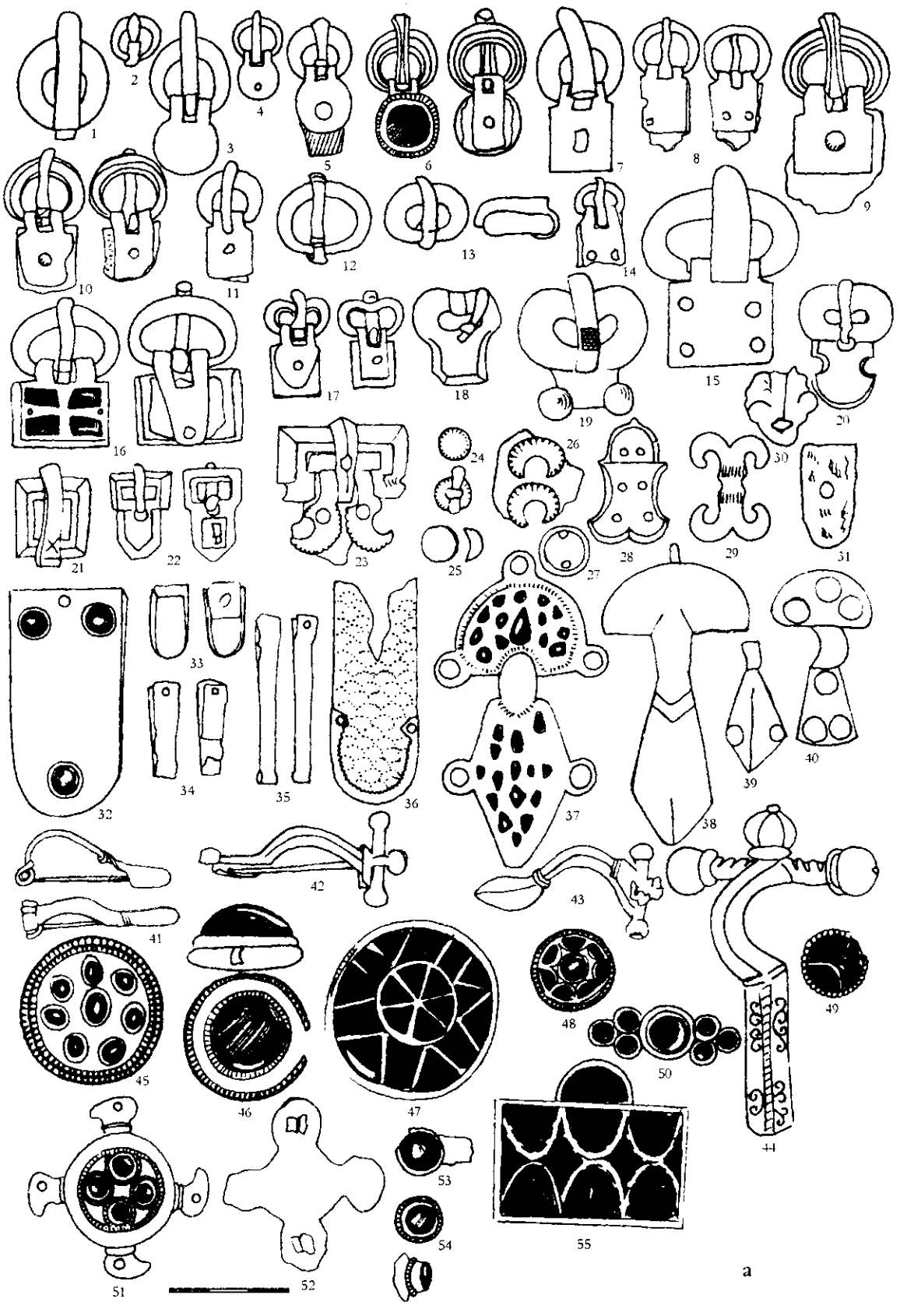


Рис. 119а. Основные находки из верхнекубанских памятников (Гиляч, Байтал-Чапкан, Узун-Кол V–VIII вв., по материалам Т.М.Минаевой)

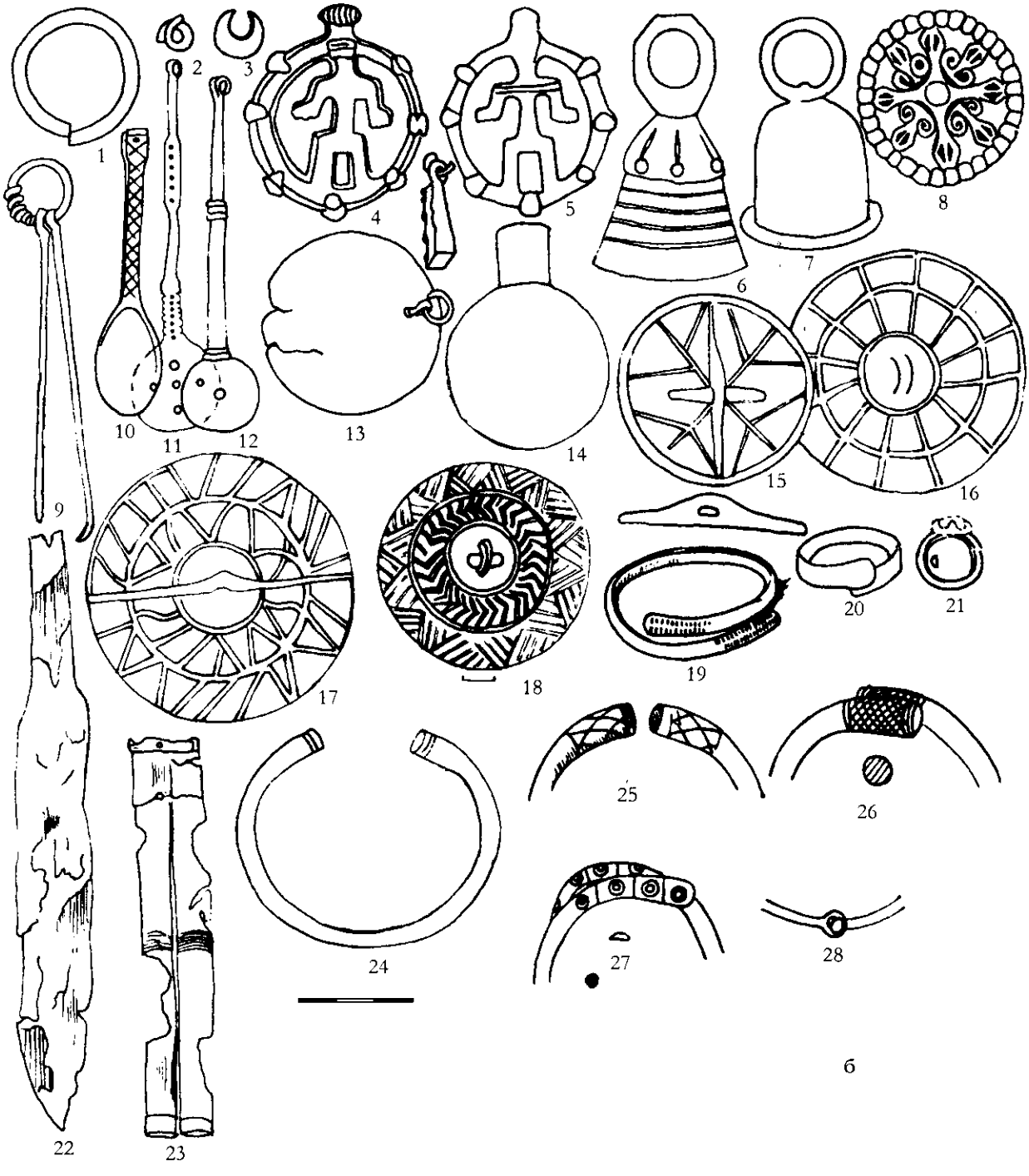


Рис. 119б. Основные находки из верхнекубанских памятников (Гиляч, Байтал-Чапкан, Узун-Кол V–VIII вв., по материалам Т.М.Минаевой)

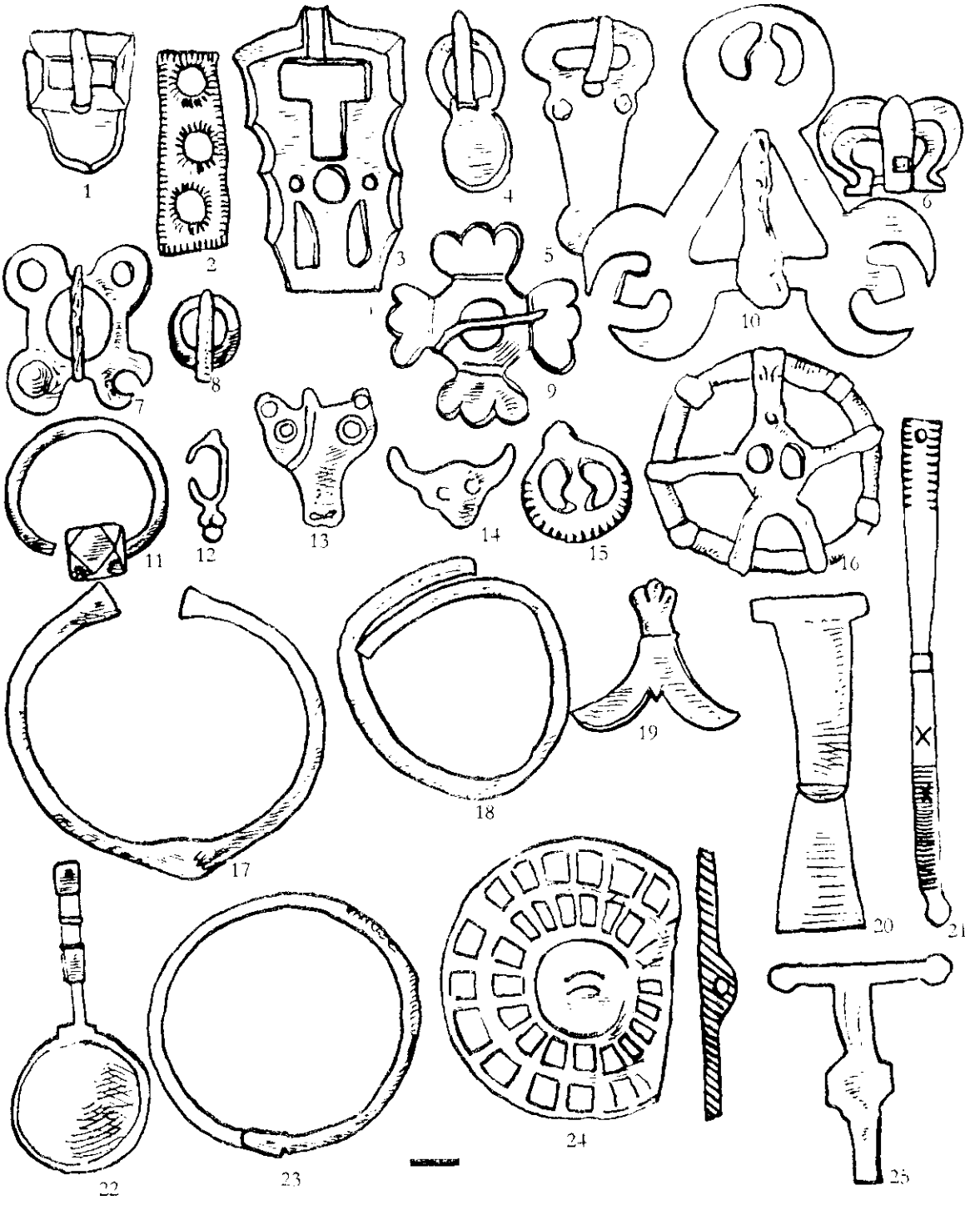


Рис. 120. Материалы из Харачоя

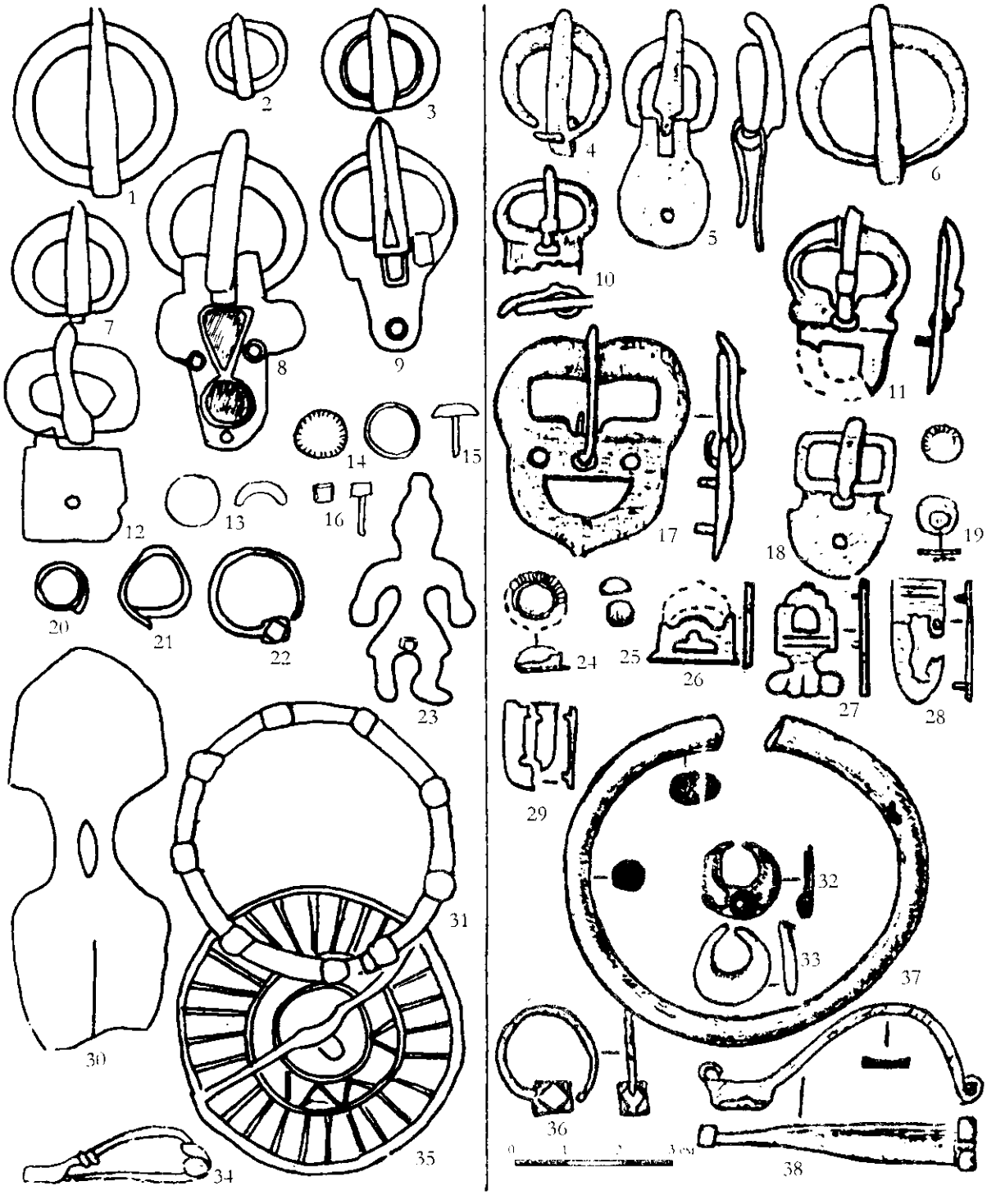


Рис. 121. Материалы из грунтовых погребений VI в. в Чми-Бсахникупе (а – по раскопкам М.П.Абрамовой) и Эдысе (б – по раскопкам Р.Г.Дзаттиати)

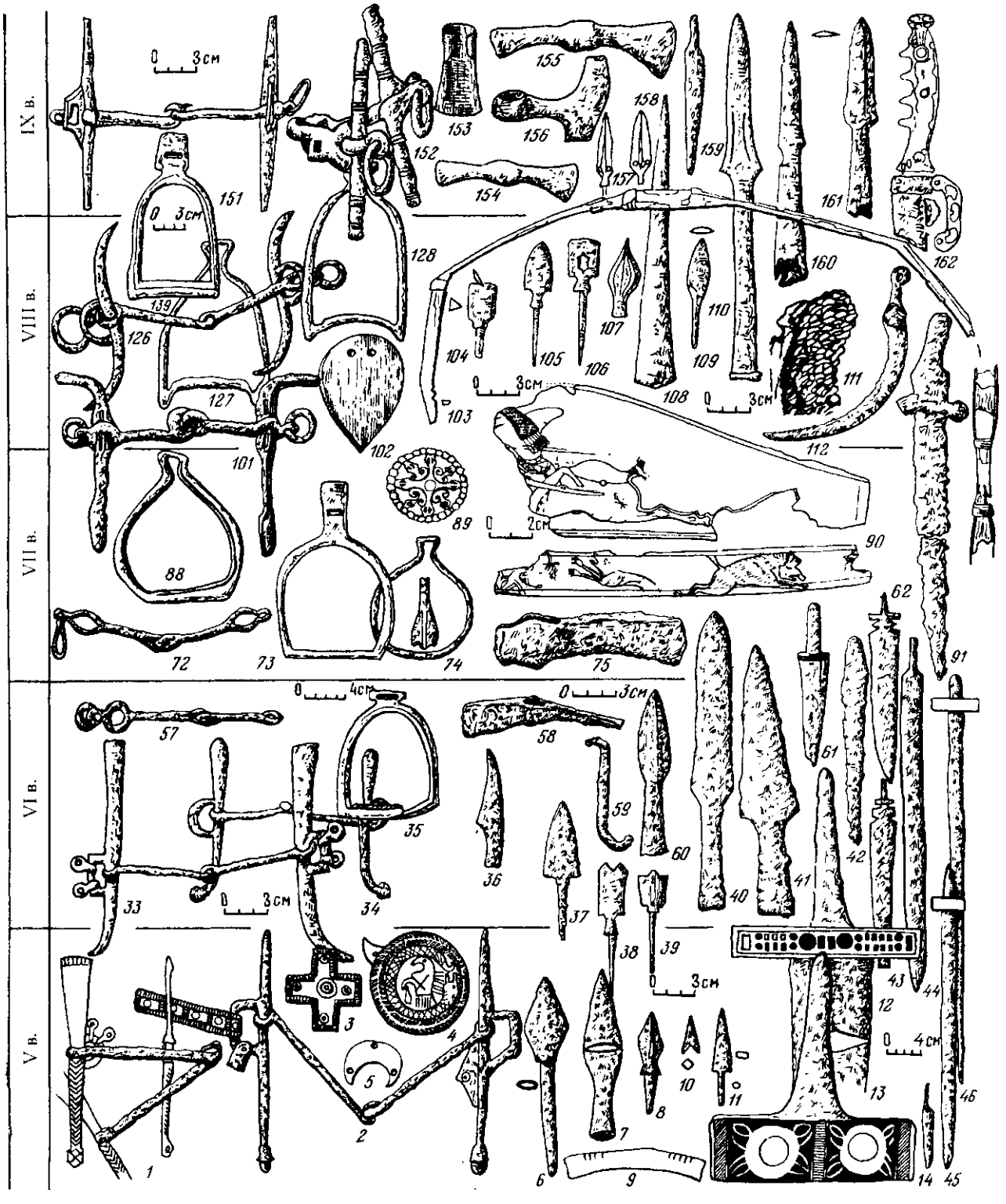
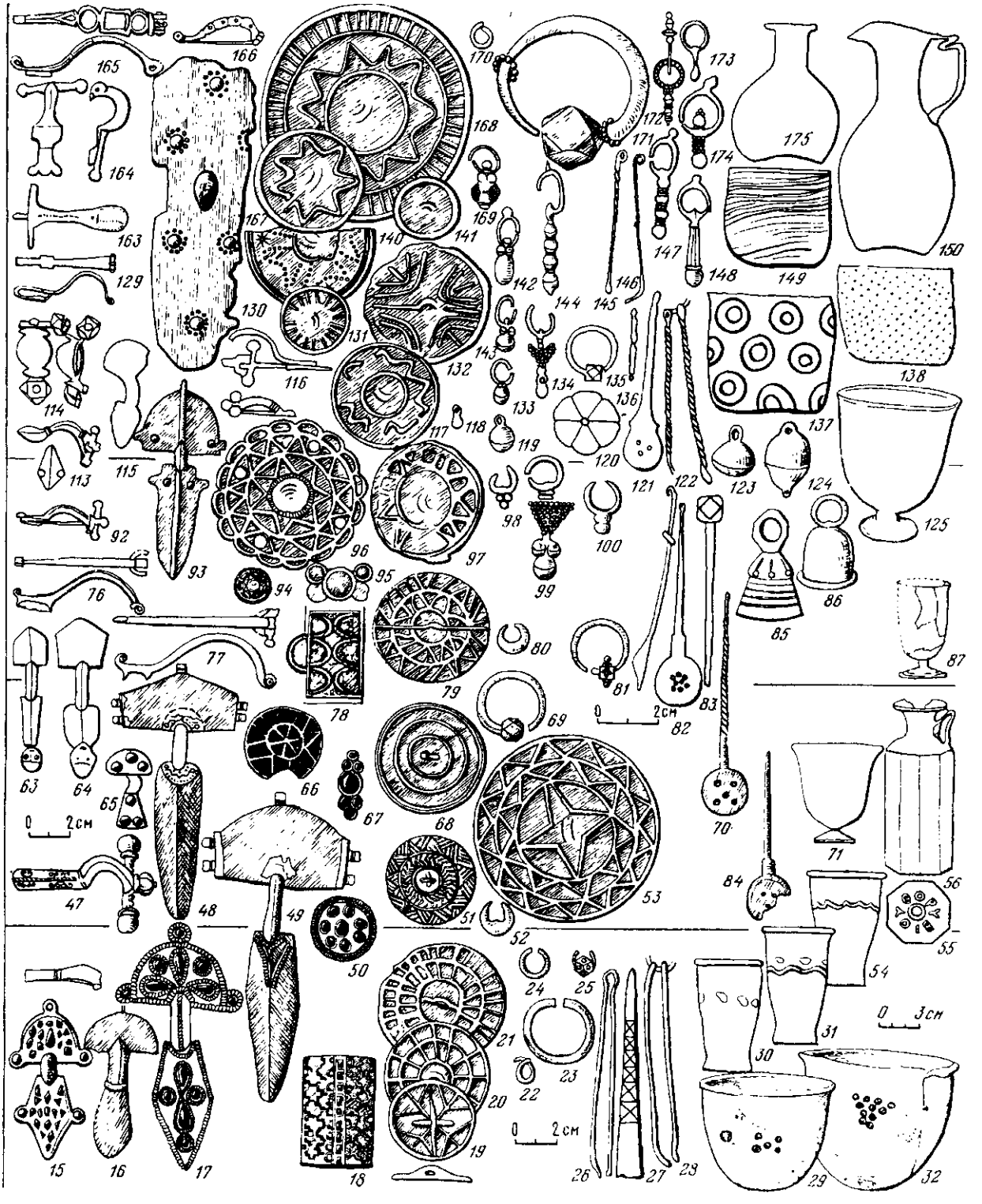


Рис. 122. Сводная хронологическая таблица северокавказских древностей V–IX вв. По материалам Узун-Кол, Агойский Аул, Борисовский, Чир-Юрт, Песчанка, Мощевая Балка, Большой Буйнакский



раскопок могильников Брут, у хутора Октябрьского, Гиляч, Абрау-Дюрсо, Тамгацик, Байтал-Чапкан, курган, Мокрая Балка, Гоуст, Чми, Архон

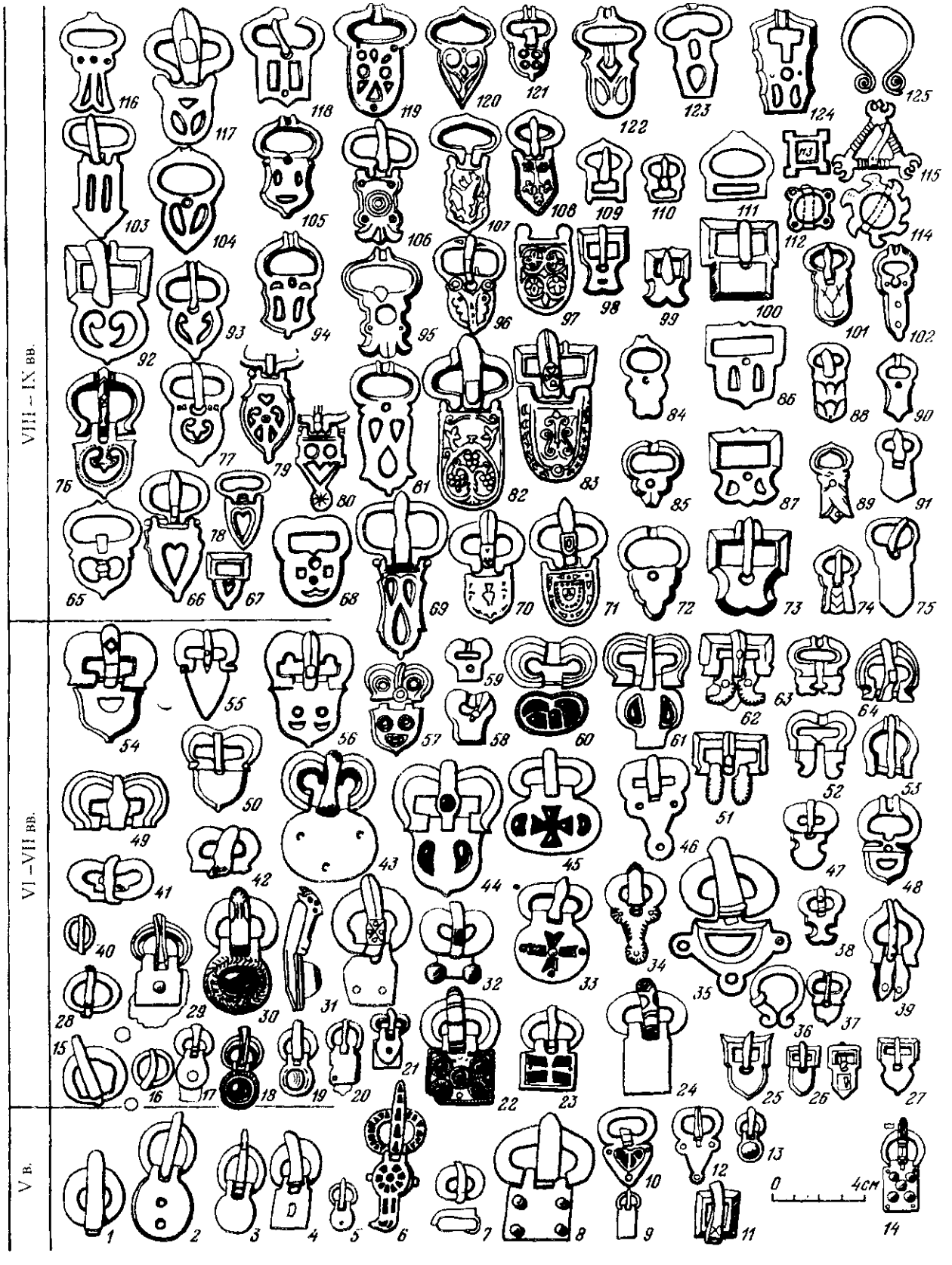


Рис. 123. Эволюционно-хронологическая таблица пряжек VI–IX вв. из северокавказских памятников. 1, 3, 4, 8, 11 – Гиляч; 2, 24, 30, 31, 33 – Цебельда; 5 – Тамгацик; 18, 23, 29 – Байтал-Чапкан; 35, 44, 45, 60, 61, 92, 121, 122, 123 – Мокрая Балка; 37 – Уч-Тепе; 38, 41 – Пашковский; 39, 115 – Чир-Юрт; 43 – Веселое, 46 – Тырныауз; 52, 77, 96 – Борисовский; 53, 72, 74 – Чми; 57 – Былым; 66 – Архон; 68 – Бежта; 73 – Султановка; 75, 89 – Балта; 82 – Рутха; 101, 104, 120 – Гоуст; 109 – Дуба-Юрт; 117 – Хазнидон; 119 – Песчанка; 125 – Большой Буйнакский курган

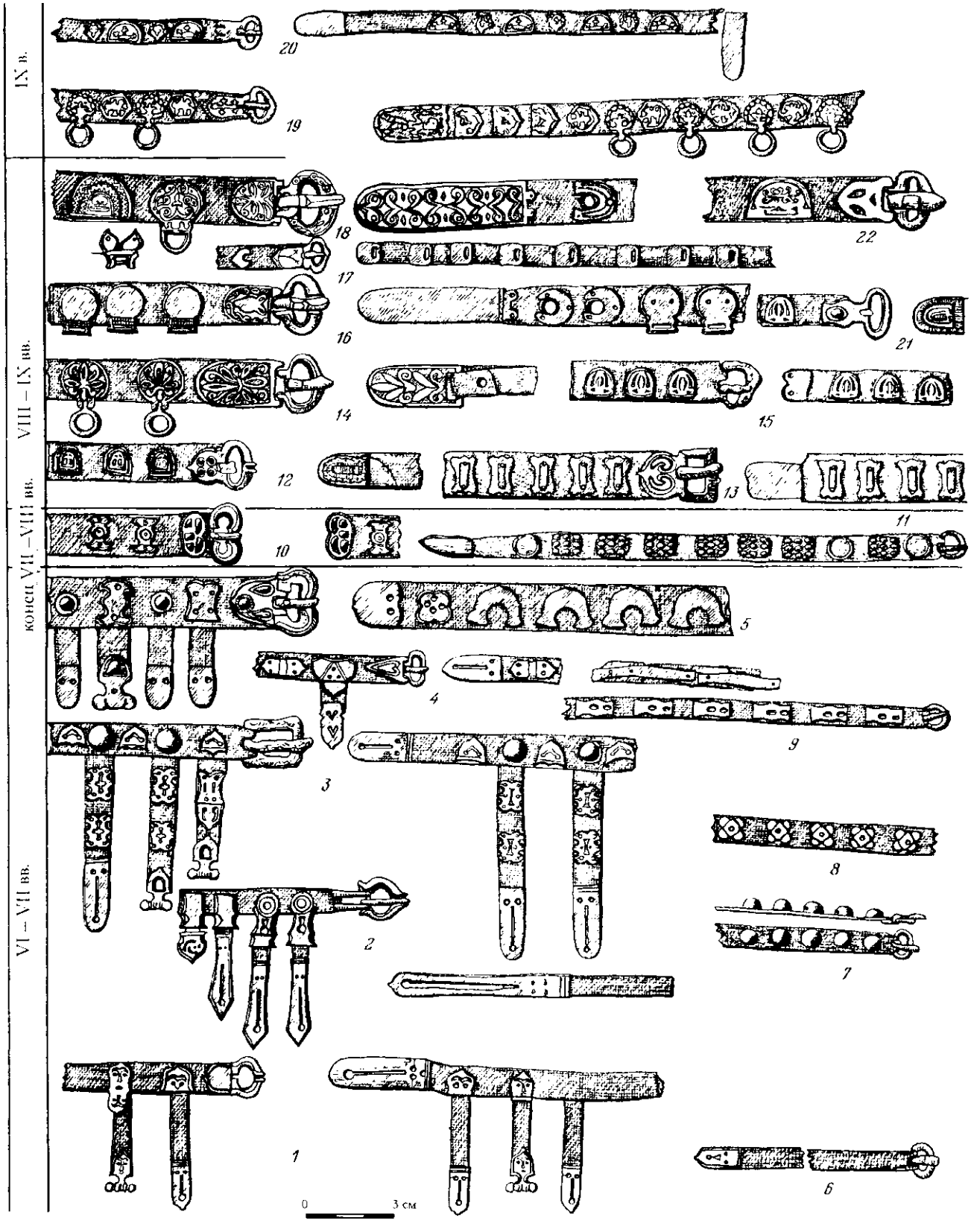


Рис. 124. Реконструкции мужских поясов (1–5, 10–22) и обувных ремней (6–9) VI–IX вв. 1 – Агойский аул; 2 – Верхний Каранай; 3, 4 – Чми; 5–13, 15, 21 – Мокрая Балка; 16, 18 – Ленинхабль; 17 – Гоуст; 19 – Дзивгис; 20 – Балта

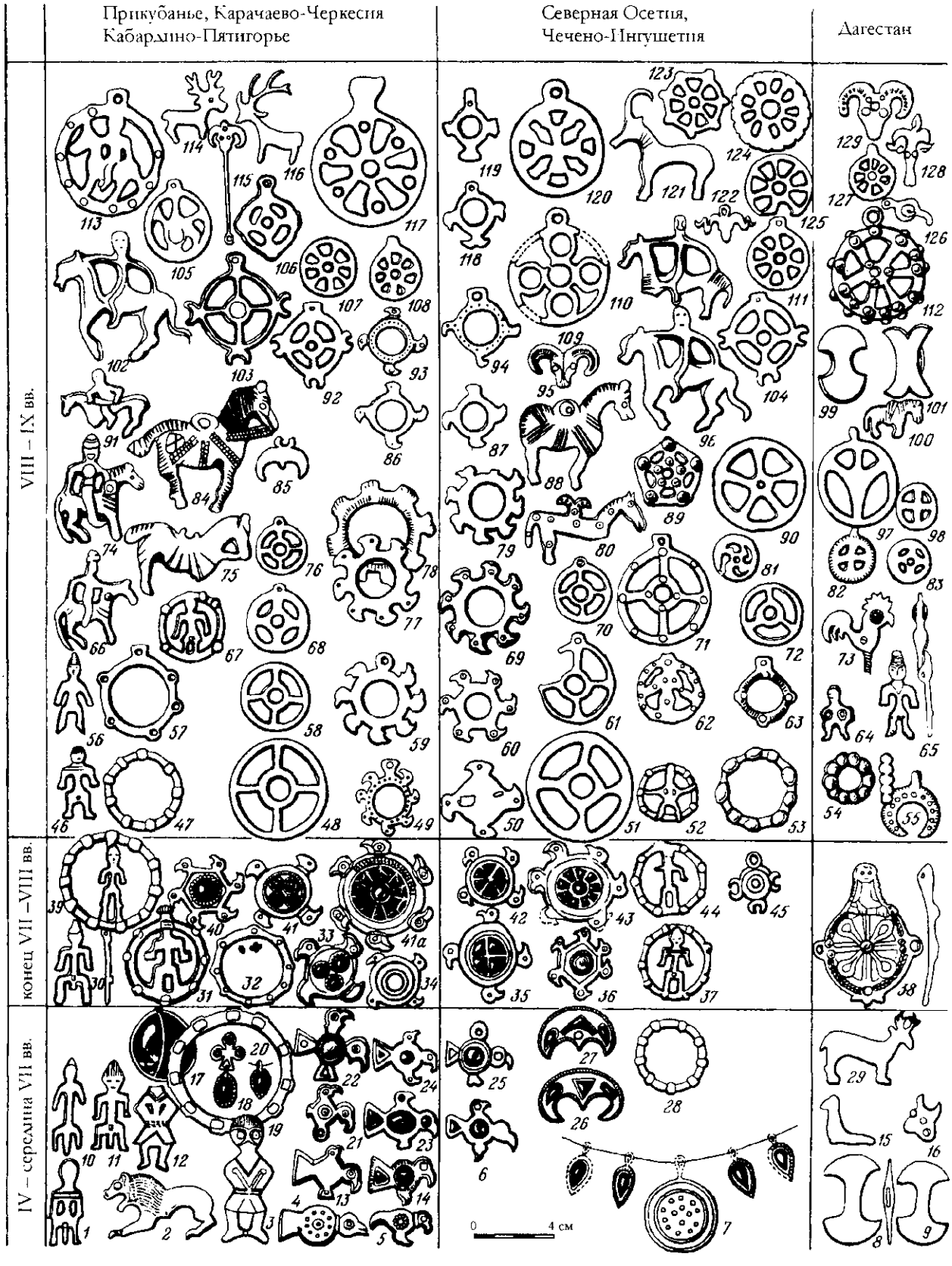
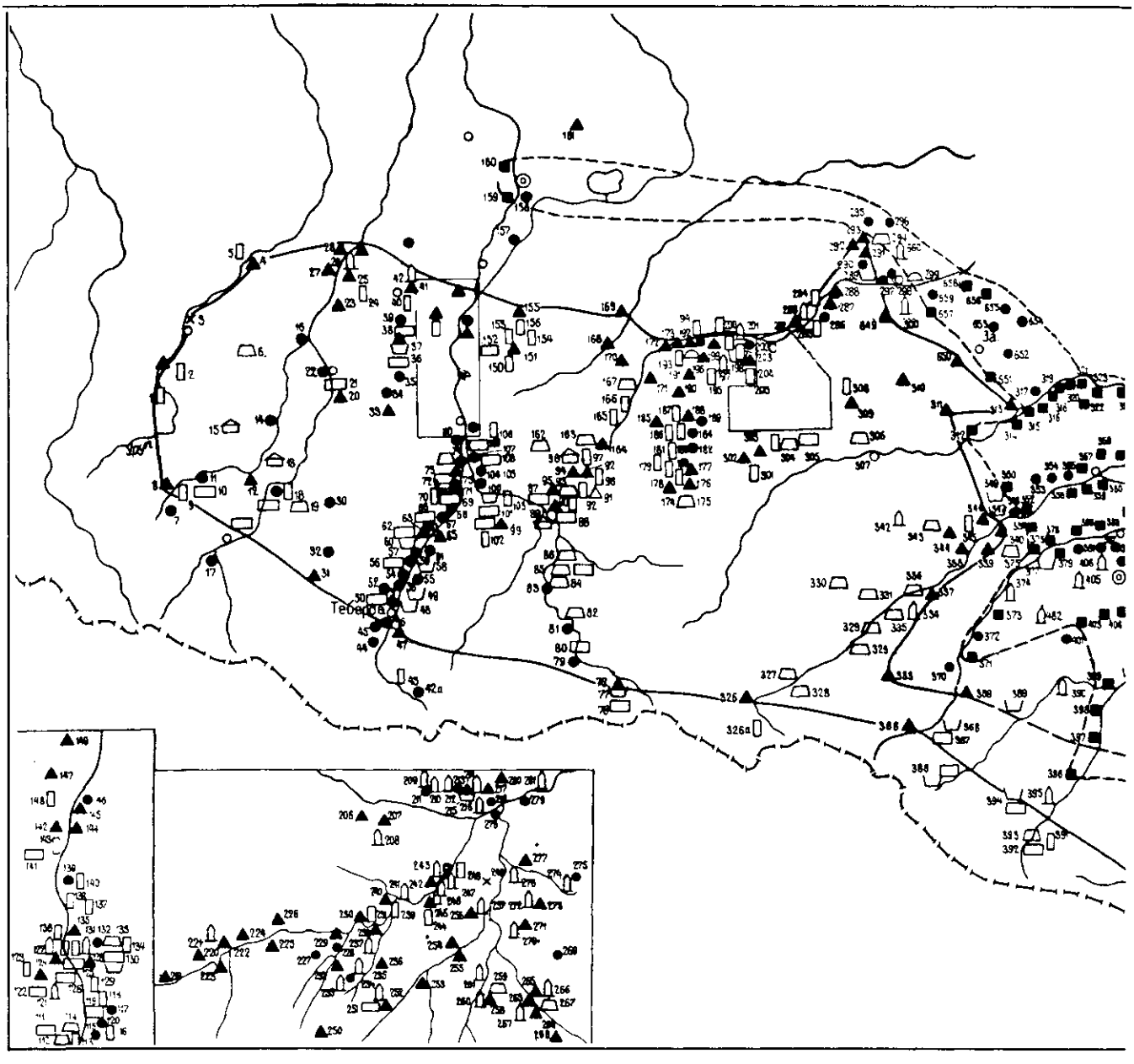


Рис. 125. Эволюционно-хронологическая таблица амулетов Северного Кавказа VI–IX вв. 1, 17 – Пашковский; 2, 3 – Преградненская; 4, 5, 13, 14, 18, 21–24, 30, 33, 40, 57, 76, 92, 103, 108, 117 – Мокрая Балка; 8, 9, 16, 29, 99, 101 – Большой Буйнакский курган; 10 – Подкумок; 11, 67, 68 – Лермонтовская скала; 12 – Кугуль; 31, 41 – Гиляч; 38 – Чир-Юрт; 45, 51, 62, 71, 94, 104 – Чми; 50, 61, 63, 70, 96, 109, 110 – Гоуст; 52 – Харачой; 58, 66, 105 – Зилги; 64 – Агач-Кала; 65 – Бавтугай; 72 – Балта; 74, 84, 102 – совхоз им. Луначарского; 77, 78 – Песчанка; 100 – Урцеки; 112, 127 – Верхний Каранай; 119 – Лац; 120 – Кобань; 124 – Дуба-Юрт; 129 – Гоцатль

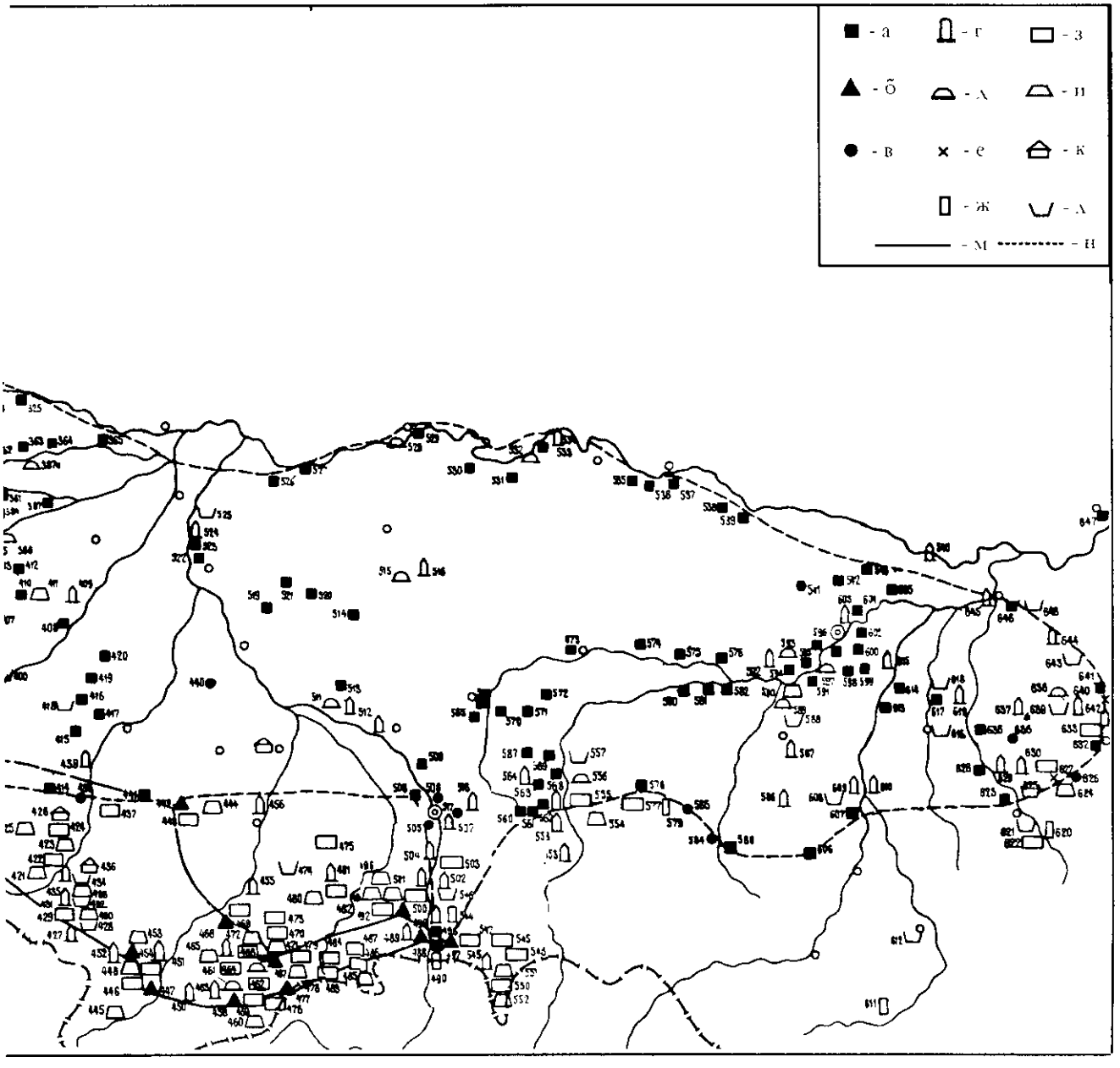
КАРТЫ

распространения
археологических материалов

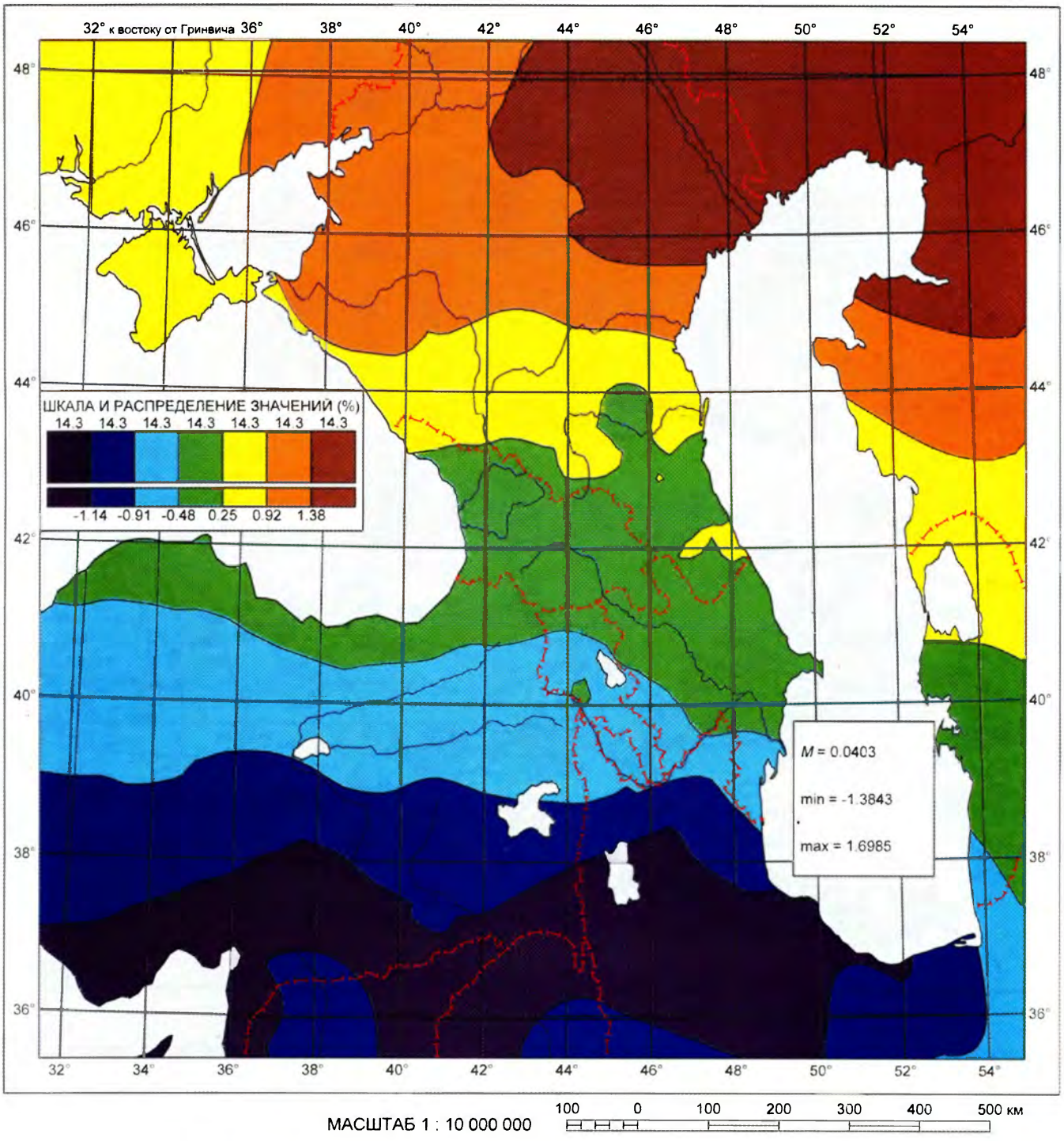
I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.



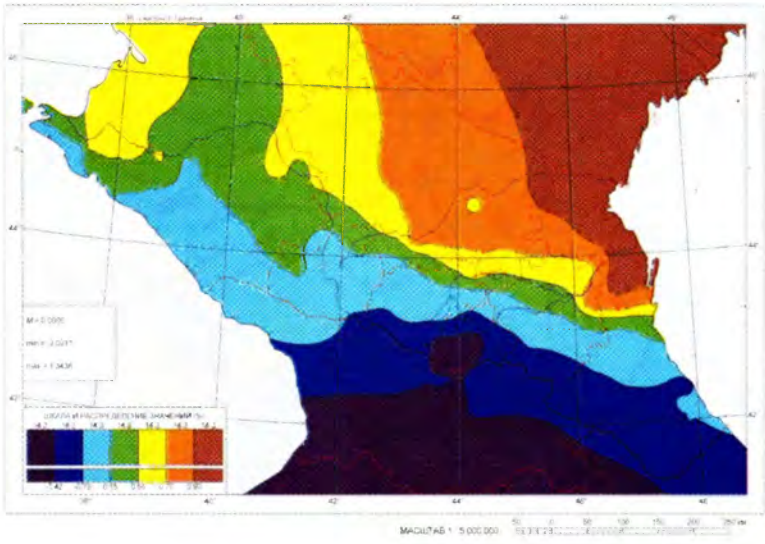
Карта 1. Археологические памятники IV–IX вв. Центрального Предкавказья: а – «земляные городища», б – скальные захоронения, з – каменные гробницы, и – склепы (подземные), к – склепы (наземные), л – грунтовые приложении 1)



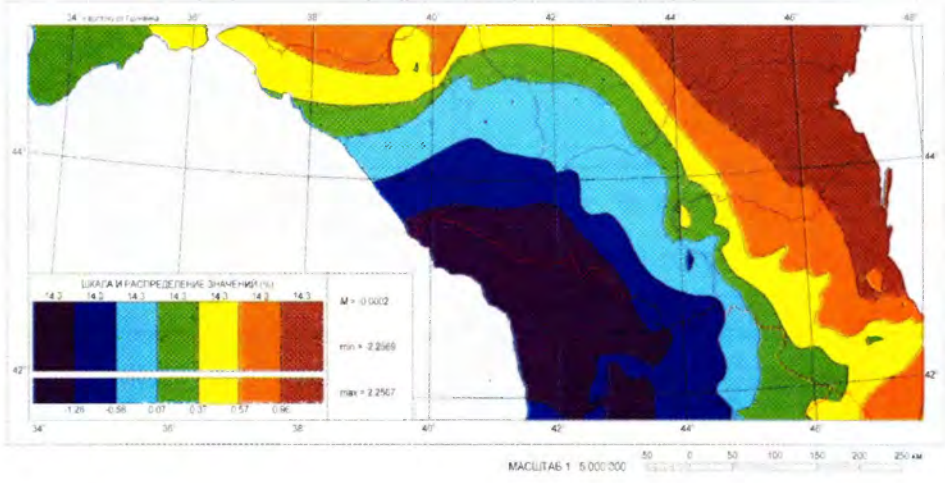
«каменные крепости», в – селища, г – грунтовые катакомбы, д – подкурганные катакомбы, е – находки, ж – погребения, м – ареал «каменных крепостей», н – ареал «земляных городищ» (список памятников см. в



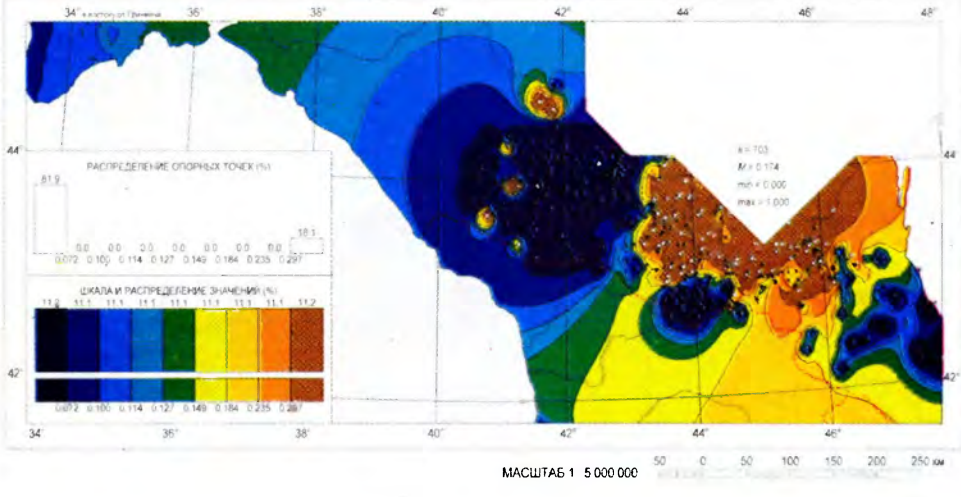
Карта 2. 1-я компонента изменчивости генофонда народов Кавказа



к.3



к.4

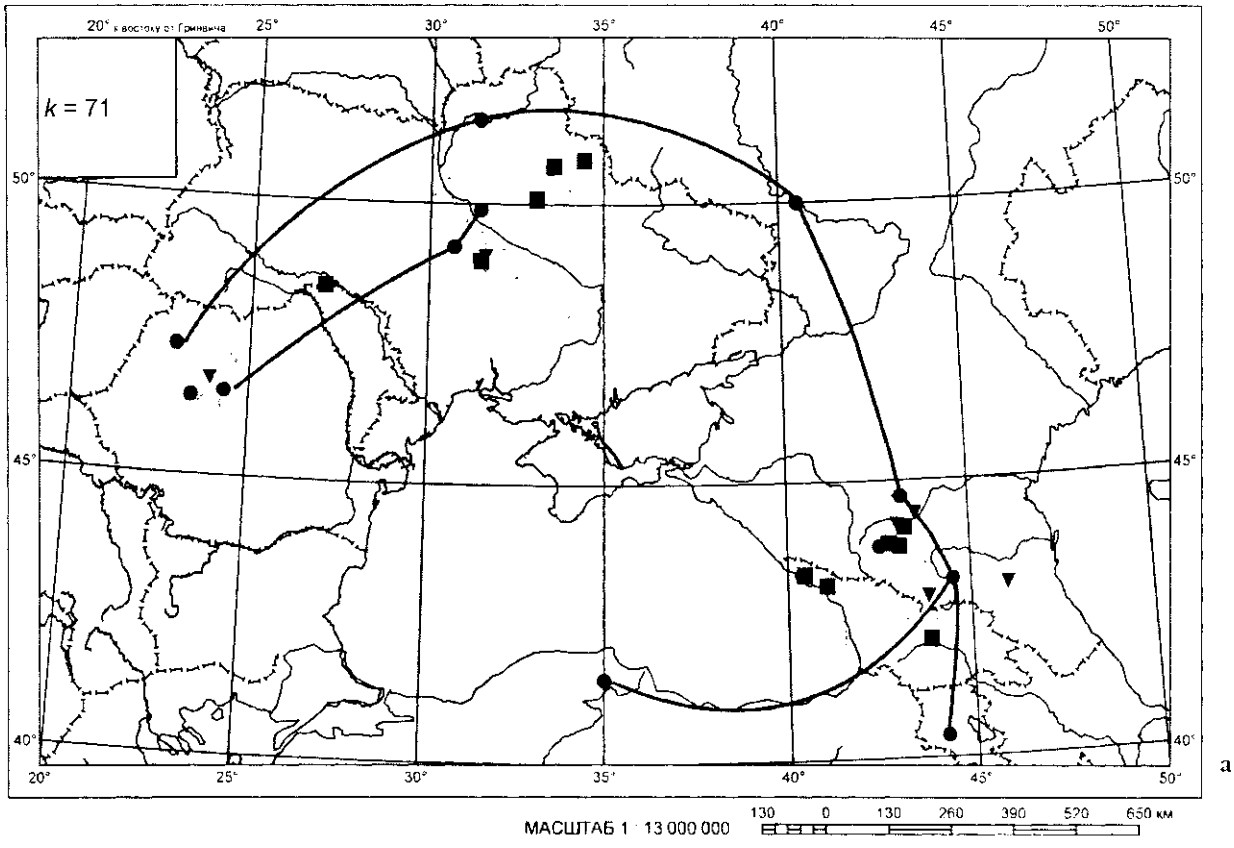


к.5

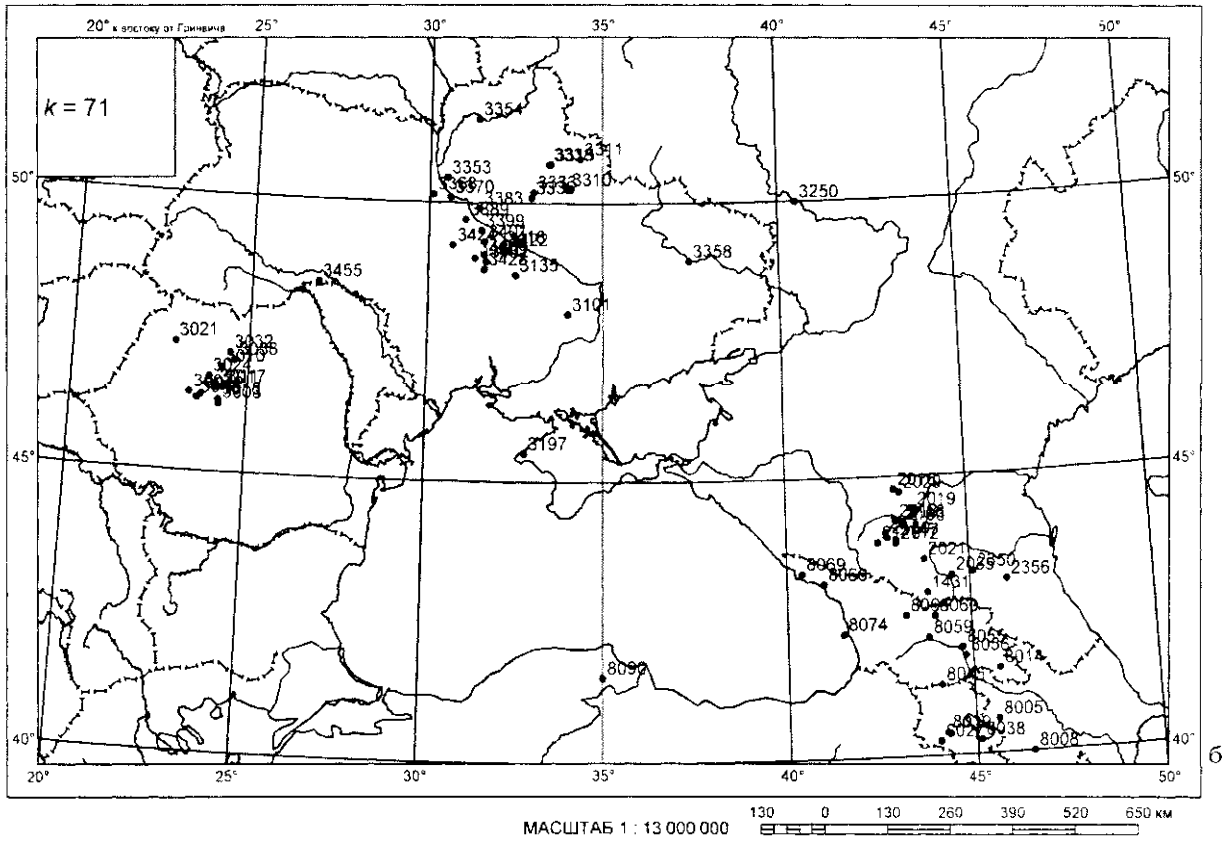
Карта 3. Первая компонента плотности скифских, сарматских и средневековых памятников

Карта 4. Вторая компонента изменчивости генофонда народов Кавказа

Карта 5. Земляные городища и каменные крепости Северного Кавказа эпохи раннего средневековья

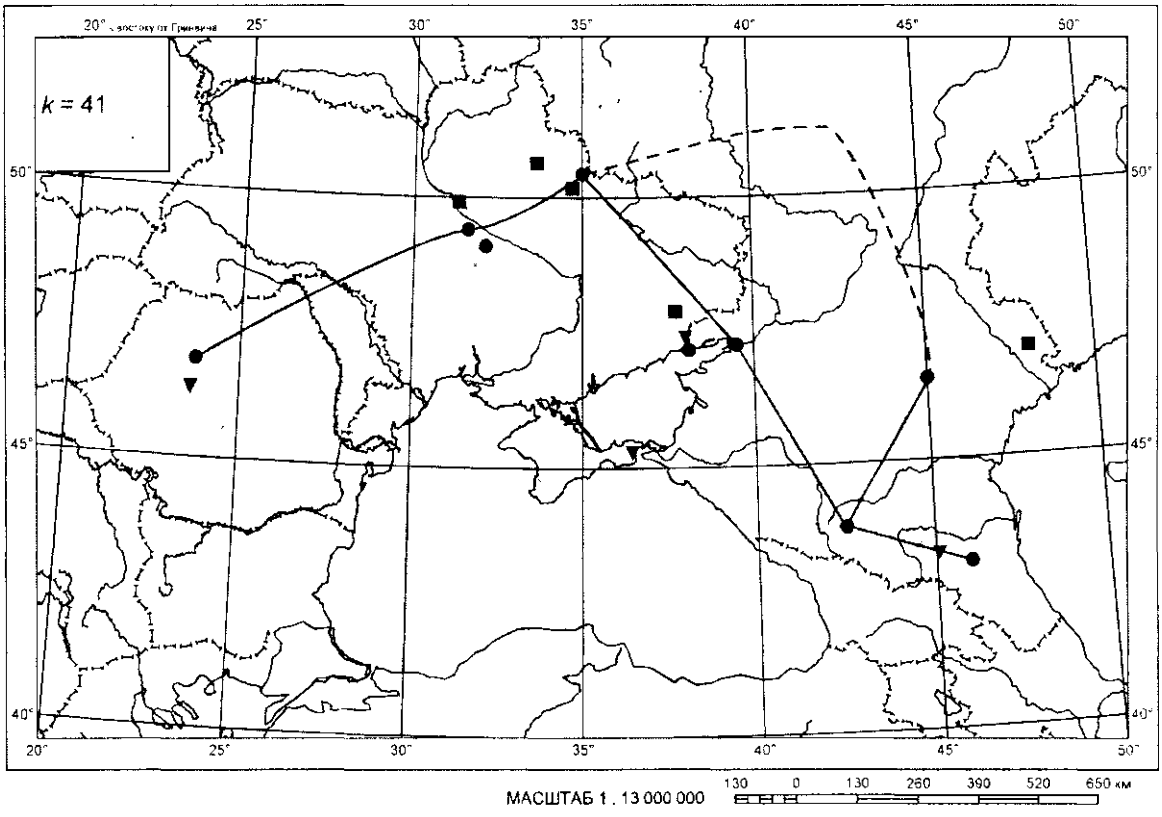


а

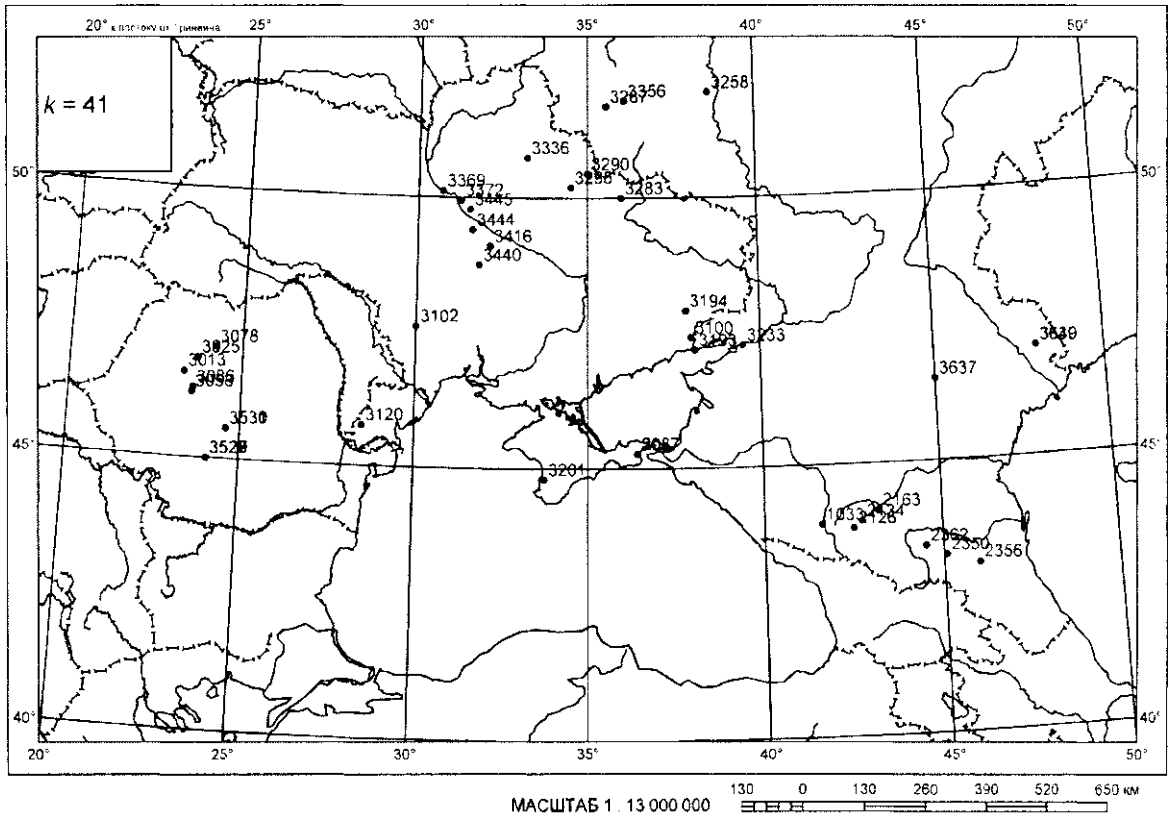


б

Карта 6. а – Распространение акинаков 1-го этапа: круг – т. 1; треугольник – гр. 1; квадрат – гр. 2; звездочка – остальные акинаки 1-го этапа; б – локализация находок акинаков 1-го этапа (с номерами памятников по БД «акинак»)

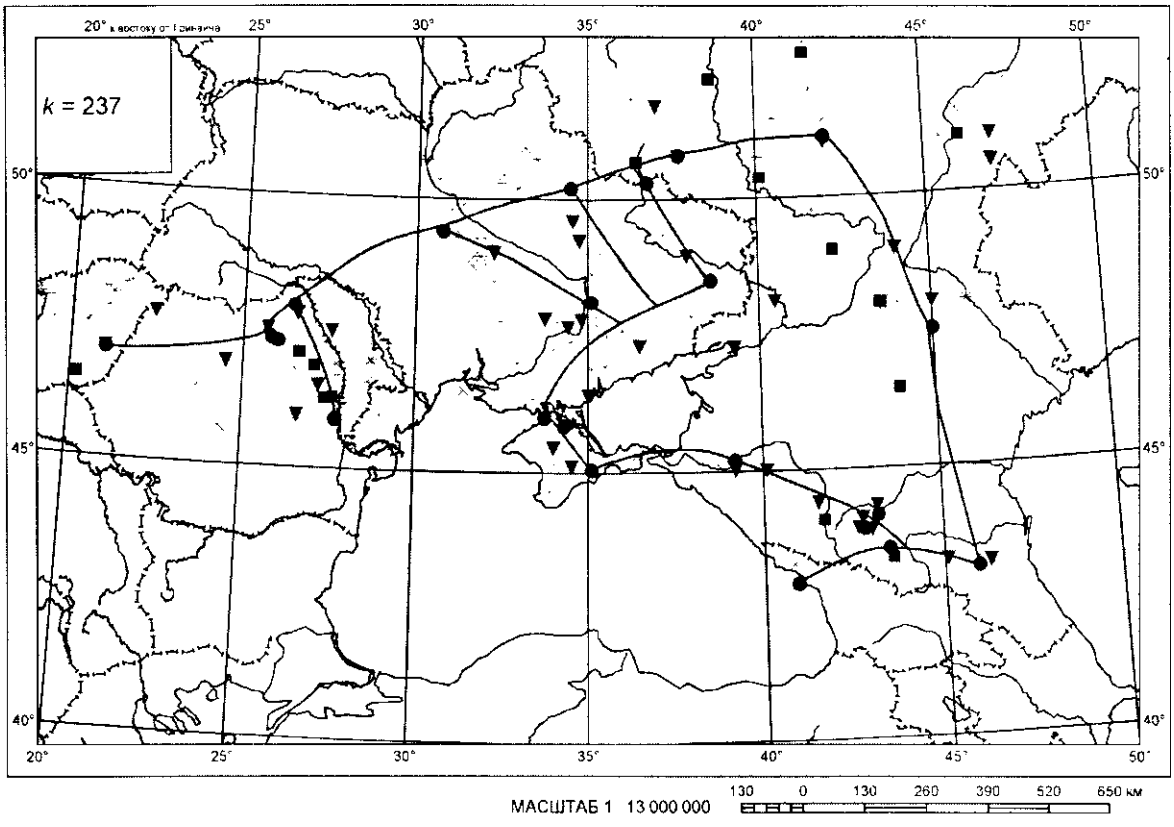


а

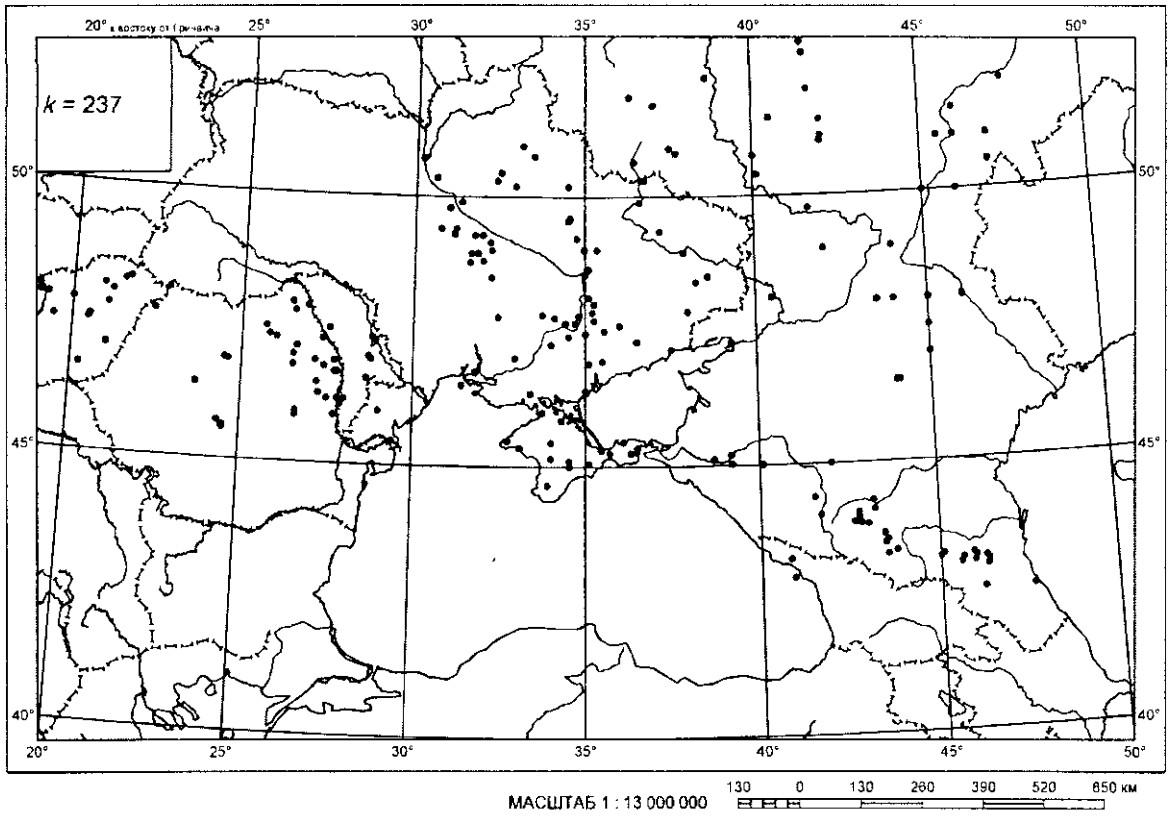


б

Карта 7. а – Распространение акинаков 2-го этапа: круг – т. 1; треугольник – гр. 1; звездочка – остальные акинаки 2-го этапа; б – локализация находок акинаков 2-го этапа

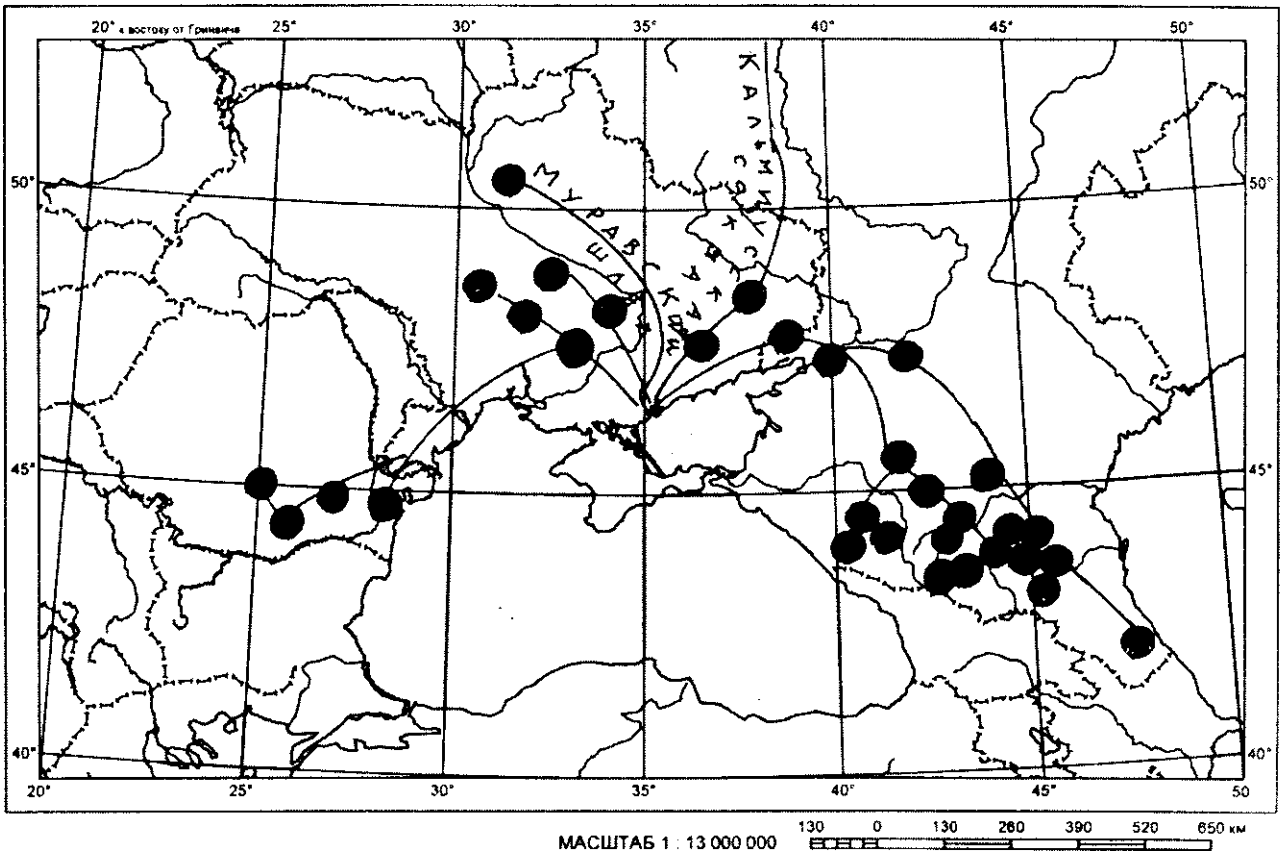


а

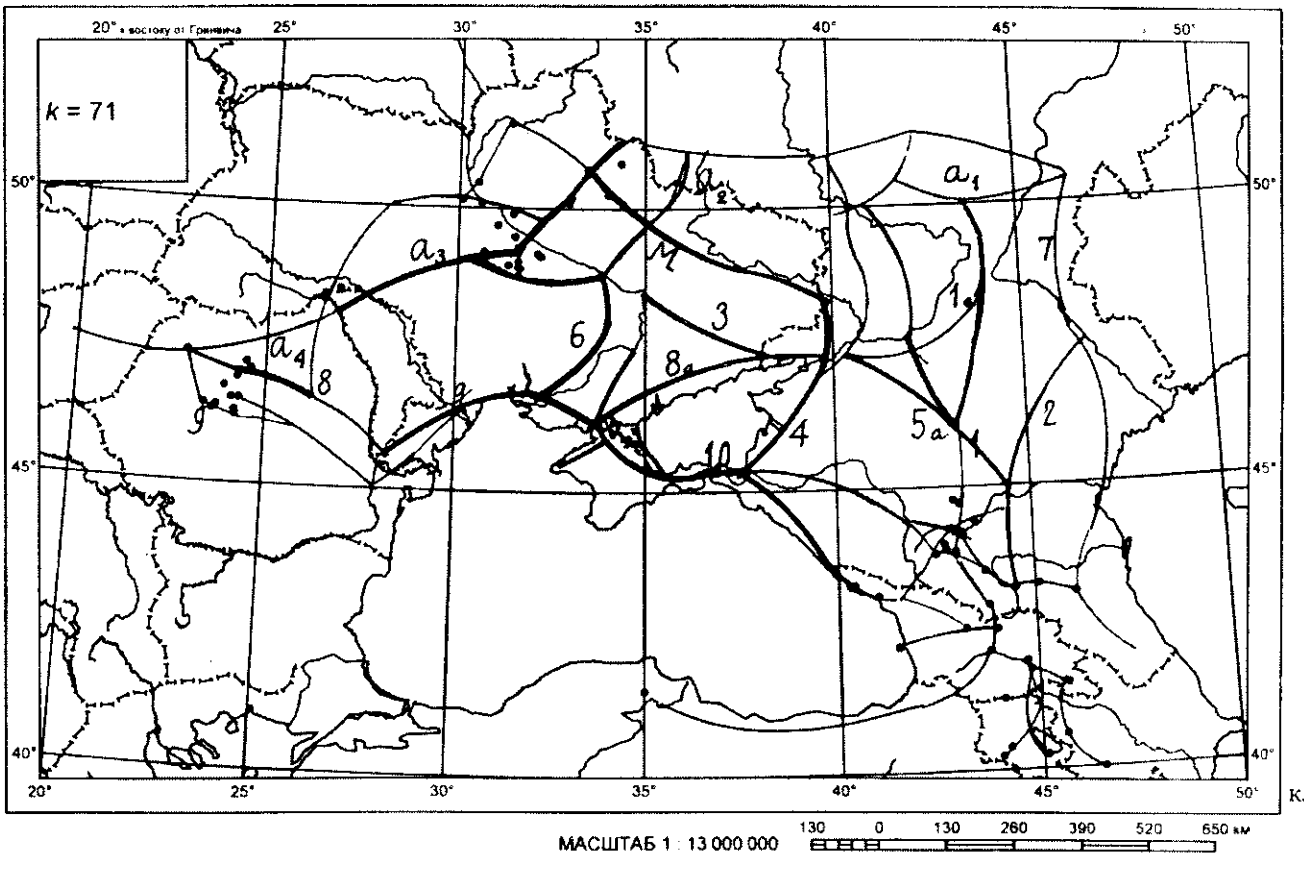


б

Карта 8. а – Распространение акинаков 3-го этапа: круг – т. 1; треугольник – гр. 1; звездочка – остальные акинаки 3-го этапа; б – локализация находок акинаков 3-го этапа



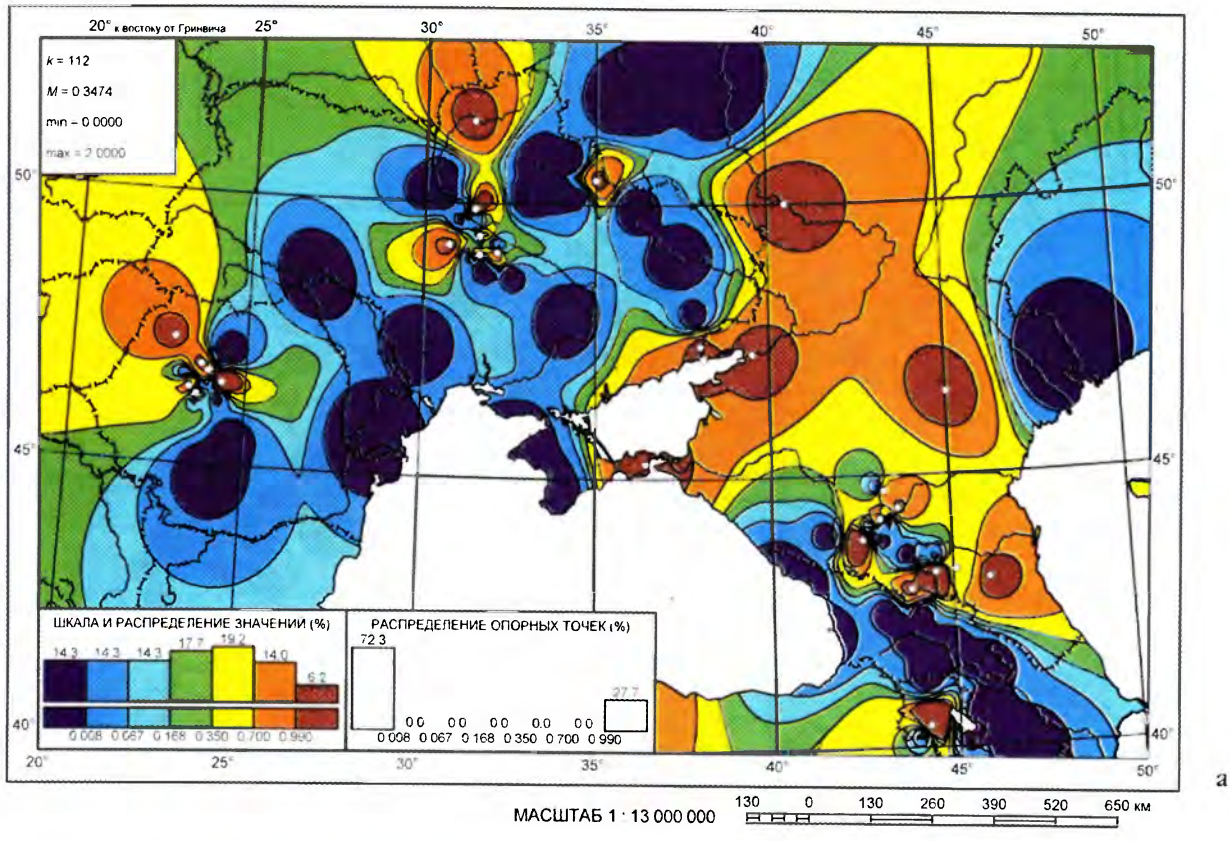
к.9



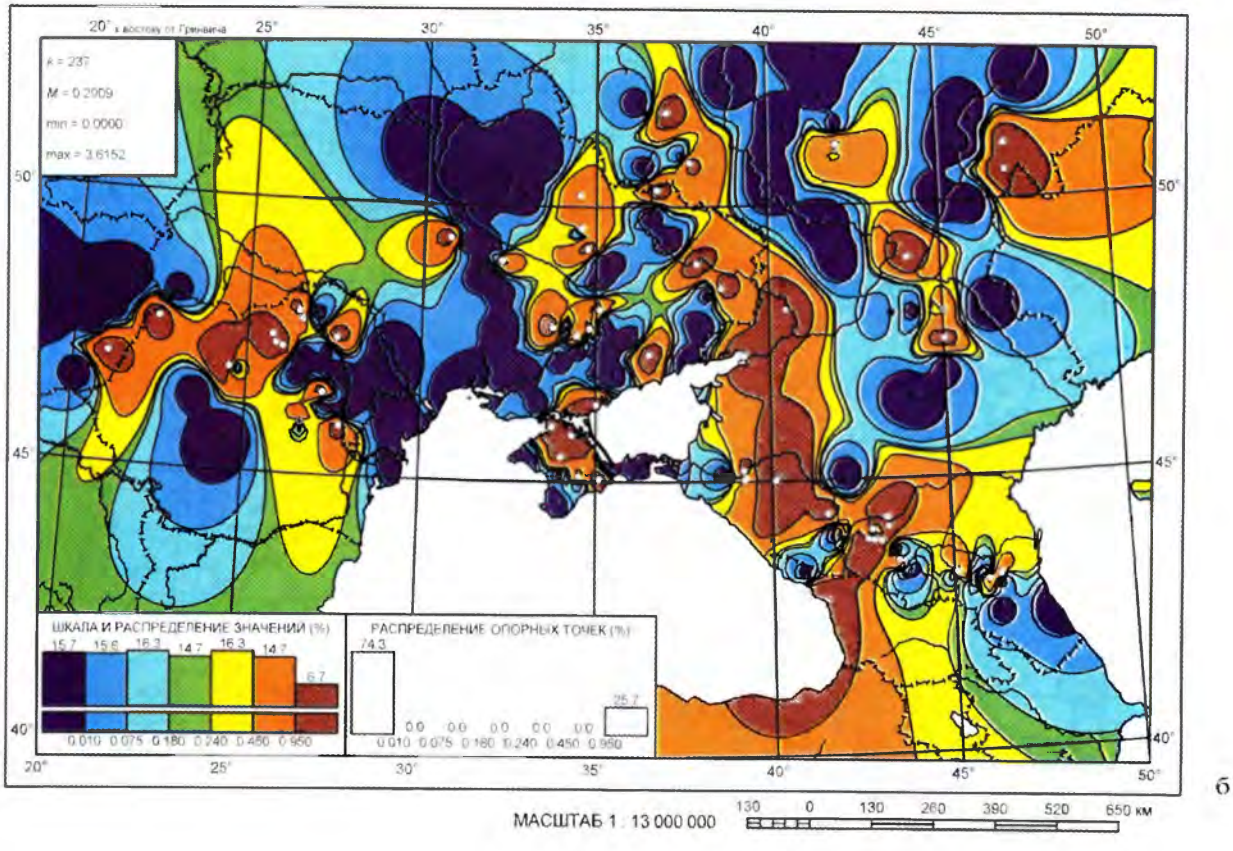
к.10

Карта 9. Распространение скифских изваяний VII–VI вв. до н.э. (по данным В.С.Ольховского и Г.Л.Евдокимова, 1994; В.С.Ольховского, 1999) и шляхов (по данным Ю.В.Болтрика, 1990)

Карта 10. Карта сухопутных дорог, построенная на основании 36 электронных карт распространения акинаков VII–V вв. до н.э.

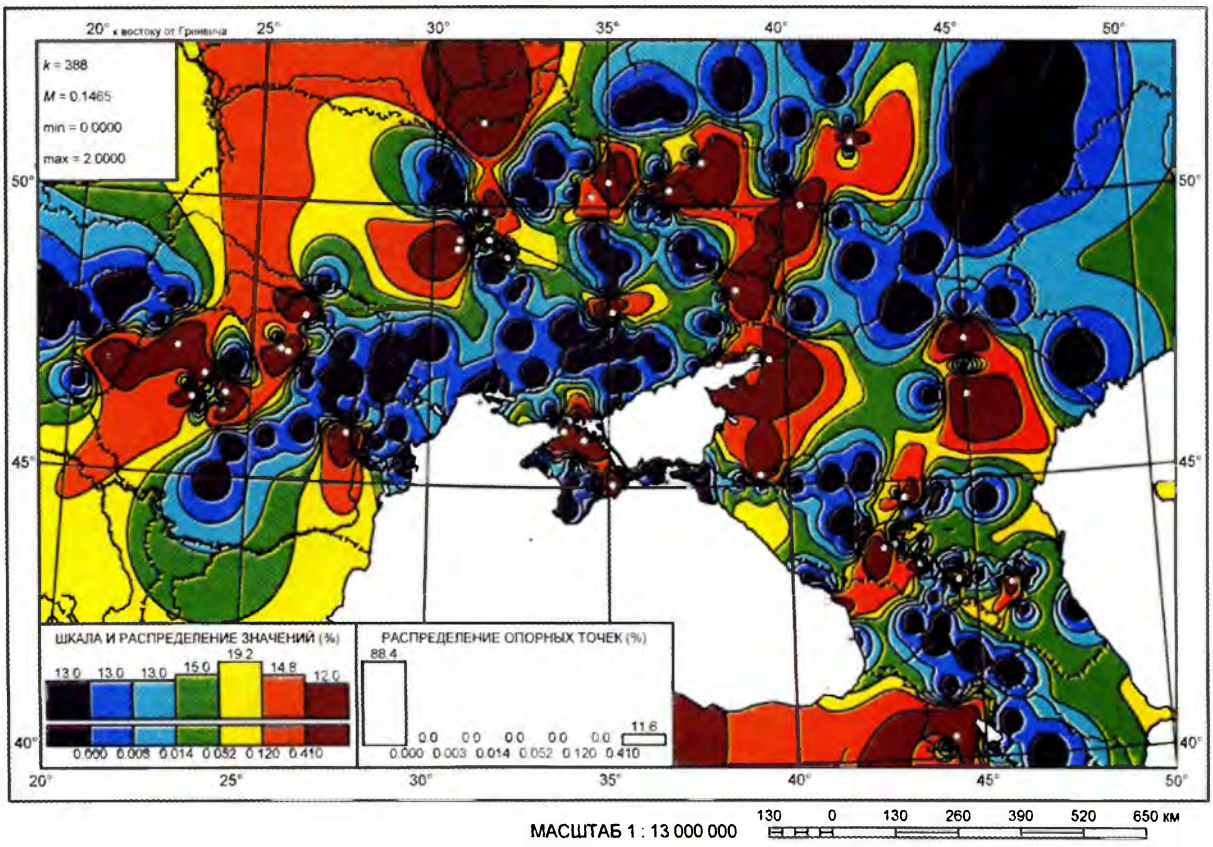


а

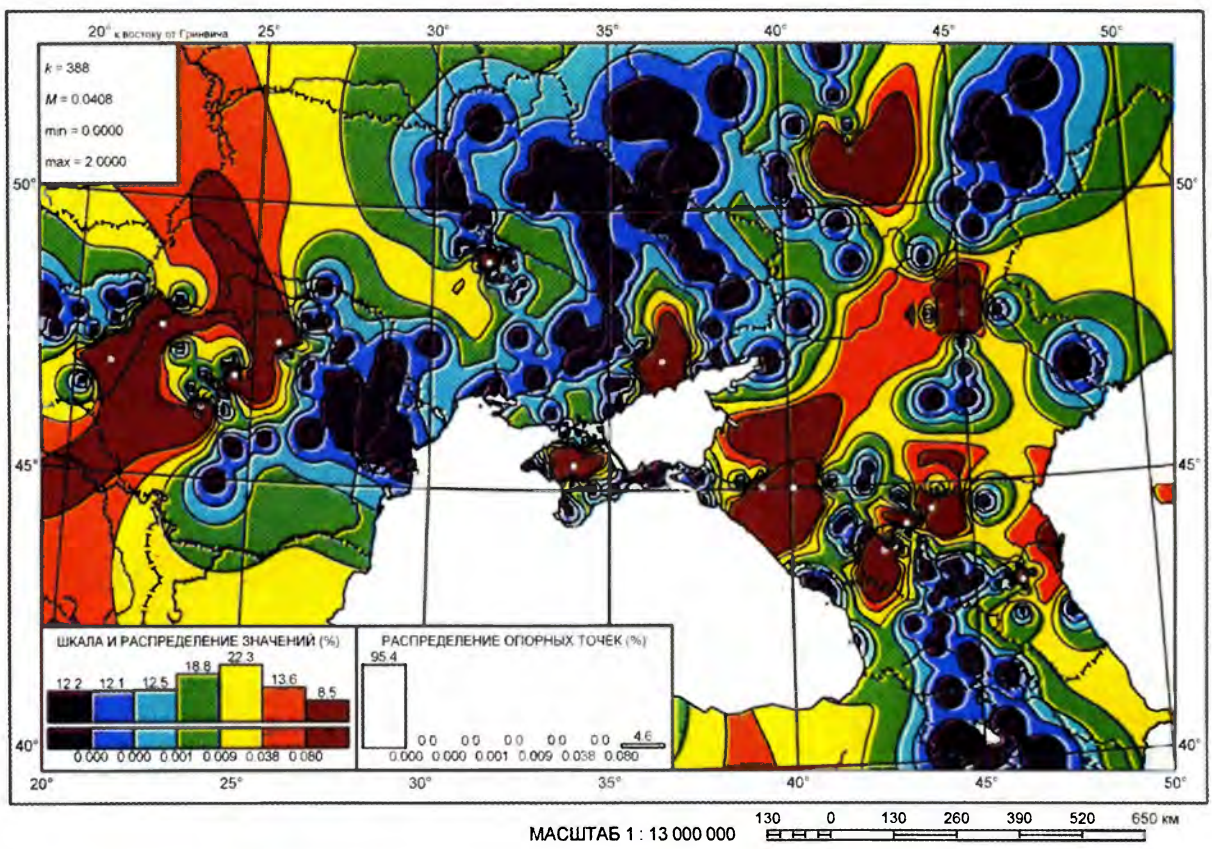


б

Карта 11. а – распространение акинаков 1 гр. 1–2-го этапов; б – распространение акинаков 1-го гр. 3-го этапа

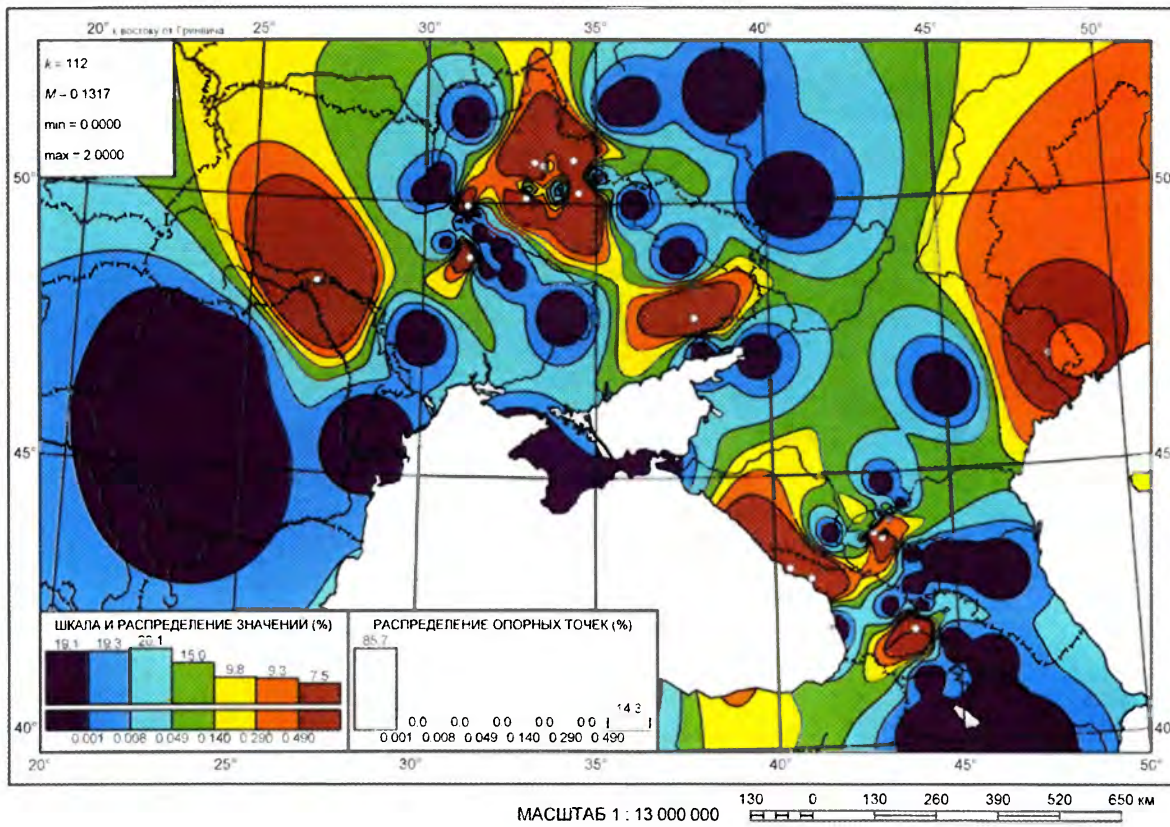


а

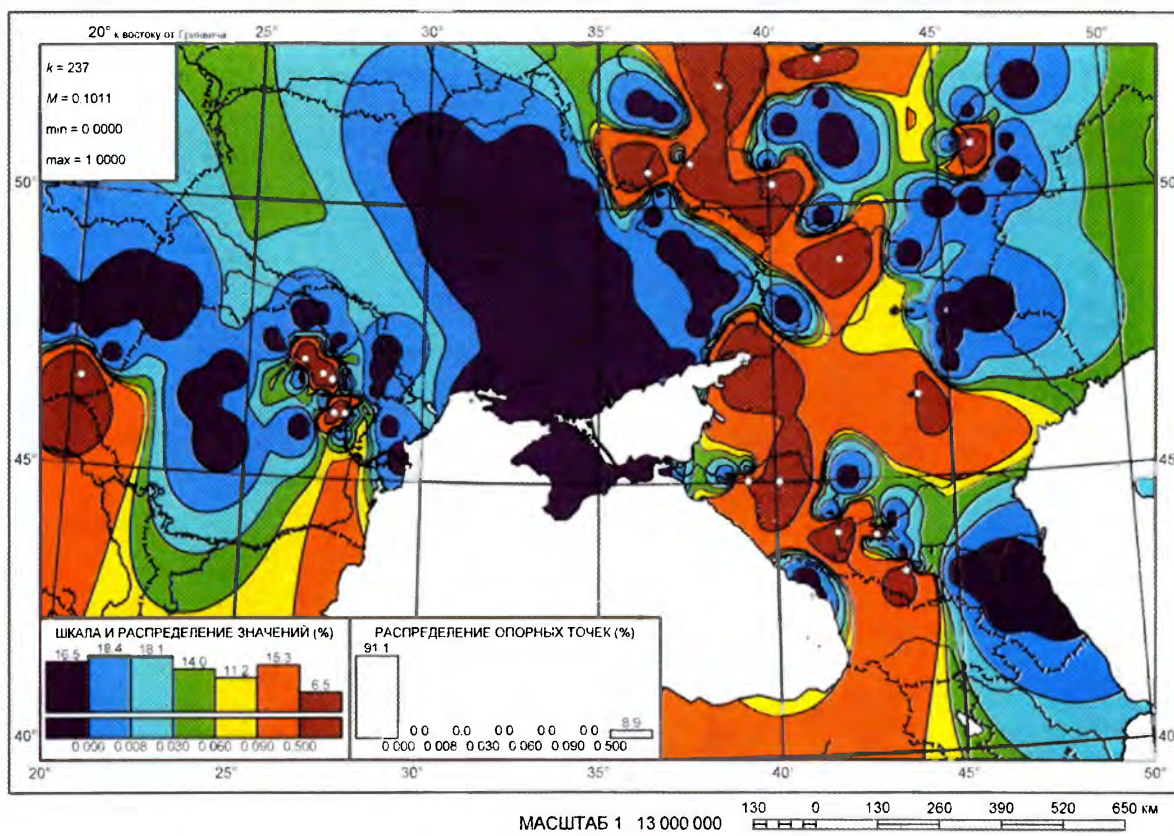


б

Карта 12. а – Распространение акинаков т. 1. гр. 1; б – распространение акинаков т. 2 гр. 1

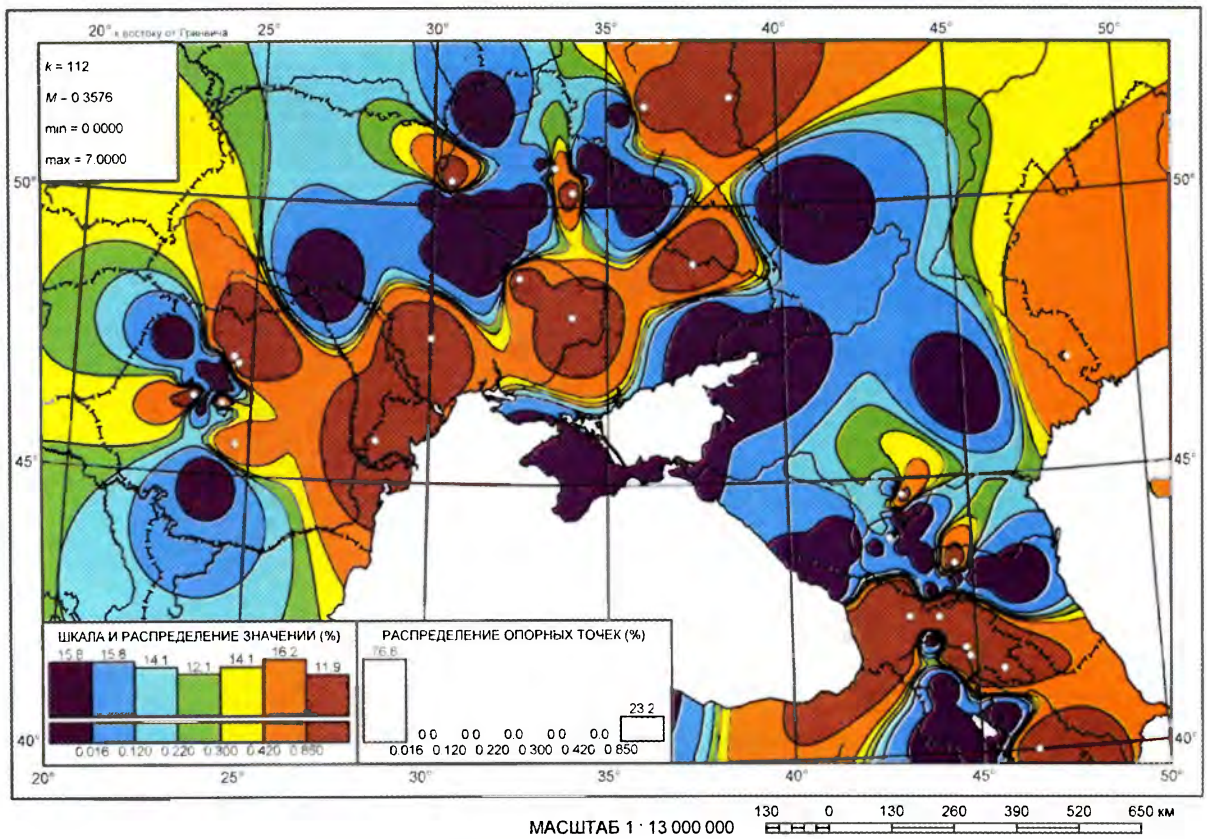


а

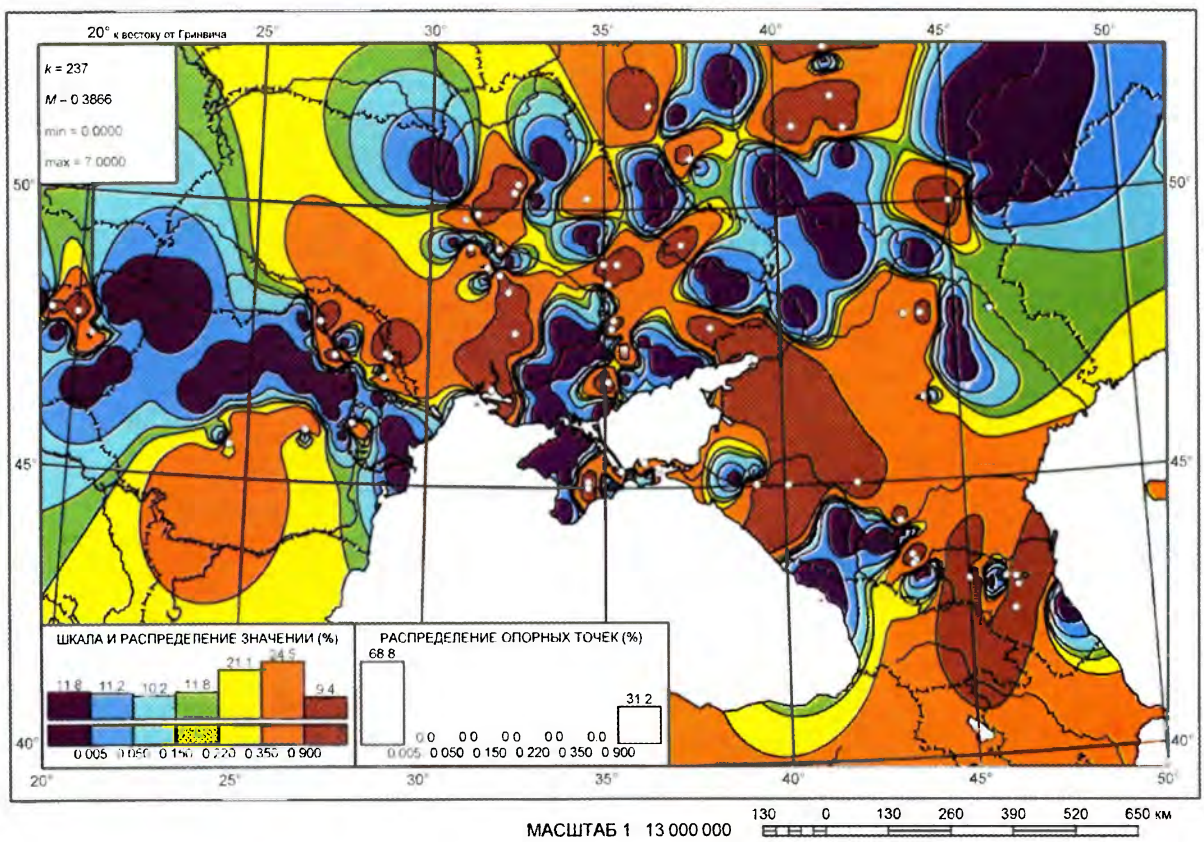


б

Карта 13. а – Распространение акинаков 2 гр. 1–2-го этапов; б – распространение акинаков 2 гр. 3-го этапа

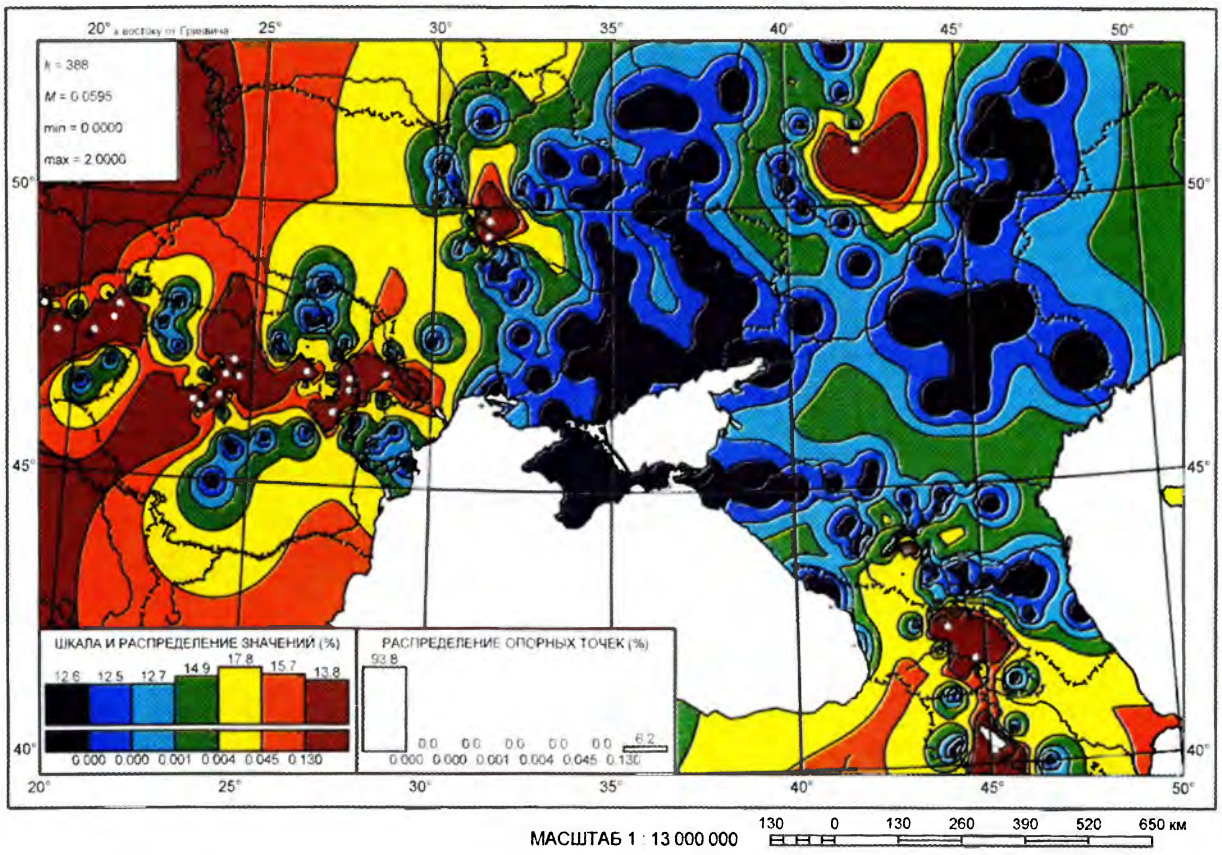


а

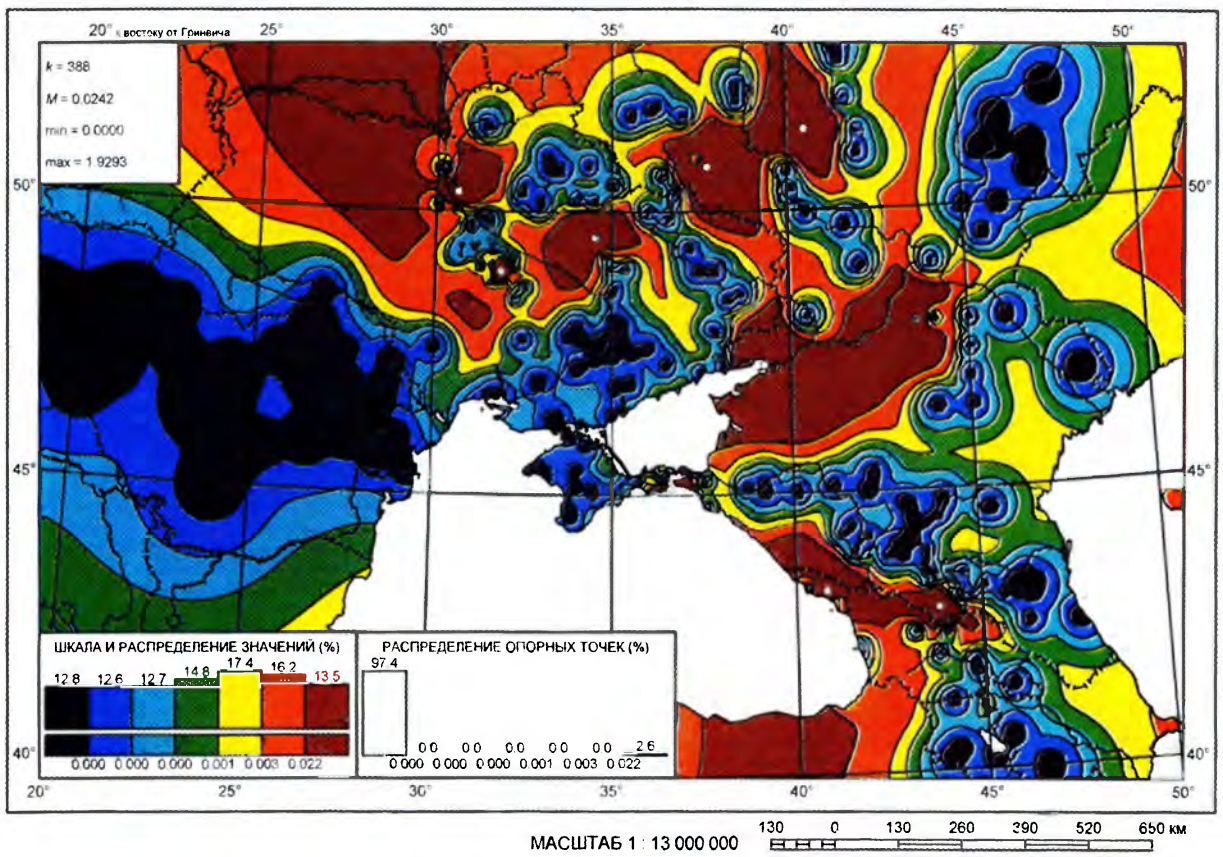


б

Карта 14. а – Распространение акинаков 3 гр. 1–2 этапов; б – распространение акинаков 3 гр. 3-го этапа

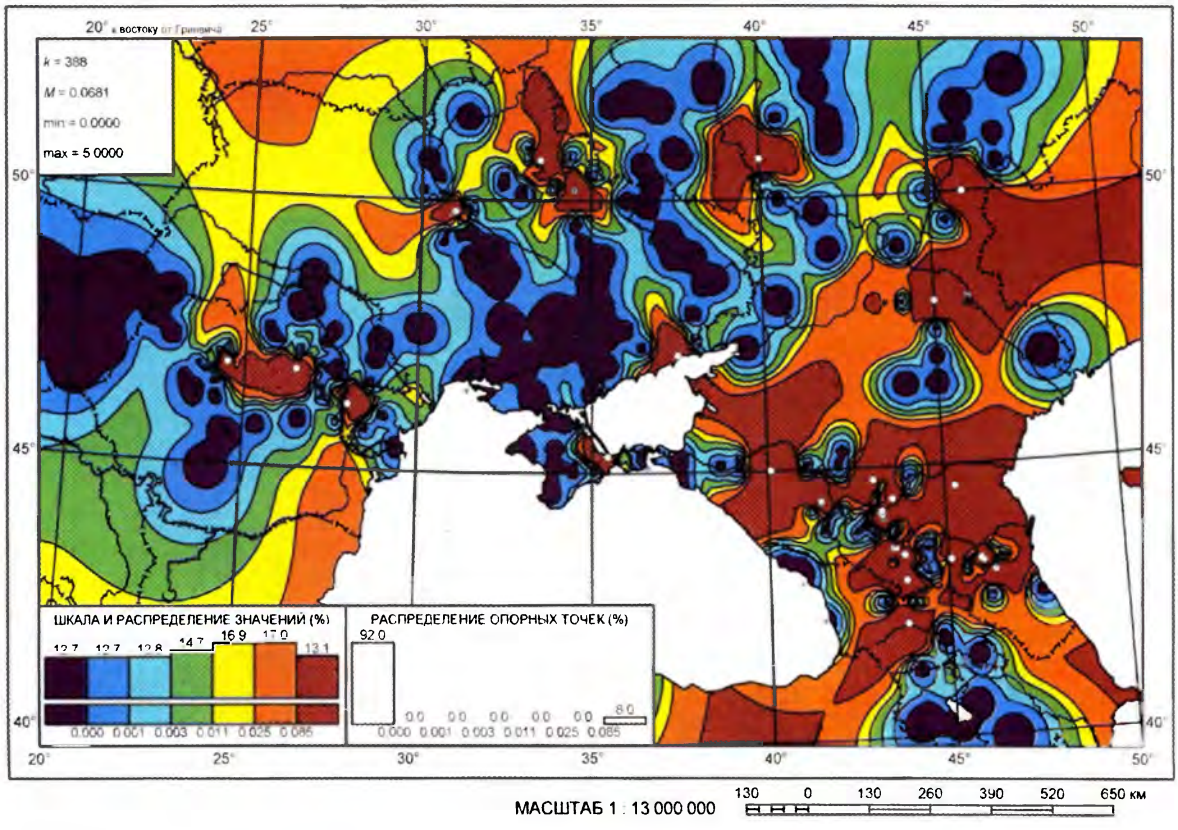


а

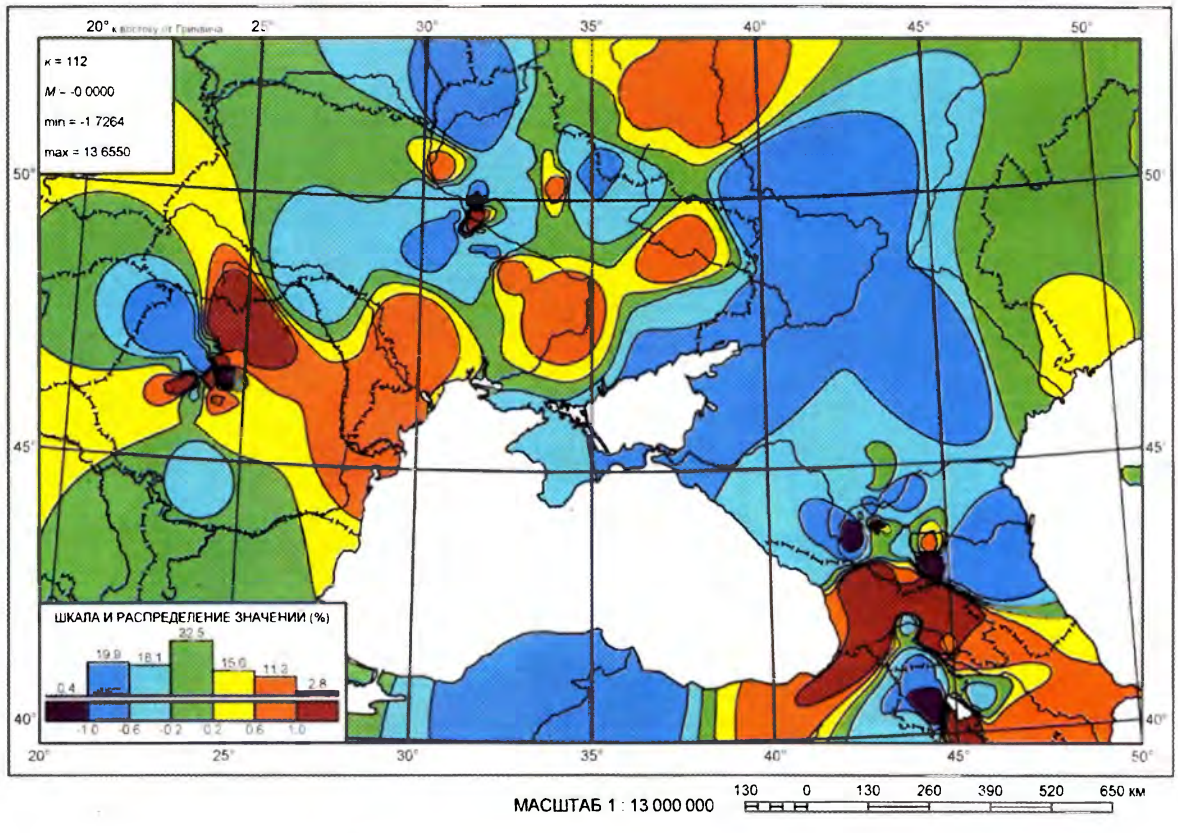


б

Карта 15. а – Распространение акинаков 4 гр. VII–V вв. до н.э.; б – распространение акинаков 6 гр. VII–V вв. до н.э.

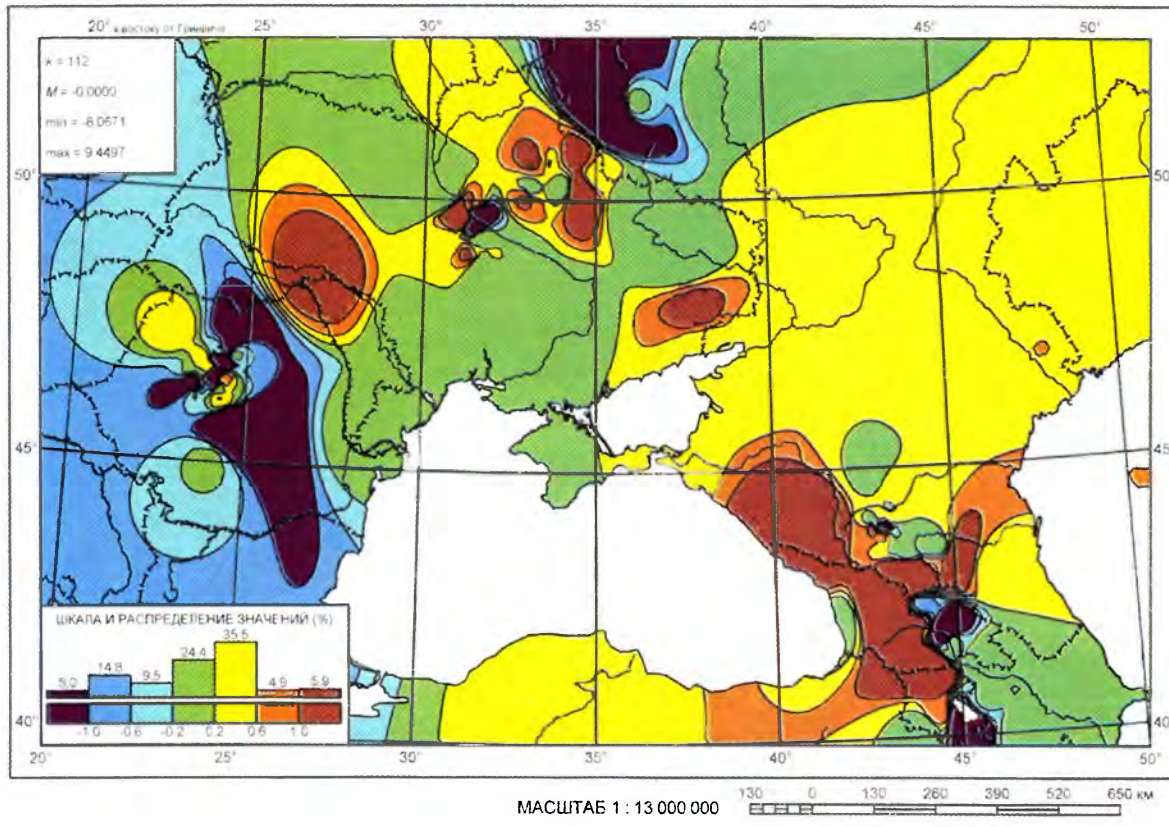


а

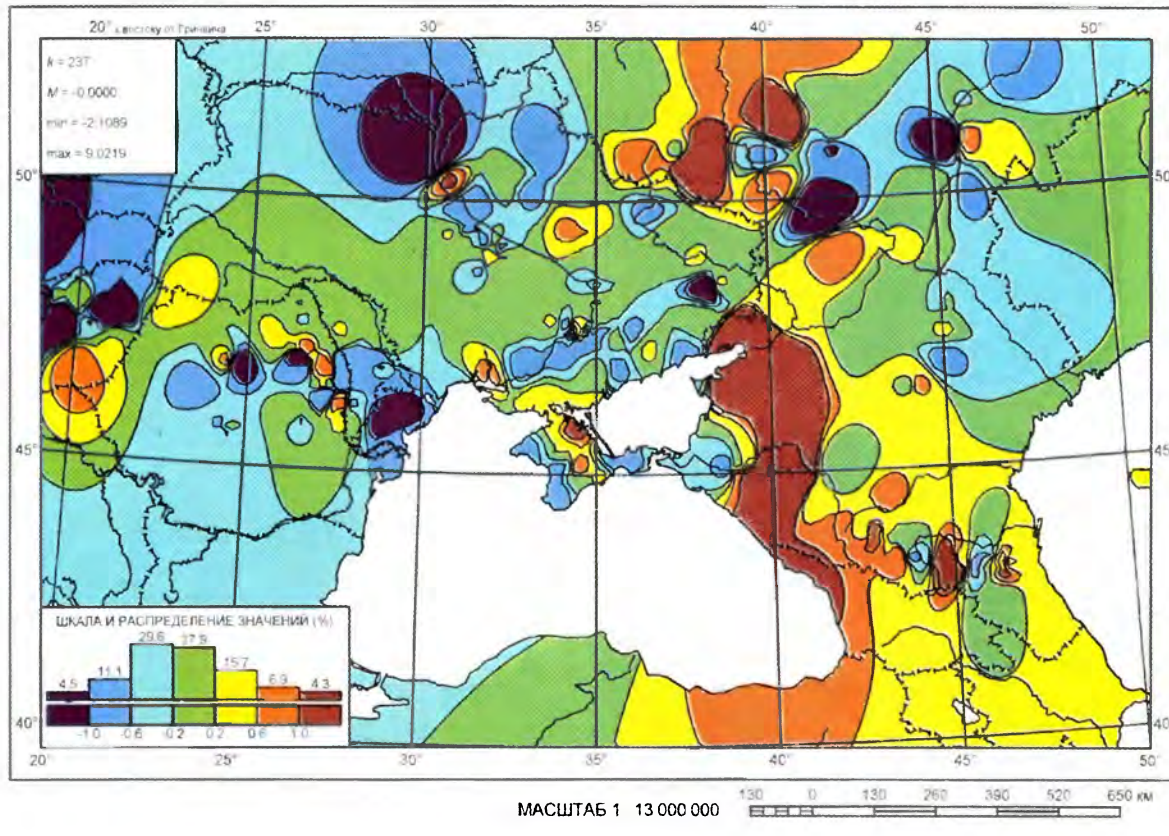


б

Карта 16. а – Распространение акинаков 9 гр. VII–V вв. до н.э.; б – 1-я главная компонента распространения акинаков 1–2-го этапов

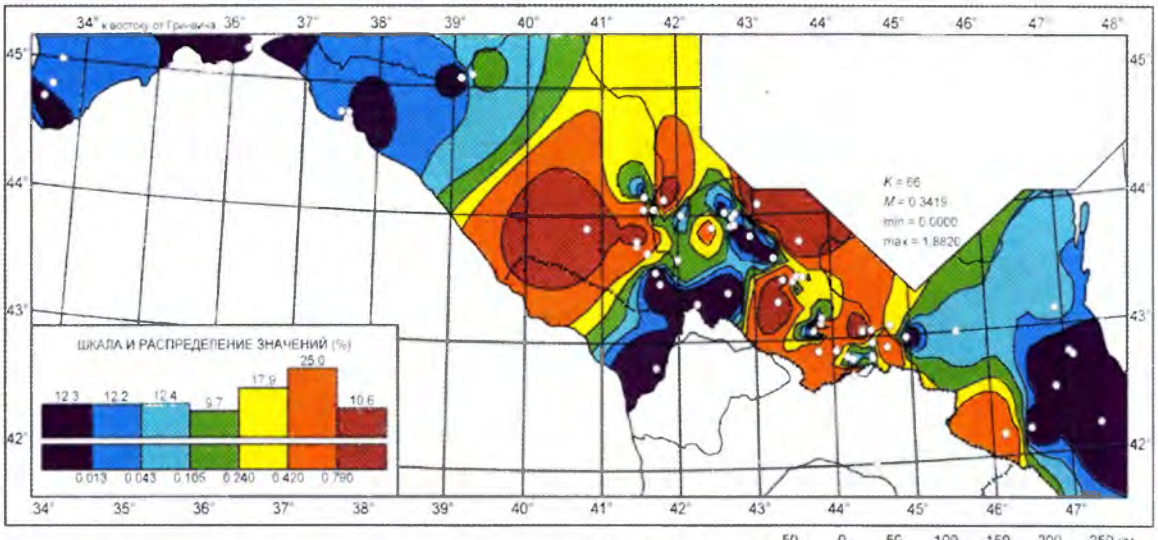


а

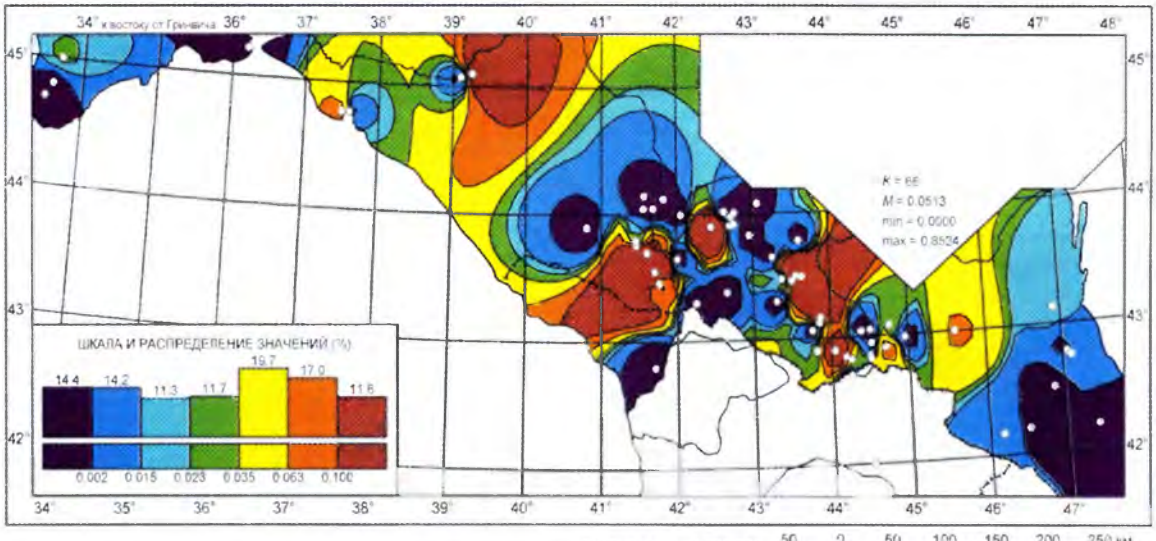


б

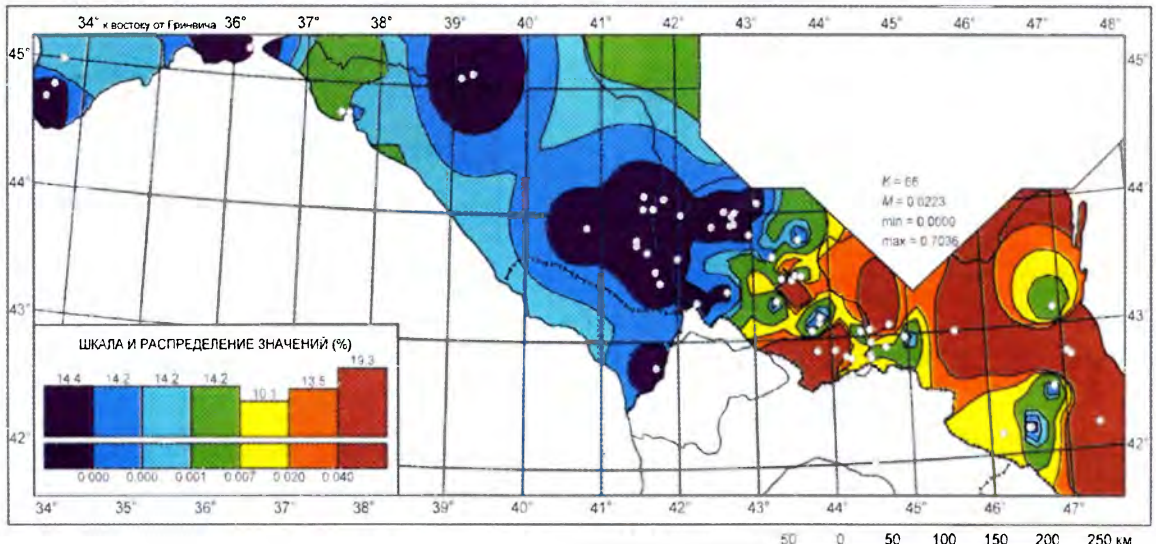
Карта 17. а – 3-я главная компонента распространения акинаков 1–2 этапов; б – 1-я главная компонента распространения акинаков 3 этапа



а

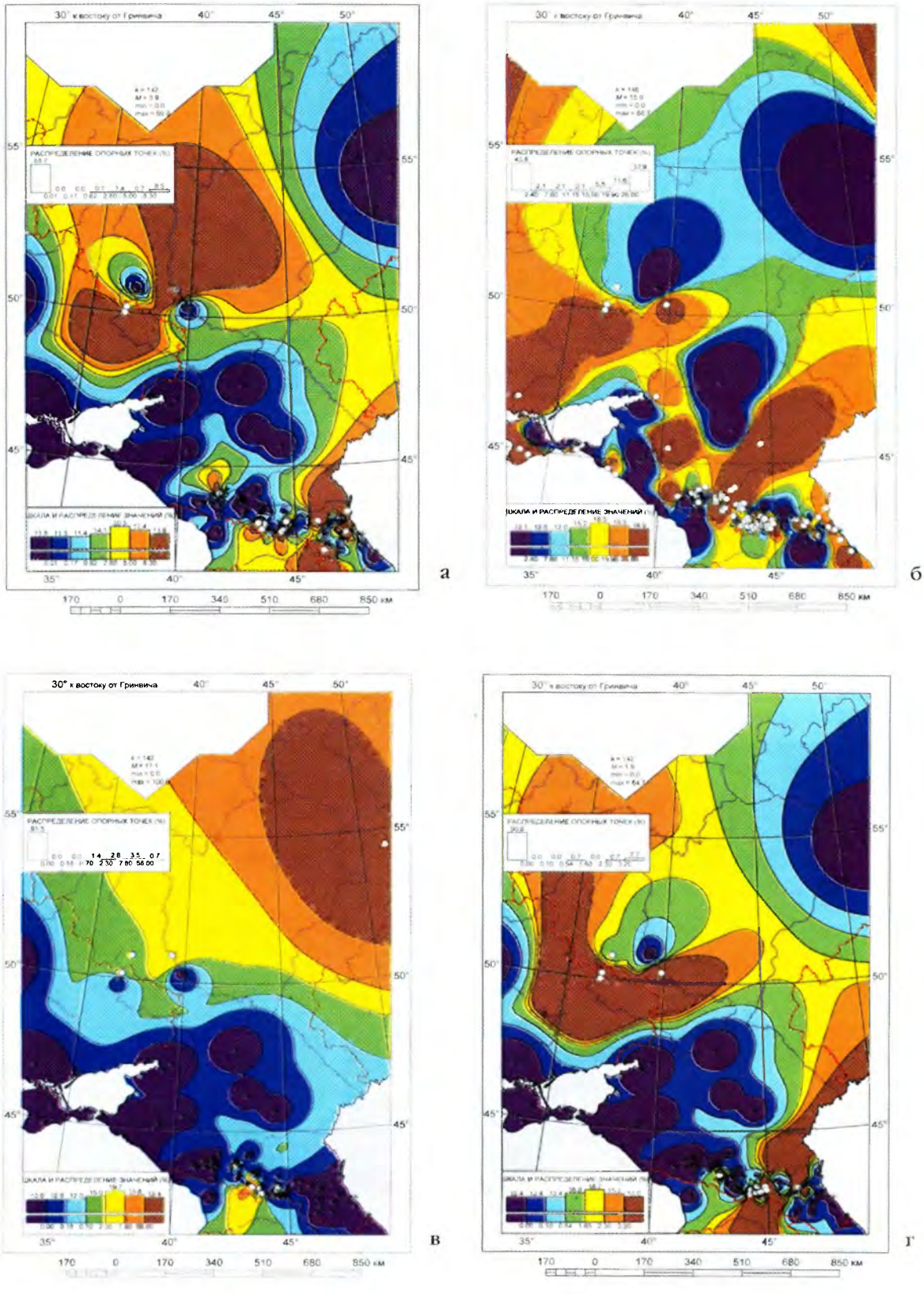


б

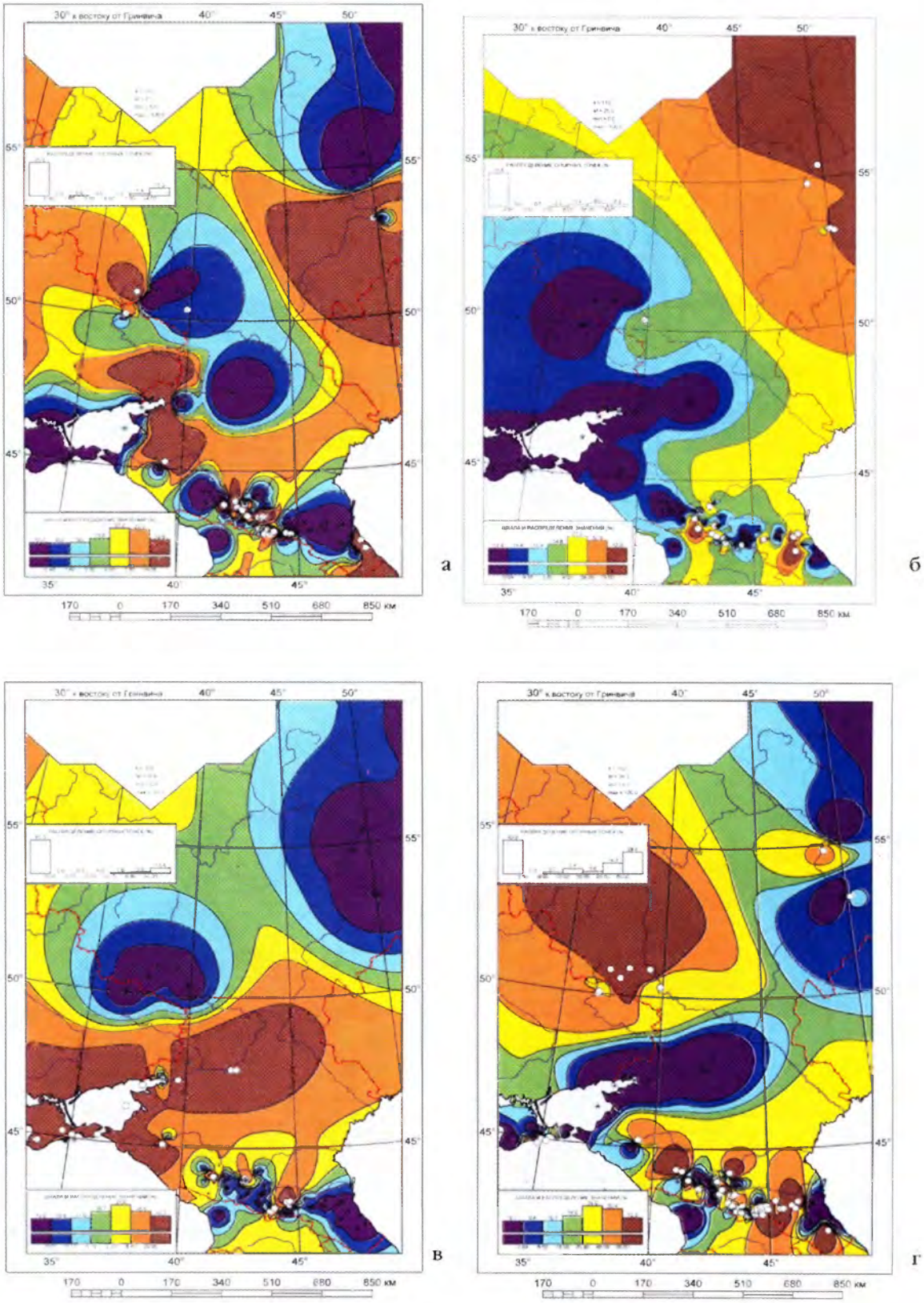


в

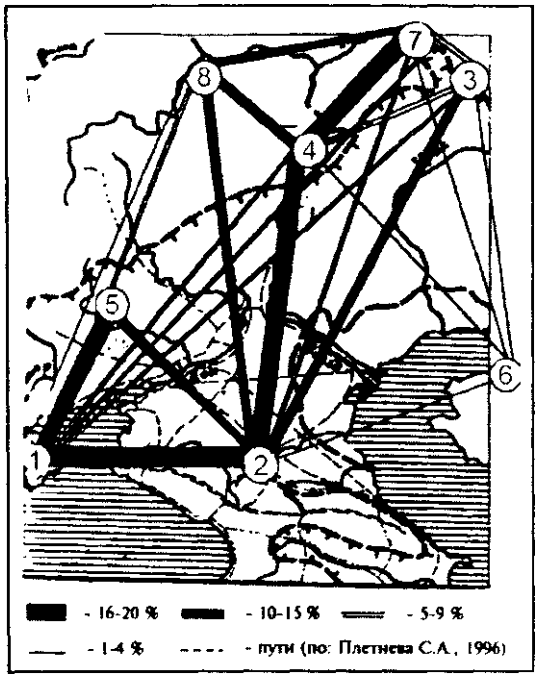
Карта 18. а – Распределение бус местного производства из посудного стекла VII–VIII вв.; б – распределение бус многосвинцового стекла на Северном Кавказе; в – распределение бус «оранжевого стекла» VIII–IX вв. на Северном Кавказе



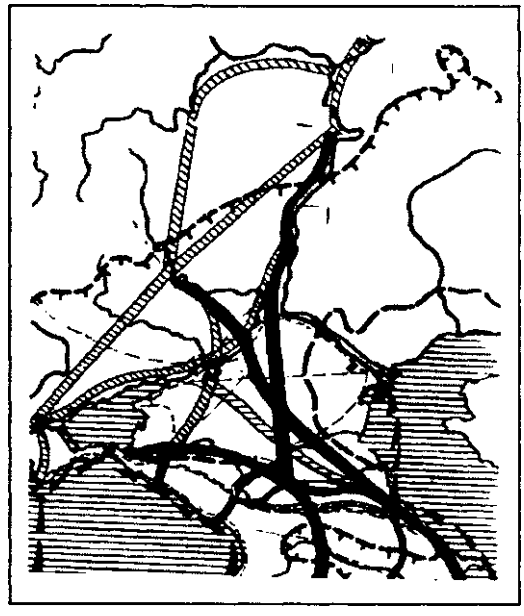
Карта 19. а – Распределение металлических зеркал т. 1 в Восточной Европе; б – Распределение орнамента т. А металлических зеркал в Восточной Европе; в – распределение металлических зеркал т. 33а в Восточной Европе; г – распределение металлических зеркал т. 22 в Восточной Европе



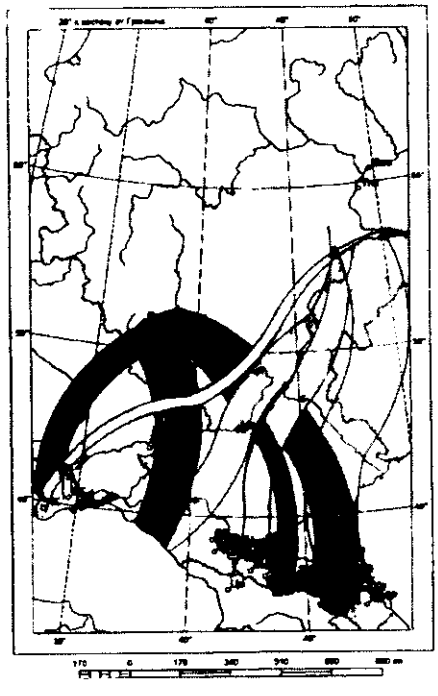
Карта 20. а – Распределение металлических амулетов, изображающих коней в Восточной Европе; б – распределение металлических амулетов т. 1_1 в Восточной Европе; в – распределение металлических амулетов т. 3_1 в Восточной Европе; г – распределение металлических колесовидных амулетов в Восточной Европе



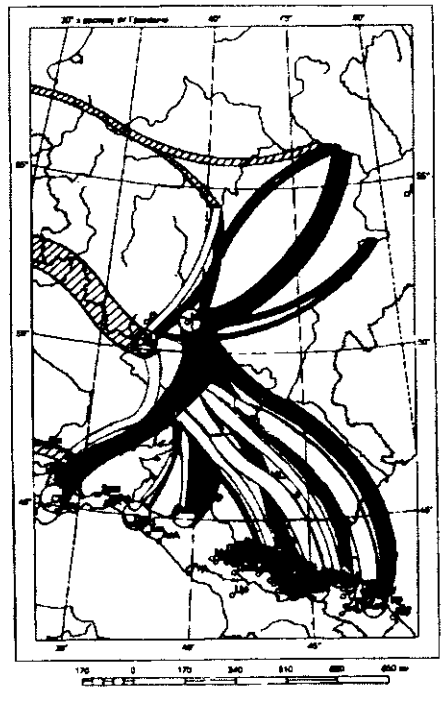
а



б

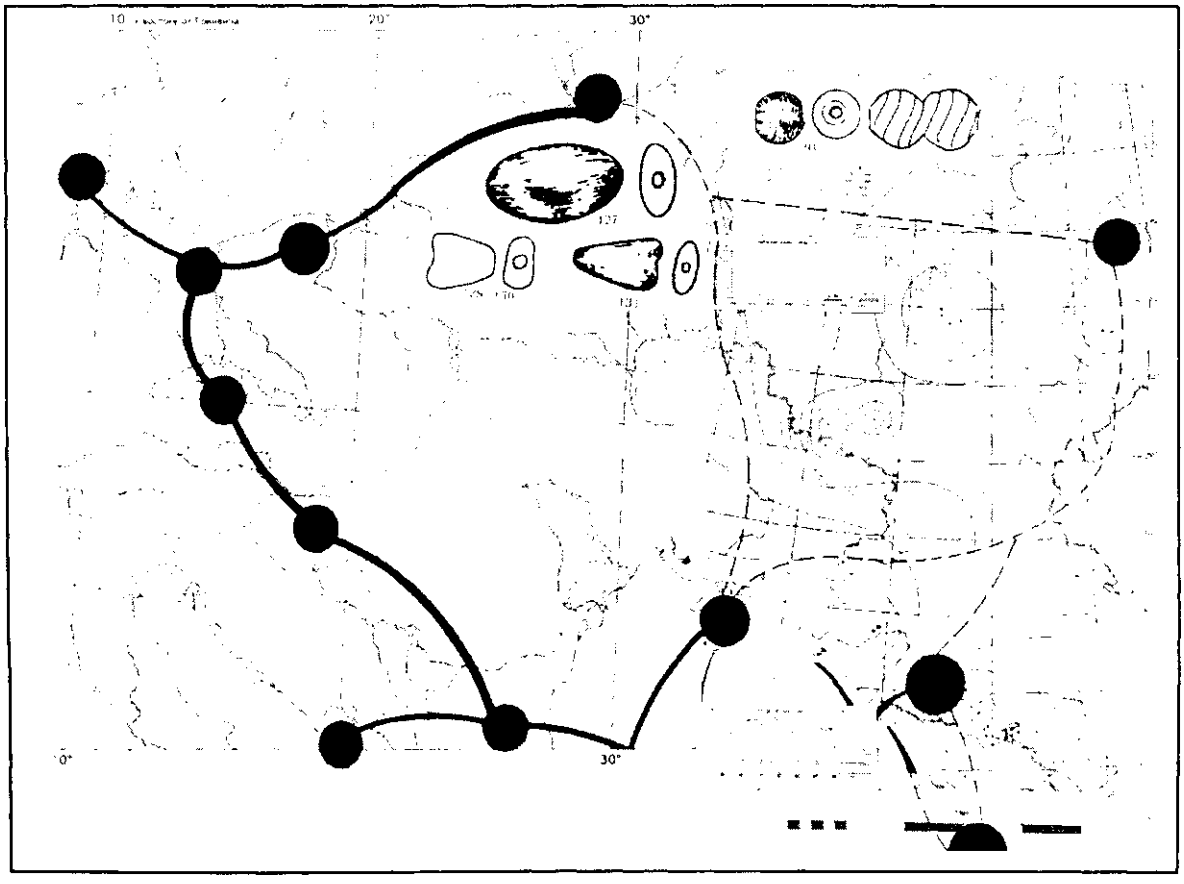


в

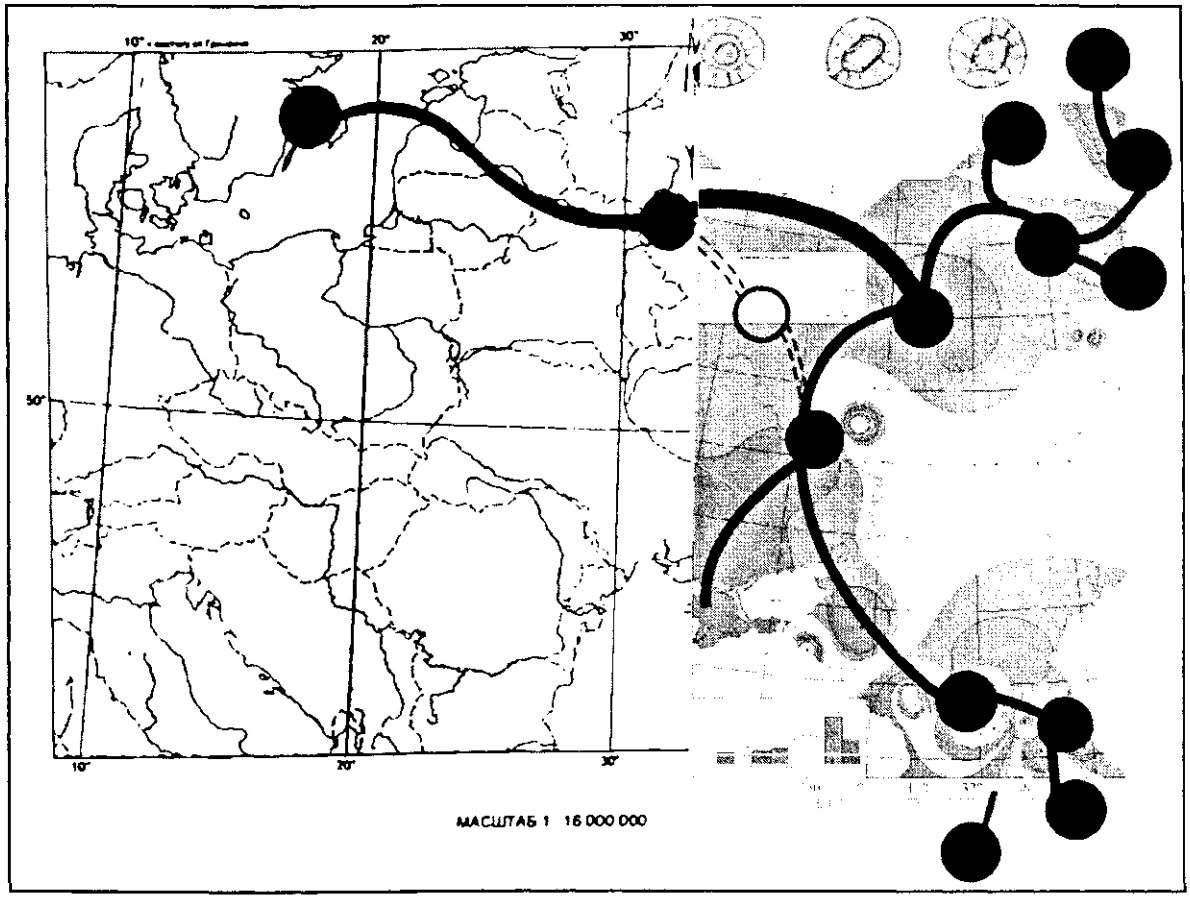


г

Карта 21. а – Связи Кавказа и Крыма с Поволжьем и Подоньем во 2-й половине VI – начале VIII вв. по 50 электронным картам (1349 артефактов); б – связи Кавказа и Крыма с Поволжьем и Подоньем в VIII–IX вв. по 120 электронным картам распространения бус (18491 артефактов); в – связи памятников конца VII–VIII вв. Самарской Луки и СМК VIII–IX вв. с памятниками Крыма и Кавказа (26541 артефактов); г – связи донского и донецкого регионов СМК и Поволжья с различными регионами Крыма и Кавказа в VIII–IX вв. (по 49 электронным картам, 26541 артефакт)

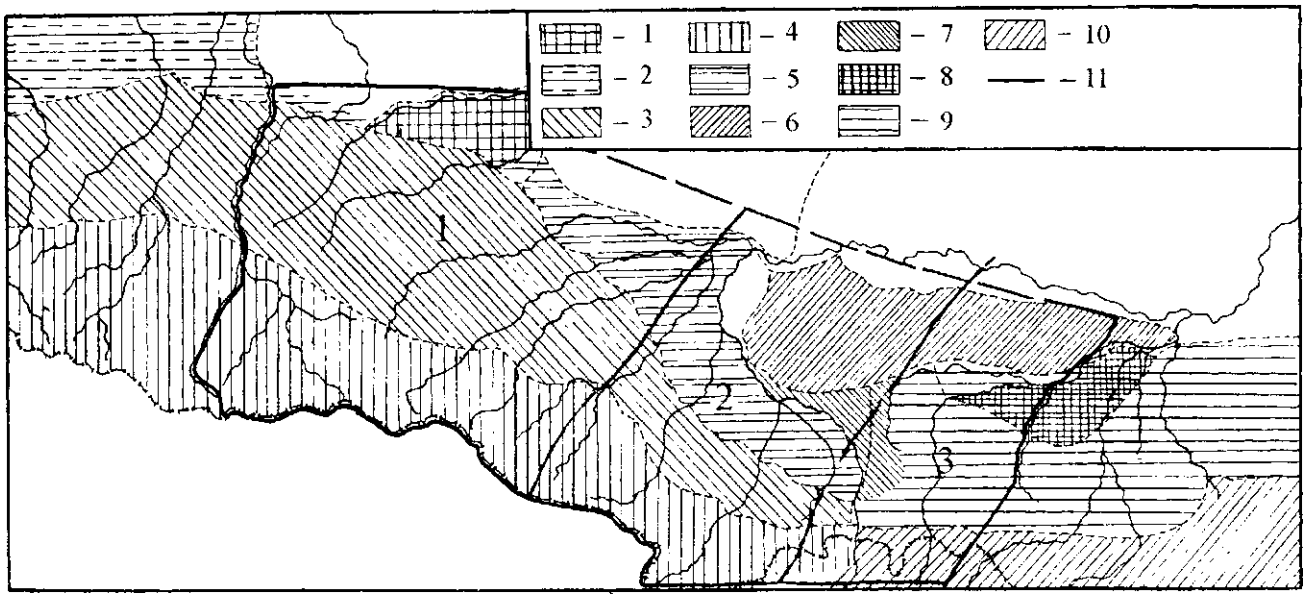


а

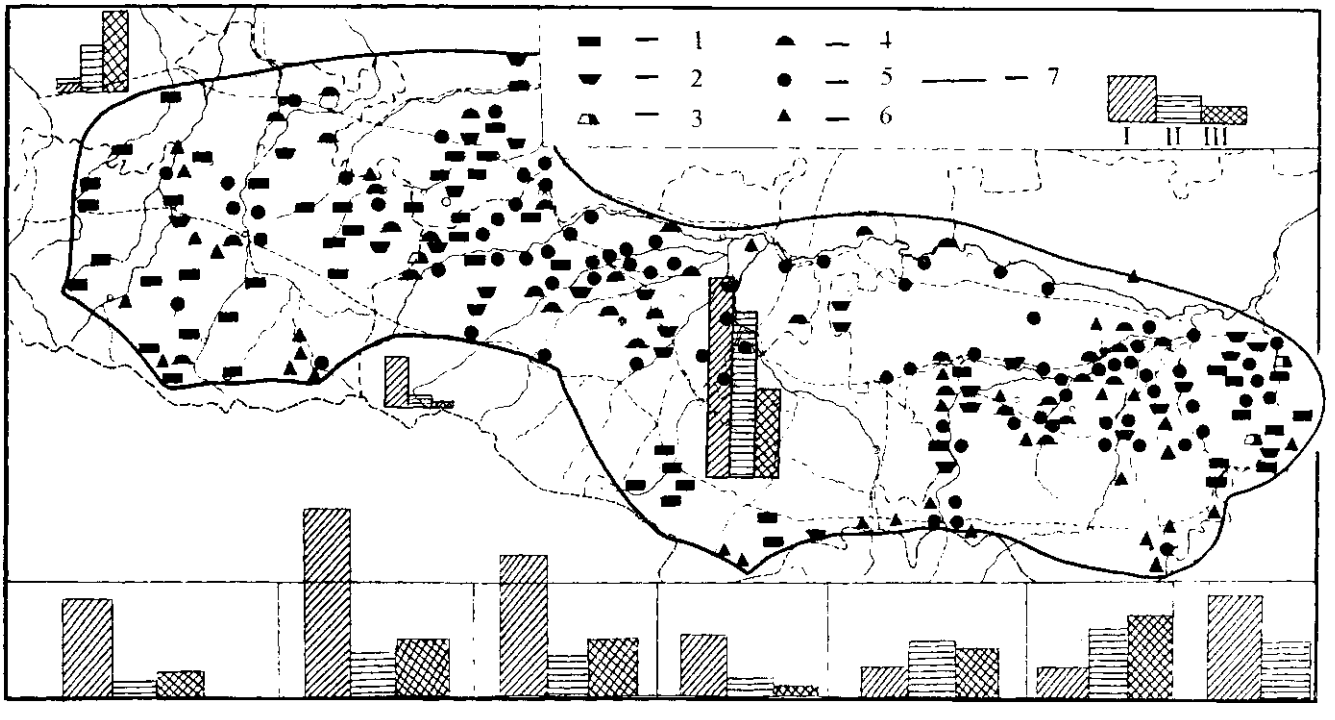


б

Карта 22. а – Пути распространения бус византийского производства по материалам Й.Калмера (1992) и В.Ковалевской (2000); б – пути распространения мозаичных бус восточно-средиземноморского происхождения на Кавказе и в Европе



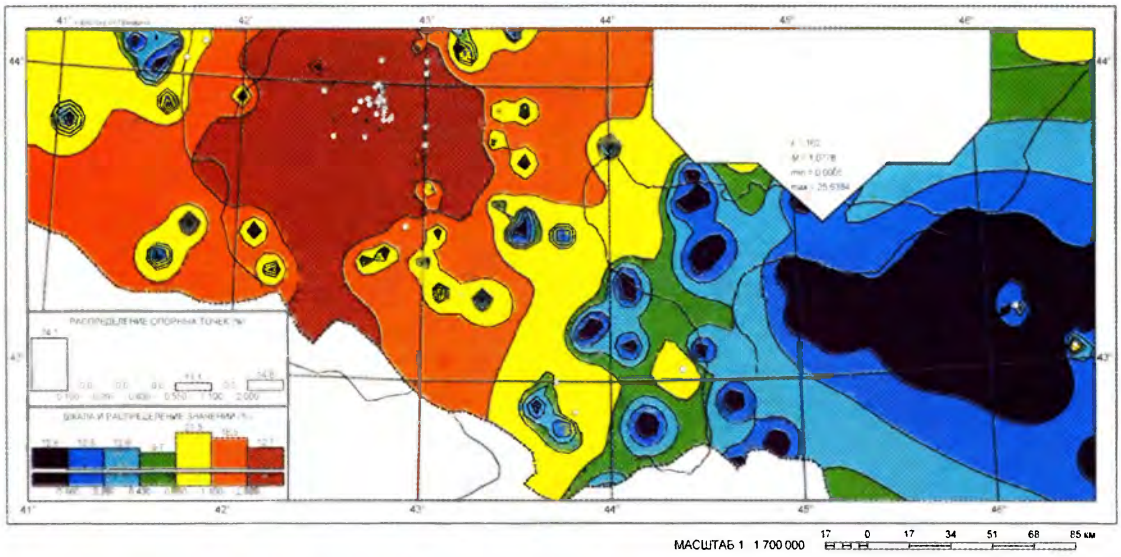
к.23



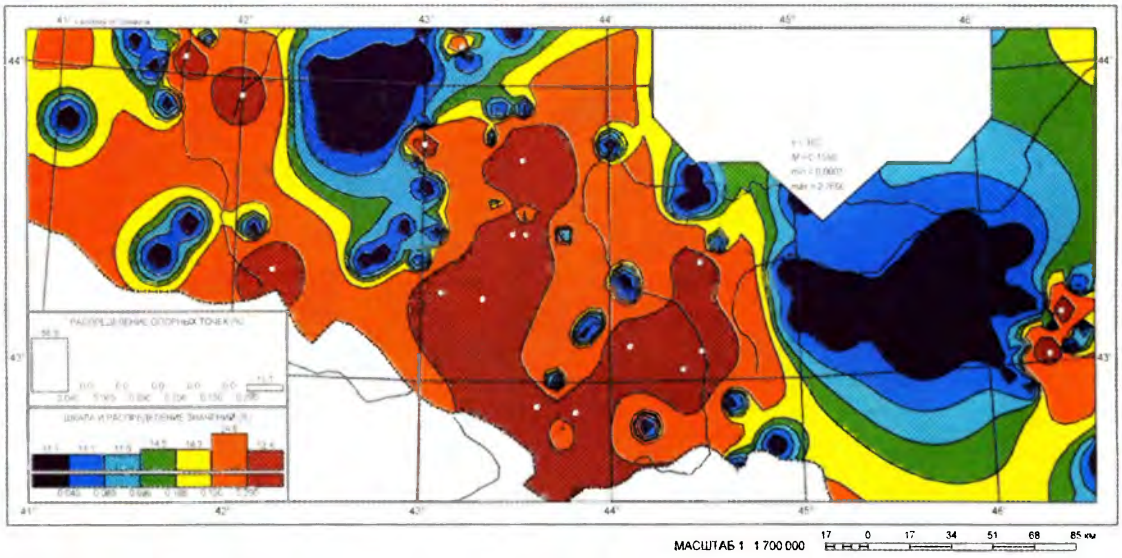
к.24

Карта 23. Границы (10) локальных вариантов и ареал кобанской культуры по Е.И.Крупнову (1952–1960): 1 – западная кабардино-пятигорская группа, 2 – центральная северо-осетинская, 3 – восточная грозненская в пределах Северного Кавказа на основе геоморфологических районов Кавказа по М.Щукину (1926): 1 – высокогорная область Пятигорья; 2, 5 – низменности; 3, 6, 7, 9 – куэстовые области; 4, 8, 10 – возвышенности

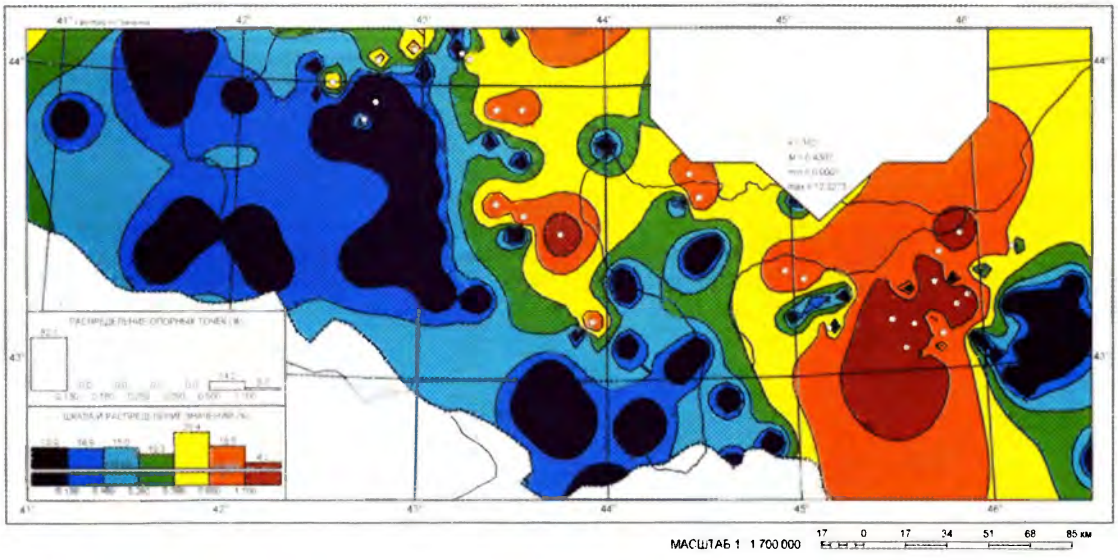
Карта 24. Соотношение каменных гробниц (I), грунтовых погребений (II) и курганов (III) кобанской культуры по геоморфологическим зонам (равнины, предгорья и горы) и в широтном направлении



к.25



к.26

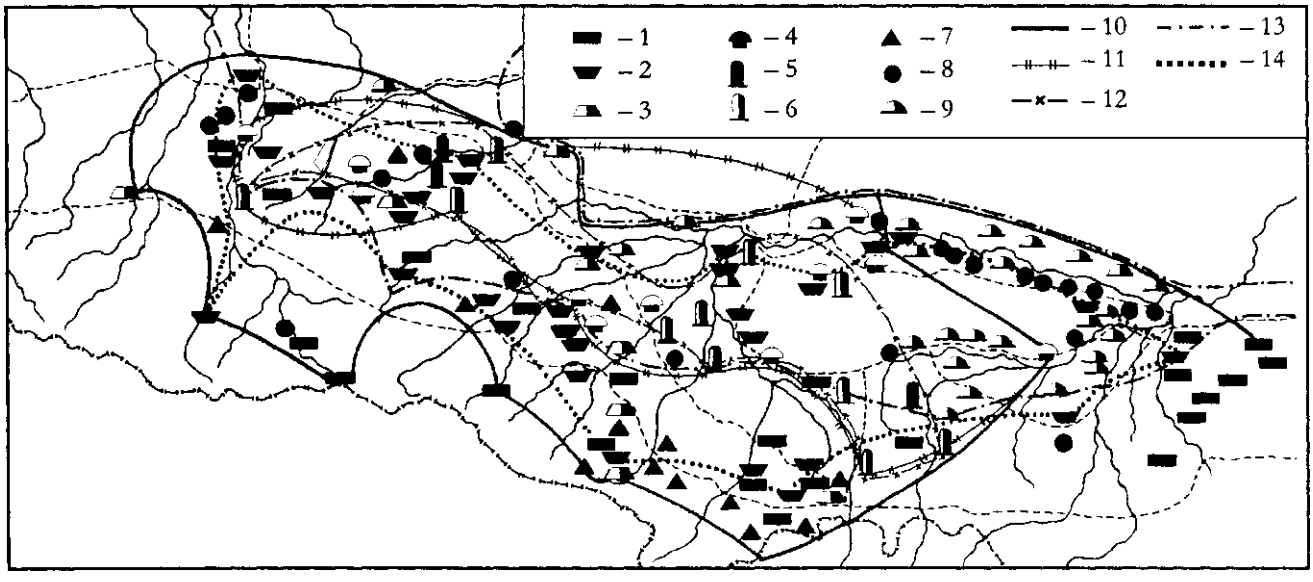


к.27

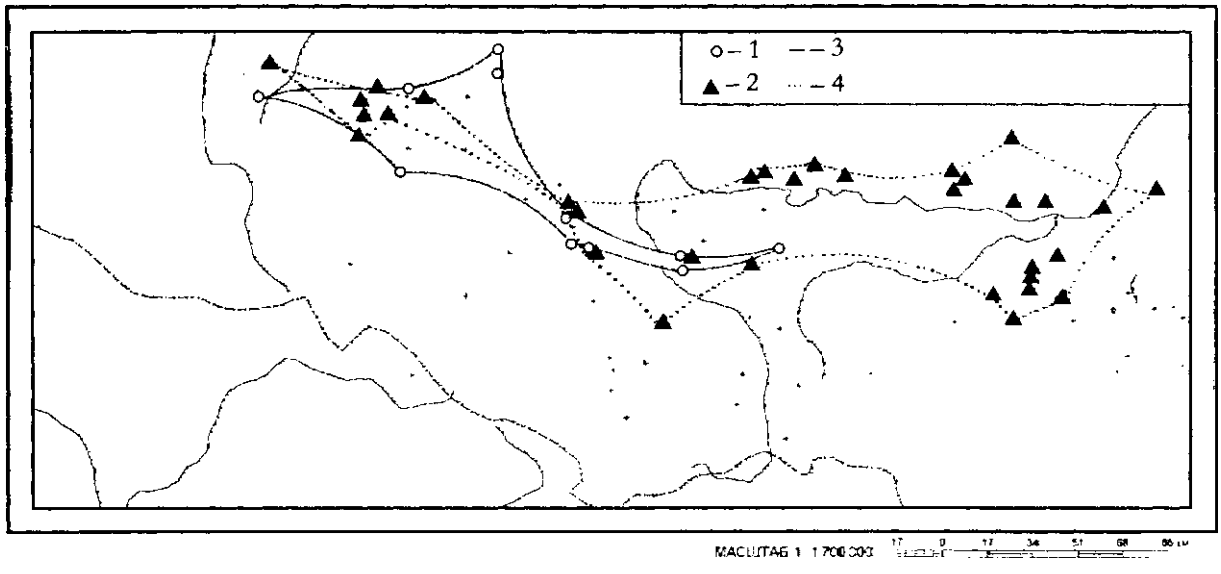
Карта 25. Распространение погребений с каменными ящиками кобанской культуры

Карта 26. Распространение грунтовых погребений с использованием камня кобанской культуры

Карта 27. Распространение курганов скифского времени Центрального Предкавказья



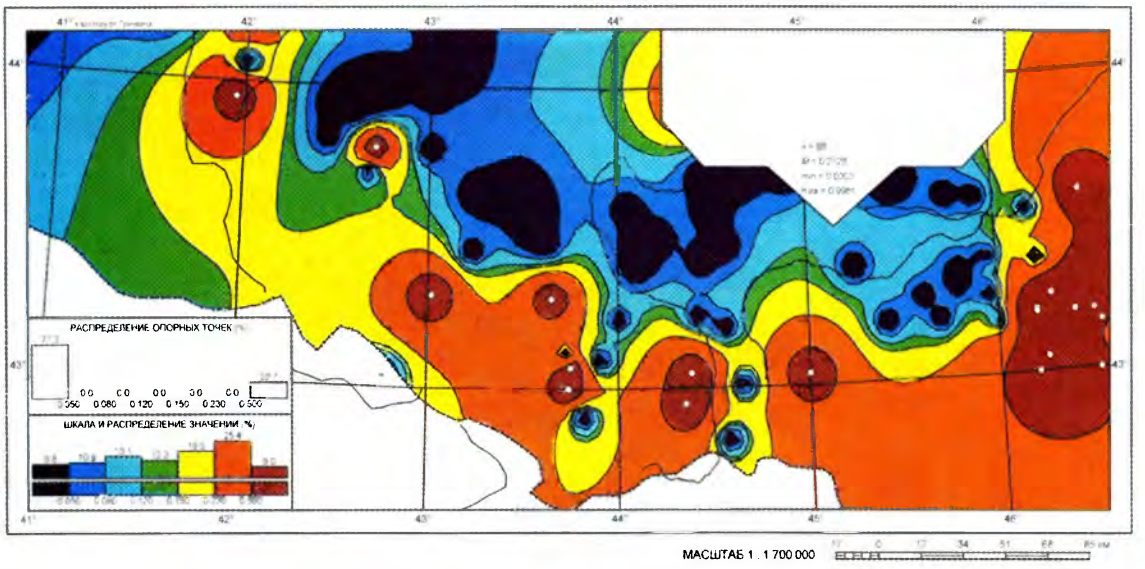
к.28



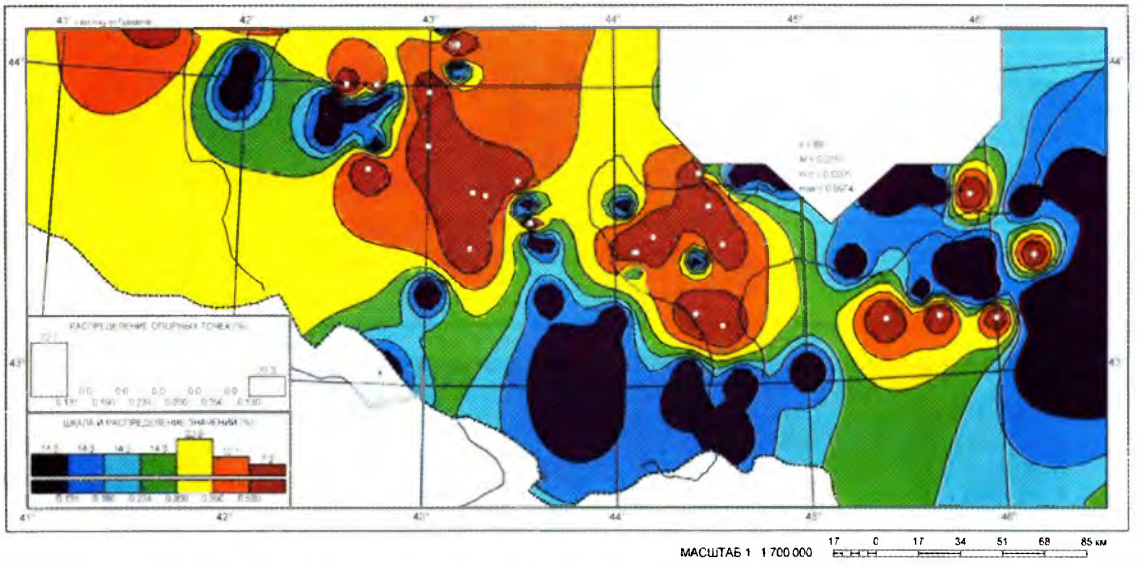
к.29

Карта 28. Распространение памятников (и их ареалы) сарматско-аланского времени Центрального Предкавказья (по материалам М.П.Абрамовой, В.Б.Виноградова, Е.П.Алексеевой, И.М.Чеченова, Б.Н.Керефова): 1–3 – каменные ящики, гробницы и грунтовые захоронения, 4–6 – подкурганные и грунтовые катакомбы, 7 – случайные находки, 8 – поселения, 9 – курганы, 10–14 – границы АК и ареалы разных типов погребальных сооружений

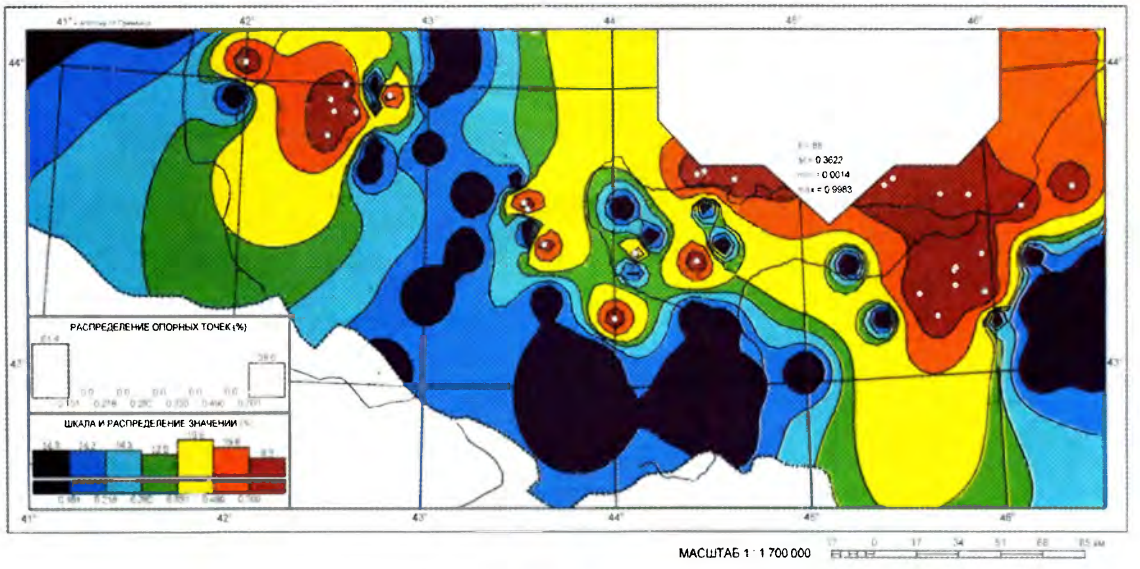
Карта 29. Ареалы грунтовых катакомб (1, 3) и подкурганных (2, 4) сарматского и раннеаланского времени по уточненным координатам



к.30

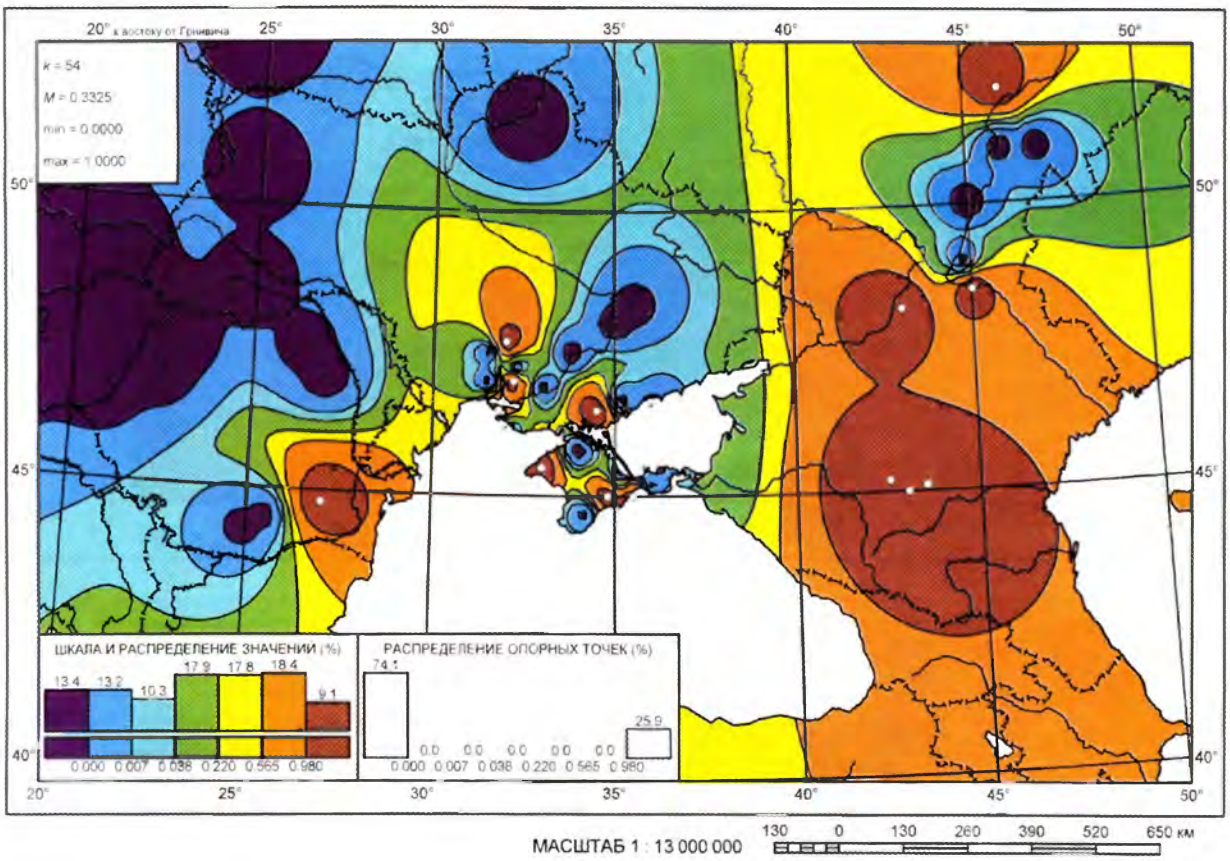


к.31

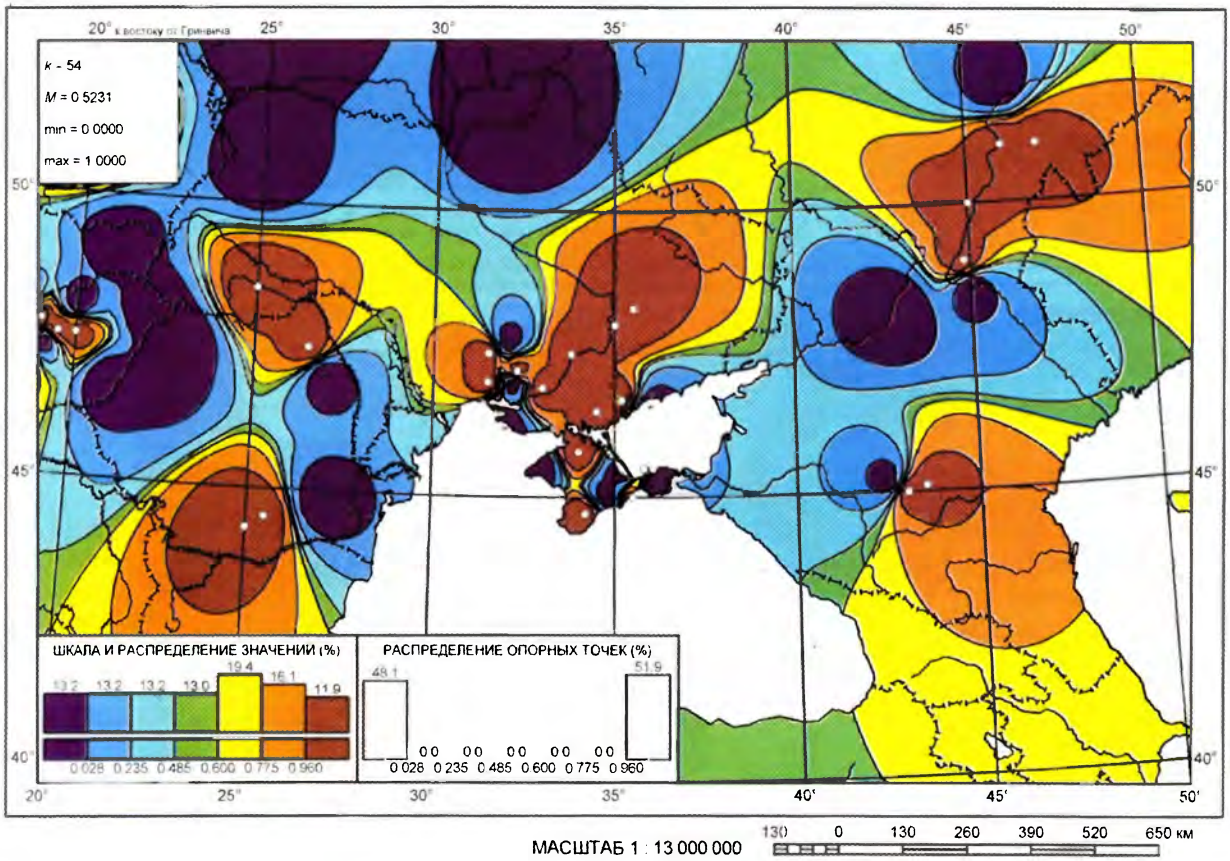


к.32

Карта 30. Распространение каменных гробниц сармат
Карта 31. Распространение грунтовых погребений сармат
Карта 32. Распространение подкурганных катакомб сармато-алан



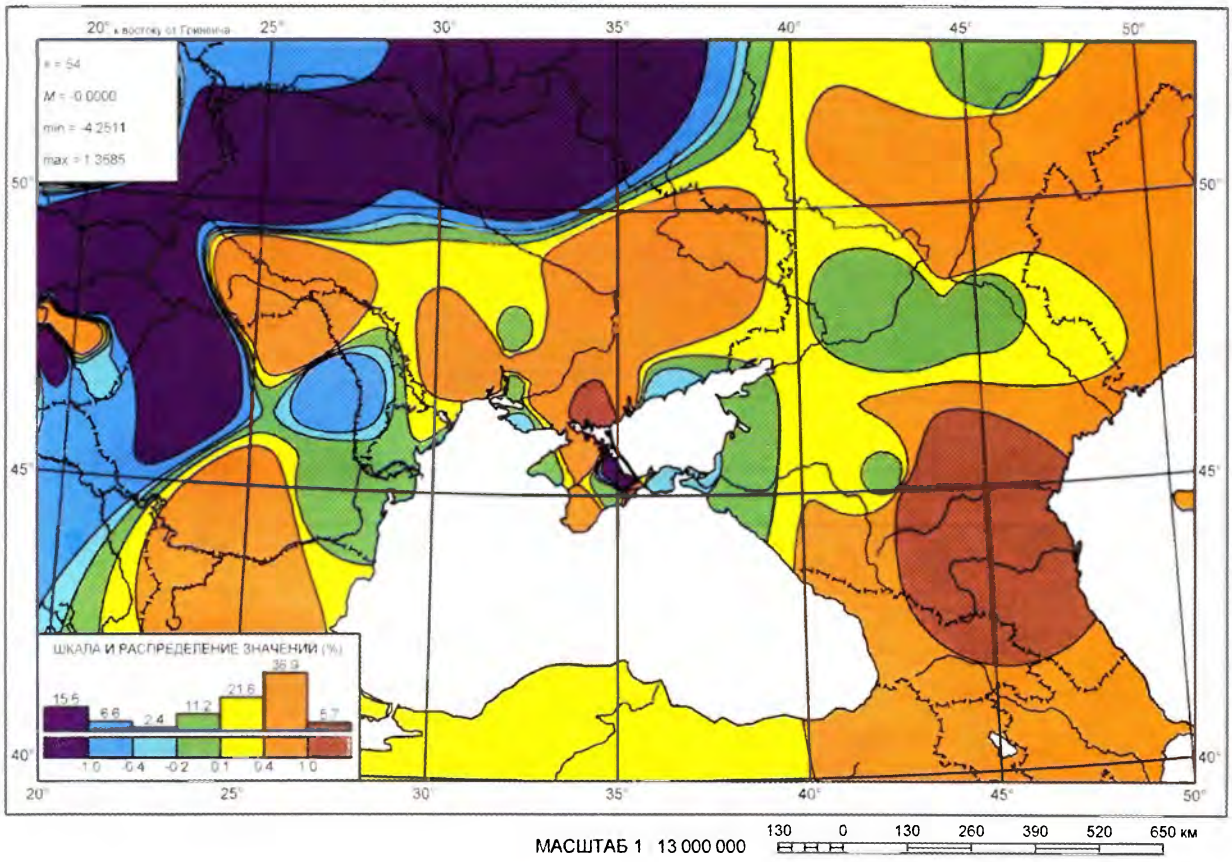
к.33



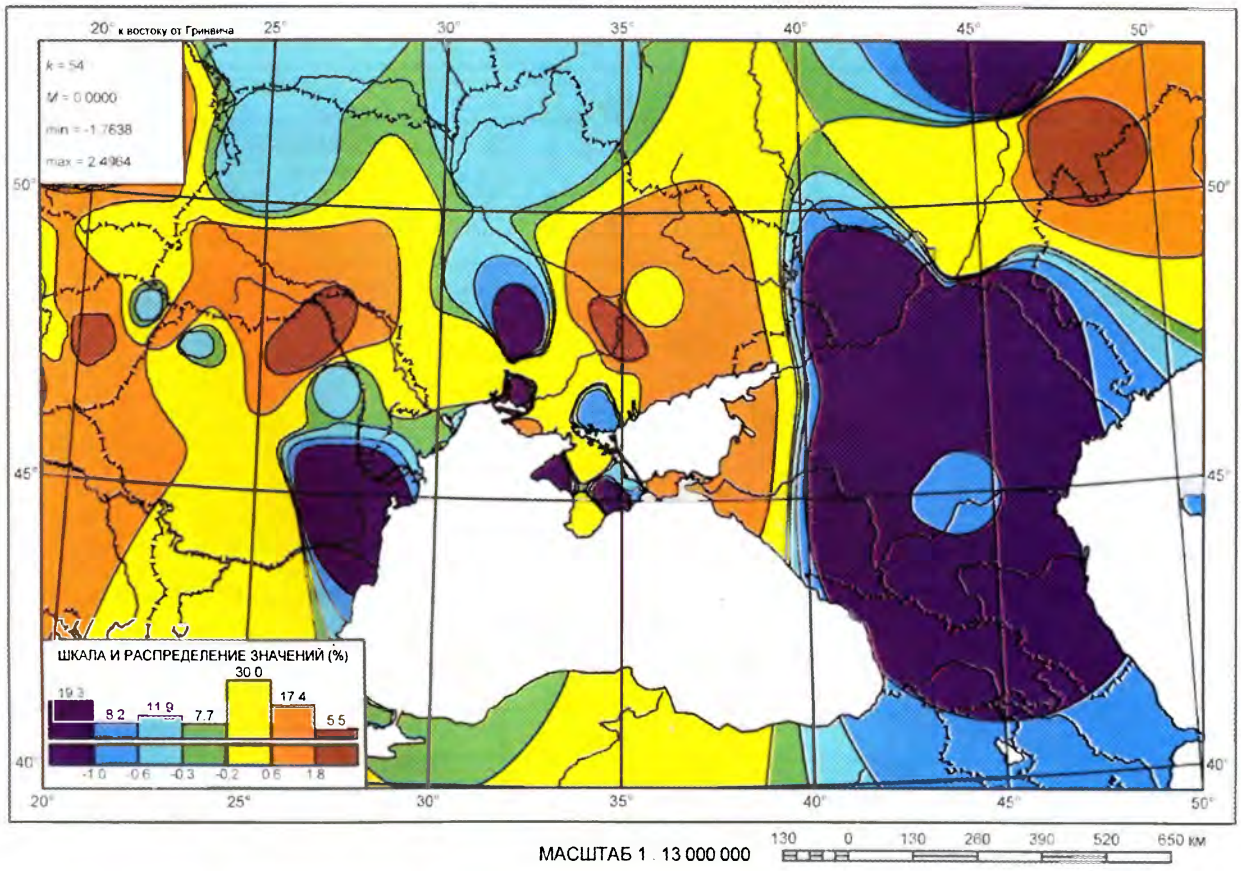
к.34

Карта 33. Распространение изделий полихромного стиля первой стилистической группы (по материалам И.П.Засецкой, 1994, 1996)

Карта 34. Распространение изделий полихромного стиля третьей стилистической группы (по материалам И.П.Засецкой, 1994, 1996)



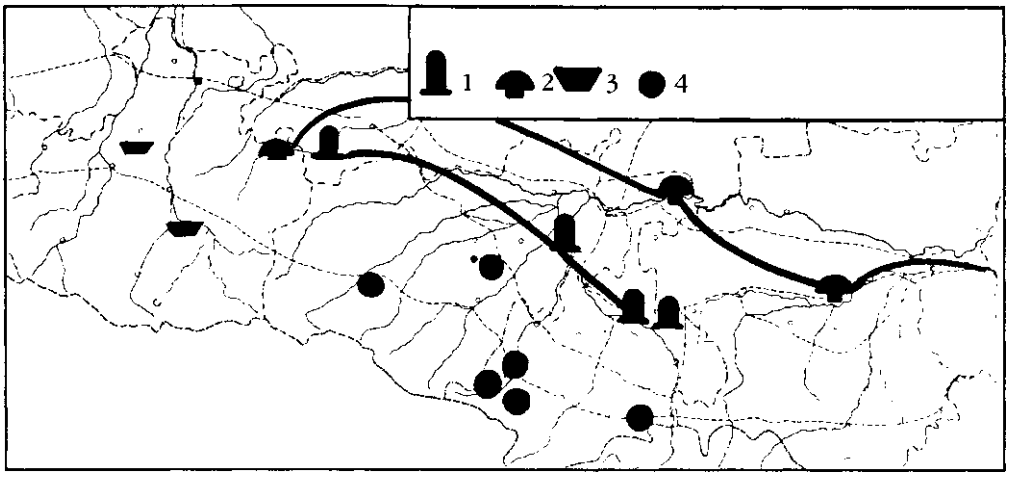
к.35



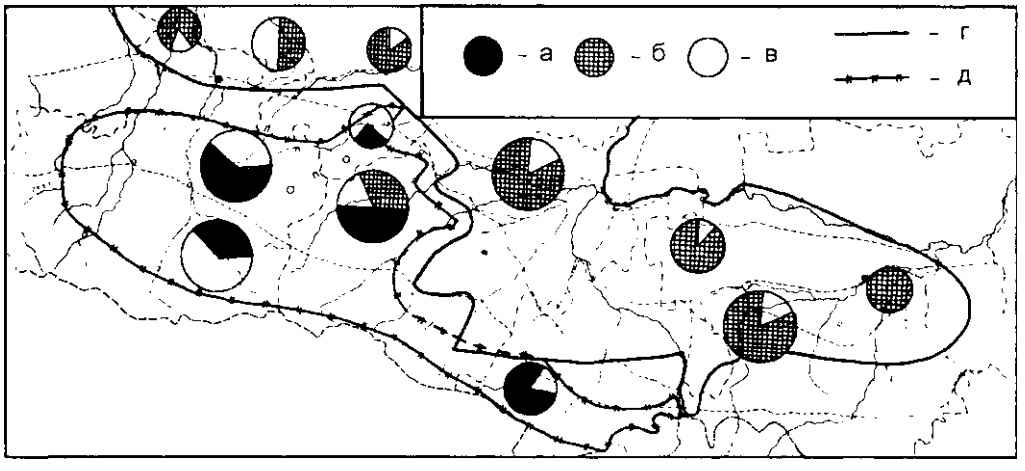
к.36

Карта 35. Первая главная компонента изменчивости распространения изделий полихромного стиля в Восточной Европе (по материалам И.П.Засецкой, 1994, 1996)

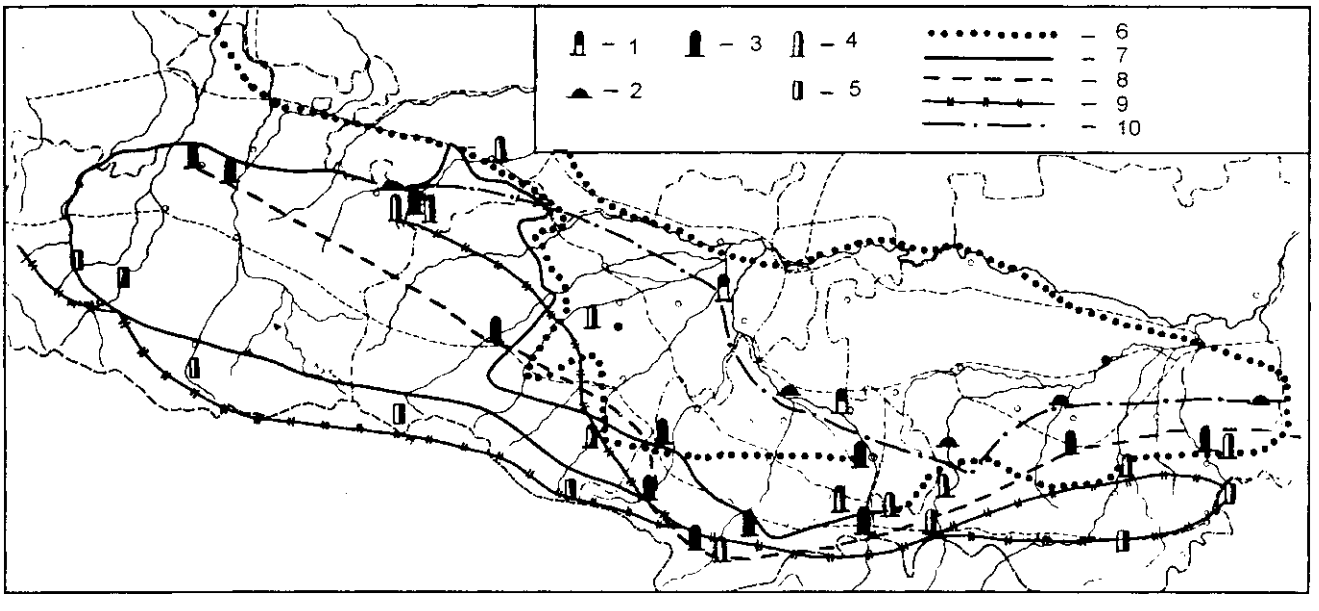
Карта 36. Вторая главная компонента изменчивости распространения изделий полихромного стиля в Восточной Европе (по материалам И.П.Засецкой, 1994, 1996)



к.37



к.38

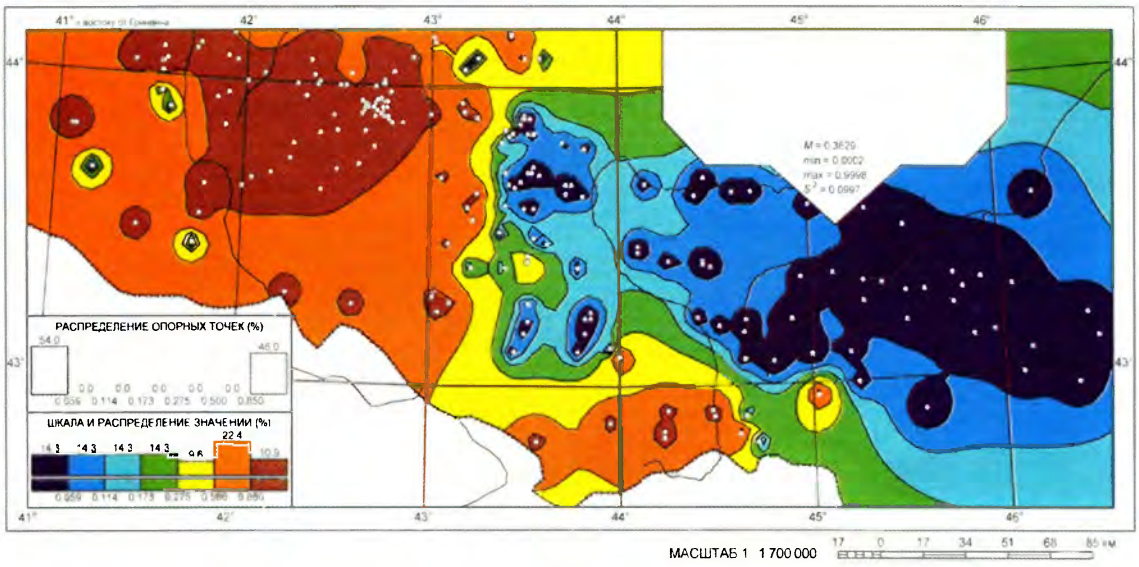


к.39

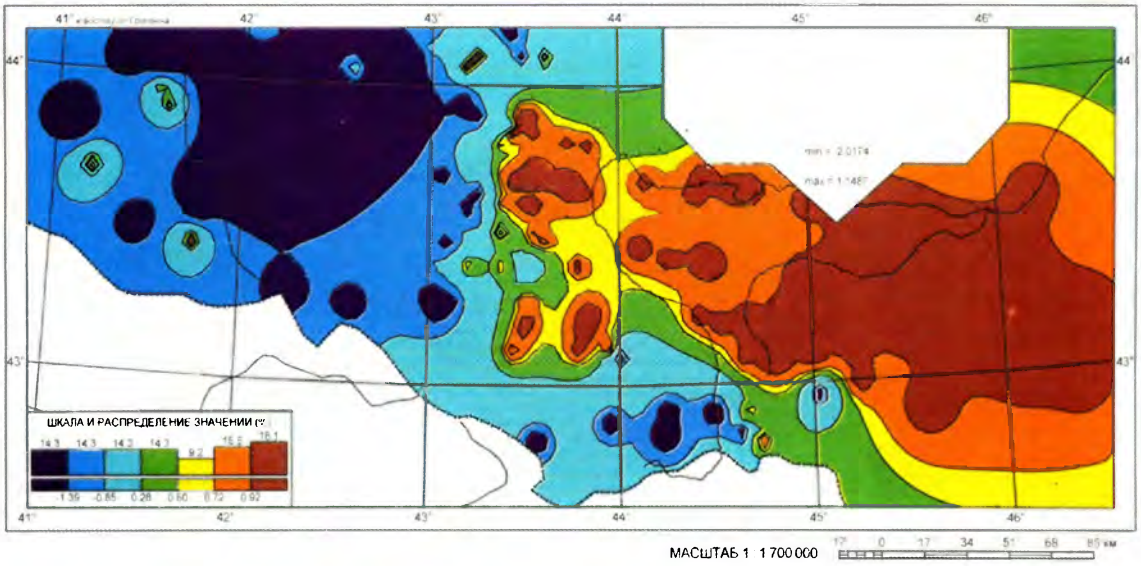
Карта 37. Могильники и случайные находки V в.: 1 – грунтовые катакомбы, 2 – подкурганные катакомбы, 3 – грунтовые погребения, 4 – случайные находки

Карта 38. Соотношение разного типа поселений в связи с геоморфологическими зонами Центрального Предкавказья: а – «каменные крепости», б – «земляные городища», в – «неукрепленные поселения», г – граница ареала «земляных городищ», д – граница ареала «каменных крепостей»

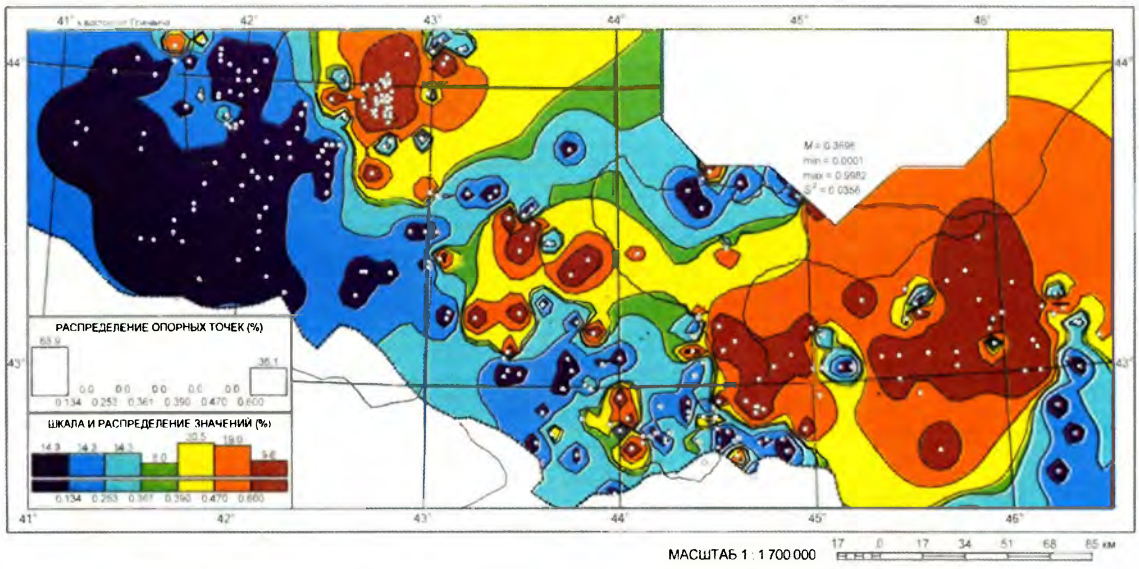
Карта 39. Ареалы подкурганных катакомб (1, 10), курганов (2), катакомб (3, 4, 8), скальных захоронений (5, 9), «земляных городищ» (6) и «каменных крепостей» (7) IV–IX вв.



к.40



к.41

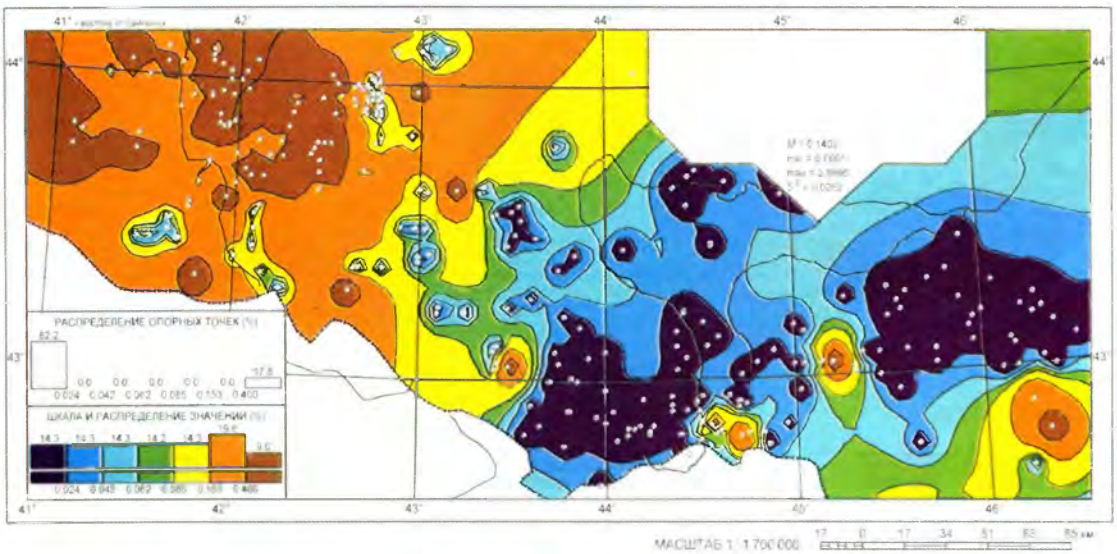


к.42

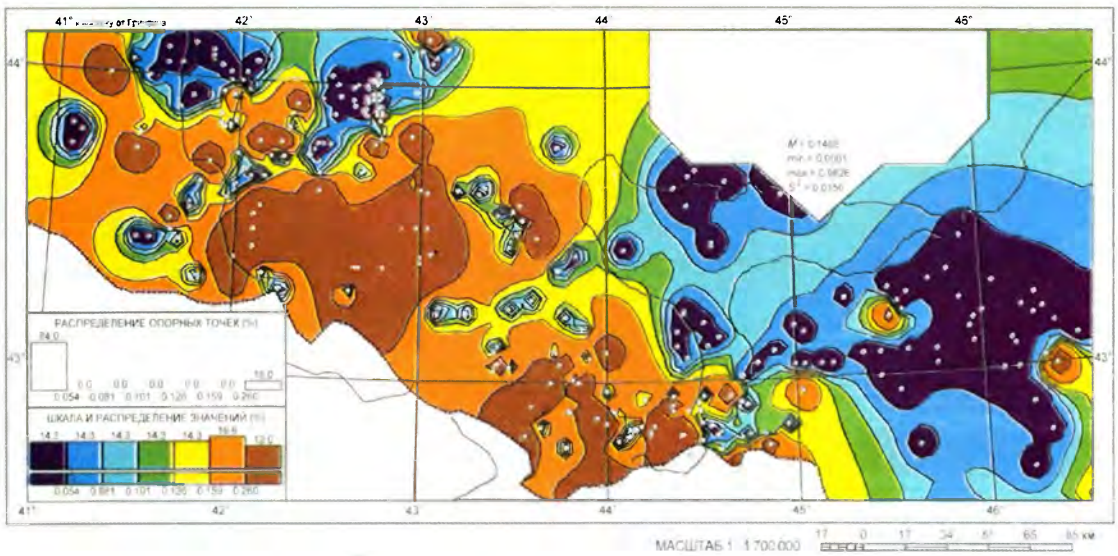
Карта 40. Распространение «каменных крепостей» VI–IX вв. Центрального Предкавказья

Карта 41. 1 главная компонента изменчивости распространения поселений («земляных городищ» и «каменных крепостей») I тыс. н.э.

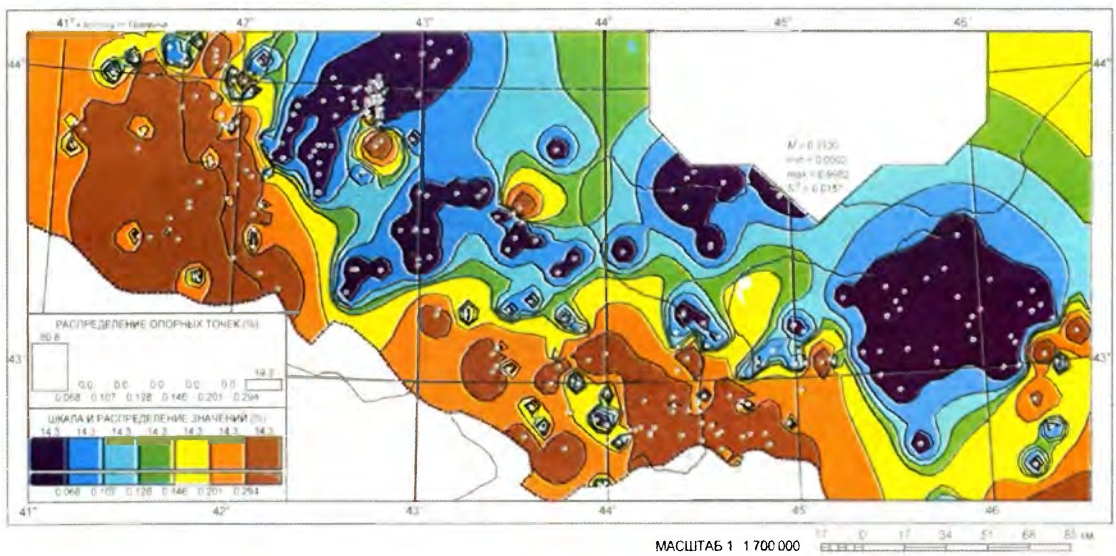
Карта 42. Распространение грунтовых катакомб VI-IX вв. Центрального Предкавказья.



к.43

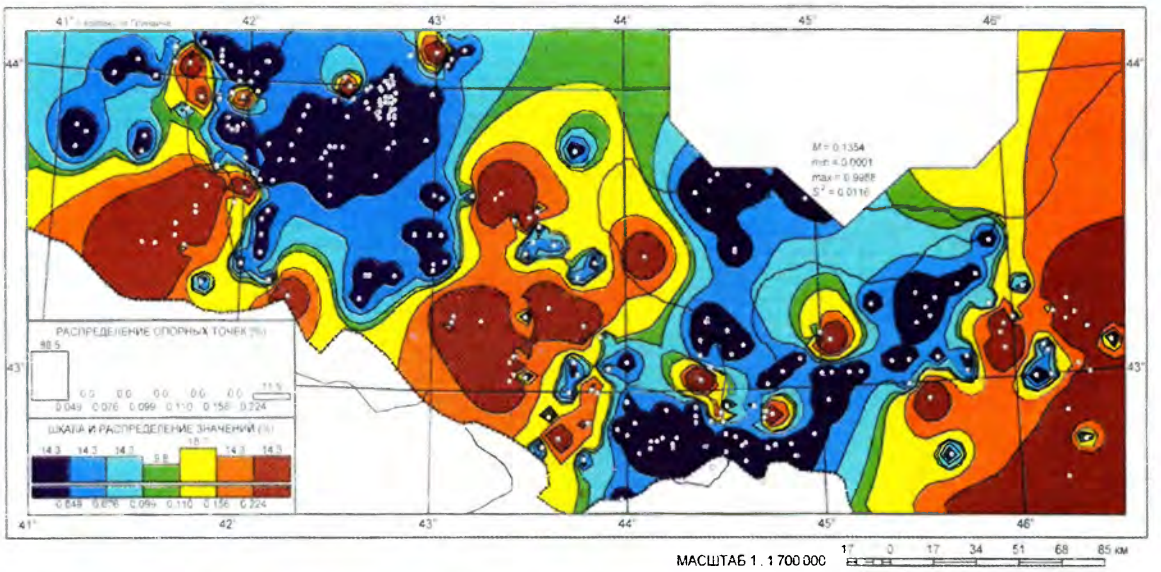


к.44

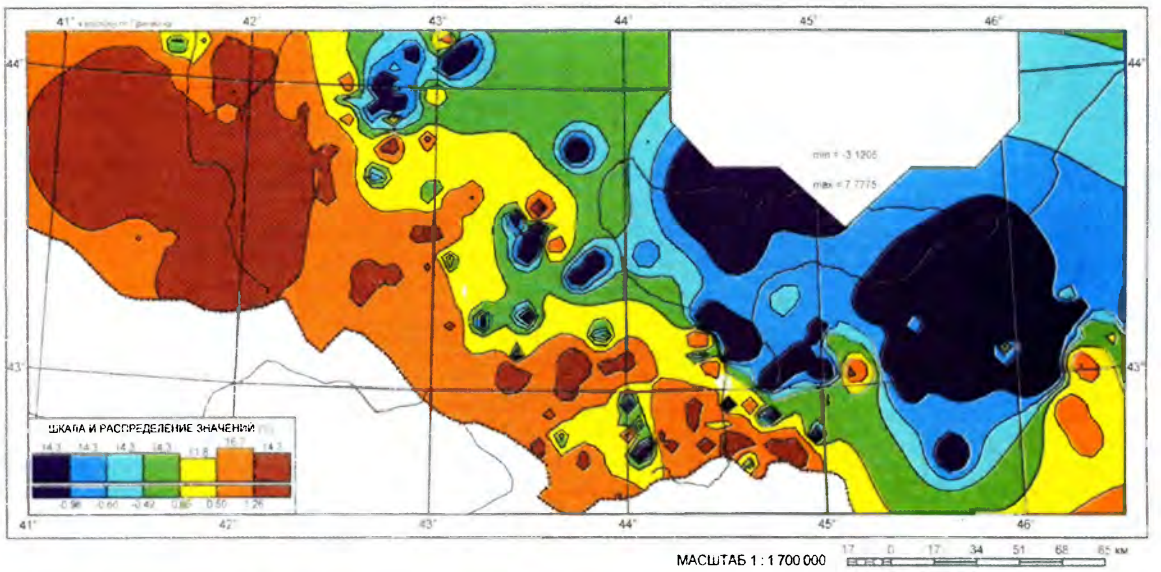


к.45

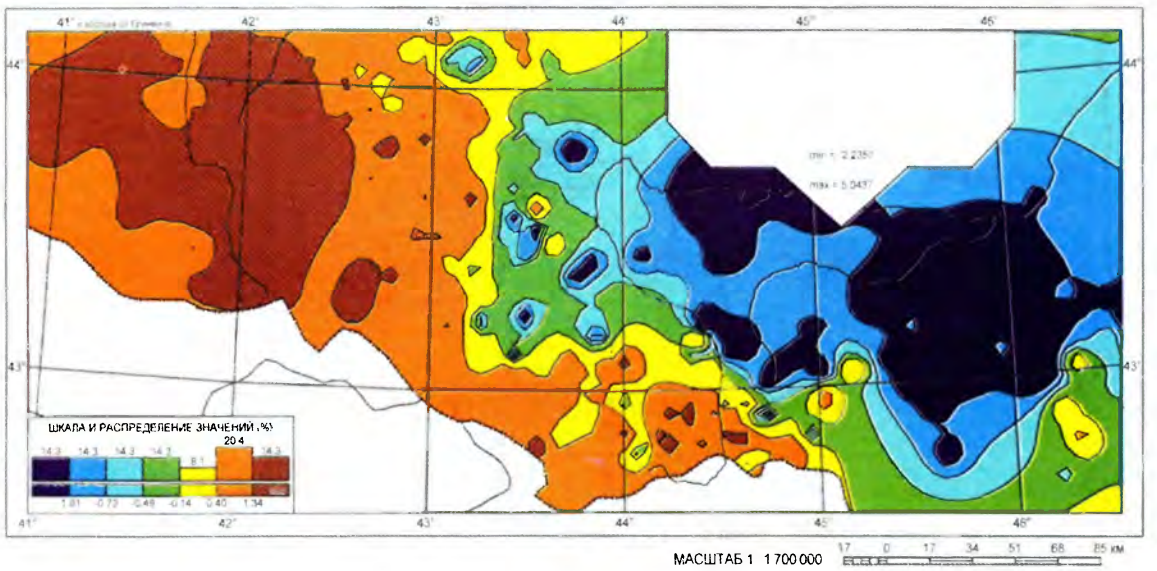
Карта 43. Распространение скальных захоронений VII–IX вв. Центрального Предкавказья
Карта 44. Распространение подземных склепов VII–IX вв. Центрального Предкавказья
Карта 45. Распространение каменных гробниц VI–IX вв. Центрального Предкавказья



к.46



к.47

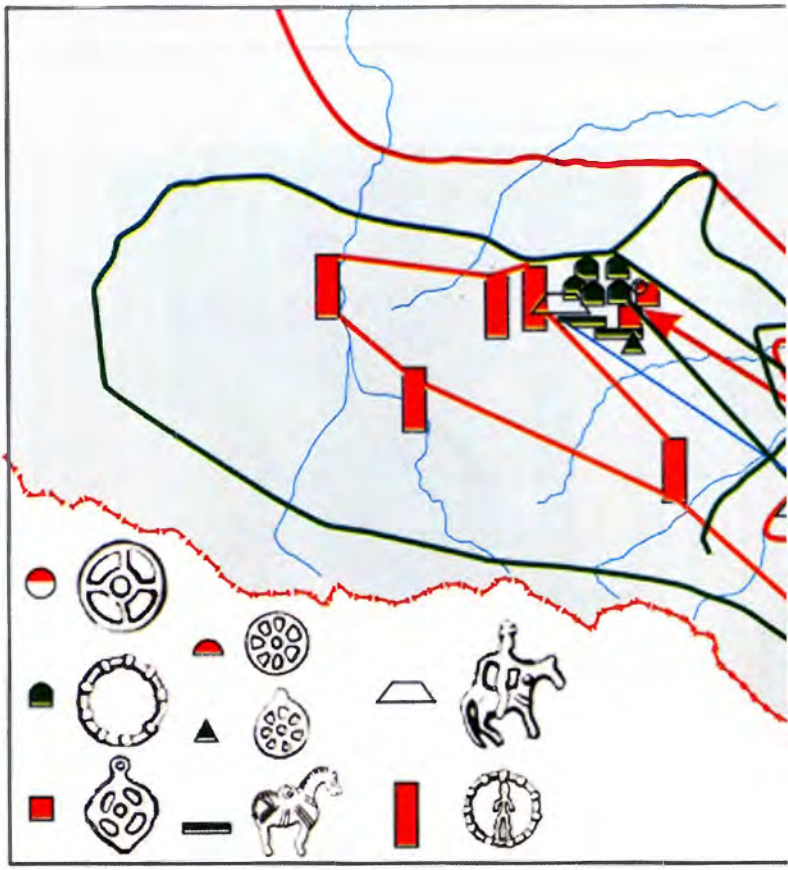


к.48

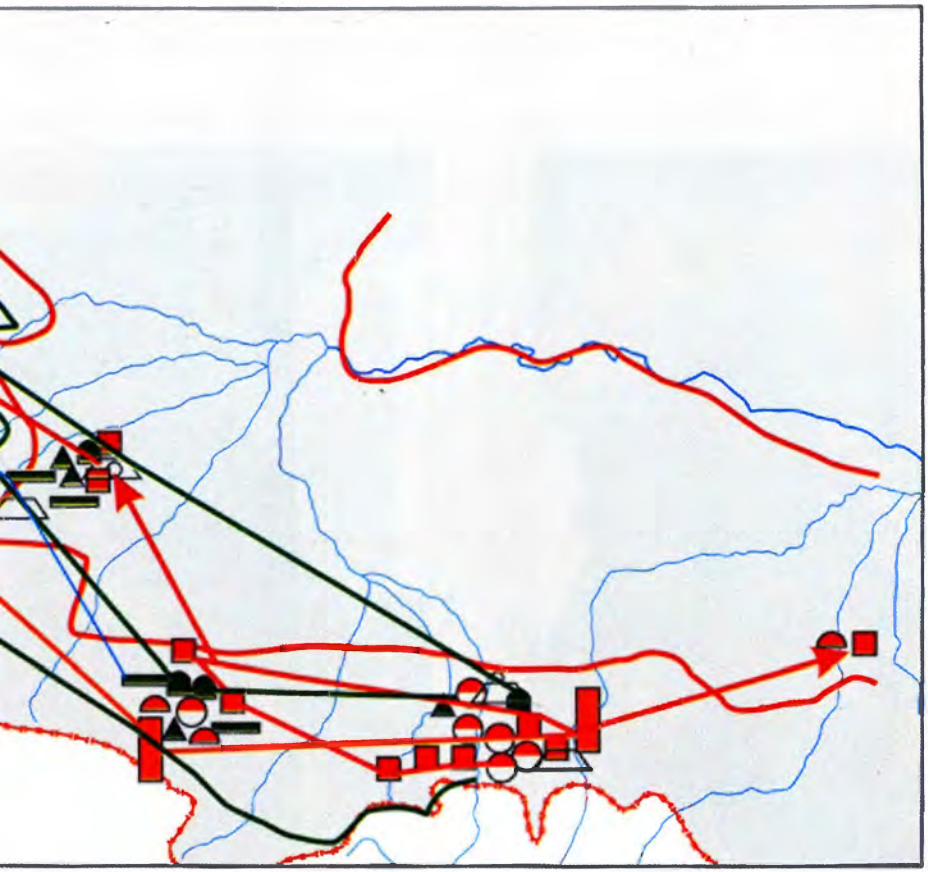
Карта 46. Распространение грунтовых погребений VI–IX вв. Центрального Предкавказья

Карта 47. 1 главная компонента изменчивости распространения разного типа погребальных сооружений VI–IX вв. Центрального Предкавказья

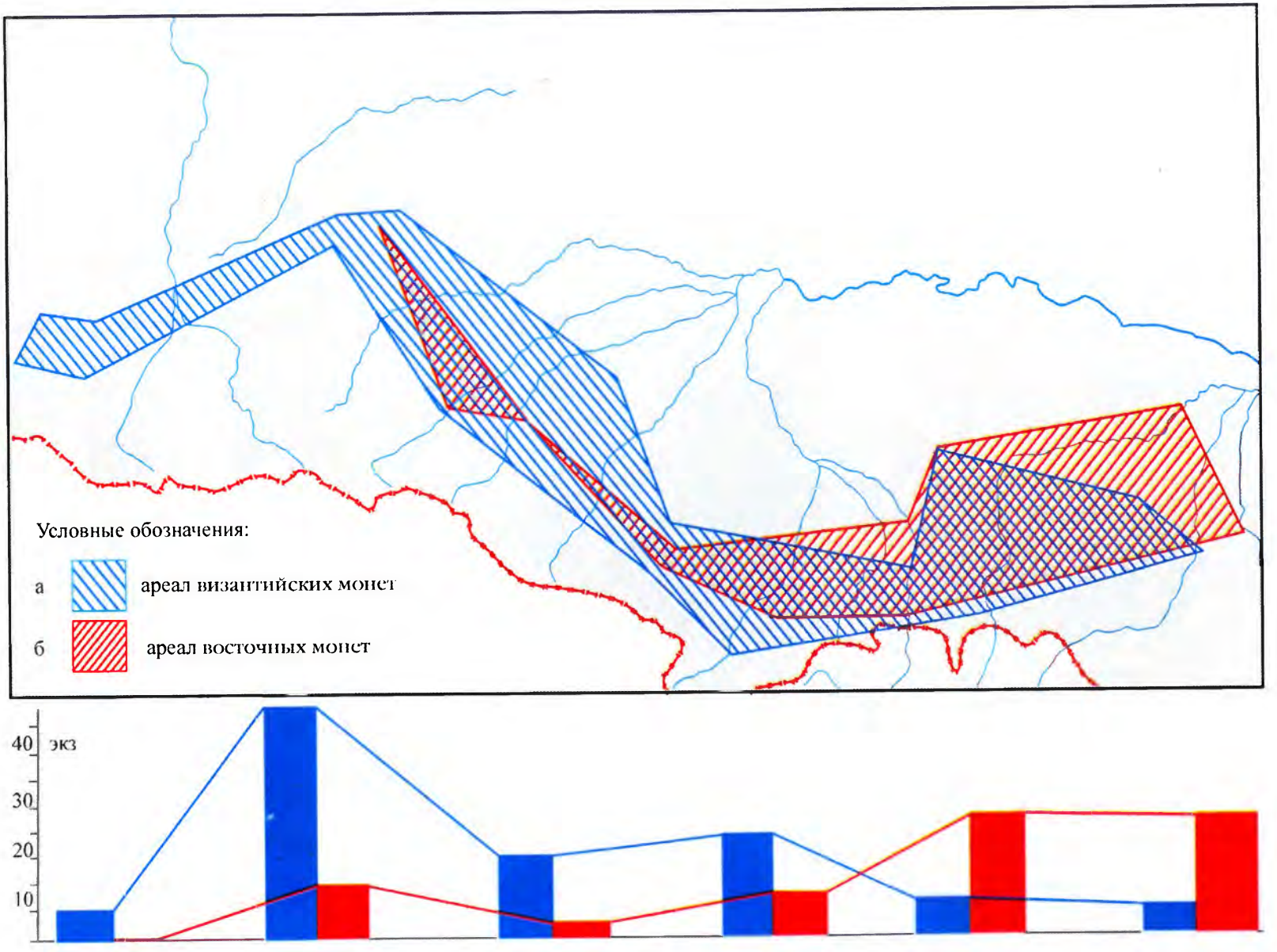
Карта 48. 1-я главная компонента изменчивости распространения разных типов поселений и погребальных сооружений IV–IX вв. Центрального Предкавказья



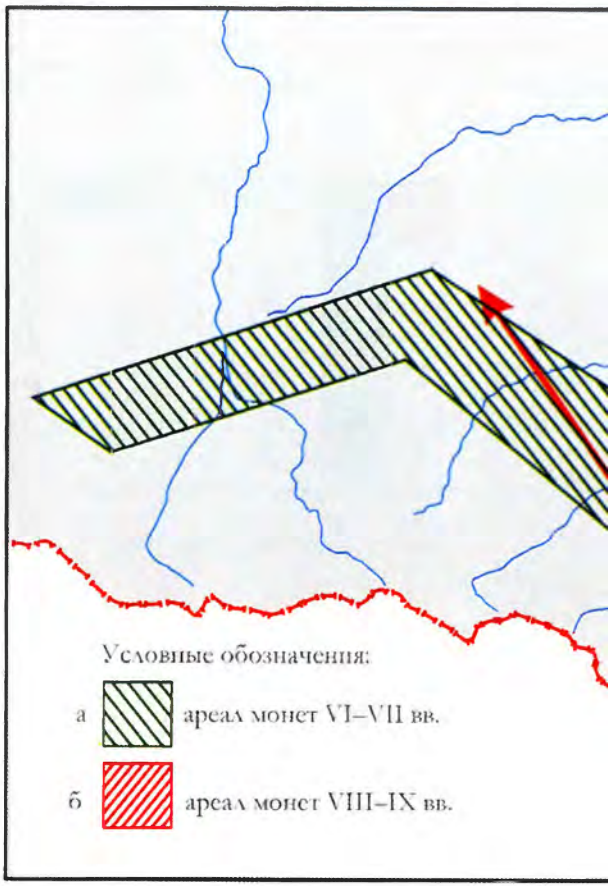
Карта 49. Ареалы монет IV–IX вв.: а – западных монет, б – распределения по направлению запад-восток



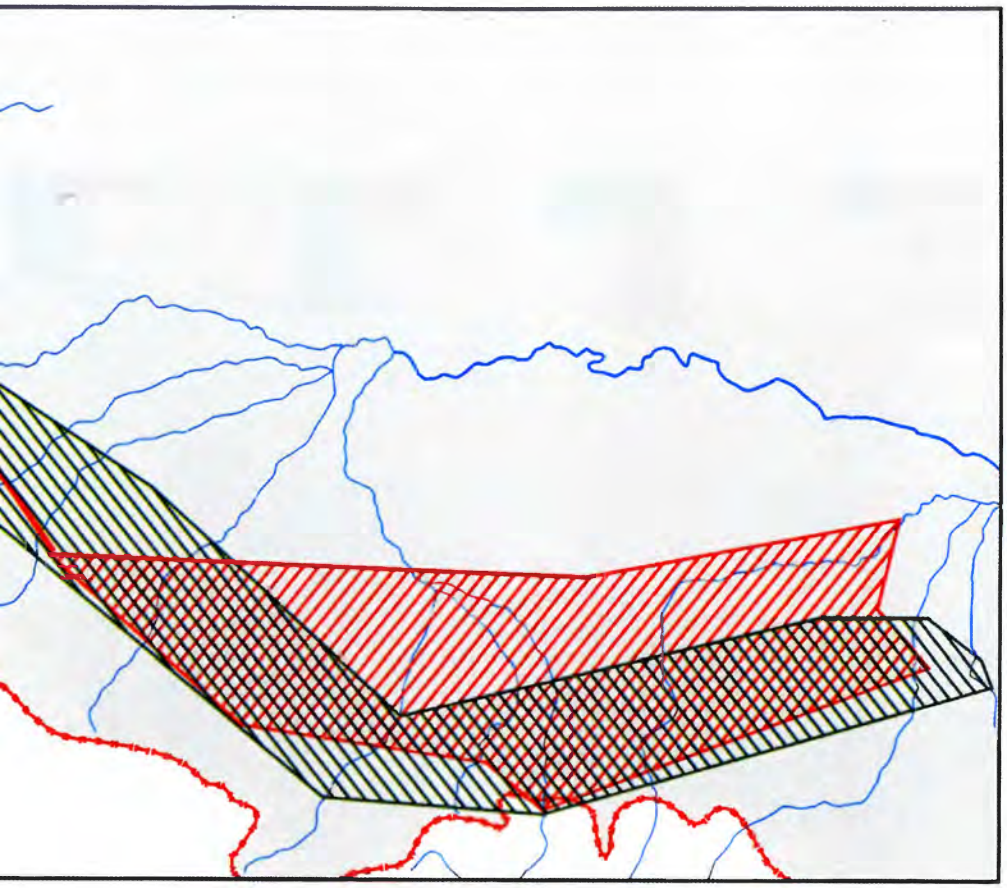
восточных монет, гистограммы и кривые



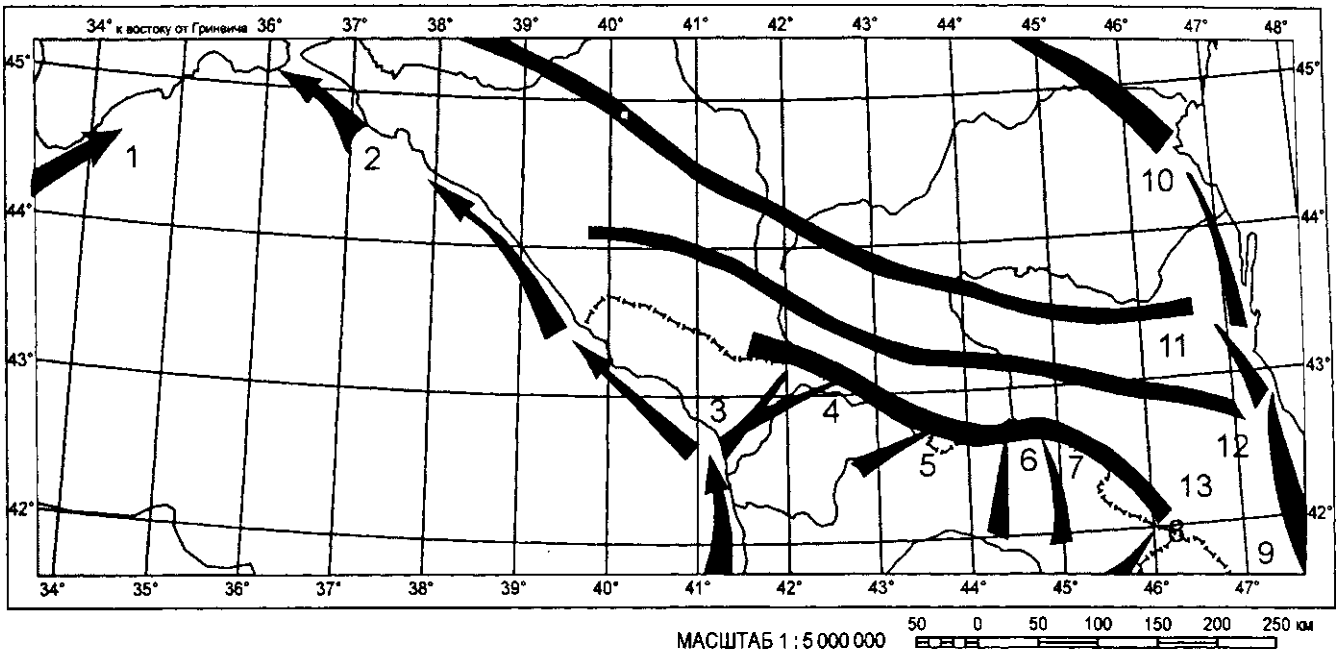
Карта 50. Ареалы монет IV–IX вв.: а – византийских монет, б – восточных монет



Карта 51. Карта монетных находок по векам: (а) –



- VI–VII вв., (б) – VIII–IX вв.



Карта 52. Основные пути Кавказа V–IX вв. (построены по 53 картам распространения сердоликовых бус – в скобках указано количество карт): 1 – западный понтийский (из Константинополя, 9), 2 – восточный понтийский (через Трапезунд, 22), 3 – Великий Шелковый путь (через Клухор, 11), 4 – Великий Шелковый путь (через Донгуз-Орун, 4), 5 – Центрально-Кавказский (через Мамисон, 20), 6 – Центрально-Кавказский (через Дар-и-Алан, 20), 7 – Центрально-Кавказский (в Ичкерию, 7), 8 – Восточно-Кавказский, горный (в Дагестан, 25), 9 – Прикаспийский (через Дербент, 25), 10 – степные широтные (19), 11 – равнинные (Терско-Кумско-Кубанские, 9), 12 – среднегорные (10), 13 – высокогорные (вдоль Большого Кавказа).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия
АПФГ – Археологические памятники феодальной Грузии
АСГЭ – Археологический сборник Гос. Эрмитажа
ВВ – Византийский Временник
ВДИ – Вестник Древней Истории
ВИ – Вопросы истории
ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ЗАО – Записки археологического общества
ИАК – Известия Археологической Комиссии
ИАРАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК – Институт истории материальной культуры
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КЭС – Кавказский этнографический сборник
МАД – Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края
НИИ – Научно-исследовательский институт
ОИПК – Отдел истории первобытной культуры
ПАВ – Петербургский археологический вестник
РА – Российская археология
СА – Советская Археология
САИ – Свод археологических источников
СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет
СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
СЭ – Советская этнография
ТОВГЭ – Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
ЧИНИИИЯЛ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
AH – Arkhaeologia Hungarica
BAR – British Archaeological Reports

Оглавление

Введение ... 3

ГЛАВА I. Методические аспекты исследования ... 7

§ 1. Разработка вопросов изучения археологической культуры, культурных традиций и инноваций ... 7

§ 2. Проблемы датирования ... 11

ГЛАВА II. Географические представления о Кавказе древних и современных авторов и компьютерное картографирование ... 15

ГЛАВА III. Кавказ в I тыс. до н.э. и проблемы этногенеза ... 43

§ 1. Локальные варианты и традиции домостроительства ... 43

§ 2. Исторические свидетельства о событиях на Кавказе в I тыс. до н.э. ... 50

§ 3. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен ... 55

ГЛАВА IV. Появление и ранняя история сармато-алан на Северном Кавказе ... 67

§ 1. Сарматы и местные племена во второй половине I тыс. до н.э. ... 67

§ 2. Выход алан на историческую арену ... 72

§ 3. Гунны и аланы в степях и на Кавказе в IV-V вв. н.э. ... 85

ГЛАВА V. Центральное Предкавказье во второй половине I тыс. н.э. ... 101

§ 1. Письменные источники о событиях VI–IX вв. ... 101

§ 2. Основные бытовые памятники и история их изучения ... 116

§ 3. Могильники Центрального Предкавказья ... 135

Катакомбные могильники ... 151

Скальные захоронения и склепы ... 166

Каменные гробницы и грунтовые погребения ... 169

Заключение ... 176

Литература ... 181

Приложение 1. Список памятников к археологической карте Центрального Предкавказья IV–IX вв. ... 213

Приложение 2. Археолого-географическая база данных типов могильных сооружений VIII–V вв. до н.э. Северного Кавказа ... 221

Приложение 3. Археолого-географическая база данных акинаков VII–V вв. до н.э. по таксономическим группам и регионам ... 226

Приложение 4. Частоты каменных бус по векам. Крым, Кавказ. Типы и % погребений ... 227

Приложение 5. База данных бус могильника Верхний Чир-Юрт (по погребениям) ... 229

Приложение 6. База данных инвентаря могильника Верхний Чир-Юрт ... 233

Иллюстрации. Археологические материалы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. ... 235

Карты распространения археологических материалов I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. ... 361

Список сокращений ... 396

Научное издание

Вера Борисовна Ковалевская

КАВКАЗ – СКИФЫ, САРМАТЫ, АЛАНЫ I ТЫС. ДО Н.Э. – I ТЫС. Н.Э.

Отредактировано и подготовлено к печати в Объединенном научно-техническом издательстве
Пущинского научного центра РАН

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК–005–93, том 2, 953000 – книги и брошюры

Редакторы *С.Я.Гудкова, Р.Г.Цветницкая.* Технический редактор *М.В.Михайлевич.*
Художественный редактор *В.М.Рудакова.* Корректор *В.Н. Губровина.*
Компьютерная верстка *Н.А.Овчинников.*

Подписано в печать 30.06.05 г. Формат 60×90/8. Гарнитура Garamond.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Уч.-изд. л. 50,8. Усл.-печ.л. 50,0. Усл. кр.-отт. 54,0.
Тир. 500 экз. Зак. 10224Р. Изд. № 80.

Отпечатано в Объединенном научно-техническом издательстве
Пущинского научного центра РАН.
142290, г. Пущино Московской обл., проспект Науки, 3. ОНТИ.